

**Академическая
археология
на берегах Невы**

*Посвящается
95-летию Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

*Dedicated to
the 95th anniversary of the Institute for the History of
Material Culture of the Russian Academy of Sciences*

1992

1936

1939

RUSSIAN ACADEMY FOR SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

**ACADEMIC
ARCHAEOLOGY
ON THE BANKS OF THE NEVA**

(from RAHMC to IHMC RAS, 1919–2014)

St. Petersburg
2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ
НА БЕРЕГАХ НЕВЫ**

(от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.)

С.-Петербург
2013

ББК 26.3

Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013. 416 с., 88 ил.

Academic archaeology on the banks of the Neva (from RAHMC to IHMC RAS, 1919–2014). St. Petersburg: «DMITRY BULANIN», 2013. 416 p., 88 il.

ISBN 978-5-86007-764-5

Ответственный редактор-составитель: чл.-корр. РАН Е. Н. Носов
Compiler and Editor-in-Chief: Corresponding member of RAS E. N. Nosov

Коллектив авторов:

Е. Н. Носов, С. А. Васильев, В. Я. Шумкин, В. Е. Щелинский, В. А. Алёшкин, Ю. А. Виноградов,
Н. И. Платонова, А. Н. Кирпичников, Н. Ф. Соловьёва, Г. И. Зайцева, А. Н. Егорьков, Г. В. Длужневская,
Р. Ш. Левина (†), Л. М. Всевиов, Е. В. Бобровская, Н. В. Хвошинская, Л. Б. Кирчо

Authors:

E. N. Nosov, S. A. Vasiliev, V. Ya. Shumkin, V. E. Shchelinsky, V. A. Alekshin, Yu. A. Vinogradov,
N. I. Platonova, A. N. Kirpichnikov, N. F. Solovieva, G. I. Zaitseva, A. N. Egor'kov, G. V. Dluzhnevskaya,
R. Sh. Levina (†), L. M. Vseviiov, E. V. Bobrovskaya, N. V. Khvoshchinskaya, L. B. Kircho

Подготовка к изданию:

Л. Б. Кирчо (координатор), В. Я. Стёганцева (редактирование и обработка иллюстраций),
С. В. Белецкий, Е. В. Бобровская, Л. Б. Вишняцкий (перевод), Г. А. Кузнецова

Editorial preparation:

L. B. Kircho (coordinator), V. Ya. Stegantseva (graphic editor),
S. V. Beletsky, E. V. Bobrovskaya, L. B. Vishnyatsky (translation), G. A. Kuznetsova

Эта книга об Институте истории материальной культуры РАН и его предшественниках, начиная с Российской Академии истории материальной культуры, их структурных подразделениях и коллективах. Авторы постарались осветить не только основные направления научно-исследовательской деятельности и полевых археологических работ Академии и Института, но и передать непростую, временами трагическую судьбу многих выдающихся ученых и рядовых сотрудников. В книге ярко показаны этапы развития академической археологической науки Петрограда/Ленинграда/Санкт-Петербурга в 1919–2014 гг., основанные на отечественных традициях научного поиска.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музеоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The volume is devoted to the Institute for the History of Material Culture RAS and its predecessors, starting with the Russian Academy for the History of Material Culture. It tells about their structural subdivisions and staff members. The authors tried not only to elucidate the main directions of the Institute's and Academy's research activities and field explorations, but also to narrate complex and sometimes tragic fates of many outstanding scholars and rank-and-file employees. The book highlights the development of academic archaeology in Petrograd-Leningrad-St. Petersburg in 1919–2014, which was based on the indigenous traditions of scientific inquiry.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museologists and students specializing in history.

На обложке: Новомихайловский дворец, арх. А. И. Штакеншнейдер (Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18) – здание, где в 1937–1938 гг. и с 1949 г. располагается ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН.

Front: Novo-Mikhailovsky palace, architect A. I. Shtakensneider (St. Petersburg, Dvortsovaya naberezhnaya 18) – the building where the Institute has been residing in 1937–1938 and since 1949.

ISBN 978-5-86007-764-5

© Институт истории материальной культуры РАН, 2013
© Коллектив авторов, 2013
© Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение: ИИМК РАН на волнах истории... (Е. Н. Носов)	9
Глава 1. Председатели Академии, директора Института и заведующие Ленинградским отделением, их заместители (товарищи председателя) и ученые секретари	15
Николай Яковлевич Марр (Н. И. Платонова).....	15
Александр Александрович Васильев (В. А. Алёшкин).....	18
Фёдор Васильевич Кипарисов (Н. И. Платонова).....	19
Отто Оскарович Крюгер (Ю. А. Виноградов).....	23
Иосиф Абгарович Орбели (В. А. Алёшкин).....	24
Михаил Илларионович Артамонов (Н. И. Платонова).....	25
Сергей Александрович Жебелёв (Ю. А. Виноградов).....	27
Сергей Николаевич Бибиков (В. А. Алёшкин)	28
Сергей Иванович Ковалёв (В. А. Алёшкин).....	30
Владислав Иосифович Равдоникас (Н. И. Платонова)	31
Пётр Николаевич Третьяков (Н. И. Платонова).....	35
Алексей Павлович Окладников (Н. И. Платонова).....	36
Михаил Михайлович Дьяконов (В. А. Алёшкин).....	37
Борис Борисович Пиотровский (В. А. Алёшкин)	39
Михаил Константинович Каргер (Н. И. Платонова).....	41
Валентин Павлович Шилов (В. А. Алёшкин)	43
Василий Прокофьевич Любин (В. А. Алёшкин).....	44
Нина Николаевна Гурина (В. А. Алёшкин).....	45
Вадим Михайлович Массон (В. А. Алёшкин).....	46
Евгений Николаевич Носов (В. А. Алёшкин).....	48
Товарищи председателя Академии, заместители директоров по научной работе и ученые секретари Института (Л. Б. Кирчо).....	51
Глава 2. Отдел палеолита (С. А. Васильев, В. Я. Шумкин).....	53
Глава 3. Экспериментально-трасологическая лаборатория: предыстория, становление и развитие, нынешние реалии (В. Е. Щелинский).....	83
Глава 4. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа (В. А. Алёшкин).....	100
Глава 5. Отдел истории античной культуры (Ю. А. Виноградов)	160
Глава 6. Отдел славяно-финской археологии: история и ученые (Н. И. Платонова, А. Н. Киртичников)	191

Глава 7. Отдел охранной археологии (<i>Н. Ф. Соловьёва</i>).....	243
Глава 8. Лаборатория археологической технологии и ее радиоуглеродная группа: история создания и современное состояние (<i>Г. И. Зайцева</i>)	261
Глава 9. Спектральный анализ археологического материала в ИИМК РАН (<i>А. Н. Егорьков</i>).....	280
Глава 10. Научный архив ИИМК РАН: история архива и хранители «вечности» (<i>Г. В. Длужневская</i>)	292
Глава 11. Из истории библиотеки ИИМК РАН (<i>Р. Ш. Левина</i> †, <i>Л. М. Всевиов</i>).....	318
Приложение: Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛОИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН (<i>Е. В. Бобровская, В. А. Алёшкин</i>).....	327
Не наукой единой (<i>Н. В. Хвоцинская</i>).....	401
Список сокращений.....	408

CONTENTS

Introduction: IHMC RAS on the waves of history... (<i>E. N. Nosov</i>).....	9
Chapter 1. Chairmen of the Academy, directors of the Institute, and heads of the Leningrad Branch, their deputies (vice-chairmen) and academic secretaries	15
Nikolay Yakovlevich Marr (<i>N. I. Platonova</i>)	15
Alexandr Alexandrovich Vasiliev (<i>V. A. Alekshin</i>)	18
Fedor Vasilievich Kiparisov (<i>N. I. Platonova</i>)	19
Otto Oskarovich Kruger (<i>Yu. A. Vinogradov</i>)	23
Iosif Abgarovich Orbeli (<i>V. A. Alekshin</i>).....	24
Mikhail Illarionovich Artamonov ((<i>N. I. Platonova</i>)).....	25
Sergey Alexandrovich Zhebelev (<i>Yu. A. Vinogradov</i>).....	27
Sergey Nikolaevich Bibikov (<i>V. A. Alekshin</i>).....	28
Sergey Ivanovich Kovalev (<i>V. A. Alekshin</i>).....	30
Vladislav Iosifovich Ravdonikas ((<i>N. I. Platonova</i>)).....	31
Petr Nikolaevich Tretiakov (<i>N. I. Platonova</i>).....	35
Alexey Pavlovich Okladnikov (<i>N. I. Platonova</i>).....	36
Mikhail Mikhailovich Diakonov (<i>V. A. Alekshin</i>)	37
Boris Borisovich Piotrovsky (<i>V. A. Alekshin</i>).....	39
Mikhail Konstantinovich Karger (<i>N. I. Platonova</i>)	41
Valentin Pavlovich Shilov (<i>V. A. Alekshin</i>)	43
Vasiliy Prokofievich Liubin (<i>V. A. Alekshin</i>)	44
Nina Nikolaevna Gurina (<i>V. A. Alekshin</i>).....	45
Vadim Mikhailovich Masson (<i>V. A. Alekshin</i>)	46
Evgeniy Nikolaevich Nosov (<i>V. A. Alekshin</i>).....	48
Vice-chairmen of the Academy, deputy directors and academic secretaries of the Institute (<i>L. B. Kircho</i>).....	51
Chapter 2. Department of Paleolithic Archaeology (<i>S. A. Vasisliev, V. Ya. Shumkin</i>)	53
Chapter 3. Experimental-Traceological Laboratory: its prehistory, formation, development and present situation (<i>V. E. Shchelinsky</i>).....	83
Chapter 4. Department of Archaeology of Central Asia and Caucasus (<i>V. A. Alekshin</i>)	100
Chapter 5. Department of the History of Classical Culture (<i>Yu. A. Vinogradov</i>)	160
Chapter 6. Department of Slavonic and Finnish Archaeology (<i>N. I. Platonova,</i> <i>A. N. Kirpichnikov</i>).....	191

Contents

Chapter 7. Department of Protective Archaeology (<i>N. F. Solovieva</i>).....	243
Chapter 8. Laboratory of Archaeological Technology: history of its creation and present situation (<i>G. I. Zaitseva</i>).....	261
Chapter 9. Spectrum analysis of archaeological materials in IHMC RAS (<i>A. N. Egor'kov</i>)	280
Chapter 10. Academic archive of IHMC RAS: history of the archive and the keepers of «eternity» (<i>G. V. Dzhzhnevskaya</i>).....	292
Chapter 11. From the history of the Library of IHMC RAS (<i>R. Sh. Levina†, L. M. Vsevirov</i>)	318
Appendix: Staff members of RAHMC/SAHMC/IHMC AS USSR/LBIHMC AS USSR/LBIA AS USSR/IHMC RAS (<i>E. V. Bobrovskaya, V. A. Alekshin</i>)	327
Not by science alone (<i>N. V. Khvoshchinskaya</i>)	401
List of abbreviations	408

Введение: ИИМК РАН НА ВОЛНАХ ИСТОРИИ...

Е. Н. Носов

Истоки первого государственного археологического учреждения Российской империи восходят к середине XIX в. Именно тогда, в 1859 г., на гребне крупных экономических, политических и общественных преобразований в жизни страны, вызванных болезненным для нации поражением в Крымской войне, показавшим всю слабость и несовершенство существовавшей государственной системы и структур управления, указом императора Александра II была создана Императорская Археологическая комиссия (ИАК). Появилось государственное учреждение, на которое была возложена ответственность за сбережение памятников отечественной истории и культуры, собирание и пополнение древностями отечественных музеев, выдачу разрешений на археологические раскопки и т. д. Необходимость сохранения памятников отечественной старины была поддержана царствующим домом, а присвоение созданной Археологической комиссии титула «Императорская» придало ей особый статус и авторитет в обществе. Всем этим подчеркивалось, что Россия – это не только великая страна с глубоким и славным прошлым, но и нация, заботящаяся о его сохранении для будущих поколений. Вся многогранная деятельность ИАК убедительно свидетельствует, что именно она, в своей основе, стояла у истоков зарождения системы и структуры охраны древностей в стране, выработки принципов подхода к их сохранению, реставрации и научному изучению.

К 150-летию образования ИАК в 2009 г. ИИМК РАН было подготовлено и издано под общей редакцией Е. Н. Носова юбилейное исследование, посвященное ее истории. В этой работе приняли участие, в основном, сотрудники Института – Н. А. Белова, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Г. В. Длужневская, Т. А. Ершова, Л. Б. Кирчо, Н. А. Лазаревская, М. А. Медведева, Н. И. Платонова, М. Б. Рысин, В. Я. Стёганцева, Р. В. Стоянов, а также А. М. Белавин, Л. М. Всевиов, Д. Д. Ёлшин, О. И. Игнатьева, Н. Б. Крыласова, И. Л. Тихонов. Координатором коллективной работы, научным редактором-составителем являлся А. Е. Мусин, который написал и значительную часть текста в нескольких разделах. Итоговое исследование было напечатано в двух книгах. Первая включила Очерк истории ИАК 1859–1917 гг., разделы о роли ИАК в изучении древностей отдельных территорий и различных категорий памятников, роли Комиссии в становлении реставрации и охраны памятников культуры, наконец, вопросы ее преобразования в 1917–1919 гг. Завершалась книга Летописью ИАК и Библиографией ее изданий (ИАК 2009). Вторую книгу юбилейной публикации составило Приложение, в которое вошли очерк истории формирования архива ИАК, обзор его состава и Перечень материалов экспедиций и исследований в фонде ИАК в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН (ИАК Приложение 2009).

Последовательное и размеренное развитие ИАК, расширение поля ее деятельности, не лишённые своих сложностей, противоречий и определенных недостатков, как и жизнь всей России, были прерваны революционными событиями 1917 г. С высоты прошедших лет, после пережитых страной и ее многострадальным народом катаклизмов понятно, что

это была общая экономическая и гуманитарная катастрофа. Убийственный удар был нанесен по экономике, политической и социальной структуре общества, образованию, культуре и науке. В конечном счете, несмотря на признаваемые успехи индустриализации, проведенной за счет рабского труда на костях миллионов граждан, лагерной системы и массового тотального разорения крестьянства и сельского уклада жизни, страна на десятилетия оказалась отброшенной от магистрального пути просвещенного развития. Археология как область знания, отвечающая за изучение древностей и сохранение памятников истории и культуры прошлого, как и люди, посвятившие этой деятельности свою жизнь, к сожалению, оказались не на обочине истории, а в полной мере попали под ее беспощадное колесо.

Императорская Археологическая комиссия была упразднена. В результате преобразований, пройдя стадию Российской государственной археологической комиссии (РГАК), она была трансформирована в Российскую Академию истории материальной культуры (РАИМК). Традиционно, в советский период, временем ее основания считался апрель 1919 г. Именно отсчитывая от этой даты, было принято отмечать юбилеи двух основных археологических центров Академии наук СССР, находящихся в Ленинграде и в Москве, – ныне Институте истории материальной культуры РАН и Институте археологии РАН. К памятным датам готовились различные издания, связанные с историей учреждений и их подразделений, проводились юбилейные археологические сессии, посвященные выдающимся археологическим открытиям последних лет, приурочивались награждения ветеранов и т. д. Действительно, именно 18 апреля 1919 г. Председатель Совета народных комиссаров (СНК) В. И. Ленин подписал декрет о создании РАИМК. Руководство столичных институтов с особым трепетом относилось к этим юбилеям в связи с упоминанием культового имени «самого» В. И. Ленина, ведь далеко не каждое советское государственное учреждение могло похвастаться столь «великим» прошлым и гениальным основателем. В глазах же партийного руководства и простых обывателей это придавало академическим археологическим институтам, занимавшимся далекими от кипучей повседневности темами, особую значимость, а в реальной жизни самим коллективам банально облегчало существование. «Академия, основанная самим Лениным» звучало почти так же торжественно, как «Императорская Археологическая комиссия». Во всяком случае не менее значимо.

Однако 18 апреля явилось лишь датой подписания Декрета о создании РАИМК. Само Учредительное собрание по ее избранию состоялось 5–7 августа 1919 г. в Зимнем дворце, где тогда размещалась Археологическая комиссия, уходившая корнями в российское прошлое. В состав членов Академии вошли 28 человек, а ее председателем был избран Н. Я. Марр, занимавший этот пост до самой смерти в 1934 г. В выборах приняли участие выдающиеся отечественные археологи, востоковеды, историки, этнографы. В Научном архиве ИИМК РАН сохранился уникальный снимок, сделанный во дворе Зимнего дворца во время этого исторического собрания, где запечатлен практически весь цвет российской гуманитарной науки тех лет (рис. 1).

РАИМК была государственным учреждением нового типа, с гораздо большим штатом сотрудников и развитой структурой подразделений. В его задачи входили исследование памятников древности, искусства и старины и разработка основ их охраны; изучение вопросов этнологии, археологии и истории искусства; раскопки и сбор предметов древности; руководство научной стороной всех предпринимаемых археологических раскопок, работ по реставрации и ремонту древних монументальных памятников; развитие и распространение знаний о памятниках древности и искусства; публикация ежегодных отчетов и научных трудов. В Москве существовало Московское отделение Академии. В соответствии с поставленными перед ней задачами Академия имела три отделения: Этнологическое, Археологическое и Художественно-историческое. При ней был создан Институт

археологической технологии, в ее ведении находились также Общество поощрения художеств и Комитет популяризации художественных изданий. В 1926 г. РАИМК получила новое название – Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК). В 1937 г. ГАИМК была передана в состав Академии наук СССР и стала именоваться Институтом истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР.

Детальная история РАИМК/ГАИМК не написана, хотя ее неоднократно касались исследователи в различных юбилейных изданиях по истории советской археологии, в воспоминаниях старейших археологов, очерках жизни и творчества выдающихся отечественных ученых. Пожалуй, наиболее важные материалы в последние годы появились из-под пера Н. И. Платоновой (Платонова 2010). В коллективном исследовании сотрудников нашего института об ИАК Н. И. Платонова и А. Е. Мусин документально разобрали вопросы преобразований ИАК в 1917–1919 гг., предварявшие появление нового государственного учреждения, но вопросов его структуры и начала деятельности не касались (Платонова, Мусин 2009). Подчеркну еще раз – общей работы об истории РАИМК/ГАИМК/ИИМК нет. Мы только подходим к ее созданию.

История научного учреждения требует анализа и оценки трех основных аспектов. Во-первых, рассмотрения истории развития Института с точки зрения изменения его административно-организационной структуры, создания различных подразделений и их ликвидации, а также реформирования в зависимости от поставленных задач. Во-вторых, определяющим для оценки исследовательского уровня учреждения является характеристика разрабатываемых им фундаментальных научных направлений и новейших применяемых методов анализа материала. И наконец, крайне важна история самого коллектива ученых как сообщества личностей, людей, оказавшихся вместе в силу взаимных интересов для решения общих задач изучения древней истории и призванных пройти через одни и те же жизненные коллизии.

Конечно, заманчиво сразу написать книгу о развитии сменивших ИАК государственных археологических институтов на берегах Невы в Петрограде/Ленинграде/Санкт-Петербурге – одном из основных научных центров страны, охватив все упомянутые выше аспекты, которые тесно переплетены между собой. Однако для выполнения такой задачи нужны годы кропотливого труда многих исследователей, если речь идет не о рекламном глянцево-издании с фотографиями руководителей отделов и экспедиций, студентов и школьников на раскопках и начальствующих лиц, осматривающих места археологического изучения, а об академическом анализе деятельности большого творческого коллектива археологов за последние без малого 100 лет.

История пишется на расстоянии, а иногда если создается почти параллельно с самими событиями, то публикуется не сразу, а позднее. Отчасти это правильно. Со временем сами собой отпадают многие мелочи, второстепенные вещи, слабеют субъективный подход, сиюминутная конъюнктура и отношения, как и излишняя политизация событий. Все это так, но в реальности существует и другая сторона. Многое быстро стирается из памяти, тускнеет, в небытие уходят люди, а вместе с ними – живая жизнь. Того, что знали современники событий, для которых поступки их коллег были оправданны и логичны, уже не понимают следующие поколения, а ведь создание концепций и рождение идей происходит не в безвоздушном пространстве, а в конкретной творческой обстановке, среди археологов – нередко и в семейной среде. Если читать только административные приказы, казенные протоколы заседаний и собраний (вспомним, как их составляли, да еще порой задним числом!), заказные отредактированные юбилейные статьи, то перед нами всплывает не картина реальной жизни, а ее казенное подобие.

В начале нынешнего века, в связи с зарождением традиции проведения в апреле каждого года Дней Института, возникла мысль дать возможность нынешним руководителям

Отделов и Лабораторий ИИМК РАН самим высказаться об истории возникновения возглавляемых ими подразделений, формировании основных исследовательских направлений и конкретных сотрудниках от лаборантов до докторов наук, обеспечивавших выполнение поставленных задач, т. е. начать написание истории Института силами самих участников событий, собирая материал по кирпичикам. От строгих рамок объема разделов и их структуры было решено отказаться, чтобы не ограничивать пределы творчества авторов и не унифицировать под одну гребенку многообразные пути формирования подразделений. Собиралась книга не к определенной дате или юбилею, а творческая раскрепощенность не ограничивалась. Написанные части книги в полной мере отражают исследовательскую мысль и стиль каждого автора отдельных разделов, иногда они не совпадают.

Первым написать соответствующий раздел книги было предложено В. А. Алёкшину. В апреле 2006 г. он выступил с большим докладом на Дне Института, а в 2007 г. материалы были опубликованы в ЗИИМК РАН № 2 (Алёкшин 2007). К ним был приложен список заведующих и ведущих ученых Сектора/Отдела Средней/Центральной Азии и Кавказа (1951–2007 гг.), составленный Е. В. Бобровской (Бобровская 2007). Тогда же был издан и раздел Г. И. Зайцевой о радиоуглеродной группе Института со списком заведующих Лабораторией археологической технологии, куда она входила (Зайцева 2007). В 2008 г. появились очерк С. А. Васильева и М. Н. Желтовой об Отделе палеолита и список всех сотрудников Отдела, занимавших должности научных работников (Васильев, Желтова 2008). Затем в 2009 г. последовала очередь Отдела истории античной культуры (Виноградов 2009). В прилагаемом списке упоминались все сотрудники этого Отдела от ведущих ученых до регистраторов и ассистентов, причем пояснялась тематика работы каждого (Кашаев 2009). Через год появилась информация об Отделе славяно-финской археологии и его сотрудниках (Платонова, Кирпичников 2010; Пескова 2010), и, наконец, в 2011 г. – об Экспериментально-трассологической лаборатории (Щелинский 2011; Шаровская 2011).

Тем самым задуманная работа постепенно была осуществлена. С добавлением разделов о Научном архиве ИИМК РАН, его библиотеке и Отделе охранной археологии, а также о руководителях Академии и Институты мы получили очерки развития академической археологической науки на берегах Невы в учреждениях, последовательно сменявших Императорскую Археологическую комиссию с 1917 г. Конечно, главы получились разные – в одних доминирует фактологичность привлекаемого материала, в других сделан акцент на экспедиционной деятельности, в третьих чувствуется дух мемуарной литературы. Естественно, авторы, независимо друг от друга писавшие историю отдельных подразделений ИИМК РАН, рассматривая разрабатываемые в них основные научные направления, не могли не касаться и истории всего учреждения в целом. При окончательном редактировании текста эти дублирующие моменты в разделах были по возможности сглажены при сохранении целостности авторских текстов.

Многолетняя работа над очерками истории ИИМК РАН показала, что к ним обязательно должен быть приложен обширный справочный раздел о всех сотрудниках учреждения, внесших свой посильный вклад в научную и организационную деятельность коллектива, ибо подлинную стабильность и авторитет учреждению придают не только его лидеры, но и рядовые сотрудники. Далеко не все материалы об этом сохранились, но нам кажется, что в результате кропотливой работы удалось собрать основную массу сведений. Наконец, следует помнить, что во время экспедиций в археологических раскопках принимали участие тысячи людей – вольнонаемные, студенты, школьники, заключенные.

Надо специально оговорить, что история развития академической археологии в Петрограде/Ленинграде/Санкт-Петербурге и в Москве тесно связана. Головные государственные археологические учреждения на протяжении XX в. существовали в разных столицах, меняя свою соподчиненность и статус. Мы сознательно ограничили себя более узкими

задачами, которые считали посильными для нас, и сконцентрировались на событиях, происходивших на берегах Невы. Будем надеяться, что эта книга послужит надежной основой для дальнейшей разработки истории академической археологической науки.

Коллектив авторов выражает искреннюю благодарность всем сотрудникам ИИМК РАН, своими советами, замечаниями и воспоминаниями способствовавшим написанию данного труда. Особая наша признательность работникам архивов, потратившим много сил и времени для поиска документов, необходимых для работы над главами книги, прежде всего сотрудницам ИИМК РАН Н. А. Беловой, Т. П. Ивановой, Т. А. Ершовой и Н. А. Лазаревской, а также О. П. Игнатъевой (АРЭМ) и Г. А. Марушиной (РА ГРМ). Книга наверняка и не состоялась бы, если бы не кипучая энергия, неподдельный энтузиазм и искренность Л. Б. Кирчо, взявшей на себя огромный труд по координации всех работ по сбору материалов к истории Института.

Книга писалась не к определенной дате или событию, но так случилось, что мы завершили ее в год, когда Государственная Дума, Совет Федерации, Правительство и Президент России приняли решение о коренной перестройке системы Академии наук, созданной Петром Великим. Академические институты переданы в ведение Федерального агентства научных организаций. Предстоит перестройка всей организации науки и управления ею. Каков будет результат, сейчас не может сказать никто, это покажет только будущее.

- Алѣкшин 2007 – *Алѣкшин В. А.* Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН и его предшественники в ИАК – РАИМК – ГАИМК – ИИМК АН СССР (основные вехи истории) // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 10–91.
- Бобровская 2007 – *Бобровская Е. В.* Заведующие и ведущие ученые Сектора/Отдела Средней/Центральной Азии и Кавказа (1951–2007 гг.) // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 91–92.
- Васильев, Желтова 2008 – *Васильев С. А., Желтова М. Н.* Сектор/Отдел палеолита ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН и его предшественники в РАИМК – ГАИМК (основные вехи истории) // ЗИИМК. 2008. № 3. С. 16–50.
- Виноградов 2009 – *Виноградов Ю. А.* Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК – РАИМК (ГАИМК) – ИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР // ЗИИМК. 2009. № 4. С. 7–36.
- Зайцева 2007 – *Зайцева Г. И.* Радиоуглеродная группа ИИМК РПН: история создания, современное состояние // ЗИИМК 2007. № 2. С. 93–141.
- ИАК 2009 – Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009.
- ИАК Приложение 2009 – Приложение: Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009.
- Кашаев 2009 – *Кашаев С. В.* Сотрудники Отдела истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественников в РАИМК – ГАИМК – ЛОИИМК – ЛОИА (1919–2009 гг.) // ЗИИМК. 2009. № 4. С. 37–49.
- Пескова 2010 – *Пескова А. А.* Сотрудники Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН и его предшественников в РАИМК – ГАИМК – ИИМК – ЛОИИМК – ЛОИА (1919–2010 гг.) // ЗИИМК. 2010. № 5. С. 72–83.
- Платонова 2010 – *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России: вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010.
- Платонова, Кирпичников 2010 – *Платонова Н. И., Кирпичников А. Н.* Сектор/Отдел славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН: исследования и исследователи // ЗИИМК. 2010. № 5. С. 8–71.

- Платонова, Мусин 2009 – *Платонова Н. И., Мусин А. Е.* Императорская Археологическая Комиссия и ее преобразование в 1917–1919 гг. // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. Глава 14. С. 1065–1115.
- Шаровская 2011 – *Т. А. Шаровская.* Сотрудники Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН (ГАИМК – ИИМК – ЛОИИМК – ЛОИА АН СССР, 1931–2011 гг.) // ЗИИМК. 2011. № 6. С. 35–36.
- Щелинский 2011 – *В. Е. Щелинский.* Экспериментально-трасологическая лаборатория ИИМК РАН: предыстория, становление и развитие, нынешние реалии // ЗИИМК. 2011. № 6. С. 7–34.

Глава 1. ПРЕДСЕДАТЕЛИ АКАДЕМИИ, ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА И ЗАВЕДУЮЩИЕ ЛЕНИНГРАДСКИМ ОТДЕЛЕНИЕМ, ИХ ЗАМЕСТИТЕЛИ (ТОВАРИЩИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ) И УЧЕНЫЕ СЕКРЕТАРИ

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ МАРР –
председатель РАИМК/ГАИМК в 1919–1920 и 1923–1934 гг.

Н. Я. Марр (рис. 2, 1) родился 25 декабря 1864 г. в Кутаиси в семье шотландца Джейкоба Патрика Марра, более 50 лет прожившего в Грузии и основавшего Кутаисский ботанический сад. Как истый британец, «Яков Патрикиевич» Марр за полвека не овладел ни единым местным наречием. Будучи за 80, он женился вторым браком на юной грузинке. Их сын до 8 лет говорил только на гурийском диалекте; общение с отцом было сведено к минимуму.

Так Н. Я. Марру выпало пережить «в особо резкой форме то, что переживает ребенок, выросший в смешанной семье европейца и “туземки” в условиях колониальной страны. <...> Уязвленность недостатком отцовской любви совпала с уязвленностью национального чувства, и все это навсегда переплелось с проблемой языковых различий» (Васильков 2000: 397–398). Подросток оказался разносторонне талантливым, но неуравновешенным до предела. В 15–16 лет у него даже предполагали психическую болезнь. Однако гимназию он окончил в 1883 г. с золотой медалью и поступил в Императорский Санкт-Петербургский университет (ИСПБУ).

Программа факультета восточных языков включала практическое обучение языкам, навыкам чтения документов, изучение литератур и истории Востока. Учителем Марра стал основатель петербургской школы комплексного востоковедения барон В. Р. Розен. От него Н. Я. Марр воспринял принципы анализа средневековой литературы: широкое применение сравнительного метода, детальный анализ культурно-исторических связей, обязательное воссоздание исторического контекста, сопутствовавшего появлению литературного памятника (в том числе с помощью «вещественных» источников). Другой важнейшей идеей, воспринятой Марром от Розена, было представление о сложном, многоплановом характере культурного процесса в древности и средневековье, о смешанном характере всех культур и бесплодности поисков для них единого корня. В зрелый период Н. Я. Марр считал непрерывное взаимодействие культур Кавказа и смежных регионов ключевым фактором их развития.

Влияние учителя сказалось не только в науке. В ранней юности Н. Я. Марр был грузинским националистом, но из «школы барона» он вышел умеренно либеральным государственным деятелем. Интерес Н. Я. Марра к лингвистике и, в частности, к происхождению языков Кавказа проявился еще в университете. Но к лингвистическим фактам он всегда подходил от фактов истории культуры, некритически перенося на них то, что казалось установленным по другим источникам. В основе концепции, сложившейся у Марра к концу XIX в., лежало представление об *общекавказском культурном единстве*. Идея

эта получила большой резонанс. Историческое единство базисных черт региональной культуры Кавказа многим казалось несомненным. Но очевидной была и языковая разнородность кавказских народов, решительно не позволяющая возводить их к единым корням. Творческая мысль Н. Я. Марра много лет билась над этим противоречием. Одной из попыток решения стала его гипотеза об общем предке всех народов Кавказа – «яфетидах», древнейшем населении Средиземноморья и Ближнего Востока. Но эта гипотеза не была принята лингвистами.

В. Р. Розен категорически запретил своему ученику занятия теоретической лингвистикой, считая их дилетантскими. Марру пришлось дать ему слово: не публиковать лингвистических работ вплоть до защиты докторской диссертации.

В 1888 г. Н. Я. Марр окончил университет и был оставлен при разряде армяно-грузинской филологии для подготовки к профессорскому званию. Тогда же он начинает изыскания в армянских древлехранилищах, сочетая их с археологическими разведками в Эриванской и Тифлисской губерниях. В 1892 г. ИАК командировала его в Армению для раскопок городища Ани (древней столицы армянских Багратидов).

В 1899 г. Н. Я. Марр защитил магистерскую диссертацию, в 1901 г. – докторскую, в 1902 г. он стал профессором факультета восточных языков. Его филологические труды, а также составление словарей и грамматик ряда кавказских языков снискали ему заслуженный авторитет в научном мире. Опираясь на него, он сумел получить финансирование на раскопки (государственное и частное) и с 1904 г. начал в Ани ежегодные обширные исследования. Параллельно он предпринял действенные меры по охране памятников. Вся территория городища с прилегающими угодьями поступила, его стараниями, в собственность ИАК. Там были созданы музеи для хранения и экспозиции коллекций из раскопок, а также библиотека, гостиница и т. д.

В 1912 г. Н. Я. Марр был избран академиком РАН, а в 1914 г. получил чин действительного статского советника. В 1915–1916 гг. он в звании генерал-майора несколько раз выезжал в Закавказье, в действующую армию – для обследования памятников христианской культуры на захваченной турецкой территории. В 1917 г. ученому удалось провести через Временное правительство проект организации Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Туда он и отправил из Петрограда анийский научный архив – планы, чертежи, рукописи и пр. Вагон, где они находились, был разграблен под Армавиrom. Все материалы пропали.

По условиям Брест-Литовского мира пограничный район Армении, где находился Ани, отошел к Турции. Вскоре древний город оказался попросту разгромлен – вместе с раскопанными и реставрированными архитектурными памятниками, музеями и коллекциями. Вывезти успели немного. Так погибло почти все наследие Марра-археолога – еще не обработанное и не осмысленное должным образом.

Вся последующая деятельность Н. Я. Марра протекала на фоне нервного и психического надлома. Тем не менее в 1918–1919 гг. именно он стал главным организатором РАИМК на базе прежней ИАК. Идея создания «Академии археологии», с примыкающей ассоциацией научных обществ и институтов, вынашивалась им задолго до того. Но самой насущной задачей являлось тогда спасение жизней ученых-гуманитариев в условиях голода и террора, их политическая «легализация» и сохранение науки, как таковой. Провести проект в жизнь удалось лишь благодаря организаторскому таланту и бешеной энергии Н. Я. Марра. Но здоровье ученого было сильно подорвано. В 1920 г. он уходит с поста председателя РАИМК и уезжает в заграничную командировку. Новым потрясением становится известие о гибели в Крыму любимого сына (1921 г.). Этого психика Н. Я. Марра – неустойчивая от природы – просто не выдержала. Он окончательно утрачивает способность к практической исследовательской работе. Вышедшее из-под контроля воображе-

ние уводит его в дебри теоретической лингвистики. Стоит ему отныне обратиться к какому-либо языку, как он тут же находит в нем «яфетический элемент».

Тем не менее в 1920-х гг. Н. Я. Марр, даже больной, еще сохраняет навыки организатора (Платонова 2010: 226–235). В 1921 г. он основывает в Петрограде Яфетический институт (позднее – ИЯМ; ныне – ИЛИ РАН и ИЯ РАН). В 1923 г. он возвращается на пост председателя РАИМК. При нем ее научная жизнь начала восстанавливаться из руин. В 1924–1925 гг. в Академии организуются первые экспедиции: С. А. Теплоухова и С. И. Руденко на юг Сибири, А. А. Миллера на Северный Кавказ, А. П. Удаленкова в Среднюю Азию и пр. При активной поддержке Марра М. В. Фармаковский в 1925 г. организует «Лабораторию по изучению способов хранения и реставрации древних тканей», способствовавшую разработке принципиально новых методов технологического исследования археологического материала.

В 1922–1924 гг. Н. Я. Марр публично отрекается от всех принципов сравнительного языкознания. В печати появляются сообщения о созданном им «новом учении», утверждающем классовую природу языка, а также о том, что все языки мира построены на базе четырех элементов в разных сочетаниях, обусловленных социально-экономическими факторами.

Тезис о классовой природе языка оказался созвучным времени. Если же иметь в виду общественный аспект «нового учения», то тут его ценность была очевидной, при всей его вопиющей ненаучности. Отрицая ключевое значение таких понятий, как этнос и языковая семья, объявляя их лишь стадиями языкового развития, марризм на практике снимал остроту этнических противоречий в многонациональных регионах. Поэтому «наверху» к мнению Марра прислушивались, даже его эксцентричные выходки принимались как должное. Кстати, когда в 1929 г. на заседании СНК решался вопрос о судьбе Академии наук, именно экспансивная, угрожающая речь Н. Я. Марра переломила настроение собрания и заставила отказаться от решения о ее роспуске.

В 1930 г. Н. Я. Марр был избран вице-президентом АН СССР. Тогда же его принимают в ряды ВКП(б). Председателем ГАИМК он считался до самой смерти. Но на деле именно с 1930 г. всякое реальное влияние на ход событий было им утрачено. Его психическое заболевание уже для многих являлось секретом Полишинеля. Скончался ученый 20 декабря 1934 г. в Ленинграде. Ему устроили грандиозные похороны.

Н. Я. Марр является одним из главных создателей отечественной школы кавказоведения. Традиции, заложенные им в период до 1917 г., живы в науке до сих пор. По признанию ряда крупнейших востоковедов XX в., его одаренность граничила с гениальностью. Его раскопки Ани и целенаправленная реконструкция города-музея должны были превратить этот великолепно сохранившийся памятник в «кавказские Помпеи». В наши дни следует с должным уважением отнестись к яркой, трагической фигуре Н. Я. Марра, хотя последний период жизни ученого и был омрачен психическим заболеванием. В 1935–1950 гг. ГАИМК, а затем и ИИМК АН СССР носили имя Н. Я. Марра.

Васильков 2000 – *Васильков Я. В.* Трагедия академика Марра // Христианский Восток. Новая серия. СПб., 2000. Т. 2 (8). С. 390–421.

Платонова 2010 – *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России: вторая половина XIX–первая треть XX в. СПб., 2010.

Н. И. Платонова

**АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ВАСИЛЬЕВ –
председатель РАИМК с сентября 1920 г. по ноябрь 1922 г.**

А. А. Васильев (рис. 2, 2) родился 3 октября 1867 г. в Санкт-Петербурге. В возрасте 20 лет он поступил на историко-филологический факультет ИСПБУ, после окончания которого в 1892–1897 гг. преподавал в гимназии классические языки. Четыре года (1897–1900) А. А. Васильев провел в Париже в качестве стипендиата университета. За границей окончательно определились научные интересы исследователя: история Византии и ее взаимоотношения с соседями, преимущественно арабами. В 1902 г. он защитил докторскую диссертацию. С 1904 по 1912 г. А. А. Васильев, имея звание профессора, преподавал в Юрьевском (Дерптском) университете, в 1912–1922 гг. был деканом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского/Петроградского педагогического института, в 1912–1925 гг. – профессором Санкт-Петербургского/Петроградского/Ленинградского государственного университета. В апреле 1919 г., когда была создана РАИМК, А. А. Васильев занял в ней должность заведующего Разрядом археологии и искусства раннехристианского и византийского. Спустя год он стал председателем РАИМК.

А. А. Васильев находился на этом посту в период становления Академии, когда ученые бедствовали в условиях разрухи, вызванной Гражданской войной. Руководство РАИМК в декабре 1920 г. направило письмо в СНК РСФСР с просьбой об улучшении материального положения персонала и об обеспечении его современной научной литературой. Это послание не оказало сразу влияния на судьбы РАИМК, но со временем часть пожеланий была удовлетворена. Именно при А. А. Васильеве как руководителе РАИМК научная жизнь Академии стала восстанавливаться из руин. Было положено начало планомерному изучению древностей на обширных пространствах Советского Союза от Средней Азии и Северного Кавказа до юга Сибири.

В 1919 г. А. А. Васильев был избран чл.-корр. РАН, а в конце 1923 г. – чл.-корр. АН СССР. Получив в 1925 г. командировку в Берлин и Париж, А. А. Васильев вскоре оказался в Висконсинском университете (США) и в СССР не вернулся. Фактически исследователь стал основоположником византистики в США. Основной его труд «История Византийской империи» до сего времени является непревзойденным примером исследования истории Византии. Ученый скончался 30 мая 1953 г.

В. А. Алёшкин

ФЁДОР ВАСИЛЬЕВИЧ КИПАРИСОВ – председатель ГАИМК в 1935–1936 гг.

Ф. В. Кипарисов (рис. 2, 3)¹ родился в 1886 г. в Сергиевом Посаде, в семье профессора Московской Духовной академии. В 1904 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В марте 1905 г. он на год уезжает в Швейцарию, посещает летний семестр Бернского университета и попадает в орбиту эмигрантского социал-демократического кружка В. И. Ленина. Там он вступает в партию большевиков, а по возвращении в Москву становится пропагандистом в подпольной Московской окружной организации РСДРП(б). В университете он переходит с историко-филологического факультета на философский.

В 1908 г. случилась трагедия. Брат Ф. В. Кипарисова был тяжело болен и неоднократно выезжал с ним за границу для лечения. Однако к 1908 г. состояние больного ухудшилось настолько, что он попросил помочь ему уйти из жизни. Все это закончилось для Ф. В. Кипарисова острым психозом. Суд оправдал его, присудив лишь к церковному покаянию. На том оборвались и учеба в Московском университете, и подпольная революционная деятельность: в дальнейшем Ф. В. Кипарисов автоматически выбыл из РСДРП(б).

В 1912 г. он заново поступает на историко-филологический факультет, но уже Санкт-Петербургского университета. В 1915 г. оканчивает его по кафедре классической филологии как ученик С. А. Жебелёва. Представленная им кандидатская работа содержала жесткую критику диссертации М. Р. Фасмера, за которую факультет только что присудил автору степень доктора. В автобиографии Ф. В. Кипарисов писал: «Так как мой анализ и мои выводы оказались для М. Р. Фасмера “убийственными” (подлинное выражение акад. С. А. Жебелёва, которым он характеризовал мою работу), то было решено пустить в печать лишь часть работы, наименее скандальную для Фасмера» (НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 3, д. 277, л. 5 об.).² В ЖМНП в 1915 г. было напечатано две статьи Ф. В. Кипарисова (1915а; 1915б). По оценке современных специалистов, они написаны на хорошем европейском уровне и делают честь русскому антиковедению. Конкретные критические замечания Ф. В. Кипарисова, выдвинутые против М. Р. Фасмера, признаны вполне убедительными (Анфертьев 1995). Несомненно, Ф. В. Кипарисов был одаренным человеком, но после отказа в публикации его работы «по соображениям ненаучного плана» он отошел от исследовательской деятельности.

В 1915–1920 гг. Ф. В. Кипарисов работал на Северной железной дороге, ни в революции, ни в Гражданской войне участия не принимал. Однако в 1920 г. он восстанавливается в партии и попадает на «советскую» работу (заведующий редакционно-издательским отделом Главполитпросвета, член Президиума Московского отдела профсоюза работников

---

¹ Публикуемая фотография до начала 2013 г. находилась в личном архиве М. А. Тихановой, хранящемся у И. Д. Зильманович, близко связанной с Марией Александровной, и предположительно является единственным сохранившимся изображением Ф. В. Кипарисова.

² Далее в настоящем издании при архивных ссылках на материалы Рукописного архива/отдела Научного архива ИИМК РАН название архива (НА ИИМК РАН, РА) не повторяется.

просвещения, ответственный редактор целого ряда журналов и т. д.). Его посылают в качестве делегата на XI Съезд ВКП(б) и на несколько всесоюзных съездов профсоюзов. Карьера идет гладко вплоть до 1928 г. Свой уход с высоких постов он объясняет уклончиво: «В начале 1929 г. мне было разрешено ЦК ВКПб возвратиться к научной работе» (ф. 2, оп. 3, д. 277, л. 6 об.).

Для назначения его в ГАИМК имелся и прямой повод: в конце 1928 г., в ходе газетной истерии, вызванной «делом академика Жебелёва», Н. Я. Марр был вынужден уволить последнего с должности товарища председателя Академии и согласился с тем, что новый товарищ председателя должен быть партийным. Единственное условие, которое поставил Марр, заключалось в том, что *партийный кандидат не должен быть совершенно чужд науке* (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 6, л. 5–6). В результате место С. А. Жебелёва занял его бывший ученик.

С января 1929 г. в руках Ф. В. Кипарисова сосредоточилась вся реальная власть в Академии. Одновременно он начал работать в ЛГУ на Ямфаке, затем, с его роспуском – в ЛИЛИ/ЛИФЛИ (профессор, зав. отделением музееведения). Несомненно, от него исходила идея «контрактации» некоторых подающих надежды студентов старших курсов – для дальнейшей их работы в ГАИМК. Именно таким образом в Академию пришло новое поколение – П. И. Борисковский, Б. Б. Пиотровский, Е. Ю. Кричевский, А. Н. Бернштам, А. Н. Рогачёв и др.

Фактически Ф. В. Кипарисов стоял во главе ГАИМК около 7 лет – с 1929 до осени 1936 г. До смерти Н. Я. Марра, последовавшей в конце 1934 г., он официально числился его первым заместителем. В 1929–1930 гг. Ф. В. Кипарисову пришлось проводить коренную реорганизацию ГАИМК и других археологических учреждений. 11 мая 1929 г. на общем собрании сотрудников ГАИМК он произнес установочный доклад, в котором, в частности, заявил, что «при нынешнем положении» советской стране не нужно больше одного учреждения, занятого историей материальной культуры. Археологическую деятельность необходимо «централизовать в ГАИМК», изжив «вредный параллелизм» (т. е. попросту на археологию не намерены более тратить деньги!) (СПФ АРАН, ф. 800, оп. 4, д. 4331 [5 ч.], л. 13).

Разумеется, опытный чиновник говорил лишь то, что ему было предписано. В отличие от многих других, он понимал: грядет настоящий «перелом». Изменившаяся обстановка требовала иных форм взаимоотношений археологии и власти, и ему выпало определять план действий в этом направлении.

Будучи образованным марксистом, Ф. В. Кипарисов апеллировал к К. Марксу. Указав, что, по Марксу, «технология раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а следовательно, и общественных отношений», он предложил во главу угла работы Академии поставить изучение «материального базиса» древних обществ, в первую очередь – *историю техники и производств, вкуче с систематической постановкой археологических разведок и раскопок* (Целевая установка... 1931: 3). Следует признать: в эпоху индустриализации данный подход «сработал».

Безусловно, такая позиция имела немало изъянов. Но она позволяла обосновать актуальность археологических изысканий в контексте современных производственных разработок. Принятые Ф. В. Кипарисовым установки – расширение исторической тематики ГАИМК и максимальный упор на историю техники – стимулировали подъем в области археологической технологии. В одном лишь 1935 г. в «Известиях ГАИМК» вышла целая серия книг, посвященных технологическим исследованиям.³

³ Примерами могут служить: «Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси» (ИГАИМК. Вып. 115), «Методика химико-аналитического исследования древних бронз»

С именем Ф. В. Кипарисова связываются массовые увольнения, проведенные в ГАИМК в 1929–начале 1930 г. Однако есть основания считать: лихорадочные меры, предпринятые тогда, помогли предотвратить худший разгром Академии. Защищая ГАИМК в ходе чистки, начавшейся в апреле 1930 г., Ф. В. Кипарисов как раз утверждал, что она достаточно обновлена и не нуждается в более радикальных реформах. Тем не менее в ответ «некоторые упрекали т. Кипарисова в оптимистическом желании использовать <...> кадры из так называемых бывших людей» (ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 4, л. 86).

Будучи в ГАИМК главным администратором, Ф. В. Кипарисов редко выступал в печати с собственными работами. Но однажды он нарушил свое правило, опубликовав небольшой этюд «Вещь – исторический источник» (Кипарисов 1933). Эта новаторская работа увековечила его имя в области теоретической археологии. В ней впервые в мировой науке оказался четко поставлен вопрос: что именно делает археологический объект историческим источником? Здесь уже содержалась мысль о том, что «вещи» отражают информацию о *разных* сторонах человеческой деятельности, и потому не поддаются однозначной классификации.

Несомненной заслугой Ф. В. Кипарисова стал подъем издательской деятельности Академии. С 1931 г. альманах «Сообщения ГАИМК» был превращен им в журнал (позднее – «ПИМК» и «ПИДО»). С того же 1931 г. началось издание серии «Известия ГАИМК», причем уже за три года количество выпусков перевалило за сотню.

Основным фактором, определившим характер деятельности Академии в 1932–1936 гг., стало широкое развертывание новостроечных работ. Координировал их Институт исторической технологии (ИИТ), включавший в себя Комитет по работам на новостройках. Однако наладить стабильную работу в середине 1930-х гг. мешала общая нестабильность ситуации в стране. ГАИМК лихорадило от арестов и высылки, от «смены лиц» в вышестоящих органах и т. д. Партиец, в прошлом знакомый с видными деятелями оппозиции, был весьма уязвим для любых наветов. Осенью 1936 г. он был арестован и сразу же расстрелян. Есть основания считать, что обвинили его в экономическом «вредительстве», якобы производившемся археологами на новостройках.

В этой связи следует пояснить: все крупные стройки в СССР были неотделимы от лагерной системы. Соответственно, с середины 1934 г. на пост директора ИИТ стали назначать «сверху» профессионального чекиста. Первым был А. И. Кауль, в прошлом помощник начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ СССР. В конце 1935 г. его сменил там А. Г. Леонов (Краткий отчет... 1936: 52).⁴ Можно предположить, что истинной целью этих людей было не столько руководство археологическими работами, сколько выявление «вредителей» в самой ГАИМК.

Современникам, плохо представлявшим себе ситуацию в целом, всего проще было обвинить в своих бедах того, кто поближе. Первую половину 1930-х гг. в ГАИМК окрестили «кипарисовщиной».

Анфертьев 1995 – *Анфертьев А. Н.* Экспертная оценка ранних работ Ф. Кипарисова. 25 окт. 1995 // Архив Н. И. Платоновой.

(ИГАИМК. Вып. 121), «Очерки по методике технологического исследования, реставрации и консервации древних металлических изделий» (ИГАИМК. Вып. 130) и др.

⁴ Об этом человеке у нас вообще нет никаких сведений. Ясно, что он был абсолютно чужд археологии и не имел отношения даже к таким учреждениям, как Комакадемия или Институт красной профессуры. Возникает диковатое предположение – не был ли он тем самым Александром Георгиевичем Леоновым, который дослужился до генерал-майора МГБ и был расстрелян в 1954 г. по делу Абакумова? (РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 46, л. 19–21. Копия: <http://doc20vek.ru/node/590>).

- Кипарисов 1915а – *Кипарисов Ф. В.* Заметки о говорах Херонеи и Оропа // ЖМНП. 1915. Декабрь. Новая серия. Ч. 9, № 12. Отд. классич. филологии. С. 520–542.
- Кипарисов 1915б – *Кипарисов Ф. В.* К горгиппийской надписи фиаситов // ЖМНП. 1915. Июнь. Ч. 57, № 6. С. 283–285.
- Кипарисов 1933 – *Кипарисов Ф. В.* Вещь – исторический источник // ИГАИМК. 1933. Вып. 100. С. 3–23.
- Краткий отчет... 1936 – Краткий отчет о работе Академии в 1935 г. Л., 1936.
- Целевая установка... 1931 – [*Кипарисов Ф. В.*] Целевая установка и новые задачи ГАИМК // СГАИМК. 1931. № 2. С. 1–3.
- НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 6; 1930 г., д. 4; оп. 3, д. 277.
- РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 46.
- СПФ АРАН, ф. 800, оп. 4, д. 4331.

Н. И. Платонова

**ОТТО ОСКАРОВИЧ КРЮГЕР –
временно исполняющий обязанности председателя ГАИМК
с сентября 1936 г. по август 1937 г.**

О. О. Крюгер родился 31 октября 1893 г. в Москве. В 1919 г. он окончил историко-филологический факультет Петроградского университета, где был оставлен для подготовки к профессорскому званию, и в том же году принят на работу в Государственный Эрмитаж (ГЭ).

В ГАИМК О. О. Крюгер поступил в мае 1920 г. Он продолжал активную педагогическую работу, но основные усилия сосредоточил на изучении папирологии. В апреле 1932 г. он стал действительным членом Академии.

После ареста Ф. В. Кипарисова, а вместе с ним целой группы коммунистов, по существу, определявших большевистскую перековку учреждения, О. О. Крюгер был назначен в сентябре 1936 г. исполняющим обязанности председателя Академии. Занимать такую должность в те времена было смертельно опасно. Вряд ли он успел на этом посту сделать что-либо особо полезное или, напротив, вредное для советской науки, тем более, что с 1 июня 1937 г. он не исполнял свои обязанности по болезни, а с 13 июля по 8 сентября находился в отпуске. Тем временем в середине июня по решению Советского Правительства начался процесс преобразования ГАИМК в академический Институт истории материальной культуры. Его директором 29 июня был назначен академик И. А. Орбели. Реорганизация ГАИМК завершилась к началу сентября. Таким образом, О. О. Крюгер лишился своей должности, находясь в отпуске. 8 октября 1937 г. ученый был исключен из ИИМК и арестован.

К научной и преподавательской работе О. О. Крюгер смог вернуться только через 20 лет. Его деятельность была связана с Институтом истории АН СССР и Ленинградским государственным университетом. Он скончался в Ленинграде 12 апреля 1967 г. В памяти людей, которые его знали, он остался как «непревзойденный чтец и интерпретатор папирусных и эпиграфических текстов». В истории Института его к тому же следует помнить как первого руководителя Боспорской археологической экспедиции и, разумеется, как одну из невинных жертв сталинских репрессий.

Ю. А. Виноградов

**ИОСИФ АБГАРОВИЧ ОРБЕЛИ –
директор ИИМК АН СССР с 29 июня 1937 г. по 25 февраля 1939 г.**

И. А. Орбели (рис. 3, 1) родился 20 марта 1887 г. в г. Кутаиси. В 1911 г. он окончил классическое отделение историко-филологического факультета и армяно-грузинско-персидское отделение восточного факультета ИСПБУ. С 1914 г. исследователь начинает преподавать на восточном факультете университета, а в 1917 г. он избран доцентом по кафедре армяно-грузинской филологии.

В 1919 г., когда была образована РАИМК, И. А. Орбели был избран ее первым ученым секретарем, а также заведующим Разрядом археологии и искусства Армении и Ирана. Этот выбор не был случайным. С 1906 до 1917 г. он принимал участие в раскопках города Ани – столицы армянского Анийского царства (IX–XI вв.), руины которого обследовала экспедиция Н. Я. Марра.

В 1929–1930 гг. И. А. Орбели руководил в ГАИМК Разрядом средневековых культур Кавказа и Ирана. Научные интересы исследователя были связаны с изучением памятников армянской эпиграфики, древнеармянского монументального и сасанидского прикладного искусства.

Одновременно со службой в РАИМК/ГАИМК И. А. Орбели состоял в штате ГЭ, где в 1920 г. стал заведующим Отделом Кавказа, Ирана и Средней Азии. Постепенно служба здесь сделалась основным занятием, а в 1934 г. его назначают директором музея. К этому времени ученый уже был чл.-корр. АН СССР, а в 1935 г. избран академиком.

В период реорганизации ГАИМК в ИИМК АН СССР власти вспомнили об археологическом прошлом И. А. Орбели, и 29 июня 1937 г. он становится первым директором Института, который приходил на смену ГАИМК. Академия наук СССР утвердила ученого на этом посту 16 августа. И. А. Орбели завершил реформирование структуры ГАИМК в ИИМК к началу сентября. Вскоре после своего назначения он сделал доклад на Президиуме АН СССР. По его результатам ИИМК получил разрешение заключать со сторонними организациями договоры на проведение археологических раскопок. При И. А. Орбели структура головного археологического учреждения страны была реформирована. В Институте по региональным признакам было создано 10 подразделений (секторов), а все сотрудники, не являющиеся профессиональными археологами, уволены.

Загруженность И. А. Орбели делами Эрмитажа не давала ему возможности уделять много времени организации научной жизни в ИИМК, что вызывало недовольство в его коллективе. В конце концов академик счел за благо отказаться от обременявшей его должности и 25 февраля 1939 г. сдал свои полномочия. И. А. Орбели оставался директором Эрмитажа до 1951 г., а впоследствии возглавлял восточный факультет ЛГУ и ЛОИВ АН СССР. Ученый скончался в Ленинграде 2 февраля 1961 г.

В. А. Алёкин

МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ АРТАМОНОВ – директор ИИМК АН СССР в 1939–1943 гг.

М. И. Артамонов (рис. 3, 2) родился в дер. Выголово (Весьегонский уезд Тверской губ.) 23 ноября 1898 г., в семье крестьянина. Впоследствии, живя с отцом в Санкт-Петербурге, он окончил в 1913 г. вечернее городское 4-классное училище, служил конторщиком и счетоводом в разных городских обществах Петербурга, два года учился на вечерних Общеобразовательных курсах. В 1917 г. М. И. Артамонова призвали в армию, и он участвовал в боях с немцами на Западной Двине, а затем демобилизовался в декабре 1917 г.

В Петрограде М. И. Артамонов начинает работать в национализированном Международном банке. Полгода он вращается в литературно-поэтических кругах, пишет стихи, печатается, даже пробует издавать журнал «Джек» (запрещенный со второго номера).

С лета 1918 г. до конца 1920 г. М. И. Артамонов служит в органах народного образования в г. Красный Холм Тверской губ. (учитель, заведующий школой). С 1920 г. в этих местах начала работать организованная РАИМК и Русским музеем Верхневолжская этнологическая экспедиция под руководством Д. А. Золотарёва, Михаил Илларионович принял в ней активное участие. В 1921 г. он уже вновь в Петрограде, поступает учиться одновременно во ВХУТЕМАС и ПАИ, но, поскольку с 1922 г. ПАИ был объединен с университетом, М. И. Артамонов тоже оказывается там.

В 1924 г. он окончил отделение археологии и истории искусств ФОНА ЛГУ (из ВХУТЕМАСа ушел раньше) и остался работать там младшим ассистентом археологического кабинета. В 1925 г. его принимают в аспирантуру ГАИМК.

В апреле 1929 г. группа аспирантов выработала собственный, «молодежный» проект реорганизации ГАИМК, который М. И. Артамонов представил руководству. Ряд его положений, в частности предложение о создании проблемно-тематических групп, и вправду попытались провести в жизнь. В 1930–1931 гг. в ГАИМК такие группы заработали, и сам Михаил Илларионович, уже принятый в штат, был включен в две из них – Группу истории кочевого скотоводства и Группу архаического земледелия.

С 1932 г. ученый возглавил археологические работы на трассе Манычского канала; в 1934–1936 гг. он – начальник крупной Волго-Донской экспедиции. В 1934 г. М. И. Артамонову без защиты диссертации присваивается степень кандидата исторических наук. С 1935 г. он уже профессор ЛГУ. Такой старт можно назвать поздним, но стремительным.

5 августа 1937 г. М. И. Артамонов возглавил в только что созданном ИИМК АН СССР Сектор Восточной Европы дофеодального периода и был назначен и. о. заместителя директора по научной части. С его точки зрения, сделать археологию востребованной в новых условиях могло лишь оперативное создание обобщающих трудов по истории культуры. Надо было дать систематическое обобщение материалу, добытому раскопками; создать новые вузовские учебники по древней и средневековой истории. Дальнейшее показало, что он был прав. Директор ИИМК И. А. Орбели фактически устранился от этих проблем. Отважившись выступить в роли лидера, М. И. Артамонов тем самым спас Институт от развала. Он, как мог, наводил там порядок и дисциплину. Первым важнейшим достижением стало создание к концу 1938 г. первого тома учебника «История СССР».

Тогда же общее собрание ИИМК единогласно постановило обратиться в Президиум АН СССР с просьбой о смене руководства. Ситуация создалась опасная, но учебник был сдан в срок, и к мнению коллектива отнеслись с уважением. В 1939 г. 40-летний кандидат наук был утвержден на посту директора.

Так начался «артамоновский» период в жизни ИИМК. В планах Института стали доминировать «коллективные» темы – Михаил Илларионович по-прежнему считал лучшей организационной формой временную исследовательскую группу. С 1939 г. впервые по-настоящему заработал Комитет полевых исследований. Были созданы два новых периодических издания по археологии, причем за два предвоенных года из печати вышло 6 томов МИА и 7 выпусков КСИИМК. Конечно, далось это недаром. Артамоновские методы руководства были жесткими. Он умел требовать, недовольство не стеснялся высказывать публично, но люди, работавшие с полной самоотдачей, не оставались у него без поощрений. Творческий подъем в Институте и резкое улучшение морального климата не заставили себя ждать. В начале 1941 г. М. И. Артамонов защитил докторскую диссертацию.

Предвоенный артамоновский период оказался короток и неповторим. Для него самого это был момент высшего взлета – не только карьерного. Концом его стал ноябрь 1941 г., когда Президиум АН СССР предоставил М. И. Артамонову возможность для эвакуации из блокадного Ленинграда, и он ею воспользовался. Окружающими его коллегами это решение в тяжелейшую первую блокадную зиму было воспринято неоднозначно. М. И. Артамонову пришлось в этом убедиться, когда он приехал руководить Елабужской группой ИИМК, состоявшей из людей, вывезенных Ледовой дорогой в феврале 1942 г. Блокадники не могли простить директору его выбора. Сплоченной ИИМКовской «семьи», единогласно поддерживавшей своего руководителя, более не существовало. В результате ученый еще до решения Президиума АН СССР (1943 г.) отказался оставаться на посту директора или заведующего Ленинградской частью Института.

В дальнейшем, хотя он числился в штате ЛОИИМК/ЛОИА до 1960 г., его основной работой были либо ЛГУ, либо Эрмитаж. В научном плане 1940–1950-е гг. стали расцветом творчества М. И. Артамонова. В этот период он публикует серию статей и книг сразу по нескольким направлениям – скифскому, хазарскому, раннеславянскому, методологическому.

В 1948 г. ученый был назначен проректором ЛГУ, с 1949 г. стал заведующим кафедрой археологии, некоторое время был и. о. ректора. В 1951 г. по личному распоряжению Сталина И. А. Орбели был заменен на посту директора Эрмитажа М. И. Артамоновым, который занимал эту должность 13 лет. Администратором он был очень принципиальным и имел самостоятельную позицию по острым вопросам. В 1964 г. партийное руководство Ленинграда все-таки нашло повод избавиться от чересчур независимого директора Эрмитажа. После этого вся деятельность Михаила Илларионовича сосредоточилась на совершенствовании учебного процесса на кафедре археологии ЛГУ, руководителем которой он остался. Ученый значительно расширил круг преподаваемых на кафедре дисциплин. Новые курсы лекций стали читать ведущие археологи ЛОИА, приглашенные М. И. Артамоновым.

Лето 1972 г. выдалось аномально жарким. Горели леса. Воздух тяжелел от дыма. У Михаила Илларионовича давно уже были проблемы с сердцем. Он умер 31 июля за рабочим столом, редактируя научную статью.

Н. И. Платонова

**СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖЕБЕЛЁВ –
временно исполняющий обязанности директора ИИМК АН СССР
с 8 ноября по 28 декабря 1941 г.**

Во главе ИИМК академик С. А. Жебелёв (рис. 3, 3) находился всего несколько недель, и связано это с ситуацией, которую следует назвать не просто необычной, а трагической. Директор Института М. И. Артамонов, улетаая в эвакуацию из блокированного Ленинграда 7 ноября 1941 г., возложил на него исполнение этих обязанностей. С. А. Жебелёв исполнял их до дня своей смерти, наступившей от истощения 28 декабря 1941 г.

Будущий академик родился 22 сентября 1867 г. в Санкт-Петербурге. В 1886 г. он поступил на историко-филологический факультет ИСПБУ. Основной сферой научных интересов С. А. Жебелёва стали история Древней Греции, классическая археология и филология. В 1890 г. он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Здесь ученый прошел все ступени служебной лестницы: приват-доцент, профессор, декан историко-филологического факультета, проректор и даже ректор в 1919 г. В 1902 г. С. А. Жебелёв стал чл.-корр. ИАК.

В ГАИМК он был принят с момента создания Академии в 1919 г., возглавив в ней Разряд археологии Эллады и Рима. Отношения С. А. Жебелёва с большевистской властью складывались очень не просто. В 1927 г. он был уволен из университета, но в том же году оказался избранным в академики АН СССР. В 1928 г. за публикацию в заграничном («белогвардейском») издании ученый был подвергнут жестокой критике. Во время «чистки» ГАИМК 1930 г. ему вновь пришлось пережить весьма серьезную «разборку», тем не менее и здесь он сохранил свой пост. После реорганизации ГАИМК в 1934 г. С. А. Жебелёв возглавлял Институт истории античных колоний Северного Причерноморья, а после создания ИИМК АН СССР (1937 г.) встал во главе Сектора древнего Причерноморья.

Обладая прекрасным знанием античной литературной традиции и эпиграфических документов, ученый создал целую серию научных исследований, многие из которых сохранили свое значение до наших дней. С. А. Жебелёв входит в плеяду исследователей античной истории и культуры, которыми может гордиться наша страна. Вся его жизнь была посвящена бескорыстному служению науке, и свою смерть он принял как солдат на боевом посту, оставшись в осажденном Ленинграде.

Ю. А. Виноградов

**СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ БИБИКОВ –
временно исполняющий обязанности директора ИИМК АН СССР
с 3 января 1942 г. по август 1942 г.**

С. Н. Биби́ков (рис. 3, 4) родился 14 сентября 1908 г. в г. Севастополе. В 1928 г. он поступил на восточное отделение Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе в г. Симферополе, а спустя год перевелся на этнографическое отделение географического факультета ЛГУ, которое в 1931 г. было передано в ЛГИЛИ, оконченный им в том же году по специальности «музееведение и советское строительство».

После завершения учебы и службы в армии в марте 1934 г. С. Н. Биби́ков был принят в штат ГАИМК на должность научно-технического сотрудника, осенью того же года он поступил в аспирантуру Академии, которую завершил в 1937 г. В ноябре 1938 г. С. Н. Биби́кова назначают ученым секретарем ИИМК. Защита кандидатской диссертации С. Н. Биби́кова состоялась уже в блокированном германскими войсками Ленинграде 27 сентября 1941 г.

Директор ИИМК М. И. Артамонов вылетел в эвакуацию из Ленинграда 7 ноября, сменивший его на этом посту С. А. Жебелёв был уже весьма пожилым человеком, а поэтому в трагические дни первой блокадной зимы решение многих административных вопросов пало на плечи ученого секретаря как молодого и энергичного человека. После смерти С. А. Жебелёва решением Распорядительной комиссии ленинградских учреждений АН СССР С. Н. Биби́ков 3 января 1942 г. был назначен временно исполняющим обязанности директора ИИМК.

Важнейшей задачей С. Н. Биби́кова в нечеловеческих условиях блокады стала борьба за сохранение жизней оставшихся в блокадном кольце коллег. Благодаря его стараниям в феврале и марте 1942 г. из осажденного города были вывезены по Дороге Жизни группы сотрудников Института. В июле и августе эвакуация коллектива ИИМК была практически завершена. С. Н. Биби́ков не забывал и о научных задачах Института. Начиная с апреля 1942 г. он организовал работу трех секторов ИИМК: палеолита и неолита, античного мира, Древней Руси и Восточной Европы.

Оказавшись в эвакуации в г. Елабуге, ученый получил назначение на должность заместителя директора Института. Свои административные обязанности он исполнял вплоть до 15 октября 1943 г., когда было объявлено о коренной реорганизации ИИМК. После реэвакуации Института в Ленинград С. Н. Биби́ков в конце декабря 1945 г. был назначен ученым секретарем уже ЛОИИМК и оставался им до 1949 г., когда по решению руководства головного Института была сменена вся администрация его Ленинградского отделения.

Став старшим научным сотрудником Сектора палеолита и неолита/Сектора палеолита, С. Н. Биби́ков обратился к изучению древнеземледельческих обществ юга европейской части СССР и в 1953 г. защитил докторскую диссертацию. Через два года его пригласили руководить Институтом археологии АН УССР в Киеве. На этой должности

С. Н. Бибилов пребывал до 1968 г. Научные заслуги исследователя были по достоинству оценены его новыми коллегами. Он стал чл.-корр. АН УССР (1958) и получил звание «Заслуженный деятель науки УССР» (1975). В течение многих лет (1973–1985) С. Н. Бибилов возглавлял также Отдел археологии Крыма ИАУ. Исследователь скончался 21 ноября 1988 г.

В. А. Алёкин

**СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ КОВАЛЁВ –
временно исполняющий обязанности заведующего
ЛОИИМК АН СССР с 16 июля по 2 сентября 1944 г.**

С. И. Ковалёв (рис. 4, 1) родился 25 сентября 1886 г. в с. Большой Куганак Стерлитамакского уезда Уфимской губ. В 1908 г. он поступил на физико-математический факультет ИСПБУ, спустя два года перевелся на историко-филологический факультет, а в 1915 г. был призван на военную службу. В университет С. И. Ковалёв вернулся в 1918 г., а окончил его в 1922 г., совмещая учебу с преподаванием в средних учебных заведениях, на курсах Красной Армии и в Военно-политическом институте им. Н. Г. Толмачёва (впоследствии Академия им. В. И. Ленина).

В ГАИМК С. И. Ковалёв попал после чистки 1930 г., в результате которой не только был радикально обновлен штат сотрудников, но и произведена структурная перестройка Академии. Названия новых подразделений были приведены в соответствие с наименованиями общественно-экономических формаций, присущих, с точки зрения марксизма, различным стадиям исторического развития человечества. Один из таких отделов, Сектор античной формации, и возглавил С. И. Ковалёв. В силу всей своей предшествовавшей деятельности он вполне отвечал требованиям борьбы за марксистскую историю материальной культуры. Сфера научных интересов исследователя включала историю эллинизма, поздней Римской империи и крупных социальных движений в античном обществе, изучение античного способа производства, проблемы происхождения христианства и вопросы античной историографии.

Вскоре после поступления в Академию С. И. Ковалёв возглавил Группу по национальному и профессионально-классовому составу населения античных колоний Северного Причерноморья и стал начальником Таманской экспедиции. В 1934 г. помимо руководства Институтом истории рабовладельческого общества ГАИМК С. И. Ковалёв был главой (до 1936 г.) и одного из его подразделений – кафедры истории Древнего Рима (существовавшей под различными названиями). В 1936 г. исследователь перешел в ЛОИИ АН СССР, где работал в 1936–1942 гг. и в 1946–1950 гг.

Параллельно со службой в ГАИМК и ЛОИИ С. И. Ковалёв много сил отдавал преподаванию в ЛГУ, возглавляя кафедру истории Древнего мира/Древней Греции и Рима (до 1956 г.). Он окончательно расстался с университетом в 1958 г. Не обошли стороной С. И. Ковалёва и политические репрессии. Он был арестован в 1938 г., но следствие по его делу, к счастью, было прекращено после смещения Н. И. Ежова с поста главы НКВД.

В 1942 г. С. И. Ковалёв оказался в штате ИИМК АН СССР и был эвакуирован из Ленинграда с группой археологов. С осени 1942 г. он включен в состав Елабужской группы сотрудников ИИМК, руководя с февраля 1944 г. Сектором Древнего Причерноморья. С 16 июля по 2 сентября 1944 г. ученый временно исполнял обязанности заведующего ЛОИИМК, занимаясь подготовкой к возвращению части сотрудников Института из Елабуги в Ленинград.

По возвращении из эвакуации в 1945 г. С. И. Ковалёв вплоть до мая 1946 г. возглавлял Сектор древнего Причерноморья, а затем вернулся на работу в ЛОИИ и ЛГУ. В последние годы жизни (1956–12 ноября 1960 г.) С. И. Ковалёв стоял во главе Ленинградского музея истории религии и атеизма.

В. А. Алёшкин

**ВЛАДИСЛАВ ИОСИФОВИЧ РАВДОНИКАС –
заведующий ЛОИИМК АН СССР
со 2 сентября 1944 г. по 16 марта 1946 г. и с 1 января 1947 г.
по 17 марта 1949 г.**

В. И. Равдоникас (рис. 4, 2) родился 27 ноября 1894 г. в г. Тихвине, в семье фельдшера. Он рано потерял родителей. Круг интересов юноши сформировался под влиянием краеведа, основателя Тихвинского отделения НОЛД И. П. Мордвинова. В 1914–1915 гг. В. И. Равдоникас (тогда студент Политехнического института) начинает собственные раскопки курганов. В 1916 г. он был мобилизован и после Артиллерийского училища почти год провел на передовой. Вернувшись с фронта в конце 1917 г., В. И. Равдоникас занимается краеведческой работой, начинает преподавательскую деятельность. Летом 1918 г. он поступает на историко-филологический факультет Петроградского университета. С осени 1918 г. В. И. Равдоникас – в Красной Армии, где вступает в партию большевиков. В октябре 1919 г., когда части Н. Н. Юденича прорвались к пригородам Петрограда, поступил приказ: из бежавших красноармейцев расстреливать каждого десятого. Началось формирование «отрядов коммунистов особого назначения». Командиром одного из них стал В. И. Равдоникас. После отступления войск Юденича он еще год пребывал на посту начальника артиллерии Петропавловской крепости.

Перестройка университетов на советский лад тогда еще не началась. Студентов учили по старым программам старые профессора. В выходном свидетельстве, полученном Равдоникасом в 1923 г. (уже на ФОНе), указано, что он «выполнил все требования учебного плана, установленного для бывшего историко-филологического факультета».

К моменту получения диплома это был вполне зрелый человек. За спиной – две войны, революция, вступление в партию и скандальный выход из нее: в декабре 1922 г. Тихвинский уком РКПб постановил исключить его из партии без права нового вступления. В позднейших анкетах В. И. Равдоникас указывал: «Выбыл по собственному заявлению ввиду нежелания быть переброшенным с педагогической и научной работы на административную». «Я хочу – и имею право хотеть – работать только по моей специальности, так как только здесь я вижу результаты – и большие результаты – от своей работы», – писал В. И. Равдоникас в связи со своим исключением. Так карьера партийца, начатая в 1918 г., разом оказалась принесена в жертву.

Вплоть до 1927 г. В. И. Равдоникас продолжал руководить созданным им Тихвинским музеем и педагогическим техникумом, но краеведческий уровень был уже тесен для него. В 1927 г. он пытается поступить в аспирантуру РАНИОН, но терпит неудачу. В январе 1928 г. Равдоникас переезжает в Ленинград, где начинает свою ученую карьеру в ГАИМК и МАЭ «за штатом» и без жалованья. Однако любое порученное дело он выполнял безупречно, и в 1929 г. его принимают в университет уже на оплачиваемую работу ассистента Ямфака. Для него находится и место в аспирантуре АН СССР, причем сам Н. Я. Марр становится его руководителем. В конце года 35-летний ученый неожиданно выступает в ГАИМК с докладом «Археологическое наследство», претен-

дующим на обобщение опыта всей отечественной археологии прошлого и ее теоретическое осмысление.

Главный пафос доклада заключался в том, что отечественная археология якобы представляла собой описательное «вещеведение» без всякого метода. Роня отдельные фразы о достижениях «буржуазной» методологии на русской почве, В. И. Равдоникас не распространялся о них подробно. Самый стиль изложения был сродни языку проработочной кампании. От рассуждений автора (порой очень дельных) веяло хамоватостью и презрительным превосходством.

Решение предстать перед коллегами в роли грозного судии явно было принято им спонтанно, в ходе осмысления ситуации конца 1929 г. А ситуация была такова: только что прошла «чистка» АН СССР, всюду шли увольнения и слом научных структур, ожидалась «чистка» в самой ГАИМК. В этот момент Академия была особенно заинтересована в том, чтобы сохранить ведущие позиции в деле внедрения марксизма в археологию. Между тем в Москве группа аспирантов РАНИОН во главе с А. В. Арциховским уже попробовала перехватить инициативу. Скорее всего, Н. Я. Марр предложил своему аспиранту сделать доклад на подобную тему. Сам же аспирант отчетливо уловил социальный заказ эпохи «Великого перелома», а заодно и момент, когда прапорщик может стать генералом.

Доклад и изданная по нему книга выдвинули В. И. Равдоникаса в первые ряды полемистов и теоретиков археологии. По окончании аспирантуры в августе 1931 г. он становится действительным членом ГАИМК. Стоит отметить: В. И. Равдоникас был в числе тех, кто в дискуссии 1932 г. сумел отстоять самостоятельность археологии – по крайней мере как вспомогательной исторической дисциплины. При этом его манера вести полемику была в буквальном смысле слова убийственной.

В середине 1930-х гг. В. И. Равдоникас уже представлял собой одну из центральных фигур в советской науке. В ноябре 1934 г. он становится директором Института истории доклассового общества ГАИМК. В июне 1935 г. ему присваивается ученая степень доктора археологии. Крупнейшим достижением, сделавшим его звездой первой величины на европейском научном небосклоне, стали две его книги: о наскальных изображениях Онежского озера и Белого моря (Равдоникас 1936; 1938).

В конце 1936 г. В. И. Равдоникас начинает заведовать кафедрой истории доклассового общества на истфаке ЛГУ. Расформирование ГАИМК в 1937 г. прошло для него без потерь. В «Советской археологии» № 3 была опубликована его анонимная редакционная передовая «О вредительстве в области археологии и ликвидации его последствий». Хотя прошло много лет, читать ее страшно до сих пор.

В начале войны В. И. Равдоникас, как и многие другие, не торопился уезжать в эвакуацию. Он был вывезен из Ленинграда в Елабугу в феврале 1942 г. В августе 1943 г. Равдоникас переехал в Саратов, куда был эвакуирован университет, и возобновил там работу в качестве профессора. Вместе с ЛГУ он вернулся в Ленинград в мае 1944 г. В период постепенного «воссоединения» разрозненных групп сотрудников ИИМК 1 сентября 1944 г. его назначили заведующим – уже не ИИМК, а его Ленинградским отделением. 16 марта 1946 г. В. И. Равдоникас был освобожден от должности («согласно личной просьбы»), уступив ее демобилизованному П. Н. Третьякову. Сам он получил благодарность за руководство Институтом в период реэвакуации, расконсервации и восстановления и был утвержден заведующим Сектором Древней Руси и Восточной Европы.

Однако его директорская эпопея на этом не закончилась. Уже в январе 1947 г. П. Н. Третьяков перешел на работу в Москву. Заведующим вновь стал В. И. Равдоникас. Он повел себя весьма независимо и тут же напомнил Президиуму АН СССР, что высококвалифицированные кадры, сохранившиеся в Ленинграде, «по своей численности вполне

соответствуют штатам самостоятельного института АН СССР». Последнее прозвучало в докладе о работе ЛОИИМК, состоявшемся в Москве 22.05.1947 г.

В письме ученому секретарю ИИМК Т. С. Пассек, датированном 22.07.1948 г., В. И. Равдоникас выразил удовлетворение тем, что ОИФ ходатайствует о возвращении Ученому совету ЛОИИМК права самостоятельного присуждения ученых степеней. При этом он писал: «Надо все же отметить, что это право просто явочным порядком без каких-либо решений высших инстанций, вопреки общим положениям об ученых советах, было аннулировано московской частью Института, причем Ученый совет последнего <...> почему-то стал считать себя верховной инстанцией. <...> Надеюсь, что эта странная ситуация <...> будет в корне изменена».

В претензиях В. И. Равдоникаса к руководству ИИМК было немало справедливого. Решительность его высказываний объясняется тем, что лично для него первые послевоенные годы стали вершиной научной карьеры. В этот период В. И. Равдоникас одновременно руководит ЛОИИМК и кафедрой археологии ЛГУ. В 1946 г. он становится чл.-корр. АН СССР.

Казалось бы, будучи человеком, весьма влиятельным в научном мире, В. И. Равдоникас мог постепенно добиться для ЛОИИМК очень многого. Но он оставался лидером в стиле первой половины 1930-х гг. и всему предпочитал силовое решение. Как раз летом 1948 г. на всю страну прогремела биологическая дискуссия, начавшаяся докладом Т. Д. Лысенко на сессии ВАСХНИЛ. Из биологии зараза быстро перекинулась в гуманитарные области. По институтам прокатилась волна проработок.

В. И. Равдоникас счел подобную конъюнктуру подходящей и произнес в ЛОИИМК доклад «О положении в археологической науке», где выдвинул идею, что в современной археологии сложилось два течения – передовое и формалистическое. Первое локализовалось, по его словам, в Ленинграде. Второе, в основном, в Москве. Упомянулось, впрочем, и третье направление, активно реакционное, выступающее против марксизма-ленинизма в области истории первобытного общества. Олицетворением его представлялся М. О. Косвен, работавший в МАЭ.

Несомненно, целью докладчика было выставить ЛОИИМК в нужном свете и добиться восстановления его утраченных позиций. Однако эффект от выступления получился противоположный. Когда доклад был повторен в Москве, начался разгром по всем правилам. Приказом от 17 марта 1949 г. В. И. Равдоникас был снят с заведования ЛОИИМК. Формулировка вышла сравнительно мягкой: «по состоянию здоровья, с оставлением в должности зав. сектором Древней Руси». Но и это последнее кресло у член-корра вскоре отобрали. Сыграло роль то, что он не смог «держать удара» и предпочел найти истину в вине.

В 1950 г., в связи с антимарриетской кампанией, В. И. Равдоникас вновь подвергся сокрушительной критике, на которую даже не попытался ответить. В этот период он много и беспробудно пил. Был уволен из университета, но продолжал числиться в ЛОИИМК и ГЭ. В 1957–1959 гг. Эрмитаж возобновил работы Староладожской экспедиции под его номинальным руководством. Вели исследования Г. П. Гроздилов, О. И. Давидан и др. Стоит отметить: В. И. Равдоникас во все времена умел быть хорошим наставником и воспитывал настоящих профессионалов. Ученики сохраняли о нем добрую память.

По рассказам О. И. Давидан, когда работы экспедиции прекратились, В. И. Равдоникас решил уйти на пенсию, но все же хотел продолжать работать с ладожскими коллекциями. Он попросил М. И. Артамонова закрепить за ним хотя бы одного лаборанта. В этом ему было отказано. Тогда он решил махнуть рукой на все, распродал библиотеку и резко сменил круг общения. Ему было тогда 65 лет.

Л. С. Клейн рассказывает: «Когда в день его восьмидесятилетия коллектив кафедры отправился к нему на квартиру с поздравлениями <...> нам навстречу вышел совершенно

незнакомый Равдоникас – высокий умиротворенный старик с двупрядной седой бородой и белой шевелюрой.

Его успели похоронить заживо и забыть, или делали вид, что забыли. Когда в 1976 г. он умер (28.X), основанная с его участием “Советская археология”, давно редактируемая А. В. Арциховским и заменившая онежскую лосиху на обложке вятичским кольцом, не напечатала даже скромного некролога. Видать, ничего не забыли» (Клейн 2010: 384).

Клейн 2010 – *Клейн Л. С.* Красный демон археологии. Сага о Равдоникасе // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. Т. 1. С. 373–384.

Равдоникас 1936 – *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Онежского озера / Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. М.; Л., 1936. Ч. 1.

Равдоникас 1938 – *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Белого моря / Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. М.; Л., 1938. Ч. 2.

Н. И. Платонова

ПЁТР НИКОЛАЕВИЧ ТРЕТЬЯКОВ – заведующий ЛОИИМК АН СССР в марте–декабре 1946 г.

П. Н. Третьяков (рис. 4, 3) родился 12 ноября 1909 г. в Костроме в семье учителя гимназии. В 1926 г. он поступил на археологическое отделение Ямфака ЛГУ (заканчивать в 1930 г. пришлось уже Историко-лингвистический институт). Его учителем стал П. П. Ефименко.

В 1930–1931 гг. П. Н. Третьяков – активный сотрудник сразу нескольких рабочих групп ГАИМК, автор ряда программных, новаторских публикаций, утверждающих социологический подход к памятникам. Одновременно он активно вел полевые работы, преподавал в ЛГУ.

В 1941 г. Пётр Николаевич ушел на фронт добровольцем и был направлен на работу в Главное Политуправление РККА. Затем до конца войны он был преподавателем Военно-Политической академии. Это сделало его номенклатурным работником, открыло путь к высоким административным постам. В 1946 г. П. Н. Третьяков был назначен заведующим ЛОИА и сразу же защитил докторскую диссертацию по книге, изданной в 1941 г. В январе 1947 г. его перевели в Москву на работу в ЦК ВКП(б). Первая «аппаратная» должность называлась: «консультант Управления пропаганды ЦК ВКП(б)». В 1947 г. он становится профессором Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), в 1951 г. – директором Института славяноведения АН СССР, в 1954 г. – заместителем академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР.

Карьера П. Н. Третьякова как чиновника от науки закончилась в 1958 г. В июне этого года он был утвержден в звании чл.-корр. АН СССР, но осенью неожиданно уехал в Ленинград, чтобы в 1959 г. оформиться в ЛОИИМК старшим научным сотрудником. Прямо или косвенно это было связано с непрерывным переделом власти в правительстве СССР, который не мог не затрагивать П. Н. Третьякова как ответственного работника ЦК КПСС и АН СССР. Возможно, в кругах московского чиновничества кое-кто опасался тогда новых «чисток».

Вернувшись в ЛОИИМК, Пётр Николаевич занялся исключительно археологией. Именно в этот период он сумел развернуть очень широкие поисковые работы в Поднепровье и Подесенье и сформулировал новую концепцию славянского этногенеза, которая была затем уточнена и развита его учениками. В конечном счете он внес очень большой вклад в раннесредневековую археологию Восточной Европы.

Разумеется, портрет П. Н. Третьякова будет неполон, если умолчать о «теневых» сторонах его натуры. Несомненно, это был волевой человек, очень организованный, глубоко увлеченный своим делом, не терпевший расхлябанности и предпочитавший ей жесткую дисциплину. Но годы, проведенные «в номенклатуре», сформировали у него привычку с каторжной честностью выполнять задания «сверху». При конфликтном снятии с заведования Лабораторией археологической технологии Я. А. Шера в 1972 г., с подачи заведующего ЛОИА В. П. Шилова, П. Н. Третьяков был назначен председателем комиссии и, к сожалению, задание выполнил.

Скончался П. Н. Третьяков 12 июня 1976 г.

Н. И. Платонова

**АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ ОКЛАДНИКОВ –
заведующий ЛОИИМК АН СССР с 17 марта 1949 г. по 10 апреля 1951 г.**

А. П. Окладников (рис. 4, 4) родился в с. Константиновщина (оно же Тыпта), на р. Илге, притоке Лены, Иркутской губ. 3 октября 1908 г. В анкетах 1930-х гг. он писал, что отец его – сельский учитель, женившийся на крестьянке. Сам А. П. Окладников по окончании семилетки был отправлен в Иркутск, в педтехникум, где проучился 2 года. В 1927 г. А. П. Окладников становится заведующим этнографическим музеем (или скорее кабинетом) при Иркутском университете. В 1928 г. он поступает на педагогический (бывший исторический) факультет, а в 1930 г. оставляет учебу. Причины этого до конца не ясны. В дальнейшем он сам писал в анкетах в графе «образование»: «незаконченное высшее». С 1934 г. открывается новый период жизни ученого. Его посылают в Ленинград, в аспирантуру ГАИМК. В 1938 г. А. П. Окладников был зачислен в штат ИИМК старшим научным сотрудником. В 1940 г. он создал Ленскую археологическую экспедицию ИИМК и Института языка и культуры при СНК Якутии, которая продолжалась непрерывно в 1941–1946 гг. Докторскую диссертацию А. П. Окладников защитил в 1947 г. в ЛГУ.

Приказом Президиума АН СССР от 17 марта 1949 г. исследователь был назначен заведующим ЛОИИМК. В тот же год он стал лауреатом Сталинской премии. Однако «развенчание» Н. Я. Марра в 1950 г. и последовавшая за этим разоблачительная кампания повредили административной карьере А. П. Окладникова, считавшегося видным марристом. 29 июня 1951 г. он был официально снят с должности и утвержден заведующим Сектором палеолита (на практике отстранение его от руководства ЛОИИМК произошло несколько раньше). В создавшейся ситуации это можно было рассматривать как административный «потолок» для А. П. Окладникова, хотя он и являлся организатором куда более крупного масштаба.

Сильной стороной А. П. Окладникова как ученого был редкостный дар археолога-поисковика, соединенный с неистощимой энергией и талантом организатора. В 1961 г. он переходит на работу в Сибирское отделение АН СССР. С 1964 г. А. П. Окладников – член-корр. АН СССР, с 1966 г. – академик. Тогда же он становится директором Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Сибирский период его деятельности продолжался 20 лет. А. П. Окладников скончался в Новосибирске 18 ноября 1981 г. К тому времени он уже был Героем Социалистического труда (1978), лауреатом Государственной премии СССР (1973) и многих других наград.

Н. И. Платонова

**МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ДЬЯКОНОВ –
заведующий ЛОИИМК АН СССР с 10 апреля 1951 г. по 5 июня 1953 г.**

М. М. Дьяконов (рис. 5, 1) родился 25 июня 1907 г. в Санкт-Петербурге. С 1924 по 1926 г. он был студентом историко-филологического факультета Королевского университета Фредерика в г. Осло, где его отец служил в советском торговом представительстве. В полном объеме высшее образование М. М. Дьяконов получил в Ленинграде, где с 1926 по 1930 г. он изучал иранские языки на восточном отделении факультета языкознания и материальной культуры (с 1929 г. – историко-лингвистический факультет) ЛГУ. В 1931 г. М. М. Дьяконов поступил в аспирантуру ГЭ и в 1934 г. стал научным сотрудником Комитета по делам искусств в Эрмитаже.

В 1935–1937 гг. исследователь сотрудничает с восточным отделением ЛИФЛИ, преобразованным в 1937 г. в восточное отделение филологического факультета ЛГУ, где с 1938 по 1939 г. он является доцентом кафедры иранской филологии. В 1938–1941 гг. ученый преподает в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры (ЛИЖСА), а с 1949 г. становится профессором ЛИЖСА им. И. Е. Репина.

В начале Великой Отечественной войны М. М. Дьяконов вступил в ряды народного ополчения и был тяжело ранен в 1941 г. В сентябре 1942 г. из блокадного Ленинграда он, по заданию Советского правительства, был направлен в служебную командировку в Иран, из которой вернулся в начале 1943 г. Позднее М. М. Дьяконов принимал участие в военных действиях по освобождению Смоленска.

С мая 1944 г. по октябрь 1945 г. М. М. Дьяконов работал заместителем декана исторического факультета МГУ, одновременно являясь (с марта по октябрь) сотрудником ИИМК. В ноябре 1945 г. он становится сотрудником Сектора Средней и Центральной Азии ЛОИИМК, а также сотрудником Отдела Востока ГЭ (1945–1949). В 1946 г. состоялась защита М. М. Дьяконовым докторской диссертации по истории древнего Ирана. Работая в составе Таджикской экспедиции ЛОИИМК, исследователь сосредоточился на изучении древних памятников Таджикистана ахеменидского, античного и раннесредневекового времени и как лингвист первым обратился к расшифровке хозяйственных документов из архива парфянского городища Старая Ниса в Южном Туркменистане.

17 марта 1949 г. М. М. Дьяконова назначают ученым секретарем ЛОИИМК, а 10 апреля 1951 г. – заведующим ЛОИИМК. Вступление ученого в новую должность проходило на фоне дискуссии по вопросам языкознания, инспирированной И. В. Сталиным и обращенной против господствующего в советской науке учения о языке, которое было разработано в 1920-е гг. академиком Н. Я. Марром. Многие сотрудники ЛОИИМК были обвинены в уклонении от борьбы с научным наследием давно умершего ученого, теоретические взгляды которого неожиданно подверг резкой критике вождь.

М. М. Дьяконову пришлось в спешном порядке делать доклад на заседании бюро Дзержинского райкома ВКП(б) в мае 1951 г. Докладчик в духе того времени заверил партийное руководство, что марризм в ЛОИИМК будет изжит. Хотя ни один из ученых, обвиненных в приверженности концепции Н. Я. Марра, не был репрессирован, М. М. Дья-

конову не удалось отстоять Ученый совет Института, который на волне осуждения марксизма был ликвидирован в июле 1951 г.

При М. М. Дьяконове было осуществлено преобразование структуры ЛОИИМК, которая приобрела форму, практически сохранившуюся до нашего времени. Следует подчеркнуть, что в Институте был восстановлен Сектор археологической технологии, упраздненный в 1939 г.

24 апреля 1953 г. М. М. Дьяконов подал заявление об освобождении его от обязанностей заведующего ЛОИИМК. Его прошение было удовлетворено Президиумом АН СССР 5 июня. С мая по октябрь 1953 г. М. М. Дьяконов руководил Сектором Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК, а после избрания его профессором МГУ с ноября стал читать лекции уже в Москве. Ученый скончался 8 июня 1954 г.

В. А. Алёкин

**БОРИС БОРИСОВИЧ ПИОТРОВСКИЙ –
заведующий ЛОИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР
с 5 июня 1953 г. по 3 июля 1964 г.**

Б. Б. Пиотровский (рис. 5, 2) родился в Санкт-Петербурге 14 февраля 1908 г. в семье подполковника, преподавателя математики и механики в военно-учебных заведениях. В 1930 г. он окончил отделение материальной культуры Ямфака (с 1929 г. – историко-лингвистический факультет) ЛГУ.

В 1929 г. молодой исследователь, еще до получения диплома, стал сотрудником Разряда языка, который возглавлял председатель ГАИМК академик Н. Я. Марр, а затем и сотрудником Разряда древнейших культур Кавказа. Работая в различных подразделениях ГАИМК, Б. Б. Пиотровский одновременно проходил службу и в ГЭ, ставшем фактически с 1935 г. его основным местом работы. В марте 1935 г. Б. Б. Пиотровский был арестован органами НКВД, однако в апреле все обвинения с него были сняты.

Начало Великой Отечественной войны застало его в экспедиции в Армении. По возвращении в Ленинград он подготавливал к эвакуации коллекции ГЭ и пережил тяжелую блокадную зиму 1941/42 г. в осажденном городе. В апреле 1942 г. ученый выехал из Ленинграда. В 1944 г. в Ереване он защитил докторскую диссертацию.

После войны Б. Б. Пиотровский работал одновременно в ЛОИИМК и ГЭ, причем в последнем учреждении он в 1949 г. занял должность заместителя директора по научной работе.

5 июня 1953 г. Б. Б. Пиотровский был назначен заведующим ЛОИИМК. Годы, в течение которых он руководил Институтом, получившим в 1959 г. название Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА), совпали с важными общественными переменами, начавшимися в СССР после смерти И. В. Сталина. С приходом Б. Б. Пиотровского страсти, кипевшие вокруг ЛОИИМК и внутри коллектива, успокоились. Отделение стало работать ритмично. Наладились деловые отношения с московской дирекцией, особенно с заместителем директора Е. И. Крупновым, который многие дела замыкал на себя. В первые годы ИИМК смог обеспечивать справедливое распределение бюджетных средств на экспедиции и листажа на издания книг, и даже ЛОИИМК получало больше. Тогда это отражало действительное положение дел. Со временем многое стало переходить в Москву. ЛОИИМК теряло сборники «Советская археология», «Краткие сообщения Института», менялся состав их редколлегий. Перевод институтского архива в Москву, как свидетельствует Б. Б. Пиотровский в своих воспоминаниях, не состоялся только из-за отсутствия там необходимых помещений. Тем не менее на волне перемен новому директору в январе 1955 г. удалось добиться восстановления Ученого совета в ЛОИИМК. Как руководителю Б. Б. Пиотровскому был свойствен демократический стиль общения с сотрудниками Института. Многих из них он знал еще студентами, читая в течение многих лет курс лекций по археологии Закавказья на кафедре археологии ЛГУ. В целом манера администрирования нового заведующего импонировала научному коллективу.

Во второй половине 1950-х–начале 1960-х гг. резко возрос объем экспедиционных исследований Института. Повседневностью стали хоздоговорные экспедиции, проводившие

раскопки в зонах строительства крупных объектов народного хозяйства: в Западной (Новосибирская обл.) и Восточной (Иркутская и Красноярская обл.) Сибири, а также на юге России (Астраханская обл.). Директору удалось наладить их ритмичную работу. Сам Б. Б. Пиотровский с 1961 по 1963 г. возглавлял организованную ЮНЕСКО экспедицию, которая обследовала археологические памятники Нубии, расположенные в зоне затопления Асуанской плотины. При Б. Б. Пиотровском в ЛОИИМК/ЛОИА возникло и окрепло новое исследовательское направление, связанное с изучением древнеземледельческих культур Средней/Центральной Азии.

3 июля 1964 г. решением Правительства Б. Б. Пиотровский был назначен директором ГЭ, где проработал до конца своих дней. Однако он никогда не прерывал научно-организационных связей с Институтом и добрых отношений с его сотрудниками. Успехи исследователя в области археологии были значимы, его избрали академиком АН Армянской ССР (1968) и академиком АН СССР (1970).

Б. Б. Пиотровский скончался 15 октября 1990 г. Его важнейшие научные труды, посвященные цивилизации урартов, до сих пор сохраняют свое значение.

В. А. Алёшкин

Рис. 1. Общая фотография членов РАИМК и участников Избирательного совещания в саду Старого Эрмитажа, 7 августа 1919 г., сидят (слева направо): В. В. Бартольд (РАИМК, Первый Петроградский университет), Б. В. Фармаковский (РАИМК), И. Э. Грабарь (РАИМК, Совет Московского отдела по делам музеев), С. Ф. Ольденбург (РАИМК), В. В. Латышев (РАИМК), Н. Я. Марр (РАИМК), А. А. Васильев (РАИМК), А. А. Шахмагов (РАН), В. К. Мальберг (РАИМК), Н. П. Сычёв (РАИМК); стоят (слева направо): П. К. Симони, М. В. Фармаковский (член Совета РГАК), А. С. Раевский (зав. библиотекой РГАК), А. А. Миллер (РАИМК), К. К. Лукьянов (РАИМК), К. К. Романов (РАИМК), В. К. Шилейко (РАИМК), И. И. Толстой (РАО), П. П. Покрышкин (РАИМК), Д. А. Золотарёв (РЭМ), Б. А. Тураев (РАИМК, Первый Петроградский университет), Н. П. Лихачёв, Н. Б. Бакланов (РАИМК), И. А. Орбели (РАИМК), А. М. Эфрос, Ю. М. Шокальский (ОЛЕАЭ при Московском университете), И. Ю. Крачковский (РАО), В. В. Богданов (РАИМК), С. П. Яремич (Эрмитаж), Б. Ф. Адлер (ОЛЕАЭ при Казанском университете), С. Н. Тройницкий (член Совета РГАК), В. А. Щавинский, И. И. Мещанинов, А. А. Ильин (член Совета РГАК), С. Г. Елисеев (РАИМК), А. К. Марков (Эрмитаж), В. К. Никольский (ОЛЕАЭ при Московском университете)

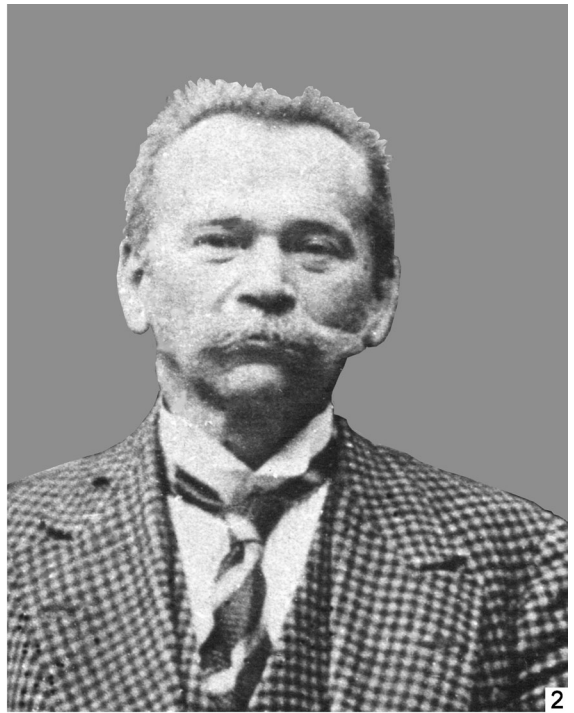

Рис. 2. 1 – Н. Я. Марр, 1927 г.; 2 – А. А. Васильев, 1919 г.; 3 – Ф. В. Кипарисов (?); 4 – С. Ф. Ольденбург, 1934 г.; 5 – В. В. Бартольд, начало 1920-х гг.

Рис. 3. 1 – И. А. Орбели, 1932 г.; 2 – М. И. Аргамонов, октябрь 1940 г.; 3 – С. А. Жебелёв, 1923 г.; 4 – С. Н. Бибииков, 1940 г.

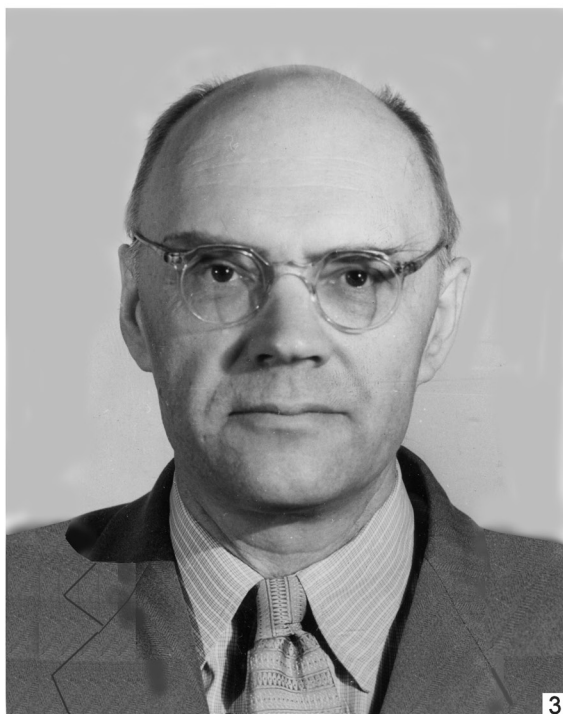

Рис. 4. 1 – С. И. Ковалёв, до 1941 г.; 2 – В. И. Равдоникас, 1947 г.; 3 – П. Н. Третьяков, около 1950 г.; 4 – А. П. Окладников, конец 1970-х гг.

Рис. 5. 1 – М. М. Дьяконов, 1949 г.; 2 – Б. Б. Пиотровский; 3 – М. К. Каргер; 4 – В. П. Шилов
(2–4 – фото 1970-х гг.)

Рис. 6. 1 – В. П. Любин; 2 – Н. Н. Гурина; 3 – В. М. Массон (1–3 – фото 1985 г.); 4 – Е. Н. Носов, 2009 г.

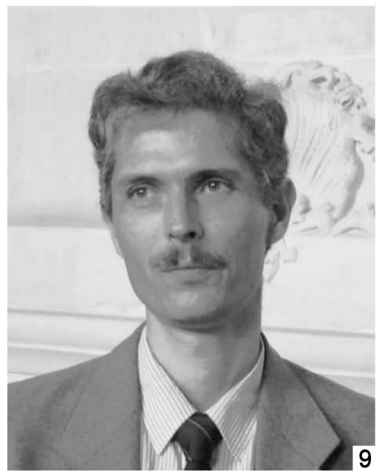
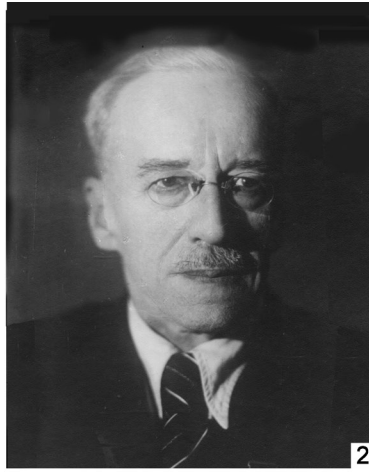

Рис. 7. 1 – Б. В. Фармаковский, 1927 г.; 2 – И. И. Мещанинов, 1948 г.; 3 – В. В. Гольмстен, 1933 г.; 4 – В. И. Селиванов, 1935 г.; 5 – С. Г. Томсинский; 6 – Л. П. Хлобыстин, 1970-е гг.; 7 – В. А. Алёкшин, 1999 г.; 8 – С. Н. Астахов, 1970-е гг.; 9 – О. И. Богуславский, 2010 г.

Рис. 8. 1 – Е. А. Векилова; 2 – В. С. Сорокин; 3 – Н. Д. Праслов; 4 – А. К. Филиппов; 5 – Л. Б. Кирчо; 6 – С. А. Кулаков, 2010 г.; 7 – В. И. Распопова; 8 – Г. В. Сینیцна; 9 – П. Е. Нехорошев (1, 4, 5, 8, 9 – фото 1985 г.; 2, 3 – фото 1970-х гг.)

**МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ КАРГЕР –
заведующий ЛОИА АН СССР с 3 июля 1964 г. по 14 октября 1971 г.**

М. К. Каргер (рис. 5, 3) родился в Казани 30 мая 1903 г. в учительской семье. В 1919 г. он поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Самарского университета, в 1922 г. перевелся оттуда на ФОН Петроградского университета, который окончил в 1923 г. В 1924 г. М. К. Каргер сдал магистерские испытания по нескольким темам. Можно констатировать, что, несмотря на краткий срок обучения в Петрограде, он сполна использовал возможности общения с ведущими учеными университета. Его непосредственным руководителем был Н. П. Сычёв.

М. К. Каргер остался работать в университете ассистентом, а с 1929 г. – доцентом, совмещая это с работой в Русском музее (научный сотрудник, в 1935–1936 гг. – заведующий отделом древнерусского искусства). В 1929 г. его принимают в ГАИМК. В 1933 г. исследователь получает статус действительного члена ИИФО. Тогда же под эгидой ГАИМК им разворачиваются в Новгороде широкие реставрационные работы.

В 1935 г. М. К. Каргера обвинили во вредительстве, но дело не состоялось благодаря поддержке председателя ГАИМК Ф. В. Кипарисова и тому обстоятельству, что самого «разоблачителя» А. И. Кауля – директора ИИТ сняли с должности и отправили с понижением в г. Ставрополь. В 1936 г. директор Новгородских музеев А. А. Строков написал другой донос, вновь обвинив Каргера во вредительстве и намеренном уничтожении объектов культурного наследия. В конечном счете дело было прекращено, но М. К. Каргеру пришлось уйти из Русского музея и прекратить работы в Новгороде. Тем не менее в 1937 г. он был принят на работу в ИИМК АН СССР и одновременно приглашен на исторический факультет ЛГУ. Начиная с 1940 г. местом основной работы Каргера считалась Академия художеств, где он преподавал и являлся заместителем директора Института им. И. Е. Репина.

В июле 1941 г. М. К. Каргер ушел на фронт добровольцем и оказался в политотделе 8-й армии, оборонявшей Ленинград (старший инструктор, военный комиссар штаба). В октябре 1943 г. он был демобилизован по ходатайству Президиума АН СССР. В 1943–1948 гг. заведовал кафедрой русского искусства в Академии художеств, а с 1949 г. возглавил кафедру истории искусств на истфаке ЛГУ. В 1959 г. М. К. Каргеру было присвоено звание доктора исторических наук.

В июне 1951 г., когда на волне антимарристской кампании Сектор Древней Руси и Восточной Европы ЛОИИМК был превращен в Группу славяно-русской археологии, М. К. Каргера назначили ее заведующим. На этой должности он оставался вплоть до 1974 г. В период с 3 июля 1964 г. по 14 октября 1971 г. он также являлся заведующим ЛОИА.

Администратором он был достаточно инертным – не слишком радел об интересах своего Института и предпочитал не беспокоить ими начальство. Но лично ему руководящее положение давало очень большие возможности для организации экспедиционных работ и издания материалов. Он широко этим пользовался.

М. К. Каргером была выработана отточенная методика полевого исследования архитектурных памятников, радикально обновлена источниковая база данных о строительном деле Древней Руси. Педагогическая и экспедиционная деятельность исследователя

фактически сформировала в отечественной науке новое направление – архитектурную археологию. Трудам М. К. Каргера свойственны глубина, точность, документальность.

Впрочем, отдавая должное крупнейшему ученому, нельзя не сказать и о другом. М. К. Каргер был, мягко выражаясь, непростым человеком. В зрелые годы он никого из окружающих не любил и не уважал. Будучи «в силе», мог совершенно беспардонно распоряжаться научными достижениями своих подчиненных. Ему была свойственна почти патологическая скупость, во многом определявшая стиль поведения. М. К. Каргер скончался в Ленинграде 26 августа 1976 г. В последние полтора года он числился в ЛОИА консультантом. Всю жизнь он был одержимым коллекционером – собирателем книг, рисунков, чертежей. В результате у него составились интересные, очень ценные собрания. Увы, их обладателю выпала одинокая старость, которой не могли скрасить даже ближайшие ученики, с которыми он не умел и не хотел быть по-человечески близким. После его смерти и коллекции, и библиотека пошли прахом, попав в случайные или нечистые руки.

Н. И. Платонова

ВАЛЕНТИН ПАВЛОВИЧ ШИЛОВ –
заведующий ЛОИА АН СССР с 14 октября 1971 г. по 11 января 1976 г.

В. П. Шилов (рис. 5, 4) родился 11 декабря 1917 г. в местечке Тальное Уманского уезда Киевской губ. В 1941 г. он завершил учебу на кафедре истории доклассового общества (археологии) исторического факультета ЛГУ и, будучи призванным в армию, в декабре 1941 г. окончил Ленинградское Краснознаменное артиллерийское училище, эвакуированное тогда в г. Энгельс Саратовской обл. Участник Великой Отечественной войны в 1942–1945 гг.

С 1946 г. В. П. Шилов в аспирантуре ЛОИИМК, затем – научный сотрудник в Секторе Средней Азии и Кавказа, канд. ист. наук. Его научные интересы были связаны с изучением древностей бронзового и железного веков степной зоны Восточной Европы.

14 октября 1971 г. В. П. Шилов был назначен заведующим ЛОИА. По его инициативе при Институте в 1972 г. была создана объединенная Лаборатория камеральной обработки, во главе с А. Я. Щетенко, в состав которой были включены лаборанты, состоявшие в штате различных секторов.

Не все коллеги В. П. Шилова в силу своих амбиций признали его в качестве лидера Института. Это обстоятельство со временем привело к разногласиям между заведующим и рядом его подчиненных, фронда которых вызвала ответную жесткую реакцию человека, нервная система которого после двух ранений и контузии, полученных еще в годы войны, не могла выдерживать постоянных перегрузок. Стремление В. П. Шилова влиять на решение организационных вопросов, связанных с функционированием хоздоговорных сибирских экспедиций, натолкнулось на неприятие со стороны заинтересованных руководителей отрядов. В этом столкновении интересов и характеров заведующий не смог остудить страсти и занять взвешенную позицию. Противоречия между директором и подчиненными и среди последних вылились в затяжной конфликт, за которым последовали увольнения сотрудников, выступавших наперекор заведующему. Стали поступать жалобы в вышестоящие инстанции. Такой ход событий пагубно влиял на положение дел в Институте. В конце концов по рекомендации ленинградских партийных органов и с согласия директора ИА АН СССР Б. А. Рыбакова В. П. Шилов был смещен в январе 1976 г. со своего поста и вернулся в Сектор археологии Средней Азии и Кавказа. Спустя два года он был переведен на работу в ИА АН СССР в Москву, где в течение ряда лет занимал должность заместителя директора, а затем (до 1995 г.) – старшего научного сотрудника в Отделе неолита и бронзы.

В. А. Алёшкин

**ВАСИЛИЙ ПРОКОФЬЕВИЧ ЛЮБИН –
временно исполняющий обязанности заведующего ЛОИА АН СССР
с 12 января по 20 мая 1976 г.**

В. П. Любин (рис. 6, 1) родился 18 января 1918 г. на Украине в г. Николаеве. В 1941 г. он успешно завершил учебу на историческом факультете Одесского государственного университета. В начале Великой Отечественной войны В. П. Любин был мобилизован в РККА и в 1942 г. окончил зенитно-артиллерийское училище в г. Горьком (ныне Нижний Новгород). Он воевал на советско-германском и советско-японском фронтах в 1943–1945 гг.

С 1950 г. В. П. Любин в ЛОИИМК в аспирантуре, затем в Секторе/Отделе палеолита, специалист по изучению нижнего и среднего палеолита, зав. Отделом/Сектором в 1979–1988 гг., д-р ист. наук с 1975 г.

12 января 1976 г. В. П. Любин был назначен исполняющим обязанности заведующего ЛОИА. Выбор на этот пост кандидатуры В. П. Любина в немалой степени был обусловлен тем, что в начале 1970-х гг. он являлся секретарем партийной организации ЛОИА. Его спокойная и доброжелательная манера общения с людьми сыграла положительную роль в устранении напряженности, создавшейся к этому времени в Институте. Обязанности заведующего ученый исполнял до конца мая.

В. А. Алёкин

**НИНА НИКОЛАЕВНА ГУРИНА –
исполняющая обязанности заведующей ЛОИА АН СССР
с 20 мая 1976 г. по 4 января 1982 г.**

Н. Н. Гурина (рис. 6, 2) родилась 17 июня 1909 г. в г. Ростове Великом Ярославской губ. В 1930 г. она окончила этнологический (впоследствии историко-философский) факультет Первого Московского университета по археологическому циклу исторического отделения, затем работала в музеях Карелии.

В 1934 г. Н. Н. Гурина поступает на работу в ГЭ, а в 1935 г. – в ГАИМК, в Институт истории доклассового общества. Ее научные интересы были связаны с изучением культур мезолита, неолита и раннего металла Северных и Северо-Западных регионов России и остались таковыми на долгие годы. В аспирантуру ИИМК Н. Н. Гурина поступила в 1943 г. и окончила ее в 1945 г. Спустя год она стала сотрудником Сектора палеолита и неолита. С 1951 до 1960 г. Н. Н. Гурина – ученый секретарь ЛОИИМК, д-р ист. наук с 1963 г.

С 20 мая 1976 г. и до 4 января 1982 г. Н. Н. Гурина являлась исполняющей обязанности заведующего ЛОИА. Она показала себя осмотрительным администратором и стремилась направить жизнь Института в деловое русло, как она это понимала. А понимала Нина Николаевна многое излишне прямолинейно, искренне полагая, будучи сама четким и трудолюбивым человеком, что дисциплина нахождения в стенах учреждения является основой повышения уровня научной работы каждого сотрудника и всего коллектива в целом. Начались регулярные проверки посещаемости, были заведены журналы учета времени прихода на работу, причин и времени ухода сотрудников и т. д. Н. Н. Гурина, всегда опасавшаяся каких-либо внешних осложнений в работе Института, старалась следовать многочисленным постановлениям, указаниям и рекомендациям партийных, советских и академических органов, многие из которых бюрократизировали научную работу и только мешали заниматься делом. К сожалению, как руководитель она была подвержена посторонним влияниям. Значимой фигурой при ней стал А. Я. Щетенко, многолетний секретарь партийной организации ЛОИА. Нина Николаевна часто придерживалась его логики и рекомендаций. Так, был жестко осуществлен перевод целого ряда крупнейших ученых и старейших сотрудников ГАИМК/ИИМК/ЛОИА на пенсию и в научные консультанты. Ротация была необходима, но ее можно было осуществить мягче и мудрее.

В годы руководства Н. Н. Гуриной размах полевых изысканий Института оставался значительным. Появились новые крупные хоздоговорные экспедиции: Кубанская, Бейская, Среднеенисейская и Сибирская. Стараниями и энтузиазмом Нины Николаевны в ЛОИА было проведено Второе Всесоюзное неолитическое совещание (1977). До конца своих дней (9 сентября 1990 г.) Н. Н. Гурина продолжала работать в качестве старшего научного сотрудника-консультанта Сектора палеолита, руководя его неолитической группой.

В. А. Алёшкин

**ВАДИМ МИХАЙЛОВИЧ МАССОН –
заведующий ЛОИА АН СССР/директор ИИМК РАН
с 4 января 1982 г. по 29 апреля 1998 г.**

В. М. Массон (рис. 6, 3) родился 3 мая 1929 г. в г. Самарканде (ныне центр Самаркандского вилоята Республики Узбекистан). В 1950 г. он завершил обучение на кафедре археологии Средней Азии Среднеазиатского государственного университета в г. Ташкенте и поступил в аспирантуру Туркменского филиала АН СССР, по ходатайству которого в апреле 1952 г. В. М. Массона перевели в аспирантуру ЛОИИМК. После ее окончания в апреле 1954 г. он был зачислен в Сектор Средней Азии и Кавказа. С его появлением в Институте стало развиваться новое направление, связанное с исследованием древнеземледельческих памятников Средней Азии. В 1963 г. Вадим Михайлович защитил докторскую диссертацию, а в ноябре 1968 г. возглавил Сектор/Отдел Средней/Центральной Азии и Кавказа.

С 4 января 1982 г. В. М. Массон стал заведующим ЛОИА. В годы его руководства вплоть до начала 1990-х гг. Институт формировал и направлял деятельность многочисленных хоздоговорных и бюджетных экспедиций. Будучи инициативным организатором науки, В. М. Массон возглавил в 1970–1980-х гг. межреспубликанский Научный Совет по археологии Средней Азии и Казахстана, который проводил региональные совещания по актуальным проблемам археологии этого обширного региона.

Вадим Михайлович был увлечен вопросами археологической теории и философии науки. При нем стал активно функционировать Методологический семинар, к руководству которым был привлечен философ В. Н. Боряз, взятый в штат Института. В. М. Массон был одним из главных инициаторов проведения в Ленинграде в первой половине 1970-х гг. четырех симпозиумов, посвященных социологической интерпретации археологических источников.

Были установлены широкие международные связи ЛОИА, проведены крупные конференции по дискуссионным проблемам первобытной археологии Среднего Востока, Южной Азии и Европы в сотрудничестве с учеными Дании, Англии, Франции, США, Индии и другими, организован взаимный обмен исследователями, в том числе участие в археологических раскопках на ключевых памятниках. В. М. Массон способствовал интеграции советской и западной археологии, слову, как он любил повторять, «берлинской стены в науке». Особенно плодотворными оказались контакты с английским проф. Питером Акко, завязавшиеся во время Всемирного археологического конгресса 1986 г., проходившего в г. Саутгемптон (Англия). Ученые ЛОИА были вовлечены в различные совместные проекты с английскими коллегами по широкому кругу актуальных проблем, начиная с периода палеолита и эпохи бронзы вплоть до раннего средневековья Евразии. Тесные рабочие отношения сложились с датскими археологами во главе с проф. Олафом Олсеном, директором Национального музея в Копенгагене и государственным антиквариатом, и проф. Клаусом Рансборгом. Активности заведующего ЛОИА на путях международного сотрудничества способствовала большая открытость Советского Союза после прихода к власти М. С. Горбачёва и более либеральная внутренняя и внешняя политика России, которая свойственна ей со времен президентства Б. Н. Ельцина.

Значительным успехом в период административной деятельности В. М. Массона стало преобразование в 1991 г. ЛОИА в ИИМК РАН – самостоятельное академическое учреждение в системе Российской Академии наук с отдельным финансированием. Правда, считать это целиком заслугой В. М. Массона неверно. Ленинградский научный центр (ЛНЦ) направил тогда ходатайство в Президиум АН СССР о создании на базе находившихся в подчинении центра филиалов и отделений нескольких самостоятельных учреждений, имея целью преобразование самого ЛНЦ в Отделение Академии наук по типу Сибирского или Уральского. Последнее начинание не получило поддержки в Москве, а создание самостоятельных институтов было одобрено. В. М. Массон изначально был активным сторонником изменений, и поэтому ЛОИА обрело свой полноценный статус на многие годы раньше, чем ряд родственных гуманитарных институтов Санкт-Петербурга, руководители которых заняли выжидательную позицию.

Росту авторитета ИИМК среди археологических учреждений страны способствовало возобновление работы в Институте Ученого совета по защите ученой степени доктора исторических наук. Среди несомненно удачных начинаний В. М. Массона следует назвать основание в 1992 г. ежегодника «Археологические вести», ставшего со временем солидным научным изданием. Многие монографии сотрудников Института и сборники работ стали издаваться с единой нумерацией в серии «Труды ИИМК РАН», по типу публиковавшихся в советское время выпусков МИА.

В. М. Массон почти всегда поддерживал начинания сотрудников, легко улавливал новые идеи, легко их обобщал и генерализировал, писал много и свободно, любил различного рода семинары, особенно молодежные, и стремился всегда издавать тезисы или сборники докладов.

К сожалению, как руководитель Института В. М. Массон не смог наладить ровных и справедливых, с точки зрения сотрудников ЛОИА, отношений с дирекцией головного Института в Москве. Это касалось различных сторон жизни коллектива: в первую очередь распределения печатного листажа и отбора книг для издания, выделения средств на экспедиции и заграничные командировки и даже экзаменов в аспирантуру. Правда, винить в этом только одного ленинградского директора было бы совершенно неправильно. Академик Б. А. Рыбаков не раз повторял ленинградцам: «У нас единый институт. Зачем что-либо делить. Будем издавать лучше». Только вот это лучшее почему-то в Москве явно преобладало, отнюдь не всегда соответствуя реальному положению дел.

События, последовавшие за августом 1991 г., привели к резкому урезанию бюджетного финансирования российской науки. В связи с этим свертывалась экспедиционная деятельность Института. Экспедиций за счет государственного бюджета не стало, а хозяйственные работы, прежде всего в Сибири, на протяжении 1990-х гг. также неуклонно сокращались. Зарождавшаяся практика привлечения грантов РФФИ, РГНФ и СПбНЦ РАН не могла восполнить падение объема полевых работ.

В. М. Массон при всей своей кипучей энергии и целеустремленности стремился избегать «черновой» директорской работы (содержание здания, аренда, ремонты, оборудование, планирование) и оттягивал решение таких вопросов до последнего, постоянно выезжая в командировки. Как руководитель он далеко не всегда прислушивался к аргументам оппонента, даже если в них содержалось рациональное зерно. В целом Вадим Михайлович был доброжелательным человеком, хотя не всем импонировали стиль его руководства и манера держаться, но ведь всеобщей любви и не бывает.

В. М. Массон был действующим директором ИИМК до апреля 1998 г., а заведующим Отделом Центральной Азии и Кавказа – до марта 2003 г. С 1 апреля 2003 г. вплоть до своей кончины 19 февраля 2010 г. В. М. Массон являлся главным научным сотрудником ИИМК РАН.

В. А. Алёшкин

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ НОСОВ – директор ИИМК РАН с 29 апреля 1998 г.

Е. Н. Носов (рис. 6, 4) родился в 21 августа 1949 г. в Ленинграде. После окончания кафедры археологии ЛГУ в 1971 г. принят лаборантом в ЛОИА АН СССР. Спустя два года он поступил и в 1976 г. окончил аспирантуру, а затем был оставлен в штате Института. Вектор научных интересов Е. Н. Носова направлен на исследование проблем происхождения древнерусских городов, взаимоотношений славян с финно-угорским и скандинавским миром и на изучение международных торговых путей Древней Руси. 17 марта 1988 г. Е. Н. Носов был назначен заместителем заведующего ЛОИА по научным вопросам. С 1992 г. он является доктором исторических наук, в 2000 г. становится чл.-корр. РАН, в 2002 г. его избрали по конкурсу заведующим кафедрой археологии СПбГУ.

В марте 1998 г. на собрании коллектива ИИМК РАН Е. Н. Носов был выдвинут кандидатом на должность директора учреждения, 24 марта 1998 г. на Общем собрании Отделения истории РАН – директором Института, а 29 апреля назначен и. о. директора. 29 мая Президиум РАН утвердил его в этой должности.

Назначение ученого состоялось незадолго до финансового кризиса, потрясшего страну и мир в августе 1998 г., после чего была принята государственная политика ежегодного сокращения численности РАН и стали поступать предложения о реформировании Академии наук и лишении ее независимого статуса. Пришлось пережить тяжелый период, ибо подобные реформы держат коллектив годами в нервном напряжении. Численность штатного состава Института за 15 лет уменьшилась на треть. Единственно, что удалось предпринять, чтобы смягчить ситуацию, это раздробить ставки и тем самым, не увольняя часть ученых, дать им возможность получать небольшую зарплату, урезанные надбавки за степень, премии и участвовать в грантах. В результате при утверждаемом для Института руководством Академии числе ставок количественный состав ИИМК был всегда на 10–12 человек больше. Это явилось очень важным стабилизирующим фактором в жизни коллектива при нынешней скудной уравнилительной пенсионной системе. Дефолт прежде всего сказался на бюджетном финансировании ИИМК. Последнее обеспечивало лишь выплату зарплаты, при отсутствии средств на проведение экспедиций, командировки и даже оплату части коммунальных услуг. Отсутствовали средства за аренду всех дополнительных помещений, занимаемых экспедициями Института для камеральной обработки материалов, поскольку деятельность самих экспедиций на новостройках практически заглохла. Расплатившись с долгами, ИИМК отказался от арендуемых у города помещений, полностью «втянувшись» в пределы академического здания на Дворцовой набережной после проведения здесь различных ремонтов и перемещения материалов архивов, библиотеки и камералок.

Со временем финансирование экспедиций стабилизировалось за счет средств Президиума РАН, ОИФН, грантов РФФИ, РГНФ и Министерства культуры. Возросли объемы работ в зонах нового строительства. В 2001 г. была создана Группа археологического мониторинга, целью которой было объединение всех археологических работ Института за

счет внебюджетных средств и поиски дополнительных источников финансирования. Ее сменила Группа охранных раскопок, превращенная по мере расширения объема работ в Отдел. Все это способствовало финансовому укреплению бюджета Института. Многократно увеличился объем работ, проводимый ИИМК на территории Санкт-Петербурга и его окрестностей, появились средства на дополнительные научные издания, покупку необходимого оборудования, ремонты помещений.

В первые годы после дефолта сотрудники Института, которым часто приходилось добывать дополнительные средства для обеспечения жизни своих семей приработками вне ИИМК, оказались разобщенными. Некоторых из них обстоятельства принудили даже расстаться с научной работой. В таких условиях воссоздание духа корпоративности, в лучшем смысле этого слова, стало одной из насущных задач администрации. По замыслу директора таким общим объединяющим днем мог стать День Института, учрежденный в 1999 г. Его решено было проводить ежегодно в среду третьей недели апреля, поскольку именно 18 апреля 1919 г. декретом Совнаркома за подписью В. И. Ленина был создан сам Институт, точнее, его предшественник РАИМК. К Дню Института приурочили общее собрание коллектива, ставшее своеобразным археологическим пленумом, на котором руководители экспедиций делали сообщения о важнейших полевых открытиях. С 2007 г. заведующие Отделами стали предоставлять в День Института доклады, посвященные нелегкой, подчас трагической истории подразделений ИИМК. Связь времен иногда нужно было поддерживать и таким внешне бюрократическим способом. Однако по сути дела подобные мероприятия явились своеобразным тестом для нынешнего коллектива ИИМК, тестом, который показал, что традиции русской академической науки не являются для него пустым звуком. Впоследствии у Е. Н. Носова возникла мысль, объединив такого рода доклады, издать книгу, посвященную истории главного археологического учреждения Петрограда/Ленинграда/Санкт-Петербурга.

Директор Института инициировал создание его двух новых периодических изданий. Одно из них получило название «Записки ИИМК РАН» (к настоящему времени вышло 8 номеров, ответственная за выпуск – Л. Б. Кирчо), а другое – «Бюллетень ИИМК РАН», посвященный проблемам охранной археологии (вышло 3 номера, ответственная за выпуск – Н. Ф. Соловьёва). Удалось укрепить авторитет ежегодника «Археологические вести» – 19 номеров (ответственная за выпуск Н. В. Хвоцинская). Очень важно, что и «Вести», и «Записки» включены в перечень изданий ВАК.

За годы руководства Е. Н. Носова Институтом были организованы крупные международные конференции, посвященные памяти известных археологов, оставивших заметный след в науке (А. М. Беленицкий, А. Н. Бернштам, Е. А. Горюнов, М. П. Грязнов – дважды, Н. Н. Гурина, И. И. Ляпушкин, С. А. Семёнов). Значительным событием в жизни коллектива явилось проведение в октябре 2011 г. III (XIX) Всероссийского археологического съезда в Старой Руссе и в Новгороде. Его организация в своей основе легла на плечи сотрудников ИИМК. Съезд, собравший более 700 участников, явился самым крупным археологическим форумом за всю историю России.

Е. Н. Носову удалось установить нормальные творческие отношения с руководством Института археологии РАН в Москве – прежде всего с его директорами чл.-корр. Р. М. Мунчаевым и академиком Н. А. Макаровым (выполнение совместных проектов, обмен информацией, взаимные консультации, общие конференции). В условиях обострившейся конкуренции на археологическом поле, прежде всего при проведении охранных работ, стало очевидным, что только кооперация и согласованные действия институтов РАН могут сохранить подлинную академическую науку на достойном уровне среди различных частных фирм и общественных объединений.

В целом за годы пребывания Е. Н. Носова в должности директора Институт в сложных условиях российской действительности начала XXI в. не растерял свой интеллектуальный потенциал и остался одним из крупнейших археологических центров России. Есть одно обстоятельство, которое внушает тревогу за его судьбу. Речь идет о дефиците молодых специалистов в стенах ИИМК и плановой ротации кадров, что подрывает традиции преемственности в науке. Однако нельзя не сказать, что это явление стало общей бедой отечественной науки и пенсионного законодательства, с перспективами развития которых государство пока не определилось.

В. А. Алёшкин

ТОВАРИЩИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ АКАДЕМИИ, ЗАМЕСТИТЕЛИ ДИРЕКТОРОВ ПО НАУЧНОЙ РАБОТЕ И УЧЕННЫЕ СЕКРЕТАРИ ИНСТИТУТА

В научно-организационной деятельности Академии/Института важную роль всегда играли ближайшие помощники его главы – заместитель по научной работе и ученый секретарь Ученого совета, этого коллективного органа академического управления. При этом заместитель, как правило, выполнял функции главы организации во время его отпуска или командировок и помогал в разработке основных научных направлений, структуры и кадровых назначений в организации.

В РАИМК/ГАИМК до 1929 г. заместитель по научной работе именовался, в соответствии с дореволюционной номенклатурой, «товарищ Председателя Академии», и этот пост занимали крупнейшие ученые – академики и члены-корреспонденты СПБАН, РАН и АН СССР: в 1920 г. – *Борис Владимирович Фармаковский* (рис. 7, 1), в 1921–1922 гг. – *Василий Владимирович Бартольд* (рис. 2, 5), в 1923 г. – *Сергей Фёдорович Ольденбург* (рис. 2, 4), а в 1923–1928 гг. – *Сергей Александрович Жебелёв* (рис. 3, 3).

С 1929 г. должность стала именоваться «Заместитель Председателя ГАИМК по научной части». Первым заместителем Председателя ГАИМК стал *Фёдор Васильевич Купарисов* (рис. 2, 3), однако он по сути являлся главой Академии, и в 1931 г. заместителем председателя по научной части был назначен этнограф *Сергей Николаевич Быковский*, в 1932 г. – историк *Абрам Григорьевич Пригожин*, а в 1934–1935 гг. – чл.-корр. АН СССР *Семён Григорьевич Томсинский* (рис. 7, 5).

После преобразования ГАИМК в ИИМК АН СССР заместителями директора становились ученые, возглавлявшие позднее Институт: в 1937–1939 гг. – *Михаил Илларионович Артамонов* (рис. 3, 2), в 1940–1941 гг. – *Пётр Николаевич Третьяков* (рис. 4, 3) и с сентября 1942 г. по 15 октября 1943 г. – *Сергей Николаевич Бибиков* (рис. 3, 4). В ЛОИА АН СССР штатной должности заместителя заведующего Ленинградским отделением не было. Однако в 1982 г., в связи с возрастающим объемом полевых работ, увеличением численности как штатных, так и внештатных сотрудников и расширением тематики археологических исследований, в ЛОИА появляется постоянный заместитель заведующего по научной работе (на общественных началах) – *Леонид Павлович Хлобыстин* (рис. 7, 6). После его кончины в 1988 г. заместителем заведующего ЛОИА становится *Евгений Николаевич Носов* (рис. 6, 4), который после преобразования ЛОИА АН СССР в ИИМК РАН и до своего избрания директором ИИМК в 1998 г. являлся штатным заместителем директора по научной работе. В последние десятилетия в этой должности работали: в 1998–2003 гг. – *Вадим Андреевич Алёшкин* (рис. 7, 7), в 2003–2006 гг. – *Сергей Никитович Астахов* (рис. 7, 8), а с лета 2006 г. – *Олег Игоревич Богуславский* (рис. 7, 9).

Ученые секретари Академии/Института не только обеспечивали работу Ученого совета, но и готовили все материалы по планированию, координации, организации и отчетам о научных исследованиях учреждения, а также конкурсам на замещение вакантных научных должностей и присуждению ученых степеней и званий. Кроме того, ученые секретари традиционно курируют работу архивов.

Учеными секретарями РАИМК/ГАИМК были: в 1919 г. – **Иосиф Абгарович Орбели** (рис. 3, 1), в 1920 г. – **Сергей Сергеевич Лукьянов**, в 1921–1928 гг. – **Борис Владимирович Фармаковский** (рис. 7, 1), в 1928–1930 гг. – **Иван Иванович Мещанинов** (рис. 7, 2), в 1930 г. – **Сергей Николаевич Быковский**, в 1931–1933 гг. – **Вера Владимировна Гольмстен** (рис. 7, 3) и в 1933–1937 гг. – **Владимир Иванович Селиванов** (рис. 7, 4).

В дальнейшем учеными секретарями ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР работали: в 1937–1938 гг. – экономист **Дмитрий Дмитриевич Тимофеев**, в 1939–1949 гг. – **Сергей Николаевич Бибииков** (рис. 3, 4), в 1949–1951 гг. – **Михаил Михайлович Дьяконов** (рис. 5, 1), в 1951–1960 гг. – **Нина Николаевна Гурина** (рис. 6, 2), в 1960–1962 гг. – **Елена Алексеевна Векилова** (рис. 8, 1), в 1962–1976 гг. – **Всеволод Сергеевич Сорокин** (рис. 8, 2), в 1976–1979 гг. – **Николай Дмитриевич Праслов** (рис. 8, 3) и в 1979–1985 гг. – **Анатолий Кузьмич Филиппов** (рис. 8, 4).

В 1985 г. в ЛОИА произошло разделение функций ученого секретаря Института и ученого секретаря специализированного Совета по защитах кандидатских диссертаций. Ученым секретарем ЛОИА, а затем ИИМК РАН с 1985 по начало 1996 г. была **Любовь Борисовна Кирчо** (рис. 8, 5), которую сменил в 1996 г. **Сергей Александрович Кулаков** (рис. 8, 6). А. К. Филиппов оставался (на общественных началах) ученым секретарем диссертационного («защитного») Совета ЛОИА до 1987 г., а затем его сменила **Валентина Ивановна Распопова** (рис. 8, 7). В 1991 г. на волне перестройки В. М. Массон добился преобразования диссертационного Совета ЛОИА АН СССР в Совет по защитах как кандидатских, так и докторских диссертаций. Ученым секретарем этого Совета стала **Галина Васильевна Сеницына** (рис. 8, 8), а с 1998 г. ученым секретарем диссертационного Совета ИИМК РАН является (на общественных началах) **Павел Евгеньевич Нехорошев** (рис. 8, 9).

Л. Б. Кирчо

Глава 2. ОТДЕЛ ПАЛЕОЛИТА

С. А. Васильев, В. Я. Шумкин

Изучение палеолита традиционно является одним из основных направлений деятельности ИИМК РАН. Мы опираемся при этом на богатые традиции петербургской школы исследователей древнейшего прошлого человечества. С начала XX в. протягивается непрерывная связь археологов нескольких поколений, среди которых ряд выдающихся ученых. Напомним, что оба крупнейших достижения отечественных археологов, вошедшие в золотой фонд мировой науки о древностях, а именно открытие феномена палеолитических жилищ и экспериментально-трасологический метод С. А. Семёнова, исторически связаны с нашим коллективом. Гораздо меньшей известностью (причем, увы, не только за рубежом, но и в России) пользуются такие факты, как создание Г. А. Бонч-Осмоловским опередивших свое время методических приемов изучения пещерных памятников, технологического и статистического анализа каменной индустрии, гендерный подход к доистории в работах начала 1930-х гг. у П. П. Ефименко.

Вместе с тем было бы неверно сводить деятельность Отдела палеолита к изучению только памятников древнекаменного века. Ученые нашего коллектива немало потрудились над разработкой проблематики мезолита и неолита Евразии, а также внесли большой вклад в исследование более поздних древностей Севера нашей страны. Объединение в одном отделе специалистов по разным периодам каменного века плодотворно сказалось на кругозоре сотрудников и в особенности на широком внедрении в практику методических приемов раскопок, более детально разработанных при полевом изучении палеолитических памятников.

Зарождение петербургской школы изучения каменного века

Формированием профессиональной школы изучения палеолита в Петербурге мы всецело обязаны Ф. К. Волкову (рис. 9, 1) – выдающемуся антропологу, ученику и сотруднику Г. де Мортилье. После возвращения в Россию из эмиграции в 1906 г. он занимает пост в Русском музее, начинает преподавательскую деятельность в университете и позднее возглавляет Русское антропологическое общество (см. Тихонов 2003).

Этим событиям предшествовала своеобразная «доистория» изучения палеолита в Петербурге. Еще в конце 70-х гг. XIX в. Академия наук направила И. С. Полякова в «антропологическую поездку», приведшую к открытию палеолита в Костёнках (Поляков 1880). В это же время студент-естественник Петербургского университета К. С. Мережковский провел в Крыму успешные разведки, в результате которых были обнаружены верхнепалеолитические и мустьерские комплексы в скальных убежищах (Мережковский 1880). В стенах Музея антропологии и этнографии (МАЭ) работал в начале XX в. над сибирскими коллекциями И. Т. Савенков.

В плане изучения неолита отметим деятельность того же И. С. Полякова, открывшего в 70-х гг. XIX в. ряд неолитических стоянок в Карелии (Поляков 1882). По сути, это было

первым исследованием археолога-профессионала на данной территории. Нельзя обойти вниманием также результаты комплексных исследований профессора геологии Санкт-Петербургского университета А. А. Иностранцева по каменному веку Приладожья (Иностранцев 1882).

Одной из первых систематических раскопочных кампаний по палеолиту в России стало изучение Мезинской стоянки. Исследование, проведенное в 1909–1916 гг. Ф. К. Волковым и его учениками, позволило открыть мир «южнорусского мадлена» со своеобразным искусством и орнаментикой (Волков 1913). Однако основная заслуга Ф. К. Волкова не только и не столько в собственных полевых работах, но в преподавательской и научно-организационной деятельности. Под его руководством усваивали азы доисторической археологии П. П. Ефименко (рис. 9, 2) и Г. А. Бонч-Осмоловский (рис. 9, 3). Статьи П. П. Ефименко (Ефименко 1913; 1915) были первыми в России профессиональными сочинениями по палеолиту в полном современном смысле этого слова. Отметим выдающуюся роль Ф. К. Волкова и П. П. Ефименко в формировании русской терминологии для описания и классификации изделий из камня.

Подобно другим национальным школам исследования палеолита, русская школа формируется под непосредственным воздействием французской доистории. Речь идет о палеоэтнологическом направлении, у истоков которого в России стоял Д. Н. Анучин. Он рассматривал доисторическую археологию (или палеоэтнологию) как составную часть антропологии в широком смысле слова, охватывающую также физическую антропологию, лингвистику и этнографию. При этом для Д. Н. Анучина антропология являлась частью естествознания, приложением принципов естественной истории к изучению человека. Эту точку зрения разделяли как исследователи палеолита 80-х гг. XIX в. (И. С. Поляков, К. С. Мережковский), так и позднее Ф. К. Волков, который выступил против «археологов», стремившихся перевести изучение доисторических древностей в русло гуманитарного знания (Волков 1915). Такая постановка вопроса противостояла основной линии официальной русской археологии того времени, ориентированной на изучение «национальных древностей». Недаром попытка обобщить сведения по палеолиту страны со стороны сотрудника ИАК (Спицын 1915) вызвала резко негативную реакцию среди учеников Ф. К. Волкова.

Если Ф. К. Волков до конца дней оставался последовательным представителем классического эволюционизма, то уже в ранних работах П. П. Ефименко (Ефименко 1915) намечается переход от линейного эволюционизма Мортилье к исследованию ареалов палеолитических культур, осознается своеобразие восточноевропейского палеолита.

Эти новаторские разработки находились в стадии формирования, и в обобщающих трудах дореволюционного периода материалы по палеолиту России были представлены в виде списков памятников, организованных по географическому принципу. Таким образом, несмотря на прогресс в деле аккумуляции фактических данных, русская археология той поры еще не вышла на уровень создания собственных схем периодизации палеолита.

Археология палеолита и неолита в РАИМК/ГАИМК

После революции и преобразования ИАК в РАИМК (с 1926 г. – ГАИМК) в составе Академии было создано Этнологическое отделение, включавшее Разряд палеоэтнологии, объединивший видных специалистов по доисторической археологии (С. Н. Замятнин, П. П. Ефименко, А. А. Миллер, С. А. Теплоухов). Позднее, в 1925–1926 гг., указанный разряд был преобразован в Секцию генетики культуры, возглавляемую П. П. Ефименко.

Интересно, что в РАИМК/ГАИМК действовал Институт археологической технологии – одна из первых в мировой практике специализированных лабораторий по применению

естественно-научных методов. Что касается палеолитической тематики, то она сводилась к петрографическому анализу сырья каменных орудий и определению фаунистических остатков. При этом, наряду с изучением археологических материалов и техники изготовления древних вещей, в рамках деятельности Института (его «биологического разряда») была поставлена задача исследования взаимоотношения ландшафта и материальной культуры, реконструкции палеоландшафтов. Из числа частных методик естественно-научного анализа палеолитических материалов заслуживает упоминания необычно раннее появление в России антракологии. С конца 1920-х гг. А. Ф. Гаммерман определяла по методике, разработанной В. О. Клером, образцы древесного угля из палеолитических стоянок Крыма и Сибири (Гаммерман 1934).

В 1920-е гг. разворачивается полевая деятельность, расширившая как географические, так и хронологические рамки российского палеолита. В это время обозначается интерес к исследованию ранее практически неизвестного среднего палеолита. П. П. Ефименко изучает мустьерское местонахождение Деркул на Северском Донце. В 1923–1926 гг. Г. А. Бонч-Осмоловский провел блестящую кампанию раскопок мустьерского грота Киик-Коба в Крыму, открыв здесь остатки неандертальских погребений. Кроме того, он обследовал ряд других пещерных памятников – Сюрень I и II, Шайтан-Кобу, Кош-Кобу, Аджик-Кобу. На Кавказе с 1925 г. С. Н. Замятнин раскапывает Ильскую стоянку (см. Щелинский, Кулаков 2005).

Однако центром притяжения исследовательских сил продолжает оставаться верхний палеолит Русской равнины. 1920-е годы – время возобновления работ в Костёнках, что было отправным пунктом непрерывного исследования серии стоянок, имеющих ключевое значение для доистории Восточной Европы. Если предпринимавшиеся ранее поездки в Костёнки носили характер кратковременных кампаний, то начиная с 1920-х гг. формируется Костёнковская экспедиция – старейшая в стране полевая лаборатория изучения древнекаменного века. Именно материалы Костёнок послужили базой для формирования нескольких сменявших друг друга на протяжении десятилетий концепций развития верхнепалеолитической культуры.

Интерес к палеолиту Костёнок подогревался обнаружением среди материалов из раскопок С. А. Круковского 1915 г. обломка мергелевой статуэтки – первым открытием мобильного искусства костёнковской культуры. Нашедший в фондах Воронежского музея эту вещь С. Н. Замятнин (рис. 9, 4) предпринимает небольшие работы на Костёнках I в 1922 г. Позднее к нему присоединяется П. П. Ефименко, и уже в 1923 г. раскопки в Костёнках I доставили великолепный образец статуэтки. В последующие годы П. П. Ефименко и С. Н. Замятнин вели исследование Костёнок I, II, III и IV.

Из числа других работ по палеолиту Русской равнины особое значение имели раскопки С. Н. Замятина в Гагарино в 1927 и 1929 гг. (Замятнин 1935; Zamiatnine 1934), позволившие впервые идентифицировать остатки углубленного палеолитического жилища (рис. 9, 5). Кроме того, С. Н. Замятнин участвовал в исследованиях Бердыжской стоянки в Белоруссии, вел раскопки стоянки Сучкино, разведки на Северском Донце. П. П. Ефименко раскапывал стоянку Супонево.

В Сибири в 1928–1929 гг. Г. П. Сосновский при участии В. И. Громова (рис. 10, 1) проводил раскопки Кокоревских стоянок на Енисее и обследование местонахождений в Бурят-Монголии.

1920-е годы проходят под знаком полного доминирования палеоэтнологической школы, учеников Ф. К. Волкова. Русская палеоэтнология этого времени наметила ряд принципиально новых моментов, во многом опередив развитие мировой науки. К ним относятся, прежде всего, совершенствование приемов полевого исследования, нацеленного на реконструкцию облика древних поселений. Г. А. Бонч-Осмоловским была разработана

оригинальная методика изучения пещерных комплексов, сочетающая анализ стратиграфического и планиграфического распределения остатков (Бонч-Осмоловский 1940). Эта методика заметно опережала приемы, практиковавшиеся в то время на Западе, и в ряде моментов была близка методике, разработанной во Франции уже после Второй мировой войны Ф. Бордом. Г. А. Бонч-Осмоловским был проведен превосходящий современные археозоологические разработки опыт фиксации распределения нарезок на костях животных и реконструкция на этой основе характера разделки охотничьей добычи (Бонч-Осмоловский 1931). Всемирное признание получило открытие С. Н. Замятниным феномена палеолитических жилищ (Замятнин 1935).

В области изучения изделий из камня задолго до Ф. Борда Г. А. Бонч-Осмоловский предложил методику статистической обработки массового материала и одним из первых рассмотрел в комплексе технологию каменной индустрии (Бонч-Осмоловский 1928; 1940).

В сфере обобщения данных заслуживает внимания разработка периодизации палеолита Восточной Европы с привязкой к выделенным во Франции фазам развития (Ефименко 1928). Интересно при этом отметить, что П. П. Ефименко почти одновременно с Г. Чайлдом поставил вопрос о возможности выделения археологических культур в верхнем палеолите. Особо упомянем труды Г. А. Бонч-Осмоловского, нацеленные на анализ взаимосвязи ранних этапов развития человека с изменениями природной среды (Бонч-Осмоловский 1932).

К сожалению, эти перспективные направления исследования оказались не реализованными в полной мере, а частью были отброшены в сторону последующим ходом развития науки в нашей стране.

С начала 1930-х гг. советская археология вступает в принципиально новую фазу развития. Начиная с этого периода, большевики приступили к решительной «марксизации» науки. Тоталитарный стиль руководства государством нашел свое отражение и в науке. Руководитель учреждения Н. Я. Марр с его «новым учением о языке» стал проводником этих процессов в среде основного центра тогдашней археологии – ГАИМКа. Начало 1930-х гг. – время коренной ломки традиционной структуры археологии.

Волна репрессий 1930-х гг. не обошла стороной археологию палеолита. Происходит форменный разгром палеоэтнологических школ. На долгие годы прерывается исследовательская деятельность такого блестящего археолога, как Г. А. Бонч-Осмоловский. Он получил возможность вернуться в науку в конце 1930-х гг. и только в 1940 г. выпустил в свет первый том «Палеолита Крыма», подготовленный к печати в 1928 г.

Организационные перестройки в 1930-е гг. следовали одна за другой (см. Илларионов 1947). В 1931 г. в рамках Сектора архаической формации ГАИМК была создана Группа доклассового общества под руководством П. П. Ефименко – предшественник Сектора палеолита. В 1932 г. Сектор архаической формации был переименован в Сектор доклассового общества, в составе которого была выделена Бригада родового общества. В 1934 г. эта бригада в свою очередь была преобразована в кафедру истории родового общества под руководством того же П. П. Ефименко, входившую в состав Института истории доклассового общества (директор – В. И. Равдоникас). Окончательно Сектор палеолита и неолита получил организационное оформление в 1937 г. при преобразовании ГАИМК в ИИМК АН СССР.

При этом над изучением палеолита и неолита в стенах ГАИМК/ИИМК в 1930-е–начале 1940-х гг. постоянно работали С. Н. Замятнин, Г. А. Бонч-Осмоловский, П. И. Борисковский, А. П. Окладников, А. Н. Рогачёв, В. И. Громов, М. М. Герасимов, С. А. Семёнов, С. Н. Бибилов, Б. Ф. Земляков и Н. А. Береговая. П. П. Ефименко, Г. П. Сосновский и П. Н. Третьяков совмещали изучение памятников каменного века и позднейших

культур (см. ниже). В состав исследовательской группы входил антрополог Г. И. Петров, занимавшийся проблемами антропогенеза.

В 1930-е гг. костёнковские стоянки по-прежнему находились в центре дискуссий. В 1931–1938 гг. П. П. Ефименко предпринимает новаторский проект раскопок на широкой площади сложного жилого комплекса верхнего культурного слоя Костёнок I (Ефименко 1958) (рис. 10, 2). Из других заметных событий отметим открытие остатков землянки на Тельманской стоянке. Расширяется круг участников костёнковской экспедиции; в работу вовлекаются ученики П. П. Ефименко – П. И. Борисковский (рис. 10, 4) раскапывает Боршево II, а А. Н. Рогачёв – Костёнки IV (Рогачёв 1955). С. Н. Замятин обследует палеолитические местонахождения бассейна Дона (Шубное, Деркул и др.), а С. Н. Бибииков (рис. 3, 4) ведет небольшие работы по палеолиту на Днестре.

На Украине П. И. Борисковский, работавший в составе Деснинской экспедиции М. В. Воеводского, в 1937–1939 гг. провел в Пушкарях I блестящую полевую кампанию, открыв остатки длинного жилища. Работы по палеолиту Кавказа в 1930-е гг. связаны с именем С. Н. Замятина, обследовавшего ряд нижнепалеолитических местонахождений на черноморских террасах Абхазии (Замятин 1937; 1961). Он же изучил в 1936–1938 гг. мустьерские Ахштырскую и Навалишенскую пещеры в районе Сочи и навес Мгвимеви в Грузии. М. З. Паничкина занималась нижнепалеолитическими местонахождениями на Кубани.

С. Н. Бибииков обследует уральские пещеры. В Сибири в 1932 и 1934 гг. под руководством М. М. Герасимова (рис. 10, 3) развернулись широкомасштабные раскопки Мальты (рис. 10, 5), которые привели к открытию эффектных остатков жилых конструкций, получению большой коллекции каменного и костяного инвентаря, украшений, статуэток. В дальнейшем М. М. Герасимов сосредоточивается на изучении стоянки Усть-Белая. А. П. Окладников (рис. 11, 1) неподалеку открыл «двойник» Мальты – стоянку Буреть, также доставившую следы искусственных конструкций и серию женских статуэток. Г. П. Сосновский ведет изучение палеолита Алтая.

Вторая половина 1930-х гг. ознаменовалась первыми открытиями в Средней Азии, где А. П. Окладников в 1938–1939 гг. осуществил раскопки грота Тешик-Таш, обнаружив остатки неандертальца (Тешик-Таш... 1949).

Не менее существенны были и результаты по изучению мезолита и неолита. П. Н. Третьяков на Верхней Волге исследовал разновременные памятники, включая мезолитические местонахождения. В 1930-е гг. В. И. Равдоникас (рис. 11, 2) вел раскопки неолита на р. Свири, Н. Н. Гурина (рис. 11, 3) – на р. Мсте. С. Н. Бибииков, вслед за Г. А. Бонч-Осмоловским, раскапывает мезолитические пещерные комплексы Крыма, открыв в гроте Мурзак-Коба остатки погребения.

Эпохальными стали работы В. И. Равдоникаса, предпринимавшиеся при участии Н. Н. Гуриной на всемирно известных ныне карельских памятниках: мезолитическом Оленеостровском могильнике (Южный Олений остров в Онежском озере), петроглифах Онеги (Бесов нос) и Белого моря (Залавруга; см. Равдоникас 1938; Гурина 1956). Б. Ф. Земляков, при содействии П. Н. Третьякова, провел исследования в Ленинградской обл., Карелии и на Кольском п-ове, где обнаружил ряд мезолитических и неолитических стоянок.

В Приангарье в 1930-е гг. А. П. Окладников вел широкомасштабные раскопки большой серии могильников и стоянок, что позволило ему в дальнейшем разработать схему периодизации прибайкальского неолита и бронзового века (Окладников 1950б; 1955в; 1974; 1975; 1976).

Рассмотренная деятельность археологов имела результатом многократное увеличение суммы сведений по каменному веку Северной Евразии. Если к началу 1930-х гг. Г. А. Бонч-Осмоловский и В. И. Громов (Bonch-Osmolovsky, Gromov 1936) насчитывали 90 пунктов

с палеолитическими остатками для территории СССР, то в справочнике 1936 г. упомянуто 154 местонахождения (Березин 1936), а уже к 1940 г. их число (вместе с мезолитическими памятниками) увеличивается до более чем 300 (Ефименко, Береговая 1941; рис. 11, 4).

Важными рубежами в обобщении сведений по палеолиту в глобальном масштабе явились три издания монографии П. П. Ефименко, которая стала настольной книгой для нескольких поколений русских археологов (Ефименко 1934; 1938; 1953). В 1930-е гг. другой выдающийся исследователь С. Н. Замятнин начал работу над своей версией «Палеолита мира», часть текста которой вышла в свет уже после войны (Замятнин 1951).

Начиная с довоенного времени в основанной по инициативе М. И. Артамонова серии «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА) появляются формируемые в Отделе сборники статей по каменному веку, озаглавленные «Палеолит и неолит» (1941. № 2; 1953. № 39; 1957. № 59; 1960. № 71; 1965. № 131; 1971. № 173; 1972. № 185). Справедливости ради отметим, что первое подобного рода издание вышло в свет еще до начала запуска серии МИА (Палеолит СССР 1935). Продолжением традиции стал последний, выпущенный под тем же названием, но уже вне серии МИА, сборник «Палеолит и неолит» (Л., 1986).

Переломные события начала 1930-х гг. сдвинули акценты в проблематике изучения древнекаменного века. На первый план вышли такие моменты, как реконструкция облика палеолитических жилищ и поселений. В данной области советские исследователи действительно опережали мировую науку того времени, хотя эти успехи имели обратную сторону. Чрезмерное увлечение единовременным вскрытием культурного слоя на широкой площади приводило к игнорированию микростратиграфии, а нацеленность ученых на выявление следов жилищ – к тому, что в ряде случаев естественные структуры интерпретировались как остатки построек.

Была разработана оригинальная стадияльная версия развития палеолитической культуры, в которой особое значение придавалось исследованию проблемы культурных изменений у автохтонного населения под влиянием сдвигов в хозяйственной деятельности и социальной организации (Ефименко 1931; Борисковский 1932). В этом плане советская доистория 1930-х гг. во многом предвосхитила американскую «новую археологию» 1960–1970-х гг. Стадиализм господствовал в отечественной археологии 1930–1950-х гг., когда на его основе были созданы периодизационные схемы расчленения палеолита Восточной Европы (Ефименко 1953; Борисковский 1953), Кавказа (Замятнин 1957) и Сибири (Сосновский 1934).

Популярная в свое время оценка стадиализма как «социологического схематизма» выглядит сейчас односторонней. Представление о внутренней структурированности развития палеолитической культуры, поиск причин культурных изменений в сфере социально-экономического развития кажутся вполне актуальными. Вместе с тем пренебрежение ролью природной среды заметно сужало круг объяснительных гипотез и отрицательно сказывалось на прогрессе междисциплинарных исследований.

Правда, проведенная в начале 1930-х гг. структурная перестройка археологической науки, имевшая одним из следствий недооценку роли природного фактора в развитии древних обществ, на практике не привела к разрыву традиционного сотрудничества археологов и других исследователей четвертичного периода. В это время состоялась вторая конференция АИЧПЕ в Ленинграде (1932 г.), сопровождавшаяся уникальной выставкой с обширными палеолитическими материалами (к сожалению, вопреки решению Академии наук, экспозиция не была сохранена в качестве постоянной).

Одна из острейших проблем, стоявших перед создателями «истории материальной культуры», заключалась в явном противоречии между заявленными целями исследования и отсутствием адекватных методов реконструкции общества прошлого.

Без этого смелые гипотезы оставались лишь общими рассуждениями, лишенными подкрепления фактами и наблюдениями. Вторая половина 1930-х гг. ознаменовалась первыми опытами С. А. Семёнова по изучению функций каменных орудий. Нужно сказать, что интерес к функционально-технологической стороне индустрии в 1930-е гг. прослеживался довольно отчетливо, хотя попытки подойти к палеолитическим материалам с такой точки зрения до С. А. Семёнова сводились к набору догадок и спекулятивных гипотез. В этом плане можно сказать, что открытие С. А. Семёнова было открытием долгожданным и необходимым для советской археологии того времени.

Уже в ранних работах С. А. Семёнова мы найдем основные методические приемы определения функций орудий и связанные с ними идеи относительно необходимости кардинальной перестройки традиционной археологии, правда, в еще не развернутом виде. По мнению исследователя, типологическое, формальное изучение каменных орудий зашло в тупик. Работая с коллекциями из Костёнок I, Тимоновки и Сакажиа, С. А. Семёнов обратил внимание на следы, остающиеся на поверхности кремневых изделий, и применил микроскопическое исследование (Семёнов 1940). Используя бинокулярную лупу, исследователь сумел идентифицировать основные виды следов сработанности – выщербины, заполировку и зашлифовку. Для документации своих наблюдений им была применена техника микрофотографирования с использованием магниевого напыления на изучаемую поверхность. В итоге были установлены двойное использование костёнковских наконечников с боковой выемкой в качестве оснащения метательного вооружения и ножей, различные функции, выполнявшиеся скребками, проколками, строгальными ножами, растирателями краски и т. д., равно как и факт широчайшего употребления неретушированных отщепов в хозяйственных целях. Описание функций дополнялось этнографическими примерами, при этом эксперимент лишь указывался в качестве потенциального источника информации, ориентира будущих исследований.

Особенно активно в 1930-е гг. разрабатывалась проблематика палеолитического искусства ввиду значения, придававшегося реконструкции идеологических представлений древности, и под впечатлением открытий богатейших серий мелкой пластики в Костёнках и Мальте. Пионерами социологического направления в интерпретации древнейшего искусства выступили П. П. Ефименко и С. Н. Замятнин.

П. П. Ефименко посвятил образу женщины в палеолите одну из наиболее интересных своих работ, озаглавленную «Значение женщины в ориньякскую эпоху» (Ефименко 1931). По его мнению, распространение женских статуэток в ориньяке было связано со спецификой жизни древних охотников на мамонта и лошадь. Продуктивность подобной экономики приводила к возникновению прочной оседлости, причем ряд жилищ на стоянке образовывал единое целое, своего рода место обитания первобытной коммуны. В этих условиях домашнехозяйственная деятельность, в которой доминирующую роль играли женщины, приобретала особое значение, которое к тому же связывалось со счетом родства по материнской линии. Статуэтки, вероятно, изображали женщин-прародительниц. Интересно, что перед нами, вероятно, один из первых опытов в области бурно развивающейся ныне на Западе так называемой «гендерной археологии». Напомним, что в рамках ГАИМК целая группа исследователей работала над проектом «История женщины».

По-иному подходил к данной теме С. Н. Замятнин (Zamiatnine 1934), отталкивавшийся от магической версии палеолитического искусства С. Рейнака. Он трактовал женские статуэтки как вещи, использовавшиеся в процессе обрядов, призванных обеспечить удачу на охоте. Именно так он интерпретировал знаменитые рельефы из Лосселя, представлявшие, по его мнению, части некогда единой композиции. Подобный подход к произведениям палеолитического искусства как целостным ансамблям в дальнейшем оказал влияние на сложение концепции М. Рафаэля, а затем А. Ламен-Амперер и А. Леруа-Гурана.

Сектор палеолита (палеолита и неолита) ЛОИИМК/ЛОИА

Вторая мировая война привела к практическому прекращению археологической деятельности в СССР. Одним из редких исключений стала экспедиция А. П. Окладникова в Якутии, где он в 1941 г. успешно провел разведку по Лене, открыв ряд пунктов с предположительно плейстоценовыми остатками. Кроме того, им были обследованы памятники разных эпох (вплоть до XVII в.) и на этой основе развернута широкая картина прошлого всего региона (Окладников 1945; 1946; 1949; 1950а; 1955г).

В течение непродолжительного времени в 1942 г. в осажденном Ленинграде Сектор палеолита и неолита возглавлял В. И. Равдоникас; в том же году основная часть сотрудников была эвакуирована. Г. П. Сосновский погиб в блокаду. В Ташкентской группе ЛОИИМК оказались С. Н. Замятнин (который в 1943 г. проводил обследование гротов и пещер Таджикистана) и М. З. Паничкина, П. И. Борисковский, преподававший после ранения в военном училище в Ашхабаде, работал над коллекциями палеолита Туркмении. В состав Елабужской группы вошли П. П. Ефименко, В. И. Равдоникас и С. И. Руденко. Под руководством С. Н. Бибикова была проведена экспедиция «особого назначения», обследовавшая пещеры с целью их возможного использования для военных нужд. В 1944 г. основная часть сотрудников ЛОИИМК во главе с В. И. Равдоникасом возвращается в Ленинград. Образованную тогда же сборную группу палеолита, неолита и эпохи бронзы временно возглавил С. Н. Замятнин, а с 1945 г. Сектор палеолита и неолита вновь оказывается под руководством П. П. Ефименко. На протяжении 1950-х гг. Сектор возглавлял крупнейший исследователь древностей Сибири, подлинный классик отечественной археологии А. П. Окладников. В 1954 г. Сектор был переименован в Сектор палеолита ЛОИИМК (с 1959 г. – ЛОИА).

Послевоенные годы стали временем возобновления полевой и публикационной деятельности. С 1948 г. продолжились работы в Костёнках, и здесь в 1950-е гг. П. И. Борисовским (рис. 11, 5) были произведены широкомасштабные раскопки таких памятников, как Костёнки II с остатками жилища из костей мамонта и погребения и Костёнки XIX (Борисковский 1963). В плане споров о характере развития верхнепалеолитической культуры особое значение имели его исследования многослойной стоянки Костёнки XVII. В то же время А. Н. Рогачёв в серии глубоких шурфов и раскопов изучил целый пласт культурных комплексов, предшествовавших по времени основному объекту Костёнок I, а именно нижние слои стоянок Костёнки I, VIII, XII, XIV, XV и др. (Рогачёв 1957; Paléolithique et Néolithique... 1956). Эти материалы позволили ему совместно с Г. И. Лазуковым разработать схему культурно-стратиграфического деления палеолита Костёнок. На некоторых из перечисленных памятников удалось изучить жилые конструкции, а Костёнки XIV и XV доставили остатки палеолитических захоронений.

В конце 1940-х гг. А. Н. Рогачёв продолжил начатые М. В. Воеводским раскопки стоянки Авдеево на Сейме. В ходе работ здесь была вскрыта жилая площадка, аналогичная Костёнкам I. Исследования по палеолиту охватили Поволжье, где М. З. Паничкина и З. А. Абрамова участвовали в работе новостроечной Куйбышевской экспедиции. На юге Русской равнины разворачивается экспедиционная деятельность П. И. Борисовского. Он ведет работы на Днестре. Интересные результаты принесли раскопки мощного скопления костей бизона и расположенной рядом жилой стоянки в Амвросиевке (Борисковский 1953; Boriskovskii 1958). Е. А. Векилова изучает верхнепалеолитические и мезолитические комплексы в навесе Сюрень II в Крыму.

Переломным моментом в изучении древнейшего прошлого Кавказа стало открытие в 1955 г. на территории Южной Осетии пещеры Кударо I с богатыми ашельскими и мустьерскими остатками (рис. 12, 4). На протяжении долгих десятилетий Кударские пещер-

ные стоянки стали основным местом полевых работ В. П. Любина (рис. 12, 1), полигоном для разработки методики комплексного исследования пещерных памятников. Материалы памятников послужили основой построения хронологии и концепций развития ашелья и мустье Кавказа (Любин 1977; 1998; Кударские пещерные палеолитические стоянки... 1980; Любин, Беляева 2004; Liubin 2002).

В конце 1950–начале 1960-х гг. В. П. Любин предпринимает также поиски палеолита на Армянском нагорье, открыв ряд выразительных пунктов с ашельскими и мустьерскими остатками в районе Джрабера.

В Северной Азии активно изучал палеолит А. П. Окладников (Окладников 1959а; Okladnikov 1959; 1965). Маршруты его экспедиций пролегли в Приморье (Осиновка) и Забайкалье (Ошурково, Санный Мыс). Сотрудники Братской экспедиции исследовали ряд верхнепалеолитических комплексов на Ангаре (Красный Яр I, Федяево, Шамотный Завод). Открытия С. С. Черникова и Э. Р. Рыгдылона в Восточном Казахстане расширили ареал распространения сибирского палеолита в юго-западном направлении.

Основные достижения в археологии палеолита Средней Азии, как и в Сибири, связаны с именем А. П. Окладникова, проводившего сборы на местонахождениях Туркмении и Таджикистана (Литвинский и др. 1962). Особо отметим участие исследователя в 1949 г. в Советско-Монгольской экспедиции С. В. Киселёва, единственном в то время полевом предприятии отечественных археологов за рубежом.

Широта интересов и неуемная энергия А. П. Окладникова поистине поражает воображение. В конце 1940-х–1950-е гг. он вел активное полевое изучение древностей Дальнего Востока, Забайкалья и Прибайкалья, Монголии, Туркмении, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана. Трудно даже перечислить в кратком очерке все эти достижения (см. Ларичев 1958; 1970; Деревянко 1980; Васильевский 1981; Конопацкий 2001; 2009). На Дальнем Востоке страны, в Приморье были открыты многочисленные памятники от мезолита до железного века (Окладников 1959а; 1963). Создана схема развития культур мезолита–неолита в Приамурье. В долинах основных рек Забайкалья были найдены неолитические стоянки, раскопаны погребения эпохи бронзы, изучены такие опорные памятники, как Фофановский могильник и Иволгинское городище. Параллельно А. П. Окладников неоднократно возвращается к изучению комплекса Шишкинских писаниц на Верхней Лене (Окладников 1959б). В Приангарье была раскопана большая серия поселений неолита, бронзового и железного веков на ангарских островах, изучались могильники и петроглифы. В Средней Азии А. П. Окладников раскапывает опорную многослойную пещерную стоянку Джебел (Туркмения), выделяет в Таджикистане своеобразную гиссарскую неолитическую культуру. Внимание археолога привлекли даже остатки экспедиции русских полярных мореходов XVII в. на о. Фаддея (у северо-восточного побережья п-ова Таймыр; Окладников 1948).

А. П. Окладников выступал в качестве автора, соавтора или редактора огромного количества обобщающих работ по истории первобытного общества и первобытной культуры, происхождению человека, палеолитическому и неолитическому искусству, по истории Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера с древнейших времен.

А. П. Окладников вовлекал в сферу своей кипучей деятельности многих археологов. В составе руководимой им Ангарской экспедиции З. А. Абрамова, Л. М. Тарасов, Н. Н. Гурина и Л. Я. Крижевская вели раскопки неолитических поселений. Р. В. Козырева (рис. 12, 2) раскапывала неолитические и более поздние стоянки на о. Сахалин (Козырева 1960; 1967). В период руководства Сектором А. П. Окладников активно развивал угасшую позднее востоковедческую тематику. М. В. Воробьёв создавал труды по археологии и древней истории Кореи, Японии, Китая (Воробьёв 1958; 1961), В. Е. Ларичев (рис. 12, 3) начинал работу над сводками по археологии Китая.

Нельзя обойти вниманием полевые работы С. И. Руденко в Берингоморье, где он раскопал ряд древнеэскимосских поселений (Руденко 1948). Дальнейшие исследования этого выдающегося археолога, уже на Алтае, включая сенсационное открытие Больших Пазырыкских курганов, будут рассмотрены в главе, посвященной Отделу Центральной Азии и Кавказа. Изыскания на северо-востоке Азии, на побережье Охотского моря и в долине Колымы были продолжены в 1946 г. А. П. Окладниковым и Н. А. Береговой (Окладников, Береговая 1971).

В послевоенные годы Н. Н. Гурина провела несколько сезонов разведок на Кольском п-ове, при этом была открыта и исследована серия стоянок эпохи неолита и раннего металла, лабиринты, а также Оленеостровский могильник (Гурина 1956). Эти перспективные изыскания позднее были прерваны и возобновились уже в 1960-е гг.

1950-е годы стали временем развертывания активных работ по неолиту Восточной Европы. Н. Н. Гурина раскопала серию памятников на р. Нарва и позднее выделила здесь ранненеолитическую нарвскую культуру (Гурина 1967). Она же начала многолетние разведки в Карелии, северной Белоруссии и на Верхней Волге. Л. Я. Крижевская (рис. 12, 5) возглавила работы по изучению неолита Приуралья.

В 1955 г. на территории СССР было известно около тысячи палеолитических и мезолитических стоянок (Береговая 1960; Beregovaia 1966).

После вынужденного перерыва в исследованиях, вызванного войной, С. А. Семёнов возобновляет свои опыты. Начиная с 1946 г. круг его интересов расширяется – он начинает микроскопическое изучение поверхностей костяных палеолитических орудий, ретушеров, ступок и т. д. Позднее эти штудии были дополнены экспериментальной работой, и начиная с 1956 г. С. А. Семёнов проводит ежегодные экспериментальные экспедиции, где велись серии опытов по раскалыванию камня, обработке дерева, кости и рога. В 1956 г. С. А. Семёнов, а позднее и его ученица Г. Ф. Коробкова переходят в состав Лаборатории археологической технологии, возглавляемой С. И. Руденко.

1957 год ознаменовался выходом в свет классического труда С. А. Семёнова «Первобытная техника» (Семёнов 1957), получившего всемирное признание (Semenov 1964) и положившего начало формированию новой области археологической науки.

Крупные обобщающие работы в 1950-е гг. появлялись в виде соответствующих глав в распространенных тогда монументальных изданиях, носивших название «Всемирная история» (Окладников 1955а; 1955б) и «Очерки истории СССР» (Ефименко 1956). Краткий очерк, преимущественно посвященный нижнему палеолиту в связи с проблематикой происхождения человека, дан в учебном пособии П. И. Борисковского (Борисковский 1950).

Во второй половине 1950-х гг. в ходе ожесточенных споров стадиализм постепенно уступает место концепции многообразия археологических культур в верхнем палеолите, выдвинутой А. Н. Рогачёвым. Стоит отметить, что дискуссии между А. Н. Рогачёвым и его оппонентами (А. П. Окладниковым, П. П. Ефименко, П. И. Борисковским) разворачивались именно в стенах Сектора палеолита ИИМК, этой творческой лаборатории научной мысли.

1960–1970-е годы – время расцвета Сектора палеолита ЛОИА, возглавлявшегося на протяжении более 15 лет П. И. Борисковским. Сектор находился в центре неформального содружества исследователей первобытности. Все мы помним то время, когда археологи из самых разных городов стремились представить результаты своих работ на заседаниях Сектора, принять активное участие в проводимых ЛОИА конференциях. Немалую роль в этом сыграли личные качества П. И. Борисковского, его исключительный такт и умение находить общий язык с разными по научному уровню и сложности характера коллегами (при этом ни на йоту не постукаясь принципами строгой научности).

Период наивысшей творческой активности Сектора совпал с расцветом кафедры археологии ЛГУ, когда сформированный и руководимый М. И. Артамоновым коллектив давал начинающим археологам образование на уровне ведущих европейских университетов. Чтение П. И. Борисковским курса археологии палеолита обеспечивало момент предметности, способствуя притоку кадров и формированию особого исследовательского стиля. В это же время благодаря целенаправленной преподавательской деятельности Т. Д. Белановской в Сектор приходит группа молодых специалистов, ориентированных на изучение мезолитических и неолитических древностей, – В. П. Третьяков, В. И. Тимофеев, И. В. Верещагина, В. Я. Шумкин, Л. Г. Шаяхметова, В. В. Питулько.

Жаль, что сотрясавшие Сектор в 1960–1980-е гг. бурные дебаты практически не нашли отражения в публикациях, кроме тезисов и заметок на страницах единственного в те годы археологического журнала – «Советской археологии». После П. И. Борисковского пост заведующего сектором в 1979–1988 гг. занимал В. П. Любин.

Особая страница в истории Отдела – взаимоотношения с лабораторией первобытной техники, возглавляемой С. А. Семёновым. Вошедшая при очередной реорганизации ЛОИА в 1964 г. снова в состав Сектора палеолита, эта исследовательская группа приобретает в 1973 г. статус самостоятельного структурного подразделения Института. С 1963 г. в составе Сектора были выделены палеолитическая (во главе с П. И. Борисковским) и неолитическая (во главе с Н. Н. Гуриной; позднее неолитическую часть Сектора возглавлял Л. П. Хлобыстин) группы.

Начиная с 1960-х гг. постепенно образуется современная система региональных археологических центров; происходит закономерная реакция на сверхцентрализованный характер нашей археологии предшествующих десятилетий. Немалую роль в этом процессе сыграл Ленинград. Напомним, что академик А. П. Окладников в 1961 г. покинул наш город и основал столь активную ныне новосибирскую археологическую школу. Тем самым петербургские традиции изучения каменного века были успешно перенесены на сибирскую почву.

Ряд исследователей, оставивших заметный след в изучении палеолита и неолита различных регионов России и республик бывшего СССР, являлись сотрудниками, стажерами или аспирантами ЛОИА, обсуждали в Секторе или защищали в ЛОИА свои диссертационные работы. Среди них назовем имена Х. А. Амирханова (Москва), В. В. Попова (Воронеж), П. Ю. Павлова (Сыктывкар), Ю. А. Савватеева, Ю. В. Титова, А. П. Журавлева (Петрозаводск), А. А. Куратова (Архангельск), Л. В. Кузнецовой (Самара), В. Е. Ларичева, Р. С. Васильевского, Б. А. Фролова, М. В. Шунькова (Новосибирск), М. В. Константинова (Чита), А. Н. Алексеева (Якутск), Н. Н. Дикова, А. И. Лебединцева, А. А. Орехова (Магадан), А. М. Кузнецова (Владивосток), А. В. Васкса (Рига), В. Д. Будько, В. П. Ксензова, О. Л. Липницкой (Минск), В. Ф. Копытина (Могилев), В. Н. Даниленко, Д. Я. Телегина, Л. А. Яковлевой, М. И. Гладких, С. В. Смирнова, Л. В. Кулаковской (Солдатенко), В. Н. Степанчука (Киев), Л. Г. Мацкевого (Львов), И. В. Сапожникова (Одесса), Н. А. Кетрару, И. А. Борзияка (Кишинев), А. К. Джафарова, М. М. Мансурова (Баку), М. Х. Хварцкия (Сухуми), З. К. Кикодзе, М. Г. Ниорадзе, Л. М. Челидзе (Литовченко) (Тбилиси), Б. Г. Ерицяна (Ереван), Х. А. Алпысбаева (Алма-Ата), Р. Х. Сулейманова, Т. Мирсаатова, М. Р. Касьмова, Т. Оманжулова (Ташкент) и многих других. Без преувеличения можно сказать, что абсолютное большинство современных центров изучения каменного века на пространстве Северной Евразии возникло при непосредственном участии Сектора палеолита ЛОИА.

Важнейшим событием в деле координации исследовательских усилий стало прошедшее в 1965 г. расширенное заседание Сектора, собравшее практически всех специалистов по палеолиту в масштабах страны. Немалое значение имели общесоюзные конференции

по изучению проблем хронологии, типологии, другим актуальным вопросам мезолита и неолита, организованные в эти годы Н. Н. Гуриной (У истоков древних культур... 1966; Этнокультурные общности... 1973).

Сектор объединял археологов, занимавшихся изучением каменного века различных регионов СССР. Что касается палеолита Восточной Европы, то следует начать с характеристики деятельности Костёнковской экспедиции (рис. 13). В 1960-е гг. основные усилия концентрировались на раскопках и музеефикации жилища из костей мамонта на Костёнках XI. Небольшие по объёму работы велись на Костёнках VIII, XII, XVII, XXI. С 1971 г. была начата кампания по сплошному вскрытию второго жилого комплекса Костёнок I, что в принципе могло бы дать возможность подойти к решению вопросов реконструкции этих наиболее сложных из числа встреченных в палеолите структур обитания. Одновременно шло изучение глубоких разрезов стоянок Костёнки XII, XIV, XVII и др. Итоги работ в Костёнках на протяжении 100 лет подвели состоявшееся в 1979 г. Всесоюзное совещание «Верхний плейстоцен и развитие верхнепалеолитической культуры в центре Русской равнины» и вышедший позднее сводный том (Палеолит Костёнковско-Боршевского района... 1982). Институт антропологии МГУ совместно с ЛОИА (М. Д. Гвоздовер при участии Г. П. Григорьева – рис. 14, 3) длительное время исследовал второй комплекс стоянки Авдеево.

Из числа других работ по древнему каменному веку Центральной России отметим завершение Л. М. Тарасовым раскопок в Гагарино (Тарасов 1979) и исследование этим же автором ряда мустьерских и позднепалеолитических памятников в бассейне Средней Десны (рис. 14, 1, 2). Начиная с 1980 г. З. А. Абрамова возобновила изучение крупного верхнепалеолитического поселения охотников на мамонтов в Юдиново (рис. 15, 1, 2). Под ее руководством были обнаружены следы двух жилищ из костей мамонтов. В 1984 г. над остатками жилищ был построен музейный павильон. В ходе многолетних раскопочных работ в Юдиново были собраны обширные коллекции каменных и костяных изделий. Богатством и разнообразием форм выделяются бусы-нашивки из бивней мамонта, наконечники копий и дротиков, стержни и др. (Абрамова 1995; Абрамова, Григорьева 1997; Абрамова и др. 1997). С 1981 г. В. И. Беляева возобновляет раскопки в Пушкинском, затем экспедиция переходит к кафедре археологии ЛГУ.

Работы сотрудников ЛОИА охватили юг России, где Н. Д. Праслов открыл и изучил серию нижне- и среднепалеолитических местонахождений на Нижнем Дону и в Приазовье (Борисковский, Праслов 1964; Праслов 1968). Кроме того, он раскапывал верхнепалеолитические стоянки Мураловка и Золотовка (Праслов, Щелинский 1996).

На юго-западе Восточной Европы, в бассейне Днестра, Н. К. Анисюткин (рис. 14, 5) в содружестве с молдавскими коллегами (Кетрару, Анисюткин 1967; Кетросы... 1981; Анисюткин 2001; 2005; Анисюткин и др. 1986) открыл и обследовал большое число ашельских и мустьерских памятников (Стинка I, Кетросы, гроты Тринка и др.). Г. В. Григорьева занималась поздним палеолитом региона (Борзияк и др. 1981; Кетрару и др. 2007). Помимо этого, петербургские исследователи активно участвовали в обработке материалов по древнекаменному веку Северо-Западного Причерноморья (Станко и др. 1989).

В 1980-е гг. Л. М. Тарасов провел небольшие разведочные работы в Крыму.

На Северном Кавказе Н. Д. Праслов возобновил работы на Ильской стоянке. Что касается Причерноморья, то в 1960-е гг. нижний палеолит здесь исследовал И. И. Коробков (рис. 14, 4), а Е. А. Векилова (рис. 15, 3) продолжила раскопки Ахштырской пещеры.

Особенно важную роль для разработки кавказской тематики играло изучение группы пещерных памятников в Борисовском ущелье (Любин 1977; Неандертальцы Гупсского ущелья... 1994; Беляева 1999). Работы здесь с 1974 г. велись В. П. Любиным в содружестве с адыгейским коллегой П. У. Аутлевым. Среди достижений экспедиции – открытие

выразительных мустьерских комплексов в Монашенской и Баракаевской пещерах (в последнем памятнике были обнаружены скелетные остатки палеоантропа), верхнего палеолита в Губском навесе I и Руслановой пещере, разрушенного погребения финала палеолита в навесе Сатанай. Помимо этого, В. П. Любин в разные годы успешно предпринимал разведки в Краснодарском и Ставропольском краях, Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии, вел в 1960-е гг. раскопки в пещерах Сочинского Причерноморья. Фактически маршруты В. П. Любина охватывали всю территорию Северного Кавказа.

Позднее работы в пещерах Сочинского Причерноморья были возобновлены Д. А. Чистяковым (рис. 15, 4) (Чистяков 1996), а Л. В. Голованова вела небольшие работы на Северо-Западном Кавказе (Голованова 1994). В Закавказье В. П. Любин продолжил изучение кударских пещер (см. выше).

В 1980-е гг. география полевых изысканий В. П. Любина расширяется. По приглашению возглавлявшего тогда Институт В. М. Массона начинается изучение палеолита Туркмении. Всего несколько сезонов разведок (1980–1981, 1983, 1984 гг.) приносят неожиданно обильные результаты. На обширной, малоизученной дотоле территории были открыты многочисленные местонахождения ашельского и мустьерского возраста. Фактически вся плейстоценовая доистория республики строится на находках В. П. Любина и его учеников (Вишняцкий 1996).

На Урале активность сотрудников Отдела сводилась к кратковременной работе В. П. Любина в Каповой пещере и небольшим раскопкам П. Е. Нехорошева в гроте Кульюрт-Тамак.

В Сибири интересы петербургских археологов традиционно были сосредоточены в бассейне Енисея, где последовательно осуществлялся ряд крупномасштабных археологических кампаний, связанных со строительством каскада ГЭС – вначале Красноярской, позже Саяно-Шушенской и Майнской. Начиная с 1960 г. З. А. Абрамова (рис. 16) возглавила палеолитический отряд Красноярской экспедиции, которой руководил М. П. Грязнов. Здесь были раскопаны на широкой площади многослойные позднепалеолитические стоянки в районе Кокорево и Таштыка. Из числа находок всемирную известность приобрело уникальное свидетельство охоты древнего человека – лопатка бизона с застрявшим в ней роговым наконечником из Кокорево I. Кроме того, З. А. Абрамовой проведена в бассейне Енисея большая серия разведок от района севернее Красноярска до долины Абакана на юге. Позднее З. А. Абрамова впервые на Енисее открыла мустьерские остатки в гроте Двуглазка.

Итогом этой деятельности стал капитальный двухтомный труд (Абрамова 1979а; 1979б) с подробным описанием кокоревской и афонтовской палеолитических культур и коллективный свод памятников региона (Абрамова и др. 1991). Работы были продолжены Н. Ф. Лисицыным (рис. 17, 1), открывшим стоянки каменного века в покровных отложениях высоких террас Енисея, размываемых водохранилищем Красноярской ГЭС (Лисицын 1997; 2000; Лисицын, Худяков 1997).

На Верхнем Енисее С. Н. Астахов (рис. 17, 4) открыл и обследовал многочисленные местонахождения (включая ашельские и мустьерские) в Туве, а также раскопал несколько верхнепалеолитических поселений в горах Западного Саяна (Астахов 1986; 2008). Позже к исследованиям в последнем районе подключился С. А. Васильев (рис. 17, 2, 3), сосредоточившийся на раскопках группы многослойных памятников близ Майны, которые, среди прочего, доставили уникальный образец палеолитической глиняной статуэтки (Васильев 1996; см. также Холушкин и др. 2005). Важным дополнением к новым данным по палеолиту Енисея стало введение в научный оборот рассеянных по хранилищам материалов знаменитых стоянок Афонтовой Горы (Астахов 1999а).

Не менее интенсивно шло изучение памятников мезолита, неолита и раннего металла. Исследования охватили территорию от Эстонии до Сахалина и от Заполярья до Средней

Азии. Начнем наш краткий и неизбежно неполный обзор с Русской равнины. Здесь Н. Н. Гурина в течение ряда десятилетий проводила активные разведки и изучение многочисленных стоянок и кремнеобрабатывающих мастерских мезолита и неолита на Верхней Волге (рис. 18, 1), выделив своеобразную валдайскую культуру (Каменный век... 1995; 1997). И. В. Гаврилова вела поиск памятников каменного века в Костромском Поволжье и на Мезени.

На Верхнем Дону В. П. Левенок (рис. 18, 2) обнаружил большое число памятников и полностью раскопал и опубликовал Долговскую неолитическую стоянку. Культуры неолита–бронзы Волго-Окского региона, Верхнего Днепра и Поволжья стали темой исследований В. П. Третьякова (рис. 18, 3) (Третьяков 1972; 1990а; 1990б; Третьяков, Выборнов 1988). На Верхнем Днепре Н. Н. Гурина обследовала кремнеобрабатывающие мастерские. В Белоруссии, в районе Красного Села, ею на широкой площади был изучен уникальный комплекс кремнедобывающих шахт (Гурина 1976).

В. И. Тимофеев (рис. 18, 5) планомерно исследовал памятники мезолита и неолита в Калининградской обл., на Карельском перешейке и в других районах Ленинградской обл. Полевые работы в Карелии продолжались Н. Н. Гуриной (Гурина 1961).

На северо-востоке европейской части страны И. В. Верещагина (рис. 19, 1) проводила изучение мезолитических и неолитических стоянок в бассейне Северной Двины (Верещагина 2010). Отметим также исследования Р. В. Козыревой в Архангельской обл. Одним из наиболее активных предприятий в области изучения каменного века Севера была Кольская экспедиция Н. Н. Гуриной. В итоге широкомасштабных работ здесь было открыто множество стоянок и поселений в огромном хронологическом диапазоне от мезолита до средневековья, а также петроглифы, лабиринты, могильники (Гурина 1997).

На юге Русской равнины, в Северо-Западном Причерноморье мезолитические местонахождения обследовал П. И. Борисковский. В Приазовье, на р. Миус Л. Я. Крижевская изучала опорный памятник раннего неолита с древнейшей керамикой – Матвеев Курган (Крижевская 1992). Неолит и бронзовый век Урала и Прикаспия – тема многолетних работ Л. Я. Крижевской (Крижевская 1968; 1977).

В Зауралье Л. П. Хлобыстин исследовал андроновское поселение Липовая Курья (Хлобыстин 1976). В Средней Азии местонахождения мезолита и неолита изучались В. И. Тимофеевым и узбекскими коллегами (Исламов, Тимофеев 1986).

На Среднем Енисее в рамках работы Красноярской экспедиции Н. Н. Гурина и Л. П. Хлобыстин раскапывали многослойную (неолит, мезолит, палеолит) стоянку Бирюса; позднее мезолитические и неолитические местонахождения региона обследовал Н. Ф. Лисицын. Неолит Верхнего Енисея изучали С. Н. Астахов и В. И. Беляева. Неолитические комплексы Приангарья стали темой исследования Г. В. Сеницыной (рис. 19, 2), местонахождения каменного века побережья Байкала – Л. П. Хлобыстина. Л. П. Хлобыстин (рис. 18, 4) стал подлинным пионером арктической археологии в нашей стране, в неимоверно трудных условиях организовавшим исследования на Ямале и Таймыре, о. Вайгач, в низовьях Оби и в других местах Заполярья (Хлобыстин 1998; Ad Polus... 1993; Khlobystin 2005).

Говоря о мезолитических и неолитических древностях, нельзя не сказать о существенном вкладе в исследование этих периодов каменного века сотрудников других подразделений ЛОИА, в частности, о разведках А. Н. Мелентьева и А. М. Мандельштама в различных районах Прикаспия, изучении В. М. Массоном джейтунской культуры, многочисленных работах Г. Ф. Коробковой по мезолиту и неолиту Средней Азии, раскопках Вл. А. Семёнова в Туве и др. Эти сюжеты будут подробнее рассмотрены в главах, посвященных деятельности соответствующих подразделений Института.

В итоге информационный фонд по каменному веку Евразии многократно возрос. По далеко не полной сводке Н. А. Береговой, к 1970 г. на всей территории Советского Союза

было известно более 1500 палеолитических стоянок, не считая мезолитических местонахождений (Береговая 1984).

Помимо уже упоминавшейся серии МИА Сектор палеолита с начала 1960-х гг. начинает формировать собрания небольших по объему статей публикационного и проблемного характера в серии «Краткие сообщения Института археологии» (КСИА). Среди выпусков КСИА отметим номера, озаглавленные «Палеолит и неолит», «Каменный век» и «Исследование памятников каменного века» (1962. № 92; 1967. № 111; 1971. № 126; 1972. № 131; 1973. № 137; 1975. № 141; 1981. № 165; 1983. № 173; 1985. № 181; 1987. № 189; палеолиту посвящены также 1961. № 82; 1990. № 202; 1992. № 206, а мезолиту – 1977. № 149).

Вместе с тем сложившаяся в советское время система постоянного ежегодного финансирования раскопочных работ при крайне ограниченной возможности публикаций приводила к накапливанию материала, не вводимого в научный оборот, и не способствовала развитию новых направлений исследовательского поиска, особенно на междисциплинарной основе.

Сектор уделял большое внимание вопросам совершенствования методики полевого исследования памятников каменного века различных типов (Полевая археология... 1990а; 1990б).

В области анализа каменных индустрий основным событием 1960-х гг. стало освоение бордовской статистической типологии. Выход в свет обширной статьи В. П. Любина «К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий» (Любин 1965), содержащей как подробное критическое изложение итогов работы Ф. Борда, так и предложения автора по ее усовершенствованию, стал этапом в развитии нашей археологии. Если применить к отечественной литературе по палеолиту индекс цитируемости, то, вероятно, упомянутый труд является лидером.

Много споров велось вокруг определения понятия «леваллуа» и значения данной техники в плане развития обработки камня. Особое, подчас гипертрофированное внимание уделялось поиску оптимальных таксономических схем классификации индустрий, попыткам усовершенствования типологического метода. Эти сюжеты живо обсуждались на проведенных в 1974 и 1976 гг. рабочих совещаниях, посвященных проблемам изучения зубчато-выемчатых орудий нижнего палеолита, методике и технике исследования каменных орудий (см. Аникович 1978; Сеницын 1978).

1960–1980-е годы – время почти полного господства локально-культурной версии развития палеолитической культуры, страстно пропагандируемой А. Н. Рогачёвым и его учениками (Григорьев 1968). За это время десятки локальных культур были выделены вначале для верхнего палеолита Восточной Европы, а затем и Сибири. Позднее появились попытки идентифицировать сходные явления в среднем и даже нижнем палеолите. В области интерпретации выделяемых культурных явлений доминировала этническая версия археологической культуры, хотя были попытки соотнести культуры с другими понятиями (хозяйственно-культурный тип, историко-этнографическая область и др.). Такая ориентация приводила порой к утрате представления об общих чертах развития палеолитической культуры, непомерной концентрации на сравнительном анализе наборов формальных орудий в ущерб иным, не менее важным сторонам изучения древнейшего прошлого.

Сектор принимал активное участие в разработке общих проблем первобытности, корреляции археологических и антропологических данных, вопросов антропогенеза. Этой тематике была посвящена состоявшаяся в 1975 г. развернутая дискуссия с участием ряда ведущих философов, этнографов и антропологов. Обсуждение продолжилось в 1987 г. после выхода в свет трехтомной «Истории первобытного общества» (см. Аникович 1990).

При вынужденной в советское время территориальной ограниченности полевых исследований в нашей археологии никогда не угасал интерес к палеолитической культуре

различных уголков мира. С начала 1960-х гг. П. И. Борисковский после длительной поездки во Вьетнам (рис. 20, 1) приступает к сравнительному изучению древнейшего прошлого Восточной, Южной, Юго-Восточной Азии и примыкающих районов Новой Гвинеи, Австралии, Тасмании (Борисковский 1966; 1971). Наряду с Вьетнамом П. И. Борисковский посетил Китай, Индию, Японию, Австралию, где он, один из немногих в ту пору отечественных археологов, имел возможность непосредственно знакомиться с коллекциями. Позднее небольшие работы во Вьетнаме были продолжены Н. К. Анисюткиным, В. И. Тимофеевым и А. Е. Матюхиным.

В середине 1960-х гг. П. И. Борисковским была начата работа над монументальным «Палеолитом мира». Сама постановка столь масштабной задачи явилась признаком зрелости исследовательского коллектива, способного создать полноценное описание многообразия культуры древнекаменного века во всех уголках планеты. К сожалению, реальные отечественные издательские возможности оказались не соответствующими задаче выпуска многотомного труда в течение нескольких лет. Выросшее до объема шести томов издание растянулось на десятилетия, рукописи многократно переделывались авторами с учетом новейших данных. Всего появилось четыре тома, охватывающие палеолит Африки, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа, Северной, Центральной и Восточной Азии (Палеолит мира... 1977; 1978; 1989; 1994). Подготовленные к печати Г. П. Григорьевым и З. А. Абрамовой рукописи по древнекаменному веку Европы и Америки вряд ли когда-нибудь увидят свет (как и «выпавшая» из тома по Передней Азии глава И. И. Коробкова о палеолите Аравии). Материалы по палеолиту Юго-Восточной Азии и Австралии были изданы в качестве самостоятельных статей (Борисковский 1988; 1996), а сведения по палеолиту Средней Азии и Казахстана – в виде монографии (Вишняцкий 1996).

К сожалению, вместо единого среза знаний о палеолите на определенном рубеже развития науки получилось достаточно разномастное собрание очерков, к тому же написанных без согласования между авторами хотя бы манеры подачи материала, не говоря уже о концептуальной трактовке. В итоге в серии оказались работы различного жанра. Одни части «Палеолита мира» написаны в свободном стиле с заметной долей субъективного авторского видения материала (таковы разделы Г. П. Григорьева о палеолите Африки). Другие представляют собой жестко построенные сводки памятников с изложением вначале фактической базы, затем сравнительного анализа концепций различных исследователей и под конец уже авторской оценки (работы И. И. Коробкова о палеолите Ближнего Востока, В. П. Любина о Кавказе). Основная часть издания представляет собой среднее между этими крайностями (главы В. А. Ранова, А. П. Окладникова, З. А. Абрамовой, П. И. Борисковского).

1970–1990-е годы были ознаменованы рядом крупных международных научных форумов (рис. 20, 2). С большим успехом прошли в 1977, 1978, 1981 и 1988 гг. советско-французские, в 1989 и 1991 гг. – советско-американские полевые семинары с посещением памятников и обсуждением проблем развития палеолитической культуры в Восточной Европе по сравнению с западом континента и Новым Светом (Археология и палеогеография... 1978; 1981; Закономерности... 1988; Проблемы культурной адаптации... 1989; From Kostenki to Clovis... 1993).

Сотрудниками Сектора совместно с археологами других научных центров были изданы итоговые труды по каменному веку в масштабе страны, из которых стоит отметить сборник «Каменный век на территории СССР» (1970), тома «Палеолит СССР» (1984), «Мезолит СССР» (1989) и «Неолит Северной Евразии» (1996) из фундаментальной серии «Археология СССР».

Особо отметим многолетний титанический труд З. А. Абрамовой по сведению воедино данных по памятникам палеолитического творчества на территории СССР. В ее рабо-

тах дано предельно точное и строго документированное описание найденных на памятниках Восточной Европы и Сибири статуэток человека и животных, орнаментированных предметов, украшений, с указанием контекста находок. Эти труды получили высокую оценку и заслуженное международное признание (Абрамова 1962; Abramova 1967; 1995). Отдельную монографию З. А. Абрамова посвятила изображениям человека в палеолитическом искусстве Евразии (Абрамова 1966).

Отдел палеолита ИИМК РАН

В 1986 г. Сектор был преобразован в Отдел палеолита ЛОИА, а с 1991 г., после приобретения Институтом самостоятельного статуса, именуется Отделом палеолита ИИМК РАН. Вслед за В. П. Любиным Отдел возглавлял лидер Костёнковской экспедиции Н. Д. Праслов (1988–1997 гг.), который также принял от П. И. Борисковского эстафету в преподавании основ археологии палеолита на кафедре археологии ЛГУ. Затем руководство Отделом перешло к специалисту по мезолиту и неолиту В. И. Тимофееву (1997–2003 гг.). На его долю выпала нелегкая ноша управления подразделением в эпоху максимального сокращения ассигнований на полевые и публикационные работы, разрыва традиционных научных связей, почти полного прекращения притока в археологию новых кадров. В 2003 г. на должность заведующего Отделом избран С. А. Васильев, а неолитическую группу возглавил В. Я. Шумкин.

Отдел продолжает полевое исследование памятников древнекаменного века, но уже в заметно меньших объемах и преимущественно на Русской равнине и Кавказе.

После вынужденного перерыва в работе Костёнковской экспедиции раскопки здесь были возобновлены тремя самостоятельными группами. А. А. Сеницын (рис. 13, б) сосредоточил свои усилия на изучении древнейших культурных горизонтов многослойной стоянки Костёнки XIV. Здесь был открыт наиболее ранний в Восточной Европе верхнепалеолитический комплекс. В работах принимали активное участие Г. В. Сеницына, А. А. Бессуднов, М. Н. Желтова (рис. 19, 4, 5) и А. К. Очередной. М. В. Аникович совместно с В. В. Поповым, А. Е. Дудиным и Д. Хоффекером изучал глубокие разрезы стоянок Костёнки VIII и XII; в последнее время внимание было сконцентрировано на раскопках нижних культурных слоев Костёнок I. С. Н. Лисицын (рис. 19, 3) раскапывает многослойную стоянку Борщёво V. Если исследователи Костёнок в основном заняты вскрытием ранних верхнепалеолитических комплексов, то другие ученые продолжали изучение средней поры верхнего палеолита – восточного граветта. Совместно с МГУ Г. П. Григорьевым велись многолетние раскопки такого важнейшего памятника, как Авдеево. Что касается поздней поры верхнего палеолита, мадленского времени, то отметим продолжающуюся совместно с МАЭ (Г. А. Хлопачёв) экспедицию в Юдиново (Григорьева 1995; 1997). А. А. Бессуднов в кооперации с Липецким и Воронежским университетами исследует позднепалеолитические местонахождения в Дивногорье, на Среднем Дону. Наконец, пункты, относящиеся к финалу палеолита, времени распространения культур с черешковыми наконечниками, изучались Г. В. Сеницыной на Верхней Волге и Верхнем Днепре (Сеницына 1996; см. Васильев и др. 2005). Таким образом, экспедиции Отдела работали вплоть до недавнего времени над материалами памятников, относящихся ко всем основным этапам развития верхнепалеолитической культуры на территории Восточной Европы.

А. К. Очередным возобновлено изучение среднепалеолитического местонахождения Хотылёво на Десне; работы проводятся при содействии П. Е. Нехорошева и Л. Б. Вишняцкого (рис. 21, 1, 2, 4). На юге Русской равнины, в Ростовской обл., А. Е. Матюхин (рис. 21, 3) раскапывал группу разновременных мастерских близ Калитвенки и стоянок

в Бирючьей Балке (Матюхин 2012); им же было возобновлено изучение нижнепалеолитических местонахождений Хрящи и Михайловское на Северском Донце. Отметим исследование П. Е. Нехорошевым многослойного памятника Шлях в Волгоградской обл. (Нехорошев 1999; Археология Нижнего Поволжья 2006) В Приднестровье Н. К. Анисюткин при участии А. К. Очередного и молдавских коллег начал новую кампанию по изучению раннего палеолита.

С. А. Кулаков продолжал раскопки пещерных комплексов Сочинского Причерноморья (рис. 22, 1), кроме того, он участвует в работах В. Е. Щелинского на нижнепалеолитических местонахождениях Богатыри и Родники на Тамани, связанных с эоплейстоценовой фауной, и начал исследования в Азербайджане. А. К. Очередной с соавторами ввел в научный оборот материалы по палеолиту Абхазии (Хварцкия и др. 2005). После длительного перерыва В. П. Любин и Е. В. Беляева возглавили ряд долговременных проектов полевых работ на территории Северного Кавказа и Армении. Ими были проведены успешные разведки в Прикубанье, на Ставрополье, в Ингушетии и Северной Осетии, раскопки ашельского местонахождения на горе Кинжал в Пятигорье (рис. 22, 2). Изыскания в Северной Армении были возобновлены с 2003 г. в составе российско-армянской экспедиции; в разные годы в работах принимали участие П. Е. Нехорошев, Е. М. Колпаков и А. А. Бессуднов. Здесь несколькими отрядами исследовался Грот Печка, ашельские стоянки Куртан, Даштадем 3 и Мурадово, серия местонахождений открытого типа. Настоящей сенсацией стало открытие древнейшей ашельской индустрии в Карахачском карьере.

В Средней Азии Н. К. Анисюткин вместе с узбекскими коллегами вел раскопки на Кульбулаке (Анисюткин и др. 1995).

В Южной Сибири П. Е. Нехорошев в течение ряда лет возглавлял кампанию спасательных раскопок палеолитических стоянок в Березовском карьере (Красноярский край). С. Н. Астахов при участии японских коллег и позднее П. Е. Нехорошева возобновил исследования палеолита в Туве. С. А. Васильев проводит разведки по трассе строящейся железной дороги Курагино–Кызыл и включился в работу археологов Хакасского университета (В. С. Зубков) в бассейне р. Абакан.

Внимание мировой археологии было привлечено к открытию В. В. Питулько неожиданно древнего комплекса памятников в Заполярье, в нижнем течении р. Яны (Якутия). Это открытие заставляет кардинальным образом пересмотреть сложившиеся в науке представления о первоначальном расселении и адаптациях древнего человека в высоких широтах. Кроме того, В. В. Питулько (рис. 22, 3) возобновил работы на знаменитом мамонтовом местонахождении Берелёх (Питулько, Павлова 2010).

Сотрудники Отдела продолжают активное полевое исследование памятников мезолита–неолита. Г. В. Сеницына изучала мезолитические местонахождения в центральной части Русской равнины, на территории Тверской и Смоленской обл. Н. К. Анисюткин и С. Н. Лисицын провели раскопки раннемезолитической стоянки Вашана в Тульской обл. В настоящее время С. Н. Лисицын руководит разведками и раскопками стоянок каменного века и раннего металла в различных районах Ленинградской обл., в основном расположенных на Карельском перешейке (Герасимов и др. 2003).

В. Я. Шумкин (рис. 23, 2), приняв от Н. Н. Гуриной руководство Кольской экспедицией, совместно с Е. М. Колпаковым (рис. 23, 3) и Л. Г. Шаяхметовой (рис. 23, 1) ведет планомерное изучение древностей Мурманской обл. (Кольский сборник 2007). В итоге здесь открыто около 600 археологических объектов, на которых зафиксированы остатки более 50 жилищ. Из наиболее существенных результатов можно отметить возобновление комплексных исследований уникального по информативности могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Основные усилия

экспедиции сосредоточены на масштабных раскопках в районе пос. Териберка, проводимых в рамках проекта по разработке Штокмановского газового месторождения.

В. В. Питулько провел исключительную по научной важности кампанию раскопок самого северного в мире мезолитического памятника на о. Жохова в Восточно-Сибирском море (Питулько 1998), доставившую богатую серию сохранившихся в условиях вечной мерзлоты изделий из дерева.

В полевые работы все активнее вовлекаются зарубежные археологи; изыскания ряда экспедиций ведутся в рамках многолетних международных проектов. Лучшим примером такого разностороннего сотрудничества может служить деятельность Кольской экспедиции, работающей совместно с археологами Норвегии (Университет Тромсё), Швеции (Университеты Стокгольма и Умео), Финляндии (Университет Хельсинки), Франции (Институт палеонтологии человека в Париже).

С другой стороны, открылись возможности проведения экспедиционных работ за пределами страны, в первую очередь на территории распространения памятников древнейшего палеолита, в Африке. Совместно со своим учеником, Ф. Й. Геде, и Е. В. Беляевой В. П. Любин работал в Республике Кот-д'Ивуар (Западная Африка). В невероятно трудных условиях влажных тропиков в 1991 и 1993 гг. были проведены раскопки стоянок Бете I и Гуабуо I. В итоговой монографии (Любин, Геде 2000) помимо описания полученных материалов мы найдем развернутый критический анализ типологии африканского палеолита и обсуждение проблем одной из основных культур древнекаменного века Африки, санго. Г. П. Григорьев принимал участие в полевых работах в Эфиопии, С. А. Васильев – во Франции, Италии и США, В. Я. Шумкин – в Норвегии, Швеции, Финляндии, Ирландии.

С. Н. Астаховым (1999б) обобщены сведения по древнейшим памятникам Японских о-ов, а С. А. Васильевым – по Северной Америке (Васильев 2004; Васильев и др. 2011).

Продолжается успешное научное сотрудничество с многочисленными исследовательскими центрами нашей страны, ближнего и дальнего зарубежья. За последнее время в ИИМК РАН защитили диссертационные работы по палеолитической тематике П. Ю. Павлов (Сыктывкар), И. М. Бухтоярова (Воронеж), Ю. Б. Сериков (Нижний Тагил), А. В. Константинов, П. В. Мороз (Чита), по более поздним периодам – В. М. Лозовский (Сергиев Посад), К. Э. Герман (Кижичи), И. Ф. Витенкова, А. Ю. Тарасов, М. М. Шахнович (Петрозаводск), Н. М. Недомолкина (Вологда), Р. В. Смольянинов (Липецк) А. В. Цыбрий, В. В. Цыбрий (Ростов-на-Дону), Л. Л. Косинская, А. В. Шаманаев (Екатеринбург), А. А. Орехов (Магадан) и др.

Отделом был проведен ряд представительных международных конференций. К ним относится собрание в Костёнках в 2004 г. (Ранняя пора... 2006). В 2007 г. в Москве совместно с Институтом географии РАН в рамках Программы «Международного полярного года» была проведена конференция, посвященная древнейшему заселению человеком высоких широт (Путь на Север... 2008). Особо отметим организованный в содружестве с Экспериментально-трассологической лабораторией ИИМК полевой семинар с посещением древнейших палеолитических объектов на Тамани, состоявшийся в 2008 г. (Ранний палеолит Евразии... 2008; Древнейшие обитатели Кавказа... 2010). Традиционные научные связи между археологами России и Украины подтвердила состоявшаяся в Киеве в 2008 г. конференция, посвященная памяти С. Н. Бибикова (С. Н. Бибиков и первобытная археология 2009). Вопросам изучения мезолита и неолита были посвящены проведенные в 2000 и 2009 гг. конференции памяти Н. Н. Гуриной (Хронология неолита... 2000; Проблемы хронологии... 2004; Взаимодействие и хронология... 2009; Мезолит и неолит... 2012).

Учеными Отдела накоплен огромный объем коллекций, лишь в малой степени введенный в научный оборот. Такие богатейшие опорные памятники, как Авдеево, много-

слоиное поселение Бирюса на Енисее, серия палеолитических стоянок долины Десны, Сухая Мечетка, значительная часть материалов Ильской стоянки, Ахштырская пещера многочисленные местонахождения Верхней Волги и многие другие известны лишь по кратким неполным публикациям. Правда, наряду с регулярной активной публикационной деятельностью по древнекаменному веку Кавказа (Неандертальцы Гупсского ущелья... 1994; Любин 1998; Беляева 1999; Любин, Беляева 2004; 2006; 2011; Кавказ и первоначальное заселение... 2007) выходят в свет сборники, посвященные костёнковским материалам (Особенности развития... 2002; Проблемы ранней поры... 2004; Поздний палеолит... 2005) и новый сводный труд по палеолиту Костёнок (Аникович и др. 2008). Впрочем, они не могут заменить давно ожидаемых монографий по ключевым многослойным стоянкам, а материала здесь за прошедшие десятилетия скопилось немало.

Помимо традиционных изданий активно используются новые формы публикационной деятельности. Особо отметим издаваемый в Кишиневе при активном участии сотрудников Отдела объемистый журнал «STRATUMplus», один из ежегодных номеров которого посвящен палеолиту, и «Российский археологический ежегодник» – первое в отечественной литературе издание, ориентированное на оперативное освещение дискуссий по актуальным проблемам нашей науки.

Немалый вклад внес Отдел в разработку теоретических и методических аспектов нашей науки, создание справочно-информационных изданий и учебных пособий. Так, совместно с новосибирскими коллегами удалось издать первый современный учебник по археологии палеолита на русском языке (Деревянко и др. 1994). Сотрудниками Отдела и радиоуглеродной лаборатории ИИМК созданы базы данных по датировкам палеолита (Радиоуглеродная хронология палеолита... 1997) и неолита (Тимофеев и др. 2004) Восточной Европы и Сибири. Выпущены в свет не имеющий аналогов в мировой археологической литературе многоязычный словарь-справочник по археологии палеолита (Васильев и др. 2007), полный свод антропологических находок плейстоценового возраста на территории России и сопредельных стран (Герасимова и др. 2007), очерк истории развития отечественной археологии палеолита (Васильев 2008). Общие вопросы антропогенеза, корреляция эволюции физического типа человека и его культуры стали темой книг Л. Б. Вишняцкого (Вишняцкий 2003; 2005а; 2005б; 2010). Начинает выходить в свет серия изданий, посвященных проблеме взаимодействия палеолитического человека и мамонта (Аникович и др. 2011). Методологические аспекты нашей дисциплины затронуты в лекционном курсе М. В. Аниковича (Аникович 2010).

Одна из основных проблем палеолитоведения – процесс перехода от среднего к верхнему палеолиту и связанные с этим вопросы распространения человека современного физического типа – стала предметом углубленных исследований. Наряду с широким сопоставлением поздних среднепалеолитических, переходных и ранних верхнепалеолитических индустрий в глобальном масштабе авторы обсуждают различные версии причин так называемой «верхнепалеолитической революции» (Аникович и др. 2007; Вишняцкий 2008).

В области изучения каменных индустрий отметим исследовательский интерес к реконструкции способов обработки камня на основании изучения морфологии ядрищ и сколов в сочетании с экспериментом. Упор при этом делается на выявление приемов расщепления и построение моделей технологии (Нехорошев 1999).

Что касается исследования древнейших памятников изобразительного творчества, то ведущий в нашей стране специалист в данной области, З. А. Абрамова неутомимо продолжала свой многолетний поиск, выпуская монументальные своды изображений животных и человека в мобильном искусстве палеолита Европы (Абрамова 2005; 2010). По тщательности сведений, широте и полноте охвата эти труды не имеют аналогов не только в отечественной, но и в мировой науке. Л. Б. Вишняцкий с соавторами рассматривает

сложнейшую проблему генезиса изобразительной деятельности в контексте эволюции физического типа и культуры человека в палеолите (Первобытное искусство 1998; Шер и др. 2004).

В центре внимания неолитической части Отдела находилось изучение сложнейших процессов неолитизации, вопросов изменений в хозяйстве и образе жизни в период перехода от мезолита к неолиту, хронологических рубежей и особенностей этих процессов в различных регионах Северной Евразии (Неолит–энеолит юга... 2003). В. И. Тимофеевым готовилось капитальное исследование, посвященное данной тематике, к сожалению, внезапная смерть прервала планы исследователя.

В последние годы наметился серьезный интерес к прерванному после конца 1930-х гг. изучению неолитического наскального творчества, свидетельством чему являются многолетние работы Кольской экспедиции на уникальном памятнике Канозеро (Колпаков, Шумкин 2012). На базе материалов экспедиции при участии научно-исследовательских учреждений и музеев ряда стран была организована представительная выставка «Наскальное искусство европейских окраин», с успехом проведенная в 2011 г. в Санкт-Петербурге, а затем преобразованная в постоянную экспозицию нового музея «Петроглифы Канозера» в пос. Умба Мурманской обл.

Подведем некоторые итоги и обозначим наиболее актуальные проблемы, стоящие сейчас перед Отделом. Несмотря на ряд новых моментов, изучение каменного века в целом продолжает оставаться на позициях традиционной культурно-исторической археологии, причем в ее «дробительном» варианте, нацеленном на выделение в первую очередь локальных вариаций культуры. По-прежнему заметная часть исследователей трактует комплексы каменного инвентаря и других артефактов как статичные хранилища культурной информации, влияние же на их состав технологических процессов, характера сырья, функциональных особенностей памятников и т. д. неизменно преуменьшается или игнорируется. Тот «типологический формализм», который Г. П. Григорьев рассматривал как одну из основных особенностей петербургской школы изучения палеолита (Григорьев 1998), давно стал тормозом на пути внедрения иного, динамического подхода к изучению нашего основного источника – каменных орудий. Данное положение справедливо и по отношению к поздним периодам каменного века.

В целом невозможность адекватного описания вариабельности культуры с помощью базового понятия локальной культуры и его производных, как и упрощенность представления о палеолите как сумме разграниченных в пространстве-времени культурных общностей, вырисовывается сейчас все более отчетливо. Можно констатировать, что в современной археологии локально-культурные схемы сдают позиции, вытесняясь более сложным пониманием многофакторного характера вариации наборов каменного инвентаря. Идет постепенный отказ от использования понятия «археологическая культура» применительно к нижнему и среднему палеолиту. Да и при анализе верхнепалеолитических индустрий Восточной Европы все большее число исследователей предпочитает пользоваться принятыми в европейской археологии терминами широкого культурно-хронологического плана (ориньяк, граветт, мадлен и др.) и их производными. Своеобразие культурных проявлений в каменном веке на территории Восточной Европы, да и Сибири, явно было преувеличено.

В области полевой археологии восприятие современных приемов сдерживается экономическими факторами, препятствующими внедрению в практику работ технических средств (компьютеры, новейшие геодезические приборы, ГИС-технологии и т. д.). В итоге наблюдается растущий с каждым годом разрыв в уровне методики исследования между отечественными и зарубежными археологами, частично компенсируемый при помощи организации совместных экспедиций.

Новые направления научного поиска с большим трудом пробивают себе дорогу, что связано как с последствиями долговременной изоляции отечественной науки, так и с огромными еще возможностями «экстенсивного» развития, изучения новых эпох и территорий, подменяющего более глубокий анализ уже полученных материалов. Тормозит дело и давняя нерасположенность нашей археологии к экологическому подходу, подкрепляемая официальным гуманитарным статусом дисциплины как составной части истории.

Так, очень слабо развита геоархеология – вопросы тафономии, изучение процессов формирования и разрушения культуросодержащих отложений, палеоэкологический анализ расположения памятников на местности в синхронном и диахронном аспектах. Совершенно недостаточное внимание уделяется такому, некогда приоритетному для нашей науки направлению, как изучение палеолитических жилищ и поселений. Из поля зрения Отдела почти выпали вопросы планиграфического анализа распределения находок, функциональной интерпретации участков стоянок. Крайне малочисленны работы по археозоологии, включающие изучение костных остатков в плане их распределения по частям скелета, фиксацию следов утилизации, воссоздание половозрастного состава добытых животных и реконструкцию на этой основе сезонности обитания и характера охотничьей деятельности древнего человека. В итоге материалы по палеолиту и неолиту России мало используются в мировой науке уже не из-за их недоступности и языкового барьера, а в силу того, что они должным образом не проанализированы. Продвижение по новым направлениям научного поиска невозможно без обновления кадрового состава Отдела, привлечения молодых сил.

Очевидно, что в современных условиях, когда большинство конкретных исследовательских проектов успешно осуществляется учеными региональных центров, роль собственных полевых работ сотрудников Отдела будет только сокращаться. Вместе с тем нам кажется, что Отдел не в полной мере использует свой научный потенциал. Имеется в виду задача создания обобщающих трудов, справочно-информационных и учебно-методических пособий по различным аспектам археологии каменного века (полевые работы, комплексный анализ палеосреды). Более полувека назад П. И. Борисковский впервые заговорил о необходимости разработки специального пособия по полевой археологии палеолита (Борисковский 1953: 181). Осталась нереализованной и многократно высказанная тем же П. И. Борисковским идея создания «нормативного терминологического справочника» по изучению каменных орудий (Борисковский 1971: 32). Такие работы имеются на всех основных европейских языках. Корпус отечественной археологической литературы до сих пор страдает от отсутствия специального издания подобного плана. После кончины Н. А. Береговой прервана столь важная работа, как регистрация палеолитических и мезолитических памятников в масштабе страны, которая ныне могла бы осуществляться на основе электронных карт.

Прошло уже почти 30 лет с момента выпуска в свет последней сводки по древнекаменному веку нашей страны (Палеолит СССР 1984), а нового издания подобного типа пока не видно. Да и поставленная инициатором создания «Палеолита мира» задача написания на русском языке сводки данных по древнекаменному веку в глобальном масштабе не утратила своей актуальности. При этом следует иметь в виду, что темпы прироста фактического материала ныне таковы, что любая обобщающая работа в течение 10 лет практически полностью устаревает и представляет уже исторический интерес. Это относится ко всем периодам каменного века. Время многотомных руководств, служивших не одному поколению исследователей и студентов, давно минуло.

Представляется, что именно посредством публикаций методических руководств такого типа наш коллектив сможет реально влиять на развитие науки о палеолите и неолите в нашей стране и сопредельных государствах, продолжая славные традиции, заложенные П. П. Ефименко, А. П. Окладниковым, П. И. Борисковским, Н. Н. Гуриной.

- Абрамова 1962 – *Абрамова З. А.* Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л., 1962 (САИ. Вып. А4-3).
- Абрамова 1966 – *Абрамова З. А.* Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л., 1966.
- Абрамова 1979а – *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979.
- Абрамова 1979б – *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск, 1979.
- Абрамова 1995 – *Абрамова З. А.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1995. Вып. 1.
- Абрамова 2005 – *Абрамова З. А.* Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. СПб., 2005.
- Абрамова 2010 – *Абрамова З. А.* Древнейший образ человека: Каталог по материалам палеолитического искусства Европы. СПб., 2010.
- Абрамова, Григорьева 1997 – *Абрамова З. А., Григорьева Г. В.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1997. Вып. 3.
- Абрамова и др. 1991 – *Абрамова З. А., Астахов С. Н., Васильев С. А., Ермолова Н. М., Лисицын Н. Ф.* Палеолит Енисея. Л., 1991.
- Абрамова и др. 1997 – *Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Кристенсен М.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1997. Вып. 2.
- Аникович 1978 – *Аникович М. В.* Совещание по вопросам классификации и номенклатуры зубчатых орудий нижнего палеолита // СА. 1978. № 3. С. 303–307.
- Аникович 1990 – *Аникович М. В.* Дискуссия об узловых проблемах первобытной истории в связи с выходом в свет «Истории первобытного общества». Т. 1, 2 // СА. 1990. № 1. С. 308–314.
- Аникович 2010 – *Аникович М. В.* Методология археологии и новые подходы к изучению верхнего палеолита Евразии. Новосибирск, 2010.
- Аникович и др. 2007 – *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б.* Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб., 2007.
- Аникович и др. 2008 – *Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И.* Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб., 2008.
- Аникович и др. 2011 – *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Платонова Н. И.* Человек и мамонт в палеолите Европы: подходы и гипотезы. Историография, методология, основные проблемы. СПб., 2011. Вып. 1.
- Анисюткин 2001 – *Анисюткин Н. К.* Мустьерская эпоха на юго-западе Русской равнины. СПб., 2001.
- Анисюткин 2005 – *Анисюткин Н. К.* Палеолитическая стоянка Стинка 1 и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему на юго-западе Восточной Европы. СПб., 2005.
- Анисюткин и др. 1986 – *Анисюткин Н. К., Борзьяк И. А., Кетрару Н. А.* Первобытный человек в гrotтах Тринка I–III. Кишинев, 1986.
- Анисюткин и др. 1995 – *Анисюткин Н. К., Исламов У. И., Крахмаль К. А., Сайфуллаев Б., Хушваков Н. О.* Новые исследования палеолита в Ахангароне. СПб., 1995.
- Археология и палеогеография... 1978 – Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. М., 1978.
- Археология и палеогеография... 1981 – Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины. М., 1981.
- Археология Нижнего Поволжья 2006 – Археология Нижнего Поволжья. Т. 1. Каменный век. Волгоград, 2006.
- Астахов 1986 – *Астахов С. Н.* Палеолит Тувы. Новосибирск, 1986.
- Астахов 1999а – *Астахов С. Н.* Палеолит Енисея: Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске. СПб., 1999.
- Астахов 1999б – *Астахов С. Н.* Древний палеолит Японии. СПб., 1999.
- Астахов 2008 – *Астахов С. Н.* Палеолитические памятники Тувы. СПб., 2008.
- Беляева 1999 – *Беляева Е. В.* Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ). СПб., 1999.
- Береговая 1960 – *Береговая Н. А.* Палеолитические местонахождения СССР. М.; Л., 1960 (МИА. № 81).
- Береговая 1984 – *Береговая Н. А.* Палеолитические местонахождения СССР (1958–1970). Л., 1984.
- Березин 1936 – *Березин Н. И.* Справочник по палеолиту СССР. Л., 1936.

- Бонч-Осмоловский 1928 – *Бонч-Осмоловский Г. А.* К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий // *Человек.* 1928. № 2–4. С. 147–186.
- Бонч-Осмоловский 1931 – *Бонч-Осмоловский Г. А.* О нарезках на палеолитических костях // СГАИМК. 1931. № 8. С. 25–27.
- Бонч-Осмоловский 1932 – *Бонч-Осмоловский Г. А.* О комплексном изучении четвертичного периода // СГАИМК. 1932. № 3–4. С. 44–49.
- Бонч-Осмоловский 1940 – *Бонч-Осмоловский Г. А.* Палеолит Крыма. Вып. 1. Грот Киик-Коба. М.; Л., 1940.
- Борзяк и др. 1981 – *Борзяк И. А., Григорьева Г. В., Кетрару Н. А.* Поселения древнекаменного века на северо-западе Молдавии. Кишинев, 1981.
- Борисковский 1932 – *Борисковский П. И.* К вопросу о стадильности в развитии верхнего палеолита. Л., 1932 (ИГАИМК. Т. 14, вып. 4).
- Борисковский 1950 – *Борисковский П. И.* Начальный этап первобытного общества. Л., 1950.
- Борисковский 1953 – *Борисковский П. И.* Палеолит Украины. М., 1953 (МИА. № 40).
- Борисковский 1963 – *Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона. М.; Л., 1963 (МИА. № 121).
- Борисковский 1966 – *Борисковский П. И.* Первобытное прошлое Вьетнама. М.; Л., 1966.
- Борисковский 1971 – *Борисковский П. И.* Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971.
- Борисковский 1988 – *Борисковский П. И.* Палеолит и мезолит Юго-Восточной Азии // *Очерки тихоокеанской археологии.* Владивосток, 1988. С. 14–59.
- Борисковский 1996 – *Борисковский П. И.* Палеолит Большой Австралии // *Каменный век тихоокеанских побережий.* Владивосток, 1996. С. 8–54.
- Борисковский, Праслов 1964 – *Борисковский П. И., Праслов Н. Д.* Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. М., 1964 (САИ. Вып. А1-5).
- Васильев 1996 – *Васильев С. А.* Поздний палеолит Верхнего Енисея. СПб., 1996.
- Васильев 2004 – *Васильев С. А.* Древнейшие культуры Северной Америки. СПб., 2004.
- Васильев 2008 – *Васильев С. А.* Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб., 2008.
- Васильев и др. 2005 – *Васильев С. А., Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Синицына Г. В., Лисицын С. Н.* Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб., 2005.
- Васильев и др. 2007 – *Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б., Вишняцкий Л. Б., Гиря Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н.* Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб., 2007.
- Васильев и др. 2011 – *Васильев С. А., Берёзкин Ю. Е., Козинцев А. Г.* Сибирь и первые американцы. 2-е изд. СПб., 2011.
- Васильевский 1981 – *Васильевский Р. С.* (ред.) Алексей Павлович Окладников. М., 1981 (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия истории. Вып. 13).
- Верещагина 2010 – *Верещагина И. В.* Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока. СПб., 2010.
- Взаимодействие и хронология... 2009 – *Взаимодействие и хронология культур мезолит и неолита Восточной Европы.* СПб., 2009.
- Вишняцкий 1996 – *Вишняцкий Л. Б.* Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб., 1996.
- Вишняцкий 2003 – *Вишняцкий Л. Б.* Человек в лабиринте эволюции. М., 2003.
- Вишняцкий 2005а – *Вишняцкий Л. Б.* История одной случайности или происхождение человека. Фрязино, 2005.
- Вишняцкий 2005б – *Вишняцкий Л. Б.* Введение в преисторию. 2-е изд. Кишинёв, 2005.
- Вишняцкий 2008 – *Вишняцкий Л. Б.* Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб., 2008.
- Вишняцкий 2010 – *Вишняцкий Л. Б.* Неандертальцы: история несостоявшегося человечества. СПб., 2010.

- Волков 1913 – *Волков Ф. К.* Палеолит в Европейской России и стоянка в селе Мезине Черниговской губ. // ЗОРСА. 1913. Т. 9. С. 299–306.
- Волков 1915 – *Волков Ф. К.* Антропология и ее университетское преподавание // ЕРАНО. 1915. Т. 5. С. 99–107.
- Воробьев 1958 – *Воробьев М. В.* Древняя Япония: Историко-археологический очерк. М., 1958.
- Воробьев 1961 – *Воробьев М. В.* Древняя Корея: Историко-археологический очерк. М., 1961.
- Гаммерман 1934 – *Гаммерман А. Ф.* Результаты исследования четвертичной флоры по остаткам древесного угля // Труды II Междунар. конф. АИЧПЕ. Л.; М., 1934. Вып. 5. С. 60–74.
- Герасимов и др. 2003 – *Герасимов Д. В., Лисицын С. Н., Тимофеев В. И.* Материалы к археологической карте Карельского перешейка (Ленинградская область): Памятники каменного века и периода раннего металла. СПб., 2003.
- Герасимова и др. 2007 – *Герасимова М. М., Астахов С. Н., Величко А. А.* Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания (Иллюстрированный каталог палеоантропологических находок эпохи палеолита в России и на смежных территориях). СПб., 2007.
- Голованова 1994 – *Голованова Л. В.* Проблемы перехода от раннего к среднему палеолиту на Северо-Западном Кавказе. СПб., 1994.
- Григорьев 1968 – *Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. М.; Л., 1968.
- Григорьев 1998 – *Григорьев Г. П.* Петербургская школа изучения палеолита. Прерывистость и незавершенность // Академические научные школы Санкт-Петербурга. СПб., 1998. С. 43–52.
- Григорьева 1995 – *Григорьева Г. В.* Работы на верхнепалеолитической стоянке Юдиново в 1995 г. СПб., 1995.
- Григорьева 1997 – *Григорьева Г. В.* Исследования верхнепалеолитического поселения Юдиново в 1996 и 1997 гг. СПб., 1997.
- Гурина 1956 – *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956 (МИА. № 47).
- Гурина 1961 – *Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.; Л., 1961 (МИА. № 87).
- Гурина 1967 – *Гурина Н. Н.* Из истории древних племен западных областей СССР (по материалам Нарвской экспедиции). Л., 1967 (МИА. № 144).
- Гурина 1976 – *Гурина Н. Н.* Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР. Л., 1976.
- Гурина 1997 – *Гурина Н. Н.* История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.
- Деревянко 1980 – *Деревянко А. П.* В поисках оленя-золотые рога. М., 1980.
- Деревянко и др. 1994 – *Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А.* Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск, 1994.
- Древнейшие обитатели Кавказа... 2010 – *Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии.* СПб., 2010.
- Ефименко 1913 – *Ефименко П. П.* Каменные орудия стоянки в с. Мезине, Черниговской губ. // ЕРАНО. 1913. Т. 4. С. 67–102.
- Ефименко 1915 – *Ефименко П. П.* Костёнковская палеолитическая стоянка // ЕРАНО. 1915. Т. 5. С. 13–26.
- Ефименко 1928 – *Ефименко П. П.* Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек. 1928. № 1. С. 45–59.
- Ефименко 1931 – *Ефименко П. П.* Значение женщины в ориньякскую эпоху. 1931 (ИГАИМК. Т. 11, вып. 3–4).
- Ефименко 1934 – *Ефименко П. П.* Дородовое общество. 1934 (ИГАИМК. Вып. 79).
- Ефименко 1938 – *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Л., 1938.
- Ефименко 1953 – *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев, 1953.
- Ефименко 1956 – *Ефименко П. П.* Глава 1. Древнекаменный век (палеолит) // Очерки истории СССР: Первобытнообщинный строй и древнейшие государства. М., 1956. С. 15–46.
- Ефименко 1958 – *Ефименко П. П.* Костёнки I. М.; Л., 1958.

- Ефименко, Береговая 1941 – *Ефименко П. П., Береговая Н. А.* Палеолитические местонахождения СССР // Палеолит и неолит СССР. М., 1941. С. 254–292 (МИА. № 2).
- Закономерности... 1988 – Закономерности в развитии палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л., 1988.
- Замятнин 1935 – *Замятнин С. Н.* Раскопки у с. Гагарино (верховья Дона) // ИГАИМК. 1935. Вып. 118. С. 26–77.
- Замятнин 1937 – *Замятнин С. Н.* Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937 (Труды Института абхазской культуры. Вып. 10 [1]).
- Замятнин 1951 – *Замятнин С. Н.* О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Труды ИЭ АН СССР. Новая серия. М.; Л., 1951. Т. 16. С. 88–152.
- Замятнин 1957 – *Замятнин С. Н.* Палеолит Западного Закавказья // Сборник МАЭ. 1957. Т. 17. С. 432–499.
- Замятнин 1961 – *Замятнин С. Н.* Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961.
- Илларионов 1947 – *Илларионов В. Т.* Опыт историографии палеолита СССР. Горький, 1947.
- Иностранцев 1882 – *Иностранцев А. А.* Доисторический человек побережья Ладожского озера. СПб., 1882.
- Исламов, Тимофеев 1986 – *Исламов У. И., Тимофеев В. И.* Культура каменного века Центральной Ферганы. Ташкент, 1986.
- Кавказ и первоначальное заселение... 2007 – Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света. СПб., 2007.
- Каменный век... 1970 – Каменный век на территории СССР. 1970 (МИА. № 166).
- Каменный век... 1995 – Каменный век Верхневолжского региона. СПб., 1995 (Материалы к археологической карте. Вып. 1).
- Каменный век... 1997 – Каменный век Верхневолжского региона. СПб., 1997 (Материалы к археологической карте. Вып. 2).
- Кетрару, Анисюткин 1967 – *Кетрару Н. А., Анисюткин Н. К.* Мерсына. Новое нижнепалеолитическое местонахождение в Молдавии. Кишинев, 1967.
- Кетрару и др. 2007 – *Кетрару Н. А., Григорьева Г. В., Коваленко С. И.* Верхнепалеолитическая стоянка Рашков VII. Кишинев, 2007.
- Кетросы... 1981 – Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М., 1981.
- Козырева 1960 – *Козырева Р. В.* Древнейшее прошлое Сахалина. Южно-Сахалинск, 1960.
- Козырева 1967 – *Козырева Р. В.* Древнейший Сахалин. Л., 1967.
- Колпаков, Шумкин 2012 – *Колпаков Е. М., Шумкин В. Я.* Петроглифы Канозера. СПб., 2012.
- Кольский сборник 2007 – Кольский сборник. СПб., 2007.
- Конопацкий 2001 – *Конопацкий А. К.* Прошлого великий следопыт. Академик А. П. Окладников. Страницы биографии. Новосибирск, 2001. Ч. 1.
- Конопацкий 2009 – *Конопацкий А. К.* Прошлого великий следопыт. Академик А. П. Окладников. Страницы биографии. М., 2009. Ч. 2.
- Крижевская 1968 – *Крижевская Л. Я.* Неолит Южного Урала. Л., 1968 (МИА. № 141).
- Крижевская 1977 – *Крижевская Л. Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977.
- Крижевская 1992 – *Крижевская Л. Я.* Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- Кударские пещерные палеолитические стоянки... 1980 – Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. М., 1980.
- Ларичев 1958 – *Ларичев В. Е.* А. П. Окладников – исследователь древних культур Азии. Иркутск, 1958.
- Ларичев 1970 – *Ларичев В. Е.* 40 лет среди сибирских древностей. Новосибирск, 1970.
- Лисицын 1997 – *Лисицын Н. Ф.* Относительная и абсолютная хронология позднего палеолита юга Средней Сибири. СПб., 1997.
- Лисицын 2000 – *Лисицын Н. Ф.* Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб., 2000.
- Лисицын, Худяков 1997 – *Лисицын Н. Ф., Худяков Ю. С.* Дюнные стоянки Хакасии. СПб., 1997.
- Литвинский и др. 1962 – *Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А.* Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962.

- Любин 1965 – Любин В. П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // Палеолит и неолит СССР. М.; Л., 1965. Т. 5. С. 7–75 (МИА. № 131).
- Любин 1977 – Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.
- Любин 1998 – Любин В. П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб., 1998.
- Любин, Беляева 2004 – Любин В. П., Беляева Е. В. Стоянка Homo erectus на Центральном Кавказе (пещера Кударо 1). СПб., 2004.
- Любин, Беляева 2006 – Любин В. П., Беляева Е. В. Ранняя преистория Кавказа. СПб., 2006.
- Любин, Беляева 2011 – Любин В. П., Беляева Е. В. Страницы ранней преистории Абхазии. СПб., 2011.
- Любин, Геде 2000 – Любин В. П., Геде Ф. Й. Палеолит Республики Кот-д’Ивуар. СПб., 2000.
- Матюхин 2012 – Матюхин А. Е. Бирючья Балка 2. Многослойный палеолитический памятник в бассейне Нижнего Дона. СПб., 2012.
- Мезолит и неолит... 2012 – Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб., 2012.
- Мезолит СССР 1989 – Мезолит СССР. М., 1989 (Археология СССР).
- Мережковский 1880 – Мережковский К. С. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму // Известия Русского географического общества. СПб., 1880. Т. 16, № 2. С. 106–146.
- Неандертальцы Гупсского ущелья... 1994 – Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп, 1994.
- Неолит Северной Евразии 1996 – Неолит Северной Евразии. М., 1996 (Археология).
- Неолит–энеолит юга... 2003 – Неолит–энеолит юга и неолит севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003.
- Нехорошев 1999 – Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.
- Окладников 1945 – Окладников А. П. Ленские древности. Якутск, 1945. Вып. 1.
- Окладников 1946 – Окладников А. П. Ленские древности. Якутск, 1946. Вып. 2.
- Окладников 1948 – Окладников А. П. Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра. М.; Л., 1948.
- Окладников 1949 – Окладников А. П. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск, 1949.
- Окладников 1950а – Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М., 1950. Ч. 1–2 (МИА. № 18).
- Окладников 1950б – Окладников А. П. Ленские древности. Якутск, 1950. Вып. 3.
- Окладников 1955а – Окладников А. П. Глава I. Возникновение человеческого общества. Ранний древнекаменный век // Всемирная история. М., 1955. Т. 1. С. 17–49.
- Окладников 1955б – Окладников А. П. Глава II. Развитие первобытнообщинного строя. Поздний древнекаменный век // Там же. С. 50–88.
- Окладников 1955в – Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л., 1955. Ч. 3 (МИА. № 43).
- Окладников 1955г – Окладников А. П. Якутия до присоединения к Русскому государству. 2-е изд. М.; Л., 1955.
- Окладников 1959а – Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959.
- Окладников 1959б – Окладников А. П. Шишкинские писаницы: памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск, 1959.
- Окладников 1963 – Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. М.; Л. 1963 (МИА. № 112).
- Окладников 1974 – Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары. Новосибирск, 1974.
- Окладников 1975 – Окладников А. П. Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск, 1975.
- Окладников 1976 – Окладников А. П. Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск, 1976.
- Окладников, Береговая 1971 – Окладников А. П., Береговая Н. А. Древние поселения Баранова Мыса. Новосибирск, 1971.

- Особенности развития... 2002 – Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2002.
- Палеолит и неолит 1986 – Палеолит и неолит. Л., 1986.
- Палеолит Костёнковско-Боршевского района... 1982 – Палеолит Костёнковско-Боршевского района на Дону. 1879–1979. Л., 1982.
- Палеолит мира... 1977 – Палеолит мира: Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л., 1977.
- Палеолит мира... 1978 – Палеолит мира: Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л., 1978.
- Палеолит мира... 1989 – Палеолит мира: Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л., 1989.
- Палеолит мира... 1994 – Палеолит мира: Палеолит Центральной и Восточной Азии. СПб., 1994.
- Палеолит СССР 1935 – Палеолит СССР. 1935 (ИГАИМК. Вып. 118).
- Палеолит СССР 1984 – Палеолит СССР. М., 1984 (Археология СССР).
- Первобытное искусство... 1998 – Первобытное искусство (проблема происхождения). Кемерово, 1998.
- Питулько 1998 – *Питулько В. В.* Жоховская стоянка. СПб., 1998.
- Питулько, Павлова 2010 – *Питулько В. В., Павлова Е. Ю.* Геоархеология и радиоуглеродная археология памятников каменного века Северо-Восточной Азии. СПб., 2010.
- Поздний палеолит... 2005 – Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культура, антропология. Воронеж, 2005.
- Полевая археология... 1990а – Полевая археология древнекаменного века. Л., 1990 (КСИА. Вып. 202).
- Полевая археология... 1990б – Полевая археология мезолита и неолита. Л., 1990.
- Поляков 1880 – *Поляков И. С.* Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию, исполненная по поручению Императорской Академии наук. Приложение к 37 т. Записок Императорской АН. СПб., 1880. № 1.
- Поляков 1882 – *Поляков И. С.* Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги. СПб., 1882 (Записки Русского географического общества, отдел этнографии. Т. 9).
- Праслов 1968 – *Праслов Н. Д.* Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968 (МИА. № 157).
- Праслов, Щелинский 1996 – *Праслов Н. Д., Щелинский В. Е.* Верхнепалеолитическое поселение Золотовка I на Нижнем Дону. СПб., 1996.
- Проблемы культурной адаптации... 1989 – Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Л., 1989.
- Проблемы ранней поры... 2004 – Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. СПб., 2004.
- Проблемы хронологии... 2004 – Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004.
- Путь на Север... 2008 – Путь на Север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. М., 2008.
- Равдоникас 1938 – *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. М.; Л., 1938. Ч. 1–2.
- Радиоуглеродная хронология палеолита... 1997 – Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы. СПб., 1997.
- Ранний палеолит Евразии... 2008 – Ранний палеолит Евразии: новые открытия. Ростов н/Д, 2008.
- Ранняя пора... 2006 – Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. СПб., 2006.
- Рогачёв 1955 – *Рогачёв А. Н.* Александровское поселение древнекаменного века у с. Костёнки на Дону. М., 1955 (МИА. № 45).
- Рогачёв 1957 – *Рогачёв А. Н.* Многослойные стоянки Костёнковско-Борщёвского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Палеолит и неолит СССР. М.; Л., 1957. Т. 3. С. 9–134 (МИА. № 59).
- Руденко 1948 – *Руденко С. И.* Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. Л., 1948.

- Семёнов 1940 – *Семёнов С. А.* Изучение следов работы на каменных орудиях // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 21–26.
- Семёнов 1957 – *Семёнов С. А.* Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л., 1957 (МИА. № 54).
- Синицын 1978 – *Синицын А. А.* Вопросы методики и техники исследования каменных орудий палеолита // СА. 1978. № 3. С. 307–313.
- Синицына 1996 – *Синицына Г. В.* Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996.
- С. Н. Бибиков и первобытная археология 2009 – С. Н. Бибиков и первобытная археология. СПб., 2009.
- Сосновский 1934 – *Сосновский Г. П.* Палеолитические стоянки Северной Азии // Труды II Международ. конф. АИЧПЕ. Л.; М., 1934. Вып. 5. С. 246–292.
- Спицын 1915 – *Спицын А. А.* Русский палеолит // ЗОРСА. 1915. Т. 11. С. 133–172.
- Станко и др. 1989 – *Станко В. Н., Григорьева Г. В., Швайко Т. Н.* Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. Киев, 1989.
- Тарасов 1979 – *Тарасов Л. М.* Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л., 1979.
- Тешик-Таш... 1949 – Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949.
- Тимофеев и др. 2004 – *Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Долуханов П. М., Шукуров А. М.* Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб., 2004.
- Тихонов 2003 – *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003.
- Третьяков 1972 – *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972.
- Третьяков 1990а – *Третьяков В. П.* Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л., 1990.
- Третьяков 1990б – *Третьяков В. П.* Волосовские племена в Европейской части СССР в III–II тыс. до н. э. Л., 1990.
- Третьяков, Выборнов 1988 – *Третьяков В. П., Выборнов А. А.* Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев, 1988.
- У истоков древних культур... 1966 – У истоков древних культур (эпоха мезолита). М.; Л., 1966 (МИА. № 126).
- Хварцкия и др. 2005 – *Хварцкия М. Х., Полякова Н. Е., Очередной А. К.* Мачагуа – памятник среднего каменного века в Абхазии. СПб., 2005.
- Хлобыстин 1976 – *Хлобыстин Л. П.* Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л., 1976.
- Хлобыстин 1998 – *Хлобыстин Л. П.* Древняя история Таймырского Заполярья. СПб., 1998.
- Холоушкин и др. 2005 – *Холоушкин Ю. П., Васильев С. А., Воронин В. Т., Костин В. С., Нуртдинов А. Н.* Динамика развития позднепалеолитической культуры на Верхнем Енисее: опыт статистического исследования. Новосибирск, 2005.
- Хронология неолита... 2000 – Хронология неолита Восточной Европы. СПб., 2000.
- Чистяков 1996 – *Чистяков Д. А.* Мустьерские памятники Северо-Восточного Причерноморья. СПб., 1996.
- Шер и др. 2004 – *Шер Я. А., Вишняцкий Л. Б., Бледнова Н. С.* Происхождение знакового поведения. М., 2004.
- Щелинский, Кулаков 2005 – *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Ильская мустьерская стоянка. СПб., 2005.
- Этнокультурные общности... 1973 – Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. М.; Л., 1973 (МИА. № 172).
- Abramova 1967 – *Abramova Z. A.* Paleolithic art in the USSR. Arctic Anthropology. Wisconsin, 1967. Vol. 4, no. 1.
- Abramova 1995 – *Abramova Z. A.* L'art paléolithique d'Europe orientale et de Sibérie. Grenoble, 1995.
- Ad Polus... 1993 – Ad Polus. Памяти Л. П. Хлобыстина. СПб., 1993.
- Beregovaia 1966 – *Beregovaia N. N.* Paleolithic sites in the USSR. Cambridge, Mass., 1966 (Russian translation series of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Vol. 3, no. 1).

- Bonch-Osmolovsky, Gromov 1936 – *Bonch-Osmolovsky G., Gromov V.* The Paleolithic in the Union of Soviet Socialist Republics // Report of the XVI Session of the International Geological Congress. Washington, 1936. Vol. 2. P. 1291–1324.
- Boriskovskiĭ 1958 – *Boriskovskiĭ P. I.* Le paléolithique de l'Ukraine. Paris, 1958.
- From Kostenki to Clovis... 1993 – From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic – Paleo-Indian adaptations. New York; London, 1993.
- Khlobystin 2005 – *Khlobystin L. P.* Taimyr. The archaeology of northernmost Eurasia. Washington, 2005.
- Liubin 2002 – *Liubin V. P.* L'Acheuléen du Caucase. Liège, 2002 (Etudes et recherches archéologiques de l'Université de Liège. No. 93).
- Okladnikov 1959 – *Okladnikov A. P.* Ancient population of Siberia and its cultures. Cambridge, 1959.
- Okladnikov 1965 – *Okladnikov A. P.* The Soviet Far East in antiquity. Toronto, 1965.
- Paléolithique et Néolithique... 1956 – Paléolithique et Néolithique de l'U.R.S.S. Paris, 1956.
- Semenov 1964 – *Semenov S. A.* Prehistoric technology. London, 1964.
- Zamiatnine 1934 – *Zamiatnine S.* La station aurignacienne de Gagarino et les données nouvelles qu'elle fournit sur les rites magiques des chasseurs quaternaires. Leningrad, 1934 (Bulletin de l'Académie de l'Histoire de la Culture Matérielle. Fasc. 88).

Глава 3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ: ПРЕДЫСТОРИЯ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ, НЫНЕШНИЕ РЕАЛИИ

В. Е. Щелинский

Научные лаборатории обычно создаются для реализации и дальнейшего развития идей крупного ученого. Так было и с Экспериментально-трасологической лабораторией ИИМК РАН. Создана она была для Сергея Аристарховича Семёнова (рис. 24, 1), внесшего громадный вклад в развитие мировой археологической науки. При жизни исследователя его лабораторию называли «лабораторией Семёнова» или «Семёновской».

С. А. Семёнов пришел в науку самостоятельно, без чьей-либо помощи и, прежде чем получить лабораторию, долгое время работал в одиночку, сполна испытав первоначальное недоверие и скепсис коллег. Такое бывает нередко в пионерских начинаниях, особенно в науке.

До прихода в науку у С. А. Семёнова была совсем другая жизнь, обусловленная суровыми обстоятельствами Октябрьской революции 1917 г. Родился он 25 сентября 1898 г. в Литве, в г. Вильно, в старообрядческой семье. Отец его был рабочий-строитель. В 1915 г. во время наступления немцев С. А. Семёнов 16-летним парнем был вынужден бежать вместе с семьей из Литвы. Сначала поселился в Нижегородской губернии и устроился учителем сельской школы в сел. Тубанаевка, затем – конторщиком в уездной Земской управе. После смерти матери в 1916 г. уехал в г. Оренбург, где поступил чернорабочим в депо Ташкентской железной дороги. После Октябрьской революции принимал участие в организации Красной гвардии для свержения атамана Дутова и участвовал в боях Актюбинского фронта в качестве красноармейца. В 1919 г. был переброшен в Реввоентрибунал следователем выездной сессии. В течение 1920–1922 гг. работал в органах Трибунала Особого отдела по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом: сначала в г. Оренбурге, затем в г. Ашхабаде, воевал на глухих окраинах Киргизии и Туркестана с басмачами.

В 1922 г. С. А. Семёнов приехал в Ленинград. Началась мирная жизнь. В Ленинграде он был рекомендован в военно-педагогическую школу, по окончании которой получил специальность «преподаватель политграмоты». Однако работа по этой специальности его не устраивала. Вскоре он демобилизовался и поступил в Педагогический институт им. Герцена на историко-экономическое отделение. Именно здесь у С. А. Семёнова зародился большой интерес к научно-исследовательской работе в области древних стадий истории человеческого общества и истории орудий труда. Консультативную поддержку ему оказывал профессор А. Е. Кудрявцев. В 1927 г. С. А. Семёнов окончил институт, защитив дипломную работу на тему «Происхождение орудий труда», и получил специальность «преподаватель обществоведения». Но работа в школе не была его стихией.

По окончании института С. А. Семёнов занялся наукой самостоятельно, пользуясь всеми доступными ему средствами – литературой, музейными материалами, участием в этнографических экспедициях Академии наук на п-ове Канин и в Восточной Киргизии.

Средства к жизни получал литературным трудом, а также работая на заводе производственного кооператива «Радист».

В 1931 г. сбылась давняя заветная мечта С. А. Семёнова. Он был принят в аспирантуру и получил долгожданную возможность продолжить любимую научно-исследовательскую работу в стенах ГАИМК.

Первоначально С. А. Семёнов прошел общую учебную подготовку в рамках научной темы: «Происхождение человеческого общества», включавшей вопросы методологии (ламаркизм и дарвинизм; идеалистические и механистические учения), проблемы эолита (естественные орудия у животных, «эолиты» и «третичный» человек, формы применения естественных орудий, «деревянные» орудия, переход дочеловека с деревьев на землю, огонь у дочеловека и способы пользования огнем из естественных источников), а также проблемы раннего палеолита, касающиеся образа жизни раннепалеолитического человека, возникновения обработки орудий, простейших форм искусственных орудий, дифференциации орудий, возникновения способов искусственного добывания огня. Соответственно, темой кандидатской диссертации С. А. Семёнова стало «Происхождение орудий труда», т. е. он продолжил разработку темы, которой занимался, еще учась в институте. Правда, его диссертация получила все же в итоге другое название.

В ГАИМК в это время была удивительная творческая атмосфера. Уже в 1970-е гг. мне рассказывал об этом М. П. Грязнов. Видимо, немногие знают, что М. П. Грязнов глубоко интересовался трасологией и использовал ее в своих археологических исследованиях. Но это была, как бы мы сейчас сказали, «макротрасология» или общеархеологическая трасология, т. е. не совсем та трасология, которую разрабатывал С. А. Семёнов. Ведь хорошо известно, что в археологии, где основным источником наших знаний о прошлом являются сделанные человеком предметы, ничтожные остатки древних сооружений и другие следы человеческой деятельности, изучение этих следов имеет исключительно важное значение и давно и широко применяется. Все наши основные знания о древних каменных орудиях и связанная с этим история развития техники каменного века построены на изучении именно характера следов, указывающих на способы изготовления орудий. По характеру часто бросающихся в глаза следов изнашивания устанавливаются различные виды костяных и каменных орудий – отбойники, отжимники, песты, наковальни, зернотерки и т. д. Точно так же, по следам работы гончара детально устанавливается процесс изготовления глиняной посуды, изучаются способы и история гончарного производства. Особенно широко применялось и применяется в археологии изучение следов на артефактах, если ставится задача глубокого и всестороннего изучения техники, хозяйства и общественного строя древних обществ.

По словам М. П. Грязнова, в ГАИМК в развитии трасологических подходов к изучению каменных изделий особенно важное значение имели так называемые «занятия по камню», проводимые П. П. Ефименко. Он ежегодно подбирал небольшую группу молодых начинающих археологов и проводил с ними систематические занятия, которые наложили глубокий отпечаток на последующую научную деятельность многих ленинградских археологов, в том числе Г. А. Бонч-Осмоловского, П. И. Борисковского и ряда других. Безусловно, эти курсы П. П. Ефименко по камню оказали сильное влияние и на формирование исследовательских интересов С. А. Семёнова, так как П. П. Ефименко был его фактическим научным руководителем во время аспирантуры.

Углубляясь в трасологию археологических материалов, С. А. Семёнов все большее внимание стал уделять разработке новой методики изучения следов, оставшихся на первобытных орудиях от их изготовления и использования в работе. В теоретическом плане он исходил из общего принципа, что на всех орудиях, если они были в работе, должны были возникать следы изнашивания. Учитывался также основной набор ручных операций,

которые могли выполняться в древности с помощью орудий труда. И каждая из этих операций, по мнению С. А. Семёнова, отличалась закономерными и строго определенными кинематическими характеристиками. Последние как раз и должны были определять ту или иную картину или систему следов изнашивания на орудиях. Задача состояла в том, чтобы отыскать эти следы (обычно микроскопические), которые теоретически могли иметь вид линейных следов (царапин, рисок и т. д.), пришлифовки и заполировки. Анализ этих следов позволяет интерпретировать функции орудий и некоторые физические свойства материалов, на которые ими воздействовали. На разработку приемов обнаружения и фиксации следов изнашивания на первобытных орудиях уходило практически все время. Не хватало оптической аппаратуры, без которой невозможно было проводить исследования. С. А. Семёнов пользовался устаревшей биноклярной лупой, за свои деньги покупал в комиссионных магазинах микроскопы, которые, впрочем, были предназначены для биологических объектов и не очень подходили для анализа поверхности археологических изделий. Вполне понятно, что, увлекшись разработкой методики изучения следов на орудиях, С. А. Семёнов не успел представить диссертацию в отведенный аспирантурой срок (1934 г.). Однако администрация ГАИМК отнеслась к этому с полным пониманием и позволила продолжать начатые исследования. В окончательном виде кандидатская диссертация С. А. Семёнова получила название «Изучение функций верхнепалеолитических орудий по следам от употребления на материалах Костёнок I, Тимоновки и пещеры Вирхова» и была успешно защищена в 1937 г. В 1940 и 1941 гг. вышли из печати его первые статьи, посвященные разработке трасологического метода или «функционально-аналитического метода», как называл его первоначально С. А. Семёнов (Семёнов 1940а; 1940б; 1941). Таким образом, новая методика функционально-трасологического анализа палеолитических материалов впервые стала известна специалистам.

Выявляемые С. А. Семёновым с помощью микроскопа мельчайшие следы изнашивания и обработки орудий, по сути, стали новым историческим источником, а разработанная им методика позволила их анализировать и интерпретировать. Однако с этого момента начинается и критика научного подхода С. А. Семёнова к археологическому материалу со стороны его коллег. Правда, касалась она не его методических разработок по трасологическому анализу, которые сразу же получили единодушное одобрение. С. А. Семёнова стали жестко критиковать за его общую оценку типологического метода, по его мнению, формального и устаревшего и не позволяющего исследовать древнейшее производство, а также за переоценку роли исследований по истории техники в археологии. В археологической среде иначе и не могло быть.

Потом началась Великая Отечественная война. До весны 1942 г. С. А. Семёнов оставался в осажденном Ленинграде, работал, активно участвовал в пожарной группе МПВО, а затем был эвакуирован в г. Иваново. Вернулся он в Институт в 1944 г.

Продолжая работать в избранном направлении в Секторе палеолита и неолита, С. А. Семёнов не ограничивается изучением палеолитических орудий и расширяет круг исследуемых им археологических материалов неолита и других эпох, совершенствуя при этом методику трасологического анализа. Им активно стала разрабатываться тема костяных и роговых орудий различных эпох, начаты первые изыскания в области ранних земледельческих орудий.

В 1951 г. произошло новое распределение сотрудников ЛОИИМК по подразделениям. Первое время С. А. Семёнов продолжал работать в Секторе палеолита и неолита, но уже с 1952 г. фактически перешел в лабораторию археологической технологии, возглавляемую сначала М. П. Грязновым, а потом С. И. Руденко, где проводил исследования по одному из главных направлений работы лаборатории – определению функций первобытных орудий труда (Зайцева 2007).

В это время особенно отчетливо обозначилась главная цель исследований С. А. Семёнова, ради которой он собственно и разрабатывал трасологический метод, призванный с высокой степенью достоверности устанавливать производственные функции и приемы изготовления первобытных орудий. Эта цель – изучение техники древних производств и истории первобытной техники, исследование законов развития техники и хозяйства, начиная с древнейших эпох истории человечества на основе всех возможных источников: археологических, этнографических и экспериментальных.

В 1950-е и последующие годы работать С. А. Семёнову стало легче. У него появляются помощники и ученики. По заявкам С. А. Семёнова Институт приобретает хорошие для своего времени бинокулярные и металлографические микроскопы, а также установку для макро- и микросъемки на стеклянные пластинки. В лабораторию был принят специальный фотограф, проводивший макро- и микросъемку следов изнашивания и изготовления на первобытных изделиях. В фотолaborатории Института, возглавляемой М. Г. Агороян, с этих стеклянных негативов печатались фотографии.

С. А. Семёнов усиленно работает над книгой «Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы)», в которой он подводит некоторый итог своим более чем 20-летним разработкам трасологического метода и излагает результаты применения этого метода к изучению археологических материалов. В 1957 г. эта книга С. А. Семёнова выходит из печати (Семёнов 1957), а сам он за крупный вклад в археологическую науку удостоивается престижной премии Президиума АН СССР. В следующем 1958 г. С. А. Семёнов едет в Москву и на Ученом совете ИИМК СССР успешно защищает по этой книге докторскую диссертацию.

Трасологические исследования С. А. Семёнова быстро получили признание не только в СССР, но и за рубежом. В 1964 г. его книга была переведена на английский язык и опубликована в Лондоне, а затем в Нью-Йорке под названием «Prehistoric technology (an experimental study of oldest tools and artifacts from traces of manufacture and wear)» (Semenov 1964). Многие советские и зарубежные археологи взяли на вооружение трасологический метод С. А. Семёнова и успешно его использовали и используют в своих исследованиях в комплексе с другими методами.

После защиты докторской диссертации открылся новый этап в исследованиях С. А. Семёнова. Он еще с большей энергией занялся экспериментальным моделированием изготовления первобытных каменных, костяных/роговых и деревянных орудий, а также древних производственных процессов. Но теперь он был уже не один. В 1957 г. он получил помощницу в лице Г. Ф. Коробковой. Перед этим она закончила ЛГУ и была принята лаборантом в Лабораторию археологической технологии.

Кое-какие эксперименты были выполнены С. А. Семёновым еще в довоенное время. Но они сначала касались лишь приобретения опыта первичного расщепления кремня и изготовления некоторых моделей первобытных орудий из этого камня. Теперь программы экспериментальных исследований стали более продуманными и целенаправленными. При этом учитывались этнографические данные о способах изготовления и использования орудий охотниками-собираателями, находившимися еще недавно на первобытном уровне общественного развития. Кроме того, ставились задачи экспериментальным путем выяснить вероятные способы изготовления, эффективность и долговечность некоторых категорий орудий из археологических коллекций как палеолита и неолита, так и более позднего времени. С 1956 по 1964 г. было проведено шесть экспериментальных экспедиций: Каунасская (1956 г.), Ангарская (1957 г.), Крымская (1958 г.), Вильнюсская (1959 г.), Карельская (1960 г.), Западнобелорусская (1964 г.) и Сухумская киноэкспедиция (1964 г.).

Здесь невозможно рассказать о результатах всех этих экспедиций С. А. Семёнова, хотя о них мало известно широкому кругу исследователей, поскольку материалы экспери-

ментальных исследований тогда, к сожалению, не сдавались ни в рукописный архив, ни в фотоархив Института. Сейчас эти материалы, как и многие материалы последующих экспериментальных работ Г. Ф. Коробковой, фактически потеряны. Чаще всего вспоминается челн, выдолбленный из ствола дерева в 1957 г. в Ангарской экспериментальной экспедиции С. А. Семёнова при помощи каменных орудий и испытанный на плавучесть на р. Ангаре, а также деревянный идол, вырубленный экспериментальными теслами из нефрита. В настоящее время этот идол стоит в лаборатории, а челн, изрядно потрескавшийся от времени, лежит в коридоре Института. Его лишь однажды выносили из Института на Неву во время съемок фильма о Семёновской лаборатории (рис. 25).

Г. Ф. Коробкова, будучи археологом, не только помогала С. А. Семёнову в его экспериментальных работах и осваивала трасологический метод, но и регулярно принимала участие в археологических экспедициях и разведках П. И. Борисковского в Костёнках и на Украине. Одно время она хотела заняться палеолитом, но вскоре переключилась на трасологическое изучение материалов неолита Средней Азии.

В 1964 г., после очередной реорганизации в Институте, С. А. Семёнов и Г. Ф. Коробкова переходят в состав Сектора палеолита, руководимого тогда П. И. Борисковским (Васильев, Желтова 2008). Рабочие места их по-прежнему находились в небольшом узком помещении рядом (через фанерную перегородку) с чертежной, где размещались художники Тамара Трошкина, Толя Филиппов и еще кто-то. Сейчас это дальняя комната рукописного архива.

В эту же комнатушку в 1967 г. пришел работать и я. Привел меня к С. А. Семёнову Н. Д. Праслов, с которым я познакомился, будучи студентом Ростовского-на-Дону государственного университета. Позже я участвовал в ряде его археологических экспедиций в Приазовье, на Нижнем Дону и на Кубани. У С. А. Семёнова я сначала работал без зачисления в Институт, но через год (в 1968 г.) был принят в ЛОИА в качестве научно-технического сотрудника. Моей основной работой стало освоение трасологического метода под руководством С. А. Семёнова применительно к материалам мустьерской эпохи. На меня была возложена также обязанность проведения макро- и микросъемки следов изнашивания на орудиях.

Мы начали совершенствовать трасологический метод, внося в него определенные дополнения. При этом одно из направлений исследований касалось разработки методики микрометрического анализа поверхности орудий с использованием двойного микроскопа МИС-11. Эта методика позволяет устанавливать степень изнашивания и относительную продолжительность употребления орудий в работе (Семёнов, Щелинский 1971). Другим направлением совершенствования трасологического метода явились систематические исследования следов изнашивания на орудиях при помощи металлографического микроскопа с большим увеличением (МИМ-6 со съёмными объективами, позволяющими достигать увеличения от 75 до 500 раз). При помощи этого же микроскопа производилась фотофиксация микроскопических следов изнашивания на специальные стеклянные пластинки форматом 9 × 12 см. Более крупные следы изнашивания фотографировались на такие же фотопластинки при помощи фотоустановки ФМН-2. Была начата программа изготовления экспериментальных эталонов с целью изучения всего спектра следов изнашивания орудий, возникающих на них от тех или иных операций, и более точной их функциональной интерпретации (Щелинский 1975; 1977). Эксперименты проводились в поле и в стенах Института. Примерно в это же время подобные исследования стал проводить английский исследователь Л. Кили (Keeley 1974; 1980), к чему, как он сам признает, его в немалой степени подтолкнуло знакомство с книгой С. А. Семёнова (Semenov 1964). Впоследствии Л. Кили стал родоначальником всей западной трасологии. В 1991 г. он приезжал в ЛОИА/ИИМК для обмена опытом. Преимущественно на его работах учились

П. Андерсон-Жерфо (P. Anderson-Gerfaud), Х. Плиссон (H. Plisson), С. Беири (S. Beyries), П. Воган (P. Vaughan) и другие французские, английские, бельгийские, шведские, немецкие исследователи, которые успешно используют трасологический метод в археологии. Некоторые из них неоднократно приезжали к нам для ознакомления с нашими работами и на конференции. Надо сказать, что наши зарубежные коллеги работают с хорошей и удобной современной оптической техникой, которая нам, к сожалению, в основном недоступна.

Для С. А. Семёнова экспериментальные исследования имели особенно важное значение, поскольку его всегда интересовали вопросы развития первобытной техники, которые могли решаться только с привлечением экспериментальных данных. В рамках этих исследований начались наши почти ежегодные совместные с С. А. Семёновым и Г. Ф. Коробковой экспериментальные экспедиции, проводившиеся в Литве (1968 г.), под Вырицей в Ленинградской обл. (1970 г.), на Кавказе в районе Сочи (1971 г.), в Белоруссии (1972 г.), в Крыму (1973 г.) и в ряде других мест. С 1970 г. в этих экспедициях стали принимать участие А. Е. Матюхин, А. К. Филиппов и Н. Н. Скакун (рис. 26–29).

В 1968 г. вышла в свет вторая книга С. А. Семёнова – «Развитие техники в каменном веке». Основной целью ее было исследование проблемы технического прогресса на начальных этапах развития человеческого общества посредством изучения закономерностей развития отдельных отраслей древнейшего труда. В работе органично сочетаются данные, полученные при изучении орудий и изделий из археологических коллекций трасологическим и экспериментальным методами, и данные этнографии. При этом трасологические исследования и в этой работе С. А. Семёнова играют главную роль. Впервые формулируется принцип применения экспериментального метода в археологии. По мнению С. А. Семёнова, этот метод «должен занять в нашей науке более важное место, чем это казалось до его глубокого внедрения в постоянную исследовательскую практику. Можно с уверенностью сказать, что изучение древней техники невозможно без экспериментов. Однако вне той документации, какую нам дает изучение следов обработки и использования, сохранившихся на древних орудиях и изделиях, эксперимент имеет ограниченное значение – он не делает в полной мере древнюю технику отраслью исторической науки. Лишь при участии обоих методов в исследовании древней техники может быть достигнут научный результат» (Семёнов 1968: 7).

Известность исследований С. А. Семёнова продолжала расти. В 1970 г. по просьбе директора Института археологии АН СССР академика Б. А. Рыбакова С. А. Семёнов выступил с докладом «Функциональный метод в археологии каменного века» на сессии Отделения истории АН СССР в Москве. Он рассказал ведущим ученым-историкам страны о конкретных результатах применения разработанного им трасологического метода и о дальнейших перспективах и планах работ в этом направлении.

Первая ученица С. А. Семёнова Г. Ф. Коробкова быстро овладела навыками трасологического изучения неолитических орудий из коллекций стоянок Средней Азии. При этом с самого начала со свойственной ей кипучей энергией она взяла курс на функционально-трасологическое определение массовых коллекций каменных изделий, что, безусловно, было важно. Однако определения Г. Ф. Коробковой были порой слишком обобщенными, так как для трасологического анализа она предпочитала использовать преимущественно простой бинокулярный микроскоп с небольшим увеличением, который, как известно, не позволяет получать исчерпывающую информацию о следах изнашивания на каменных орудиях. Более детальную и полную картину следов изнашивания на орудиях можно было получить с помощью металлографических микроскопов, но в этом случае работа с крупными археологическими коллекциями занимала бы гораздо больше времени. Впоследствии Г. Ф. Коробкова все же оценила преимущества работы с микроскопами с большим увеличением.

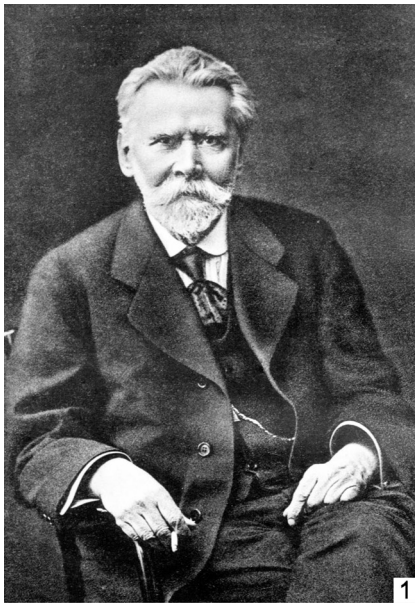

Рис. 9. 1 – Ф. К. Волков, начало 1910-х гг.; 2 – П. П. Ефименко, 1940 г.; 3 – Г. А. Бонч-Осмоловский, 1933 г.; 4 – С. Н. Замятин, 1940 г.; 5 – раскопки С. Н. Замятина в Гагарино, 1929 г.

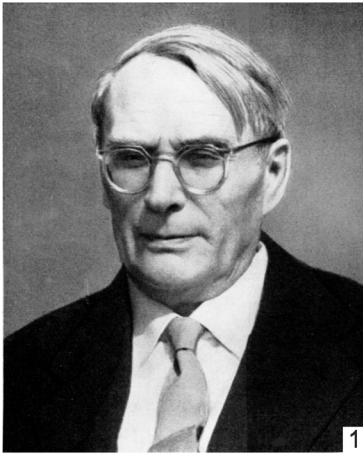

Рис. 10. 1 – В. И. Громов, 1960-е гг.; 2 – разборка культурного слоя на первом жилом комплексе Костёнок I, 1934 г.; 3 – М. М. Герасимов, 1930-е гг.; 4 – П. И. Борисовский, 1980 или 1981 г.; 5 – раскопки М. М. Герасимова в Мальте, 1934 г.

Рис. 11. 1 – А. П. Окладников, 1959 г.; 2 – В. И. Равдоникас, 1933 г.; 3 – Н. Н. Гурина, 1940-е гг.; 4 – Н. А. Береговая, 1960-е гг.; 5 – П. И. Борисковский экспериментирует в Костёнках с разведением огня в очаге с канавкой, 1957 г.

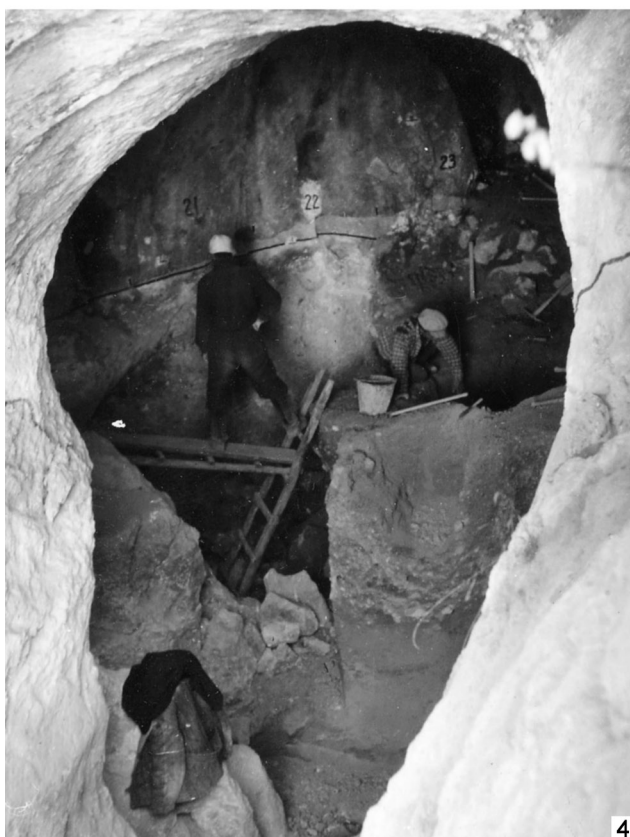

Рис. 12. 1 – В. П. Любин, 1970-е гг.; 2 – Р. В. Козырева 1970-е гг.; 3 – В. Е. Ларичев; 4 – раскопки В. П. Любина в пещере Кударо I, 1961 г.; 5 – Л. Я. Крижевская, середина 1980-х гг.

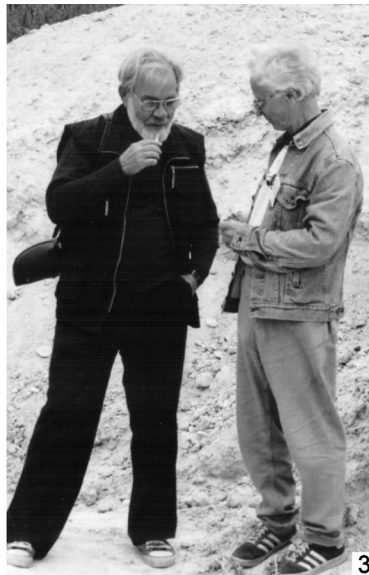
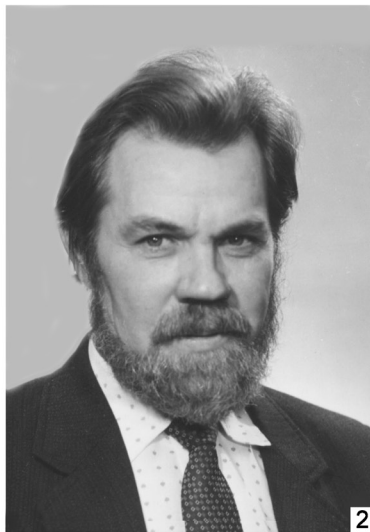

Рис. 13. Сотрудники Костёнковской экспедиции: 1 – А. Н. Рогачёв; 2 – Н. Д. Праслов; 3 – Н. Д. Праслов и Н. К. Анисюткин на стоянке Костёнки XII, 2004 г.; 4 – М. В. Аникович, 2000-е гг.; 5 – М. А. Иванова; 6 – А. А. Синицын, 2012 г. (1, 2, 5 – фото 1970-х гг.)

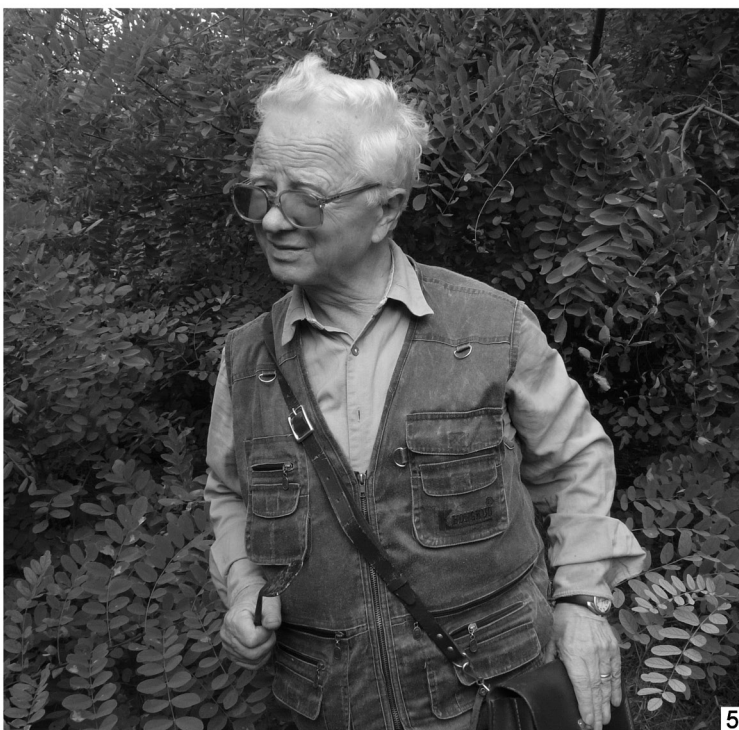
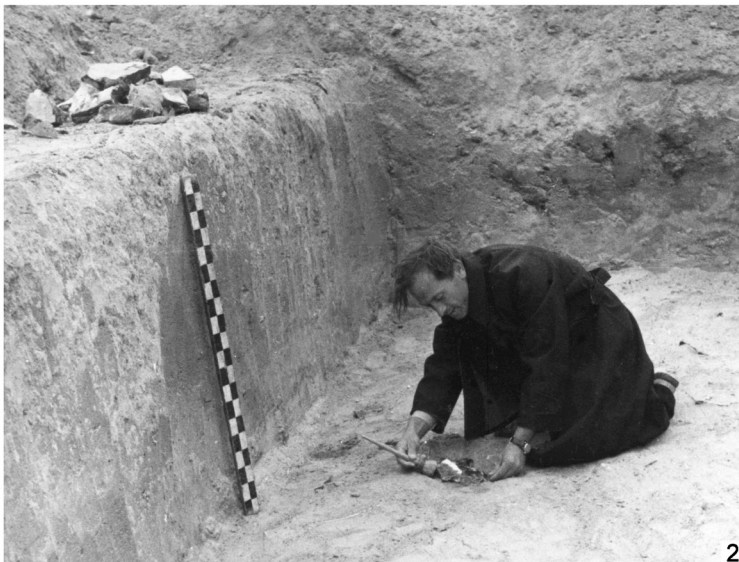

Рис. 14. 1 – Л. М. Тарасов, 1985 г.; 2 – Л. М. Тарасов на раскопках в Хотылево 1, 1964 г.; 3 – Г. П. Григорьев, начало 2000-х гг.; 4 – И. И. Коробков, 1970-е гг.; 5 – Н. К. Анисюткин, 2010 г.

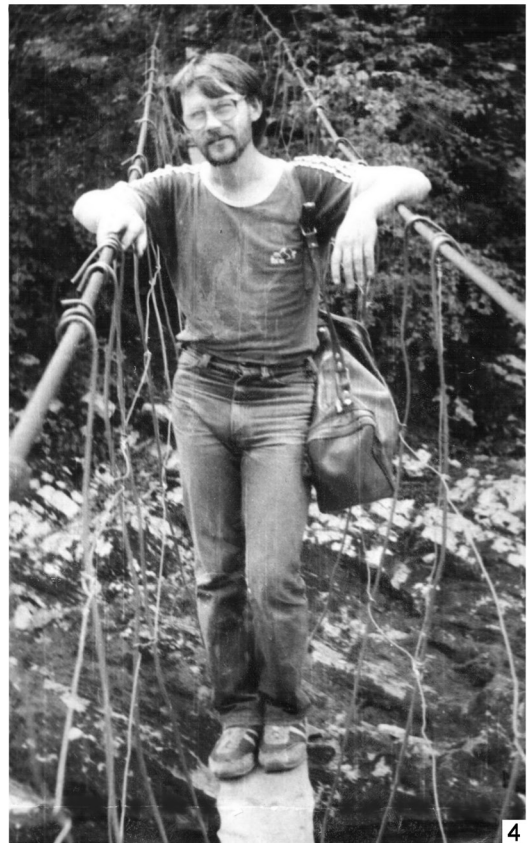

Рис. 15. 1 – остатки первого жилища из костей мамонта на стоянке Юдиново, 1984 г.; 2 – З. А. Абрамова, 1995 г.; 3 – профессор А. де Люмлей и Е. А. Векилова, 1971 г.; 4 – Д. А. Чистяков, до 1986 г.

Рис. 16. 1 – З. А. Абрамова в Новосибирске среди любимых учителей А. П. Окладникова и П. И. Борисовского, 1960-е гг.; 2 – Красноярская экспедиция, слева направо: Г. Ф. Коробкова, Г. В. Григорьева, М. П. Грязнов, З. А. Абрамова и Н. С. Сущёва, начало 1960-х гг.; 3 – раскопки З. А. Абрамовой стоянки Кокорево I на Енисее, 1963 г.

Рис. 17. 1 – Н. Ф. Лисицын, 1985 г.; 2 – С. А. Васильев во время полевых работ в Саянах, 2010 г.; 3 – С. А. Васильев, 2010 г.; 4 – С. Н. Астахов ведет разведки на Енисее, Саяно-Тувинская экспедиция, 1960-е гг.

Рис. 18. 1 – впереди Н. Н. Гурина и Г. В. Сеницына, позади – О. И. Шумкина и Е. Ю. Медникова во время разведки на Селигере, 1979 г.; 2 – В. П. Левенок, 1950-е гг.; 3 – В. П. Третьяков, 1970-е гг.; 4 – Л. П. Хлобыстин на Шпицбергене, 1981 или 1982 г. (рис. Е. К. Зайцева по фото Овсянникова); 5 – В. И. Тимофеев, 1980-е гг.

Рис. 19. 1 – И. В. Верещагина, начало 1980-х гг.; 2 – Г. В. Синыцына, 2002 г.; 3 – С. Н. Лисицын, 2004 г.; 4 – А. А. Бессуднов, 2009 г.; 5 – М. Н. Желтова, 2012 г.

Рис. 20. 1 – П. И. Борисовский среди вьетнамских коллег, 1976 г.; 2 – сотрудники Сектора палеолита на конференции в Самарканде, слева направо: В. П. Любин, Г. П. Григорьев, Г. В. Григорьева, З. А. Абрамова, Л. Я. Крижевская, 1972 г.

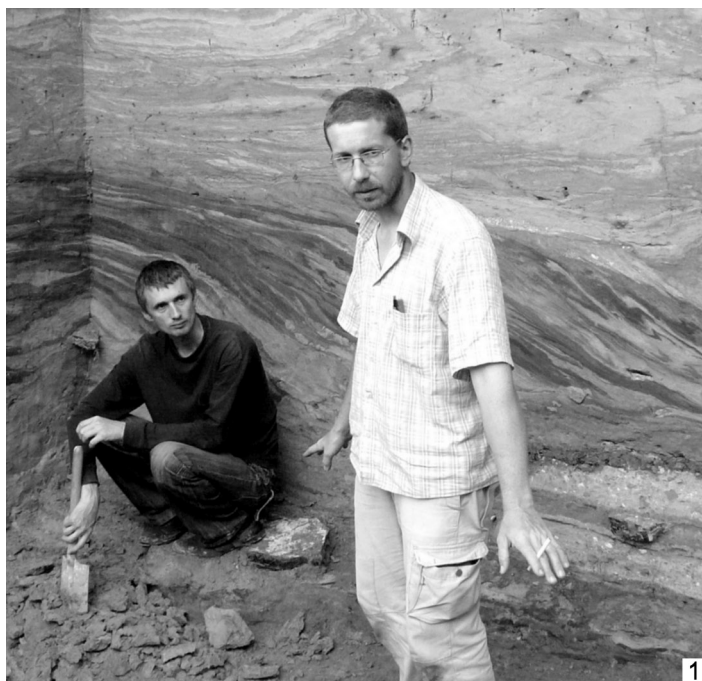

Рис. 21. 1 – А. К. Очередной и В. Бурлаку на раскопках в Хотылёво, 2012 г.; 2 – П. Е. Нехорошев, 2009 г.; 3 – А. Е. Матюхин на раскопках в Ростовской обл., 1990-е гг.; 4 – Л. Б. Вишняцкий, 2010 г.

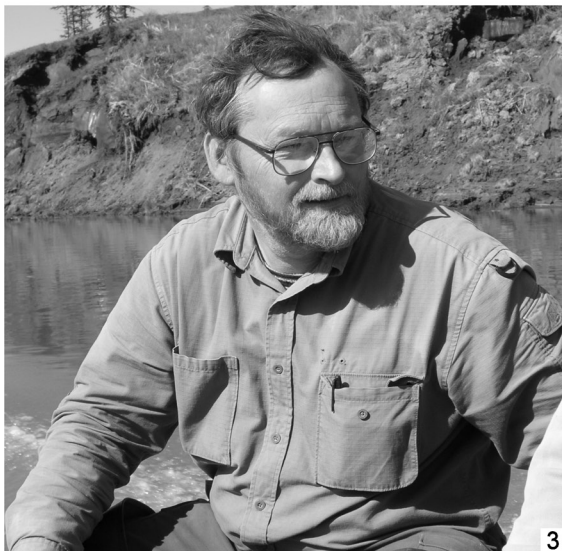
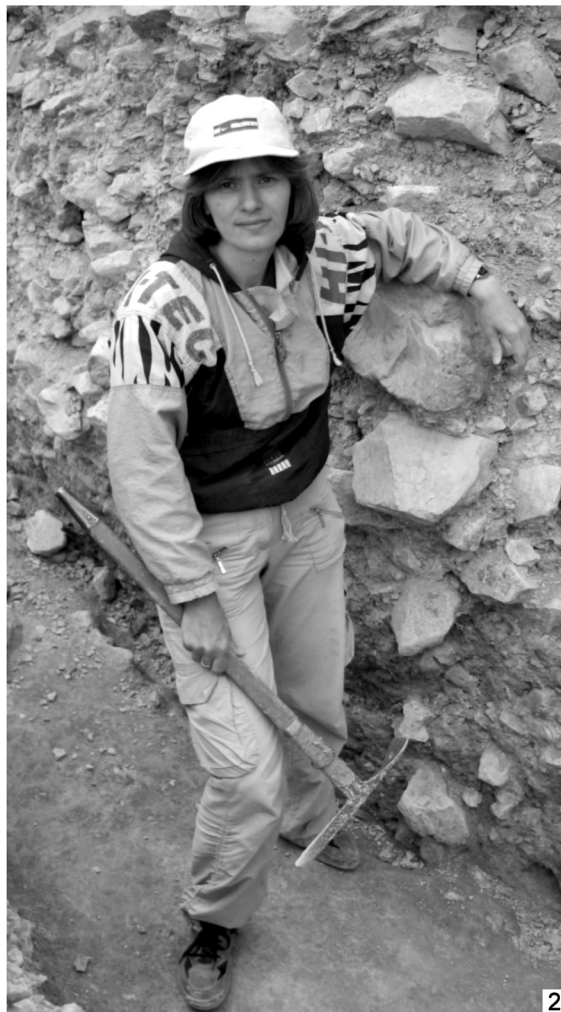

Рис. 22. 1 – С. А. Кулаков на раскопках Ахштырской пещеры, 2005 г.; 2 – Е. В. Беляева на раскопках на горе Кинжал (Ставропольский край), 2001 г.; 3 – В. В. Питулько на Яне, 2009 г.

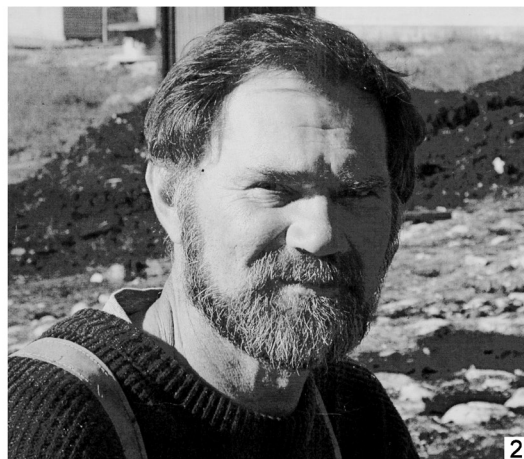

Рис. 23. 1 – Л. Г. Шаяхметова, конец 1980-х гг.; 2 – В. Я. Шумкин, 1990-е гг.; 3 – Е. М. Колпаков у петроглифов Канозера (Мурманская обл.), 2010 г.

Рис. 24. Заведующие экспериментально-трасологической лабораторией ЛОИА АН СССР/ ИИМК РАН: 1 – С. А. Семёнов (1973–1978) – создатель трасологического метода в археологии, 1973 г.; 2 – Г. Ф. Коробкова (1979–2006), 2000 г.; 3 – В. Е. Щелинский (с 2006 г.), 2010 г.

Рис. 25. Съёмки фильма о лаборатории С. А. Семёнова – молодежь ЛОИА выносит на Неву экспериментальную лодку-долбенку, 1973 г.

Рис. 26. 1 – Оредежская экспериментальная экспедиция, 1969 г., Г. Ф. Коробкова жнет ячмень экспериментальным жатвенным ножом; 2 – Литовская экспериментальная экспедиция, 1968 г., С. А. Семёнов (стоит) обрабатывает деревянное изделие каменным орудием, справа от него В. Е. Щелинский работает каменным топором

Рис. 27. Крымская экспериментальная экспедиция, 1973 г.: 1 – С. А. Семёнов рубит дерево кремневым орудием; 2 – С. А Семёнов (сидит на корточках) обрабатывает каменное орудие, за ним сидит В. Е. Щелинский, слева – А. К. Филиппов

Рис. 28. 1 и 2 – Крымская экспериментальная экспедиция, 1973 г., А. Е. Матюхин во время изготовления галечных орудий и испытания чоппера в операции рубки дерева; 3 и 4 – Литовская экспериментальная экспедиция: 3 – В. Е. Щелинский обрабатывает шкуру каменными орудиями, 1974 г.; 4 – Г. Ф. Коробкова и Н. Н. Скакун во время экспериментальных работ по изготовлению керамической посуды, 1978 г.

Рис. 29. 1 – Белорусская экспериментальная экспедиция, 1972 г., А. К. Филиппов и В. Е. Щелинский во время вспашки земли деревянным плугом; 2 – участники Литовской экспериментальной экспедиции, 1978 г.

1

2

Рис. 30. 1 – трасологическая школа в г. Тюмени, 1993 г. – Г. Ф. Коробкова (стоит за сидящими с микроскопами учениками) руководит практическими занятиями, справа от нее – Т. А. Шаровская; 2 – участники международной трасологической школы в Молдавии, 1991 г.

Рис. 31. 1 – Г. Ф. Коробкова (справа) со своими ученицами (слева направо: Г. В. Кизь, О. Лоллекова, Н. Н. Скакун) в лаборатории, 1981 г.; 2 – сотрудники Экспериментально-трасологической лаборатории с аспирантами, стажерами и зарубежными коллегами, 1986 г.

Рис. 32. Сотрудники Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН: 1 – А. К. Филиппов, 2008 г.; 2 – Л. Г. Чайкина, 2000 г.; 3 – Е. Ю. Гиря, 2005 г.; 4 – О. В. Лозовская, 2007 г.; 5 – Г. Н. Поплевко, 2007 г.; 6 – Н. Н. Скаун, 2012 г.; 7 – Т. А. Шаровская, 2000-е гг.

В 1966 г. Г. Ф. Коробкова закончила многолетнюю тему «Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии» и в том же году защитила ее в качестве кандидатской диссертации (Коробкова 1966). В 1969 г. эта диссертация была опубликована (Коробкова 1969).

Работа С. А. Семёнова в Секторе палеолита в одном кругу с крупными учеными – специалистами по палеолиту и неолиту (П. П. Ефименко, С. Н. Замятниным, Г. А. Бонч-Осмоловским, П. И. Борисковским, А. Н. Рогачёвым, В. П. Любиным, А. П. Окладниковым, З. А. Абрамовой, Н. Н. Гуриной), несомненно, обогащала его как ученого. Живой творческий коллектив Сектора палеолита был еще в большей степени необходим Г. Ф. Коробковой и мне. Наши доклады и сообщения на Секторе, касавшиеся экспериментально-трассологических исследований и полевых работ на археологических памятниках, вызывали определенный интерес. А критика была нам только на пользу. Однако С. А. Семёнову все больше казались неинтересными многие доклады и отчеты о полевых исследованиях, заслушиваемые на заседаниях Сектора, которые он обязан был посещать как сотрудник этого подразделения. К тому же в ходе обсуждения его сообщений ему стали надоедать нередко несправедливые нападки некоторых молодых тогда сотрудников. Руководитель Сектора П. И. Борисковский пытался нейтрализовать эти нападки, но не всегда это получалось. Эти же сотрудники высказывали мнение о нецелесообразности выделения С. А. Семёнову денежных средств на проведение экспериментальных экспедиций. В конце концов С. А. Семёнов решил выйти из Сектора палеолита. Но, как говорится, нет худа без добра.

В 1973 г., по согласованию с тогдашним и. о. заведующего ЛОИА В. П. Шиловым и решением директора ИА АН СССР академика Б. А. Рыбакова, наконец-то была создана в ЛОИА самостоятельная Экспериментально-трассологическая лаборатория во главе с д-ром ист. наук С. А. Семёновым. В нее вошли ст. науч. сотр., канд. ист. наук Г. Ф. Коробкова, ст. лаборант В. Е. Щелинский, ст. лаборант А. К. Филиппов и несколько позднее – лаборанты Н. Н. Скакун и А. Е. Матюхин. Метраж нашего рабочего помещения не изменился. Кое-кто сидел с микроскопом в камералках.

В лаборатории первоначально определились три основные исследовательские темы: «Происхождение земледелия», «Функциология палеолита» и «Мезолит и неолит южных районов Евразии». Первыми двумя темами руководил С. А. Семёнов. При этом вторая тема была коллективной, в ней участвовали помимо С. А. Семёнова В. Е. Щелинский, А. К. Филиппов и А. Е. Матюхин. Третьей темой руководила Г. Ф. Коробкова, вместе с ней работала ее ученица Н. Н. Скакун. Тема «Функциология палеолита» имела довольно необычное название, однако общий смысл его вполне понятен. Речь шла о классификации древних орудий по способу их применения, установленному на основе изучения следов изнашивания на этих орудиях (Семёнов 1978: 63). Конечно, было ясно, что такая классификация палеолитических орудий в то время была недостижима, как недостижима она и сейчас (и едва ли будет создана в обозримом будущем), но С. А. Семёнов полагал, что к ней надо стремиться. В рамках этой темы А. Е. Матюхин занимался материалами раннего палеолита, я исследовал преимущественно археологические коллекции памятников среднего палеолита, а А. К. Филиппов изучал главным образом позднепалеолитические орудия и изделия из камня, кости и рога. Всех объединял функционально-трассологический и технологический подход к археологическим материалам, но конкретные цели и задачи, а также некоторые методические приемы исследований у сотрудников были разными. Во многом оригинальными были исследования Г. Ф. Коробковой и Н. Н. Скакуна. С. А. Семёнов спокойно относился ко всему этому и поддерживал все новое, что было связано с дальнейшими разработками экспериментально-трассологического метода и применением его в археологических исследованиях.

Создание Экспериментально-трасологической лаборатории имело важное значение не только для ЛОИА, но и для всего Института археологии АН СССР. В ноябре 1974 г. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР С. А. Семёнову была присуждена Государственная премия СССР за монографии: «Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы)» и «Развитие техники в каменном веке», опубликованные в 1957 и 1968 гг.

Успешная научно-исследовательская работа Экспериментально-трасологической лаборатории находила отражение в публикациях, докладах на всесоюзных и международных конференциях и в защите диссертаций ее сотрудников.

В 1974 г. была опубликована третья книга С. А. Семёнова – «Происхождение земледелия» (Семёнов 1974). По этому поводу можно привести слова А. Н. Рогачёва. Он писал: «Издание книги “Происхождение земледелия” С. А. Семёнов фактически завершил свой трехтомный труд по истории древнейших орудий труда, по истории первобытной техники и первобытного хозяйства. В этой книге, посвященной возникновению производящих форм первобытного хозяйства, характеризуются орудия собирательства растительной пищи, ручные землеобрабатывающие орудия, орудия и техника по сбору урожая, по обработке зерна и анализируются данные о возникновении плужного земледелия и скотоводства. В целом трехтомный труд С. А. Семёнова содержит детально обоснованную оригинальную концепцию возникновения и развития древних орудий труда в каменном веке, освещающую при этом все существующие вопросы истории первобытной техники и первобытных форм хозяйственной деятельности. Для освещения этих важных проблем исторической науки привлечены археологические, этнографические и палеоантропологические материалы, подвергнутые обстоятельному технологическому анализу на основе разработанного экспериментально-трасологического метода» (Рогачёв 1983: 192–193).

В том же 1974 г. я защитил кандидатскую диссертацию на тему «Производство и функции мустьерских орудий (по данным экспериментального и трасологического изучения)» (Щелинский 1974). В этой работе впервые были детально изучены на основе трасологического и экспериментального методов значительные выборки каменных орудий из ряда стоянок мустьерской эпохи. При этом, наряду с изложением новых данных о функциях мустьерских орудий, почти не изученных ранее, способах и приемах изготовления этих орудий, в работе были представлены также некоторые новые разработки, касающиеся методики экспериментально-трасологического изучения палеолитических орудий. Позже, в 1977 и 1978 гг., защитили кандидатские диссертации А. Е. Матюхин и А. К. Филиппов. А. Е. Матюхин в своей диссертации «Технология изготовления и функции раннепалеолитических орудий» основное внимание уделил изучению раннепалеолитических орудий на основе экспериментального метода, который, по его мнению, обладает такой же объяснительной функцией, как и трасология, и способствует получению новых знаний об изучаемых предметах и процессах (Матюхин 1978). В работе представлены результаты многочисленных опытов по изготовлению и использованию экспериментальных моделей раннепалеолитических орудий (чопперов, чоппингов, бифасов, колунов, пик и др.). Опираясь на эти результаты, А. Е. Матюхин обосновал свои предположения о вероятных приемах изготовления и функциях различных категорий раннепалеолитических орудий. Диссертация А. К. Филиппова называлась «Связь формы и функций изделий человека в палеолите» (Филиппов 1977). Столь общая тема его диссертации объяснялась тем, что А. К. Филиппов по специальности был искусствоведом и живо интересовался проблемами возникновения первобытного искусства и эстетических представлений у человека. Поэтому в формах орудий палеолита, изготовленных из камня, кости и рога/бивня, он пытался, и небезуспешно, выделить признаки технологического,

функционального и неутилитарного свойства. При этом важную роль он отводил экспериментам, в процессе которых были получены интересные наблюдения.

К сожалению, эти диссертации не удалось опубликовать сразу отдельными книгами – издательский портфель Института был переполнен. Пришлось согласиться на публикацию их в сильно сокращенных вариантах и в виде коллективной монографии под названием «Технология производства в эпоху палеолита» (Технология производства... 1983; Филиппов 1983; Щелинский 1983; Матюхин 1983). Введение к этой монографии написал С. А. Семёнов (Семёнов 1983), а последний раздел («Вместо послесловия») – А. Н. Рогачёв (Рогачёв 1983). Книга вышла из печати лишь в 1983 г. Надо сказать, что такая задержка публикаций этих и других исследований сотрудников лаборатории привела к тому, что зарубежные коллеги долгое время были совершенно не в курсе наших новых экспериментально-трассологических и технологических разработок в изучении палеолитических материалов, о чем потом сожалели.

В эти же годы Г. Ф. Коробкова вместе с Н. Н. Скакун проводят функционально-трассологические исследования обширных коллекций орудий труда мезолитических, неолитических и энеолитических стоянок на территории Средней Азии, Кавказа, Правобережной Украины и Молдавии. При этом в Молдавии Г. Ф. Коробковой создается база для проведения собственных экспериментальных работ, в процессе которых изготавливаются и используются модели разных типов орудий из различных материалов. Г. Ф. Коробкова усиленно работает над докторской диссертацией. Научные интересы Н. Н. Скакун все больше смещаются в сторону изучения производств и хозяйства Триполья, а также энеолита на территории Болгарии.

В последние годы жизни С. А. Семёнов основное внимание уделял вопросам теоретических исследований в археологии. Фактически им была закончена и подготовлена к печати новая книга под названием «Некоторые методологические проблемы археологии». Рукопись этой книги сейчас хранится в Научном архиве Института, и о ней уже писал С. А. Васильев (Васильев 2006). Рукопись отличается широтой тематического охвата, глубиной и оригинальностью постановки и решения вопросов. Особую значимость ей придают исчерпывающая для того времени сводка и тщательный критический анализ всех методов, применявшихся тогда в археологии (типологический, статистический, трассологический, экспериментальный, системный, структурный и др.), оценка которых дается на фоне истории развития как общественных, так и некоторых естественных наук. С. А. Семёнов положительно относится ко всем этим методам, хотя и в разной степени. Археология, по его мнению, входит в систему исторических наук, но вместе с тем по некоторым методам и способам изучения археологических материалов близко стоит к наукам естественным и точным. Обосновывается мысль о специфическом характере вещественных археологических источников, которые не позволяют ставить и решать проблемы этногенеза, привлекающие многих археологов. Вещественные археологические остатки являются историческими источниками для изучения другого круга проблем, прежде всего техники, хозяйства, производительных сил в целом, культуры, социальной и духовной жизни древних обществ, но не культурно-генетической истории этих обществ. Расширение и усложнение исследовательских задач, по мнению С. А. Семёнова, настоятельно требует отраслевой специализации в археологии. Интересны разделы рукописи, посвященные детальному разбору и критике «Аналитической археологии» Д. Кларка, факторного подхода к археологическому материалу С. и Л. Бинфордов, классификации К. Кюльберга и других направлений «новой» археологии на Западе.

Жаль, что эта важная книга С. А. Семёнова не была в свое время издана, хотя она не потеряла своей актуальности и сейчас.

С. А. Семёнов умер в 1978 г. в возрасте 80 лет. Заведующей Экспериментально-трасологической лабораторией стала Г. Ф. Коробкова (рис. 24, 2). Структура научно-исследовательской работы лаборатории несколько изменилась, как и ее состав. Появились новые сотрудники (рис. 32, 2, 3, 5, 7): Т. А. Шаровская, Л. Г. Чайкина, Е. Ю. Гирия, Г. Н. Поплевко, М. Н. Желтова. Т. А. Шаровская и Л. Г. Чайкина были помощницами Г. Ф. Коробковой и работали вместе с ней. М. Н. Желтова недолго находилась в лаборатории и перешла в Отдел палеолита. Е. Ю. Гирия и Г. Н. Поплевко довольно быстро определились в тематике своих исследований и стали работать самостоятельно по избранным темам в рамках проблематики лаборатории.

Работа Г. Ф. Коробковой осуществлялась в трех направлениях: 1) изучение ранних земледельческо-скотоводческих культур Средней Азии, Кавказа и Северо-Западного Причерноморья; 2) теория археологии; 3) развитие методики трасологического анализа. Наиболее результативной была работа по первому направлению. В 1982 г. Г. Ф. Коробкова защитила докторскую диссертацию на тему: «Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР», которая была опубликована в 1987 г. (Коробкова 1981; 1987). Перед этим, в 1983 г., вышла монография С. А. Семёнова и Г. Ф. Коробковой «Технология древнейших производств (мезолит–неолит)» (Семёнов, Коробкова 1983), в которой собраны данные последних экспериментальных исследований С. А. Семёнова, дополненные результатами экспериментальных работ Г. Ф. Коробковой.

В это время Г. Ф. Коробкова предпринимает попытку приспособить метод трасологического анализа к определению массовых коллекций артефактов путем внедрения в него так называемой «макротрасологии». Речь шла о том, чтобы определять функции орудий «по-быстрому», по макроскопическим следам изнашивания, наблюдаемым невооруженным глазом или при помощи микроскопа с малым увеличением (Коробкова и др. 1982). Идея эта была не нова. По макропризнакам изнашивания исследователи всегда пытались устанавливать функции орудий. Однако С. А. Семёновым было доказано, что одних только макропризнаков изнашивания совершенно недостаточно для определения действительных, а не кажущихся функций орудий. Для этого необходимо обнаружить на лезвиях, описать и интерпретировать с помощью экспериментов заполировку и линейные следы – наиболее диагностичные следы изнашивания на орудиях. Но эти следы обычно являются микроскопическими и распознаются только при помощи металлографических микроскопов с большим увеличением. Макроскопические признаки изнашивания имеют диагностирующее значение только в контексте с микроскопическими следами изнашивания. Сами по себе они могут быть истолкованы по-разному и в лучшем случае позволяют высказать лишь предварительное суждение о вероятных функциях орудий. Впрочем, потом Г. Ф. Коробкова разъяснила свою позицию в отношении «макротрасологии». Введением этого понятия она стремилась лишь обратить внимание на то, что макроскопические следы на орудиях имеют важное значение для определения функций орудий, но они не всегда в должной мере учитываются специалистами-трасологами, особенно представителями трасологической школы Л. Кили.

Г. Ф. Коробкова продолжала интенсивные трасологические исследования обширных коллекций орудий целых поселений и культур с целью воссоздания внутренней структуры поселений и стоянок (с учетом планиграфии материалов) и общей конкретно-исторической картины хозяйственных систем прошлого. Кроме того, под ее руководством создается многотысячная коллекция экспериментальных эталонов самых разнообразных орудий труда, сделанных из разного сырья и использованных в разных видах обработки различных материалов. Этот уникальный банк экспериментально-трасологических эталонов, находящийся в настоящее время в лаборатории, имеет исключительно важное значение для учебных занятий начинающих трасологов. Таким занятиям со студентами

и стажерами, дополняемым лекциями специалистов, был посвящен ряд международных трасологических школ, организованных Г. Ф. Коробковой. Они проводились начиная с 1991 г. в Молдавии, в Тюмени, Самаре и в других местах (рис. 30). Надо сказать, что Г. Ф. Коробкова уделяла большое внимание подготовке научных кадров и воспитала целую плеяду специалистов, работающих сейчас в России, ближнем и дальнем зарубежье (рис. 31). Этим она, безусловно, способствовала превращению Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН в важный центр по изучению фундаментальных проблем археологии на основе экспериментально-трасологических исследований. Ярким подтверждением высокого авторитета лаборатории явилось проведение в 2000 г. в Санкт-Петербурге Международной конференции «Современные экспериментально-трасологические и технологические разработки в археологии», посвященной 100-летию со дня рождения С. А. Семёнова. Это был форум трасологов мира, в котором приняли участие около 150 человек из 27 стран Европы, Азии, Северной и Южной Америки, Австралии и Африки. Широко были представлены трасологи Украины, Молдавии, Азербайджана, Грузии, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении и, конечно, российские ученые из разных городов страны.

Из других научных достижений Г. Ф. Коробковой особо надо отметить две ее последние книги. В одной из них «Поселение Михайловское – эталонный памятник древнеямной культуры» обобщены результаты детального исследования многослойного поселения Михайловское, расположенного в Нижнем Поднепровье и относящегося к энеолитической нижнемихайловской культуре (нижний слой) и к древнеямной культурной общности (два верхних слоя) периода ранней и средней бронзы. Г. Ф. Коробковой впервые удалось доказать, что ямная культурная общность имела сложную разветвленную производственную систему с выделившимися общинно-ремесленными мастерскими специализированного характера. Михайловское поселение можно рассматривать теперь как крупный производственный центр с развитым скотоводческим хозяйством, дополняемым рыболовством, охотой, собирательством и частично земледелием (Коробкова, Шапошникова 2005). Вторая книга, «Технико-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации», написанная в соавторстве с Л. Б. Кирчо и В. М. Массоном, является итогом комплексного изучения самого известного памятника Средней Азии эпохи энеолита и бронзы – поселения Алтын-депе (Кирчо, Коробкова, Массон 2008).

Г. Ф. Коробкова оставила крупный след в науке и много сделала для укрепления научного потенциала лаборатории.

В 2006 г. руководить Экспериментально-трасологической лабораторией было поручено мне.

Многоплановая работа Г. Ф. Коробковой была бы не столь результативной, не будь у нее таких помощниц, как Т. А. Шаровская и Л. Г. Чайкина. На них, собственно, лежала вся нагрузка, связанная с подготовкой многочисленных экспедиций, экспериментальных и раскопочных, а также трасологических школ и конференций, организуемых Г. Ф. Коробковой.

У Л. Г. Чайкиной (рис. 32, 2) научная работа не сложилась, и она уволилась из Института. Т. А. Шаровская (рис. 32, 7) не оставляла научной деятельности и продолжает успешно проводить экспериментально-трасологические исследования археологических материалов, публикует статьи, выступает с докладами на конференциях. Интересны ее исследования археологических материалов энеолита и эпохи бронзы поселений Алтын-депе, Илгынлы-депе, Кара-депе в Туркмении, а также поселения Свободное на Северном Кавказе. В настоящее время она изучает обработанное дерево неолит–энеолитической стоянки под крепостью Ниеншанц в Санкт-Петербурге.

С Г. Ф. Коробковой долгое время работала и Н. Н. Скакун (рис. 32, б). Их исследования во многом перекликаются. Н. Н. Скакун исследует древнеземледельческие культуры Балкано-Дунайского региона и юго-западной части Восточной Европы, используя при этом комплексный подход к изучению археологических памятников, включая их раскопки. Однако основным в ее работе является технико-типологическое и трасологическое (с использованием экспериментов и этнографических данных) изучение индустрий неолита и ранней бронзы и попытки реконструкции хозяйственно-производственных систем ранних земледельческо-скотоводческих обществ. В течение ряда лет Н. Н. Скакун интенсивно исследовала археологические материалы на территории Болгарии, участвуя также в экспедициях болгарских археологов. В результате этих исследований она подготовила и защитила в 1987 г. кандидатскую диссертацию на тему «Опыт реконструкции хозяйства древнеземледельческих обществ эпохи энеолита Причерноморского района Северо-Восточной Болгарии (в свете экспериментально-трасологических данных)» (Скакун 1987). Позже была опубликована монография «Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (По материалам культуры Варна)». Собранные в книге данные показывают, что для культуры Варна характерны высокий уровень развития техники и сложная структура хозяйства, отличительной особенностью которого являлось пашенное земледелие и специализация производств, способствовавшая зарождению ранних форм ремесла (Скакун 2006а). Исключительно интересны проводимые сейчас Н. Н. Скакун раскопки и исследования памятника развитого этапа трипольской культуры – поселения Бодаки на Украине. Выясняется, что это было специализированное поселение (поселение-мастерская) по обработке кремня и изготовлению различных инструментов из макропластин. Эти орудия находили широкое употребление не только на всей территории Триполья, но и в ареалах соседних культур. Предполагается, что на поселении работали мастера-профессионалы, и это, возможно, указывает на наличие общинного ремесла (Скакун 2006б). Надо отметить, что Н. Н. Скакун является руководителем комиссии по трасологии в рамках Международного конгресса UISPP. В 2005 г. с ее участием был проведен в Италии международный конгресс: «“Prehistoric Technology” 40 years later: Functional Analysis and the Russian Legacy», посвященный памяти С. А. Семёнова и его роли в развитии мировой археологической трасологии (Скакун и др. 2010).

Немного о своей работе (рис. 24, 3). После защиты кандидатской диссертации направленность моих исследований мало изменилась. Расширился лишь круг исследуемых археологических материалов на основе трасологического и технологического методов. Дальнейшая разработка трасологического метода позволила исследовать функции орудий не только среднего, но и раннего палеолита, что обогатило и в чем-то изменило наши представления о развитии орудий труда и хозяйственно-производственной деятельности в эти периоды. Совершенствование трасологического метода было направлено на то, чтобы получить возможность исследовать относительно слабо изношенные орудия, которые всегда составляют подавляющее большинство в археологических коллекциях. Для этого потребовались специальные эксперименты, в ходе которых были описаны соответствующие эталоны следов изнашивания, проанализированы условия образования на орудиях всех возможных видов следов изнашивания, впервые проведена систематизация и группировка этих следов, выделены их диагностические комплексы. Были выработаны также принципы определения функций орудий. Главные из них – следы изнашивания, выявляемые на орудиях, должны быть достаточными для диагностики функций, т. е. представлять собой совокупности значимых признаков изнашивания, в полной мере отражающих то или иное использование орудий. При этом значимость и достаточность следов изнашивания для определения функций орудий проверяются на основе экспери-

ментальных эталонов (Щелинский 1975; 1977; 1983; Plisson 1988; Shchelinsky 1994; Коробкова, Щелинский 1996). Эти методические разработки были использованы для изучения довольно крупных коллекций каменных орудий ряда стоянок нижнего и среднего палеолита. В итоге была написана докторская диссертация на тему: «Трасология, функции орудий труда и хозяйственно-производственные комплексы нижнего и среднего палеолита», защищенная в 1995 г. (Щелинский 1994). По теме диссертации написан ряд крупных статей (Щелинский 2001а; 2001б; Shchelinsky 1993; 1994; Коробкова, Щелинский 1996), но в полном объеме диссертация пока не опубликована. В настоящее время, в связи с открытием на территории нашей страны древнейших стоянок человека возрастом порядка 2 млн лет, весьма актуальной стала проблема технологии изготовления и функций орудий на наиболее древнем этапе развития культуры. Эта тема очень интересна. Она обеспечена хорошими археологическими материалами, и я с удовольствием работаю над ней.

Старейший сотрудник лаборатории А. Е. Матюхин в свое время успешно изучал технологии изготовления ашельских орудий. Однако постепенно характер его научной работы изменился, он занялся проблемой палеолитических мастерских на Нижнем Дону. Защитив докторскую диссертацию на тему: «Палеолитические мастерские Восточной Европы» (1996 г.), А. Е. Матюхин покинул лабораторию и перешел в Отдел палеолита.

Постепенно отошел от тематики лаборатории и А. К. Филиппов (рис. 32, 1). Его больше интересовала проблема происхождения изобразительного искусства. К тому же А. К. Филиппов много времени отдал административной работе, будучи Ученым секретарем ЛОИА АН СССР. В 1991 г. он защитил докторскую диссертацию на тему: «Истоки и природа искусства палеолита» (Филиппов 1991), а в 2004 г. вышла в свет его замечательная монография «Хаос и гармония в искусстве палеолита» (Филиппов 2004).

В 1984 г. в лабораторию были зачислены Г. Н. Поплевко и Е. Ю. Гиря. Оба активно включились в научную работу.

Г. Н. Поплевко (рис. 32, 5) начала научную работу с изучения энеолита Нижнего Дона. Ростовский археолог В. Я. Кияшко предложил ей заняться изучением материалов крупного поселения Константиновское. Он исследовал керамику, а каменный инвентарь этого поселения посоветовал изучить Г. Н. Поплевко. Она согласилась, и это определило тему ее научной работы на многие годы. В своих исследованиях Г. Н. Поплевко прежде всего трасолог. Вместе с тем к изучению археологического материала она подходит комплексно. Типологический метод для нее столь же важен, как трасологический и технологический методы анализа и синтеза материалов. С Константиновского поселения был изучен массовый материал, который после трасологической и технологической экспертизы был проанализирован в свете планиграфических данных, что позволило получить сведения не только о функциях каменных орудий, видах производственной деятельности и хозяйстве, но и о структуре поселения. По результатам этих исследований Г. Н. Поплевко подготовила кандидатскую диссертацию на тему: «Методика комплексного исследования каменных индустрий (по материалам поселения Константиновское)», которую защитила в 2000 г. (Поплевко 2000). Несколькими годами позже эта диссертация, дополненная результатами изучения других археологических памятников конца каменного века и эпохи ранних металлов, была издана в виде монографии «Методика комплексного исследования каменных индустрий» (Поплевко 2007). В настоящее время Г. Н. Поплевко работает со многими археологами и изучает материалы целого ряда стоянок и поселений, расположенных на Кольском п-ове, на Нижнем Дону, на Северном и Южном Кавказе, на территории Белоруссии и в других районах. Это важно, поскольку специалистов-трасологов у нас по-прежнему мало, а информация, получаемая с помощью трасологического метода, очень востребована при интерпретации археологических памятников.

Е. Ю. Гиря (рис. 32, 3) является специалистом широкого профиля. Он в равной мере хорошо владеет технологическим, трасологическим и экспериментальными методами анализа археологических материалов каменного века и внес ряд новых дополнений в плане развития этих методов. Метод технологического анализа, применяемый Е. Ю. Гирей, позволяет воссоздавать древние процессы обработки камня во всей их целостности. Тем самым выясняется – были ли эти процессы на стоянках полными или, напротив, редуцированными и какое сырье при этом обрабатывалось (местное, импортное, комбинированного происхождения). Удастся также проследить и источники поступления сырья на стоянки. Эти данные являются одним из основных показателей хозяйственных отличий исследуемых стоянок. С другой стороны, реконструируемые особенности технических приемов обработки камня или других материалов отражают стадиальные и культурные особенности технологий и таким образом дополняют арсенал средств для выявления культурных традиций. По результатам этих исследований Е. Ю. Гиря в 1993 г. защитил кандидатскую диссертацию «Технологический анализ пластинчатых индустрий» (Гиря 1993), которая позже была дополнена новыми наблюдениями и издана в виде книги «Технологический анализ каменных индустрий» (Гиря 1997). В последнее время Е. Ю. Гирей получены интересные данные о технологиях изготовления и функциях орудий из разных материалов северной мезолитической стоянки на о. Жохова, стоянок позднелолитической костёнковско-авдеевской культуры, а также о технике и технологиях изготовления петроглифов, что нашло отражение в его публикациях. Кроме того, он возобновил практику проведения учебных экспериментально-трасологических школ.

Недавно в лабораторию была принята О. В. Лозовская (рис. 32, 4). Она трасолог и специалист по обработанному дереву каменного века. Вместе с В. М. Лозовским она раскапывает уникальное мезо–неолитическое торфяниковое поселение Замостье 2 в Подмоскowie с относительно неплохо сохранившимися деревянными изделиями, при этом сама же успешно консервирует эти изделия по разработанной ею методике. Комплексные исследования этих материалов стали основой кандидатской диссертации, которую О. В. Лозовская успешно защитила весной 2011 г. (Лозовская 2011).

Надо сказать, что важной составной частью научной работы сотрудников Лаборатории являются полевые археологические исследования. Будучи профессиональными археологами, они регулярно проводят и проводят экспедиции в Туркмении, на Южном Урале, на Кавказе, в Приазовье и на Украине. Результатом этих исследований стали несколько монографий (Щелинский 2007; Щелинский Кулаков 2005; Праслов, Щелинский 1996; Ščelinskij, Širokov 1999). Полевые исследования позволяют получать наиболее информативный археологический материал, пригодный для последующих лабораторных исследований.

В настоящее время Экспериментально-трасологическая лаборатория ИИМК РАН является ведущим в России центром трасологического и технологического исследования археологических материалов, направленного на получение достоверных сведений о функциях древних и первобытных орудий труда и палеотехнологиях их изготовления. При этом в научной деятельности лаборатории сочетаются несколько приоритетных направлений:

– Дальнейшее развитие и совершенствование экспериментально-трасологического метода изучения первобытных и древних орудий и изделий из камня, кости, рога, дерева и керамики.

– Разработка новых подходов в методике выявления, фиксации, анализа и интерпретации следов изнашивания от работы на орудиях труда, а также следов изготовления на изделиях и воздействия на природных предметах, в том числе путем экспериментального моделирования.

– Совершенствование методики технологического анализа каменных и костяных (роговых) индустрий и произведений настенного и наскального искусства.

– Экспериментально-трасологические исследования археологических материалов важнейших стоянок, поселений, погребальных комплексов, настенных и наскальных изображений палеолита, мезолита, неолита, энеолита и эпохи бронзы Евразии. Выявление этим путем в археологических материалах новой важной информации – следов использования и изготовления на орудиях, изделиях и естественных предметах из различных материалов как источника для установления действительных производственных функций и способов изготовления первобытных и древних орудий и предметов неутилитарного назначения.

– Технологический анализ орудий и изделий, установление динамики формообразования в процессе их использования и изготовления, реконструкция форм первобытных орудий с рукоятками и составных орудий (наконечников, ножей, серпов, топоров, мотыг и др.). Технологические исследования настенных и наскальных изображений.

– Реконструкция палеотехнологий и видов хозяйственно-производственной деятельности на стоянках и поселениях (обработка камня, кости-рога, дерева, металлообработка, изготовление керамики, обработка шкур, обработка земли, травянисто-злаковых растений, изготовление настенных и наскальных изображений и др.) на основе данных экспериментально-трасологического и технологического анализов археологических материалов и с учетом всего комплекса данных об археологических объектах. Решение вопросов об образе жизни и хозяйстве первобытных общин.

– Полевые исследования археологических памятников с целью получения первичной информации для последующих комплексных исследований.

На данный момент в составе Экспериментально-трасологической лаборатории всего шесть сотрудников. Конечно, это очень мало, и нам хотелось бы, чтобы нас было больше. Для этого мы делаем все от нас зависящее. Мы рады, когда к нам приходят студенты, заинтересовавшиеся археологической трасологией. Хочется надеяться, что они не потеряют интереса к научной работе в этой области и со временем станут нашими коллегами по лаборатории.

Васильев 2006 – *Васильев С. А.* С. А. Семёнов как теоретик археологии // АВ. 2006. № 13. С. 363–368.

Васильев, Желтова 2008 – *Васильев С. А., Желтова М. Н.* Сектор/Отдел палеолита ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН и его предшественники в РАИМК – ГАИМК (основные вехи истории) // ЗИИМК. 2008. № 3. С. 16–50.

Гиря 1993 – *Гиря Е. Ю.* Технологический анализ пластинчатых индустрий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.

Гиря 1997 – *Гиря Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. СПб., 1997.

Зайцева 2007 – *Зайцева Г. И.* Радиоуглеродная группа ИИМК РАН: история создания, современное состояние // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 93–141.

Кирчо, Коробкова, Массон 2008 – *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Технично-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб., 2008.

Коробкова 1966 – *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии по данным функционального анализа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1966.

Коробкова 1969 – *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л., 1969.

Коробкова 1981 – *Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1981.

Коробкова 1987 – *Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л., 1987.

- Коробкова и др. 1982 – Коробкова Г. Ф., Скакун Н. Н., Шаровская Т. А. Определение функций каменных орудий по макропризнакам // XI конгресс INQUA: Тез. докл. М., 1982. Т. 3. С. 173–174.
- Коробкова, Шапошникова 2005 – Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение Михайловское – эталонный памятник древнеямной культуры. СПб., 2005.
- Коробкова, Щелинский 1996 – Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб., 1996. Ч. 1.
- Лозовская 2011 – Лозовская О. В. Деревянные изделия позднего мезолита–раннего неолита лесной зоны Европейской части России: Комплексные исследования (по материалам стоянки Замостье 2): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.
- Матюхин 1978 – Матюхин А. Е. Технология изготовления и функции раннепалеолитических орудий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978.
- Матюхин 1983 – Матюхин А. Е. Орудия раннего палеолита // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983. С. 134–187.
- Матюхин 1996 – Матюхин А. Е. Палеолитические мастерские Восточной Европы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1996.
- Поплевко 2000 – Поплевко Г. Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий (по материалам поселения Константиновское): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.
- Поплевко 2007 – Поплевко Г. Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб., 2007.
- Праслов, Щелинский 1996 – Праслов Н. Д., Щелинский В. Е. Верхнепалеолитическое поселение Золотовка I на Нижнем Дону. СПб., 1996.
- Рогачёв 1983 – Рогачёв А. Н. Вместо послесловия // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983. С. 191–195.
- Семёнов 1940а – Семёнов С. А. Изучение следов работы на каменных орудиях // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 21–26.
- Семёнов 1940б – Семёнов С. А. Результаты исследования поверхности каменных орудий // БКИЧП. 1940. № 6–7. С. 110–113.
- Семёнов 1941 – Семёнов С. А. Следы употребления на неолитических орудиях из ангарских погребений // Палеолит и неолит СССР. М., 1941. С. 203–211 (МИА. № 2).
- Семёнов 1957 – Семёнов С. А. Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л., 1957.
- Семёнов 1968 – Семёнов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
- Семёнов 1974 – Семёнов С. А. Происхождение земледелия. Л., 1974.
- Семёнов 1978 – Семёнов С. А. Новейшие методы изучения древней техники и хозяйства (научное сообщение) // Вестник АН СССР. 1978. № 9. С. 62–78.
- Семёнов 1983 – Семёнов С. А. Введение // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983.
- Семёнов, Коробкова 1983 – Семёнов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств (мезолит–неолит). Л., 1983.
- Семёнов, Щелинский 1971 – Семёнов С. А., Щелинский В. Е. Микрометрическое изучение следов работы на палеолитических орудиях // СА. 1971. № 1. С. 19–30.
- Скакун 1987 – Скакун Н. Н. Опыт реконструкции хозяйства древнеземледельческих обществ эпохи энеолита Причерноморского района Северо-Восточной Болгарии (в свете экспериментально-трассологических данных): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.
- Скакун 2006а – Скакун Н. Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (По материалам культуры Варна). СПб., 2006.
- Скакун 2006б – Скакун Н. Н. Бодаки – один из центров кремнеобрабатывающего производства на Волыни // Бодаки-2005. Киев; СПб., 2006. С. 64–79.
- Скакун и др. 2010 – Скакун Н. Н., Васильев С. А., Плиссон Г., Клод Э. К истокам трассологии. «“Первобытная техника” 40 лет спустя: функциональные исследования и русское наследие» (Верона, Италия, 20–23 апреля 2005 г.) // АВ. 2010. № 16. С. 234–243.
- Технология производства... 1983 – Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983.

- Филиппов 1977 – *Филиппов А. К.* Связь формы и функций изделий человека в палеолите: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977.
- Филиппов 1983 – *Филиппов А. К.* Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // *Технология производства в эпоху палеолита*. Л., 1983. С. 9–71.
- Филиппов 1991 – *Филиппов А. К.* Истоки и природа искусства палеолита: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1991.
- Филиппов 2004 – *Филиппов А. К.* Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб., 2004.
- Щелинский 1974 – *Щелинский В. Е.* Производство и функции мустьерских орудий (по данным экспериментального и трасологического изучения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974.
- Щелинский 1975 – *Щелинский В. Е.* Трасологическое изучение функций каменных орудий Губской мустьерской стоянки в Прикубанье // *КСИА*. 1975. Вып. 141. С. 51–57.
- Щелинский 1977 – *Щелинский В. Е.* Экспериментально-трасологическое изучение функций нижнепалеолитических орудий // *Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы*. Л., 1977. С. 182–196.
- Щелинский 1983 – *Щелинский В. Е.* К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // *Технология производства в эпоху палеолита*. Л., 1983. С. 72–133.
- Щелинский 1994 – *Щелинский В. Е.* Трасология, функции орудий труда и хозяйственно-производственные комплексы нижнего и среднего палеолита (по материалам Кавказа, Крыма и Русской равнины): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1994.
- Щелинский 2001а – *Щелинский В. Е.* О соотношении формы и функции орудий труда нижнего и среднего палеолита // *АВ*. 2001. № 8. С. 223–237.
- Щелинский 2001б – *Щелинский В. Е.* Проблема функциональных различий мест обитания людей в среднем палеолите на Русской равнине // *Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры: Материалы междунар. конф. Сергиев Посад, 2001*. С. 15–29.
- Щелинский 2007 – *Щелинский В. Е.* Палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа (памятники открытого типа). СПб., 2007.
- Щелинский, Кулаков 2005 – *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Ильская мустьерская стоянка (раскопки 1920-х–1930-х годов). СПб., 2005.
- Keeley 1974 – *Keeley L. H.* Technique and methodology in microwear studies // *World Archaeology*. 1974. No. 5. P. 323–336.
- Keeley 1980 – *Keeley L. H.* Experimental Determination of Stone Tool Uses. Chicago; London, 1980.
- Plisson 1988 – *Plisson H.* Technologie et tracéologie des outils lithiques moustériens en Union Soviétique: les travaux de V. E. Shchelinskii // *L'Homme de Néandertal*. Vol. 4. La Technique. Liège, 1988. P. 121–168.
- Semenov 1964 – *Semenov S. A.* Prehistoric technology (an experimental study of oldest tools and artifacts from traces of manufacture and wear). London, 1964.
- Shchelinsky 1993 – *Shchelinsky V. E.* Outils pour travailler le bois et l'os au Paléolithique inférieur et moyen de la Plaine russe et du Caucase // *Traces et fonction: les gestes retrouvés: Colloque international de Liège*. 1993. Vol. 50. P. 309–315.
- Shchelinsky 1994 – *Shchelinsky V. E.* Méthodes de recherche sur les fonctions des outils lithiques // *Temnata cave. Excavations in Karlukovo Karst Area, Bulgaria*. Craców, 1994. Vol. 1, part 2. P. 85–125.
- Ščelinskij, Širokov 1999 – *Ščelinskij V. E., Širokov V. N.* Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichem Ural. Sigmaringen, 1999.

Глава 4. ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАВКАЗА

В. А. Алёкшин

Более 60 лет в ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН, главном археологическом учреждении Ленинграда/Санкт-Петербурга, существует Отдел¹ (до 1986 г. Сектор), занимающийся исследованием древностей Центральной Азии (до 1997 г. Средней Азии), Кавказа и той части степной зоны России (до 1991 г. Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, далее – РСФСР), которая простирается от Причерноморья до Забайкалья. Это подразделение возникло не на пустом месте. Еще в конце XIX–начале XX в. усилиями ученых Санкт-Петербурга/Петрограда, членов Императорской Археологической комиссии (ИАК),² было начато изучение древностей южнорусских и азиатских степей Российской империи, а также таких ее окраин, как Кавказ, Туркестанский край, Бухарское и Хивинское ханства. Затем научно-исследовательские организации, последовательно заменявшие ИАК в Петрограде/Ленинграде в 1918–1945 гг., внесли немалый вклад в исследование археологических памятников Средней Азии, Кавказа и степной зоны Советского Союза (СССР), государства, образованного в 1922 г. на территории, которая охватывала большую часть бывшей Российской империи. Таким образом, события, предшествующие возникновению в 1951 г. Сектора археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР, важны для понимания того, насколько традиционные разрабатываемые в ИИМК РАН некоторые научные направления.

Археология Средней Азии, Кавказа, Сибири и южнорусских степей в РАИМК (1919–1925 гг.)

После падения монархии в Археологической комиссии, утратившей статус Императорской, начались преобразования. 24 сентября 1918 г. на общем собрании ее членов было решено создать проект Устава Российской государственной археологической комиссии (РГАК). Работа над ним была закончена в начале октября (Пескарёва 1980: 26–27). 17 октября 1918 г. проект утвердили в Народном Комиссариате по Просвещению, одном из правительственных ведомств РСФСР (Там же; НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 1, л. 39 об.). Позднее РГАК была преобразована в Российскую Академию истории материальной культуры (РАИМК). Декрет о создании РАИМК был утвержден на заседании

---

¹ Невозможно писать историю одного из подразделений ИИМК РАН, не касаясь истории всего учреждения, которая, в свою очередь, зависела от событий, происходивших в стране. Именно поэтому в статье имеются экскурсы, вроде бы не связанные непосредственно с Отделом археологии Центральной Азии и Кавказа. Однако научные сообщества находятся под столь сильным воздействием внешних факторов, что не говорить о них нельзя, тем более, когда речь идет об истории России в XX в.

² Подробнее деятельность ИАК в указанных регионах рассмотрена в монографии «Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия» (СПб., 2009).

Малого Совета Совнаркома 18 апреля 1919 г. (ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 1, л. 76, 102). Документ был подписан председателем СНК Н. Лениным,³ управляющим делами Совнаркома В. Бонч-Бруевичем и секретарем М. Фотиевой. РАИМК находилась в ведении научного отдела Народного Комиссариата по Просвещению (Там же, л. 102).

15 июля 1919 г. коллегия Народного Комиссариата по Просвещению отвела под РАИМК часть здания Мраморного дворца,⁴ расположенного на Дворцовой набережной неподалеку от Троицкого моста (Там же, д. 2, л. 1). Но уже 24 июля того же года Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению информирует руководство вновь созданной Академии о том, что «весь Мраморный дворец с отдельными его корпусами передается в распоряжение Академии с тем, чтобы в нем были размещены Академия и все ее вспомогательные учреждения, а также Археологический Музей» (Там же, л. 3).

9 августа 1919 г. председатель Археологической комиссии Н. Я. Марр в письме на имя уполномоченного комиссара Народного Комиссариата по Просвещению З. Г. Гринберга⁵ сообщил о том, что «во исполнение декрета Совета Народных Комиссаров о преобразовании Российской Государственной Археологической Комиссии в Академию истории материальной культуры 5 августа 1919 г. было созвано избирательное собрание для выбора членов Академии. Избирательное собрание закончило работу 7 августа, и с этого числа Академия Истории материальной культуры должна считаться окончательно сконструированной и фактически начавшей свою деятельность, Российская же Государственная Археологическая комиссия с того же числа прекратила свои работы, перейдя в состояние ликвидации». В Академию было избрано 28 человек, включая 13 членов бывшей Археологической комиссии. Председателем Академии избран Н. Я. Марр (Там же, д. 1, л. 63).

Структура новой Академии включала три отделения: Этнологическое, Археологическое и История искусств. Каждое отделение состояло из нескольких разрядов.⁶ Например, в составе Этнологического отделения были сформированы Разряды древностей Кавказа и прилегающих стран, древностей Юго-Восточной России и Средней Азии, древностей Северо-Восточной России и Сибири⁷ (Там же, л. 97, 108). В составе Археологического отделения наряду с прочими были созданы Разряды археологии Древнего Востока (руководитель Б. А. Тураев), археологии Кавказа и яфетического мира (руководитель Н. Я. Марр),⁸ археологии Ирана, археологии Индии и Дальнего Востока (руководитель С. Ф. Ольденбург), археологии Средней Азии (руководитель В. В. Бартольд), буддийской археологии (руководитель С. Ф. Ольденбург) и мусульманской археологии (руководитель

³ Именно так воспроизведены инициалы главы правительства на отпечатанном в типографии экземпляре декрета, хранящемся в НА ИИМК РАН (ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 47, л. 1).

⁴ Последним владельцем дворца в дореволюционное время был великий князь Константин Константинович Романов, президент Академии наук и известный поэт.

⁵ Инициалы Гринберга в письме не указаны.

⁶ Число разрядов в отделениях постоянно менялось. Вначале было создано 32 разряда, но уже в 1923 г. их число сократилось до 17 (ф. 2, оп. 1, 1923 г., д. 4, л. 36).

⁷ Первоначально последний разряд именовался Разрядом Северо-Восточной России и Прибалтики, однако позже один географический регион (Прибалтика) был вычеркнут и заменен другим (Сибирь).

⁸ Позднее, в 1921 г., Разряд археологии Древнего Востока и Разряд археологии Кавказа и яфетического мира были объединены в одно подразделение под руководством Н. Я. Марра (ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 4, л. 90). В 1922 г. оба разряда вновь обрели самостоятельность, причем первый из них после восстановления стал называться Разрядом археологии и искусства Древнего Востока (ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 1, л. 6 об.; д. 10, л. 22, 24). В 1926 г. Разряд археологии Кавказа и яфетического мира переведен в Этнологическое отделение (ф. 2, оп. 1, 1926 г., д. 17, л. 8).

В. В. Бартольд)⁹ (Там же, д. 10, л. 80, 81; 1920 г., д. 3, л. 108, 109). Позднее появился Разряд археологии Армении и Грузии (ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 13, л. 104–104 об.; д. 20, л. 9, 13, 14). Таким образом, проблематика, которой ныне занимается Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, оказалась разделенной по двум отделениям и 11 разрядам.

Создание РАИМК происходило на фоне ожесточенной Гражданской войны, ставшей следствием насильственного захвата власти в России партией большевиков в октябре 1917 г. Последовавшее затем вооруженное противостояние белых и красных армий сопровождалось иностранной интервенцией, распадом страны и утратой части ее территории, разрывом хозяйственных связей между различными экономическими районами государства, нехваткой продовольствия, топлива и медикаментов, распространением инфекционных заболеваний, параличом деятельности централизованных структур власти, культурных и научных организаций.

Катастрофическое положение дел внутри страны вело к тому, что все ее население вынуждено было жить и действовать в условиях чрезвычайщины. В связи с этим сотрудники только что созданной Академии были лишены возможности заниматься раскопками археологических памятников и ездить в заграничные командировки. Коллектив РАИМК, вынужденный ограничиться лишь изучением древностей, находящихся, как тогда говорилось, в пределах досягаемости, сосредоточился на исследовании «доступных, главным образом в Петрограде и Москве, источников, а именно: на описании музейных и других коллекций, изучении литературы, эстампажей надписей, разработке материалов, добытых экспедициями прошедших лет», а также приступил к «подготовке к печати тех или иных, возможных по условиям времени, работ» (ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 10, л. 82, 83; д. 12, л. 4). В некоторых разрядах «в интересах сбережения времени» заседания не проводились, а «план работ был намечен в беседах заведующего и сотрудников» (ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 20, л. 4). Тем не менее уже в 1919–1920 гг. намечались планы будущих археологических исследований РАИМК.

Так, В. В. Бартольд, руководитель Разряда археологии Средней Азии, планировал раскопки в Мерве, «единственной местности в Средней Азии, от которой собраны и подробно разработаны исторические сведения», и на городище Афрасиаб, вблизи Самарканда, а также в округе Хивы, где сохранились древние архитектурные памятники и были известны находки «каменных баб» (ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 21, л. 6, 7; 1920 г., д. 3, л. 105). В 1920 г. в РАИМК была создана Комиссия¹⁰ по изучению юга России, ставившая своей целью воссоздание истории культуры от палеолита до образования Древней Руси в обширном регионе от Черноморского побережья и предгорий Кавказа до среднего течения Припяти и от западной границы бывшей Российской империи до области Войска Донского. В состав Комиссии были включены сотрудники Разрядов археологии Древнего Востока, а также Кавказа и яфетического мира (ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 1, л. 82). Эти же научные коллективы должны были составить постоянную Комиссию по исследованию классиче-

---

⁹ Первоначальный проект структуры РАИМК предусматривал создание Разряда археологии Индии, Средней Азии и Дальнего Востока, а также Разряда археологии средневекового Востока (ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 1, л. 97, 108). Однако в процессе создания РАИМК Разряд археологии Средней Азии был выделен в самостоятельное подразделение, а Разряд археологии средневекового Востока был заменен Разрядом мусульманской археологии (Там же, л. 153; д. 10, л. 80, 81). Разряд археологии Ирана хотя и был включен в структуру РАИМК, но фактически не был организован (ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 10, л. 81).

¹⁰ Работы, требующие участия в них специалистов различных областей знания, велись в комиссиях РАИМК, число которых также часто менялось. В 1921 г. функционировала 21 комиссия, а к 1923 г. осталось только 5 (ф. 2, оп. 1, 1923 г., д. 4, л. 36 об.).

ского Востока, которая намеревалась провести «изучение и совместное издание культурно-исторических материалов, находящихся в русских музеях и собраниях», а также при улучшении внешних условий организовать археологические изыскания «в пределах стран изучаемых культур» (Там же, д. 2, л. 19). Разряд буддийской археологии планировал провести «разведочную командировку» в Среднюю Азию «ввиду несомненных указаний на существование буддийских древностей в недрах земли русского Туркестана» (Там же, д. 3, л. 103 об.).

В период становления Академия испытывала острую нехватку кадров. В. В. Бартольд, возглавлявший Разряды археологии Средней Азии и мусульманской археологии, пишет о том, что оба подразделения вряд ли могут считаться «организованными ввиду отсутствия постоянной текущей работы и постоянного состава сотрудников» (ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 21, л. 6; 1920 г., д. 20, л. 1). Ему вторит В. К. Шилейко, ставший после смерти Б. А. Тураева руководителем Разряда археологии Древнего Востока: «В связи с невозможностью найти научных сотрудников хотя бы с поверхностным знанием важнейших языков переднеазиатского культурного мира, разряд принужден ограничить свой личный состав» (ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 18, л. 1). Об этом же тревожится и Н. Я. Марр, руководивший Разрядом археологии Кавказа и яфетического мира, сетуя на то, что его подразделение не располагает ни достаточным количеством работников, ни специалистами в области этнической и культурной истории Кавказа (ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 10, л. 97; 1920 г., д. 19, л. 9).

В 1920 г. общее положение дел в науке настолько ухудшилось, что 7 декабря руководство РАИМК было вынуждено направить письмо в СНК. В нем содержалась просьба обеспечить здание Академии теплом и светом, сделать доступным приобретение книг, инструментов и материалов, разрешить оплату за наличный расчет работ, выполненных для учреждений, и оплату реальных расходов по командировкам, улучшить материальное положение всех служащих научных учреждений путем введения пайка и повышения ставок, демобилизовать научных сотрудников, призванных на военную службу, разрешить вернуться на родину эмигрировавшим ученым, дать возможность публиковать научные труды, организовать доставку книг из-за границы, установить систематические командировки ученых за границу, приглашать иностранных ученых в Россию (ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 9, л. 190, 191).¹¹ В обращении к властям было также подчеркнуто, что «гибель “чистой” науки неизбежно повлечет захирение техники и медицины и других отраслей науки, дающих немедленно видимые полезные результаты. Чтобы избавиться от имеющего последовать за этим периода умственного рабства у иностранцев, необходимо спешно прийти на помощь русской науке в трудную минуту ее жизни» (Там же, д. 4, л. 111).

В этом документе, адресованном советскому правительству, были недвусмысленно сформулированы два важнейших политических требования, выполнение которых позволило бы российскому научному сообществу восстановить свои позиции, ослабленные революцией и Гражданской войной. Речь шла о гарантиях того, что русская наука будет развиваться как неотъемлемая часть мировой науки, и о свободе обмена научной информацией, если она не содержит государственной тайны.

По мнению коллектива РАИМК, выполнение выдвинутых им условий позволило бы ученым успешнее выполнять свои задачи, которые они видели следующим образом: «На Академии истории материальной культуры лежит установить общий план работ русских ученых по археологии естественно прежде всего России и связанных с ней зарубежных древностей в трех подходах: этнологическом, историко-художественном и общем исто-

---

¹¹ Копия этого документа, также хранящаяся в НА ИИМК РАН (ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 4, л. 110), не имеет даты.

рико-культурном археологическом» (Там же, д. 19, л. 9–9 об.). В другом документе указано, что Академия должна стремиться к выполнению двух основных задач: во-первых, организовывать научную работу «по соответствующим специальностям, независимо от территориальной или иной близости подлежащего изучению материала», во-вторых, исследовать «памятники, сосредоточенные в том или ином культурно и исторически обособленном регионе российской территории» (Там же, д. 9, л. 184). Основатели Академии прекрасно понимали, что изучение древностей не может ограничиваться исключительно территорией России, оно должно охватывать и прилегающие к ней страны.

Народный Комиссариат по Просвещению финансировал Академию с первых же дней ее существования. В 1919 г. на нужды Академии было ассигновано 2 000 000 руб., в марте 1920 г. – 10 000 000 руб. (Там же, д. 5, л. 5, 30 об.). Следует, однако, иметь в виду, что в РСФСР бушевала инфляция и деньги были обесценены. Командировка в отдаленные районы государства даже одного человека оборачивалась непомерными расходами. Например, поездка в 1920 г. В. В. Бартольда в Туркестан (Ташкент–Самарканд–Бухара) обошлась Академии в 250 000 руб. (Там же, д. 5, л. 52; 1922 г., д. 11, л. 11). Поэтому государственное финансирование РАИМК нельзя признать удовлетворительным. Деньги поступали в Академию нерегулярно, с большими задержками. В сохранившихся документах содержатся жалобы на то, что РАИМК «находится в крайне трудном положении из-за задержки в выдаче денежных знаков. Имея кредиты на текущий год, хотя и в незначительных суммах, но все же достаточных для удовлетворения насущных потребностей, Академия не в состоянии воспользоваться этим кредитом за отсутствием знаков в Горфинотделе. <...> Заработная плата членам и сотрудникам Академии задерживается уплатою <...> а причитающиеся им разницы вовсе не уплачены. Положение служащих, и без того получающих незначительные оклады, бедственно. Надо удивляться подвижничеству их т. к. даже при столь отчаянных условиях существования они до сих пор остаются на своих местах и ревностно выполняют указанные им задания, очевидно, только из сознания важности дела, возложенного на Академию» (ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 1, л. 41–42).

И все же, несмотря на бедственное финансовое положение РАИМК, ее сотрудники планировали в самое ближайшее время возобновить археологические изыскания в стране. Так, в 1920 г. В. В. Бартольд, совершив поездку в Туркестан (ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 3, л. 104 об.–105), пишет во вновь созданную Туркестанскую комиссию¹² о том, что экспедиция в Среднюю Азию возможна при условии открытия сообщения с Туркестаном. Результатом его командировки стало образование в Ташкенте Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис, с 1927 г. – Средазкомстарис), в состав которого вошел представитель Академии А. А. Семёнов (ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 11, л. 12). В июне 1921 г. экспедиция РАИМК во главе с архитектором А. П. Удаленковым действительно отправилась в Самарканд и Шахрисябз на средства Академии (ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 43, л. 1; 1922 г., д. 1, л. 16), причем весь материал, «явившийся результатом работ экспедиции, был признан собственностью Академии. Экспедиция обмеряла в Самарканде медресе Улугбека и мавзолей Шах-и-зинда с производством чертежей, планов и рисунков» (ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 11, л. 12). Археологические раскопки не были предусмотрены планом работ.

---

¹² 8 января 1921 г. В. В. Бартольд был избран председателем этой Комиссии (ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 4, л. 23 об.–24), в которой вскоре сосредоточилась работа Разрядов археологии Средней Азии и мусульманской археологии. Основной задачей Комиссии стала организация экспедиции в Туркестан совместно с Главным управлением музеев. Экспедиции была поставлена задача изучать памятники мусульманской архитектуры в Самарканде и Бухаре (Там же, д. 21, л. 3).

В 1922 г. заведующий Разрядом палеоэтнологии А. А. Миллер (рис. 33, 1) разработал план экспедиции на Северный Кавказ, предусматривающий изучение чеченских и ингушских башен, а также северокавказских каменных статуй, включая статуи скифо-сарматской эпохи (Там же, д. 1, л. 4–4 об.; д. 9, л. 12–12 об., 14, 20). Руководство РАИМК попыталось изыскать средства на проведение этих работ. Однако после того как Вашингтонский музей известил Академию о том, что «настоящий момент неблагоприятен для постановки вопроса о совместных исследованиях», Совет РАИМК 2 октября принял решение о «перенесении мер к осуществлению экспедиции на 1923 г.» (ф. 2, оп. 1, 1923 г., д. 73, л. 1, 4, 10–12).

Весной 1923 г. Госплан РСФСР выделил крайне скромные средства для финансирования Северокавказской этнолого-археологической экспедиции, и 8 июля ее руководитель А. А. Миллер выехал из Петрограда к месту работ, которые развернулись в Донской, Кубанской и Терской областях (Там же, д. 1, л. 5 об.; д. 1/1, л. 1, 5 об.–6; д. 6, л. 42; д. 15, л. 10; д. 74, л. 6, 13, 84). С этого времени начинаются многолетние полевые работы экспедиции, которая становится единственным научным коллективом РАИМК, изучающим памятники эпохи бронзы и железного века на юге РСФСР. Отчет об исследованиях 1923 г. был заслушан 20 ноября на заседании Разряда археологии Кавказа и яфетического мира. А. А. Миллер рассказал о посещении музеев в Краснодаре, Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Таганроге и Владикавказе, о поездке по Дигории (Северная Осетия), об осмотре осетинских могильных сооружений. Раскопок нигде не проводили, так как работы имели характер предварительных разведок (ф. 2, оп. 1, 1923 г., д. 15, л. 34; 1924 г., д. 101, л. 4–5).

В 1924 и 1925 гг. исследования экспедиции были продолжены. Стационарные работы развернулись на Кобяковском городище, расположенном на Дону возле станицы Аксайской. В Адыгее, Балкарии и по среднему течению р. Кубань проводились разведки (ф. 2, оп. 1, 1924 г., д. 1, л. 200, 282; д. 101, л. 11, 13, 15; 1925 г., д. 1, л. 177, 237–237 об.; д. 111, л. 94).

В августе 1923 г. в Армению и «пограничную с ней полосу Турции» был командирован сотрудник Академии Н. М. Токарский. Цель его поездки заключалась в исследовании памятников армянского зодчества и сборе эпиграфических материалов (ф. 2, оп. 1, 1924 г., д. 1, л. 2, 3).

С 1920 г. начинает археологические исследования на юге Сибири сотрудник Академии С. А. Теплоухов (рис. 33, 2: *слева*) (ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 75, л. 1; 1923 г., д. 81, л. 1). К этому времени Гражданская война была здесь в основном завершена. Армия Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака прекратила вооруженную борьбу. Однако ее разрозненные группы, не пожелавшие сложить оружие, еще оказывали вооруженное сопротивление советской власти. В такой ситуации появление в отдаленных районах Сибири людей, незнакомых местным властям, могло вызвать у них подозрение и привести к аресту сотрудников экспедиции. Именно поэтому в мае 1921 г. РАИМК дает телеграмму в Сибирский Ревком (г. Омск), в которой содержится просьба не препятствовать проведению раскопок С. А. Теплоухову в Минусинском крае (ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 90, л. 1, 2; д. 93, л. 3, 4).¹³ Любопытно, что этот документ представляет собой бланк Академии, на грифе которого значится «РСФСР. Народный Комиссариат Просвещения. Российская Академия Истории Материальной культуры. Петербург».¹⁴ Мраморный дворец». Такая же

¹³ В этой же телеграмме содержится просьба оказать содействие раскопкам С. И. Руденко в Западной Сибири, который с 1921 г. являлся старшим научным сотрудником ГАИМК (ф. 35, оп. 5, д. 262, л. 97 об.).

¹⁴ К этому времени Санкт-Петербург уже в течение 6 лет и 9 месяцев назывался Петроградом. Переименование произошло 18 (31) августа 1914 г. Однако новое название города так и не появилось на

телеграмма отправлена в адрес Сибирского ревкома (г. Ново-Николаевск, ныне Новосибирск) и в 1922 г., причем в ней РАИМК просит Экономический совет Сибирского ревкома обеспечить С. А. Теплоухова и его сотрудников продовольствием (ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 75, л. 3, 4).

В 1923–1925 гг. Академия опять выдает С. А. Теплоухову разрешение на проведение археологических раскопок в Минусинском крае (ф. 2, оп. 1, 1923 г., д. 81, л. 1, 3, 4; 1924 г., д. 1, л. 136; 1925 г., д. 138, л. 1). В 1923 и 1924 гг. в состав его экспедиции был включен молодой сотрудник М. П. Грязнов (рис. 33, 2: *справа*), регистратор созданного при РАИМК Института археологической технологии. Задачей М. П. Грязнова являлось извлечение и определение добытого в ходе раскопочных работ остеологического материала (ф. 2, оп. 1, 1923 г., д. 81, л. 5; 1924 г., д. 1, л. 135, 137). Благодаря раскопкам С. А. Теплоухова в Минусинском крае на юге Сибири была впервые выявлена археологическая периодизация культур эпохи энеолита, бронзового и железного веков, сохранившая научное значение до настоящего времени (ф. 2, оп. 1, 1925 г., д. 1, л. 233).

В 1925 г. М. П. Грязнов проводит уже самостоятельные разведочные работы в верховьях р. Оби и близ г. Семипалатинска, хотя и под наблюдением С. И. Руденко (рис. 33, 2: *в центре*) (Там же, д. 127, л. 1; д. 138, л. 1; оп. 3, д. 167, л. 8 об.). Последний, возглавляя Алтайскую экспедицию в 1924 и 1925 гг., провел по поручению ГРМ раскопки курганов железного века в Восточном Алтае (ф. 2, оп. 1, 1924 г., д. 126, л. 2; 1925 г., д. 138, л. 1), открыв при этом в полевом сезоне 1924 г. знаменитые Пазырыкские курганы, содержавшие, как выяснилось впоследствии, захоронения знати эпохи ранних кочевников (ф. 35, оп. 5, д. 262, л. 97).

В сентябре 1923 г. при Разряде греко-римского искусства была создана Комиссия по изучению искусства и археологии эгейского периода в бассейне Средиземного моря и в прилегающих странах (Эгейская комиссия). Ее возглавили В. В. Фармаковский и Б. Л. Богаевский. Главной задачей Комиссии стало изучение трипольских древностей, имеющих, по мнению исследователей того времени, аналогии на Кавказе, в Туркестане, Иране и в дунайских культурах, а также на Крите и в Микенах. К работе Комиссии были привлечены Б. А. Латынин, А. И. Запольская и Т. С. Пасек, которые не были тогда сотрудниками РАИМК. Благодаря их энергии трипольские артефакты, хранящиеся в музеях и собраниях Петрограда, были описаны и зарисованы (ф. 2, оп. 1, 1924 г., д. 63, л. 10–11). Осенью 1924 г. Б. Л. Богаевский ездил на Украину (Черниговская губ.), где совместно с сотрудниками одного из уездных музеев руководил разведками трипольских памятников (ф. 2, оп. 1, 1925 г., д. 1, л. 36; д. 64, л. 21). В дальнейшем Эгейская комиссия планировала опубликовать трипольские находки, хранившиеся в собраниях Петрограда, и тем самым дать новый толчок раскопкам трипольских поселений, но, к сожалению, эти планы не были реализованы, а сама Комиссия вскоре прекратила существование.

Итак, уже в первой половине 1920-х гг. сотрудники РАИМК продолжили исследование древностей Средней Азии, Кавказа, Причерноморья и Сибири. Поскольку формирование Академии как научного коллектива протекало в ходе грандиозного общественного катаклизма, потрясшего Россию в конце 10-х гг. прошлого века, это обстоятельство не могло не сказаться на кадровом составе учреждения. В стенах РАИМК бок о бок работали как маститые петроградские ученые, обязанные своей карьерой прежнему режиму и зачастую далекие от чисто археологической проблематики, так и молодые специалисты, приехавшие из провинции и вступившие на археологическое поприще после окончания Гражданской войны, которая утвердила в стране новый политический строй. Хотя сотрудники Академии

бланках РАИМК. С лета 1924 г. на официальных документах Академии исконное имя города перекрыто штампом с названием «Ленинград».

и различались по социальному происхождению, однако образование, полученное ими в императорской России, и преданность избранной профессии объективно сближали исследователей разных поколений. Именно поэтому к середине 1920-х гг. РАИМК стала уникальным гуманитарным учреждением, объединявшим археологов, искусствоведов, востоковедов, а также специалистов в области эпиграфики, античной культуры и древнерусской истории. Коллектив Академии отличался высоким профессионализмом и ориентацией на решение исключительно научных проблем. Члены РАИМК были весьма далеки от идеологических войн, которые вели между собой соперничающие за власть в стране группировки партийной номенклатуры в ВКП(б). Однако относительная независимость Академии¹⁵ от влияния на нее коммунистической идеологии, как, впрочем, и на другие научные учреждения, могла существовать лишь до тех пор, пока в правящей партии не восторжествовало единоначалие, олицетворением которого стал лидер победившего блока И. В. Сталин.

С момента основания Академия не имела возможности готовить в своих стенах молодых специалистов, которые со временем могли бы влиться в ее научный коллектив. Лишь в 1925 г. при РАИМК была открыта аспирантура. В декабре этого года 24 претендента на аспирантские места предстали перед академической конкурсной комиссией, которая должна была оценить выполнение соискателями письменной работы на тему «Памятники материальной культуры как источник познания истории человечества». Испытание выдержали девять человек, причем лишь у троих из них научные интересы соответствовали тематике будущего Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа. Речь идет о А. А. Иессене (1), А. Ю. Якубовском (6) и М. И. Артамонове (8)¹⁶ (ф. 2, оп. 1, 1925 г., д. 56, л. 81, 108–110, 123). Именно этому молодому поколению археологов предстояло осваивать марксизм и использовать его доктрину в научной работе.¹⁷

¹⁵ Предвестником грядущего жесткого идеологического пресса можно считать циркуляр, разосланный руководством Главнауки 3 марта 1924 г. в адрес научных, художественных и музейных учреждений и библиотек страны. Со дня смерти первого главы Советского государства В. И. Ленина прошло немногим более месяца, а партийные функционеры уже требовали от вышеозначенных учреждений «предоставить материалы и воспоминания, характеризующие связь этих учреждений с Владимиром Ильичом, имевшую место путем встреч и личных с ним сношений, а также устанавливающие идейную связь научно-практической работы учреждения с научным и государственным творчеством Ленина, и указать, в какой форме могло бы Ваше учреждение отразить в процессе своей работы личность и идеи В. И. Ленина» (ф. 2, оп. 1, 1924 г., д. 1, л. 42). Руководитель Академии Н. Я. Марр был вынужден считаться с новыми политическими реалиями. В его докладе, направленном в 1924 г. на имя заведующего Главнаукой Ф. Н. Петрова, имеется тезис, не получивший, впрочем, тогда развернутого обоснования, о том, что в РАИМК не хватает «специалистов с научным подходом современного понимания социальной деловой жизни, не только историков искусства, но и археологов с марксистским миропониманием» (Там же, л. 15).

¹⁶ В скобках указано место, которое аспирант занял по итогам испытания (ф. 2, оп. 1, 1925 г., д. 56, л. 110 об.). А. Ю. Якубовский вскоре оставил аспирантуру и стал сотрудником Разряда археологии Средней Азии.

¹⁷ 23 апреля 1926 г. на заседании Президиума Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук было признано необходимым организовать при Академии не только Учебный отдел, но и занятия с аспирантами по марксистской методологии (ф. 2, оп. 1, 1926 г., д. 1, л. 104). В начале декабря 1926 г. аспиранты ГАИМК были оповещены о том, что 22 декабря они будут держать испытание по марксистской методологии перед Комиссией Государственного Ученого совета. Экзамен состоялся в помещении уполномоченного Наркомпроса, кабинет которого также находился в Мраморном дворце (Там же, д. 67, л. 85, 90, 92). В дальнейшем при Академии был организован семинар по изучению марксистской методологии, которым руководил профессор И. С. Плотников. Кроме того, аспиранты ГАИМК посещали аналогичный семинар при Институте марксистской методологии. В 1929 г. руководство занятиями аспирантов по методологии марксизма перешло к заместителю председателя Академии Ф. В. Кипарисову (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 1, л. 121–121 об.; д. 6, л. 68 об.).

К завершению трехлетнего цикла обучения первых аспирантов выяснилось, что они «находятся в бедственном положении по невозможности опубликовать свои работы». Чтобы исправить эту ситуацию, решили издать сборник аспирантских статей. На его публикацию требовалось не менее 800 руб. Часть этой суммы (200 руб.) собрали авторы статей. ГАИМК предоставила дотацию в 250 руб. С просьбой выделить недостающие 380 руб. аспирантское бюро Академии обратилось к Уполномоченному Наркомпроса в Ленинграде (ф. 2, оп. 1, 1928 г., д. 65, л. 32). В конечном счете в июне 1929 г. Академии пришлось выделять дополнительно 150 руб., чтобы покрыть расходы на издание сборника при условии, что 500 его экземпляров будет передано в распоряжение ГАИМК (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 1, л. 1б; д. 6, л. 45 об.).

Археология Средней Азии, Кавказа, Сибири и южнорусских степей в ГАИМК/ИИМК АН СССР (1926–1941 гг.)

В начале 1926 г., спустя три года после образования СССР, РАИМК была переименована в Государственную Академию материальной культуры (ГАИМК). В соответствии с новым уставом Академии, который был утвержден Государственным Ученым советом 12 января того же года, в ГАИМК было создано четвертое, научно-организационное отделение, занимающееся разработкой методологических вопросов, теоретической разработкой планов и согласованием работы Академии и музеев (ф. 2, оп. 1, 1926 г., д. 1, л. 227; д. 3, л. 12).

Во второй половине 1920-х гг. С. А. Теплоухов продолжил раскопки погребений бронзового века в Минусинской котловине (Там же, д. 122, л. 7–9; 1927 г., д. 125, л. 3, 4; 1929 г., д. 136, л. 4; д. 137, л. 2; д. 140, л. 2), а С. И. Руденко – исследования курганов железного века на Алтае (ф. 2, оп. 1, 1927 г., д. 128, л. 1, 2; д. 148, л. 3). В полевом сезоне 1929 г. Алтайская экспедиция, которой руководил С. И. Руденко, раскопала I Пазырыкский курган. В нем было обнаружено захоронение вождя (ф. 35, оп. 5, д. 262, л. 97). В раскопках кургана принимал участие М. П. Грязнов.

Новые археологические памятники были исследованы С. А. Теплоуховым в Туве (1926, 1927 и 1929 гг.), которая в предвоенный период являлась зарубежным государством (ф. 2, оп. 1, 1926 г., д. 231, л. 5; 1927 г., д. 228; 1929 г., д. 262), а С. И. Руденко в 1927 г. – в Казахстане (ф. 2, оп. 1, 1927 г., д. 128, л. 1, 2; д. 148, л. 3) и в 1929 г. – в Челябинской области (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 140, л. 2).

В 1928 и 1929 гг. сотрудник ГАИМК Г. П. Сосновский руководил Енисейской экспедицией, которая раскапывала андроновские, карасукские, тагарские, таштыкские и кыргызские погребения. Он изучал также древности Забайкалья, исследуя такие памятники сюнну, как Иволгинское городище и Дырестуйский могильник. Внимание Г. П. Сосновского привлекли прежде всего вопросы культурных контактов древнего населения Южной Сибири (Матющенко 1992: 121).

В 1926–1928 гг. участники Северокавказской экспедиции, наряду с раскопками Кобякова городища, обследовали и другие памятники, расположенные по берегам Дона, а также под Таганрогом, в Адыгее, Осетии и Кабардино-Балкарии (ф. 2, оп. 1, 1926 г., д. 1, л. 230 об., 235; д. 15, л. 34; д. 94, л. 2; д. 95, л. 23 об.–24; 1927 г., д. 102, л. 2; 1928 г., д. 91, л. 6; д. 95, л. 73; д. 151, л. 25–28; 1929 г., д. 133, л. 4, 5 об.). С 1926 г. сотрудниками этого научного коллектива становятся аспиранты М. И. Артамонов и А. А. Иессен, а в 1928 г. студенты-археологи ЛГУ Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий были прикомандированы к экспедиции для прохождения полевой практики (ф. 2, оп. 1, 1928 г., д. 95, л. 74; 1929 г., д. 1, л. 122).

В 1929 г. работы Северокавказской экспедиции были сосредоточены под Нальчиком и Пятигорском, где ее сотрудники раскапывали курганы эпохи бронзы и обследовали средневековые поселения и городища. В раскопках приняли участие А. А. Иессен и вышеназванные студенты. В районе Таганрога в 1929 г. были проведены разведки и спасательные раскопки древних городищ и могильников (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 108, л. 209–209 об., 211, 218–225; д. 133, л. 12, 15; 1930 г., д. 115, л. 98, 99, 101, 102).

В 1928–1929 гг. функционировала одна из первых в стране новостроечных экспедиций во главе с А. А. Миллером. Ее задача заключалась в организации вначале археологических разведок, а затем и раскопок на трассе строительства Волго-Донского канала. Костяк экспедиции составили ученики А. А. Миллера. Одни из них были уже опытными специалистами (М. И. Артамонов, А. А. Иессен), другие же только вступали на поприще археологии (Г. В. Григорьев, Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий) (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 111, л. 5, 38–43; 1930 г., д. 117, л. 15–20).

С 1926 г. начинаются работы сотрудников ГАИМК в Закавказье при поддержке местных археологов. Так, А. А. Миллер провел разведки и раскопки в Нахичеванской АССР у Кызылванка на средства Закавказской научной ассоциации, а И. И. Мещанинов, совместно с Б. А. Латыниным и Т. С. Пассек, по приглашению Общества обследования и изучения Азербайджана раскапывал курганы в Нагорном Карабахе и погребения в Нахичеванской Республике также у Кызылванка. В 1927 г. И. И. Мещанинов работал в Мильской степи и на Ганджинской равнине (ф. 2, оп. 1, 1926 г., д. 1, л. 235 об.–236; д. 15, л. 24, 28, 36; д. 95, л. 24; 1930 г., д. 107, л. 2).

Летом 1929 г. сотрудники Академии И. А. Орбели и К. В. Тревер (рис. 35, 1) были командированы в Дагестан, Армению и Грузию для производства археологических исследований. Во время этой поездки ленинградские археологи изучили коллекции находок, хранившиеся в фондах музеев Еревана, Эчмиадзина, Махачкалы и Тифлиса (ныне г. Тбилиси), а также осмотрели средневековые крепости и церкви (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 120, л. 5–7, 16, 17–17 об.).

В Среднюю Азию после 1921 г. сотрудники ГАИМК выезжали только в командировки, из которых наиболее важными в научном отношении стали поездки А. Ю. Якубовского для обследования археологических памятников Хорезма (Туркмения) и А. П. Удаленкова для завершения архитектурных обмеров мавзолея Баян-Кули-Хан в Самарканде (Узбекистан). Эти визиты состоялись в 1927 и 1928 гг. (Там же, д. 1, л. 20 об., 117 об., 132 об.–133; д. 119, л. 21–22).

Лишь в 1929 г. Академия смогла финансировать, совместно со Средазкомстарисом, этнолого-археологическую экспедицию, которая ставила своей целью исследование руин средневекового города Куны-Ургенч в Туркмении (Хорезм). Общее руководство работами было возложено на В. В. Бартольда, но раскопками в поле руководил А. Ю. Якубовский, под началом которого находились сотрудники Института истории и Института народов Востока, а также практиканты из Москвы, в том числе А. А. Марущенко, в будущем один из первых археологов Туркменистана. А. П. Удаленков должен был заниматься обмерами архитектурных памятников Куны-Ургенча. В ходе изысканий, которые были проведены в июле и августе, участники экспедиции заложили несколько раскопов в различных частях этого городища, в том числе и на крепости Ак-кала, расположенной в юго-восточной части памятника. В результате выполненных работ удалось установить, что и город, и крепость были основаны в домонгольское время. Кроме того, сотрудники экспедиции занимались архитектурными обмерами некоторых мавзолеев Куны-Ургенча, а также совершили однодневную поездку на средневековое городище Миздакхан, где произвели фотосъемку и сбор керамики

(ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 6, л. 47; д. 119, л. 26, 27, 29, 32, 38, 54, 71, 103–103 об., 104–105, 106).¹⁸

Таким образом, к 1929 г. количество академических экспедиций, работающих в районах Кавказа, причерноморских степях, Сибири и Средней Азии, постепенно увеличивается. Но именно в это время, когда наметился подъем науки, в том числе и археологии,¹⁹ правительство начало радикальную реформу сельского хозяйства, основной тогда отрасли народного хозяйства. Это преобразование, лишившее крестьян права самостоятельно распоряжаться землей, урожаем и домашним скотом, вошло в историю под названием коллективизации. Она вызвала сопротивление крестьянства, что, в свою очередь, привело к ужесточению внутренней политики властей по всем направлениям, включая и науку. Поэтому 1929 год, названный официальной пропагандой годом «великого перелома», фактически дал старт десятилетию (1929–1939 гг.) великих потрясений, об опасности которых в свое время прозорливо предупреждал П. А. Столыпин, премьер-министр Российской империи в 1906–1911 гг.

---

¹⁸ В 1929 г. экспедиция в отдаленные районы Туркменистана была предприятием далеко не безопасным, так как басмаческое движение в Средней Азии еще не было подавлено. Даже Среднеазиатское ГПУ было вынуждено признаться в том, что не может гарантировать безопасности ученым, работающим «в песках, вне культурной зоны», там, где «действует несколько бандитских шаяк». Эта неутешительная информация была доведена до сведения А. П. Удаленкова, когда он, прибыв в Ташкент, обратился в компетентные органы, находясь под впечатлением известия, опубликованного в одной из местных газет, об убийстве в Хорезме сотрудника ОСОАВИАХИМа, посланного туда для борьбы с саранчой. Среднеазиатское ГПУ посоветовало воздержаться от проведения Куны-Ургенчской экспедиции, но отказалось официально уведомить об этом руководство ГАИМК, предложив сделать это А. П. Удаленкову. Последний, восприняв рекомендации ГПУ как руководство к действию, отправил от своего имени телеграмму в Академию о невозможности проведения полевых работ в Туркменистане в текущем году и выехал в Ленинград, ничего не сообщив о своем решении А. Ю. Якубовскому, благополучно прибывшему в это время из Мерва на место раскопок в Хорезм. Не подкрепленное соответствующими документами ГПУ возвращение А. П. Удаленкова, которое фактически лишало возможности экспедицию проводить архитектурные обмеры, было расценено А. Ю. Якубовским и назначенным в 1929 г. заместителем председателя ГАИМК Ф. В. Кипарисовым как саботаж. Однако руководство Академии нашло выход из положения и срочно отправило в Куны-Ургенч архитектора Н. Б. Бакланова, который справился со всеми поставленными перед ним задачами. В целом экспедиция успешно завершила полевой сезон (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 6, л. 47, 73–73 об.; д. 119, л. 55–56 об.).

¹⁹ Впрочем, в других сферах деятельности ГАИМК дело обстояло отнюдь не радужно. В плачевном состоянии находилась, например, издательская работа Академии, так как «вследствие ограниченности кредитов публиковались лишь предварительные отчеты о работах экспедиций, и в то время как собранные и обработанные Академией материалы могли быть изданы самой Академией, приходилось разрешать печатать их в изданиях более обеспеченных материально учреждений СССР и за границей. В связи с отсутствием средств на печатание стоит остро переживавшийся вопрос об участии советских ученых в заграничных изданиях, причем тут приходится констатировать, что европейские научные круги проявляют большой интерес к работам советских ученых и постоянно выражают готовность печатать работы наших сотрудников. Нисколько не умаляя значения культурных связей с заграницей, все же представлялось бы организационно более правильным, чтобы основные публикации издавались в СССР; в целях международного распространения результатов советских работ возможно печатать издания одновременно на русском и иностранном языке. Для этого необходимо обеспечить Академии минимальную возможность своевременного издания результатов своих работ» (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 1, л. 16–16 об.). Кроме того, руководство Академии сетовало на то, что повышать свою квалификацию при ГАИМК могут лишь сотрудники из автономных и союзных республик, тогда как «учреждения РСФСР не располагают средствами для материального обеспечения своих работников, командированных в Академию для усовершенствования. Это положение необходимо исправить» (Там же, л. 1 об.).

Похолодание политического климата в стране не могло не коснуться Академии. Начинается череда изменений ее структуры и штата. Руководство ГАИМК было «укреплено» специалистами, имевшими длительный партийный стаж. Заместителем председателя Академии стал в 1929 г. Ф. В. Кипарисов, член ВКП(б) с 1920 г., а ученым секретарем в 1930 г. – С. Н. Быковский,²⁰ вступивший в партию в 1918 г. (ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 1, л. 509).

В «Записке о выполнении производственного плана ГАИМК» за 1929 г. руководство ГАИМК было вынуждено, очевидно учитывая политические реалии того времени, вставить следующую фразу: «При обсуждении работ Академии ею самую неоднократно подчеркивалась недостаточная разработанность проблем истории материальной культуры марксистами, однако возможность привлечь к постоянному участию в работах Академии достаточного количества научных работников-марксистов, специально интересующихся историей материальной культуры, появилась лишь теперь при пересмотре структуры и штата Академии» (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 1, л. 1–1 об.).

«Шахтинское дело», в соответствии с которым в 1928 г. были осуждены горные инженеры треста «Донуголь», необоснованно обвиненные во вредительстве, спровоцировало в стране поиски врагов народа, занимавшихся, по мнению простых людей, в числе прочего топографической съемкой местности и расположенных на ней объектов народного хозяйства с целью последующей передачи таких планов иностранным разведкам. В связи с этим заместитель председателя ГАИМК Ф. В. Кипарисов в июле 1929 г. отмечает, что «за последнее время имели место несколько случаев задержания органами ГПУ и милиции сотрудников Академии, работающих на местах по обследованию памятников. Во избежание повторных подобных явлений, затрудняющих работу и вызывающих потерю времени командированных сотрудников, предлагаю предписать сотрудникам, особенно тем, которые ведут работы, связанные со снятием планов, обмеров и т. п., немедленно по приезде на место работ регистрировать свои командировочные удостоверения в местных органах ГПУ или милиции, как то предусмотрено в п. 19 инструкции, переданной правлением Академии начальникам экспедиций» (Там же, д. 7, л. 24).

В ноябре 1929 г. отделения ГАИМК были реформированы. Всю археологическую тематику включили в Отделение исторических формаций, которым руководил И. И. Мещанинов. Оно состояло из пяти разрядов: раннеметаллических культур (А. А. Миллер), древних культур Средиземноморья (Б. Л. Богаевский), древнейших культур Кавказа (Н. Я. Марр), средневековых культур Кавказа и Ирана (И. А. Орбели) и Центральной Азии (В. В. Бартольд). Во II Технологическом отделении, наряду с прочими, был организован Разряд антропологии во главе с М. П. Грязновым. III отделение получило название Организационно-методологического (Там же, д. 6, л. 78, 81–82; д. 7, л. 47, 48; 1930 г., д. 1, л. 138).

В 1930 г. в Академии создали Комиссию, которая внимательно изучала и анализировала социальное происхождение и положение всех штатных сотрудников ГАИМК, независимо от занимаемых ими должностей. Итоги работы этого органа, получившего название Комиссии по чистке, были оглашены заместителем председателя Академии Ф. В. Кипарисовым 23 мая на общем собрании сотрудников ГАИМК. Присутствующим пришлось выслушать слова, прозвучавшие для многих из них погребальным звоном. Прежде всего докладчик подчеркнул, что «состав Академии в смысле социального происхождения, социального положения работников, конечно, чрезвычайно неблагоприятный. Это совершенно естественно <...> так как рабочие археологией не занимаются» (ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 4, л. 33). Впрочем, Ф. В. Кипарисов тут же признал, что в сложившихся условиях невозможно полностью изменить кадровый состав ГАИМК: «Но проще всего сказать, что

---

²⁰ Через год С. Н. Быковский был назначен на должность заместителя председателя ГАИМК по научной части (ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 1, л. 94).

социальный состав не подходит, и сделать один вывод – закрыть Академию (у меня эта мысль мелькала) и подождать тех времен, когда мы сумеем сделать Академию пролетарской по своему происхождению. Во-первых, вряд ли это возможно, во-вторых, вряд ли это нужно. Я не думаю, чтобы мы рабочих стали сажать за изучение археологии» (Там же). Эти слова вселяли надежду на то, что по крайней мере некоторые сотрудники, имевшие «неправильное» социальное происхождение, могли сохранить свои рабочие места. Однако общая тенденция, направленная на удаление из ГАИМК социально чуждых элементов, должна была, по мнению Ф. В. Кипарисова, остаться неизменной: «Социальный состав вузов носит сейчас определенный характер – исключительно из пролетарских трудящихся масс нашей страны и, таким образом, в вузах у нас имеется некоторое количество работников хорошего социального качества, которые работают в области истории материальной культуры. Вот откуда придет смена нашего состава в социальном смысле» (Там же, л. 34).²¹

Эти слова Ф. В. Кипарисова не остались пустым обещанием. В мае 1931 г. С. Н. Быковский, заместитель председателя Академии, отправил в Народный Комиссариат РСФСР по Просвещению письмо, содержащее информацию об очередном наборе аспирантов в ГАИМК, который планировали провести осенью текущего года. В этом документе было подчеркнуто, что «в настоящее время обновленная в своем составе и имеющая коммунистическое руководство Академия ведет упорную борьбу за марксистскую историю материальной культуры. Успехи в этой борьбе находятся в тесной взаимосвязи от пополнения Академии кадрами молодых научных сотрудников, по своему социальному происхождению и политическому мировоззрению способных поднять историю материальной культуры на уровень подлинной пролетарской науки, обслуживающей вопросы социалистического строительства не декларативно, не в виде формального прикрытия марксистско-ленинской фразеологией старых буржуазных задач, а в действительности и по существу» (ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 757, л. 121). В связи с этим «Академия обращается с просьбой к местным научным учреждениям и организациям оказать Академии содействие в проведении набора аспирантов, удовлетворяющих упомянутым выше требованиям» (Там же). К письму С. Н. Быковского был приложен перечень университетов, музеев и обществ, насчитывающий 40 учреждений, которых следовало оповестить о новом наборе аспирантов в ГАИМК (Там же, л. 123–123 об.).²²

²¹ Вытекающие из этих формулировок представления о врожденной порочности и неполноценности людей, не имевших рабоче-крестьянского происхождения, на практике вели к репрессивным мерам, которые иначе как социальной дискриминацией и не назовешь. Как всегда, заметную роль в таких кампаниях играли лица, сами не отличающиеся «чистотой» происхождения. Например, Ф. В. Кипарисов, возглавивший Комиссию по чистке, которая в 1930 г. уволила из ГАИМК 60 человек, был сыном профессора Духовной академии (ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 1, л. 509; д. 4, л. 99). Основания, в соответствии с которыми Комиссия изгоняла сотрудников из ГАИМК, с точки зрения юриспруденции были несостоятельны. Их лишали работы за «подбор чуждого элемента и засорение аппарата <...> отделения» и как «социально-чуждый элемент»; за «антимарксистское мировоззрение» и «приверженность к Тихоновской церкви, в результате чего <...> не может быть правильной научной установки в работе»; за «отрицательное общественно-политическое лицо»; за «засорение библиотеки ненужной, даже черносотенной литературой и остатками библиотеки живших в Мраморном дворце Романовых», за недоукомплектованность библиотеки марксистской литературой, за «употребление старой орфографии на читательских формулярах» и обращение «господа» к посетителям библиотеки (Там же, д. 4, л. 301 об.–303 об.).

²² Следует упомянуть, что в 1931 г. в аспирантуру ГАИМК был зачислен А. Н. Бернштам, в будущем один из известнейших исследователей древностей Средней Азии. Его руководителем стал С. Н. Быковский (ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 757, л. 155, 211).

В октябре 1930 г. разряды в Академии упраздняются. Вместо них созданы сектора под новыми названиями: Сектор архаических формаций (руководитель Н. Я. Марр), Сектор античных формаций (руководитель С. И. Ковалёв), Сектор феодальных формаций (руководитель М. М. Цвибак), Сектор капиталистических формаций (руководитель Ю. К. Милонов, МОГАИМК) (ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 11, л. 31; 1931 г., д. 1, л. 3, 5; 1932 г., д. 3, л. 4). В приказах по Академии первый из них фигурирует как «архаический сектор» (ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 11, л. 103). Он включал два подсектора: первичных культур (охотничье-собирательская стадия – руководитель И. И. Мещанинов) и культур переходных к классовой структуре (земледельческо-скотоводческая стадия – руководитель А. А. Миллер) (Там же, л. 31; 1931 г., д. 1, л. 5). Постоянные секции внутри секторов не предусматривались. В процессе работы сотрудники могли объединяться в коллективы, зависящие от характера работы, при этом были возможны индивидуальные темы. В структуре Академии имелось методологическое бюро, при технологической секции которого функционировало несколько лабораторий (ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 1, л. 5).

В 1931 г. вводится деление секторов на группы, в которых протекала «вся научно-исследовательская работа Академии», причем они были организованы в соответствии с задачами, стоящими перед соответствующими секторами (Там же, л. 7). Архаический сектор насчитывал восемь групп, четыре из которых имеют прямое отношение к проблематике, которую ныне разрабатывает Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа: Группа хозяйства эпохи бронзы с ориентацией на археологические культуры эпохи энеолита и бронзы Юго-Восточной Европы, Кавказа, Дона и Поволжья (руководитель А. А. Миллер), Группа архаического земледелия, которая изучала вопрос о происхождении производящей экономики (руководитель М. И. Артамонов), Группа отдельных производств в эпоху бронзы (руководитель А. А. Миллер), Группа истории кочевого скотоводства степей Евразии (руководитель В. В. Гольмстен). В составе Сектора феодальной формации, кроме прочих, были созданы Группы феодального хозяйства Кавказа и Ирана III–IX вв. (руководитель К. В. Тревер), городов и ремесел Средней Азии эпохи феодализма и разложения феодализма (руководитель А. Ю. Якубовский), сельского хозяйства эпохи феодализма и разложения феодализма в Средней Азии (руководитель А. Ю. Якубовский) (Там же, д. 2, л. 1–9, 21–23). Внутри групп одну тему могли выполнять несколько сотрудников, которые составляли так называемую бригаду.

В 1932 г. из названия секторов исчезает термин «формация», вместо него вводится термин «общество»,²³ причем Сектор архаических формаций переименован в Сектор доклассового общества (руководитель И. И. Мещанинов) (ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 1, л. 46–48; д. 3, л. 4). Группы внутри секторов переименовывают в бригады, словно желая уравнивать производство и науку. В Секторе доклассового общества организованы наряду с прочими бригада родового общества (руководитель А. А. Миллер) и бригада разложения родового общества (руководитель В. В. Гольмстен).²⁴ Работа каждой бригады носила коллективный характер (ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 1, л. 76). Количество бригад в секторе могло колебаться от трех до семи (ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 2, л. 79). Кроме того, в структуре ГАИМК функционировали Институт исторической технологии и Институт музееведения (Там же, д. 1, л. 48; д. 3, л. 4).

В январе 1933 г. коллегия Наркомата по Просвещению пришла к выводу о необходимости очередной реорганизации ГАИМК. Ее провели в январе 1934 г., образовав на базе

²³ Иногда в названиях секторов сохраняется, видимо по инерции, термин «формация» (ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 1, л. 75).

²⁴ Судя по некоторым документам, термины «бригада» и «группа» какое-то время сосуществуют (Там же, д. 2, л. 36–39).

секторов Академии научно-исследовательские институты, которые состояли из кафедр. Институт истории доклассового общества (руководитель И. И. Мещанинов, с 1936 г. – В. И. Равдоникас) включал четыре кафедры, в том числе кафедру истории родового общества и кафедру истории разложения родового общества.²⁵ В составе Института истории рабовладельческого общества (руководитель С. И. Ковалёв) наряду с прочими была создана кафедра истории древнего и эллинистического Востока, а в Институте истории феодального общества (руководитель М. М. Цвибак, с 1936 г. – С. М. Дубровский) функционировала кафедра истории феодализма на советском и зарубежном Востоке. Коллективы именно этих кафедр разрабатывали научные направления, соответствовавшие тематике нынешнего Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа. Кроме того, в структуру ГАИМК входили Институт исторических технологий (руководитель В. Ф. Зыбковец) и Сектор полевых исследований. Последний, впрочем, в декабре того же года был объединен с Институтом археологических технологий (ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 3, л. 51 об.; д. 12, л. 52; 1934 г., д. 2, л. 1, 8, 25; д. 3, л. 2; д. 21, л. 12, 13, 14, 16–29; д. 22, л. 13, 16, 19, 22, 24; 1936 г., д. 169, л. 12 об.–13).

В январе 1934 г. было опубликовано Постановление Совнаркома СССР «Об ученых степенях и званиях», в соответствии с которым в научно-исследовательских учреждениях и высших учебных заведениях страны создавались комиссии для выявления квалификации научных сотрудников. 5 мая 1935 г. такая комиссия была создана и в ГАИМК, поскольку Народный Комиссариат РСФСР по Просвещению информировал Академию о том, что ей «может быть предоставлено право присуждать ученые степени за диссертации по вопросам истории докапиталистического общества, но с последующим утверждением Наркомпроса». Квалификационная комиссия ГАИМК рекомендовала присудить степень кандидата наук без защиты диссертации следующим сотрудникам Академии, работавшим в русле тематики нынешнего Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа: М. И. Артамонову, К. В. Тревер и А. Ю. Якубовскому. Им также было предложено подготовить к защите докторские диссертации. Позднее комиссия скорректировала свое решение и признала, что А. Ю. Якубовский достоин степени доктора наук без защиты диссертации (ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 2, л. 24, 46; д. 3, л. 9; д. 46, л. 10, 11, 14; 1937 г., д. 103, л. 22; д. 110, л. 49). Комиссия также ходатайствовала о присвоении докторской степени Б. Л. Богаевскому (ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 108, л. 22), а кандидатской – А. А. Иессену (Там же, д. 45, л. 90).

На 1 января 1936 г. в ГАИМК насчитывалось девять докторов истории, четыре доктора археологии, доктор химии, четыре кандидата истории и кандидат археологии (ф. 2, оп. 1, 1935 г., д. 365, л. 6).

Однако появление в газете «Известия» (март 1937 г.) официального перечня учреждений, которые получили право формировать Ученые советы по защитах кандидатских и докторских диссертаций, стало для Академии холодным душем, так как в опубликованном списке ГАИМК не значилась. Возмущенные этим фактом исполняющий обязанности председателя Академии О. О. Крюгер и ученый секретарь Вл. И. Селиванов 28 марта 1937 г. отправили запрос в Народный Комиссариат по Просвещению, в котором они выражали удивление тем, что Академия «не включена в список учреждений, имеющих право присуждать ученые степени с защитой диссертации», так как считают, «что по целому ряду исторических вопросов – истории докапиталистических обществ в настоящий момент она является единственным авторитетным научным учреждением». Реакцией на этот запрос стало разрешение Комитета по делам высшей школы на организацию в тече-

²⁵ В 1935 г. в Институте истории доклассового общества остались лишь две кафедры: истории родового общества и истории родового общества (ф. 2, оп. 1, 1935 г., д. 365, л. 7).

ние месяца (с 10 апреля по 10 мая 1937 г.) защит тех сотрудников ГАИМК, которые уже имели подготовленные работы. Не заставил себя ждать и ответ из Народного Комиссариата по Просвещению, который 11 апреля 1937 г. известил Академию о том, что одновременно включил ГАИМК «в список учреждений, могущих присваивать ученые степени. Директивные органы в числе ряда институтов не сочли возможным включить и ГАИМК»²⁶ (ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 45, л. 4, 9, 51).

В начале октября 1936 г. Президиум Ленинградского Совета принял решение открыть в Мраморном дворце, в котором размещалась Академия, филиал музея В. И. Ленина. Уже в следующем месяце ГАИМК была вынуждена перебраться в Новомихайловский дворец по адресу: Набережная 9 января, 18 (ныне Дворцовая набережная, 18). На переезд власти выделили Академии 15 000 руб. (ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 162, л. 1, 3).

В июле 1937 г. Академия была преобразована в Институт истории материальной культуры (ИИМК) и включена в состав Академии наук СССР. Новый институт, руководителем которого стал академик И. А. Орбели,²⁷ насчитывал 10 секторов, в том числе Сектор древнего Кавказа, Передней и Средней Азии, Сектор Сибири, Сектор Средней Азии, Сектор средневекового Кавказа, Передней Азии и Причерноморья, Сектор Центральной Азии и Сектор Восточной Европы дофеодального периода (ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 15, л. 1, 2, 9; д. 54, л. 1, 7; ф. 312, оп. 1, д. 8, л. 1).

Эти административные преобразования обернулись для Академии кадровыми потерями. В 1929 г. в ГАИМК по штату числились 117 сотрудников, причем все они были беспартийными. К концу 1931 г. состав Академии был обновлен на 83 %. Теперь из 113 сотрудников ГАИМК 18 являлись членами ВКП(б), а 17 – комсомольцами. В 1929 г. все аспиранты Академии были беспартийными, а в 1931 г. из 27 аспирантов 6 состояли в рядах ВКП(б) и 13 являлись членами ВЛКСМ (ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 1, л. 247).

При реорганизации ГАИМК в штат вновь образованного Института не попали 54 сотрудника Академии, которые не были археологами, так как ИИМК предназначался для выполнения исключительно археологических задач (ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 15, л. 1, 2).

Кадровые потери были вызваны и политическими репрессиями. Канули в прошлое 1920-е гг., когда публикации научных статей за рубежом приводили к вынесению руководством Академии общественного порицания исследователям, так как они якобы пятнали свои имена, помещая труды на страницы тех изданий, в которых белоэмигранты публиковали явно враждебные советской науке работы, пропагандирующие «антисоветские и антинаучные настроения, несовместимые с положением советских ученых» (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 7, л. 209).²⁸

---

²⁶ Эта косноязычная формулировка свидетельствует о том, что к апрелю 1937 г. судьба лишившейся своего руководства Академии была уже предопределена в высших эшелонах власти и что статус ГАИМК решили радикально изменить в самом ближайшем будущем.

²⁷ Вскоре после своего назначения И. А. Орбели сделал доклад на Президиуме АН СССР, по итогам которого руководство Академии наук поручило Институту составление генерального плана археологических работ в СССР, а также разрешило директору ИИМК заключать договоры на проведение археологических раскопок и иметь для расчетов по договорным работам спецсредства с особым текущим счетом. Президиум Академии наук также обратился с ходатайством в правительство о предоставлении ИИМК права присуждения ученых степеней и званий по археологии (ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 15, л. 24, 26, 27).

²⁸ Речь идет об изданном в 1928 г. в Праге сборнике «Seminarium Kondakovianum». После его выхода в свет Археологическое отделение ГАИМК отреагировало на щекотливую ситуацию устами В. В. Бартольда, который заявил о том, что редакцией сборника «была допущена известная бестактность по отношению к участвовавшим» в нем «советским ученым ввиду помещения без редакционных изменений статей некоторых ученых из эмигрантов» (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 17, л. 2). Однако в 1930 г. руководство

Отныне осуждения заслуживали не только публикация в зарубежном научном издании, но и чрезмерное цитирование иностранных археологов. Например, на пленуме ГАИМК 13 января 1935 г. В. И. Равдоникас заявил, что Б. Л. Богаевский пропагандирует антимарксистские взгляды австрийского исследователя О. Менгина. Б. Л. Богаевский обратился с жалобой к руководству Академии на то, что после выступления В. И. Равдоникаса некоторые коллеги Б. Л. Богаевского стали обвинять его в фашизме и антисемитизме, поскольку одна из книг О. Менгина – «Дух и кровь» носила якобы откровенно расистский характер и получила высокую оценку в нацистской печати. Для проверки выдвинутого обвинения была создана комиссия, в которую включили и. о. председателя Академии Ф. В. Кипарисова, Е. Ю. Кричевского и А. И. Кауля. Члены комиссии со всей серьезностью отнеслись к порученному им делу, но вынесли весьма благожелательный для Б. Л. Богаевского вердикт.²⁹ Прежде всего они отметили, что в докладе В. И. Равдоникаса не приведено никаких фактов, которые могли бы скомпрометировать Б. Л. Богаевского перед законом. Докладчик лишь упрекнул коллегу в неправильной оценке работ австрийского ученого, «что действительно имело место», поэтому Б. Л. Богаевскому надо не жаловаться, а «выступить с развернутой оценкой работ Менгина». Вместе с тем комиссия указала В. И. Равдоникасу, что поскольку некоторые сотрудники ГАИМК неправильно восприняли его критику по адресу Б. Л. Богаевского, то ее следует изложить так, чтобы не было никаких кривотолков (ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 2, л. 33; 1935 г., д. 55, л. 24–24 об.).

С 1929 г. начинаются административные высылки сотрудников Академии (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 7, л. 66),³⁰ а затем возобновляются их аресты, причем специалисты, помещенные в следственные изоляторы, теряли работу лишь по истечении двух месяцев с момента взятия их под стражу (Там же, л. 22; 1930 г., д. 11, л. 4). Таким образом, можно сделать вывод о том, что сам по себе арест не вел к автоматическому увольнению сотрудника и что администрация ГАИМК, видимо, могла дожидаться итогов предварительного следствия.

Руководство Академии более не осмеливается ходатайствовать перед органами ОГПУ (с 1934 г. НКВД) за своих арестованных сотрудников, как это имело место в 1920-х гг.³¹

Академии вернулось к этому уже вроде бы решенному вопросу и дало ему более жесткую оценку, которая и приведена выше. Общественное порицание было вынесено В. В. Бартольд, Н. В. Малицкому, М. И. Максимовой, Л. А. Мацулевичу, А. А. Спицыну, Н. П. Сычёву и К. К. Романову. Комиссия по чистке ГАИМК подтвердила этот вердикт (ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 4, л. 301).

²⁹ На фоне беспощадной борьбы с любым инакомыслием, которую власти начали после убийства руководителя Ленинградской партийной организации С. М. Кирова (1 декабря 1934 г.), решение комиссии ГАИМК по «делу» Б. Л. Богаевского выглядит удивительно мягким.

³⁰ Причины, по которым людей лишали права жить в Ленинграде и принудительно переселяли в отдаленные районы страны, далеко не всегда были связаны с их политическими взглядами. Например, человек мог быть отправлен в ссылку за принадлежность к религиозной секте (ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 4, л. 117).

³¹ 25 января 1920 г. органами ВЧК был арестован делопроизводитель по ученой части Академии М. М. Гирс. Правление РАИМК немедленно возбудило ходатайство о его освобождении (ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 5, л. 5 об.), но 25 марта получило отказ (Там же, л. 30 об.). Тогда председатель Академии Н. Я. Марр направил 26 апреля срочную телеграмму на имя Народного Комиссара по Просвещению А. В. Луначарского с просьбой о вызволении М. М. Гирса, которого ВЧК содержало в заключении в бывшем Андрониевском монастыре. Н. Я. Марр предлагал освободить его к пролетарскому празднику 1 Мая (Там же, д. 9, л. 35), но опять не добился успеха. 6 ноября РАИМК получила уведомление, отправленное научным сектором Народного Комиссариата по Просвещению, о том, что Президиум ВЦИК отклонил ходатайство Академии о досрочном освобождении осужденного органами ВЧК М. М. Гирса (ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 3, л. 5). Однако в конечном счете судьба оказалась в этом случае благосклонной

В стране даже во властных структурах постепенно воцарился страх перед вседозволенностью советских правоохранительных органов,³² действия которых по отношению к согражданам со временем становятся откровенно карательными. Результаты неограниченного расширения полномочий спецслужб не замедлили сказаться во всех сферах общественной жизни страны, в том числе и в науке.

В начале 1930-х гг. последовала череда арестов сотрудников этнографического отдела ГРМ. Некоторые из них (М. П. Грязнов, С. И. Руденко и С. А. Теплоухов), специализирующиеся в области археологии Сибири, по совместительству работали и в ГАИМК.³³ Первым в августе 1930 г. был взят под стражу С. И. Руденко. Его обвинили в антисоветской

к арестанту. По данным на 15 сентября 1924 г. М. М. Гирс заведовал хозяйственной частью РАИМК (ф. 2, оп. 1, 1925 г., д. 1, л. 66), а затем стал регистратором Разряда археологии и искусства Армении и Грузии (Там же, л. 95). Так как личное дело М. М. Гирса не сохранилось в Научном архиве ИИМК РАН, нет возможности выяснить, добилось ли руководство Академии его освобождения или он вышел на свободу после отбытия срока наказания. 25 ноября 1927 г. Совет Археологического отделения решил, что М. М. Гирс достоин должности научного сотрудника (ф. 2, оп. 1, 1928 г., д. 19, л. 1 об.). В 1929 г. он являлся сотрудником Разряда средневековых культур Кавказа и Ирана (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 6, л. 81 об.). Однако в 1930 г. он был вновь репрессирован и в 1932 г. умер в лагере (Васильков, Сорокина 2003: 117, 118).

³² Иногда своеволие власти проявлялось самым поразительным образом. В 1920-е гг. политические заключенные в СССР, как правило, отбывали наказание в Соловецких лагерях особого назначения (СЛОН). При начальнике Управления СЛОН была организована постоянная раскопная Комиссия, которая фиксировала археологические памятники Соловецких островов. Неизвестно, являлись ли члены упомянутой Комиссии сотрудниками ОГПУ или археологами и, если археологами, то каков был их статус (заключенные или вольнонаемные). В научном архиве ИИМК РАН сохранилось относящееся к осени 1928 г. официальное письмо, подписанное начальником Управления СЛОН, носящим зловещую по звучанию, в связи с последующими трагическими событиями Холокоста, фамилию Ф. И. Эйхманс. В документе содержится информация о том, что раскопная Комиссия выявила на Соловецких островах курганы, каменные выкладки, менгиры, камни в форме креста и валуны со знаками. Эйхманс просил ГАИМК дать необходимые указания Комиссии относительно обнаруженных памятников. После изучения соответствующих академических рекомендаций специалисты при Управлении СЛОН намеревались самостоятельно приступить к описанию найденных археологических объектов. Таким образом, советская пенитенциарная система фактически создала, по крайней мере на Соловецких островах, собственную археологическую службу, независимую от Академии. Рассмотрев 3 ноября 1928 г. запрос Эйхманса, Комиссия по раскопкам ГАИМК решила передать дело на рассмотрение члену Академии, руководителю Северокавказской экспедиции А. А. Миллеру (ф. 2, оп. 1, 1928 г., д. 185, л. 1–4).

³³ С. И. Руденко с 1917 по 1930 г. занимал должности в Академии наук, а также являлся научным сотрудником Этнологического и Археологического отделений РАИМК/ГАИМК и членом Совета Института археологической технологии ГАИМК (ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 1, л. 3 об.; ф. 35, оп. 5, д. 262, л. 3, 42). М. П. Грязнов работал в РАИМК регистратором в 1922–1925 гг., а затем стал совмещать службу в этнографическом отделе ГРМ с работой в ЛГУ. Лишь в 1929 г., оставив университет, он вернулся в ГАИМК в качестве совместителя на должность научного сотрудника, так как основным местом его службы оставался ГРМ (ф. 2, оп. 3, д. 167, л. 1 об., 11). Хотя в личном деле С. А. Теплоухова, хранящемся в Научном архиве ИИМК РАН, содержатся сведения о его службе только в Томском университете, ГРМ и ЛГУ (ф. 2, оп. 3, д. 644), сам С. А. Теплоухов в написанной им собственноручно справке, сохранившейся в АРЭМ, указал, что является не только действительным членом ГРМ, но и сотрудником ГАИМК (АРЭМ, ф. 3, оп. 1, д. 35, л. 74). Эта справка не имеет даты, однако наличие в тексте документа аббревиатуры ГАИМК свидетельствует о том, что он был написан не ранее 1926 г. Кроме того, в списочном составе Академии за 1922 и 1933 гг. указано, что С. А. Теплоухов является научным сотрудником Академии, в первом случае II категории, во втором случае I разряда (ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 1, л. 2 об.; 1933 г., д. 12, л. 54).

пропаганде и агитации, а также в организационной деятельности, направленной на подрыв советской власти.³⁴ Осужденный постановлением тройки ОГПУ на 10 лет лишения свободы, он был направлен в феврале 1931 г. в Беломорско-балтийские исправительно-трудовые лагеря. Этот приговор, очевидно, так повлиял на руководство ГРМ, что оно, отвечая на соответствующий запрос ГАИМК в ноябре 1931 г., подчеркнуло, что «музей не предполагает проведение в 1932 г. экспедиций, сопровождающихся раскопками» (ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 87, л. 45).³⁵ Тем временем С. И. Руденко, находясь в заключении, сумел благодаря своей разносторонней профессиональной подготовке занять должности старшего инженера проектного отдела и начальника отдела гидрологии Беломорстроя. Досрочно освобожденный Коллегией НКВД 8 марта 1934 г., он³⁶ остался работать в системе этого комиссариата по вольному найму, став к 1938 г. руководителем группы гидрологии и специальных гидрологических исследований в управлении НКВД. Затем он перешел на работу в Государственный гидрологический институт. В археологию первооткрыватель Пазырыкских курганов сумел вернуться только в феврале 1942 г., когда он был принят в штат ИИМК. В августе этого же года С. И. Руденко был эвакуирован из Ленинграда в Елабугу (ф. 35, оп. 5, д. 262, л. 2 об.–3, 6, 42 об., 97–97 об.).

В конце ноября 1933 г. были арестованы С. А. Теплоухов, который во время следствия покончил жизнь самоубийством не позднее 15 марта 1934 г., и М. П. Грязнов. Им инкриминировали участие в контрреволюционной организации украинских и русских националистов, которая была якобы создана при этнографическом отделе ГРМ. Однако М. П. Грязнов не признал себя виновным в несовершенном преступлении. При отсутствии фактических свидетельств органы ОГПУ ограничились высылкой его на три года в г. Вятку (ныне г. Киров) Горьковского края, куда он был отправлен в апреле 1934 г. Находясь в ссылке, М. П. Грязнов получил разрешение на работу в Кировском областном музее краеведения. 25 декабря 1936 г. он был освобожден. Вернувшись в 1937 г. из ссылки в Ленинград, М. П. Грязнов благодаря поддержке М. И. Артамонова устроился в ГЭ, а в апреле 1939 г. был принят в штат ИИМК (ф. 2, оп. 3, д. 167, л. 10, 11 об., 13 об., 14 об., 97–97 об.; Пшеницына, Боковенко 2002: 21, 22).³⁷

Тогда же был репрессирован и А. А. Миллер, один из ведущих специалистов Академии, руководитель Северокавказской и Таманской экспедиций ГАИМК. В 1908–1921 гг. он работал в ГРМ и сохранял должность его хранителя, хотя и являлся постоянным

---

³⁴ После ареста С. И. Руденко его коллег по ГРМ информировали о том, что их начальник в прошлом обслуживал колониальные интересы крупной русской буржуазии, а ныне активно выступал против пролетарской идеологии, не пропуская в печать исследования, написанные с марксистско-ленинских позиций. Кроме того, С. И. Руденко якобы замалчивал позитивные сдвиги в жизни народов СССР, произошедшие после Октябрьской революции. Сущность вредительской деятельности ученого заключалась и в том, что он, получая из бюджетов Советских Автономных республик деньги для проведения научных работ, предоставлял затем «фальсифицированный или ненужный материал, ни в коей мере не помогающий и не облегчающий дело социалистического строительства в этих республиках» (АРЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 363, л. 1–4).

³⁵ И все же С. А. Теплоухов сумел в 1932 г. получить открытый лист на раскопки курганов в Киргизии, в районе озера Иссык-Куль (ф. 2, оп. 1, д. 117; ф. 42, д. 399). К сожалению, этот полевой сезон оказался для него последним.

³⁶ В 1957 г. С. И. Руденко был полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления (ф. 35, оп. 5, д. 262, л. 97).

³⁷ В 1956 г. постановление Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 2 апреля 1934 г. в отношении М. П. Грязнова отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления (ф. 35, оп. 5, д. 416, л. 106).

сотрудником РАИМК/ГАИМК.³⁸ Служба А. А. Миллера в ГРМ, вероятно, и послужила причиной его ареста, последовавшего 7 сентября 1933 г. А. А. Миллера осудили на пять лет лагерей, заменив заключение высылкой в Казахстан, где он и умер, по одним данным в Петропавловске, по другим – в Караганде, не позднее января 1935 г. (ф. 2, оп. 5, д. 213, л. 4 об., 20, 21; Платонова 2002; Решетов 2001).

В марте 1935 г. из Академии был изгнан Б. А. Латынин, археолог, открывший памятники древнеземледельческой культуры Ферганы в Средней Азии. Его обвинили в том, что он является антиобщественным и чуждым для ГАИМК элементом (ф. 2, оп. 3, д. 350, л. 44). Вскоре после увольнения Б. А. Латынина сослали в Куйбышев, а затем осудили и отправили в лагерь на Колыму.

Нараставший во второй половине 1930-х гг. вал репрессий деформировал сложившийся в ГАИМК уклад научной жизни, превратив любое публичное выступление сотрудника в экзамен на лояльность правящей партии.³⁹ Аресты руководителей Академии,⁴⁰ проведенные в 1936–1937 гг., дезорганизовали работу ее подразделений. Наиболее распространенными способами выживания в те годы стали несвойственное научному работнику умение держать язык за зубами и покаяние в совершенных ошибках. Реакцией ГАИМК на решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., давшего установку на повсеместное разоблачение врагов народа, стало собрание актива Академии, которое длилось в течение несколько апрельских дней. Резолюция собрания содержала резкие слова осуждения по адресу партийной организации ГАИМК, которая, проявив якобы политическую слепоту, беспечность и благодушие, позволила «шайке врагов народа <...> пробраться к руководству Академии и полновластно хозяйничать в ней в течение ряда лет» (ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 26, л. 12). Собрание обвинило репрессированное руководство Академии (Ф. В. Кипарисов, А. Г. Пригожин, С. Г. Томсинский, С. М. Дубровский, М. М. Цвибак) в искажении марксизма-ленинизма, в насаждении социологического схематизма, в ликвидации археологии и этнографии как науки, в развале издательского дела в Академии (Там же, л. 12, 13). Участники собрания обязались изжить все последствия вредительства в Академии и потребовали реорганизации ее структуры, а также укрепления Академии «руководящими научными работниками коммунистами» (Там же, л. 17, 18).

³⁸ О службе А. А. Миллера в ГРМ см. ниже.

³⁹ Самым весомым аргументом в научном споре стало хлесткое словцо, с помощью которого люди пытались обезопасить себя от политических обвинений. В качестве примера можно привести цитату из доклада одного из сотрудников ГАИМК: «отрицание возможности занятия саков оседлым земледелием является реакционным положением, основанным на идеалистически-фашистском тезисе о свойственности определенным племенам тех или иных способов производства, что в конечном счете ведет к установлению более одаренных и менее одаренных рас» (ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 49, л. 79, 80).

⁴⁰ Репрессии руководящего состава ГАИМК начались в сентябре 1936 г. арестом Ф. В. Кипарисова (ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 170; оп. 3, д. 171, л. 77; оп. 5, д. 144). С. Н. Быковский, занимавший несколько лет должность одного из заместителей председателя ГАИМК, был взят под стражу, являясь уже сотрудником Института антропологии и этнографии АН СССР, куда он перешел на службу, оставив работу в Академии не позже апреля 1934 г. (ф. 2, оп. 3, д. 96, л. 10, 12). В 1937 г. его расстреляли (Козлов 2004). Арест С. Н. Быковского, в прошлом научного руководителя аспиранта А. Н. Бернштама, поставил последнего в трудное положение. Уже защищенная им в 1935 г. кандидатская диссертация «Социально-экономический строй орхонско-енисейских тюрок VI–VIII вв. н. э.» (ф. 35, оп. 5, д. 10) была подвергнута дополнительной проверке комиссией во главе с В. И. Равдоникасом. Автор по настоянию комиссии внес в текст диссертации значительные исправления. За потерю классовой бдительности и в связи с делом С. Н. Быковского комсомольская организация ГАИМК вынесла А. Н. Бернштаму строгий выговор с предупреждением, а Народный Комиссариат РСФСР по Просвещению не спешил с утверждением его «в ученой степени кандидата исторических наук» (ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 108, л. 45, 47, 61).

С 1929 г. в стране ужесточаются требования к обучению аспирантов, одним из элементов которого стало формирование «идеологической выдержанности» молодых специалистов (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 77, л. 240). В резолюции Всероссийской конференции аспирантов подчеркнуто, что «необходимо раз и навсегда покончить с вреднейшим взглядом, пользующимся распространением в некоторой части мелкобуржуазной аспирантуры и морально поддерживаемом реакционной профессурой, будто марксистская подготовка является внешним по отношению к специальности политическим фильтром, за пределами которого только и начинается область точного научного исследования, обладающего своими методами, с марксизмом (за исключением общественных наук) ничего общего не имеющими. Необходимо всемерно подчеркнуть, что материалистическая диалектика, являющаяся всеобщей методологией познания и действия, должна получить конкретное применение в каждой отдельной области научного исследования, являясь в руках молодых специалистов, получивших общую марксистскую подготовку, единственным орудием пролетарского овладения каждой отдельной наукой изнутри и ее материалистического преобразования <...> Основная работа по руководству марксистской подготовкой аспирантов должна все более сосредотачиваться в Коммунистической Академии и ее отделах на местах» (ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 73, л. 52–54).

В Комиссию ГАИМК, рассматривающую вопрос о допуске кандидатов в аспиранты к испытаниям, стали включать представителя райкома ВКП(б) (Там же, д. 11, л. 10). На собрании аспирантской группы Академии, которое состоялось 26 ноября 1930 г., принята резолюция, объявившая использование марксизма-ленинизма в специальных дисциплинах ударной задачей начинающих исследователей. В связи с этим аспиранты считали «необходимым присоединиться к основному ядру марксистских сил Союза и поэтому коллективно вступить в Общество воинствующих материалистов-диалектиков, ячейку которого коллектив аспирантов в порядке ударной работы обязуется организовать при ГАИМК» (Там же).

В 1935 г., вскоре после убийства С. М. Кирова, из Академии было отчислено несколько аспирантов.⁴¹ В приказах по ГАИМК вначале указывалась истинная причина отчисления, по которой гражданин с точки зрения политической культуры того времени считался нелояльным государству: предоставление неверных сведений о социальном происхождении или чуждое социальное происхождение (сын кулака или эмигранта), служба в белой армии,⁴² связь или родство с приверженцами антисталинской оппозиции внутри ВКП(б),⁴³ политическая неблагонадежность, приведшая к исключению из ВЛКСМ или ВКП(б), сокрытие неблагоприятной характеристики, полученной при окончании института или университета. Другой причиной отчисления аспирантов являлась их якобы слабая политическая, методологическая и историческая подготовка, а также академическая пассивность, низкая успеваемость и общая неподготовленность для обучения в аспирантуре (ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 2, л. 33 об.–34, 36, 37 об.–38 об.). Таким образом, молодые

⁴¹ Справедливости ради следует отметить, что прием новых соискателей в аспирантуру ГАИМК не прекращался и в эти страшные годы. Так, в ноябре 1934 г. аспирантом Академии стал С. Н. Бибилов, в будущем один из наиболее известных исследователей древнеземледельческих памятников на территории нынешней Украины (ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 2, л. 22 об.).

⁴² К. В. Сальников, в будущем крупнейший исследователь древностей Волго-Уральского региона, создатель первой периодизации андроновской культуры, был отчислен из аспирантуры ГАИМК 10 августа 1935 г. за службу во время Гражданской войны в армии Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака (Там же, д. 2, л. 38).

⁴³ Роковую роль в судьбе некоторых аспирантов сыграло то обстоятельство, что они были подчинены по службе тем сотрудникам Академии, которые были арестованы по обвинению в принадлежности к оппозиции (Там же, л. 34).

исследователи, намеревавшиеся посвятить свою жизнь служению археологии, но имевшие, в соответствии с законами того времени, порочащее их прошлое, характеризовались как неумные люди, неспособные стать успешными учеными. Власть дискредитировала их и как лояльных граждан, и как специалистов-профессионалов.

При поступлении в аспирантуру основным испытанием становится экзамен по диалектическому материализму. Только при условии благополучного преодоления этого барьера претендент мог рассчитывать на успех.⁴⁴

В 1938 г. в составе ИИМК насчитывалось 9 секторов, в том числе Сектор дофеодальной Европы (эпоха бронзы и железа Восточной Европы), Сектор древнего Кавказа, Передней и Средней Азии, Сектор Сибири, Сектор Средней и Центральной Азии, Сектор средневекового Кавказа, Передней Азии и Причерноморья (ф. 312, оп. 1, д. 14, л. 7–10, 13–19).

В 1939 г., после того как директором ИИМК стал М. И. Артамонов (ф. 35, оп. 5, д. 10, л. 213 об.), Ученый совет Института провел укрупнение секторов, количество которых сократилось до шести. Среди них представлены Сектор бронзы и раннего железа (руководитель В. В. Гольмстен), Сектор Средней Азии и Сектор Кавказа (ф. 312, оп. 1, д. 58, л. 3). В 1940 г. Сектора Средней Азии и Кавказа были объединены в Сектор Центральной Азии (руководитель А. Ю. Якубовский) (Там же, д. 86, л. 2).

И все же, несмотря на тяжелейшие испытания, которые ГАИМК/ИИМК перенесла в 1930-е гг., она сумела сохранить основные научные направления и продолжала полевые изыскания, причем количество экспедиций ГАИМК/ИИМК, благодаря финансированию археологических работ из бюджета новостроек, существенно возросло.

В первой половине 1930-х гг. в СССР в соответствии с пятилетними планами развития экономики страны начинается возведение крупных объектов народного хозяйства. В связи с этим в Москве в 1931 г. была проведена конференция ГАИМК по планированию археолого-раскопочных работ, на которой с докладом «Проект инструкции к открытым листам» выступил А. А. Миллер. По итогам работ этого научного форума была принята резолюция, акцентирующая внимание на том, что полевая деятельность археологов требует подчинения единому тщательно разработанному плану и максимальной концентрации всех людских ресурсов и материальных средств на его выполнение. План археологических работ должен быть увязан с планом капитального строительства в РСФСР (Алёшкин 1980: 46).

В районах сооружения промышленных предприятий, гидроэлектростанций, железных и шоссейных дорог могли находиться археологические памятники, которым угрожала опасность уничтожения. В те годы многие стройки были в ведении Главного Управления лагерей ОГПУ (ГУЛАГ), которое обеспечивало подневольной рабочей силой сооружаемые объекты. Поэтому ГАИМК была вынуждена вступить в переговоры с руководством ГУЛАГ по вопросам организации археологических раскопок в некоторых зонах строительства.

25 февраля 1933 г. Академия отправила письмо на имя начальника ГУЛАГ М. Д. Бермана, в котором предложила «в целях уточнения плана работ ГАИМК на новостройках и включения в него строительства, ведущегося Управлением лагерями, заключить Генеральный договор на организацию и проведение таковых работ между Управлением

---

⁴⁴ В этом можно убедиться, читая решения Комиссии ГАИМК по приему аспирантов: «ходатайствовать о зачислении, принимая во внимание отличную оценку по диамату, вполне удовлетворительные знания по специальности и качество представленной работы»; зачислить в связи с удовлетворительными оценками во всех испытаниях, несмотря на «не вполне достаточное знание всеобщей истории»; отклонить кандидатуру, «принимая во внимание совершенно неудовлетворительные знания по диамату и качество представленной работы» (ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 9, л. 65).

и ГАИМК. При этом Управление лагерями могло бы обеспечить материальную базу для научных работников Академии, занятых в обслуживании новостроек по линии Управления лагерей, соответствующую тем условиям, в которых работают у Вас специалисты». Переговоры с ГУЛАГ по этому вопросу вел один из заместителей председателя Академии А. Г. Пригожин. 15 апреля того же года ГАИМК заключила с ГУЛАГ годичный договор «на организацию и проведение работ по учету, охране и изучению памятников истории материальной культуры, искусства и истории революции в зонах работ ГУЛАГ» (ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 61, л. 32, 33, 38, 41, 42). Трудно предположить, чтобы руководство Академии не отдавало себе отчета о том, в каких условиях ее сотрудники будут находиться на стройках, контролируемых ГУЛАГ, и с каким контингентом рабочей силы они там столкнутся.

Одной из первых экспедиций ГАИМК, которая летом 1933 г. провела археологические исследования в соответствии с заключенным договором, явилась экспедиция под руководством К. Г. Болтенко. Она была направлена на головной участок Байкало-Амурской магистрали, строительством которой ведал ГУЛАГ. Базовым лагерем экспедиции стал небольшой городок в Дальневосточном крае, носивший по иронии судьбы имя Свободный. Здесь участники экспедиции должны были получить картографические материалы и необходимые разъяснения. Помимо раскопок членам экспедиции было также предписано вести «культурно-просветительскую деятельность среди сотрудников строительства в делах своей компетенции и согласно указаниям БАМЛАГ» (Там же, д. 61, л. 12, 13–13 об.). Последнее фактически означало, что археологи Академии в местах проведения раскопок попадали под контроль сотрудников ОГПУ.

Однако в следующем 1934 г. руководство ГУЛАГ уклонилось от продления договора с ГАИМК, мотивировав свой отказ тем, что оно не может предложить Академии новые памятники для раскопок (ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 138, л. 4, 6). Возможно, что начальникам лагерей не нужны были лишние свидетели того, в каких условиях содержатся заключенные в местах лишения свободы. Впрочем, руководство ГУЛАГ не исключало возможности возобновления сотрудничества с Академией при обнаружении новых интересных для археологов объектов (Там же).

Наиболее активно сотрудники Академии изучали археологические памятники на юге европейской части РСФСР. В 1930 г. Северокавказская экспедиция А. А. Миллера исследовала погребения бронзового века в районе Нальчика и одновременно занималась поисками поселений эпохи бронзы в районе Пятигорска (ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 1, л. 38–38 об.; д. 772, л. 7). В 1932 и 1933 гг. экспедиция раскапывала археологические памятники в Кабардино-Балкарии, в частности энеолитическое поселение Агубеково и поселение эпохи ранней бронзы Долинское (ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 113, л. 6, 18, 19; 1933 г., д. 239, л. 105). Отдельный отряд экспедиции, возглавляемый А. А. Иессеном, в 1933 г. провел разведки в горных районах северного Кавказа (ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 260).

С 1930 г. А. А. Миллер возглавил еще одну экспедицию ГАИМК, Таманскую, которая выявила в западной части Таманского п-ова свыше 60 городищ и поселений, относящихся к различным эпохам. На Таманском и Фанагорийском городищах были сделаны разрезы для изучения стратиграфии. В 1931 г. экспедиция приступила к изучению верхних отложений Таманского городища, датирующихся эпохой средневековья. В этом же полевом сезоне исследовали расположенный вблизи Тамани могильник с захоронениями античного и средневекового времени. В работах экспедиции принимали участие многие известные археологи: М. И. Артамонов, Г. В. Григорьев, А. А. Иессен, А. Н. Карасёв, А. П. Круглов, О. О. Крюгер, Е. И. Леви, А. П. Манцевич, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий, В. И. Равдоникас, Н. И. Репников (ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 118, л. 31, 37, 43, 47, 68; 1931 г., д. 777, л. 15 об., 28, 31–33, 35–38, 54, 128–130).

Со временем ученики А. А. Миллера сами стали возглавлять экспедиции. В 1932 г. под началом М. И. Артамонова (рис. 33, 3) была проведена Донская экспедиция ГАИМК, изучавшая поселение эпохи поздней бронзы у хут. Ляпичева (ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 110, л. 3, 15). На следующий год М. И. Артамонов руководил уже Манычской экспедицией, которая исследовала четыре кургана в районе строительства плотины у хут. Весёлого, находящегося на трассе Манычского канала. В результате этих раскопок были обнаружены погребения бронзового и железного веков (ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 115, л. 1, 4, 10, 12, 13; д. 222, л. 1). В 1934 г. Манычскую экспедицию возглавила В. В. Гольмстен, под руководством которой раскапывали поселение эпохи бронзы у хут. Весёлого (ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 191, л. 42, 76). В 1935 г. к руководству экспедиции вернулся М. И. Артамонов и исследовал здесь два больших кургана с погребениями эпохи бронзы (ф. 2, оп. 1, 1935 г., д. 131, л. 35).

В 1934 г. были возобновлены работы по выявлению, учету и предварительному изучению археологических памятников в зоне проектируемого Волго-Донского канала. Для выполнения этих работ ГАИМК организовала Волго-Донскую экспедицию (начальник М. И. Артамонов) в составе трех отрядов, руководителями которых были назначены Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий (рис. 33, б) и М. А. Миллер (г. Ростов), брат репрессированного А. А. Миллера. Сотрудники двух первых отрядов занимались в основном разведками и выявили многочисленные археологические памятники от неолита до эпохи средневековья. М. А. Миллер, руководивший третьим отрядом, раскопал несколько курганов эпохи бронзы (ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 186, л. 48, 50–126; д. 402).

А. А. Иессен осенью 1933 г. провел разведки в долине р. Сулак (Дагестан), в зоне строительства Черкейской гидроэлектростанции, где ему удалось обнаружить множество курганных могильников (ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 96, л. 1, 22, 27). В следующем году он провел разведки и охранные раскопки в зоне строительства гидроэлектростанции на р. Баксан в Кабардино-Балкарии (ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 211, л. 32; д. 298, л. 1).

В 1935 г. была организована Терская экспедиция под началом А. П. Круглова (рис. 33, 5), который по договору с Гидроэлектропроектом провел разведки в долине р. Терек. В ходе работ экспедиции были осмотрены средневековые церкви, поселения, башни, склепы и каменные ящики. На Дарьяльском укреплении (IX–X вв.) произведены небольшие раскопки (ф. 2, оп. 1, 1935 г., д. 10, л. 3–7; д. 96). В следующем году А. П. Круглов возглавил Чечено-Ингушскую экспедицию, которая также занималась археологическими разведками (ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 256).

М. А. Миллер в 1935 г. и Б. Б. Пиотровский в 1936 г. раскапывали у г. Моздок разрушающееся поселение середины I тыс. до н. э. и курганный могильник с захоронениями, датирующимися от эпохи бронзы до раннего средневековья (ф. 2, оп. 1, 1935 г., д. 117, л. 185, 186, 197; д. 263).

В 1937 г. возобновились работы Северокавказской экспедиции. Ее руководителем стал М. И. Артамонов. В течение трех полевых сезонов три отряда этой экспедиции (начальники А. П. Круглов, А. В. Мачинский, Г. В. Подгаецкий) проводили исследования могильников эпохи поздней бронзы в Дагестане (у села Гогатль) и Чечено-Ингушетии (у села Хорочой). Кроме того, экспедиция раскапывала могильник VI–V вв. у села Исти-Су (Чечня) и городища первых веков нашей эры в долине р. Сунжа (ф. 35, оп. 5, д. 416, л. 35; Гурина, Крижевская 1939: 27–29; Археологические экспедиции... 1962: 111, 112).

В 1940 г., спустя 16 лет после того как Б. Л. Богаевский пытался организовать на Украине раскопки трипольских памятников, в ИИМК была создана Днестровская экспедиция (начальник С. Н. Бибиков), целью которой являлось открытие новых поселений трипольской культуры в бассейне Днестра и выбор одного из них для стационарных раскопок (Археологические экспедиции... 1962: 124).

Некоторые сотрудники ИИМК работали на территории Грузии и Армении. Речь идет о раскопках А. А. Иессена и Б. Б. Пиотровского. В 1935 г. Сухумская экспедиция во главе с И. И. Иессеном обследовала памятники в зоне строительства Сухумской ГЭС, включая дольмены на оз. Амткел и поселения эпохи энеолита и бронзы около Очемчири (Там же: 98, 99). В 1938 г. он руководил работами Колхидской экспедиции, которая проводила разведки от низовьев р. Ингури до г. Самтреди. Стационарные работы были начаты на поселении Наохваму, где были вскрыты слои эпохи бронзы и раннего железного века (Там же: 120).

В 1930 г. Б. Б. Пиотровский проводил в Армении археологические разведки (ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 129, л. 4). Спустя девять лет он возглавил экспедицию, которая при поддержке Государственного Эрмитажа и археологических учреждений Армении в 1939–1941 гг. исследовала урартскую цитадель VII в. до н. э. на холме Кармир-Блур, на северо-западной окраине г. Еревана. В результате этих раскопок были найдены первые бронзовые изделия с надписями и именами урартских царей (Археологические экспедиции... 1962: 121, 122).

Постепенно увеличивалось количество экспедиций, которые ГАИМК направляла для изучения археологических памятников Средней Азии. В 1930 г. Б. Л. Богаевский, заведующий Разрядом древних культур Средиземноморья, написал докладную записку о необходимости археологического исследования русского Туркестана и Ферганы, в связи с наличием там древних поселений с расписной керамикой, которую можно было бы сравнить с аналогичной керамикой Юго-Восточной Европы (ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 1, л. 487–489). К сожалению, на этом документе не проставлена дата, но, очевидно, Ферганская экспедиция, состоявшаяся в том же году под руководством сотрудника ГАИМК Б. А. Латынина совместно с Сектором науки Узбекистана и Среднеазиатским музеем истории и истории революции (Там же, д. 180), являлась практическим воплощением идей, изложенных в записке Б. Л. Богаевского. Эти работы носили в основном разведочный характер (Латынин 1931: 39).

В 1933 г. Б. А. Латынин возобновил археологические исследования Ферганы, причем на этот раз его экспедицию финансировали из средств, предназначенных для строительства гидростанции на р. Нарын. Исследователь сосредоточил свои работы в восточной части Ферганской долины, в междуречье рек Нарын и Кара-Дарья (территория нынешнего Узбекистана). Наиболее важное открытие Б. А. Латынин сделал возле кишлака Эйлатан, где им была обнаружена расписная керамика архаичного, по его мнению, облика (ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 95, л. 54; д. 224, л. 19, 20, 24, 31; оп. 3, д. 350, л. 14, 18). В следующем году Б. А. Латынин по договору с САЗГИПРОВОДОМ произвел небольшие раскопки городища Шаари-Хайбер, расположенного у кишлака Эйлатан. Он выделил здесь три культурных слоя и нашел аналогичную глиняную посуду (ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 219, л. 1, 2; д. 220, л. 42, 57). Ныне этот керамический комплекс, получивший название эйлатанского, относят к VI–III вв. до н. э.

В 1934–1935 гг. Г. В. Григорьев⁴⁵ обследовал Ташкентский оазис (Чач) на средства Узбекского комитета по охране памятников старины. Он начал раскопки поселения Кунчи-тепе и зафиксировал расположенные возле него курганные могильники, к изучению которых II Узбекстанская экспедиция приступила в 1937–1938 гг. (Гурина, Крижевская 1939: 34; Якубовский 1940: 22). Анализируя поселенческие материалы, Г. В. Григорьев

---

⁴⁵ Уроженец г. Самарканда Г. В. Григорьев в конце 1932 г. был вынужден по болезни оставить ГАИМК и пройти курс лечения в Узбекистане в 1933 и 1934 гг. Находясь в Средней Азии, он «в порядке любительства, а затем работая от Узкомстариса, обследовал памятники старины Ташкентского оазиса» (ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 110, л. 67). Впоследствии исследователь вернулся к работе в ГАИМК.

выделил в Чаче каунчинскую культуру конца II тыс. до н. э.—III в. до н. э. (ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 49, л. 75, 76; д. 78, л. 79). Курганные могильники вблизи Каунчи-тепе Г. В. Григорьев считал кочевническими и датировал их I—III вв. н. э. Дальнейшие исследования показали, что эти даты неверны. В настоящее время каунчинская культура датируется от II в. до н. э. до первой половины VI в. н. э.

Учитывая значение полевых исследований в Средней Азии для изучения систем древнейшей ирригации, в 1935 г. при Академии была создана Среднеазиатская комиссия, которая должна была координировать действия ГАИМК и соответствующих органов национальных республик с целью раскопок археологических памятников в «районах ударных ирригационных работ» (Там же, д. 49, л. 81–81 об.). Среднеазиатская комиссия организовала 20–23 марта 1936 г. XVI пленум ГАИМК, посвященный проблемам истории Средней Азии. На нем выступили с докладами А. Ю. Якубовский, А. Н. Бернштам (рис. 34, 1, 2), Г. В. Григорьев и А. М. Беленицкий (ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 46, л. 52; д. 107, л. 24).⁴⁶ Кроме того, в 1935 г. в Ленинграде было проведено I Совещание по проблемам археологии Средней Азии (Алёкшин 1980: 50).

В развитие идеи о координации археологических исследований в Средней Азии в ноябре 1936 г. Среднеазиатская комиссия заслушала сообщение заведующего Сектором истории материальной культуры Института истории при Центральном исполнительном комитете Туркменской ССР А. А. Марущенко о планируемых работах Сектора на 1937 г. (ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 49, л. 95–95 об., 97).

В 1938–1940 гг. Г. В. Григорьев совместно с Самаркандским музеем исследовал поселение Тали-Барзу, расположенное вблизи Самарканда (Самаркандская экспедиция). В результате раскопок он установил стратиграфию этого городища, центр которого занимала цитадель. Возле Тали-Барзу были найдены водохранилища и древняя система орошения (Гурина, Крижевская 1939: 34). В 1939 г. Г. В. Григорьев продолжил раскопки Тали-Барзу, будучи начальником отряда Зеравшанской экспедиции ИИМК и ГЭ (Якубовский 1940а: 51, 52). Последовательность культурных напластований, выявленная Г. В. Григорьевым на Тали-Барзу, стала эталонной для поселений Согда и сохранила свое значение до сегодняшнего времени, хотя предложенные им даты различных слоев оказались ошибочными. В настоящее время этот памятник датируют концом III–VIII вв. н. э.

В 1939 г. в Узбекистане работала Зеравшанская экспедиция ИИМК и ГЭ. Начальник экспедиции А. Ю. Якубовский руководил обследованием городища Пайкенд в Бухарской области. Кроме разведок и сбора подъемного материала был снят подробный план памятника и заложены два шурфа: в шахристане и на цитадели. На поверхности городища были найдены кушанские, сасанидские, согдийские, саманидские, караханидские и тимуридские монеты (Там же: 48–51).

В 1938–1940 гг. А. Н. Бернштам при поддержке Комитета наук Киргизской ССР провел разведки в Киргизии по верхнему течению р. Талас и по р. Чу (Семиреченская экспедиция). В результате этих обследований ему удалось обнаружить руины четырех средневековых городов, среди которых прежде всего следует назвать такие городища, как Красная Речка и Ак-Бешим, площадь которых превышает 30 га. Основные раскопки были сосредоточены на первом памятнике, тогда как работы на втором носили чисто разведочный характер. Исследование городища Красная Речка дало материалы, свидетельствующие о согдийском культурном влиянии на Семиречье (Бернштам 1940: 47, 48). Кроме того, А. Н. Бернштам начал раскопки знаменитого Кенкольского могильника с катакомбным обрядом погребения, датирующегося первыми веками нашей эры (Гурина, Крижевская 1939: 33). Продолжение этих работ привело к сенсационным находкам. Кроме богатого

⁴⁶ В марте 1936 г. А. М. Беленицкий еще не являлся сотрудником ГАИМК.

сопроводительного инвентаря в некоторых захоронениях сохранились одежды усопших: кожаные штаны и сапоги, шелковые рубаха и халат. Шелк китайского производства был изготовлен в эпоху империи Хань. А. Н. Бернштам полагал, что Кенкольский могильник оставлен народом сюнну (Бернштам 1940: 45, 46). Однако вопрос об этнической принадлежности людей, погребенных в Кенкольском могильнике (I–V вв. н. э.), до сих пор остается открытым.

В 1936, 1938–1940 гг. Казахстанская экспедиция под руководством А. Н. Бернштама изучала руины средневекового г. Тараза на юге Казахстана. Полевые работы, которым оказал содействие Казахский филиал АН СССР, позволили выявить стратиграфию культурных напластований памятника от V до XIX в. н. э. В результате раскопок были исследованы остатки жилых построек X–XII вв. с богатыми бытовыми находками, а также восточные ворота, южная стена, водопровод и бани с фресковой росписью. Кроме того, экспедиция исследовала древние курганы (ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 392; Гурина, Крижевская 1939: 31). В 1939 г. А. Н. Бернштам начал изучение могильника Берккара на юге Казахстана. Исследователь раскопал здесь свыше 30 курганов, относящихся к так называемому сако-усуньскому периоду (III–I вв. до н. э.). Экспедиция провела также полевые обследования в Алма-Атинской области, в ходе которых обнаружила руины средневекового города Кыялыка (Бернштам 1940: 43, 44; Археологические экспедиции... 1962: 107, 108).

В 1941 г. в зоне строительства Большого Чуйского канала (Киргизия) проводила спасательные работы Чуйская экспедиция под началом А. Н. Бернштама (Археологические экспедиции... 1962: 126).

В 1935 г. Казахстанская экспедиция ГАИМК в составе А. А. Иессена и С. С. Черникова по договору с Союзникельоворазведкой исследовала древние выработки меди, олова и золота в Восточном Казахстане, в верховьях Иртыша (ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 2, л. 49; 1935, д. 117, л. 107, 108; д. 153, л. 7; д. 164, л. 1). В 1937 и 1938 гг. работы в этом районе Казахстана продолжил С. С. Черников в составе Джеламбетской партии Главзолоторазведки. Он обследовал древние разработки меди, в которых найдено большое количество каменных орудий (молоты, кайлы, песты, ступы для растирания руды). Выработки относились к концу II–началу I тыс. до н. э. (Гурина, Крижевская 1939: 31, 32; Археологические экспедиции... 1962: 99).

Аресты ленинградских специалистов в области археологии Сибири, которые случились в начале 1930-х гг., привели к почти полному прекращению экспедиционной деятельности ИИМК в этом регионе. Лишь в 1939 г. М. П. Грязнов (Алтайская экспедиция) раскопал в Канской степи несколько курганов эпохи ранних кочевников и тюркского времени (Там же: 122). Следует упомянуть также работы Г. В. Подгаецкого на Южном Урале. Возглавляемая им Орская экспедиция в 1936 г. исследовала Ново-Аккерманский могильник андроновской культуры (ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 169, л. 42 об.).

Оценивая экспедиционные работы ГАИМК/ИИМК предвоенного времени, следует признать, что основные достижения в этой области связаны с именем А. А. Миллера, который на протяжении 10 лет (1924–1933 гг.) руководил обширными полевыми изысканиями на юге РСФСР. Его экспедиция являлась по сути дела единственным масштабным проектом ГАИМК, благодаря которому наряду со стационарными раскопками были обнаружены и зарегистрированы сотни новых археологических памятников. В результате работ Северокавказской, Волго-Донской и Таманской экспедиций была установлена культурная и хронологическая периодизация древностей южнорусских степей и предгорий Северного Кавказа от эпохи бронзы до средневековья. В экспедициях А. А. Миллера совершенствовали свое профессиональное мастерство такие известные в будущем археологи, как М. И. Артамонов, А. А. Иессен, Б. Б. Пиотровский, а также Г. В. Григорьев, А. П. Круглов, А. В. Мачинский, Г. В. Подгаецкий и Е. Ю. Кричевский, жизни которых

оборвались во время Великой Отечественной войны. Сейчас уже невозможно установить, в какой мере эти исследователи считали А. А. Миллера своим учителем, но работа под его началом на протяжении ряда лет не могла не повлиять на формирование их как специалистов. Таким образом, можно сказать, что благодаря своей энергии и целеустремленности А. А. Миллер создал в ГАИМК археологический центр по изучению древних культур юга европейской части СССР, традиции которого были затем подхвачены молодыми исследователями, работавшими бок о бок с этим незаурядным ученым.

А. А. Миллер был по образованию профессиональным военным.⁴⁷ В 1900 г. он оставил службу в армии и уехал в Париж, где продолжил образование в Высшей школе социальных наук и в Антропологической школе. В 1905 г. А. А. Миллер вернулся на родину и с 1907 г. начал научные исследования по поручению ИАК. С декабря 1908 г. А. А. Миллер работал хранителем этнографического отдела ГРМ и в 1910 г. был командирован им в Скандинавские страны, а также в Австро-Венгрию, Англию, Германию и Францию для изучения музейного дела. В 1918 г. А. А. Миллер стал директором ГРМ и оставался им до мая 1921 г., являясь одновременно членом РГАК. В 1919 г. он возглавил Разряд палеоэтнологии в РАИМК, а затем и Этнологическое отделение РАИМК/ГАИМК. Таким образом, к началу 1920-х гг. он имел большой опыт научной и административной работы, что позволило ему добиться успехов в организации масштабных, по меркам того времени, экспедиций. Работая в главном археологическом учреждении страны, А. А. Миллер в 1923–1926 гг. сохранял должность хранителя в этнографическом отделе ГРМ. В 1927 г. он стал профессором ЛГУ (ф. 2, оп. 3, д. 430, л. 7; оп. 5, д. 213, л. 1 об., 2 об., 3 об.; РА ГРМ, ф. I, оп. 10, д. 452, л. 5, 14; д. 396, л. 52).

Огромное значение для археологии Сибири имели полевые исследования С. А. Теплоухова. Окончив в 1914 г. естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета, он работал в Томском университете (1919–1922 гг.). Именно здесь зародился его интерес к древностям Сибири. Перебравшись в Петроград он преподавал в ПГУ/ЛГУ с 1922 по 1929 г., С. А. Теплоухов одновременно работал в этнографическом отделе ГРМ и в РАИМК/ГАИМК (ф. 2, оп. 3, д. 644, л. 1–1 об.; РА ГРМ, ф. I, оп. 10, д. 452, л. 3, 27, 32, 33–33 об.). Благодаря своим изысканиям 1920-х гг. в Красноярском крае и Туве он создал периодизацию археологических культур Южной Сибири эпохи энеолита–железного века, которая до сих пор не утратила своей актуальности.

Раскопки I Пазырыкского кургана позволили получить принципиально новую информацию о культуре ранних кочевников Сибири и социальной дифференциации их обществ. Курган был исследован Алтайской экспедицией под руководством С. И. Руденко. Этот талантливый исследователь окончил в 1910 г. географическую группу естественного отделения физико-математического факультета ИСПБУ. В 1917 г. он стал доцентом Новороссийского университета, а в 1919 г. перешел на преподавательскую работу в Томский университет, где в 1920 г. был избран деканом физико-математического факультета. Переехав в Петроград, С. И. Руденко занимался научной работой в этнографическом отделе ГРМ и в РАИМК. С 1922 по 1927 г. он занимал должности заведующего этнографическим отделом и заместителя директора ГРМ (РА ГРМ, ф. I, оп. 10, д. 396, л. 6, 54а, 86, 87).

Для археологии Средней Азии и Казахстана большое значение имели полевые маршруты А. Н. Бернштама (рис. 34, 1, 2) который обследовал раннесредневековые городища и раскапывал курганные могильники железного века на территории Киргизии и Казахстана.

---

⁴⁷ В 1886–1896 гг. он закончил кадетский корпус в Новочеркасске и Николаевское инженерное училище в Санкт-Петербурге (ф. 2, оп. 3, д. 430, л. 2; оп. 5, д. 213, л. 1 об.).

А. Н. Бернштам во многих случаях был ученым-первопроходцем. Его экспедиции, как правило, работали в тех местах, куда еще не ступала нога археолога. Одним из первых он приступил и к изучению средневековых буддийских памятников в Средней Азии на территории Киргизии, сделав вывод о мощном влиянии на Семиречье буддийской культуры Синьцзяна, Китая и Северной Индии. Однако основные научные интересы А. Н. Бернштама были направлены на раскопки археологических памятников гуннов, поскольку он полагал, что истоки этногенеза тюркских народов восходят к гуннскому периоду. По его мнению, гунны сыграли важную роль в истории древней Средней Азии. Особое внимание исследователь уделял социальным проблемам гуннского общества и характеру его взаимоотношений с земледельцами, населявшими территории нынешних Ферганской долины и Синьцзян-Уйгурского автономного района в Китае (Алёшкин 2010: 14, 15).

На фоне больших успехов в области полевой археологии удивляет малочисленность фундаментальных публикаций сотрудников РАИМК/ГАИМК/ИИМК 1920–1930-х гг., причем не только монографий, но и развернутых отчетов о раскопках. В литературе высказано мнение о том, что причиной этого стала боязнь обвинения в протаскивании на страницах археологических книг идей, чуждых марксизму (Платонова 1999: 468). Отчасти это верно, но только отчасти. К началу деятельности РАИМК территория страны, несмотря на всю важность работ ИАК, в археологическом отношении представляла собой сплошное белое пятно. Перед экспедициями Академии стояла задача первичного накопления артефактов с целью их последующего осмысления. Очевидно, что обобщающие работы могли быть написаны только по прошествии нескольких полевых сезонов и ожидать их выхода в свет следовало не ранее первой половины 1940-х гг., но этому помешала война.

В пользу именно такой точки зрения свидетельствует тот факт, что лишь в 1941 г. были частично опубликованы результаты раскопок Северокавказской экспедиции ГАИМК в Кабардино-Балкарии (Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / МИА. 1941. № 3). Авторы сборника, ученики А. А. Миллера (Б. Е. Деген-Ковалевский [рис. 33, 4], А. А. Иессен, Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий), не побоялись акцентировать внимание на том, что экспедицией, которая поставила перед собой задачи исследования древних поселений и могильников на юге РСФСР, а также комплексного изучения ранних культур в тесной увязке археологических, этнографических и иных источников, руководил профессор А. А. Миллер. Изданный сборник представляет собой публикацию добытых материалов, в том числе Нальчикского могильника и Долинского поселения. Основным достижением Северокавказской экспедиции, судя по этой книге, стало обоснование относительной хронологии раскопанных памятников. Годом ранее было издан обстоятельный отчет Г. В. Подгаецкого о его исследованиях могильника эпохи поздней бронзы на Южном Урале «Могильник эпохи бронзы близ г. Орск» (МИА. 1940. № 1. С. 69–82). Следует также упомянуть монографию А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого «Родовое общество степей Восточной Европы» (ИГАИМК. 1935. Вып. 119). В этой книге археологические материалы, полученные при раскопках поселений и могильников эпохи бронзы, анализируются с социологической точки зрения. Важное значение для археологии Кавказа имела книга А. А. Иессена и Б. Е. Деген-Ковалевского «Из истории древней металлургии Кавказа» (ИГАИМК. 1935. Вып. 120).

ИИМК АН СССР в 1941–1945 гг.

Во время Великой Отечественной войны экспедиционные работы ИИМК были практически свернуты. 12 июля 1941 г. Институт получил распоряжение готовиться к эвакуации имущества и сотрудников. Женщины, имевшие малолетних детей, были вскоре вывезены из города во время общегородской эвакуации детей и матерей. Некоторые археологи

Рис. 33. 1 – А. А. Миллер, 1920-е гг.; 2 – слева направо: С. А. Теплоухов, С. И. Руденко, М. П. Грязнов, Томск, 1922 г.; 3 – М. И. Аргамонов, 1931 г.; 4 – Б. Е. Деген-Ковалевский; 5 – А. П. Круглов; 6 – Г. В. Подгаецкий (4–6 – фото 1940 г.)

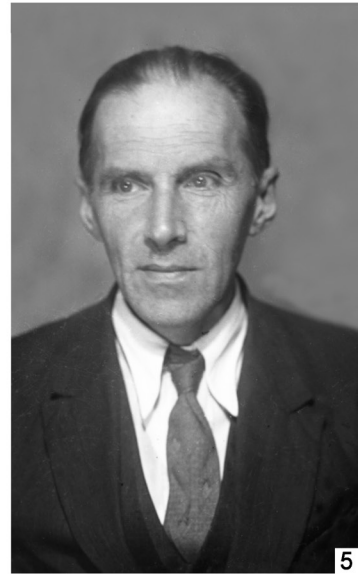
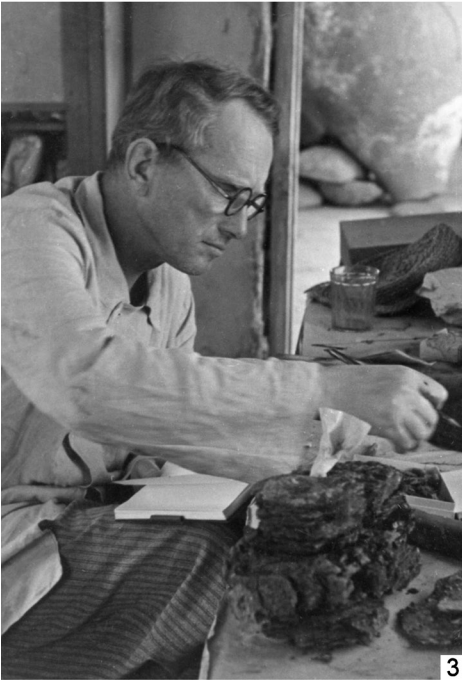

Рис. 34. 1 – А. Н. Бернштам, 1935 г.; 2 – А. Н. Бернштам (сидит, четвертый слева) на раскопках средневекового городища Луговое, Казахстанская экспедиция, Южный Казахстан, 1936 г.; 3 – Б. Б. Пиотровский, начало 1950-х гг. (Архив ГЭ, ф. академика Б. Б. Пиотровского); 4 – В. А. Крачковская, 1949 г.; 5 – А. А. Иессен, 1949 г.

Рис. 35. 1 – К. В. Тревер, 1932 г.; 2 – С. С. Черников, 1960-е гг.; 3 – В. П. Шилов, 1950-е гг.; 4 – А. Ю. Якубовский, 1953 г.; 5 – М. М. Дьяконов, конец 1940-х гг. (из семейного архива Е. М. Дьяконовой, дочери М. М. Дьяконова); 6 – А. М. Беленицкий, 1950 г.

Рис. 36. 1 – М. П. Грязнов, 1977 г.; 2 – слева направо: М. П. Грязнов, А. А. Гаврилова, М. Н. Комарова (супруга М. П. Грязнова), Новосибирская экспедиция, первая половина 1950-х гг.; 3 – А. А. Гаврилова, 1960-е гг.; 4 – А. М. Манделъштам, 1970-е гг.; 5 – А. Д. Грач, Саяно-Тувинская экспедиция, Саглы-Бажи, Тува, 1968 г.

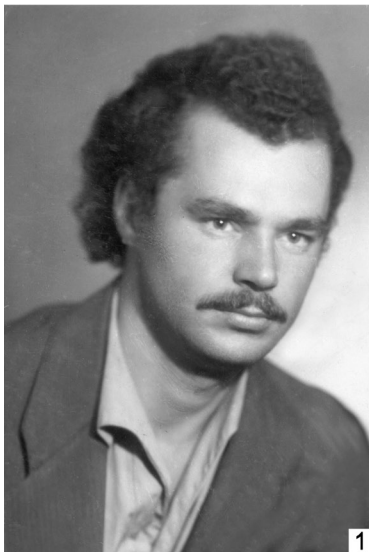

Рис. 37. 1 – Ю. И. Трифонов, 1965 г.; 2 – Г. В. Длужневская, 1978 г.; 3 – О. Г. Большаков, начало 1950-х гг.; 4 – И. Б. Бентович, 1965 г.; 5 – К. Х. Кушнарёва; 6 – Р. М. Джанполадян, конец 1960-х гг.; 7 – В. И. Распопова, 1973 г.

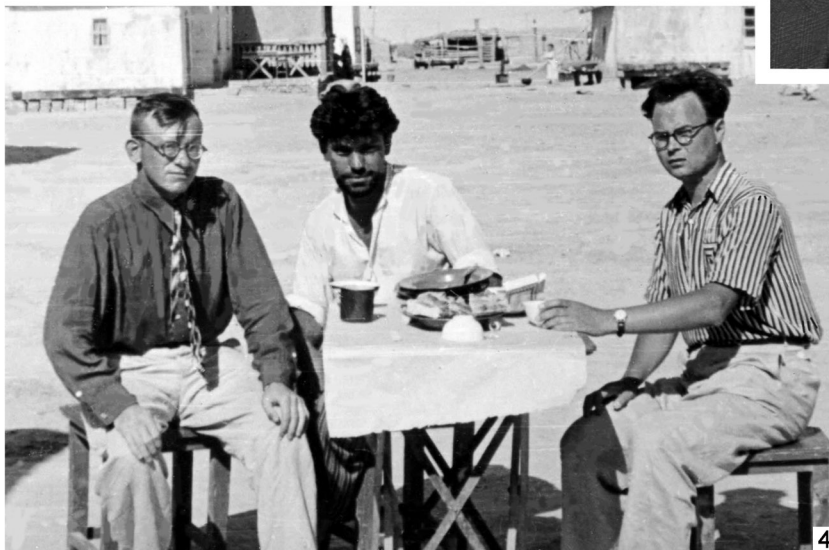
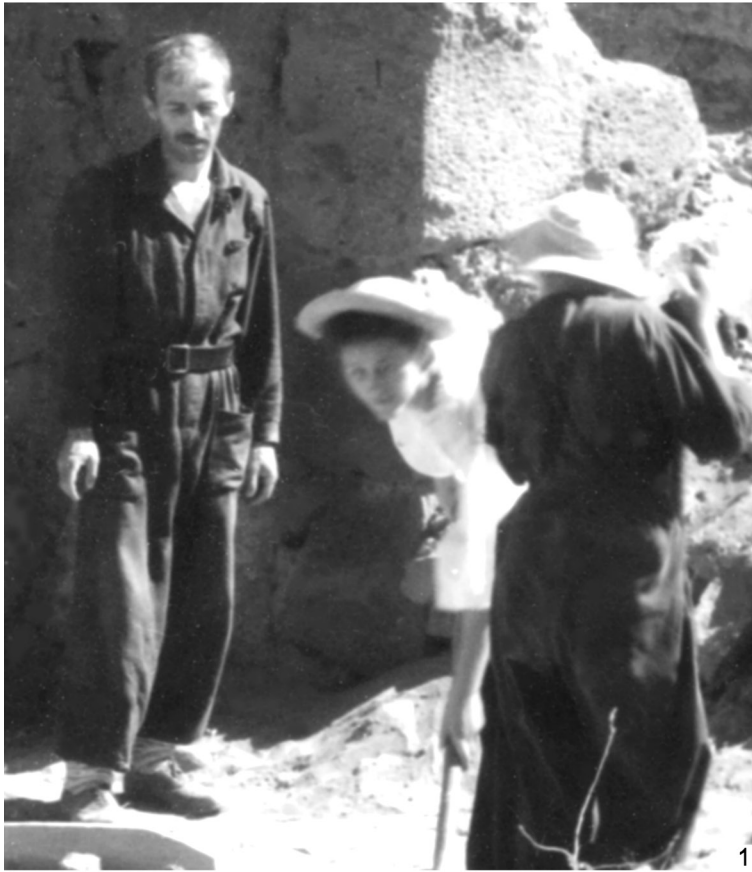

Рис. 38. 1 – В. С. Сорокин, Кармир-Блурская экспедиция, Армения, начало 1950-х гг. (Архив ГЭ, ф. академика Б. Б. Пиотровского); 2 – В. М. Массон, Алтын-депе, 1974 г.; 3 – И. Н. Хлопин, 1970-е гг.; 4 – слева направо: В. М. Массон, В. И. Сарияниди (ИА АН СССР), И. Н. Хлопин, Южная Туркмения, вторая половина 1950-х гг.; 5 – Ю. А. Заднепровский, 1970 г.

Рис. 39. Участники V Совещания по проблемам археологии Средней Азии, сидят слева направо: седьмой – В. М. Массон, девятый – Ю. А. Заднепровский, одиннадцатый – М. П. Грязнов, первая справа – И. Б. Бентович; стоят слева направо: второй – А. Я. Щетенко, пятый – А. Д. Грач, восьмой – А. М. Беленицкий, девятый – И. Н. Хлопин, шестнадцатый – С. С. Черников, третья справа – В. И. Располова. Ленинград, 6 апреля 1968 г.

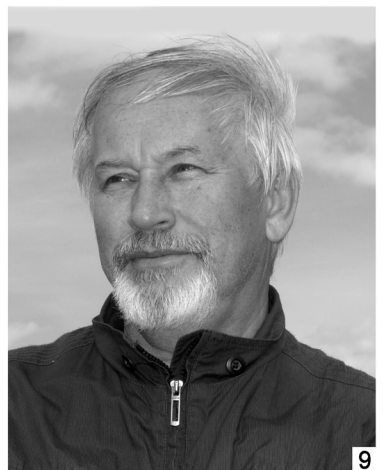
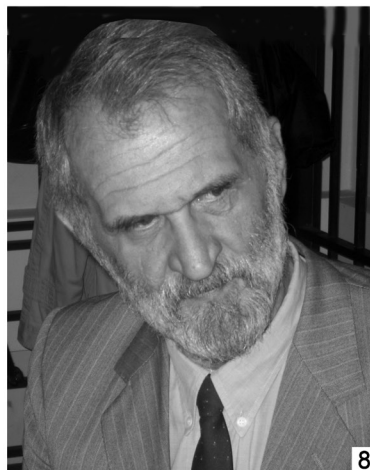

Рис. 40. 1 – Г. А. Максименков, 1970-е гг.; 2 – Э. Б. Вадецкая, 2002 г.; 3 – М. Н. Пшеницына, 1977 г.; 4 – Г. Н. Курочкин, 1985 г.; 5 – Д. Г. Савинов, 2002 г.; 6 – Н. А. Боковенко, 2004 г.; 7 – С. С. Миняев, 2009 г.; 8 – А. В. Субботин, 2007 г.; 9 – С. В. Красниенко, 2008 г.

Рис.41. 1–В.С.Бочкарёв,2009г.;2–Э.С.Шарафутдинова,1972г.;3–В.А.Трифонов,Западнокавказская экспедиция,2007 г.;4–А.Н.Мелентьев,1970-е гг.;5–А.Д.Резепкин,Майкопская экспедиция,2007 г.;6 – В. Я. Стёганцева, 1978 г.; 7 – М. Б. Рысин, Карачаево-Черкесия, 2003 г.; 8 – С. А. Асланян, Армения, 2005 г.

Рис. 42. 1 – В. М. Массон, начало 2000-х гг.; 2 – Ю. Е. Берёзкин, 2011 г.; 3 – Л. Б. Кирчо, 2007 г.; 4 – А. Я. Щетенко, около 1970 г.; 5 – В. А. Завьялов, 1985 г.; 6 – В. П. Никоноров (крайний слева), Э. В. Ртвеладзе (второй слева, ныне академик АН Республики Узбекистан), Д. Абдуллоев (крайний справа), Бактрийская экспедиция, Южный Узбекистан, 1988 г.

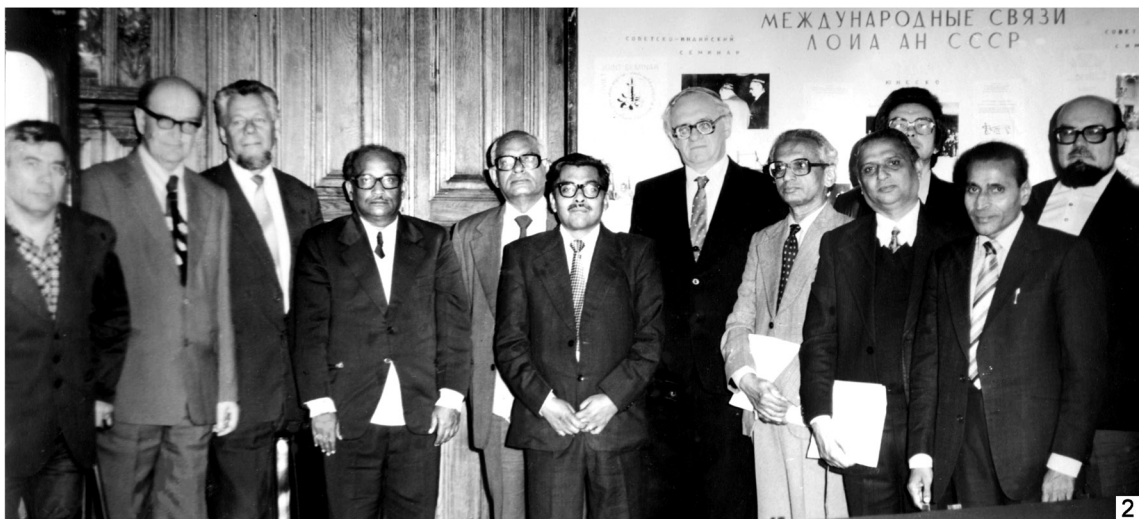

Рис. 43. 1 – участники II Советско-американского археологического симпозиума: стоят в первом ряду – В. И. Распопова (первая слева), во втором ряду – И. Н. Хлопин (первый слева), В. М. Массон (четвертый слева), в третьем ряду – В. А. Алёкшин (пятый слева), в последнем ряду – Л. Б. Кирчо (вторая слева), В. С. Бочкарёв (второй справа). Самарканд, Узбекистан, сентябрь 1983 г.; 2 – участники советско-индийского симпозиума по проблемам археологии раннего железного века Средней Азии и Индии: первый слева – В. А. Галибин, второй слева – П. И. Борисковский, третий слева – Ю. А. Заднепровский, седьмой слева – В. М. Массон, первый справа – А. Я. Щетенко, третий справа – В. А. Алёкшин. Ленинград, октябрь 1984 г.

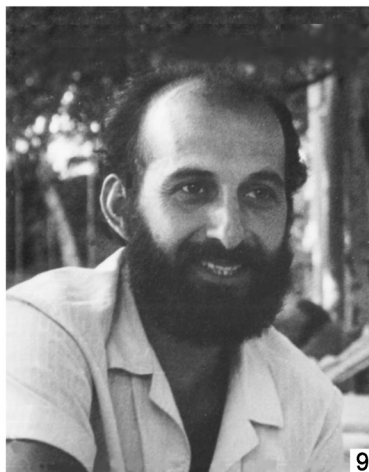
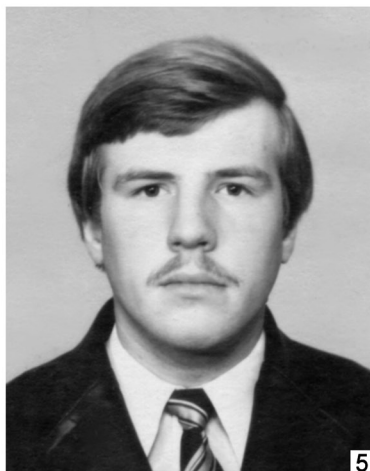

Рис. 44. 1 – М. Д. Хлобыстина; 2 – Л. И. Хлопина; 3 – В. А. Мешкерис; 4 – В. А. Алёшин, 2013 г.; 5 – А. Ю. Марегин, 1990 г.; 6 – Ю. Г. Кутимов, 2008 г.; 7 – М. Т. Кашуба, 2011 г.; 8 – В. И. Козлов, 1991 г.; 9 – Н. Ф. Саввонииди, 1990 г. (1–3 – фото 1970-х гг.)

Рис. 45. 1 – В. А. Семёнов, 2011 г.; 2 – Л. А. Соколова, Бейская экспедиция, 2007 г.; 3 – И. П. Лазаретов, 2006 г.; 4 – М. Е. Килуновская, 2012 г.; 5 – Н. Ю. Смирнов, 2012 г.; 6 – А. В. Поляков, 2006 г.

1

2

3

4

Рис. 46. 1 – А. М. Беленицкий на городище Пенджикент, Таджикистан, 1979 г.; 2 – М. П. Грязнов, справа – Е. Л. Немировская на раскопках кургана Аржан, Тува, 1973 г. 3 – А. Д. Резепкин на раскопках могильника Клады, Майкопский отряд Кубанской экспедиции, Краснодарский край, 1980 г.; 4 – С. С. Миняев на раскопках кургана Царам, Забайкальская экспедиция, Республика Бурятия, 2005 г.

Рис. 47. Каракумская экспедиция, Алтын-депе, Южный Туркменистан, октябрь 1978 г.: сидят во втором ряду – В. А. Алёшкин (третий справа), Л. Б. Кирчо (четвертая справа), Н. М. Ермолова (пятая справа), В. М. Массон (шестой справа), Г. Ф. Коробкова (седьмая справа); стоят – Ю. Е. Берёзкин (шестой слева), Н. Н. Скакун (девятая слева), В. А. Завьялов (седьмой справа)

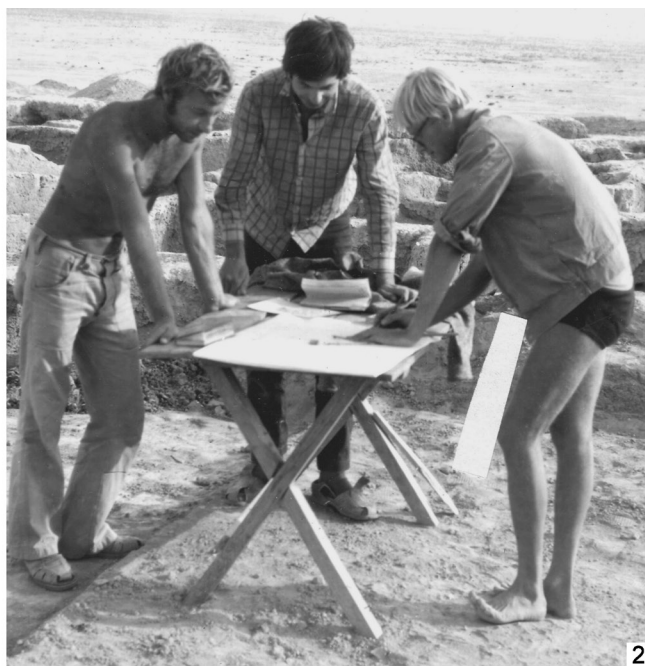

Рис. 48. 1 – Б. Б. Пиотровский на раскопках Кармир-Блура, находка бронзовых чаш с именами урартских царей, Кармир-Блурская экспедиция, Армения, 1949 г. (Архив ГЭ, ф. академика Б. Б. Пиотровского); 2 – В. А. Завьялов, В. А. Алёшкин и Ю. Е. Берёзкин снимают план раскопа 9 Алтын-депе, октябрь 1978 г.; 3 – В. М. Массон и Н. Ф. Соловьёва на раскопках Илгынлы-депе, Южный Туркменистан, 1997 г.; 4 – И. Н. Хлопин на раскопках могильника Сумбар II, на заднем плане Е. В. Бобровская, Сумбарская экспедиция, Юго-Западный Туркменистан, 1993 г.

(М. П. Грязнов, А. А. Иессен) эвакуировались вместе с Государственным Эрмитажем, который являлся их основным местом работы. А. Ю. Якубовский был откомандирован в Узбекский филиал АН СССР, А. Н. Бернштам – в Казахский филиал с проживанием в г. Фрунзе.

Мужчины, годные к строевой службе, были мобилизованы в РККА или пошли в Народное ополчение. Одни из них погибли на фронте (С. Н. Аносов, Г. В. Занкович, Ю. В. Калинин, В. В. Карачаровский, А. П. Круглов, Н. А. Прокошев, Н. Н. Чернягин, И. В. Щербаков), другие пропали без вести (А. В. Мачинский, М. З. Рабинович). Многие сотрудники умерли от голода и болезней в осажденном германскими войсками Ленинграде (Т. М. Архангельская, Б. Л. Богаевский, В. В. Гольмстен, Б. Е. Деген-Ковалевский, А. Ф. Добрынин, Г. В. Григорьев, Е. В. Ернштедт, С. А. Жебелёв, А. Н. Зограф, Е. Ю. Кричевский, Г. В. Подгаецкий, Е. А. Рыздзевская, Г. П. Сосновский, Н. П. Тихонов, Р. В. Шмидт) (ф. 312, оп. 1, д. 173, л. 1–4; д. 182, л. 3, 4). Двое сотрудников (Н. П. Бауер и Г. В. Григорьев) были репрессированы, вероятно, по причине их нелояльных высказываний, за которые в военную пору жестоко карали.

Несмотря на суровые условия блокады, научная жизнь в Институте не прекращалась до конца 1941 г. 20 сентября ученики А. А. Миллера защитили кандидатские диссертации (Г. В. Григорьев «Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда», А. П. Круглов «Северо-восточный Кавказ во II–I тыс. до н. э.»⁴⁸, Г. В. Подгаецкий «Предскифский период на среднем Дону»), 27 сентября кандидатскую диссертацию защитил Б. Е. Деген-Ковалевский («Курганы в Кабардинском парке г. Нальчик») (ф. 312, оп. 1, д. 173, л. 2, 3).

В ноябре 1941 г. самолетами из Ленинграда были вывезены возглавлявший тогда ИИМК М. И. Артамонов и некоторые другие сотрудники (Г. А. Бонч-Осмоловский, В. Ф. Гайдукевич, П. П. Ефименко, Т. Н. Книпович, В. В. Мавродин, В. А. Миханкова и Б. А. Романов). Руководство Институтом было возложено на академика С. А. Жебелёва. После его смерти, последовавшей 3 января 1942 г., Распорядительная комиссия ленинградских учреждений АН СССР назначила С. Н. Бибикува временно исполняющим обязанности директора ИИМК. Благодаря стараниям этого энергичного человека 9 и 19 февраля, а также 23 марта группу сотрудников Института, переживших в Ленинграде страшную блокадную зиму 1941/42 г., когда из окон домов, по выражению А. А. Ахматовой, глядела смерть, удалось эвакуировать из города по дороге, проложенной по льду Ладожского озера. В апреле из Ленинграда выехал Б. Б. Пиотровский, откомандированный в Институт истории АН Армянской ССР.

С апреля 1942 г. С. Н. Бибиков организовал в условиях окруженного Ленинграда работу трех секторов: палеолита и неолита (руководитель В. И. Равдоникас), античного мира (руководитель М. И. Максимова), Древней Руси и Восточной Европы (руководитель М. А. Тиханова). В июле и августе 1942 г. город покинули все сотрудники ИИМК, за исключением пяти человек во главе с О. И. Бич, оставшихся охранять здание Института (ф. 312, оп. 1, д. 173, л. 3–5, 7).

Отдавая должное заслугам С. Н. Бибикува, спасшего жизни своих коллег, члены Ученого совета ИИМК и старшие научные сотрудники Института обратились с письмом из далекой Елабуги в Президиум АН СССР. В этом документе, подписанном Л. А. Динцес, П. П. Ефименко, М. П. Максимовой, В. И. Равдоникасом и С. И. Руденко, говорится о том, что «С. Н. Бибикову в значительной мере принадлежит заслуга сохранения научных кадров Института и обеспечение его нормальной работы в условиях» ленинградской

⁴⁸ Эту работу сотрудники Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК смогли опубликовать спустя 13 лет после окончания войны (МИА. 1958. № 68. С. 7–146).

блокады. В письме отмечена также особая роль С. Н. Бибикова в организации эвакуации ИИМК (Там же, л. 25).

Эвакуированные из Ленинграда сотрудники ИИМК оказались в Елабуге (руководитель М. И. Артамонов) и в Ташкенте (руководитель Ю. А. Якубовский) (Тараканова 1947: 159). В Ташкенте осенью 1942 г. под руководством А. Ю. Якубовского был создан Сектор археологии Востока (ф. 312, оп. 1, д. 205, л. 22, 23). Он насчитывал 20 научных сотрудников, далеко не все из которых были специалистами в области среднеазиатской археологии. Тем не менее они сумели в 1943 и 1944 гг. провести раскопки под руководством В. Ф. Гайдукевича в зоне строительства Фархадской ГЭС (Фергана, территория древней области Уструшаны). Объектом исследования стало городище Мунчак-тепе, где были вскрыты постройки первых веков нашей эры и развитого средневековья. Вблизи Мунчак-тепе были открыты могильники, датирующиеся первыми веками нашей эры (ИИМК в дни ВОВ [1943] 1946: 155–157; Археологические экспедиции... 1962: 128).

В связи с тем, что сотрудники ИИМК оказались разбросанными по разным городам, его дирекцию, которую в 1943 г. возглавил академик Б. Д. Греков, для удобства управления Институтом перевели в Москву. Постановлением Президиума АН СССР от 8 февраля 1945 г. Ленинградскую часть ИИМК преобразовали в Ленинградское отделение ИИМК. После реэвакуации, которая заняла весну и лето 1945 г., в ЛОИИМК были созданы четыре сектора, в том числе Сектор бронзы и раннего железа (руководитель М. И. Артамонов) и Сектор Средней и Центральной Азии (руководитель чл.-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский). Следует отметить, что в это время С. И. Руденко работал в Секторе палеолита и неолита, М. П. Грязнов, А. А. Иессен (рис. 34, 5) и Б. Б. Пиотровский – в Секторе бронзы и раннего железа, А. Н. Бернштам, А. М. Беленицкий (рис. 35, 6), М. М. Дьяконов, И. Б. Бентович – в Секторе Средней и Центральной Азии (ф. 312, оп. 1, д. 236, л. 2, 3, 10, 13, 26, 27).

Археология Средней Азии, Кавказа, Сибири и южнорусских степей в ЛОИИМК АН СССР (1946–1951 гг.)

После окончания Великой Отечественной войны, во второй половине 1940-х–начале 1950-х гг., полевые исследования сотрудников ЛОИИМК развернулись во многих регионах страны.

На юге РСФСР работы носили довольно скромный характер. В 1950, 1951 гг. курганный отряд Волго-Донской экспедиции (начальник А. А. Иессен) раскапывал курганы у хут. Попова и у хут. Солёного. За два сезона было исследовано 11 курганов, в которых обнаружили 85 погребений от эпохи ранней бронзы до средневековья (Археологические экспедиции... 1962: 171). В 1950 г. А. А. Иессен руководил работами Кубанской экспедиции, которая обследовала памятники эпохи бронзы и раннего железного века в Краснодарском крае (Там же: 179).

Более масштабные раскопки были проведены на Украине, где в 1946–1948 и 1953 гг. в составе Среднеднестровской экспедиции работал Раннетрипольский отряд (начальник С. Н. Бибилов),⁴⁹ раскапывавший трипольское поселение Лука Врубелевецкая (Там же: 136).

В 1945 г. Б. Б. Пиотровский возобновил изучение урартского города Тейшебаини на холме Кармир-Блур в Армении (Тараканова 1947а: 166). В ходе многолетних изысканий на этом памятнике были выявлены контуры цитадели и расчищены помещения внутри ее.

⁴⁹ В 1951 г. С. Н. Бибилов раскапывал поселение Лука Врубелевецкая в составе Трипольской экспедиции ИИМК, которую возглавляла Т. С. Пасек (Археологические экспедиции... 1962: 146).

При раскопках были обнаружены клинописные документы из городского архива (Археологические экспедиции... 1962: 141).

Наиболее крупные экспедиции ЛОИИМК этого периода работали в Средней Азии. Следует подчеркнуть, что авторитет подразделений ИИМК, занимавшихся восточной археологией, был неизменно высок в национальных республиках Средней Азии и Казахстане. Именно поэтому заведующий кафедрой археологии Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте профессор М. Е. Массон, задумавший создать Южнотуркменистанскую археологическую комплексную экспедицию (ЮТАКЭ), обратился за поддержкой в ЛОИИМК, в Сектор Средней и Центральной Азии. В конце декабря 1945 г. Сектор, заслушав доклад М. Е. Массона, одобрил все организационные мероприятия Института истории, языка и литературы Туркменского филиала АН СССР, взявшего на себя инициативу организации ЮТАКЭ. Сектор подчеркнул, что основные археологические проблемы, которые взялась решать ЮТАКЭ (изучение археологических памятников эпохи палеолита, энеолита, бронзового века и античного времени на территории Туркменистана), имеют не только всесоюзное, но и мировое значение. В резолюции Сектора высказано желание оказать помощь начинаниям ЮТАКЭ в области полевых и камеральных работ, а также кадрами и финансированием (ф. 312, оп. 1, д. 242, л. 4, 4 об.).

С 1946 г. начинаются работы Согдийско-Таджикской экспедиции,⁵⁰ которую до 1952 г. возглавлял А. Ю. Якубовский. Экспедиция включала несколько отрядов. Основным объектом раскопок этого научного коллектива стало раннесредневековое городище Пенджикент (согдийский город Панч), к исследованию которого в 1947 г. приступил Пенджикентский отряд, вначале под руководством А. Ю. Якубовского (1947–1951 гг.), а затем – А. М. Беленицкого. В ходе многолетних работ были раскопаны жилые кварталы, храмы, мастерские, могильники VI–VIII вв. При исследовании Пенджикента обнаружены уникальные находки: настенные росписи, глиняная скульптура и резное дерево. Большое значение для археологии Средней Азии имели работы Кафирниганского отряда экспедиции (начальник М. М. Дьяконов), который на юге Таджикистана проводил раскопки могильника Туп-хона, а также городищ Калаи-мир и Кей-Кобадшах, относящихся к I тыс. до н. э. (Археологические экспедиции... 1962: 153).

Один из лидеров среднеазиатской археологии этого времени, А. Н. Бернштам, исследовал преимущественно погребальные памятники кочевников эпохи железного века и раннего средневековья. С присущей ему энергией он руководил несколькими экспедициями. Работы одной из них, Тяньшано-Алайской, начались еще в конце войны (1944 г.) и продолжались в 1945, 1946 и 1949 гг. За это время на юге Киргизии были изучены погребения эпохи бронзы в Арпе, катакомбные погребения в Бурмачапе, курганы сакоусуньского и тюркского времени на Иссык-Куле. Экспедиция обследовала Восточный Памир и провела раскопки на городище Узген (Там же: 130).

Еще одним коллективом, которым руководил А. М. Бернштам, являлась Памиро-Алайская экспедиция. В результате ее работ (1947, 1948 гг.) в Узбекистане и Таджикистане были исследованы курганы железного века (Там же: 162, 163).

В 1947–1949 гг. А. Н. Бернштам возглавлял Южноказахстанскую экспедицию, которая обследовала памятники Отрарского оазиса, низовий р. Чу и среднего течения р. Сырдарьи (Там же: 161).

В 1950–1952 гг. в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии проводила работы Памиро-Ферганская комплексная археолого-этнографическая экспедиция под руководством А. Н. Бернштама. Она раскапывала в основном курганы эпохи железа, а также изучала

---

⁵⁰ С 1952 г. экспедиция стала называться Таджикской.

наскальные изображения в местности Саймалы-Таш и поселения земледельцев в Фергане, датирующиеся I тыс. до н. э. и эпохой средневековья (Там же: 179).

В 1947–1950, 1952 и 1953 гг. С. С. Черников исследовал памятники эпохи бронзы и железного века в Казахстане (Востоказахстанская экспедиция), преимущественно поселения андроновской культуры, а также курганы эпохи ранних кочевников (Там же: 163).

Итоги археологического изучения Средней Азии после 1935 г. были подведены на состоявшемся в Ленинграде (1948 г.) II Совещании по проблемам археологии этого региона (Алёкшин 1980: 50).

Во второй половине 1940-х гг. археологи ЛОИИМК возобновили полевые работы в Сибири. В 1946, 1947 и 1949 гг. на р. Оби, близ села Большая речка, работала Верхнеобская экспедиция, которую возглавлял М. П. Грязнов. Здесь раскапывали могильники и поселения, датирующиеся от эпохи бронзы до развитого средневековья (Археологические экспедиции... 1962: 154).

С. И. Руденко (Уланганская экспедиция) вернулся к исследованиям знаменитого Пазырыкского могильника. В полевом сезоне 1947 г. он раскапывал II Пазырыкский курган (ф. 35, оп. 5, д. 416, л. 36; Археологические экспедиции... 1962: 163). В 1948–1950 гг. изучение Пазырыкских курганов проводила уже Горноалтайская экспедиция, также под руководством С. И. Руденко и при участии А. А. Гавриловой (Археологические экспедиции... 1962: 168).

В 1945, 1946 гг. С. И. Руденко занимался исследованиями эскимосских стойбищ на Чукотке, датирующихся I тыс. до н. э.–I тыс. н. э. (Там же: 142).

В начале 1950-х гг. были изданы результаты работ многолетних экспедиций, которыми руководили сотрудники Сектора Средней и Центральной Азии ЛОИИМК. Прежде всего следует назвать публикацию работ Семиреченской экспедиции ее начальником А. Н. Бернштамом (Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». Работы 1938–1941 гг. / МИА. 1950. № 14). Затем он издал обобщающее исследование, посвященное археологическим памятникам Тянь-Шаня и Памира (Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая / МИА. 1952. № 26).

Большое значение для домусульманской археологии Средней Азии имел выход в свет трудов Согдийско-Таджикской и Таджикской экспедиции (руководитель А. Ю. Якубовский), в которых были опубликованы материалы, полученные при исследовании городища Пенджикент (Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. 1 / МИА. 1950. № 15; Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. 2 / МИА. 1953. № 37).

В 1953 г. С. Н. Бибиков издал результаты многолетних раскопок древнеземледельческого поселения Лука Врубелевецкая (Бибиков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука Врубелевецкая на Днестре / МИА. 1953. № 38). В этой монографии впервые была дана развернутая характеристика трипольского археологического комплекса.

В том же году С. И. Руденко выпустил в свет фундаментальную монографию «Культура населения Горного Алтая в скифское время» (М.; Л., 1953), в которой он суммировал результаты своих четырехлетних раскопок уникальных Пазырыкских курганов. В захоронениях этого могильника благодаря условиям вечной мерзлоты сохранились артефакты, изготовленные из органических материалов.

В 1951 г. структура ИИМК в последний раз подверглась кардинальному изменению, одним из результатов которого стало формирование в Ленинграде Сектора археологии Средней Азии и Кавказа⁵¹ (ф. 312, оп. 1, д. 331). Эта реорганизация Института явилась

---

⁵¹ Персональный состав Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК в 1951 г.: А. М. Беленицкий, А. Н. Бернштам, А. А. Иессен, В. А. Крачковская (рис. 34, 4), Б. Б. Пиотровский (рис. 34, 3), С. И. Руденко, К. В. Тревер, С. С. Черников (рис. 35, 2), В. П. Шилов (рис. 35, 3), А. Ю. Якубовский (ф. 312, оп. 1, д. 891, л. 6).

следствием драматических событий в отечественных гуманитарных науках, начавшихся в 1950 г., после выхода в свет работы главы государства И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

На инициативы вождя было принято реагировать незамедлительно. 20 июня 1950 г. в газете «Правда» публикуется изложение взглядов И. В. Сталина на вопросы языкознания, а уже 5 июля на открытом партийном собрании ИИМК выступил его директор, член-корреспондент АН СССР А. Д. Удадьцов, который отметил необходимость разворачивания широкой критики и самокритики в связи с использованием в гуманитарных науках ложной концепции Н. Я. Марра о языке. В сентябре ИИМК вернулся к этому вопросу и провел расширенное объединенное заседание секторов, посвященное осуждению теории Н. Я. Марра и его последователей (Обсуждение трудов И. В. Сталина... 1951: 203).

Что касается ЛОИИМК, то оно с запозданием отозвалось на новую разоблачительную кампанию в науке. Лишь 22 и 23 ноября на заседании Ученого совета был заслушан доклад заведующего ЛОИИМК А. П. Окладникова «Труды В. И. Сталина по вопросам марксизма в языкознании». Такое промедление дало повод головному учреждению обвинить руководство Ленинградского отделения в том, что оно уклоняется от покаяния в грехе марризма. На заседании Ученого совета ИИМК в Москве (28–30 ноября) все основные постулаты учения Н. Я. Марра о языке вновь были подвергнуты уничижительной критике, в особенности трактовка Н. Я. Марром языка как надстройки. А. П. Окладников и все Ленинградское отделение были обвинены в попытке взять Н. Я. Марра под защиту и в стремлении сохранить его культ в ЛОИИМК. Имена таких известных ленинградских археологов, как М. И. Артамонов, А. Н. Бернштам, Б. Б. Пиотровский, члены-корреспонденты АН СССР В. И. Равдоникас и К. В. Тревер, упоминались в связи с тем, что они якобы не желали отказываться от приверженности ложной теории и не хотели признавать своих ошибок. Особо опасными были признаны действия А. Н. Бернштама, который пытался выискивать положительные аспекты учения Н. Я. Марра, чтобы впоследствии применить их в археологии (Там же: 203–207).⁵²

Какие же меры предложило руководство ИИМК для исправления серьезных ошибок, допущенных их ленинградскими коллегами? Корень зла оно усматривало в недостаточной централизации руководства Института. Члены Ученого совета в Москве считали ошибкой такое положение вещей, при котором ЛОИИМК по сложившейся вредной традиции было автономно, располагая собственным независимым Ученым советом, самостоятельными секторами и руководством, а дирекция ИИМК не приняла своевременных мер к устранению этого ненормального положения. Поэтому в резолюции ноябрьского заседания Ученого совета ИИМК, кроме стандартных признаний в недостаточном владении советскими археологами марксистско-ленинской теорией и столь же ритуальных заверений в необходимости ее углубленного изучения, были даны конкретные рекомендации об изменении структуры Института и о такой организации его руководства, которая бы обеспечила полную централизацию работы всего ИИМК (Там же: 208). Таким образом тогдашнее руководство ИИМК пыталось использовать сложившуюся ситуацию для того, чтобы лишить ЛОИИМК автономии.

При таких неблагоприятных обстоятельствах 21 июля 1951 г. и произошло рождение Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК.⁵³ И все же создание подразделения, объеди-

---

⁵² В приверженности учению Н. Я. Марра обвиняли и некоторых московских археологов, например С. П. Толстова.

⁵³ В этот же день Президиум АН СССР, поддержав предложение руководства ИИМК, ликвидировал в ЛОИИМК Ученый совет. Двумя месяцами ранее А. П. Окладников был фактически освобожден от обязанностей заведующего ЛОИИМК и возглавил Сектор палеолита. Новым заведующим стал М. М. Дьяконов (ф. 312, оп. 1, д. 891, л. 1, 4, 5).

нившего сотрудников, изучающих древности Востока и евразийских степей от Северного Причерноморья до Забайкалья, означало, что вопреки военным и политическим катаклизмам 1910–1950-х гг. в стенах главного археологического учреждения Петрограда/Ленинграда были сохранены научные направления и традиции, восходившие еще к ИАК. Тем самым в северной столице удалось сберечь преемственность в археологическом изучении Средней Азии, Кавказа и Сибири.

**Сектор/Отдел археологии Средней Азии и Кавказа
в ЛОИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР (1951–1991 гг.)**

Первым заведующим подразделения стал член-корреспондент АН СССР, академик АН Таджикской ССР, заслуженный деятель науки Таджикистана и Узбекистана, профессор *Александр Юрьевич Якубовский* (1886–1953 гг.). Он руководил Сектором с 7 февраля 1951 г. по 21 марта 1953 г. Будучи по образованию историком и востоковедом, А. Ю. Якубовский (рис. 35, 4) тем не менее сделал значительный вклад в археологическое изучение средневековой культуры Средней Азии. Именно он, начиная с 1947 г., развернул широкомасштабные раскопки городища Пенджикент в Таджикистане, которые продолжаются уже 65 лет. Современная концепция истории народов Центральной Азии в эпоху средневековья базируется на исследованиях А. Ю. Якубовского. По его инициативе в Ленинграде было положено начало регулярной подготовке археологических кадров для среднеазиатских республик. Молодые исследователи с мест приезжали в ЛОИИМК и в стенах Сектора повышали свою научную квалификацию (Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга... 2003: 24).

В годы, которые судьба отпустила А. Ю. Якубовскому на заведование Сектором, антимарровская кампания достигла своей высшей точки. В мае 1951 г. заведующий ЛОИИМК М. М. Дьяконов был вынужден сделать доклад на заседании бюро Дзержинского райкома ВКП(б) о том, как обстоят дела по искоренению марризма в стенах подчиненного ему научного учреждения. Заведующему вновь пришлось называть имена тех же самых сотрудников, которые, как считалось, в прошлом были увлечены идеями Н. Я. Марра, да и теперь не спешили расставаться с ними. В конце своего доклада М. М. Дьяконов сказал, что изучение трудов И. В. Сталина поможет ленинградским археологам избавиться от влияния идеалистических концепций в науке. Докладчик весьма оптимистично закончил свое выступление заверением в том, что необходимо изживать марризм и ЛОИИМК будет его изживать (ф. 312, оп. 1, д. 327, л. 4, 6, 7).

Однако и в этом, и в следующем 1952 г. имена опальных ленинградских археологов,⁵⁴ совершивших якобы тягчайшие ошибки в решении актуальных проблем археологии, этнографии и древней истории, не раз произносились в различных научных и партийных инстанциях. Выше уже было отмечено, что самые большие неприятности выпали на долю А. Н. Бернштама. Его монография «Очерки истории гуннов», опубликованная издательством ЛГУ в 1951 г., вызвала яростную критику тех ученых, которые были весьма сведущи в толковании цитат И. В. Сталина. С их точки зрения, А. Н. Бернштам неправильно понял марксистский тезис о варварах, опрокинувших Римскую империю. Последние являлись земледельцами и поэтому представляли собой прогрессивные племена. Гунны же хотя и были варварами, но вели кочевнический образ жизни и нанесли европейской культуре большой вред своими набегами. Концепция А. Н. Бернштама, утверждали его оппоненты, ведет к идеализации кочевников, которых никак нельзя считать прогрессивными.

⁵⁴ Некоторые из них – А. Н. Бернштам, Б. Б. Пиотровский и К. В. Тревер – теперь являлись сотрудниками Сектора Средней Азии и Кавказа.

Под напором критиков А. Н. Бернштаму пришлось кардинально переработать свою следующую книгу «Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая» (МИА. 1952. № 26), хотя уже был готов ее сигнальный экземпляр (ф. 312, оп. 1, д. 353, л. 7, 8). Ученый был вынужден признавать «свои ошибки», называя их, в соответствии с терминами научной полемики того времени, не случайными, а идейно-теоретическими, в основе которых лежат «идеалистические установки, отдающие дань социологическому схематизму». Исследователь заверял коллег, что от ошибок он освобождается не декларативно, а на деле, исправляя свою новую монографию (Там же, д. 347, л. 17).

Таким же нападкам подверглись М. И. Артамонов за переоценку роли хазар в раннесредневековой истории Руси и С. И. Руденко за неправильное понимание термина «скифы» и вопросов сложения скифской культуры. Особое раздражение критикующих вызывало то обстоятельство, что оба ученых, хотя и испытывали сильное давление, все же пытались отстоять свою правоту, лишь частично признавая «ошибки» (Там же, д. 353, л. 8, 9; д. 356).

И все же кампания по борьбе с теорией Н. Я. Марра и ее последователями существенно отличалась от репрессий, обрушившихся на отечественные гуманитарные науки в 1930-х гг. Хотя попавшие под огонь жесткой критики ленинградские археологи, а также их близкие переживали нелегкие времена, хотя никто в те дни не мог поручиться за их будущее, все же ни один из них не только не был репрессирован, но даже не лишился работы. В сущности, дело ограничилось суровыми разносимами, которые были организованы по месту работы критикуемых или в партийных инстанциях низшего и среднего уровня.

Объяснить это можно только тем, что из Кремля не последовало сигнала о расправе.⁵⁵ Это обстоятельство, видимо, предопределило ход дискуссий, организаторы которых на этот раз не произносили кровожадных речей. Исследователи, обвиненные в приверженности идеям Н. Я. Марра, вели себя достойно. Частично признавая свои ошибки, они полемизировали со своими оппонентами, но при этом не оговаривали себя и не каялись во всех смертных грехах. Репрессии 1930-х гг. показали, что такая форма защиты никак не влияла на участь обвиняемого, а, наоборот, служила основанием для вынесения ему самого сурового приговора.

После смерти И. В. Сталина, последовавшей 5 марта 1953 г., дискуссия по вопросам языкознания постепенно заглохла. И все же следует признать, что именно она развенчала учение Н. Я. Марра о языке как не соответствующее научным реалиям.⁵⁶

В течение полугода, с 1 мая 1953 г. по 30 октября 1953 г., Сектором руководил доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Таджикистана *Михаил Михайлович Дьяконов* (1907–1954 гг.), востоковед-иранист, специалист в области истории Ирана доарабского времени. С его именем связаны раскопки в начале 1950-х гг. поселений оседлых земледельцев эпохи железного века в Бактрии (на территории современного Таджикистана). Работая в долине р. Кафирниган, М. М. Дьяконов (рис. 35, 5) создал периодизацию археологических памятников (Кобадиян I–V) начиная с ахеменидского и до позднекушанского времени. Эта периодизация до сих пор сохраняет свое значение (Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга... 2003: 14).

⁵⁵ О причинах сталинского миролюбия можно только догадываться. Возможно, что череда послевоенных проработок творческой интеллигенции, кроме всего прочего, служила для вождя своеобразным камуфляжем, под прикрытием которого он, не форсируя событий, готовил новую чистку партийного аппарата.

⁵⁶ Если бы на свете где-нибудь существовал музей научных заблуждений, то учение Н. Я. Марра стало бы одним из его наиболее ярких и оригинальных экспонатов.

Непосредственно после образования Сектора его сотрудники разрабатывали четыре научных направления. Первое из них (М. П. Грязнов, С. И. Руденко, С. С. Черников и В. П. Шилов) было традиционно связано с раскопками преимущественно погребальных памятников бронзового и железного веков в зоне степей, населенных вначале пастушескими, а затем кочевническими племенами (Северное Причерноморье, юг Сибири и Казахстан). Полевые исследования кочевнических памятников Средней Азии, столь активно начатые во второй половине 1940-х–начале 1950-х гг. А. Н. Бернштамом, были прекращены в связи с его болезнью и безвременной кончиной, последовавшей в 1956 г. К сожалению, как это нередко бывает в науке, никому в Секторе не удалось после смерти этого талантливого ученого продолжить его дело.

Второе направление, также вытекающее из работ предшествующего времени, было ориентировано на изучение древностей Кавказа эпохи бронзового века (А. А. Иессен).

Третье направление, в равной степени продолжающее существующие традиции, было связано с исследованием древних городов Закавказья (Б. Б. Пиотровский) и Средней Азии (А. Ю. Якубовский, А. М. Беленицкий).

Кроме того, в Секторе начало развиваться новое, четвертое направление – исследование древнеземледельческих памятников Средней Азии (В. М. Массон). Впервые после того как перестала функционировать Эгейская комиссия, в Институте появилась тематика, связанная с исследованием раннеземледельческих обществ. Изучение поселений ранних земледельцев Юго-Восточной Европы тематически примыкает к этому направлению, однако следует указать, что С. Н. Бибиков, который раскапывал трипольское поселение Лука Врубелевецкая, был сотрудником Сектора палеолита.

Итак, уже в первые два года существования Сектора тематика исследований его сотрудников вышла за рамки традиционных научных направлений, сложившихся еще во времена ИАК.

В 1953 г. М. М. Дьяконова избрали по конкурсу профессором МГУ и руководителем Сектора Средней Азии и Кавказа назначили доктора исторических наук, профессора *Михаила Петровича Грязнова* (1902–1984 гг.), впоследствии лауреата Государственной премии СССР, заслуженного деятеля науки РСФСР, члена-корреспондента Германского Археологического института. Он заведовал подразделением с 1 ноября 1953 г. по 1 ноября 1968 г. (ф. 35, оп. 5, д. 416, л. 73, 103). М. П. Грязнов (рис. 36, 1) занимался исследованиями древних погребений и поселений эпохи энеолита–железного века в различных областях Сибири. С его именем неразрывно связана деятельность многих археологических экспедиций Института в зонах строительства крупнейших сибирских гидроэлектростанций. В результате этих масштабных работ была отработана скрупулезная методика раскопок погребальных комплексов и получены большие коллекции нового археологического материала, позволившие детально проследить развитие и трансформацию культуры древних племен, населявших юг Сибири от эпохи энеолита до железного века. Благодаря раскопкам курганов, содержащих захоронения знати (Шибе на Алтае и Аржан в Туве), М. П. Грязнов сделал фундаментальный вклад в исследование вопроса о происхождении и развитии культуры ранних кочевников евразийских степей (Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга... 2003: 13; Пшеницына, Боковенко 2002: 22, 23).

В годы, когда Отделом руководил М. П. Грязнов, в государстве начался грандиозный строительный бум. Правительство форсировало возведение ряда крупных объектов народного хозяйства в европейской и азиатской частях страны. Площадки, предназначенные для их сооружения, необходимо было обследовать и найденные там археологические памятники, большинство которых относилось к бронзовому и железному векам, раскопать, иначе они неминуемо были бы уничтожены во время строительства. Поэтому при Секторе Средней Азии и Кавказа создаются так называемые новостроечные экспедиции,

финансирование которых осуществлялось из средств, выделяемых государством на сооружение того или иного объекта. Возникновение таких экспедиций привело к тому, что подразделение стало превосходить другие сектора Института по численности сотрудников.

К числу экспедиций, связанных с новостройками, следует отнести Новосибирскую (1952–1954 гг.) и Иркутскую (1959 г.). Обеими руководил М. П. Грязнов (рис. 36, 2: *слева*). В результате исследований в зонах строительства Новосибирской, Каменской и Иркутской ГЭС было открыто около 160 археологических памятников (поселения и могильники, датирующиеся от неолита до средневековья), причем на 60 из них были проведены раскопки (Пшеницына, Боковенко 2002: 22). Однако по размаху работ оба этих проекта значительно уступают Красноярской экспедиции, которую М. П. Грязнов возглавлял 19 лет (1955, 1958, 1960–1976 гг.). Масштабные работы, развернувшиеся в зоне затопления Красноярской ГЭС на Енисее, позволили экспедиционному коллективу исследовать свыше 3500 различных памятников от эпохи палеолита до позднего средневековья (Там же).

В 1954 г. Горноалтайская экспедиция под руководством С. И. Руденко и при участии А. А. Гавриловой (рис. 36, 3) раскапывала Туэктинские и Катандинские курганы эпохи ранних кочевников (Археологические экспедиции... 1962: 168).

Еще одна крупная новостроечная экспедиция, Саяно-Тувинская, была создана в 1965 г. Ее начальником был назначен А. Д. Грач (рис. 36, 5), впоследствии заслуженный работник культуры Республики Тува. Уже первые годы исследований в зоне строительства Саяно-Шушенской ГЭС дали важнейшие научные результаты. Были открыты неизвестные прежде памятники раннего скифского времени Тувы (алды-бельская культура) и енисейских кыргызов (Савинов, Длужневская 1998: 8). Уникальное могильное поле Аймырлыг, относящееся к эпохе железа, исследовал А. М. Мандельштам (рис. 36, 4). В работах этого научного коллектива активное участие принимали Ю. И. Трифонов (рис. 37, 1) и Г. В. Длужневская (рис. 37, 2).

В низовьях Волги развернулись изыскания Астраханской (1956–1968 гг.), а на Украине – Никопольской (1968, 1969 гг.) новостроечных экспедиций, которыми руководил В. П. Шилов. В результате этих работ были раскопаны многочисленные курганы, содержащие погребения от эпохи бронзы до средневековья.

Не менее успешной была полевая деятельность и тех экспедиций, которые получали финансирование из бюджета Академии наук. В 1953–1961 гг. работала Азербайджанская экспедиция под руководством А. А. Иессена. Большое значение имело открытие им раннеземледельческих энеолитических поселений с расписной керамикой в Мильско-Карабахской степи и прилегающей части Муганской степи, а также раскопки К. Х. Кушнарёвой (рис. 37, 5) поселения эпохи бронзы Узерлик-тепе. Один из отрядов экспедиции (А. Л. Якобсон) изучал средневековое городище Орен-кала, относящееся к VIII–XII вв. (Археологические экспедиции... 1962: 197).

Кармир-Блурская экспедиция, во главе которой стоял Б. Б. Пиотровский, продолжала раскопки городища Кармир-Блур (Армения), причем главное внимание было уделено изучению цитадели урартского административно-хозяйственного центра Тейшебаини. Участие ЛОИИМК/ЛОИА в работах этой экспедиции продолжалось вплоть до перехода ее начальника на постоянную работу в ГЭ (1964 г.), на должность его директора.

В Средней Азии продолжались планомерные исследования городища Пенджикент. Их проводила Таджикская экспедиция, которую с 1954 г. возглавил А. М. Беленицкий. Под его руководством полевые изыскания проводили О. Г. Большаков (рис. 37, 3), И. Б. Бентович (рис. 37, 4) и В. И. Распопова (рис. 37, 7). За многие годы работ в Пенджикенте были расчищены улицы, ремесленные мастерские, торговые помещения и домовладения, многие из которых имели парадные залы со стенами, украшенными многоярусными

сюжетными росписями. Обилие археологических находок, полученных при раскопках Пенджикента (включая монеты и фрагменты керамики с надписями на согдийском и арабском языках), позволило приступить к углубленному изучению структуры ранне-средневекового города Средней Азии доарабского времени и самобытной культуры его населения.

В составе Таджикской экспедиции работал также отряд. А. М. Мандельштама, который в 1955–1959 гг. открыл в Бишкентской долине погребения скотоводов эпохи бронзы, относящиеся к новой археологической культуре, названной исследователем бишкентской (ранний Тулхарский могильник). В этой же долине ученый раскапывал могильники кочевников, обитавших в Северной Бактрии в конце II в. до н. э.–II в. н. э. По его мнению, эти кладбища оставлены племенами, которые разгромили Греко-Бактрию и участвовали в создании Кушанского государства.

Параллельно работам в Таджикистане разворачивались исследования на юге Туркмении. В 1951–1953 гг. X отряд ЮТАКЭ под руководством В. М. Массона изучал древне-земледельческие поселения культуры архаического Дахистана (Изат-Кули, Мадау-депе) на Мисрианской равнине, в Юго-Западной Туркмении (Археологические экспедиции... 1962: 187). Позднее, в 1954–1956 гг., В. М. Массон, возглавляя XIV отряд ЮТАКЭ, раскапывал поселения древних земледельцев в дельте р. Мургаб (Аучин-депе, Тахирбай 3 и Яз-депе) в Юго-Восточной Туркмении (Там же: 207). Все упомянутые памятники относятся к эпохе поздней бронзы и раннего железного века.

С 1955 г. начинаются полевые изыскания Каракумского отряда (руководитель В. М. Массон) в подгорной полосе Копетдага (рис. 38, 4: *слева*). Эти работы, в которых также участвовал И. Н. Хлопин (рис. 38, 3, 4: *справа*), привели к открытию ряда раннеземледельческих памятников, причем изучение Джейтуна, поселения эпохи неолита, впервые поставило на реальную почву вопрос о распространении производящего хозяйства в Средней Азии, а исследование энеолитических памятников (Дашлыджи-депе, Кара-депе, Муллали-депе и Ялангач-депе) показало, что именно в это время формируются многие культурные стандарты, предопределившие расцвет цивилизации бронзового века в подгорной полосе Копетдага. С 1965 г. Каракумский отряд⁵⁷ (В. М. Массон) приступил к планомерным раскопкам Алтын-депе, одного из крупнейших памятников энеолита и бронзового века не только Юго-Восточной Туркмении, но и всей Средней Азии. Изучение древнеземледельческих памятников на юге Туркмении проходило при постоянном контакте с научно-исследовательскими учреждениями Туркмении и при их активной поддержке.

В первой половине 1960-х гг. А. М. Мандельштам проводил разведки в Туркмении: в 1960 г. (Амударьинский отряд), в 1961 и 1962 гг. (Туркменский отряд), в 1963 и 1964 гг. (Закаспийский отряд). Эти обследования позволили ему открыть в Восточном Прикаспии могильники племен срубной культуры. Изучение памятников так называемой степной бронзы позволило ученому воссоздать сложную картину проникновения скотоводов из степей в южные районы Средней Азии.

В 1954–1960 гг. Ю. А. Заднепровский (рис. 38, 5), возглавлявший Южнокиргизский отряд Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции, изучал поселения железного века Шурабашат и средневековое городище в Узгене (Археологические экспедиции... 1962: 215). С 1956 г. Ю. А. Заднепровский, начальник Ферганского отряда Узбекистанской экспедиции Академии наук Узбекистана, начал раскопки поселения Дальверзин, самого большого памятника чувской культуры (Там же: 216). В составе этой экспедиции исследователь работал до 1964 г. Кроме того, в 1961, 1962, 1965, 1966

⁵⁷ В 1966 г. Каракумский отряд был преобразован в Каракумскую экспедицию.

и 1968 гг. Ю. А. Заднепровский получал финансирование на исследование Дальверзина и от ЛОИА (Дальверзинский отряд). Раскопки Дальверзина и Шурабашата вводили в научный оборот новые археологические материалы, проливающие свет на происхождение культуры оседлого населения Ферганы, одного из важнейших земледельческих районов современной Средней Азии.

Продолжались исследования и в Казахстане. В 1955 г. была организована Западноказахстанская экспедиция под руководством В. С. Сорокина (рис. 38, 1: *слева*), которая изучала могильники эпохи поздней бронзы в Актюбинской обл. (Там же: 210). Экспедиция работала в 1956–1961, 1963 гг., причем особое внимание было уделено исследованию андроновского могильника Тасты-Бутак 1, который был полностью раскопан. В 1954–1956, 1959–1962 гг. проводила полевые работы Восточноказахстанская экспедиция (С. С. Черников).

В 1959 г. С. И. Руденко руководил Берельской экспедицией, которая изучала в Восточно-Казахстанской области в долине р. Бухтармы курганы железного века (ф. 35, оп. 5, д. 262, л. 104).

В целом в области археологии Средней Азии и Казахстана был сделан ряд ярких открытий, что способствовало росту научного авторитета Сектора. Поэтому далеко не случайно, что его коллективу было доверено проведение V Совещания по проблемам археологии Средней Азии, которое состоялось весной 1968 г. (рис. 39). В работе совещания, наряду со специалистами из Ленинграда и Москвы, участвовали исследователи из республик Средней Азии и Казахстана (Алёкшин 1980: 50).

Годы, когда М. П. Грязнов заведовал Отделом, почти полностью совпали с так называемой «оттепелью», временем больших общественных перемен в стране,⁵⁸ последовавших за смертью И. В. Сталина. Наиболее кровавые проявления его тирании уходили в прошлое. Измученное почти тридцатилетней диктатурой население нуждалось в передышке, что не могло не привести к ослаблению идеологического партийного пресса. Благодаря этому открылись новые возможности для развития отечественной гуманитарной науки. Прежде всего, возросло количество опубликованных научных трудов, в том числе и монографий, изданных сотрудниками Сектора. Среди них следует назвать два коллективных исследования, написанных на основе изучения новых археологических материалов, полученных в результате раскопок 1950–1960-х гг. Одна книга посвящена первобытной археологии Средней Азии. Соответствующие разделы монографии «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы» (М.; Л., 1966) были написаны М. П. Грязновым, Ю. А. Заднепровским, А. М. Мандельштамом, В. М. Массоном и И. Н. Хлопиным. В другой книге рассмотрены древности Сибири. Некоторые главы труда «Древняя Сибирь» (История Сибири. Л., 1968. Т. 1) принадлежат перу Э. Б. Вадецкой, А. Д. Грача, М. П. Грязнова и Г. А. Максименкова.

Авторские монографии сотрудников Сектора можно разделить на две группы. Одну из них составляют работы, в которых публикуются древние памятники, раскопанные в каком-либо регионе, причем археологические источники, анализу которых и посвящено содержание труда, изданы выборочно. К таким книгам относятся монографии М. П. Грязнова «История древних племен верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка» (МИА. 1956. № 48), В. М. Массона «Древнеземледельческая культура Маргианы» (МИА. 1959. № 73), С. С. Черникова «Восточный Казахстан в эпоху бронзы» (МИА. 1960. № 88), С. И. Руденко «Культура населения центрального Алтая в скифское время» (М.; Л., 1960), Б. Б. Пиотровского «Искусство Урарту. VIII–VI до н. э.» (Л., 1962), Ю. А. Заднепровского

⁵⁸ Именно в эту эпоху в январе 1955 г. решением Президиума АН СССР в ЛОИИМК восстановлен Ученый совет (ф. 312, оп. 1, д. 392, л. 49). Спустя четыре с половиной года в сентябре 1959 г. ИИМК переименован в Институт археологии (ИА), а ЛОИИМК – в ЛОИА (Носов 1999: 9).

«Древнеземледельческая культура Ферганы» (МИА. 1962. № 118), И. Н. Хлопина «Гео-ксюрская группа поселений эпохи энеолита» (М.; Л., 1964), а также коллективные работы «Труды Таджикской археологической экспедиции» (Т. III – МИА. 1958. № 66; Т. IV – МИА. 1964. № 124) и «Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции» (Т. I – МИА. 1959. № 67; Т. II – МИА. 1965. № 125; Т. III – МИА. 1965. № 133).

Ко второй группе работ относятся публикации археологических источников, происходящих из одного или нескольких полностью исследованных памятников. Таковыми являются книги Б. Б. Пиотровского «Кармир-Блур» (Ереван, 1950, 1952, 1955. Т. I–III), В. С. Сорокина «Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане» (МИА. 1962. № 120), А. А. Гавриловой «Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен» (М.; Л., 1963), А. М. Мандельштама «Кочевники на пути в Индию» (МИА. 1966. № 136) и «Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане» (МИА. 1968. № 146); В. М. Массона «Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении» (Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. II. САИ. Вып. БЗ-8. М.; Л., 1962), И. Н. Хлопина «Памятники раннего энеолита Южной Туркмении» (Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. I. САИ. Вып. БЗ-8. Л., 1963) и «Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении» (Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. III. САИ. Вып. БЗ-8. Л., 1969). Эти издания не исключают, впрочем, возможности пересмотра имеющихся в них выводов в результате раскопок новых археологических памятников.

Особняком стоят две обобщающие монографии. В первой из них «Ванское царство (Урарту)» (М., 1959), принадлежащей перу Б. Б. Пиотровского, на примере крупного административного центра Тейшебаини (VII в. до н. э.), в цитадели которого находилась резиденция урартского наместника, анализируется материальная и духовная культура государства Урарту, сложившегося на территории нынешней Армении, и прослеживаются его связи с сопредельными территориями. В книге В. М. Массона «Средняя Азия и Древний Восток» (М.; Л., 1964) подробная характеристика неолитических и энеолитических памятников Южной Туркмении, расположенных на северо-восточной окраине древнеземледельческой ойкумены, впервые дана в контексте археологии Ближнего и Среднего Востока. Этот труд отличают широта охвата проблематики, новизна выводов и богатство иллюстративного материала. Благодаря своим качествам издание надолго сделалось настольной книгой исследователей, причем не только специалистов в области восточной археологии, которой собственно и посвящена монография.

В целом, во второй половине 1950–1960-х гг. тематика научных исследований, которые выполняли сотрудники Сектора, претерпела некоторые изменения. Прежде всего, следует подчеркнуть, что благодаря раскопкам В. М. Массона, И. Н. Хлопина и Ю. А. Заднепровского на юге Средней Азии в Секторе окончательно утвердилось новое направление: изучение древнеземледельческих памятников (неолит–ранний железный век). Это направление, разработка которого в дальнейшем привела к ряду блестящих открытий на юге Туркменистана, Узбекистана и Киргизии, существует в Отделе и в настоящее время.

Работы А. М. Мандельштама были посвящены изучению могильников так называемой степной бронзы на юге Средней Азии. К сожалению, исследователь не смог продолжить раскопки этих памятников. Опубликовав обнаруженные им погребения степной бронзы в Туркменистане и Таджикистане, А. М. Мандельштам переориентировался на раскопки кочевнических могильников в Туве, возглавив II отряд Саяно-Тувинской экспедиции. Со временем завершил изучение памятников степной бронзы в Казахстане и В. С. Сорокин. Таким образом, это научное направление не сохранилось в стенах Сектора. Но в степях Сибири и Северного Причерноморья его сотрудники продолжали исследовать могильники эпохи бронзы и железного века.

После перехода Б. Б. Пиотровского в Государственный Эрмитаж и смерти А. А. Исесена, последовавшей в 1964 г., были остановлены раскопки памятников эпохи энеолита, бронзового и железного веков в Закавказье.

Таким образом, к концу 1960-х гг. сотрудники Сектора разрабатывали три основных научных направления, утратив на некоторое время закавказскую проблематику.

С 1 ноября 1968 г. по 31 марта 2003 г. Сектор (с 1986 г. – Отдел) возглавлял доктор исторических наук, профессор **Вадим Михайлович Массон** (1929–2010 гг.), крупнейший специалист по первобытной археологии Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока (рис. 38, 2; 42, 1). Его основным вкладом в отечественную археологию являются многолетние раскопки древнеземледельческих поселений на юге Туркмении, относящихся к эпохе неолита–железного века. Анализируя богатейшие археологические материалы, полученные при их исследовании, В. М. Массон многое сделал для изучения фундаментальных проблем становления производящего хозяйства и развития комплексных обществ эпохи энеолита и бронзы в Центральной Азии. Его раскопки вписали яркую страницу в развитие восточной археологии, особенно в области изучения социального строя древнеземледельческих племен и проблем культурогенеза. Под руководством ученого в Ленинграде/Санкт-Петербурге обучались аспиранты и стажеры из различных археологических учреждений России и стран ближнего (Армения, Казахстан, Кыргызстан, Молдавия, Туркменистан, Узбекистан) и дальнего (Вьетнам, Республика Корея, Сирия) зарубежья. Центральноазиатская группа сотрудников Отдела в настоящее время почти полностью состоит из учеников В. М. Массона. Он являлся академиком Российской Академии естественных наук, академиком Туркменистана, академиком Национальной академии Кыргызстана, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, почетным и действительным членом ряда иностранных академий и институтов (Великобритания, Германия, Дания, Италия, Румыния) (В. М. Массон. Биографическая справка 2000: 21, 22).

В. М. Массон представлял собой блестящего организатора науки. В 1970–1980-х гг. он руководил межреспубликанским Научным Советом по археологии Средней Азии и Казахстана, который проводил региональные совещания по актуальным проблемам археологии этого обширного региона, а с 4 января 1982 г. по 29 апреля 1998 г. возглавлял ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН)

За те 35 лет, в течение которых В. М. Массону довелось руководить Отделом, отечественная археология пережила и период расцвета, и время упадка. 1970–1980-е годы стали самыми успешными для научной деятельности Отдела, так как его полевые исследования, стабильно финансируемые из бюджета Академии наук или из средств, которые были отпущены на различные строительные проекты, достигли своего апогея.

До 1976 г. продолжались работы Красноярской экспедиции и до 1984 г. – Саяно-Тувинской, причем в последней в 1973 г. было сменено руководство.⁵⁹ Ее начальником стал С. Н. Астахов, сотрудник Сектора археологии палеолита ЛОИА.

⁵⁹ К смене руководства привел конфликт, разгоревшийся между двумя ведущими археологами экспедиции: ее начальником А. Д. Грачом и руководителем II отряда А. М. Мандельштамом. Тогдашний заведующий ЛОИА В. П. Шилов не сумел погасить страсти и остудить пыл соперников. Дальнейшее развитие конфликта привело к тому, что 7 декабря 1973 г. на заседании Ученого совета ЛОИА А. Д. Грача не переизбрали в должности старшего научного сотрудника и уволили из ЛОИА (15 декабря 1973 г.) как не прошедшего по конкурсу (ф. 35, оп. 3, д. 24; оп. 5, д. 361; Савинов, Длужневская 1998: 9). Казус 1973 г. оказался последним, имевшим печальные последствия конфликтом в Секторе/Отделе археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа.

В 1971–1974 гг. М. П. Грязнов, возглавивший Аржанскую экспедицию, раскопал курган Аржан, в центральной камере которого находилось захоронение двух знатных особ раннескифского времени.

В 1975 г. была основана Бейская экспедиция, работавшая затем в 1976, 1978, 1979, 1990–1996 гг. Бессменным начальником экспедиции являлась М. Н. Пшеницына (рис. 40, 3). В 1975, 1977, 1980, 1981 гг. Э. Б. Вадецкая (рис. 40, 2) возглавляла Минусинский отряд, который раскапывал памятники таштыкской культуры в Южной Сибири.

В 1975, 1976 гг. работала Западносибирская, а в 1980 г. – Минусинская экспедиции под руководством Г. А. Максименкова (рис. 40, 1).

С 1977 г. развернула свои исследования Среднеенисейская экспедиция, которая функционирует и по сегодняшний день. В разные годы эту экспедицию возглавляли М. Н. Пшеницына, Н. Ф. Лисицын, Д. Г. Савинов (рис. 40, 5), Г. Н. Курочкин (рис. 40, 4). В настоящее время во главе экспедиции стоит Н. А. Боковенко (рис. 40, 6).

В том же 1977 г. была сформирована Сибирская экспедиция, во главе которой в разные годы стояли Г. А. Максименков, Э. Б. Вадецкая и А. В. Субботин (рис. 40, 8). В последние годы ею руководит С. В. Красниенко (рис. 40, 9).

С 1985 г. начала работать Тувинская экспедиция под руководством Вл. А. Семёнова (рис. 45, 1). Целью всех перечисленных полевых проектов являлись раскопки памятников эпохи энеолита–железного века в зонах новостроек на юге Сибири.

С 1982 г. Забайкальская экспедиция, возглавляемая С. С. Миняевым (рис. 40, 7), начала исследования памятников сюнну в Бурятии (с 1982 г. изучалось поселение Дурёны; с 1984 г. – могильник Дырестуй). Работы этой экспедиции продолжаются по сегодняшний день.

В 1977 г. была основана Кубанская экспедиция (начальник В. С. Бочкарёв) (рис. 41, 1), приступившая к раскопкам курганов и поселений эпохи энеолита и бронзы на юге европейской части России (в Прикубанье и на Северном Кавказе). Работы по этому проекту были завершены только в 1992 г. Активную роль в полевых изысканиях этого коллектива играли Э. С. Шарафутдинова (рис. 41, 2), В. А. Трифонов (рис. 41, 3), А. Д. Резепкин (рис. 41, 5), М. Б. Рысин (рис. 41, 7) и В. Я. Стёганцева (рис. 41, 6).

В 1972–1977 гг. В. П. Шилов руководил новостроечной Волго-Донской экспедицией и раскапывал курганные могильники преимущественно бронзового века и эпохи железа. Следует также упомянуть о разведках и раскопках мезолитических и неолитических стоянок в районах, прилегающих к Каспийскому морю. Эти работы выполнял А. Н. Мелентьев (рис. 41, 4). В 1968 и 1972 гг. он руководил Прикаспийским отрядом, а в 1970 и 1975 гг. – Астраханским отрядом.

В период новостроечного бума при Секторе постепенно сформировалась группа молодых исследователей, которые, не являясь штатными сотрудниками Отдела, раскапывали памятники за счет бюджета той или иной новостроечной экспедиции, а затем в условиях стационара проводили камеральную обработку добытых археологических коллекций и их графическую фиксацию, а также участвовали в подготовке полевых отчетов экспедиций. Вклад этих археологов (Г. Н. Бестужев, С. Б. Гультов, Е. В. Избицер, Е. Л. Кириллов, Н. Ю. Кузьмин, К. С. Лагоцкий, Е. Л. Немировская, Н. Н. Николаев, П. Г. Павлов, Е. Д. Паульс, О. Л. Пламеневская, М. Л. Подольский, А. С. Поляков, Л. И. Рева, Э. У. Стамбульник, О. Н. Стафеева [Сажина]) в научную работу Сектора был весьма значителен. Некоторые из них впоследствии стали постоянными сотрудниками Сектора или других подразделений Института (В. А. Завьялов, Г. В. Длужневская, М. Е. Килуновская, Л. Б. Кирчо, Г. Н. Курочкин, С. В. Красниенко, Н. А. Лазаревская, И. П. Лазаретов, М. Б. Рысин, Вл. А. Семёнов, А. В. Субботин, Л. А. Соколова, В. Я. Стёганцева, Ю. И. Трифонов, Т. А. Шаровская). Во второй половине 1980-х–начале 1990-х гг. входившие в эту группу

молодые ученые, научные интересы которых были связаны с изучением древностей Сибири, работали под руководством Д. Г. Савинова (рис. 40, 5), одного из крупнейших специалистов Ленинграда/Санкт-Петербурга в области сибирской археологии.

В течение нескольких полевых сезонов сотрудники Сектора участвовали в раскопках средневекового города Двин в Армении: Р. М. Джанполадян (1965, 1973 гг.) (рис. 37, б) и К. Х. Кушнарёва (1973, 1974 гг.). В 1987–1997 гг. С. А. Асланян (рис. 41, 8), при активном участии местных археологов, обследовал раннеземледельческие поселения на территории Армении.

Расширились также масштабы исследований на юге Средней Азии. Кроме продолжавшихся планомерных раскопок Каракумской⁶⁰ и Пенджикентской⁶¹ экспедиций прежде всего следует назвать полевые изыскания, которые на юге Туркмении проводил И. Н. Хлопин (рис. 38, 3). В 1967 г. он работал в подгорной полосе Копетдага, возглавляя Каракумский и Намазгинский отряды и принимал участие в раскопках Намазга-депе, поселения эпохи энеолита и бронзы. В 1969 г. и частично в 1972 г. И. Н. Хлопин, руководя Копетдагским отрядом, раскапывал поселение Пархай-депе (культура архаического Дахистана, конец II–первая половина I тыс. до н. э.). В 1972 г. сотрудники его экспедиции открыли в долине р. Сумбар могильники эпохи энеолита и бронзы (Сумбар I, Сумбар II, Пархай I, Пархай II). И. Н. Хлопин раскапывал их в 1972–1986 и 1988–1993 гг., причем с 1974 г. экспедиция, которой он руководил, получила название Сумбарской. Изучая погребальные комплексы могильников эпохи поздней бронзы, И. Н. Хлопин выделил сумбарскую археологическую культуру, свидетельствующую о наличии на юго-западе Туркмении нового центра раннеземледельческой цивилизации. Таким образом, было закрыто одно из белых пятен на археологической карте Средней Азии.

С 1985 г. Каракумская экспедиция, наряду с продолжением работ на Алтын-депе (В. М. Массон, Ю. Е. Берёзкин [рис. 42, 2] и Л. Б. Кирчо [рис. 42, 3]), начала систематические исследования расположенного неподалеку от него энеолитического поселения Илгынлы-депе (В. М. Массон, Ю. Е. Берёзкин и Н. Ф. Соловьёва) (рис. 48, 3). Раскопки этого памятника, непрерывно продолжавшиеся до 1991 г., а также в 1993–1995, 1997 и 1999 гг., дали великолепные образцы древней архитектуры (жилые помещения, святилища) и искусства (антропоморфная глиняная и каменная скульптура) ранних земледельцев Центральной Азии.

В 1989–1991 и 1993 гг. Каракумская экспедиция (В. М. Массон и Ю. Е. Берёзкин), совместно с коллегами из Великобритании и Туркменистана, осуществила новые раскопки на неолитическом поселении Джейтун в подгорной полосе Копетдага.

В 1970–1974 гг. А. Я. Щетенко (рис. 42, 4), возглавляя Артыкский отряд, исследовал небольшие сельские поселения бронзового века в подгорной полосе Копетдага. Одновременно он раскапывал напластования позднего бронзового века на городище Намазга-депе, которое является самым крупным археологическим памятником эпохи энеолита и бронзы на юге Средней Азии. Более масштабные полевые исследования слоев эпохи поздней бронзы А. Я. Щетенко осуществил в 1975–1988 гг. на поселении Теккем-депе, расположенном вблизи Намазга-депе (Каахкинская экспедиция).

⁶⁰ С 1987 г. Каракумская экспедиция, проводя параллельные полевые изыскания на Джейтуне и Илгынлы-депе, сократила масштабы раскопок Алтын-депе, на котором в 1987, 1989, 1991, 1992, 1995 и 2001 гг. Л. Б. Кирчо вела лишь стратиграфические исследования.

⁶¹ С 1971 г. Таджикская экспедиция стала называться Пенджикентской. В 1988 г. руководителем Пенджикентской экспедиции стал Б. И. Маршак (ГЭ). С этого времени Пенджикент совместно исследуют археологи ГЭ и ЛОИА/ИИМК. Б. И. Маршак возглавлял экспедицию до своей кончины, последовавшей в 2006 г.

Бактрийская экспедиция во главе с В. М. Массоном начала раскопки верхнего слоя кушанского городища Зар-тепе (Южный Узбекистан), которые продолжались в 1972–1986 гг. Выбор объекта исследования объяснялся тем, что к началу 1970-х гг. кушанские памятники были почти не изучены. В течение многих полевых сезонов В. А. Завьялов (рис. 42, 5) раскопал на Зар-тепе городской квартал. Полученный при раскопках массовый археологический материал, включая монеты, позволил датировать верхний слой памятника кушано-сасанидским периодом (конец III–конец IV в.). Находки указывают на высокий уровень развития городской культуры этого времени и на особый статус Зар-тепе как пограничного владения державы Сасанидов. В 1987–1990 гг. сотрудники Бактрийской экспедиции Д. Абдуллоев (рис. 42, б: *крайний справа*) и В. П. Никаноров (рис. 42, б: *крайний слева*) совместно с коллегами из Узбекистана исследовали поселение кушанского времени Кампыр-тепе.

Дальверзинский отряд (с 1972 г. Ферганская экспедиция) под руководством Ю. А. Заднепровского продолжил в 1968–1974 гг. раскопки поселения чувстской культуры Дальверзин. В 1978 г. Ферганская экспедиция приступила к стационарным исследованиям Ошского поселения, еще одного памятника чувстской культуры, расположенного в Киргизии. Работы на Ошском поселении продолжались до 1984 г. Кроме того, Ферганская экспедиция, завершившая свои работы в 1987 г., исследовала раннесредневековый могильник Темир-Коруг и небольшие сельские поселения этого же времени.

В 1971 и 1972 гг. работала Восточноказахстанская экспедиция под руководством С. С. Черникова.

Кроме полевых изысканий Сектор провел в эти же годы несколько важных научных форумов. Прежде всего, следует назвать симпозиумы, которые были организованы совместно с теоретическим семинаром ЛОИА. Они были посвящены социологической интерпретации археологических источников. Этот подход к анализу артефактов в силу ряда обстоятельств, связанных с особенностями развития отечественной археологии в конце 1930-х–начале 1950-х гг., долгое время был незаслуженно предан забвению, хотя первыми в мировой практике методику социологических реконструкций начали разрабатывать археологи ГАИМК.⁶² Интерес к этому направлению вновь пробудился в нашей стране лишь после того как его подняли на щит в 1960-х гг. сторонники «новой археологии» в США. В 1970 г. на расширенном заседании Сектора была обсуждена тема «Домашние промыслы и ремесла». В 1971 г. состоялся симпозиум «Реконструкция общественных отношений по данным погребений и могильников». В 1972 г. проведен симпозиум «Обмен и торговля в древних обществах», а в 1973 г. – симпозиум «Реконструкция общественных отношений по археологическим данным жилищ и поселений» (Алёшкин 1980: 50).

Актуальные проблемы археологии степных культур железного века были рассмотрены на Всесоюзном совещании «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана» в ноябре 1975 г. Оно стало важной вехой в изучении генезиса кочевнических обществ. Участники совещания отметили, что для исследования древностей ранних кочевников Средней Азии и Казахстана недостаточно выявления их типологического соотношения с синхронными комплексами Восточной Европы. Важное значение приобретает корреляции хронологии сакских культур со стратиграфией памятников земледельческих оазисов Средней Азии. Исследователи пришли к выводу о том, что эпоху ранних кочевников можно разделить на два больших периода. Первый из них (сакский период) характеризуется чертами соци-

⁶² Достаточно назвать работы А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого «Родовое общество степей восточной Европы» (М.: Л., 1935) и В. И. Равдоникаса «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья» (ИГАИМК. 1932. Т. 12, вып. 1–8. С. 105–106).

альной дифференциации, напоминающими аналогичные структуры в раннеклассовых обществах оседлых областей. Второй период начинается с III в. до н. э., когда складываются мощные кочевнические объединения, сыгравшие решающую роль в истории Средней Азии и соседних стран (Массон и др. 1978: 3–5).

К началу 1980-х гг. масштаб археологического изучения Средней Азии, в которое немалую лепту внесли сотрудники Сектора, был по достоинству оценен во многих зарубежных научных центрах, исследующих древнеземледельческие культуры эпохи неолита–железного века Среднего Востока и Индостана. Усилиями ученых разных стран были выявлены многообразные культурные связи цивилизаций этих обширных регионов. Поэтому неудивительно, что в упомянутые годы назрела необходимость обмена информацией о путях развития комплексных обществ, памятники которых находились в древности на территориях, разделенных ныне государственными границами. По этой причине было организовано несколько двусторонних симпозиумов (советско-французские, советско-американские, советско-индийские). Они были посвящены актуальным проблемам археологии Средней Азии и Ближнего Востока. Сотрудники среднеазиатской группы Сектора (В. М. Массон, И. Н. Хлопин, Ю. А. Заднепровский, А. М. Мандельштам, Л. Б. Кирчо, В. А. Алёшкин) выступили на этих научных форумах с докладами по таким актуальным проблемам археологии Средней Азии, Ближнего Востока, Афганистана и Индостана, как культурные изменения и становление ремесел, древняя торговля и культурные связи, социально-экономические процессы в эпоху формирования государства и экологические аспекты изменений в культуре.

Первый советско-французский симпозиум «Древняя Бактрия (среда, развитие, связи)», состоялся в октябре–ноябре 1982 г. в Душанбе, столице Таджикистана. На нем были обсуждены проблемы происхождения, хронологии и связей археологических культур эпохи бронзы и раннего железа, открытых на территории древнейшей Бактрии (Южный Узбекистан, Южный Таджикистан и Северный Афганистан) в результате многолетних работ советских и французских археологов. Участники симпозиума пришли к согласию о том, что на основе исследованных здесь в 1970–1980-е гг. высокоразвитых городских культур древневосточного типа складывается блестящая культура Бактрии эпохи эллинизма (Пьянкова, Алёшкин 1984). Второй советско-французский симпозиум «Средняя Азия и ее связи с восточными цивилизациями (от истоков до железного века)» прошел в Париже в ноябре 1985 г. В ходе его было продолжено начатое в Душанбе обсуждение вопросов. Третья встреча советских и французских археологов «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций» состоялась в октябре 1987 г. в Алма-Ате, столице Казахстана. В ее центре находилась проблема взаимоотношений земледельческого и кочевого населения, традиционная для истории и археологии Средней Азии и Казахстана. В ходе дискуссии обсуждались археологические критерии номадизма, при этом было отмечено, что для решения этой задачи необходимо привлечение данных этнографии и этноархеологии. Сотрудники Отдела (Ю. А. Заднепровский, В. А. Завьялов, В. П. Никаноров и В. И. Распопова) участвовали также в советско-французском симпозиуме по проблемам античной археологии Средней Азии, который состоялся в 1986 г. в Ташкенте и Самарканде.

В августе 1979 г. по инициативе американских ученых в Гарвардском университете была проведена встреча рабочих групп АН СССР и Совета познавательных обществ США, участники которой достигли договоренности о проведении совместных симпозиумов, посвященных древним цивилизациям Ближнего Востока и Средней Азии эпохи неолита и бронзового века. Первый из них состоялся 9–13 ноября 1981 г. в Гарвардском университете (Бостон, США). Второй прошел в сентябре 1983 г. в Самарканде в Институте археологии АН Узбекской ССР (рис. 43, 1). После его завершения ученые из США

посетили Ленинград, где выступили с докладами на расширенном заседании Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА и ознакомились с коллекциями находок, полученными во время археологических раскопок на юге Туркмении. Третья встреча советских и американских археологов состоялась в США в 1986 г.

Осенью 1984 г. в Ашхабаде сотрудники Отдела участвовали в работе советско-индийского симпозиума по проблемам археологии раннего железного века Индии и Средней Азии (Васильков, Кирчо 1986). После его завершения делегация археологов Индии по приглашению администрации ЛОИА прибыла в Ленинград (рис. 43, 2). Гостям были показаны археологические коллекции из раскопок экспедиций Сектора, работающих на юге Средней Азии.

Результаты научных исследований 1970–1980-х гг. были изданы сотрудниками Сектора во многих монографиях, среди которых нужно назвать такие обобщающие работы, как «Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии)» (Л., 1976), написанная В. М. Массоном, и «Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока)» (Л., 1986), опубликованная В. А. Алёксиным. В книге В. М. Массона вновь после многих лет забвения археологические источники анализировались под углом зрения реконструкции древних общественных и хозяйственных систем, при этом рассматривался широкий круг проблем: добыча и производство продуктов питания, домашние промыслы и ремесла, эволюция древних поселений и погребальных обрядов в связи с вопросами общественного развития. В исследовании В. А. Алёксина, также посвященном изучению социальных отношений, но исключительно по данным могильников, детально разработана методика реконструкции общественного строя и прослежены основные закономерности его развития у раннеземледельческих племен Средней Азии и Древнего Востока.

Первая часть коллективной монографии А. М. Беленицкого, О. Г. Большакова (ЛОИВАН) и И. Б. Бентович «Средневековый город Средней Азии» (Л., 1973) написана в основном по материалам раскопок Пенджикента (VI–VIII вв. н. э.). В книге дана подробная характеристика культуры этого среднеазиатского города доарабского времени (архитектура, ремесла, торговля, денежное обращение и монументальное искусство), а также рассмотрены вопросы его социальной топографии.

С 1981 г. началось издание многотомной серии «Археология СССР», причем одним из первых был опубликован том «Энеолит СССР» (М., 1982), главы которого, посвященные археологии Средней Азии, написал В. М. Массон. В другом томе «Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии» (М., 1985) глава по археологии Ферганы принадлежит перу Ю. А. Заднепровского, автором главы по археологии Северной Бактрии является В. М. Массон.

В нескольких книгах были опубликованы археологические материалы, добытые в результате систематического обследования памятников какого-либо региона. К такого рода изданиям следует отнести монографии: *Bočkarev Vadim S., Leskov Alexander M. Jung- und Spätbronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet* (München, 1980), К. Х. Кушнарёвой (совместно с Т. Н. Чубинишвили, Тбилиси) «Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н. э.)» (Л., 1970), А. М. Беленицкого «Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура» (М., 1973), В. П. Шилова «Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья» (Л., 1975), А. М. Мандельштама «Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии» (Л., 1975), Г. А. Максименкова «Андроновская культура на Енисее» (Л., 1978), Э. Б. Вадецкой, Н. В. Леонтьева, Г. А. Максименкова «Памятники окуневской культуры» (Л., 1980), Э. С. Шарафутдиновой «Памятники предскифского времени на Нижнем Дону» (САИ. Вып. В1-11. Л., 1980), И. Н. Хлопина «Юго-

Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы (по материалам Сумбарских могильников)» (Л., 1983), Д. Г. Савинова «Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху» (Л., 1984).⁶³ Кроме того, в 1991 г. были опубликованы материалы раскопок Иркутской экспедиции 1959 г. – «Древности Байкала» (Иркутск) и Кубанской экспедиции – «Древние культуры Прикубанья» (Л.).

В других работах были изданы материалы раскопок эталонных археологических памятников. В монографиях В. И. Распоповой «Металлические изделия раннесредневекового Согда» (Л., 1980) и «Жилища Пенджикента» (Л., 1990) анализируются артефакты, полученные при раскопках согдийского города Панч (Пенджикент). Книга В. М. Массона «Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики)» (МИА. 1971. № 180) посвящена изучению вопроса о происхождении и развитии древнейшего земледелия в среднеазиатском ареале. В другой монографии того же автора – «Алтын-депе» (Л., 1981) на материалах крупнейшего в Средней Азии поселения эпохи энеолита и бронзы исследуются основные тенденции развития комплексного общества, находящегося на периферии древнеземледельческой ойкумены. В совместной монографии В. М. Массона и В. И. Сарияниди (ИА АН СССР) «Среднеазиатская терракота эпохи бронзы: Опыт классификации и интерпретации» (М., 1973) опубликована коллекция женских статуэток, символизирующих различные ипостаси божества плодородия в древнеземледельческих обществах. В работе М. П. Грязнова «Аржан – царский курган раннескифского времени» (Л., 1980) изданы результаты раскопок в Туве уникальной царской гробницы, изучение которой позволило исследователю удревнить время формирования раннекочевнических культурных комплексов в степной зоне Евразии. В книгах Р. М. Джанполадян «Средневековое стекло Двина IX–XIII вв.» (Археологические памятники Армении. Т. 7. Средневековые памятники. Вып. 2. Ереван, 1974), «Сфероконические сосуды из Двина и Ани» (Археологические памятники Армении. Т. 12. Средневековые памятники. Вып. 4. Ереван, 1982) и «Торговые связи средневековой Армении в VI–XIII вв.» (Археологические памятники Армении. Т. 14. Средневековые памятники. Вып. 6. Ереван, 1988)⁶⁴ рассмотрены уникальные коллекции стеклянных и глиняных изделий из раскопок крупнейших торговых центров Закавказья.

И все же в 1970-х гг. количество экспедиций с участием сотрудников Отдела несколько сократилось. Полевые исследования в Казахстане были окончательно свернуты, прекратилось участие ленинградских исследователей в раскопках раннесредневековых городов Закавказья.

Отдел археологии Средней /Центральной Азии и Кавказа в ИИМК РАН (1992–2013 гг.)

События, развернувшиеся в стране в начале 1990-х гг., не могли не сказаться на общем состоянии дел в археологии. Юридическое оформление распада Советского Союза в декабре 1991 г. привело к провозглашению суверенитета бывшими союзными республиками, еще недавно составлявшими единое государство. Начавшиеся в России в 1992 г. экономические реформы вызвали обвальное падение цен на все товары и услуги, гиперинфляцию и резкое сокращение бюджетного финансирования различных государственных

⁶³ К этому перечню монографий следует добавить книгу А. Д. Грача «Древние кочевники в центре Азии» (М., 1980). Хотя к моменту ее выхода в свет автор уже не являлся сотрудником ЛОИА, все же это обобщающее исследование было написано по материалам раскопок Саяно-Тувинской экспедиции, которой А. Д. Грач руководил в течение 8 лет.

⁶⁴ Последняя работа написана в соавторстве с А. А. Калантарян.

объектов, предприятий и структур, в том числе и Академии наук. Эта обстановка крайне неблагоприятно повлияла на полевые изыскания Отдела археологии Средней Азии и Кавказа ИИМК.⁶⁵ Объемы работ всех новостроечных экспедиций резко сократились. Некоторые из них (Бейская и Кубанская) полностью прекратили свою деятельность.

В самом тяжелом положении оказалась среднеазиатская группа Отдела, так как все памятники, которые она исследовала, в одночасье оказались на территории других государств. В 1990 г. завершила свою деятельность Бактрийская экспедиция, а в 1993 г. – Сумбарская. Еще ранее, во второй половине 1980-х гг., по различным обстоятельствам свернули свои работы Каахкинская и Ферганская экспедиции, а новые, хотя и весьма ограниченные, исследования в условиях начавшегося кризиса бюджетного финансирования удалось организовать в Средней Азии лишь после 2005 г. Раскопки протогородского центра Алтын-депе были прекращены после завершения полевого сезона 2001 г. Пенджикентская экспедиция, постоянными участниками которой являлись два сотрудника Отдела, В. И. Распопова и Д. Абдуллоев, перешла в ведение ГЭ.

Однако полностью остановить инерцию хода гигантского маховика раскопок, запущенного в предшествующие десятилетия, не удалось даже шоковой терапии начала 1990-х гг. и дефолта 1998 г. На юге Сибири продолжалось, хотя и в незначительных масштабах, строительство народнохозяйственных объектов, что давало возможность финансировать полевые изыскания Среднеенисейской, Сибирской и Тувинской экспедиций. Со временем появилась возможность получать, хотя и нерегулярно, средства на раскопки от РГНФ, РФФИ, а также из бюджета Министерства культуры РФ. Этими возможностями воспользовались Забайкальская, Тувинская и вновь созданные Западнокавказская (функционирует с 1995 г.) и Майкопская (работала в 1993, 1996, 1998–2000, 2002, 2004–2013 гг.) экспедиции, причем иногда они получали частичную финансовую поддержку из бюджета РАН.

До 1999 г. осуществлялось исследование энеолитического поселения Илгынлы-депе на юго-востоке Туркмении, где в сезоне 1995 г. была найдена уникальная настенная живопись первой половины–середины IV тыс. до н. э. в стиле сграффито. Автору открытия, Н. Ф. Соловьёвой, была присуждена премия для молодых ученых Отделения истории РАН за 1995 г.

В 1997–2000 гг. сотрудники центральноазиатской группы Отдела совместно с коллегами из Кыргызстана (Б. Аманбаева) в рамках проекта «Ош-3000» изучали культурные слои двух древнеземледельческих поселений вблизи г. Ош. Ю. А. Заднепровский и Ю. Г. Кутимов (рис. 44, б) раскапывали Ошское поселение чувстской культуры (поздний бронзовый век) на горе Сулейман-Тоо, а Д. Абдуллоев – раннесредневековое городище Ак-Бура, которое датируется VII–VIII вв. С российской стороны этим проектом руководил В. М. Массон.

В 1999–2001 гг. Сибирская и Тувинская экспедиции обнаружили новые местонахождения петроглифов в Красноярском крае и в Республике Тыва. Эти многочисленные и разнообразные наскальные изображения относятся к эпохе бронзы, скифскому и сунно-сарматскому времени. Кроме того, Сибирская, Среднеенисейская и Тувинская экспедиции продолжили раскопки курганов и поселений в Южной Сибири. Не прекращались также полевые изыскания Забайкальской экспедиции, которая в эти годы завершила исследование уникального могильника сунну Дырестуй и приступила к раскопкам одного из крупнейших курганов сунну в пади Царам (Республика Бурятия).

---

⁶⁵ В 1991 г. решением Президиума Академии наук ЛОИА АН СССР было преобразовано в самостоятельный Институт с возвращением ему прежнего названия – Институт истории материальной культуры (ИИМК РАН) (Носов 1999: 9). Значительную роль в кардинальном изменении статуса ЛОИА сыграл его тогдашний заведующий д-р ист. наук В. М. Массон.

Западнокавказская экспедиция (В. А. Трифонов) изучала дольмены в окрестностях Геленджика и Туапсе (Краснодарский край). При их раскопках была использована уникальная методика реконструкции. Она заключается в детальной фиксации всех смещенных конструктивных элементов дольменов, определении их первоначального положения и в последующей установке большинства из них на прежние места. Таким образом дольмены сохраняются в контексте природного ландшафта. Кроме того, исследование склепов впервые в практике отечественной археологии сопровождалось раскопками площадок между дольменами, а также изучением конструктивных особенностей связанных с ними насыпей и дворов. За эти работы В. А. Трифонов был награжден в 2003 г. призом Европейской Археологической Ассоциации «Европейское Археологическое наследие».

Майкопская экспедиция (А. Д. Резепкин) с момента своего возникновения занималась раскопками поселений эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе. Эти памятники, относящиеся к майкопскому и новосвободненскому времени, были до начала работ А. Д. Резепкина практически неизвестны науке. В настоящее время им раскопано уже 7 из 15 обнаруженных таких поселений. Недавно ученый приступил к исследованию дольменного могильника Шушук. Полевые изыскания А. Д. Резепкина существенно обогатили наши представления о культурах бронзового века Кавказа.

М. Б. Рысин и Ю. Г. Кутимов осуществляли паспортизацию археологических памятников в Карачаево-Черкесии в рамках программы Министерства культуры РФ «Культура России (2001–2005 гг.)». В 2001 и 2002 гг. ими сдано 150 паспортов различных историко-культурных объектов, а в 2003 г. проведен мониторинг 113 памятников, в том числе 38 памятников федерального значения.

Кризис, связанный с сокращением финансирования российской науки, не мог не отразиться и на возможностях Отдела организовывать конференции. Тем не менее и в эти годы удалось обсудить самые актуальные проблемы археологии. В ноябре 1996 г. совместно с ГЭ Отдел организовал международную конференцию «Между Европой и Азией: Кавказ в IV–I тыс. до н. э.», посвященную 100-летию со дня рождения одного из старейших сотрудников Отдела, крупнейшего специалиста в области кавказской археологии А. А. Иессена. В ходе этой встречи были обсуждены новейшие открытия археологов на Кавказе и в сопредельных регионах.

С 11 по 16 марта 2002 г. Отдел, совместно с ГЭ, провел одну из крупнейших в истории современной российской археологии международную конференцию «Степи Евразии в древности и средневековье». Она была посвящена 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Сибири, в прошлом одного из заведующих Отделом М. П. Грязнова (Алёкшин, Пшеницына 2002). В работе конференции приняли участие 232 исследователя из 20 городов России, стран ближнего и дальнего зарубежья (Украина, Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан, Молдова, Эстония, Германия, Франция, США, Монголия и Япония). Участники конференции, которые сделали 79 докладов, представляли 33 научных учреждения.

В связи с сокращением полевых исследований основное внимание сотрудников Отдела было обращено на публикации археологических источников, найденных на тех памятниках, исследование которых было уже завершено. Назову лишь основные труды, представляющие этот сегмент издательской деятельности Отдела. Прежде всего, следует упомянуть публикацию материалов могильников эпохи энеолита и бронзы на юго-западе Туркмении (Сумбар I, Сумбар II, Пархай I, Пархай II), которые в течение многих лет раскапывал И. Н. Хлопин. В 1993 г. он преждевременно скончался, не успев завершить подготовку своих рукописей к печати. Его работу продолжил В. А. Завьялов при помощи Е. В. Бобровской (Научный архив ИИМК РАН) и содействии супруги покойного

Л. И. Хлопиной. В результате их совместных усилий в свет вышли две монографии И. Н. Хлопина – «Энеолит Юго-Западного Туркменистана» (СПб., 1997) и «Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана» (СПб., 2002). Эти книги вводят в научный оборот уникальные археологические материалы IV–II тыс. до н. э., свидетельствующие о становлении в Юго-Западной Туркмении самобытной цивилизации, имеющей прочные связи с древними культурами Северного Ирана.

В 2001 г. был издан сборник «Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла» (СПб., 2001). В этой книге опубликованы работы, в том числе статьи сотрудников Отдела Ю. Е. Берёзкина и Л. Б. Кирчо, в которых материалы важнейшего для археологии Центральной Азии памятника подвергнуты междисциплинарному изучению на основе типологического, металлографического, трасологического и петрографического анализов, что позволило установить особенности технологии различных производств на юге Туркменистана в эпоху энеолита–бронзы.

В 1997 г. Ю. А. Заднепровский опубликовал материалы своих многолетних исследований чувшской культуры в Кыргызстане «Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы» (Бишкек). Раскопанный им памятник на склоне горы Сулейман-Тоо являлся предшественником города Ош, который расположен на юге республики.

В 1990-х–начале 2000-х гг. в свет вышло несколько книг, посвященных археологии Сибири эпохи бронзы, железного века и средневековья: Д. Г. Савинов «Древние поселения Хакасии. Торгажак» (СПб., 1996), Г. Н. Курочкин «Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы» (СПб., 1992), Н. Ю. Кузьмин «Курган у деревни Новомихайловка. Проблемы изучения культуры степных племен Енисея V–III вв. до н. э.» (СПб., 1994), А. Д. Грач, Д. Г. Савинов, Г. В. Длужневская «Енисейские кыргызы в центре Тувы» (М., 1998).

В 1999 г. была посмертно опубликована книга М. П. Грязнова «Афанасьевская культура на Енисее» (СПб.). Она представляет собой монографическое издание материалов эталонных, полностью раскопанных автором могильников афанасьевской культуры Афанасьева Гора и Карасук III. В исследовании дана характеристика хозяйства и религиозных представлений, социального строя и искусства населения Минусинской котловины эпохи энеолита.

Существенное место в работе Отдела занимает изучение древностей сюнну, которыми занимается С. С. Миняев. В 1998 г. он издал книгу «Дырестуйский могильник» (СПб.), в которой опубликовал все погребальные комплексы этого эталонного памятника культуры сюнну.

Монография А. Д. Резепкина (*Rezepkin A. D. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. [Archäologie in Eurasien. Bd 10]. Rahden/Westf., 2000*) посвящена изданию материалов богатейшего курганного могильника Клады, относящегося к эпохе бронзы.

Перечень изданных в эти годы обобщающих исследований открывает книга К. Х. Кушнарёвой «Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. Этапы культурного и социально-экономического развития» (СПб., 1993). В ней суммированы итоги многолетних исследований Кавказа российскими археологами и их коллегами в государствах Закавказья. В монографии детально рассмотрены проблемы генезиса археологических культур, развития производств и динамики социальной структуры древних обществ Южного Кавказа.

В монографии Э. Б. Вадецкой «Таштыкская эпоха в древней истории Сибири» (СПб., 1999) опубликованы находки из таштыкских грунтовых склепов (I–VI вв.), сделанные за последние 100 лет. Анализ этих археологических материалов позволил исследовать сложные этногенетические процессы, являвшиеся следствием постепенного вовлечения южных окраин Сибири в политические конфликты, происходившие в Центральной Азии

и Восточном Туркестане с I в. до н. э. по VII в. В работе предложена новая методика датирования сибирских памятников сунно-сарматского времени, исходя из анализа импортных изделий, поступавших по Великому шелковому пути.

К числу важнейших публикаций Отдела следует причислить монографию «Металлические серпы эпохи поздней бронзы Восточной Европы» (Кишинёв, 2002), написанную В. С. Бочкарёвым в соавторстве с В. А. Дергачёвым (Кишинёв). В. С. Бочкарёв известен археологам России и зарубежной Европы как один из ведущих специалистов по эпохе бронзы, в работах которого методическая тщательность сочетается с широким охватом материала. В книге В. С. Бочкарёва и его соавтора детально изучены металлургические центры Восточной Европы финальной стадии эпохи бронзы.

В Отделе было подготовлено исследование Ю. Е. Берёзкина «Мост через океан. Заселение Нового Света и мифология индейцев и эскимосов Америки» (Российские исследования в гуманитарных науках. 2001. Т. 23). Выявив особенности распределения мифологических мотивов в различных ареалах Нового Света, исследователь реконструировал процесс заселения Американского континента палеоиндейцами на рубеже плейстоцена и голоцена. В монографии дан также аналитический обзор материалов по археологии, лингвистике и физической антропологии индейцев Нового Света. Книга Ю. Е. Берёзкина является значительным вкладом российской науки в исследование древних обществ аборигенов Америки.

В 1992 г. было опубликовано исследование Вл. А. Семёнова «Неолит и бронзовый век Тувы» (СПб.), а в 1997 г. В. П. Никоноров издал книгу о вооружении древней Бактрии (The Armies of Bactria. Stockport. V. I–II).

В 1992 г. в свет вышел очередной том из серии «Археология СССР» «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время» (М.). Отдельные главы этого обобщающего исследования написаны сотрудниками Отдела: Н. А. Боковенко, Э. Б. Вадецкой, М. П. Грязновым, Ю. А. Заднепровским, А. М. Мандельштамом, М. Н. Пшеницыной и Э. У. Стабульник.

Существенный вклад в написание еще одного тома «Археологии СССР» «Ранняя и средняя бронза Кавказа» (М., 1994) сделала К. Х. Кушнарёва. Ее перу принадлежат пять глав этой книги, еще одна глава написана ею в соавторстве.

В 2001 г. заведующий Отделом В. М. Массон и В. П. Никоноров возобновили прерванное в 1921 г. периодическое научное издание, основанное академиком В. В. Розеном в 1886 г. под названием «Записки Восточного отделения Русского археологического общества». Опубликованные в 2002 и в 2006 гг. в Санкт-Петербурге XXVI (1-й) и XXVII (2-й) тома новой серии этого издания содержат статьи по различным проблемам археологии, истории, нумизматики, эпиграфики и сфрагистики Центральной Азии и сопредельных стран.

В 1970–2002 гг. тематика научных работ сотрудников Сектора расширилась. Они стали разрабатывать проблемы теории археологии (В. С. Бочкарёв), а также вопросы, связанные с интерпретацией кладов (В. С. Бочкарёв) и погребений (В. А. Алёшкин и М. Д. Хлобыстина [рис. 44, 1]). В. М. Массон и В. А. Завьялов исследовали среднеазиатский город позднеантичного времени. А. Д. Резепкин и В. А. Трифонов возобновили раскопки памятников бронзового века Кавказа. В. А. Мешкерис (рис. 44, 3) изучала историю музыки в археологическом контексте, анализируя изображения музыкальных инструментов и музыкантов, найденные при раскопках античных и средневековых памятников Центральной Азии и сопредельных регионов. В целом коллектив Отдела разрабатывал четыре основных научных направления.

В марте 2003 г. заведующим Отделом был выбран кандидат исторических наук **Вадим Андреевич Алёшкин** (рис. 44, 4), научные интересы которого связаны с исследова-

нием проблем первобытной археологии Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, а также с изучением погребальных обрядов древних племен Евразии каменного и бронзового веков.

В 2003–2013 гг. произошел количественный прирост полевых проектов. Наряду с продолжающимися исследованиями сотрудников Отдела на юге Сибири, в Забайкалье⁶⁶ и на Северном Кавказе,⁶⁷ с 2003 г. вновь начала работать Бейская экспедиция (начальник М. Н. Пшеницына, сотрудник Л. А. Соколова [рис. 45, 2]). В 2009–2010 гг. разведки в зоне строительства железной дороги Кызыл–Курагино вела Саянская экспедиция (Н. А. Боковенко, А. В. Поляков). В 2012–2013 гг. сотрудники Отдела Н. А. Боковенко, В. А. Завьялов, И. П. Лазаретов (рис. 45, 3), М. Е. Килуновская (рис. 45, 4), А. В. Поляков (рис. 45, 6), Вл. А. Семёнов, Н. Ю. Смирнов (рис. 45, 5) развернули на этой трассе масштабные раскопки археологических памятников различных эпох. Тувинская экспедиция (начальник Вл. А. Семёнов) проводила изучение грота Куйлуг-Хем, многослойной стоянки эпохи палеолита и неолита. В исследовании фортификации уйгурской крепости Пор-Бажын в Туве принимали участие В. А. Завьялов (2007–2008 гг.) и Ю. Г. Кутимов (2007 г.). Полевые работы в Туве проводил также Н. Ю. Смирнов. В 2009 г. он руководил совместным отрядом ИИМК РАН и Службы охраны памятников истории и культуры Республики Тыва, который обследовал могильники скифского и тюркского времени, а в 2010 г. – Северотувинским отрядом, предпринявшим разведочные работы в Пий-Хемском р-не Республики Тыва.

В 2006 г. были возобновлены раскопки поселения Илгынлы-депе в Юго-Восточной Туркмении (руководитель Н. Ф. Соловьёва, Илгынлинский отряд), а с 2007 г. начаты исследования памятников эпохи бронзы на юге Таджикистана (Южно-Таджикистанская экспедиция, начальник отряда Ю. Г. Кутимов). В. А. Завьялов в 2006 г. в составе экспедиции ИА РАН принимал участие в раскопках городища Старая Ниса на юге Туркменистана. В. И. Распопова в 2006–2010 гг. и Д. Абдуллоев в 2006–2007 гг. в составе Пенджикентской экспедиции ГЭ исследовали раннесредневековый согдийский города Пенджикент (Таджикистан). Кроме того, в 2009 г. Д. Абдуллоев по приглашению Национального управления по охране памятников истории и культуры Туркменистана изучал одну из древнейших мечетей Центральной Азии, Машад-Ата на юго-западе Туркменистана (Дахистан). В этом же году В. П. Никоноров принимал участие в работах Международной Тохаристанской археологической экспедиции, которая проводила исследования античного памятника Кампыр-тепе в Южном Узбекистане.

В 2006–2013 гг. сотрудники Отдела принимали также участие в исследовании различных археологических объектов Санкт-Петербурга (Н. А. Боковенко, Ю. Г. Кутимов, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков, В. Я. Стёганцева) и его пригорода г. Пушкина (В. А. Завьялов, Н. Ф. Соловьёва).

Говоря о международном сотрудничестве сотрудников Отдела, следует назвать совместные раскопки поселений эпохи поздней бронзы на юге Вьетнама, проведенные в 2008–2010 гг. Южновьетнамской экспедицией ИИМК РАН (начальник В. А. Алёшкин, сотрудники В. А. Завьялов, С. С. Миняев) и вьетнамскими археологами из Южновьетнамского института стабильного развития (г. Хошимин), а также совместные работы

---

⁶⁶ Следует отметить успехи возглавляемой С. С. Миняевым Забайкальская экспедиция, которая в 2005 г. завершила раскопки царского кургана сюнну в пади Царам.

⁶⁷ В 2007–2009 гг. в этом регионе М. Б. Рысин занимался паспортизацией культурно-исторических памятников, а в 2008 г. Адлерский отряд (М. Б. Рысин, Л. А. Соколова) проводил археологическую разведку в районе Большого Сочи. Продолжались также работы Западнокавказской и Майкопской экспедиций.

в сезоне 2007 г. Забайкальской экспедиции ИИМК РАН (начальник С. С. Миняев) и экспедиции Смитсоновского института (США) на сюннуском могильнике Бага-Газыр Чулуу в Среднегобийском аймаке Монголии. В 2008 г. сотрудники Отдела М. Е. Килуновская и Вл. А. Семёнов подготовили выставку «Скифы. Сокровища Тувы» (600 экспонатов) в археологическом музее Фонда Марк, г. Аликанте (провинция Валенсия, Испания).

В ноябре 2004 г. Отдел организовал конференцию «Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура», посвященную 100-летию со дня рождения известного российского археолога и востоковеда А. М. Беленицкого, многолетнего руководителя Пенджикентской экспедиции. В работе конференции участвовали 52 специалиста из Санкт-Петербурга, Москвы, Великого и Нижнего Новгорода, а также из зарубежных научных центров Великобритании, Венгрии, Израиля, Испании, Италии, США, Таджикистана, Узбекистана, Франции, Японии.

В декабре 2010 г. сотрудники Отдела провели конференцию «Кочевые культуры Евразии», посвященную 100-летию со дня рождения крупнейшего исследователя центральноазиатских древностей А. Н. Бернштама. В работе конференции приняли участие более 70 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Кемерово, Ельца, научных центров стран СНГ (Украина, Казахстан, Таджикистан) и дальнего зарубежья (Германия, Польша, США, Турция). Доклады конференции изданы в сборнике «Древние культуры Евразии»: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама (СПб., 2010; редакционная коллегия: В. А. Алёшкин, Л. Б. Кирчо, Л. А. Соколова, В. Я. Стёганцева).

В июне 2011 г. Отдел совместно с Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа провел Круглый стол на тему «Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии». На этом научном форуме, в котором участвовали ученые из Санкт-Петербурга и Казани, стран СНГ (Республика Беларусь, Украина) и Западной Европы (Франция), были обсуждены такие актуальные проблемы современной археологии, как периодизация и хронология эпохи поздней бронзы и раннего железного века Северной Евразии (археологические, культурно-исторические и технологические критерии периодизации), современное состояние вопроса о начале железоделательного производства в различных регионах Северной Евразии и Древнего Востока, а также локальные особенности процесса перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку.

22–26 октября 2012 г. Отдел провел международную научную конференцию, посвященную 110-летию со дня рождения д-ра ист. наук Михаила Петровича Грязнова, который в течение многих лет являлся сотрудником не только Института, но и ГЭ.

К открытию конференции были изданы два тома ее трудов (Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 1–2). В этом издании опубликованы полные тексты докладов, предоставленных на форум.

В работе конференции приняли участие 202 исследователя, причем они представляли в основном археологические учреждения 32 городов России. На конференцию откликнулись также 14 археологов из стран ближнего зарубежья (Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан, Украина) и 14 ученых из стран дальнего зарубежья (Бельгия, Германия, Голландия, Египет, Иран, Монако, Монголия, Польша, США, Турция). Материалы форума обобщают итоги исследований отечественных и зарубежных специалистов, сделанные после 2002 г.

В 2003–2013 гг. сотрудники Отдела продолжали публиковать археологические материалы, происходящие из раскопок важнейших археологических памятников. С. С. Миняев завершил издание корпуса источников по археологии сюнну, выпустив в свет (в соавторстве с А. В. Давыдовой) монографию «Комплекс археологических памятников

у с. Дурёны» (СПб., 2003) и каталог «Художественные бронзы сюнну» (СПб., 2007). Он же опубликовал книгу «Дырестуйский могильник» (СПб., 2007). Вл. А. Семёнов издал материалы двух памятников, которые являются важнейшим источником по исследованию культурного взаимодействия народов Южной Сибири в эпоху ранних кочевников, – «Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени Центрально-Тувинской котловины» (Труды ИИМК РАН. СПб., 2003. Т. 9.). Посмертно опубликованы также материалы трех полностью раскопанных Г. А. Максименковым тагарских курганных могильников Гришкин Лог I, Черновая I и Новая Чёрная I («Материалы по ранней истории тагарской культуры» (Труды ИИМК РАН. СПб., 2003. Т. 8). В этой книге рассматриваются вопросы эволюции погребального обряда и социальной организации общества, населявшего бассейн Среднего Енисея на раннем этапе сложения тагарской культуры. Кроме того, изданы погребальные комплексы одного из древних кладбищ Южной Сибири: М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков, М. Н. Пшеницына «Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея» (СПб., 2010).

Событием для археологии Кавказа стала публикация А. Д. Резепкиным монографии «Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»)» (СПб., 2012). Анализ этого эталонного для бронзового века Кавказа памятника позволил автору прийти к выводу о том, что новосвободненский этап майкопской культуры является самостоятельным культурным явлением, имеющим специфический генезис. В книге также рассматривается вопрос о возможной принадлежности части носителей новосвободненской культуры к индоевропейской языковой семье.

В научный оборот введены также погребальные комплексы Алтын-депе, эталонного поселения эпохи энеолита и бронзового века на юго-востоке Туркмении «Хронология эпохи позднего энеолита–средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе)» (Труды ИИМК РАН. СПб., 2005. Т. 16). В этой монографии, написанной Л. Б. Кирчо и В. А. Алёкшиным, развитие культуры одного из древнеземледельческих обществ рассмотрено сквозь призму эволюции погребального ритуала и инвентаря захоронений. Книга, которой многие годы будут пользоваться как российские, так и зарубежные археологи, является фундаментальной сводкой тщательно выверенных сведений по одному из важнейших памятников восточной археологии.

Публикация материалов раскопок Алтын-депе была продолжена изданием монографии Л. Б. Кирчо, Г. Ф. Коробковой и В. М. Массона «Технико-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации» (Труды ИИМК РАН. СПб., 2008. Т. 28). В работе детально рассмотрена эпоха позднего энеолита на юго-востоке Туркменистана, в течение которой на Алтын-депе формируется культурная и технико-технологическая основа древнейшей земледельческой цивилизации Средней Азии.

Большой научный резонанс имела также публикация предметов древнего искусства, найденных при раскопках энеолитического поселения Илгынлы-депе на юго-востоке Туркмении: *Solovyova N. F. Chalcolithic Anthropomorphic Figurines from Ilygynly-depe, Southern Turkmenistan. Classification, analysis and catalogue* (BAR. International Series. 1336. Oxford, 2005). Эта монография свидетельствует о глубоком интересе, который проявляют зарубежные исследователи к научным открытиям сотрудников Отдела. Впоследствии данная работа была издана и на русском языке: *Соловьёва Н. Ф. Антропоморфные изображения Туркменистана поры среднего энеолита* (Труды ИИМК РАН. СПб., 2008. Т. 29).

В. А. Завьялов выпустил в свет монографию «Кушаншахр при Сасанидах» (СПб., 2008), в которой опубликованы материалы раскопок городища Зар-тепе (Южный Узбекистан). В этом исследовании впервые в отечественной науке изучено взаимодействие ку-

шанской и сасанидской культурных традиций на территории Кушаншахра во второй половине III–IV в.

В. И. Распопова издала книгу «Стеклянные сосуды из Пенджикента (находки 1950–1999 гг.)» (СПб., 2010).

Обобщающее исследование В. М. Массона «Культурогенез Древней Центральной Азии» (СПб., 2006) посвящено археологии Центральной Азии от палеолита до развитого средневековья, причем основное внимание в книге уделено проблеме генезиса древнеземледельческой цивилизации эпохи бронзы и вопросам культурного взаимодействия земледельцев и пастухов/кочевников в бронзовом и железном веках, а также в эпоху античности и раннего средневековья на юге Центральной Азии.

В книге В. С. Бочкарёва «Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы» (СПб., 2010) рассмотрены актуальные проблемы развития археологических культур Восточной Европы в позднем бронзовом веке.

Э. Б. Вадецкая в фундаментальной монографии «Древние маски Енисея» (Красноярск, 2009) детально анализирует таштыкские погребальные маски. Издание является первой отечественной сводкой уникальных археологических артефактов, игравших важную роль в погребальном обряде таштыкских племен, населявших Южную Сибирь в железном веке. Следует отметить и обобщающую книгу Вл. А. Семёнова «Первобытное искусство Евразии» (СПб., 2008).

Изучению петроглифов посвящено обширное исследование Н. А. Боковенко и М. Е. Килуновской (в соавторстве с Ким Чжонг Бэ и Чжан Со Хо) «Наскальные изображения Центральной Азии» (Сеул, 2007 [на корейск. и рус. яз.]).

Характеристика ратного искусства сюнну, одного из наиболее воинственных народов эпохи железного века, дана В. П. Никоноровым (совместно с Ю. С. Худяковым) не только по археологическим, но и по письменным источникам – «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов» (Серия «Militaria Antiqua». VI. СПб.; М., 2004).

В монографии В. А. Мешкерис (Индийские традиции в художественной культуре Средней Азии / Труды ИИМК РАН. СПб., 2004. Т. 14) рассмотрены вопросы культурного взаимодействия двух очагов древних цивилизаций – Индостана и Центральной Азии в античное и раннесредневековое время.

Д. Абдуллоев опубликовал две книги по проблемам согдийской археологии: «Согдийское наследие в культуре таджиков» (Душанбе, 2008; на таджик. яз.) и «Средняя Азия в VII–XIII вв. и вопрос о согдийском культурном наследии» (СПб., 2009).

Таким образом, несмотря на численное сокращение экспедиционных работ в течение последних 20 лет, Отдел сохранил все свои научные направления, о чем наглядно свидетельствует печатная продукция его сотрудников.

За свою многолетнюю историю Отдел сыграл огромную роль в развитии отечественной археологии. Нередко его сотрудники начинали проводить полевые работы в тех регионах бывшего Советского Союза, которые были белыми пятнами на археологической карте страны. Именно поэтому многим экспедициям Отдела пришлось пережить трудный период первоначального накопления артефактов. Это время, как правило, характеризовалось диктуемым строительными организациями жестким графиком раскопок, зачастую в непростых климатических условиях. Последующее введение в научный оборот добытого археологического материала и его анализ, сделанный тремя поколениями исследователей, позволил Отделу внести значительный вклад в изучение материальной и духовной культуры древних племен и народов Евразии.

Отдел является единственным научным коллективом в России, в котором работают специалисты по первобытной, античной и раннесредневековой археологии Центральной

Азии. Следует отметить, что изучение прошлого народов, населяющих этот обширный регион, чрезвычайно важно, не только исходя из профессиональных интересов, но и с точки зрения развития и укрепления международных связей России со странами СНГ. Сотрудничество петербургских археологов с их коллегами из Центральной Азии несомненно обогатит российскую и центральноазиатскую археологические школы и будет способствовать получению ими высоких научных результатов. Такие контакты помогут сохранить пространство русского языка и в конечном счете будут содействовать сохранению культурного и политического влияния России в этом регионе. Таким образом, как и в 1920-е гг., нельзя не признать, что Институт не может ограничиваться изучением древностей лишь на территории России, оно должно охватывать и прилегающие к ней страны.

Археологические работы сотрудников Отдела в Центральной Азии нуждаются в поддержке со стороны Отделения и Президиума РАН. Без создания специальной программы развития таких полевых изысканий будет потеряна уникальная школа российской археологии, а престижу России в сопредельных государствах будет нанесен ущерб. В рамках подобной программы необходимо предусмотреть подготовку кадров высокой квалификации (аспиранты) и издание материалов экспедиционных исследований, много лет проводившихся в Центральной Азии за счет средств АН СССР и РАН.

Необходимость сохранения в структуре ИИМК РАН такого подразделения, как Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, со всей его исторически сложившейся тематикой вполне очевидна. Территориальный и хронологический (от эпохи энеолита до раннего средневековья) масштаб исследований, который осуществляют сотрудники Отдела, превращает его в основной элемент конструкции Института.

За последние годы сотрудниками Отдела стали молодые исследователи, специалисты по археологии бронзового века Центральной Азии (Ю. Г. Кутимов), археологии Сибири бронзового и железного веков (А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов) и археологии раннего железного века юга России (М. Т. Кашуба) (рис. 44, 7). Все они успешно работают над своими темами, творчески развивая научные традиции подразделения.

Основные полевые достижения сотрудников Отдела

Деятельность Отдела за минувшие 60 лет ознаменовалась рядом блестящих открытий, по праву вошедших в мировой фонд археологии. Упомяну вкратце лишь важнейшие из них.

Для Центральной Азии следует, прежде всего, назвать исследования согдийского города Панч (V–VIII вв.), ныне городище Пенджикент в Таджикистане. Планомерное изучение этого памятника было начато в 1947 г Согдийско-Таджикской (впоследствии Таджикской, а затем Пенджикентской) экспедицией. К настоящему времени раскопками вскрыто около двух третей городища. В изучение Пенджикента внесли свою лепту такие сотрудники Отдела, как А. М. Беленицкий (рис. 46, 1), В. И. Распопова, О. Г. Большаков (ныне сотрудник ИВР РАН), И. Б. Бентович, Д. Абдуллоев, Г. В. Длужневская, Н. Ф. Савонида (рис. 44, 9) и В. А. Завьялов.

В 1980–1990-х гг. Каракумская экспедиция во главе с В. М. Массоном исследовала энеолитическое поселение Илгынлы-депе (рис. 48, 3), расположенное на юго-востоке Туркменистана. В результате раскопок были обнаружены новые яркие материалы, характеризующие духовную культуру земледельцев в меднокаменном веке. В раскопках Илгынлы-депе принимали участие Л. Б. Кирчо, Н. Ф. Соловьёва, М. Н. Пшеницына, В. И. Козлов (рис. 44, 8), А. Ю. Маретин (рис. 44, 5) и Ю. Г. Кутимов.

Большое научное значение имели раскопки поселения Алтын-депе в юго-восточном Туркменистане, которое является одним из крупнейших в Центральной Азии городищ эпохи энеолита и бронзы. Многолетние исследования этого памятника проводила Кара-

кумская экспедиция (рис. 47; 48, 2), возглавляемая В. М. Массоном. В раскопках Алтын-депе принимали участие В. А. Алёкшин, Ю. Е. Берёзкин, С. Б. Гультов, В. А. Завьялов, Л. Б. Кирчо, Г. Н. Курочкин, В. И. Осипов,⁶⁸ Вл. А. Семёнов, Н. Ф. Соловьёва, А. В. Субботин, Т. А. Шаровская и А. Я. Щетенко.

Для западного ареала Центральной Азии изучение Сумбарских могильников (рис. 48, 4) эпохи энеолита и бронзы имело такое же значение, как и раскопки Алтын-депе для восточного региона. Эти памятники исследовала экспедиция, которой руководил И. Н. Хлопин. В их раскопках принимали участие Л. И. Хлопина (рис. 44, 2), Г. Н. Курочкин и В. А. Завьялов.

Исследования Алтын-депе, Илгынлы-депе и Сумбарских могильников поставили на конкретную почву изучение комплексных обществ эпохи энеолита и бронзы на юге Центральной Азии и позволили выявить основные тенденции культурного и социального развития племен, заселявших периферию древнеземледельческой ойкумены.

Для Кавказа в первую очередь необходимо назвать раскопки академика Б. Б. Пиотровского на холме Кармир-Блур (Армения), на северо-западной окраине г. Еревана (рис. 48, 1). На вершине холма были обнаружены руины цитадели урартского г. Тейшебаини, основанного в первой половине VII в. до н. э. В 1939–1971 гг. Кармир-Блурская экспедиция систематически исследовала этот памятник (во время Великой Отечественной войны раскопки не производились). В исследованиях Кармир-Блур участвовали Р. М. Джанполадян, Г. А. Максименков, В. С. Сорокин, И. Н. Хлопин.

В 1982 г. А. Д. Резепкин (рис. 46, 3), руководивший работами Майкопского отряда Кубанской экспедиции, раскопал курганный могильник Клады близ станицы Новосвободной (Адыгея). Под насыпью некоторых курганов были обнаружены двухкамерные мегалитические гробницы с росписью и уникальным погребальным инвентарем. Они относятся к новосвободненской культуре эпохи ранней бронзы. По своей значимости захоронения в каменных гробницах стоят в одном ряду со знаменитым Майкопским курганом и дают разнообразную информацию о комплексных обществах северного Кавказа в эпоху бронзового века.

Раскопки кургана Аржан (рис. 46, 2) в Туве стали одним из самых ярких археологических открытий в Сибири. Изучение этого памятника, датирующегося рубежом IX–VIII вв. до н. э., осуществила совместная экспедиция ЛОИА АН СССР, Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории и Всесоюзного общества охраны памятников культуры. Экспедицию возглавляли М. П. Грязнов и М. Х. Маннай-Оол (Кызыл). Значение кургана заключается не только в том, что он предоставил новую информацию о социальной организации обществ ранних кочевников, но и позволил удревнить период формирования их культуры в азиатских степях. В работах на Аржане принимали участие Н. А. Боковенко, В. А. Завьялов, Л. Б. Кирчо, лаборанты Е. Л. Немировская и О. Л. Пламеневская.

---

⁶⁸ В. И. Осипов, впоследствии сотрудник Архива АН СССР/РАН, за время своей работы в ЛОИА (1969–1973 гг.) участвовал в раскопках таких эталонных памятников Средней Азии, как Намазга-депе и Алтын-депе на юге Туркмении, а также Зар-тепе на юге Узбекистана. Изучая античные древности Средней Азии, он подавал большие надежды и со временем стал бы известным специалистом в этой области археологии. Однако судьбе было угодно распорядиться иначе. В 1973 г. сотрудники КГБ провели на его квартире обыск и обнаружили запрещенную к распространению в СССР литературу. С точки зрения правоохранительных органов того времени, В. И. Осипов был запятнан связями с диссидентским движением Ленинграда, и они способствовали его увольнению из ЛОИА, хотя и не подвергли судебному преследованию. В. И. Осипов безвременно скончался в августе 1993 г., участвуя в работах туркменско-английской экспедиции, исследовавшей руины древнего г. Мерва.

Важные материалы для решения проблем хронологии кочевнических культур железного века были получены в результате раскопок могильника Аймырлыг в Туве, одного из крупнейших археологических памятников Сибири. Исследования могильника проводил II отряд Саяно-Тувинской экспедиции, который возглавлял А. М. Мандельштам. Здесь были обнаружены погребения скифского и гунно-сарматского времени, датирующиеся начиная со второй половины VII в. до н. э. до рубежа нашей эры. В раскопках могильника принимали участие аспирант Э. У. Стамбульник, М. Е. Килуновская, Вл. А. Семёнов, А. Д. Резепкин, Т. А. Шаровская, лаборанты Г. Н. Бестужев, Л. И. Рева, О. Н. Стафеева [Сажина].

В 2005 г. Забайкальская экспедиция, которой руководил С. С. Миняев, завершила многолетние раскопки кургана № 7 (рис. 46, 4) в пади Царам (Бурятия). Этот памятник является одним из крупнейших погребальных сооружений сунну, известных к настоящему времени. Судя по инвентарю, захоронение под курганом относится примерно к середине I в. н. э. Оно, несомненно, скрывало останки человека очень высокого социального ранга, возможно, предводителя (шаньюя) кочевого объединения сунну. В 2007 г. Евразийский археологический институт (г. Измир, Турция) отметил С. С. Миняева наградой «За выдающийся вклад в гуннскую археологию».

В заключение необходимо отметить, что сотрудники Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН гордятся своими полевыми открытиями, научными традициями и, несмотря на переживаемые в настоящее время трудности, с оптимизмом смотрят в будущее. Отдел должен сохранить свой опыт и передать его следующему поколению археологов, чтобы свеча не погасла.

- Алёкшин 1980 – *Алёкшин В. А.* Научные совещания, сессии, симпозиумы, конференции, пленумы ГАИМК – ИИМК – Института археологии АН СССР // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 45–51.
- Алёкшин 2010 – *Алёкшин В. А.* Александр Натанович Бернштам. Биографический очерк // Древние культуры Евразии: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб., 2010. С. 9–22.
- Алёкшин, Пшеницына 2002 – *Алёкшин В. А., Пшеницына М. Н.* Международная конференция «Степи Евразии в древности и средневековье» (11–16 марта 2002 гг.). // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2002. № 4. С. 191–197.
- Археологические экспедиции... 1962 – Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР, 1919–1956 гг.: Указатель. М., 1962.
- Бернштам 1940 – *Бернштам А. Н.* Археологические работы в Семиречье // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 43–48.
- Васильков, Кирчо 1986 – *Васильков Я. В., Кирчо Л. Б.* Второй советско-индийский симпозиум // СА. 1986. № 2. С. 278–280.
- Васильков, Сорокина 2003 – *Васильков Я. В., Сорокина М. Ю.* Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003.
- В. М. Массон. Биографическая справка 2000 – В. М. Массон. Биографическая справка // Взаимодействие культур и цивилизаций: В честь юбилея В. М. Массона. СПб., 2000. С. 21–22.
- Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга... 2003 – Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга и изучение древних культур и цивилизаций Центральной Азии и Кавказа. СПб., 2003.
- Гурина, Крижевская 1939 – *Гурина Н., Крижевская Л. Я.* Обзор полевых археологических исследований ИИМК АН СССР // КСИИМК. 1939. Вып. 1. С. 11–37.
- ИИМК в дни ВОВ [1943] 1946 – Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в дни Великой Отечественной войны (1943) // КСИИМК. 1946. Вып. 12. С. 153–161.

- Козлов 2004 – *Козлов С. Я.* Потерянная этнография // Независимая газета. 2004. 27 окт. № 234.
- Латынин 1931 – *Латынин Б. А.* Сообщение об археологических работах в Узбекистане в 1930 г. // СГАИМК. 1931. Вып. 1. С. 38–39.
- Массон и др. 1978 – *Массон В. М., Алёшкин В. А., Боковенко Н. А.* Всесоюзное совещание «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана» // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 3–9.
- Матющенко 1992 – *Матющенко В. И.* История археологических исследований в Сибири (до конца 1930-х годов): Учебное пособие. Омск, 1992.
- Носов 1999 – *Носов Е. Н.* Институту истории материальной культуры 80 лет // АВ. 1999. № 6. С. 9–14.
- Обсуждение трудов И. В. Сталина... 1951 – Обсуждение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания // КСИИМК. 1951. Вып. 36. С. 203–209.
- Пескарёва 1980 – *Пескарёва К. М.* К истории создания Российской Академии истории материальной культуры // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 26–32.
- Платонова 1999 – *Платонова Н. И. М. И. Артамонов* – директор ИИМК // АВ. 1999. № 6. С. 466–478.
- Платонова 2002 – *Платонова Н. И.* Александр Александрович Миллер – археолог // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): биографический аспект. Материалы постоянно действующей конф. «Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект». СПб., 2002. Вып. 1. С. 155–161.
- Пшеницына, Боковенко 2002 – *Пшеницына М. Н., Боковенко Н. А.* Основные этапы жизни и творчества Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2002. Кн. 1. С. 19–23.
- Пьянкова, Алёшкин 1984 – *Пьянкова Л. Т., Алёшкин В. А.* Советско-французский симпозиум «Археология древнейшей Бактрии» // СА. 1984. № 4. С. 307–312.
- Решетов 2001 – *Решетов А. М.* Александр Александрович Миллер – выдающийся археолог, этнограф и музевед // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск, 2001. С. 8–16.
- Савинов, Длужневская 1998 – *Савинов Д. Г. Длужневская Г. В.* Этапы жизни ученого // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всеросс. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. Декабрь 1998 года. СПб., 1998. С. 7–9.
- Тараканова 1947 – *Тараканова С. А.* Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1944 г. // КСИИМК. 1947. Вып. 14. С. 151–164.
- Тараканова 1947а – *Тараканова С. А.* Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1945 г. // Там же. С. 165–167.
- Якубовский 1940 – *Якубовский А. Ю.* ГАИМК – ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет // КСИИМК. 1940. Вып. 6. С. 14–23.
- Якубовский 1940а – *Якубовский А. Ю.* Зарафшанская археологическая экспедиция 1939 г. // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 48–52.
- АРЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 363; ф. 3, оп. 1, д. 35.
- НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 1–2, 10, 12, 20, 21, 47; 1920 г., д. 1–5, 9, 13, 18–20; 1921 г., д. 1, 3–4, 21, 43, 90, 93; 1922 г., д. 1, 9–11, 75; 1923 г., д. 1, 4, 6, 15, 73–74, 81; 1924 г., д. 1, 63, 101, 126; 1925 г., д. 1, 56, 64, 111, 127, 138; 1926 г., д. 1, 3, 15, 17, 67, 94–95, 122, 231; 1927 г., д. 102, 125, 128, 148, 228; 1928 г., д. 1, 19, 65, 91, 95, 102, 151, 185; 1929 г., д. 1, 6–7, 17, 77, 108, 111, 119–120, 133, 136–137, 140, 262; 1930 г., д. 1, 4, 11, 73, 107, 115, 117, 180; 1931 г., д. 1–2, 757; 1932 г., д. 1–3, 87, 110, 113; 1933 г., д. 3, 12, 66, 95, 115, 224, 239, 260; 1934 г., д. 2–3, 21, 22, 46, 138, 186, 211, 219; 1935 г., д. 10, 55, 117, 131, 153, 164, 263, 365; 1936 г., д. 6, 46, 49, 78, 107, 169, 256, 392; 1937 г., д. 15, 26, 45, 54, 103, 108, 110; ф. 2, оп. 3, д. 167, 350, 430, 644; ф. 35, оп. 5, д. 10, 213, 262, 416; ф. 42, д. 399; ф. 312, оп. 1, д. 8, 14, 173, 242, 327, 331, 347, 353, 891.
- РА ГРМ, ф. 1, оп. 10, д. 396, 452.

Глава 5. ОТДЕЛ ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю. А. Виноградов

Изучение классических древностей на юге России было одной из приоритетных задач деятельности Императорской Археологической комиссии, но в плане организационном это никак не было оформлено, да и сама Комиссия по составу сотрудников была очень немногочисленной. Первое структурное подразделение, нацеленное на изучение античности, – Отдел древностей античных и древнехристианских – было создано в структуре Российской государственной археологической комиссии (РГАК), преобразованной из ИАК после Февральской революции 1917 г. Во главе РГАК первоначально стоял бывший председатель ИАК граф А. А. Бобринский; уже после его эмиграции, 24 сентября 1918 г., в условиях начавшейся Гражданской войны, состоялись выборы Совета Археологической комиссии, в которую были избраны такие видные антиковеды, как М. И. Ростовцев, А. А. Бертъе-Делагард, С. А. Жебелёв и Э. Р. фон Штерн (НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1918 г., д. 1, л. 13).

Отдел древностей античных и древнехристианских состоял из нескольких секций: Секция искусства в древнегреческих городах, древностей Скифии, Секции эпиграфики и Секции древностей эпохи переселения народов и Византии. Во главе его был поставлен один из лидеров отечественного антиковедения – Б. В. Фармаковский (рис. 49, 1; о нем см. Блаватский 1948; Карасёв 1948; 1976; Фармаковская 1988; Медведева и др. 2009: 182). На первом официальном собрании Отдела, состоявшемся 20 ноября 1918 г., Б. В. Фармаковский поблагодарил сотрудников за самоотверженный труд, поскольку те часто даже не получали жалованья и работали «единственно из любви к делу и сознания его важности». Он также выразил надежду, что все сотрудники продолжают исполнять свои обязанности с прежней энергией (ф. 1, 1918 г., д. 36, л. 1).

Несмотря на серьезность политических перемен, происшедших в стране после Октябрьской социалистической революции, работа РГАК продолжалась, в общем, в обычном режиме. После эмиграции А. А. Бобринского на руководящее положение в Археологической комиссии выдвинулся Н. Я. Марр, но антиковеды в ней по-прежнему занимали весьма высокие посты: товарищем председателя оставался В. В. Латышев (о нем см. Жебелёв 1926; Книпович 1958; Тункина 1999; Фролов 2006: 248–292; Медведева и др. 2009: 162), а ученым секретарем Комиссии стал Б. В. Фармаковский (ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 105, л. 2). В отношении видения перспектив развития Археологической комиссии в новых условиях чрезвычайно показательное высказывание Н. Я. Марра, которое он сделал на заседании Совета РГАК 27 мая 1919 г. Н. Я. Марр считал, что «научная жизнь не стоит в связи с политическим устройством государства» (ф. 1, 1919 г., д. 3, л. 18–19). Время показало, что он очень ошибался, но задач борьбы с буржуазной наукой в рамках Археологической комиссии, а поначалу даже в рамках Академии истории материальной культуры, не ставилось (Борисковский 1980: 6; Пескарёва 1980: 27; Тиханова 1980: 34; Платонова 1989: 10–11). У новой власти до этого, как представляется, временно просто не доходили руки.

В это трудно поверить, но на 1919 г. все Отделы РГАК должны были составить сметы планируемых финансовых расходов, снабдив их записками о научной деятельности подразделений, а также о задачах на будущее. Относительно работы Отдела древностей античных соответствующую записку составил Б. В. Фармаковский (ф. 1, 1918 г., д. 20, л. 62–64; см. Виноградов 2009а: 397–398). Надо признать, что его записка не отличается особой грандиозностью замыслов. Значительно более масштабные сочинения были предложены в плане развития изучения древностей Востока. Новым властям эти перспективы как будто представлялись более важными. В сложившейся тогда политической обстановке Б. В. Фармаковский вполне осознавал невозможность проведения раскопок на юге России, но вместе с тем он просил средства на возобновление исследований в Ольвии и Херсонесе. В тексте записки упоминаются Керчь и Керченский музей, но в ней не обозначено даже скромных намерений в отношении продолжения археологических исследований в этом районе.

Начало 1919 г. в истории Археологической комиссии прошло под знаком грядущей реорганизации, а также в попытках восстановления связи с учреждениями в Керчи и Севастополе. Последнее по вполне понятным причинам сделать не удалось (об этом см: Виноградов 2009а: 398–400). Что касается реорганизации, то она в конце концов привела к ликвидации РГАК и созданию РАИМК в апреле 1919 г.

Порой структуру РАИМК называют достаточно стройной, но в отношении изучения античности, на мой взгляд, это не совсем так. Академия состояла из трех отделений (Этнологическое, Археологическое и Художественно-историческое или Древнего и западного искусства), те в свою очередь делились на разряды. Первоначально было создано 32 разряда, но число их постепенно сокращалось, и на пятом году существования Академии из них осталось лишь 17 (ф. 2, оп. 1, 1923 г., д. 4, л. 36). В Археологическом отделении наряду с прочими были созданы секции (разряды) Эллады и Рима и античных миров в России (греческие колонии), Скифии и Сарматии, Раннехристианского периода, переселения народов и Византии; в Отделении древнего и западного искусства имелась секция искусства Древнего Востока и классического (Там же, л. 105). Все эти подразделения так или иначе были нацелены на изучение античных древностей. Чуть позднее в Отделе археологии была создана еще одна секция (разряд) – Эпиграфическая, а секция с несуразным названием «Эллады и Рима и античных миров в России (греческие колонии)» была разбита на два разряда – Эллады и Рима и древностей греческих колоний Юга России. Помимо разрядов в структуре Академии существовали постоянные и временные комиссии; в двух из них тоже осуществлялось изучение античности: Элладская и Нумизматическая. В сложившемся хитросплетении и особенно в характере взаимодействия обозначенных структурных подразделений разобраться очень непросто.

Исходя из названия Разряда древностей греческих колоний Юга России, можно было бы предполагать, что непосредственная археологическая работа развернется именно в нем, но это не так. Разряд древностей греческих колоний РАИМК возглавлял В. В. Латышев (рис. 49, 2), который прежде всего интересовался трудами древних авторов и памятниками эпиграфики. Под его руководством трудился всего один научный сотрудник – Е. М. Придик, в это время активно занимавшийся подготовкой свода древнегреческих клейм (о нем см. Тункина 1999: 190, примеч. 89; Павличенко 2000).

Отчет о работе за 1919-й и последующие годы в Академии составлялся по разделам, для чего руководителям выдавалась анкета, содержащая 19 вопросов: когда разряд учрежден, сколько проведено заседаний, были ли созданы комиссии и т. д., последний (19-й) вопрос касался пожеланий на будущее. По этому пункту В. В. Латышев написал: «Главнейшее и необходимейшее пожелание для более плодотворной работы не только разряда или Академии ИМК, но и всех вообще ученых учреждений и обществ в России –

скорейшее ее умиротворение и возвращение на степень великой державы» (ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 14, л. 7).

Через год по тому же пункту он отметил: «Для более плодотворных работ Разряда не только желательно, но и научно необходимо возобновление научных сношений с остальным ученым миром, как русским, так и, в особенности, европейским; без осуществления этого условия деятельность Разряда будет, как и было до сих пор, парализованной» (Там же, 1920 г., д. 15, л. 1).

Разряд археологии Эллады и Рима включал всего одного человека – С. А. Жебелёва (рис. 49, 3; о нем см. Гайдукевич 1941; Фролов 2006: 294–310; Медведева и др. 2009: 194). В отчете за 1919 г. о своем положении в учреждении он не без иронии заметил: «Разряд состоит из одного заведующего им. Совещания разряда не было, так как не с кем было бы совещаться» (ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 13, л. 1).

На 19-й пункт анкеты С. А. Жебелёв ответил следующим образом: «Для дела плодотворных работ как разряда, так и Академии в целом, разряд выставляет следующее пожелание: а) поскорее закончить всякого рода организационные работы, чтобы появилась возможность обратиться к деловой научной работе; б) поменьше придавать значение всякого рода формальностям; стремиться не к *multa*, а к *multum*».¹

На проведение раскопок был нацелен Разряд греко-римского искусства и искусства Древнего Востока, хотя из названия этого непосредственным образом не следовало. Этим Разрядом руководил Б. В. Фармаковский,² и необходимо признать, что именно в нем были сосредоточены основные научные силы бывшего Отдела древностей античных и древнехристианских Археологической комиссии: Е. О. Прушевская, Н. А. Энман и др.

На заседании Археологического отдела 8 декабря 1919 г. В. В. Латышев выступил с проектом создания «Реальной энциклопедии Южной России и Кавказа классической и византийской эпох». Она должна была создаваться по образцу знаменитой «*Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*» и содержать статьи о политической истории, культуре, мифологии, литературе и т. п., основанные на строго фактическом изложении материала (Там же, д. 10, л. 56–57). Реализовать эту замечательную идею в тогдашних условиях, как представляется, было очень трудно, скорей даже невозможно, но само ее появление не может не вызывать восхищения. Разряд греко-римского искусства, избавившись от добавки искусства Древнего Востока, вскоре начал строить весьма далеко идущие планы. В первом полугодии 1920 г. предлагалось предпринять раскопки в Ольвии, а также в Херсонесе, Евпатории и Керчи (Там же, 1920 г., д. 24, л. 2–4).

Важным документом, как бы подводившим итог работе РАИМК за первые два года, стало обращение в Совет Народных Комиссаров, принятое на Совете Академии 6 декабря 1920 г. (Там же, д. 4, л. 110–111). В нем внимание руководства страны обращается «на крайне тяжелое положение науки и ее работников», на необходимость поиска путей «к благоприятному разрешению кризиса». В документе также говорится:

«Россия стоит перед огромной созидательной работой, которая потребует напряжения всех творческих сил страны. Вся эта работа будет базироваться на науке, не на прикладной только, которой иногда придают особое значение, а на науке вообще. Прикладная наука может развиваться лишь в атмосфере интенсивной научной мысли, создающейся вокруг так называемой “чистой” науки».

¹ В данном случае С. А. Жебелёв перефразировал латинское изречение «*Multum, non multa*» – «Много, но не многое», т. е. много по значению, а не по количеству.

² С октября 1923 г. Б. В. Фармаковский возглавил также Разряд археологии Скифии и Сарматии РАИМК.

Среди предложений Совета РАИМК приведу некоторые, наиболее животрепещущие: обеспечить учреждения топливом и светом; разрешить оплату реальных расходов на командировки; улучшить материальное положение всех служащих научных учреждений путем введения пайка и повышения ставок; демобилизовать принятых на военную службу научных работников; разрешить вернуться на родину эмигрировавшим ученым; дать возможность опубликовать научные труды; организовать доставку книг из-за границы; пригласить иностранных ученых посетить Россию. Все эти требования в условиях, когда Гражданская война на территории европейской части России уже завершилась и страна должна была наконец вернуться к нормальной жизни, представляются абсолютно нормальными, естественными, закономерными. Жизнь, однако, распорядилась несколько иначе, и в Академии прошло первое сокращение штата.

Серьезным ударом для РАИМК стала смерть В. В. Латышева, скончавшегося в 1921 г. Этот великий труженик перед смертью не только подготовил ряд научных статей (Латышев 1921; 1922а; 1922б), но и закончил составление указателей к изданию двух первых томов «*Scythica et Caucasica*. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе», а также подготовил к печати фрагменты из трудов 20 византийских авторов, описывавших Северное Причерноморье и Кавказ. Иными словами, он сумел завершить работу над значительной частью третьего тома «*Scythica et Caucasica*» (см. Жебелёв 1926; Тункина 1999: 275).³ Этот том, к сожалению, никогда не был опубликован, в 1934 г. появилась лишь тоненькая книжечка, содержащая переводы фрагментов из сочинений Константина Багрянородного (ИГАИМК. 1934. Вып. 91). Вскоре после смерти В. В. Латышева Разряд греческих колоний юга России был присоединен к Разряду археологии Эллады и Рима.

В 1921 г. было опубликовано исследование Б. В. Фармаковского, посвященное хрестоматийно известным фигурным сосудам, обнаруженным во время раскопок под Фанагорией в 1869 г. (Фармаковский 1921). Через два года увидела свет книга С. А. Жебелёва «Введение в археологию» (Жебелёв 1923), которая потом чуть было не сыграла роковую роль в судьбе ученого. В том же году Б. В. Фармаковский, подводя итог четырехлетнего развития РАИМКа, говорил:

«Тяжелы были условия, в которых пришлось работать на первых порах Академии: мобилизации, отвлекавшие от дел даже председателей Отделений, тягостные условия финансирования, отказ в средствах на экспедиции (Ольвия, Крым, Онежская, Псков, Кавказ) и командировки, на организацию охраны таких ценностей, как развалины Ольвии, Херсонеса, Керчи и т. д., отсутствие средств на печатание изданий, отсутствие общения с Западом» (ф. 2, оп. 1, 1923 г., д. 4, л. 35–35 об.). В заключение он отметил: «Протекшие 4 года работы Академии были годами тяжелыми. Часто требовалось большое напряжение сил. Но, думается мне, это напряжение не было бесплодным. Пройдя через бури, мы теперь должны войти в более спокойные воды. Цель, повторяю, ясна. Наша работа необходима, чтобы спасти сокровища мирового значения, которым грозит гибель, если этой работы не будет» (Там же, л. 48 об.).

Идеологическое давление на РАИМК стало более ощутимым в 1924 г., что, возможно, было в какой-то мере связано со смертью В. И. Ленина. Отвечая на новые требования, Н. Я. Марр сообщал в руководящие инстанции, что в составе Академии не хватает «специалистов с научным подходом современного понимания социальных условий жизни, не только историков искусства, но и археологов с марксистским миропониманием» (Там же, 1924 г., д. 1, л. 15). Своего рода ответом на требование времени стала реорганизация Комиссии по искусствоведению РАИМК в Комиссию по социологии искусства и искусствов-

³ Первые два тома «Известий древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. *Scythica et Caucasica*», подготовленные В. В. Латышевым, вышли в 1893–1906 гг.

знанию. Произошло это 24 марта 1924 г. Инициатором реорганизации был Б. Л. Богаевский, а председателем новой Комиссии был единогласно избран А. В. Луначарский (Там же, л. 75, 77, 78). Задача этого подразделения декларировалась как разработка марксистских методов изучения памятников искусства различных эпох (Там же, 1925 г., д. 1, л. 61). В деятельность Комиссии сразу включился Б. В. Фармаковский, приступивший к работе по темам: «Социологический смысл геометрического стиля» и «Социологические основы искусства греков IV в. до н. э. на примере Мавзолея Галикарнасского» (Там же, л. 69–70). Вскоре на заседании Комиссии им был прочитан доклад «Искусство как функция производственных отношений на примере вновь найденного памятника античного искусства» (Там же, л. 103 об.; Тиханова 1980: 35). О каком памятнике античного искусства шла речь в этом докладе, непонятно, да и не это имеет значение в данном отношении. Главное заключается в том, что Б. В. Фармаковский активно вступил на путь марксистской перестройки археологической науки, когда РАИМК, в целом, еще оставалась «могущественной крепостью былых традиций» (Тиханова 1980: 34).

Важнейшим достижением в области изучения классического наследия Северного Причерноморья, конечно, стало возрождение Ольвийской экспедиции в 1924 г. (Фармаковский 1926а; Карасёв 1976: 20). Поначалу перед ней ставились довольно ограниченные задачи: выяснение состояния городища; изучение культурных напластований; дополнительные работы по снятию генерального плана памятника; исследование части некрополя, где раскопки были остановлены в 1915 г. (ф. 2, оп. 1, 1924 г., д. 25, л. 94–95). Однако работы развернулись не только на некрополе (руководитель – Б. Л. Богаевский), но и на городище, на так называемой цитадели (рис. 50, 1; ф. 2, оп. 1, 1924 г., д. 99, л. 2).

В 1925 г. исследования на городище были продолжены (Фармаковский 1926б), но на их проведение Академия смогла выделить всего 600 руб. (рис. 50, 2–3). По этому поводу официально признавалось, что «осуществить экспедицию в Ольвию возможно было только благодаря тому, что большая часть работников Академии взяла на свои личные средства расходы по поездке и по личному содержанию» (ф. 2, оп. 1, 1925 г., д. 1, л. 276 об.). Тем не менее Ольвийская экспедиция имела для РАИМК очень большое значение. В документе, направленном в Главнауку в сентябре 1926 г., по этому поводу говорилось, что «раскопки в Ольвии явились местом объединения работ Академии и Украины (Украинской Академии наук, Одесского Историко-Археологического музея, Николаевского музея и др.)», они стали «школой для начинающих работников по истории материальной культуры, дающей им возможность ознакомиться с производством раскопок в условиях, наиболее обеспеченных со стороны научного их произведения» (Там же, 1926 г., д. 1, л. 176 об.).

Смерть Б. В. Фармаковского, случившаяся в ночь с 28 на 29 июля 1928 г. (Жебелёв 1929: V; Карасёв 1948: 7; Фармаковская 1988: 190), стала огромной потерей для ГАИМК. Н. Я. Марр в связи с этим даже заявил, что Б. В. Фармаковский для Академии был незаменим, «под силу взять его бремя лишь коллективно организованному руководству» (Марр 1929: III). Что касается Ольвийской экспедиции, то в системе ее организации тогда произошли весьма серьезные изменения (Карасёв, Леви 1976: 22). Уже в 1927 г., когда Б. В. Фармаковский по состоянию здоровья не смог приехать на городище, во главе экспедиции был поставлен Ученый совет, состоявший, в основном, из представителей Украины. От России в нем был представлен всего один человек – адъюнкт И. И. Мещанинов (рис. 7, 2; 50, 4; ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 1, л. 220).

Имя И. И. Мещанинова в истории античной археологии нашей страны сейчас почти забыто, хотя он был академиком АН СССР и даже получил звезду Героя Социалистического Труда (см. Жирмунский 1967; Пассек 1967). Его чаще вспоминают как лингвиста, последователя учения Н. Я. Марра (Алпатов 2004: 34, 111, 115, 192–193), и действительно Иван Иванович даже составил несколько учебников по яфетидоведению (Мещанинов

1929а; 1949). Его заслуги в археологическом изучении Ольвии весьма скромны (Мещанинов 1931), но забывать их тоже никак нельзя.⁴

После смерти Б. В. Фармаковского Совет Академии назначил исполняющим обязанности заведующего Разрядом греко-римского искусства Б. Л. Богаевского (рис. 50, 5–6), а Разрядом Скифии и Сарматии – К. В. Тревер. Б. Л. Богаевский тогда вынашивал грандиозные планы реформирования работы Разряда, расширения его научных задач, включения в них не только изучение античных древностей, но и скифских, кавказских и даже всех древних культур Причерноморья, начиная с неолита. В перспективе ему виделось создание специальных подразделений по исследованию Восточного и Западного Средиземноморья (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 1, л. 264–267). Эти наполеоновские планы не удалось воплотить в жизнь, но на их почве возник конфликт с Разрядом Скифии и Сарматии, который явно не хотел терять автономии. В результате этого конфликта Б. Л. Богаевский лишился своего поста, и с июля 1929 г. временно исполняющим обязанности заведующего Разрядом греко-римского искусства стал заместитель председателя Академии Ф. В. Кипарисов. Это назначение представляется странным только на первый взгляд, поскольку Фёдор Васильевич был специалистом по классической филологии (ф. 2, оп. 3, д. 279, л. 5, 8), правда, свои немногочисленные научные труды в этой области он опубликовал еще до Октябрьской революции.

В ГАИМК в то время рассматривались и другие, более реалистичные планы научной деятельности. В 1928 г. Г. И. Боровка совершил поездку на Тамань. Состояние археологических памятников этого района произвело на ученого весьма тяжелое впечатление: они активно разрушались как от природных факторов, так и от деятельности человека. Чтобы противостоять этому, следовало разработать программу охраны памятников древности, а также начать здесь систематические исследования. В записке Г. И. Боровки, составленной по этому поводу, в частности, говорится: «Раскопки должны вестись осторожно. В процессе работ следует учиться методу раскопок, ибо у нас сейчас нет подготовленного вполне специалиста» (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 201, л. 14). Нетрудно понять, что вопрос квалифицированных археологических кадров в ГАИМК стоял весьма остро.

Нормальную работу, однако, приходилось на некоторое время отложить, поскольку Академия вступила в период реформирования. Преобразования в ГАИМК проводились в тесном контакте с Ленинградским институтом марксизма. В итоговом документе по поводу преобразований конца 1929 г. говорится: «Задачей реорганизации являлось – дать Академии четкую целевую установку и создать предпосылки для постепенного перехода всей работы на изучение истории материального производства различных эпох, как материального базиса исторической жизни, и внедрения в работы Академии марксистской методологии» (Там же, 1930 г., д. 1, л. 247).⁵

---

⁴ Подходя к изучению ольвийских древностей с позиций нового учения о языке, И. И. Мещанинов увидел здесь проявления не простого сосуществования двух культур (греческой и варварской) или даже их взаимовлияния. Ему представлялось, что в этой сфере происходило настоящее скрещивание культур (Мещанинов 1930: 6), чего в реальности, конечно, не было и не могло быть. Другие труды И. И. Мещанинова в области исследования античной культуры сейчас тоже смотрятся странно; к примеру, он опубликовал статью «Гомер и учение о стадиальности» (Мещанинов 1929б). Его трактовка «непонятных» ольвийских надписей как скифских текстов, написанных греческими буквами, оказалась фантастикой, а вот предположение о «загадочных знаках» Причерноморья как о в своей основе родовых, «тамгообразных» знаках (Мещанинов 1933), скорее всего, верно.

⁵ В полной гармонии с новыми установками в работах некоторых археологов этого времени указывалось на необходимость изучения орудий (средств) производства древних обществ; на этой

Сменой методологических установок дело, однако, не ограничилось. Одним из практических результатов этих преобразований стало увольнение сотрудников, скрывших свое социальное происхождение (Там же, л. 205), но во внимание, естественно, принимались и другие обстоятельства. В общей сложности из Академии было отчислено 47 работников, но на их место пришли новые (Там же, л. 247 об.), отвечавшие требованиям переживаемого момента.

С мая 1930 г. начались собрания по «чистке» сотрудников ГАИМК. Из крупных фигур на них разбирались М. В. Фармаковский, руководивший Институтом археологической технологии ГАИМК, и академик С. А. Жебелёв⁶ (рис. 49, 3). Что касается Мстислава Владимировича, то ему в вину ставились ошибки, связанные с пережитками старой «интеллигентщины» и пр. Некоторые из выступавших, однако, обращали внимание на большие заслуги ученого; такая «защитническая песенка» очень не понравилась П. Н. Шульцу (рис. 50, 7). Он полагал, что былые заслуги М. В. Фармаковского не должны его оправдывать. Более того, М. В. Фармаковского не следует оставлять в рядах сотрудников Академии, поскольку он будет только мешать работе учреждения. М. В. Фармаковский, по его словам, «должен быть начисто вычищен» (Там же, д. 4, л. 177). Самые грозные слова были произнесены А. Н. Карасёвым (рис. 51, 1), который отметил, что «тут имеет место вредительство», и дело М. В. Фармаковского следует передать в трибунал (Там же, л. 145).

С. А. Жебелёву вменялось в вину два обстоятельства: 1) приобретение для Академии библиотеки покойного Б. В. Фармаковского по слишком большой цене; 2) недостатки книги «Введение в археологию». По вопросу о библиотеке Б. В. Фармаковского было замечено, что в ней представлены книги, не имеющие отношения к научной проблематике Академии, и дубликатные экземпляры. Нетрудно догадаться, что С. А. Жебелёв не мог просмотреть всего собрания книг, отбраковать ненужные, к тому же вполне понятно его желание помочь материально вдове ученого. Тем не менее некоторые лица всячески пытались найти здесь политическую подоплеку. П. И. Борисковский заявил, что для ГАИМК были приобретены «черносотенские книги» (Там же, л. 230). По словам Ф. В. Кипарисова, большие деньги были заплачены за «совершенно антисоветское, антиобщественное барахло» (Там же, л. 232).

Сходным образом развивалось и обсуждение книги С. А. Жебелёва «Введение в археологию». О. О. Крюгер, входивший в бригаду по чистке, доложил собранию материалы ее деятельности. По поводу книги он подчеркнул, что в ней имеется немало скрытых цитат из работ немецких ученых и энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона (Там же, л. 203, 208–209). Во вскрытом факте, разумеется, ничего особенно криминального не было, но его оценки стали переходить все в ту же политическую плоскость. По словам некоторых выступавших, советскому читателю была подсунута халтура. Б. Л. Богаевский

основе, как представлялось, «методом восхождения» можно постигнуть систему производственных отношений и, наконец, восстановить социально-экономическую формацию (см. Арциховский 1929: 137–138). Еще ранее этого срока И. И. Мещанинов указал, что ученым следует изучать не эпохи чередующихся смен народов, что было характерно для буржуазной науки, а стадии развития самой культуры (Мещанинов 1928: 237). В. И. Равдоникас призвал специалистов по истории материальной культуры смелее ставить вопросы, связанные с пониманием социально-экономических формаций, стадиальности, социально-экономической трансформации и т. п. (Равдоникас 1930: 84).

⁶ Это разбирательство по существу стало продолжением «дела» С. А. Жебелёва, возникшего в связи с публикацией написанного им некролога Я. И. Смирнова. Некролог был опубликован в издании «*Seminarium Kondakovianum*» (Прага, 1928. Т. 2.) и стал поводом для серьезных политических обвинений по адресу академика (Тункина 2000).

прямо заявил, что к советской действительности у С. А. Жебелёва всегда было пренебрежительное отношение (Там же, л. 213–214).

С. А. Жебелёву припомнили, что он был лучшим другом белоэмигранта М. И. Ростовцева, и многое другое. А. Н. Карасёв отметил, что история с приобретением библиотеки является почти уголовной, но признал, что С. А. Жебелёв хорошо относится к молодым ученым и «работает в настоящее время очень добросовестно» (Там же, л. 224). П. Н. Шульц, напротив, считал, что работу ученого тормозит груз старых убеждений, заключающихся в том, что научная деятельность состоит в собирании фактов. Факты, не взятые в определенной системе, как он заявил, «ничего не дают, кроме вреда». В связи с этим С. А. Жебелёву «нужно взять в свой научный кабинет, на свой стол работы Маркса и Энгельса», ему необходимо «взяться за переработку самого себя». Свою речь П. Н. Шульц закончил следующими словами: «С. А. должен остаться в Академии, должен продолжать передавать нам свой опыт и знания, но и он должен одновременно очень поработать над собой, чтобы из хранителя фактов превратиться в исследователя, который работает над собой, постоянно продвигает свое научное мировоззрение вперед» (Там же, л. 229).

Отвечая П. Н. Шульцу, С. А. Жебелёв заметил, что ему уже поздно приниматься за учебу, на это не хватит сил. Он произнес тогда весьма горькую фразу: «Если проживу до 70 лет, что является предельным возрастом для ученого, то буду считать себя счастливым» (Там же, л. 241). Сразу отмечу, что он прожил до 73 лет.

По результатам «чистки» из ГАИМК были уволены 17 человек, в том числе как социально чуждый человек М. В. Фармаковский (Там же, л. 302, 305). С. А. Жебелёв избежал наказания. Через три года после этих событий Л. М. Славин (рис. 51, 2), оценивая происшедшие тогда перемены, писал: «Пересмотрев кадры своих работников, освободившись от тех, кто мешал или не желал вести научную работу, применяя марксистско-ленинскую идеологию, Сектор привел к работе высококвалифицированных научных работников по античному обществу (Ковалёв, Тюменев, Кагаров и др.), до этого стоявших вне Академии, попытки привлечения которых ранее встречали возражения значительной части работников Разряда, тормозивших внедрению (так в документе. – Ю. В.) не только марксистских кадров, но и марксизма вообще» (ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 30, л. 22).

В соответствии с решениями высоких инстанций отделения ГАИМК были преобразованы в сектора: доклассовых обществ, античного общества (формации) и докапиталистических обществ. Последний квартал 1930 г. был объявлен ударным. На заседании Сектора античной формации 31 октября 1930 г. Ф. В. Кипарисов представил его заведующего – С. И. Ковалёва (рис. 4, 1; о нем см. Фролов 2006: 466–490). В соответствии с новыми установками вскоре в Секторе были созданы четыре рабочие группы (ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 28, л. 10):

1. Группа по сельскому хозяйству в Северном Причерноморье (руководитель – О. О. Крюгер).
2. Группа по промышленности в Северном Причерноморье (руководитель – А. В. Мишулин).
3. Группа по национальному и профессионально-классовому составу населения античных колоний Северного Причерноморья (руководитель – С. И. Ковалёв).
4. Группа по транспорту в Северном Причерноморье (руководитель – С. А. Семёнов-Зусер).

На заседании Сектора 4 ноября 1930 г. был принят производственный план, в соответствии с которым работа этого подразделения была нацелена на изучение технической стороны античного способа производства преимущественно на материале греческих колоний Причерноморья. Работа по-новому как будто закипела. В апреле 1932 г. О. О. Крюгер выступил с предложением вызвать на социалистическое соревнование сразу два Сектора ГАИМК – доклассовый и феодальный. Ударниками Сектора считались Е. И. Леви

(рис. 51, 3), Н. Д. Салганик, Л. М. Славин, П. Н. Шульц и сам О. О. Крюгер (ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 20, л. 33–34). В 1932 г. весь Сектор был объявлен ударным (Там же, 1933 г., д. 30, л. 2).

Годом раньше С. А. Семёнов-Зусер выступил с громким по названию докладом – «Буржуазная историография античного мира и ее апологет Бузескул (методология буржуазной античной археологии юга СССР: Фармаковский, Ростовцев, Штерн)». Как видим, Б. В. Фармаковский не просто был зачислен в буржуазные ученые, но в их ряду был поставлен на первое место. Тогда же в Секторе античной формации была создана («сконструировалась», как тогда писали) еще одна рабочая группа – методологическая, председателем которой стал А. И. Тюменев. В плоскости постановки проблемы для сотрудников были намечены следующие темы (Там же, 1931 г., д. 22, л. 1):

1. Проблема классов в античном обществе (К. М. Колобова).
2. Проблема античного феодализма (С. И. Ковалёв, Р. В. Шмидт).
3. Проблема социальной революции в античном мире (Н. Д. Салганик).
4. Предпосылки античного способа производства (А. С. Марков).
5. Роль колоний (Н. Д. Салганик, С. А. Семёнов-Зусер).
6. Торговый и денежный капитал в античном мире (А. И. Тюменев).
7. Регулятор античного хозяйства (О. О. Крюгер).
8. Техника при античном способе производства (Л. М. Славин, П. Н. Шульц).
9. Проблема гибели античного способа производства (Б. В. Казанский).
10. Место античного способа производства в ряду других (С. И. Ковалёв).
11. Диалектика развития античной экономики (А. В. Мишулин).
12. Методологическая критика основных немарксистских работ по античности (А. И. Тюменев).

Участники группы решили также составить картотеку высказываний об античности К. Маркса и Ф. Энгельса (С. И. Ковалёв), В. И. Ленина (Б. В. Казанский, К. М. Колобова, С. А. Семёнов-Зусер), Г. В. Плеханова (П. Н. Шульц, А. В. Мишулин, А. С. Марков), К. Каутского (П. Н. Шульц), Р. Люксембург (Н. Д. Салганик), П. Лафарга (С. И. Ковалёв). Новое время остро нуждалось в цитатниках!

Начало этого этапа, конечно, не ознаменовало собой полной перемены в издательской политике ГАИМК. Продолжали публиковаться работы, которые непосредственным образом не были нацелены на пропаганду марксистской теории (см. Зограф 1930; Богаевский 1931). Однако особую значимость, естественно, приобретали исследования, в которых проблемы истории Древней Греции и Рима трактовались с марксистских позиций. Уже в 1931 г. увидела свет брошюра С. А. Семёнова-Зусера «Родовая организация у скифов Геродота», в которой приведены весьма необычные трактовки социальной организации скифов-кочевников, воздействия на них греческой культуры и т. д. В частности автор писал: «Ионийский торговый, хищнический капитал, оккупировав побережье северного Причерноморья и речные пути в глубь степей, успел в течение 2–3 веков оказать свое губительное влияние на жизнь и быт кочевников» (Семёнов-Зусер 1931: 32–33). Вопрос о греческой оккупации побережья Черного моря ранее никогда не ставился, но его появление никак нельзя признать успехом советской науки.

В 1932 г. вышла сравнительно крупная работа С. И. Ковалёва, посвященная изложению марксистской концепции античного мира, точнее, античного способа производства (Ковалёв 1932). В ней много слов сказано о социальных революциях, роли земледелия и торговли в классической древности. Автор признавал, что «античный способ производства вообще не мог бы возникнуть без своего колониального окружения», поскольку оттуда в Грецию ввозилась масса рабов (Там же: 58–59). Проблемам социальной революции в античном обществе С. И. Ковалёв посвятил специальную публикацию (Ковалёв 1934).

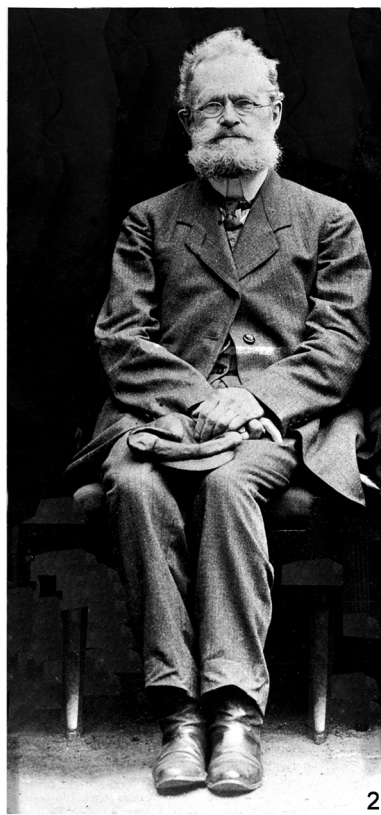

Рис. 49. 1 – Б. В. Фармаковский в Ольвии, 1925 г.; 2 – В. В. Латышев, 1919 г.; 3 – С. А. Жебелёв, 1929 г.

Рис. 50. Ольвийская экспедиция: 1 – раскопки ольвийской цитадели, 1924 г.; 2 – группа руководителей экспедиции (С. С. Дложевский, Е. О. Прушевская, Б. В. Фармаковский), 1925 г.; 3 – группа участников экспедиции у Зевского кургана, 1925 г.; 4 – И. И. Мещанинов, 1932 г.; 5 – Б. Л. Богаевский, 1941 г.; 6 – шарж 1932 г. на Б. Л. Богаевского; 7 – шарж 1932 г. на П. Н. Шульца

1

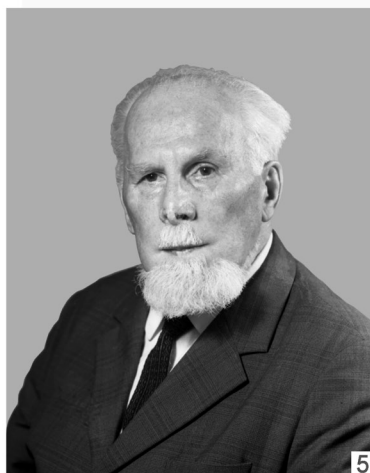
2

3

4

5

6

7

8

Рис. 51. 1 – А. Н. Карасёв; 2 – Л. М. Славин, 1931 г.; 3 – Е. И. Леви; 4 – В. Ф. Гайдукевич, 1949 г.; 5 – П. Н. Шульц, 1973 г.; 6 – Е. Г. Кастанаян, 1936 г.; 7 – Е. В. Ернштедт; 8 – Р. В. Шмидт (1, 3, 7, 8 – фото 1940 г.)

Рис. 52. 1 – В. Ф. Гайдукевич за рабочим столом, 1959 г.; 2 – В. Ф. Гайдукевич и Е. Г. Кастанаян на раскопках в Мирмекии, 1936 г.;

Рис. 53. 1 – А. Н. Зограф; 2 – М. И. Максимова; 3 – Т. Н. Книпович; 4 – М. А. Наливкина, 1938 г.; 5 – Е. И. Леви; 6 – А. Н. Карасёв; 7 – С. И. Капошина; 8 – И. Г. Шургая; 9 – И. Б. Брашинский (1, 3 – фото 1940 г., 2, 7 – фото 1949 г., 5, 6 – фото 1960-х гг., 8, 9 – фото 1960 г.)

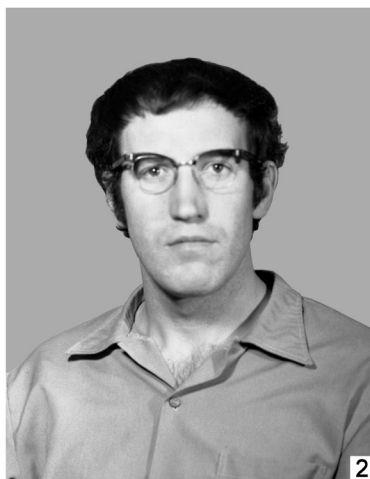
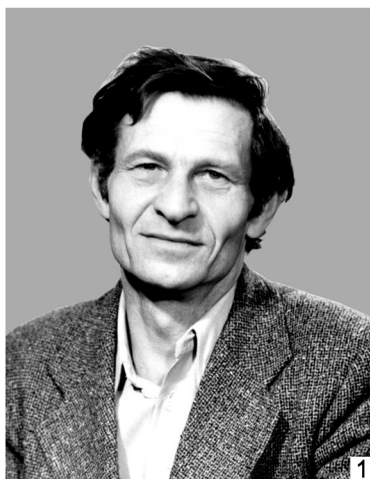

Рис. 54. 1 – А. Н. Щеглов, 1968 г.; 2 – К. К. Марченко, 1967 г.; 3 – В. И. Денисова, 1955 г.; 4 – Ольвийская экспедиция ЛОИА АН СССР около Алтаря Зевса в Ольвии, 1973 г., среди участников: Я. В. Доманский, Л. В. Копейкина, М. П. Ваулина, В. И. Дорохин (шофер экспедиции), Е. И. Леви, К. К. Марченко, В. Н. Гомолицкий, В. И. Денисова, Дж. Наман, Ю. Г. Виноградов

Рис. 55. 1 – участники Российско-Йеменской экспедиции на ступенях одного из раскопанных храмов, Райбунский оазис (Йемен), 2007 г., слева направо: А. Науман, С. А. Французов (эпиграфист), Е. А. Куркина (архитектор), Ю. А. Виноградов; 2 – святилище Аполлона у дер. Аногира (Кипр), 2012 г., слева направо: В. А. Горончаровский, Х. Трасу (президент Всеобщей электрической компании Кипра), Х. Макри (жена мэра Аногиры), А. Н. Роголёв (директор Российского культурного центра в Никосии)

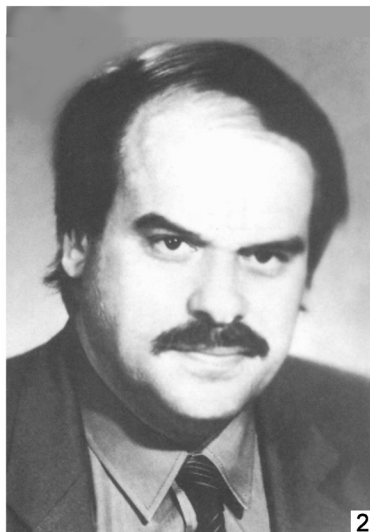

Рис. 56. 1 – Е. Г. Кастанаян, 1970-е гг.; 2 – Ю. В. Андреев, 1982 г.; 3 – Е. Я. Рогов, 1998 г.; 4 – сотрудники Отдела истории античной культуры, 2009 г., слева направо: сидят – С. В. Кашаев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Е. В. Грицик; стоят – В. А. Хршановский, И. Ю. Шауб, В. А. Горончаровский, О. В. Шаров, Р. В. Стоянов

Его трактовку проблемы становления античного общества как социальной революции активно поддержал А. И. Тюменев (Тюменев 1934а).

О. О. Крюгер видел в рабских восстаниях, разразившихся в античном мире во II–I вв. до н. э., начальный этап той революции, которая, по словам И. В. Сталина, «ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации» (Крюгер 1934а: 131). Эта сталинская цитата с тех пор стала кочевать из одной публикации в другую. Неудивительно, что тогда же А. Б. Мишулин начал изучение восстания рабов под руководством Спартака (Мишулин 1934). Важным итогом коллективной работы антиковедов ГАИМК этого времени стала подготовка сборника «Античный способ производства в источниках» (Античный способ... 1933).

Работа Ольвийской экспедиции была спланирована на 1931–1933 гг., предлагалось даже выработать план исследований на десятилетие, т. е. до 1941 г. (ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 776, л. 13). Тем не менее ее деятельность в это время в немалой степени осложнялась взаимоотношениями с украинскими партнерами. Экспедиция тогда была подчинена так называемому Комбинату черноморских археологических экспедиций Сектора науки Наркомпроса Украины, во главе которого стоял М. Ф. Болтенко. Он считал необходимым внести существенные перемены во взаимоотношения украинской и российской сторон и в письме к Н. Я. Марру в июне 1931 г. писал, что невозможно сохранение «той организационной, методической и методологической бесхребетности и обезлички, которая установилась после выбытия из руководства экспедицией Б. В. Фармаковского» (Там же, л. 23). Выработка новой системы, естественно, была делом очень нелегким, и, возможно, по этой причине Ольвийская экспедиция в 1931 г. не состоялась. В конце концов вопрос решился тем, что в 1936 г. археологические работы в Ольвии возглавил Л. М. Славин, в 1938 г. он переехал из Ленинграда в Киев, где стал главой украинского антиковедения, а на некоторое время – даже главой всей украинской советской археологии (см.: Крапивина 1996; Крапівіна 1997).

Успех обозначился на другом направлении исследований. В 1931 г. были проведены раскопки на городище Тамань (ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 778), а кроме того (сверх плана), были исследованы гончарные печи под Фанагорией. Изучение Тмутаракани-Гермонассы опять же были запланированы на три года с таким расчетом, чтобы в 1931 г. провести изучение культурных напластований времени средневековья, в 1932 г. сосредоточиться на изучении римских и эллинистических слоев, а в 1933 г. – классических и архаических (Там же, 1932 г., д. 87, л. 46). Любой специалист, посещавший городище, несомненно выразит удивление по поводу реалистичности трехлетнего плана его изучения. Многометровые напластования за такой срок, как представляется, просто невозможно вскрыть на сколь-либо широкой площади. Но во главе Таманской экспедиции был поставлен сам С. И. Ковалёв, сюда были направлены основные научные силы: Книпович, Семёнов-Зусер, Карасёв, Манцевич, Крюгер, Леви и др.

В конце декабря 1932 г. на заседании Сектора рабовладельческой формации выступили представители Московского отделения ГАИМК – В. Д. Блаватский и Б. Н. Граков. Они говорили о необходимости создания Керченской археологической экспедиции (Там же, д. 24, л. 53). Потребность в такой экспедиции возникла уже давно, но с развертыванием промышленного строительства под Керчью она стала абсолютно актуальной. Археологи в связи с этим выступили с предложением объявить Пантикапей и некоторые другие памятники древности заповедниками (Там же, д. 78). Идея создания Керченской экспедиции нашла полную поддержку, и Ф. В. Кипарисов подчеркнул, что ленинградские специалисты должны принять участие в этом деле.

Керченская (будущая Боспорская) экспедиция была создана в 1933 г., она объединяла научные силы ГАИМК, МО ГАИМК и ГМПИ (Там же, 1933 г., д. 129). Руководителем

экспедиции был назначен О. О. Крюгер. Планировалось, что ленинградцы проведут раскопки городища Тиритака (Славин, Гайдукевич, Колобова), которое тогда чаще называли Дия, а москвичи сосредоточатся на изучении его некрополя (Сергиевский, Блаватский, Харко). Экспедиция начала свои работы вполне успешно, в дальнейшем круг исследуемых памятников постепенно расширялся.

В 1934 г. экспедицией руководил Л. М. Славин, но он здесь не оставил заметного следа. Вероятнее всего, его уже более увлекал ольвийский (киевский) проект. Важно подчеркнуть другое – в Керченской экспедиции стала быстро всходить звезда В. Ф. Гайдукевича (рис. 51, 4). В 1934 г. он провел блестящие раскопки на городище Мирмекий (Гайдукевич и др. 1941) и на следующий год фактически возглавил экспедицию (Виноградов 2005а: 324–325; 2006а: 6–7). Личность этого человека заслуживает самого пристального внимания. Он не состоял в Коммунистической партии, не произносил патетических речей с высоких трибун, не писал статей об античном способе производства или о социальных революциях в Древней Греции, но именно он, казалось бы, с чисто вещеведческими работами (Гайдукевич 1934а; 1934б), стал выдвигаться на передовые позиции в советском антиковедении. Археологические раскопки, проводившиеся под руководством В. Ф. Гайдукевича в Мирмекии (рис. 52, 2), Тиритаке и других памятниках, дали богатейший научный материал для изучения культуры рядового боспорского населения. Открытие мирмекийских виноделен, а также тиритакских рыбозасолочных комплексов является одной из ярких страниц отечественной античной археологии.

В связи со сказанным необходимо сделать одну оговорку – на В. Ф. Гайдукевича очень большое влияние оказывал академик С. А. Жебелёв, и его идеям он оставался верен до конца. В частности, В. Ф. Гайдукевич всегда поддерживал концепцию о рабском восстании на Боспоре под руководством Савмака в 107 г. до н. э., выдвинутую С. А. Жебелёвым в 1932 г. (Жебелёв 1933). Он поддерживал эту концепцию даже тогда, когда она стала подвергаться весьма серьезной и, надо признать, заслуженной критике (Гайдукевич 1968а; 1968б).

Основой советской археологической науки на долгие годы стала «яфетическая теория» или «новое учение о языке» Н. Я. Марра. В плане изучения античных государств Северного Причерноморья эта теория нацеливала исследователей на поиски киммерийских городов, в которых, как представлялось ее создателю, поселились древние греки. Традиционное понимание греческой колонизации региона от этого, естественно, серьезнейшим образом трансформировалось, но на деле археологи, несмотря на все старания (см. Гайдукевич 1937: 221; 1947а: 138; 1947б: 189; 1947в: 89), никаких остатков киммерийских городов на берегах Черного моря не обнаружили. Любому непредвзятому человеку нетрудно понять, что марровские идеи для античной археологии (конечно, не только для нее одной!) оказались бесплодными, уводящими в мир априорных, антинаучных представлений (Виноградов 2000: 109, 112–113; 2005б: 76).⁷

В 1934 г. структура ГАИМК претерпела очередную существенную реформу. Сектора были преобразованы в институты, делившиеся, по понятным причинам, на кафедры. Сектор античной формации стал теперь именоваться Институтом истории рабовладельческого общества, директором его оставался С. И. Ковалёв. Институт состоял из четырех ка-

---

⁷ Сказанное не должно умалять заслуг Н. Я. Марра как выдающегося организатора науки. В отношении его вклада в языкознание дело тоже обстоит весьма неоднозначно, и наряду с работами критической направленности (Алпатов 2004) имеются и такие, в которых наследие этого ученого оценивается достаточно позитивно. В ряду последних назову сборник статей, подготовленный в Лозаннском университете (Швейцария) – *Un paradigme perdu: la linguistique marxiste*. Lausanne, 2005.

федр: Истории древнего и эллинистического Востока (во главе ее стоял В. В. Струве), Истории Древней Греции (А. И. Тюменев), Истории Древнего Рима (С. И. Ковалёв) и Истории античных колоний Северного Причерноморья (С. А. Жебелёв). Работа подразделений была нацелена на создание более «монументальных работ», подготовку докторских диссертаций, подчеркивалась необходимость издания «всякого рода источников» (ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 4, л. 43).

Важной задачей работы Института стала подготовка соответствующих учебников. Работа над учебником развернулась по четырем основным направлениям: т. I. «История классического Востока» (ред. В. В. Струве), т. II. «История античного общества до эпохи эллинизма» (ред. А. И. Тюменев), т. III. «Эллинизм и Рим» (ред. С. И. Ковалёв), приложение – «История античных колоний Северного Причерноморья» (ред. С. А. Жебелёв). Кроме учебника планировалось подготовить хрестоматию «Античный способ производства в источниках» (Там же, л. 76); целая бригада (Альтман, Кагаров, Жебелёв, Ковалёв, Книпович, Крюгер) работала над переводом «Гражданских войн» Аппиана (Там же, л. 89).

В отношении археологических исследований в 1934 г. планировалось провести четыре экспедиции. Две из них были весьма крупными, Керченская (Камыш-Бурун и Мирмекий) и Ольвийская, на них планировалось выделить по 10 тыс. руб. Еще две были скромней первых: Евпаторийская во главе с П. Н. Шульцем была нацелена на проведение разведок по южному берегу Крыма (3 тыс. руб.); Херсонесская экспедиция должна была работать совместно с Херсонесским музеем (2 тыс. руб.).

В 1934 г. из печати вышли сразу два выпуска «Известий ГАИМК», посвященные античной проблематике (101-й и 104-й). Первый из них был назван «Из истории античного общества», тон в нем задавали статьи о рабских восстаниях в Древней Греции. О. О. Крюгер, рассматривая вопрос о движении античных рабов в доэллинистическую эпоху, признал, что тогда «до больших мятежей общество еще не доросло» (Крюгер 1934б: 138). С. А. Жебелёв и С. И. Ковалёв выступили со статьей о восстаниях II–I вв. до н. э. Они признали, что, несмотря на изолированность и локальность этих восстаний, а также низкий уровень классового сознания рабов, эти движения подрывали устои рабовладельческого общества и тем самым обрекали его на гибель (Жебелёв, Ковалёв 1934: 180). А. И. Тюменев, выясняя классовую позицию Цицерона, пришел к заключению, что тот выступал как защитник интересов ростовщического капитала (Тюменев 1934б: 197). Большая статья Б. Л. Богаевского подводила итог и ставила новые задачи в изучении Крито-Микенской цивилизации (Богаевский 1934).⁸ Р. В. Шмидт дала весьма содержательный очерк истории Фессалии (Шмидт 1934).

---

⁸ А. А. Формозов считал, что наряду с другими работами по проблематике Крито-Микенской цивилизации перу Б. Л. Богаевского принадлежит книга «Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах во II тысячелетии до нашей эры», хотя на ее титульном листе обозначено имя совсем другого автора – А. Н. Дальский (Дальский 1937). По заключению А. А. Формозова, Б. Л. Богаевского просто обязали написать эту книгу для «внедрения в науку» надежного пролетарского кадра (Формозов 2011: 252–253). О научной деятельности А. Н. Дальского мы знаем очень немного. Известно, что в 1931 г. он «от рядовой массы» выступал на дискуссии «Древний Восток и азиатский способ производства», организованной феодальным и античным секторами ГАИМК. Речи его на этом заседании были не очень яркими, но по-своему показательными. Обращаясь к собравшимся, он заявил, что научная жизнь пойдет, «руководствуясь последним постановлением ЦК, а не по линии дискуссии ради дискуссии» (ф. 2, оп. 3, д. 172, л. 4), и, «если бы существовал наш учитель Владимир Ильич, он четко нам это указал бы и крепко намылил бы шею» (Там же, л. 2). Свою аспирантскую тему А. Н. Дальский тоже сформулировал как-то коряво – «Изучение истории театра и его материальной культуры в доклассовом и классовом искусстве» (Там же, л. 6). Тем не

104-й выпуск «Известий ГАИМК» имел подзаголовок «Из истории Боспора». Он был лишен методологической дидактичности первого и содержал ряд конкретно-исторических и археологических статей, до сих пор привлекающих внимание специалистов. В их ряду назову «Боспорские этюды» С. А. Жебелёва, в которых этот выдающийся антиковед рассматривал проблему образования Боспорского государства, некоторые важные моменты из истории Нимфея, Танаиса и пр. (Жебелёв 1934). Т. Н. Книпович выступила в сборнике сразу с двумя крупными статьями. Первая была посвящена изучению торговых связей греков с населением Подонья в VII–V вв. до н. э., в ней она впервые высказала идею о существовании доколониальных связей эллинов с местными племенами (Книпович 1934а: 107). Во второй статье подробно охарактеризованы археологические материалы, полученные в результате раскопок 1928 г. на Елизаветовском городище в Донской дельте (Книпович 1934б). Здесь же опубликована одна из первых крупных работ В. Ф. Гайдукевича – «Строительные керамические материалы Боспора» (Гайдукевич 1934б).

В 1935 г. вышел 108-й выпуск «Известий ГАИМК», названный «Из истории материального производства античного мира». Он содержал целый ряд крупных исследований: сельскохозяйственного производства в эллинистическом Египте (Крюгер 1935), техники виноделия (Альтман 1935), горного дела и металлообрабатывающего ремесла в Древней Греции (Шмидт 1935). Следует отметить и некоторые другие работы, опубликованные в это время (Колобова 1933; Ковалёв и др. 1934; Тюменев 1935; Альтман 1936).

Сталинские репрессии для ГАИМК начались не в 1937-м, а в 1936 г. Ф. В. Кипарисов, стоявший во главе Академии после смерти Н. Я. Марра, был отстранен от должности, а затем арестован вместе с влиятельной группой коммунистов, которую сразу стали называть «троцкистской бандой». С сентября 1936 г., т. е. после отставки Ф. В. Кипарисова, исполняющим обязанности председателя ГАИМК стал О. О. Крюгер, один из крупнейших специалистов в области папирологии и истории эллинизма. Через год, в октябре 1937 г., он тоже был отстранен от должности и вскоре арестован. К научной деятельности О. О. Крюгер смог вернуться только в 1957 г. (Некролог... 1967).

В 1937 г. ГАИМК была преобразована в Институт истории материальной культуры (директор И. А. Орбели, затем М. И. Артамонов), который вошел в структуру АН СССР. К моменту реформирования Институт истории рабовладельческого общества ГАИМК состоял всего из двух подразделений: Кафедры истории Древней Греции и Рима и Кафедры истории античных колоний Причерноморья. Первая из них почти не занималась изучением памятников материальной культуры, и ее сохранение в структуре ИИМК АН СССР было признано нецелесообразным. «Основной рабочей единицей» нового института по античной проблематике было решено сделать Кафедру истории античных колоний Причерноморья (ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 348, л. 7 об.). Она была преобразована в Сектор древнего Причерноморья, во главе которого был поставлен С. А. Жебелёв; всего же в ИИМКе было 10 секторов.

Важным результатом происшедшей реорганизации стали перемены в издательской политике, связанные с созданием альманаха «Советская археология», а также «Кратких сообщений Института истории материальной культуры АН СССР» и «Материалов и исследований по археологии СССР». В 1941 г. увидели свет сразу два издания, оставившие заметный след в истории отечественной античной археологии. Прежде всего, это МИА № 4, в котором впервые были опубликованы подробные отчеты о раскопках боспорских

менее над ней он работал серьезно, для сбора этнографических материалов совершил поездку на Кавказ и т. д. На мой взгляд, сомнения в его авторстве книги о театре вряд ли оправданны, а Б. Л. Богавский написал к ней предисловие, кстати довольно критичное, и, возможно, принял участие в редактировании текста.

городов (Книпович, Славин 1941; Гайдукевич и др. 1941). Специальный выпуск «Советской археологии» (№ 7) был посвящен 50-летию научной деятельности С. А. Жебелёва, в него представили статьи многие видные антиковеды того времени: В. Ф. Гайдукевич, Е. В. Ернштедт, А. Н. Зограф, С. И. Капошина, Т. Н. Книпович, М. И. Максимова, М. А. Наливкина, М. Е. Сергеенко и др. К тому времени уже был подготовлен к печати фундаментальный труд А. Н. Зографа «Античные монеты», но публикации его помешала война (Зограф 1951).

Следует обратить внимание и на то, что в 1940 г. в Киеве был опубликован объемный сборник, получивший название «Ольвия», т. 1. Он открывается большой статьей Л. М. Славина, посвященной результатам раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. (Славин 1940). Ученые ИИМКа представлены в этом томе целым рядом серьезных исследований. М. М. Худяк опубликовал здесь статью о терракотовых статуэтках (Худяк 1940), Е. И. Леви – о привозной керамике (Леви 1940), М. А. Наливкина выступила с публикацией костяных изделий (Наливкина 1940), А. Н. Зограф – с двумя статьями об ольвийских монетах (Зограф 1940а; 1940б). Весьма важным представляется исследование Т. Н. Книпович, посвященное изучению керамики местного производства. В нем она, в частности, заметила, что находки лепной посуды, происходящие из Ольвии, совершенно аналогичны керамике, производившейся в Скифии (Книпович 1940: 136). В сборнике были напечатаны, точнее, перепечатаны с некоторыми дополнениями, две статьи С. А. Жебелёва, вышедшие ранее (Жебелёв 1940а; 1940б). В общем, появление 1-го тома «Ольвии» с полной очевидностью свидетельствует, что сотрудничество археологов-антиковедов Ленинграда и Киева развивалось в это время вполне успешно.

Великая Отечественная война провела жирную черту по судьбам всех ленинградцев. Из археологов некоторые были призваны в армию, другие ушли в Народное ополчение. В их числе следует назвать П. Н. Шульца (рис. 51, 5), который к началу войны уже не работал в ИИМКе, но в начале июля 1941 г. стал ополченцем, а в конце месяца перешел в партизанский отряд. В его рядах он совершил ряд походов в тыл врага на Ленинградском, Тихвинском и Волховском фронтах. В 1942 г. стал проводником партизанского отряда, во время одного из переходов получил тяжелое ранение и был сильно обморожен (ф. 35, оп. 5, д. 368, л. 4). За боевые заслуги П. Н. Шульц был награжден орденом Славы 3-й степени.

ИИМК в годы войны и блокады – особая, трагичная и в высшей степени деликатная тема, заслуживающая специального исследования. Известно, что когда 7 ноября 1941 г. директор Института М. И. Артамонов выехал из Ленинграда, как гласит официальный документ, «в длительную командировку», то руководство учреждением было поручено С. А. Жебелёву (ф. 312, оп. 1, № 173, л. 3). Академик, конечно, имел не меньшее право на эвакуацию, но он не воспользовался им и остался в умирающем городе вместе со своими не столь титулованными коллегами.

Постепенно большая часть сотрудников была эвакуирована в тыл (в Ташкент и Елабугу), в том числе В. Ф. Гайдукевич (Виноградов 2005а: 327; 2006а: 10), некоторые остались в блокированном Ленинграде и героически трудились здесь, преодолевая нечеловеческие трудности, среди них – Е. Г. Кастанаян (рис. 51, 6; Виноградов 2008: 54–55), а другие сложили здесь свои головы: Е. В. Ернштедт (рис. 51, 7), Р. В. Шмидт (рис. 51, 8), А. Н. Зограф (рис. 53, 1) и др. В числе жертв блокады оказались судья и судимый «чистки» 1930 г. – Б. Л. Богаевский и С. А. Жебелёв. Трудно поверить, но в осажденном городе проходили научные заседания. В библиотеке ИИМК 20 января 1942 г. был проведен Пленум Института, посвященный памяти Н. Я. Марра и недавно умершего С. А. Жебелёва, в зале собралось 40 человек (ф. 312, оп. 1, д. 158, л. 2). В 1942 г. была защищена докторская диссертация М. Е. Сергеенко на тему «Земледелие в древней Италии». Е. В. Ернштедт

тоже подготовила докторскую диссертацию, но не смогла дожить до ее защиты (Там же, л. 4). В условиях эвакуации в Институте были созданы три сектора, в том числе Сектор античного мира, главой которого стала М. И. Максимова (рис. 53, 2; ф. 312, оп. 1, д. 153, л. 3). Эта замечательная женщина, находясь в Елабуге, работала над подготовкой перевода «Анабасиса» Ксенофонта, а также провела редактирование брошюры покойного Б. Л. Богаевского «Фашистские извращения в истории Эгейского мира» (ф. 312, оп. 1, д. 158, л. 8).

Перед археологами, эвакуированными в Ташкент, были поставлены три задачи:

1. Быть максимально полезными Родине в условиях войны.

2. Максимально использовать время пребывания для усиленного изучения древностей Средней Азии.

3. Продолжить плановые научные темы, начатые в условиях мирного времени (Там же, д. 152, л. 3).

Ташкентская группа антиковедов – Т. Н. Книпович (рис. 53, 3), М. А. Наливкина (рис. 53, 4), В. Ф. Гайдукевич трудилась над выполнением всех этих задач. Т. Н. Книпович, в частности, начала исследования по теме «Взаимодействие местных и античных элементов в культуре древнего Узбекистана». В. Ф. Гайдукевич занялся изучением древней агрикультуры Средней Азии, а М. А. Наливкина – среднеазиатскими терракотами (Там же, л. 5).

Победоносное завершение войны и постепенное возвращение страны к нормальной жизни привело к возобновлению деятельности археологических экспедиций. Боспорская экспедиция выехала в поле в 1946 г., Ольвийская – в том же 1946 г. На Боспоре под руководством В. Ф. Гайдукевича были продолжены масштабные раскопки Мирмекия и Тиритакис, вскоре было начато изучение Илурата и Порфмия. В Ольвии работы стали осуществляться замечательным научным и семейным тандемом – Е. И. Леви и А. Н. Карасёвым (рис. 53, 5, 6).

В мае 1946 г. от обязанностей заведующего Сектором древнего Причерноморья был освобожден С. И. Ковалёв,⁹ недолгое время исполняющим обязанности стал В. Ф. Гайдукевич, но в апреле 1947 г. заведующей Сектором была назначена М. И. Максимова (Виноградов 2005а; 2006а: 11). В том же году В. Ф. Гайдукевич завершил свое фундаментальное исследование «Боспорское царство», в 1949 г. оно было опубликовано монографически (Гайдукевич 1949). Эта книга стала настольной для нескольких поколений боспороведов, до сих пор не потеряв своего научного значения; расширенный ее вариант был издан в Германии после смерти автора (Gajdukevič 1971). Докторскую диссертацию по этой теме В. Ф. Гайдукевич успешно защитил 1 марта 1950 г. (ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 112). Лишь после этого события в феврале 1951 г. выдающийся ученый был назначен заведующим Сектором, ставшим в том же 1951 г. Группой античной археологии.

За большие успехи в труде Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1949 г. некоторые сотрудники ИИМКа получили правительственные награды. Среди антиковедов орденом Ленина была награждена Т. Н. Книпович (о ней см. Капошина 1967), а медалью «За трудовую доблесть» – С. И. Капошина (рис. 53, 7), Е. Г. Кастанаян и М. А. Наливкина. Т. Н. Книпович как раз в этом году опубликовала монографию, посвященную изучению античных древностей Нижнего Дона (Книпович 1949).

Нормальному продолжению работ, однако, вновь помешали перемены «в верхах». В июне 1950 г. была опубликована работа Сталина о вопросах языкознания, «разобла-

---

⁹ С. И. Ковалёв был назначен заведующим Сектором древнего Причерноморья 1 февраля 1944 г. (ф. 35, оп. 5, д. 145, л. 10), а с 16 июля 1944 г. даже исполнял обязанности заведующего Ленинградской группой ИИМК (Там же, л. 1, 9).

чившая» теорию Н. Я. Марра. Для большинства ведущих сотрудников Института она стала большим сюрпризом; необходимо было покончить с марристскими «заблуждениями» и адаптироваться к новой обстановке. Сделать это было трудно, а не сделать – опасно. Директор ИИМК М. М. Дьяконов сразу заявил, что в развитии советской науки наступили новые времена, и весь подчиненный ему коллектив переходит «на новый, более высокий этап своего развития при полной вооруженности <...> марксистско-ленинской теорией, с учетом всего того нового, что внесено в эту теорию последними гениальными трудами И. В. Сталина» (ф. 312, оп. 1, № 327, л. 3). В октябре 1950 г. в ИИМКе прошло партийное собрание, посвященное вопросам «перестройки». По поводу этого собрания М. М. Дьяконов докладывал начальству, что на нем «были случаи, когда товарищи весьма остро и, нужно сказать, во многом правильно критиковали других, но молчали о своих собственных ошибках (С. И. Капошина)» (Там же, л. 6). Нет сомнения, что С. И. Капошина (рис. 53, 7), всегда яростно отстаивавшая партийную линию в науке, по существу была марристкой (см. Капошина 1946: 223, 232; Ельницкий, Капошина 1950: 148), но от обвинений в марризме этой даме удалось отбиться лишь тем, что у нее не было ни единой публикации, специально посвященной прославлению Н. Я. Марра и его революционного учения. Вскоре вместе с В. Ф. Гайдукевичем она выступила с программной статьей, в которой, в частности, утверждалось, что Марр внес путаницу в представления о греческой колонизации, и греки переселялись не в киммерийские города, но на места издавна обжитые (Гайдукевич, Капошина 1951: 166).

В 1951 г. перед Античным сектором ИИМК были обозначены четыре основные задачи (ф. 312, оп. 1, № 340, л. 36–37):

1. Коллективная работа «Малые города Боспора», основанная на материалах раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурата (В. Ф. Гайдукевич, Е. Г. Кастанаян, М. А. Наливкина).
2. Серия очерков по истории культуры Ольвии (С. И. Капошина, А. Н. Карасёв, Е. И. Леви, Т. Н. Книпович).
3. «Античные года Юго-Восточного Причерноморья» (М. И. Максимова).
4. «Города Северо-Западного Крыма в античную эпоху (Керкинитида, Калос Лимен)» (М. А. Наливкина).

Надо признать, что намеченное в значительной степени удалось реализовать на практике. Материалы изучения «малых» городов Боспора вышли отдельным сборником в 1952 г. (МИА. № 25). В 1956 г. появился сборник «Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху» (МИА. № 50). Еще одним важным шагом в деле изучения ольвийских древностей стала коллективная работа – «Ольвия. Теменос и агора» (Ольвия... 1964). Конечно, два последних издания в значительной степени являются памятником тому творческому тандему (Е. И. Леви и А. Н. Карасёв), о котором кратко было сказано выше. В 1956 г. увидела свет уникальная в своем роде книга М. И. Максимовой об античных городах Юго-Восточного Причерноморья (Максимова 1956). Не менее важная веха – издание в 1955 г. сборника «Античные города Северного Причерноморья». В него вошли весьма содержательные исследования по политической истории, архитектуре и искусству всех греческих государств северного берега Черного моря. Первоначально, очевидно, предполагалось, что эта публикация откроет целую серию, на ней даже поставлен № 1, но первый том, увы, остался единственным.

В сентябре 1959 г. на базе ИИМК был создан Институт археологии АН СССР. Для ленинградских античников эта перемена не принесла никаких позитивных изменений; в структуре ЛОИА АН СССР была сохранена Группа античной археологии, во главе которой по-прежнему стоял такой авторитетный руководитель, как В. Ф. Гайдукевич (рис. 52, 1). Раскопки «малых» городов Боспора и Ольвии шли весьма интенсивно, полученные тогда материалы вошли в «золотой фонд» отечественной науки о классических древностях

(см. Гайдукевич 1981: 76 сл.; 1987). В. Ф. Гайдукевич понимал, что для адекватного постижения античной культуры необходимо изучение не только городов, но и сельских поселений. Важным шагом в этом направлении стало исследование сельской усадьбы в окрестностях Мирмекия (Гайдукевич 1981: 55 сл.). Еще одно важное начинание В. Ф. Гайдукевича, которое ему, к сожалению, не удалось довести до конца, было посвящено боспорским монументальным склепам с уступчатым перекрытием (Там же: 6 сл.). Эти ярчайшие памятники IV в. до н. э. считаются хрестоматийно известными, но, в общем, это не совсем верно, и в их изучении еще предстоит сделать очень и очень многое.

Сотрудники Группы в те годы принимали участие в работе по подготовке важнейших изданий, связанных с эпиграфикой античных государств Северного Причерноморья. Первым из них следует назвать «Корпус боспорских надписей» (М.: Л., 1965), в который вошли все известные к тому времени эпиграфические документы Боспора Киммерийского. В редколлегию «Корпуса» входили В. Ф. Гайдукевич и Т. Н. Книпович. В подготовке публикации активное участие принимал также И. Б. Брашинский, а одним из рецензентов «Корпуса» стал профессор О. О. Крюгер, который, как говорилось выше, некоторое время стоял во главе ГАИМКа, а затем пострадал от сталинских репрессий.¹⁰ Вторым из изданий такого рода стали «Надписи Ольвии (1917–1965)» (Л., 1968). Это издание стало продолжением свода ольвийских надписей В. В. Латышева, второе издание которого вышло в 1916 г. (IOSPE. I²). В редколлегию «Надписей» вошли Т. Н. Книпович и Е. И. Леви.

Жестоким ударом для Группы стала смерть В. Ф. Гайдукевича, скончавшегося на раскопках Мирмекия 9 октября 1966 г. (Виноградов 2006а: 14). После этого события некогда единый коллектив по существу развалился, его сотрудники еще долго спорили, кто же является учеником Виктора Францевича, а кто нет; кто настоящий его ученик, а кто не очень; кто должен встать во главе научного коллектива, а кто не имеет на это никакого права, и т. д. Раздоры весьма отрицательно сказались на состоянии нравственно-психологической обстановки в подразделении и, разумеется, на его научной деятельности. После смерти В. Ф. Гайдукевича временно исполняющим обязанности заведующего Группой стал его друг А. Л. Якобсон (ф. 312, оп. 1, д. 588, л. 16). Этот исследователь трудился совсем в другом подразделении ЛОИА и его научные интересы, в основном, лежали в области изучения средневекового Крыма, т. е. весьма далеко от античности. Неудивительно, что на этом посту он работал недолго. Тем не менее старая дружба принесла свои плоды: А. Л. Якобсон стал редактором двух последних книг В. Ф. Гайдукевича, которые были не вполне закончены автором (Гайдукевич 1981; 1987).

Непродолжительное время Группой на общественных началах руководил П. Н. Шульц. Здоровье этого немолодого, заслуженного человека становилось все хуже, и в 1971 г. заведующим был назначен один из самых близких для В. Ф. Гайдукевича людей – И. Г. Шургая (рис. 53, 8; Виноградов, Горончаровский 2004: 392).¹¹ Игорь Георгиевич до конца своих дней мечтал о восстановлении Отдела в былой силе и красе. С высоких трибун и в личных разговорах он неоднократно призывал к сохранению верности линии Жебелёва–

¹⁰ Недостатком этого издания является то, что оно лишено фотографических воспроизведений боспорских надписей. Альбом иллюстраций (Корпус боспорских надписей: альбом. СПб., 2004) увидел свет почти через 40 лет после публикации Корпуса.

¹¹ В 1975 г. И. Г. Шургая был смещен с поста заведующего под предлогом «разгрузки» его от слишком большой административной работы, мешавшей научной деятельности. В ЛОИА подходящей кандидатуры для замещения должности поначалу не нашлось, во главе Группы на недолгое время встала И. Т. Кругликова, осуществлявшая «дистанционное» управление из Москвы (Виноградов, Горончаровский 2004: 392). Вскоре на эту должность была назначена Е. Г. Кастанаян, занимавшая ее до 1979 г. (Виноградов 2008: 59), когда заведующим Группой вновь стал И. Г. Шургая.

Гайдукевича. Неудивительно, что именно он продолжил археологические раскопки на городище Илурат, бывшем, так сказать, одним из любимых «детей» В. Ф. Гайдукевича. Время, однако, требовало поиска новых путей, новых подходов к изучению археологического материала.

Крупной заслугой И. Г. Шургая было то, что он большое значение придавал пополнению Группы молодыми специалистами. Первым в коллектив в 1974 г. был принят И. Ю. Шауб (о нем см. Егоров, Андерсен 2012). Затем сюда пришли М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский и Е. Я. Рогов. Прилив «новой крови» способствовал улучшению нравственно-психологического климата в Группе, старые конфликты, конечно, не были забыты, но острота их проявлений притуплялась, и они постепенно стали отходить на второй план. Молодое пополнение активно включилось в научную работу подразделения, приступив к подготовке диссертационных исследований по различным аспектам развития античной культуры на северном берегу Понта, ее связей с культурами местного, варварского населения региона. Эти диссертации со временем стали успешно защищаться (Вахтина 1984; Горончаровский 1984; Шауб 1987; Виноградов 1990; Рогов 1998).

В начале 1970-х гг. прошлого века лицо ленинградской античной археологии в значительной мере стали определять, фигурально выражаясь, «три мушкетера» новой науки: И. Б. Брашинский, А. Н. Щеглов и К. К. Марченко.

И. Б. Брашинский (рис. 53, 9), 80-летие со дня рождения которого мы отметили в 2008 г. (Виноградов 2009б; Марченко 2009; Фролов 2009), был настоящим лидером в этой группе. С его великолепной работоспособностью, умением почувствовать проблему, прекрасным знанием зарубежного опыта (к сожалению, чисто теоретическим) он прокладывал новые пути для изучения культуры и истории греческих колоний Северного Причерноморья, античной торговли, греко-варварских взаимоотношений в регионе и т. д. (Брашинский 1963; 1980; 1985). Основной объект его археологического изучения – Елизаветовское городище на Нижнем Дону, демонстрирующее классическую схему развития от зимнего кочевья к городу (Брашинский, Марченко 1980).

А. Н. Щеглов (рис. 54, 1) – выдающийся археолог-полевик, с огромным вниманием относящийся к любому археологическому факту. В 1968 г. он перебрался в Ленинград из Севастополя, где работал в Херсонесском музее. Этот исследователь блестяще раскопал целую серию греческих поселений в Западном Крыму (см. Щеглов 1976; 1978; Hannestad et al. 2002), возглавляемая им Тарханкутская экспедиция стала настоящей школой, в которой прошли обучение многие ленинградские археологи-антиковеды, в том числе М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Е. Я. Рогов, С. В. Кашаев, В. Ф. Столба и др. Благодаря исследованиям А. Н. Щеглова в Западном Крыму, в частности, было установлено, что сельские поселения Херсонеса погибли здесь одновременно приблизительно в 270 г. до н. э. Это заключение позволило ученому обоснованно считать, что открытые им археологические комплексы могут быть поставлены в один ряд с такими опорными памятниками, как Олинф и Приена. Смерть Александра Николаевича в июне 2009 г. стала большой потерей для всего отечественного антиковедения.

К. К. Марченко (рис. 54, 2) очень многое взял у своих старших коллег. Вместе с И. Б. Брашинским он трудился в Донской дельте на раскопках Елизаветовского городища (Брашинский, Марченко 1980). Уже после смерти Иосифа Беньяминовича здесь была открыта боспорская колония, выведенная на оставленное варварами поселение (Марченко 1992; Марченко и др. 2000: 248–263). С середины 1970-х гг. в окрестностях Ольвии К. К. Марченко начал систематическое изучение сельских поселений, привлекая к этому по существу всех молодых ученых, которые тогда пришли в Группу (Н. К. Белая, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Н. В. Головачева, Е. Я. Рогов). Ни до этого времени, ни после ничего подобного в этой области больше не делалось. Постепенно здесь раскрывалась картина

дискретности в истории сельской округи, когда поселения разрастались буквально как грибы после дождя или же исчезали практически полностью (Марченко 1999; 2005). Все эти подъемы и падения стали рассматриваться как важный источник для понимания военно-политической ситуации (правильнее сказать, ситуаций) в степях региона, выявления периодов их дестабилизации или замирения. Это важное наблюдение стало одним из краеугольных положений в подготовленной К. К. Марченко докторской диссертации «Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII–I вв. до н. э.» (Марченко 1991). Неудивительно, что Константин Константинович пользовался и до сих пор пользуется заслуженным авторитетом среди коллег, в 1998–2006 гг. он был заведующим Отделом истории античной культуры.

В 1970–1980-х гг. крупные исследования по античной археологии публиковались совсем не часто. Выход книги рассматривался как важное событие в судьбе ученого. Кроме отмеченных выше монографий И. Б. Брашинского и А. Н. Щеглова назову еще четыре. Во-первых, это книга В. И. Денисовой (рис. 54, 3), посвященная изучению изделий коропластики, полученных в результате работ Боспорской экспедиции 30–60-х гг. XX в. (Денисова 1981). Во-вторых, монография Е. И. Леви об эллинистической Ольвии (Леви 1985). Елена Ивановна до середины 1970-х гг. возглавляла работы на Ольвийском городище (рис. 54, 4), продолжая традиции Б. В. Фармаковского. Еще две книги базировались на материалах лепной керамики, изготовленной в традициях местного населения Северного Причерноморья (Кастанаян 1981; Марченко 1988). В изучении этой категории археологического материала, дающей бесценную информацию о характере и интенсивности греко-варварских взаимоотношений в регионе, специалисты Группы античной археологии, на мой взгляд, заняли самые передовые позиции в отечественной науке.

В 1982 г. из жизни ушли сразу два представителя той генерации, которая, так сказать, вышла из «гнезда Гайдукевича», – сначала И. Г. Шургая, а затем И. Б. Брашинский. Утрата, конечно, была очень велика, но во главе Группы встала всеми уважаемая Е. Г. Кастанаян (рис. 56, 1; Виноградов 2008: 60), а более молодое поколение сумело продолжить изучение очень важных для Группы памятников. В 1982 г. В. А. Горнчаровский возглавил Илуратский отряд Боспорской экспедиции; в 1986 г. М. Ю. Вахтина из рук Е. Г. Кастанаян приняла руководство Порфмийским отрядом. Удалось даже расширить спектр изучаемых памятников – в 1982 г. были возобновлены раскопки на Мирмекии, которые стал проводить Ю. А. Виноградов.

С 1985 г. в полевых исследованиях Группы появилось еще одно, несколько неожиданное направление. Ю. А. Виноградов был приглашен к участию в работах Советско-Йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ), проводившей тогда изучение южноаравийской цивилизации в Западном Хадрамауте (см. Седов 2005). Работы этой экспедиции, вне всякого сомнения, следует признать гордостью отечественной науки (рис. 55, 1). Одним из главных объектов раскопок Археологического отряда СОЙКЭ было городище Райбун с окружающими его храмами, мелкими поселениями, оросительными системами и т. д. Одним из важных итогов работ на городище стало изучение «Участка здания 6», на котором впервые была получена стратиграфическая колонка развития местной культуры с V по I в. до н. э. (Виноградов 1996). В высшей степени ценные материалы были получены во время раскопок райбунских храмов (см. Виноградов 1994; Седов и др. 2005; Sedov 2005; Sedov, Vinogradov 2007). Вторым по значимости объектом археологических раскопок стал южноаравийский порт Кана, через который с конца I в. до н. э. по начало VII в. н. э. осуществлялись морские торговые связи между Средиземноморьем и Индией (см. Виноградов 1993; Седов 2005: 309 сл.; Vinogradov 2010a; 2010b).

В начале XXI в., когда, в силу изменившейся политической ситуации, археологические работы в Юго-Западной Аравии стали невозможны, российские исследователи

интенсифицировали усилия по изучению древностей о. Сокотра, принадлежащего Йемену (см. Наумкин 2012). Естественно, в первую очередь они стремились найти убедительные материалы о значении острова в международной морской торговле первых веков нашей эры. Долгое время этого сделать не удавалось, но на городище Хажря, недалеко от сокотрийской столицы Хадибо, неожиданно была приоткрыта другая любопытнейшая страница истории. Здесь были раскопаны остатки крупной общественной постройки VII/VIII–XII вв., которую можно интерпретировать как несторианскую церковь (Там же: 195 сл.; Виноградов 2012а). Лишь в 2010 г. в западной части побережья острова было открыто поселение Кош, на котором обнаружены керамические находки, относящиеся к II–V вв. н. э. (Виноградов 2011а; Наумкин 2012: 219–226). С полным удовлетворением можно признать, что теперь мы имеем археологические материалы о значении Сокотры на путях морской торговли в западной части Индийского океана, которые, в частности, связывали Индию с античным Средиземноморьем.

Вновь возвращаясь в 80-е гг. прошлого века, необходимо выделить одно событие, сыгравшее важную роль в жизни Группы античной археологии. В конце 1982 г. в Институт из Университета перешел один из крупнейших отечественных антиковедов – профессор Ю. В. Андреев (рис. 56, 2), с 1986 г. он встал во главе Группы (о нем см.: Шауб 1999; 2000а; 2000б; Зайцев 2000). Его книга «Цена свободы и гармонии», без сомнения, является жемчужиной российской историографии античности (Андреев 1998), еще один шедевр Юрия Викторовича – «От Евразии к Европе» (Андреев 2002). В золотой фонд отечественной античной библиотеки вошли и другие работы исследователя (Андреев 2003; 2004а; 2004б; 2008; 2010). За эти труды ученый, если бы это было возможным, должен был бы получать не Государственную, а Нобелевскую премию. Но государственные премии у нас даются не очень щедро, а нобелевских в области истории, как известно, не существует вообще. Ю. В. Андреев сумел организовать сотрудников Группы на написание большой коллективной работы «Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху», увидевшей свет в 2005 г., уже после его смерти. Показательно, что она была опубликована ровно через 50 лет после предыдущей коллективной работы – первого (и последнего) тома «Античных городов Северного Причерноморья». В ряду знаковых событий, разумеется, надо назвать фундаментальную монографию «Елизаветовское городище на Дону», в которой обобщены все материалы, добытые на этом памятнике (Марченко и др. 2000). В 1991 г., когда наш Институт стал самостоятельным, независимым научным учреждением, иными словами, был воссоздан Институт истории материальной культуры (Кирчо 1992: 233), Группа античной археологии изменила название и именуется теперь Отделом истории античной культуры.

При Ю. В. Андрееве в Отдел было принято несколько молодых сотрудников: С. В. Кашаев, В. Ф. Столба, Ю. Б. Устинова, П. В. Шувалов. Так уж получилось, что их деятельность, по большей части, не принесла тех позитивных результатов, которые были связаны с предыдущей генерацией. Такое положение во многом следует объяснять тем обстоятельством, что в конце 1980-х–начале 1990-х гг. жизнь нашей страны претерпела столь фундаментальные перемены, что для многих молодых людей работа за границей стала представляться (да и сейчас представляется!) чуть ли не единственным выходом из кризисной, почти тупиковой ситуации. По существу из названных лиц лишь С. В. Кашаев, прошедший прекрасную полевую школу в экспедициях А. Н. Щеглова и Е. Я. Рогова, продолжает вести систематические раскопки поселений и некрополей на Таманском полуострове. Судьба трех других сложилась иначе.

Ю. Б. Устинова успешно занималась изучением частных культовых сообществ Греции, основываясь на эпиграфических документах (Устинова 1988), но в 1990 г. она переехала на постоянное место жительства в Израиль. П. В. Шувалов считался единственным

в нашем Институте специалистом по переходному периоду от поздней античности к раннему средневековью, по этой тематике он защитил диссертацию (Шувалов 1989), но в 1998 г. перешел на преподавательскую работу в Санкт-Петербургский государственный университет. В. Ф. Столба вышел из Тарханкутской экспедиции А. Н. Щеглова и проявил большой интерес к изучению античных древностей Северо-Западного Крыма, его кандидатская диссертация была посвящена истории взаимодействий Херсонеса Таврического со скифами (Столба 1990). Уже в 1990-х гг. он сумел наладить тесные деловые связи с учеными Западной Европы, в особенности Дании. В 2002 г. В. Ф. Столба стал сотрудником Датского центра Черноморских исследований при университете г. Орхус, в то же время оставаясь и сотрудником ИИМК. Его интерес к памятникам Херсонеса поначалу не ослабел, и вместе с Т. Н. Смекаловой он даже трудился над составлением археологической карты Крыма (Смекалова, Столба 2009). Особой заслугой В. Ф. Столбы является издание материалов, полученных во время работ экспедиции А. Н. Щеглова в Западном Крыму. В Дании вышли два крупных тома: первый посвящен усадьбе 6 поселения Панское (Hannestad et al. 2002), второй – некрополю этого поселения (Stolba, Rogov 2012). Жизнь в Западной Европе, однако, закономерно приводила к тому, что связь исследователя с нашим Институтом становилась все слабей и слабей, наконец, в его стенах он фактически перестал появляться. В январе 2012 г. В. Ф. Столба был уволен из ИИМК по собственному желанию.

Как видим, некоторые сотрудники Отдела стали по тем или иным причинам покидать его, чего лет 30–40 назад было просто невозможно представить. Сложившуюся ситуацию можно было бы признать не особенно трагичной, если бы всем этим потерям находилась «замена» из числа выпускников Санкт-Петербургского университета. Однако изучение античной археологии, как представляется, все меньше стало привлекать нашу студенческую молодежь.

На рубеже 1980–1990-х гг. обозначились и другие, весьма невеселые тенденции. Мы постепенно теряли Ольвию, последний сезон, проведенный экспедицией ЛОИА АН СССР во главе с В. И. Денисовой, имел место в 1989 г. Крушение Советского Союза вообще означало конец всех наших экспедиций, работавших на территории Украины. При фактическом отсутствии финансирования проводить раскопки можно было только в России, прежде всего на Таманском п-ове. Наши отряды перебирались туда с большими сложностями, мирясь с недостатком снаряжения (по существу с нищетой!), преодолевая непонимание местных властей и некоторых непетербургских коллег. Активным участником этого перехода был Е. Я. Рогов – человек очень одаренный, жизнелюбивый и добрый (рис. 56, 3). Очень жаль, что Е. Я. Рогова нет сейчас с нами, в 2001 г. нелепая случайность для него оказалась смертельной (о нем см. Вахтина и др. 2002). Так уж получилось, что главные труды этого талантливого археолога были опубликованы уже после его смерти. Исследование Е. Я. Рогова, посвященное греко-варварским взаимоотношениям в Западном Крыму, является в своем роде эталонным (Рогов 2005). Особо следует выделить публикацию его кандидатской диссертации «Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму» (Рогов 2011; Stolba, Rogov 2012), которая подвела итог многолетних археологических раскопок уникального памятника, имеющего значение для всего Северопричерноморского региона.

В очень трудное для Отдела время (1998–январь 2006 г.) во главе Отдела стоял К. К. Марченко. Он сделал попытку стимулировать работу коллектива, приняв на работу двух уже вполне сформировавшихся исследователей – О. В. Шарова и Р. В. Стоянова. О. В. Шаров был зачислен в штат Института в 2003 г., он был уже авторитетным специалистом в области изучения древностей Восточной Европы первых веков нашей эры. Сферой его особых научных интересов была хронология черняховской археологической культуры и европейского Барбарикума, а также германские древности Центральной Европы

и Скандинавии позднеримского времени. После П. В. Шувалова в Отделе никто этой тематикой специально не занимался, и возобновление исследований в обозначенном направлении можно признать вполне удачным.

Р. В. Стоянов закончил Киевский университет им. Т. Шевченко. Он был принят в ИИМК в 2005 г., но свою кандидатскую диссертацию защитил в стенах нашего Института еще в 2004 г., когда работал в заповеднике «София Киевская». Его диссертационная работа была посвящена изучению некрополя Херсонеса Таврического V–I вв. до н. э. (Стоянов 2004). Поначалу этот исследователь активно включился в работы Боспорской экспедиции ИИМК на Таманском п-ове, но вскоре переключил свое внимание на Турцию. С 2009 г. он трудится в Университете 18 марта г. Чанаккале, где в 2011–2012 гг. проводил исследования по теме «Межкультурные взаимодействия в Северо-Западной Анатолии в VII–II вв. до н. э.». В 2012–2013 гг. Р. В. Стоянов работает там по другой теме – «Греко-варварские взаимодействия в Северо-Западной Анатолии в VI–III вв. до н. э.». Одновременно он продолжает участвовать в научных проектах нашего Отдела.

В 2006–первой половине 2012 гг. заведующим Отделом истории античной культуры ИИМК РАН был Ю. А. Виноградов (о нем см. Шауб 2010а), с июня 2012 г. во главе коллектива встал В. А. Горончаровский. Оценивая современное состояние Отдела, следует говорить о его сложности, хотя к этой сложности все как будто уже привыкли (Виноградов, Кашаев 2006; 2012). Сейчас в Отделе насчитывается девять сотрудников (рис. 56, 4), из них семеро активно трудятся в области изучения античных древностей Северного Причерноморья. Из этих семерых пять являются докторами исторических наук, это К. К. Марченко, защитивший диссертацию в 1991 г. (Марченко 1991); остальные прошли этот рубеж уже в XXI столетии (Виноградов 2002а; Горончаровский 2005; Шаров 2009; Шауб 2010б). Такая концентрация специалистов столь высокой квалификации в одном коллективе является уникальной для Института.

С удовлетворением следует признать, что нам удалось сохранить Боспорскую экспедицию, при этом от «старой» экспедиции остался единственный отряд, который под руководством М. Ю. Вахтиной ведет раскопки на городище Порфмий в Восточном Крыму (см. Вахтина 2009а). Три «новых» отряда трудятся на Таманском п-ове. Семибратний отряд во главе с В. А. Горончаровским периодически проводит раскопки на Семибратнем городище (древний Лабрит?), которое традиционно связывается со столицей Синдского государства (Горончаровский 2007; 2009а). На крупном античном поселении Артющенко-1 проводит исследования Бугазский отряд, который возглавляет Ю. А. Виноградов. Здесь открыты археологические комплексы, относящиеся к различным хронологическим срезам от конца VI в. до н. э. по IV в. н. э. (см. Виноградов 2002б; 2011б). Таманский отряд, которым первоначально руководил Е. Я. Рогов, сейчас возглавляет С. В. Кашаев. Этот отряд провел раскопки на поселении Артющенко-2 и городище Вышестеблиевская-11 (см. Стоянов 2010), но особе значение имеет изучение некрополя Артющенко-2. Здесь открыто около 250 погребений, относящихся, в основном, к V–IV вв. до н. э. (Кашаев 2009). В 1998–2001 гг. в работах Таманского отряда активное участие приняли немецкие ученые из Вестфальского университета г. Мюнстера (см.: Vinogradov et al. 2001).

В 2008 г. впервые в истории Отдела была создана экспедиция, проводящая археологические работы в Средиземноморье, на о. Кипр. Эту экспедицию возглавляет В. А. Горончаровский, она ведет исследования святилища, предположительно Аполлона, около села Аногира (рис. 55, 2). Полученные материалы позволяют датировать это святилище в пределах II–IV вв. н. э.

Сотрудники Отдела принимают участие в коллективных исследовательских проектах Института. В их числе выделю фундаментальное издание «Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной

археологии и охраны культурного наследия» (СПб., 2009). На его страницах детально проанализирована деятельность Императорской Археологической комиссии по изучению древностей Скифии (Вахтина 2009б), Боспора (Виноградов 2009а), Херсонеса Таврического (Стоянов 2009) и Ольвии (Виноградов, Мусин 2009).

Столь же отраднo, что продолжают публиковаться материалы археологических исследований на различных античных памятниках. В частности, были опубликованы материалы крымского некрополя Чатыр-Даг (см. Мыц и др. 2006; Шаров 2007), имеющего большое значение для изучения культуры Восточного Крыма в первые века нашей эры. Особая роль в изучении этого памятника принадлежит О. В. Шарову, который, как уже говорилось, перешел на работу в Отдел в 2003 г. (рис. 56, 4).

Большой научный интерес вызвала коллективная монография, подготовленная О. В. Шаровым в сотрудничестве с М. Б. Щукиным и М. М. Казанским (Shchukin et al. 2006). В ней рассмотрены проблемы археологии эпохи Великого переселения народов. Вышли две монографии И. Ю. Шауба: одна из них посвящена исследованию религиозной жизни греческих государств Северного Причерноморья (Шауб 2007), во второй рассматриваются вопросы сходства некоторых особенностей культур местного населения и греко-колонистов северного берега Понта, с одной стороны, и этрусков, италиков и пр. – с другой (Шауб 2008). Сотрудники Отдела достигли немалых успехов в изучении военного дела в Древней Греции и Риме, на Боспоре и в Ольвии (Горончаровский 2003; 2008; 2009б; 2011; Виноградов 2004; 2006б; Виноградов, Горончаровский 2009; Андерсен, Шауб 2008; Шауб, Андерсен 2008; 2009). В 2012 г. увидела свет монография Ю. А. Виноградова, посвященная истории боспорской археологии времени деятельности Императорской Археологической комиссии (Виноградов 2012б). В 2012 г. вышел также первый том серийного издания «Юз-Оба: Курганный некрополь аристократии Боспора», в котором, наряду с прочим, впервые опубликованы все материалы о раскопках этого уникального памятника, хранящиеся в НА ИИМК РАН (Виноградов и др. 2012).

В 2009 г. вышел из печати сборник Отдела «Степи Евразии и история Боспора Киммерийского» (Боспорские исследования. Вып. 22), над которым наши сотрудники трудились 3 года. В 2011 г. закончена подготовка нового сборника – «Курганные древности Боспора», который тоже запланирован к публикации в одном из выпусков «Боспорских исследований». Опыт совместной работы сотрудников Отдела в рамках одной исследовательской темы, нацеленной на издание крупного итогового труда, продемонстрировал свою безусловную перспективность. Сейчас большая часть сотрудников Отдела трудится в рамках проекта «Элита Боспора Киммерийского. Традиции и инновации в аристократической культуре».

Важным явлением в научной жизни нашей страны стали международные научные конференции «Боспорский феномен», которые начиная с 1998 г. проведены в Петербурге уже девять раз. Наш Отдел в лице М. Ю. Вахтиной и С. В. Кашаева является одним из организаторов всех этих мероприятий. В работе каждого из «Боспорских феноменов» принимают участие от 50 до 80 исследователей, при этом не только из России, но и из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Имеющиеся достижения, разумеется, не закрывают огромной проблемы, о которой частично уже было сказано выше. Эта проблема, связанная с отсутствием молодых кадров, с каждым годом ощущается все более и более остро. По понятным причинам она грозит разрывом преемственности в изучении классического наследия Северного Причерноморья, а в более отдаленной перспективе – уничтожением одного из важных центров петербургского антиковедения.¹² В январе 2012 г. в состав Отдела была принята Е. В. Грицик.

¹² С Отделом истории античной культуры ИИМК РАН сейчас сотрудничают такие профессиональные археологи, как Е. В. Лебедева, А. Е. Терещенко и В. А. Хршановский.

С этой молодой, перспективной исследовательницей, которая активно занимается проблемой боспорских городов эпохи эллинизма (прежде всего Мирмекия), связаны немалые надежды, но ситуация требует намного более активного привлечения молодежи.

В 2018 г. Отдел истории античной культуры должен отметить 100-летие со дня создания. Очень хочется верить, что этот юбилей не станет для него последним.

- Алпатов 2004 – *Алпатов В. М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 2004.
- Альтман 1935 – *Альтман М. С.* Техника виноделия в древней Греции // ИГАИМК. 1935. Вып. 108. С. 115–146.
- Альтман 1936 – *Альтман М. С.* Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера. 1936 (ИГАИМК. Вып. 124).
- Андерсен, Шауб 2008 – *Андерсен В., Шауб И.* Македонцы в бою. М., 2008.
- Андреев 1998 – *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998.
- Андреев 2002 – *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III–начало I тыс. до н. э.). СПб., 2002.
- Андреев 2003 – *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис (гомеровский период): Избранные статьи. СПб., 2003.
- Андреев 2004а – *Андреев Ю. В.* Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н. э. СПб., 2004.
- Андреев 2004б – *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004.
- Андреев 2008 – *Андреев Ю. В.* Архаическая Спарта. Искусство и политика. СПб., 2008.
- Андреев 2010 – *Андреев Ю. В.* В ожидании «греческого чуда»: Из записных книжек. СПб., 2010.
- Античный способ... 1933 – Античный способ производства в источниках. 1933 (ИГАИМК. Вып. 78).
- Арциховский 1929 – *Арциховский А.* Новые методы в археологии // Историк-марксист. 1929. Т. 14. С. 136–155.
- Блаватский 1948 – *Блаватский В. Д.* Б. В. Фармаковский – исследователь античного мира // КСИИМК. 1948. Вып. 22. С. 8–13.
- Богаевский 1931 – *Богаевский Б. Л.* Гончарные божества минойского Крита. 1931 (ИГАИМК. Т. 7, вып. 9).
- Богаевский 1934 – *Богаевский Б. Л.* Современное состояние изучения «эгейской культуры» на Западе и в Америке и наши исследовательские задачи // Из истории античного общества. 1934. С. 7–74 (ИГАИМК. Вып. 101).
- Борисковский 1980 – *Борисковский П. И.* Первые 30 лет Института археологии АН СССР // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 5–10.
- Брашинский 1963 – *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М., 1963.
- Брашинский 1980 – *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л., 1980.
- Брашинский 1985 – *Брашинский И. Б.* Методика исследования античной торговли. Л., 1985.
- Брашинский, Марченко 1980 – *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Елизаветовское городище на Дону // СА. 1980. № 1. С. 211–218.
- Вахтина 1984 – *Вахтина М. Ю.* Греко-варварские контакты VII–VI вв. до н. э. по материалам степной и лесостепной зон Северо-Западного Причерноморья и Крыма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.
- Вахтина 2009а – *Вахтина М. Ю.* Порфмий – греческий город у переправы через Киммерийский Боспор // БИ. 2009. Вып. 22. С. 91–126.
- Вахтина 2009б – *Вахтина М. Ю.* Императорская Археологическая Комиссия и изучение скифских древностей юга Российской империи // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. С. 402–486.

- Вахтина и др. 2002 – *Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Зуев В. Ю.* Евгений Яковлевич Рогов. Основные вехи биографии // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища: Материалы Междунар. конф. СПб., 2002. Ч. 1. С. 7–17.
- Виноградов 1990 – *Виноградов Ю. А.* Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI–III вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990.
- Виноградов 1993 – *Виноградов Ю. А.* Новые данные о южноаравийском порте Кана (I–VI вв. н. э.) // АВ. 1993. № 2. С. 72–79.
- Виноградов 1994 – *Виноградов Ю. А.* Раскопки храма Зат-Химьям в западном Хадрамауте (Райбун V) // АВ. 1994. № 3. С. 88–95.
- Виноградов 1996 – *Виноградов Ю. А.* Археологические исследования на участке здания 6 // Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.). М., 1996. С. 68–84 (Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Т. 2).
- Виноградов 2000 – *Виноградов Ю. А.* Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // STRATUMplus. 2000. № 3. С. 98–128.
- Виноградов 2002а – *Виноградов Ю. А.* Архаические комплексы поселения Артющенко I // Таманская старина. СПб., 2002. Вып. 4. С. 61–66.
- Виноградов 2002б – *Виноградов Ю. А.* Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002. 33 с.
- Виноградов 2004 – *Виноградов Ю. А.* «Там закололся Митридат...»: Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху. М.; СПб., 2004.
- Виноградов 2005а – *Виноградов Ю. А.* К 100-летию со дня рождения В. Ф. Гайдукевича // АВ. 2005. № 12. С. 323–330.
- Виноградов 2005б – *Виноградов Ю. А.* Концепция греческой колонизации Боспора в трудах В. Ф. Гайдукевича // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Виктора Францевича Гайдукевича. СПб., 2005. С. 74–80.
- Виноградов 2006а – *Виноградов Ю. А.* Памяти В. Ф. Гайдукевича // БИ. 2006. Вып. 13. С. 3–15.
- Виноградов 2006б – *Виноградов Ю. А.* Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н. э.–IV в. н. э.). СПб., 2006.
- Виноградов 2008 – *Виноградов Ю. А.* Вспоминая Елизавету Григорьевну Кастанаян // ЗИИМК. 2008. № 3. С. 51–64.
- Виноградов 2009а – *Виноградов Ю. А.* Императорская Археологическая Комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. С. 248–401.
- Виноградов 2009б – *Виноградов Ю. А.* Расширенное заседание Отдела истории античной культуры РАН, посвященное памяти И. Б. Брашинского (1928–1982) // ЗИИМК. 2009. № 4. С. 212–213.
- Виноградов 2011а – *Виноградов Ю. А.* Важное археологическое открытие на острове Сокотра (Йемен) // ВДИ. 2011. № 4. С. 99–105.
- Виноградов 2011б – *Виноградов Ю. А.* Комплекс IV в. н. э. на поселении Артющенко I (Таманский полуостров) // Европейская Сарматия: Сб., посвящ. Марку Борисовичу Щукину. СПб., 2011. С. 314–320.
- Виноградов 2012а – *Виноградов Ю. А.* Открытие несторианской (?) церкви на острове Сокотра // Новый Гермес. 2012. Вып. 5. С. 100–115.
- Виноградов 2012б – *Виноградов Ю. А.* Страницы истории боспорской археологии: Эпоха Императорской Археологической комиссии (1859–1917). 2012 (БИ. Вып. 27).
- Виноградов, Горончаровский 2004 – *Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Памяти Учителя // АВ. 2004. № 11. С. 391–393.
- Виноградов, Горончаровский 2009 – *Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э.–середина III в. н. э.). СПб., 2009 (Труды ИИМК РАН. Т. 25).

- Виноградов и др. 2012 – *Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н.* Юз-Оба: Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. 1. История изучения и топография. Симферополь; Керчь, 2012.
- Виноградов, Кашаев 2006 – *Виноградов Ю. А., Кашаев С. В.* Отдел истории античной культуры // ЗИИМК. 2006. № 1. С. 140–147.
- Виноградов, Кашаев 2012 – *Виноградов Ю. А., Кашаев С. В.* Отдел истории античной культуры (2006–2010 гг.) // ЗИИМК. 2012. № 7. С. 194–199.
- Виноградов, Мусин 2009 – *Виноградов Ю. А., Мусин А. Е.* Императорская Археологическая Комиссия и исследование древней Ольвии // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. С. 487–521.
- Гайдукевич 1934а – *Гайдукевич В. Ф.* Античные керамические обжигательные печи (по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг.). 1934 (ИГАИМК. Вып. 80).
- Гайдукевич 1934б – *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы // Из истории Боспора. 1934. С. 211–315 (ИГАИМК. Вып. 104).
- Гайдукевич 1937 – *Гайдукевич В. Ф.* Боспорские города Тиритака и Мирмекий на Керченском полуострове // ВДИ. 1947. № 1. С. 216–239.
- Гайдукевич 1941 – *Гайдукевич В. Ф.* Академик Сергей Александрович Жебелёв как исследователь Северного Причерноморья // СА. 1941. № 7. С. 7–12.
- Гайдукевич 1947а – *Гайдукевич В. Ф.* Археологические исследования в Восточном Крыму // Вестник ЛГУ. 1947. № 12. С. 137–139.
- Гайдукевич 1947б – *Гайдукевич В. Ф.* Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия (10 лет работ Боспорской археологической экспедиции) // ВДИ. 1947. № 3. С. 187–204.
- Гайдукевич 1947в – *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия // КСИИМК. 1947. Вып. 21. С. 89–91.
- Гайдукевич 1949 – *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Гайдукевич 1968а – *Гайдукевич В. Ф.* К дискуссии о восстании Савмака // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 81–95.
- Гайдукевич 1968б – *Гайдукевич В. Ф.* О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н. э. // Античное общество. М., 1968. С. 17–22.
- Гайдукевич 1981 – *Гайдукевич В. Ф.* Боспорские города: Уступчатые склепы, эллинистическая усадьба, Илурат. Л., 1981.
- Гайдукевич 1987 – *Гайдукевич В. Ф.* Античные города Боспора: Мирмекий. Л., 1987.
- Гайдукевич, Капошина 1951 – *Гайдукевич В. Ф., Капошина С. И.* К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. 1951. Т. 15. С. 162–187.
- Гайдукевич и др. 1941 – *Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О.* Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 г. // МИА. 1941. № 4. С. 110–148.
- Горончаровский 1984 – *Горончаровский В. А.* Эллинистический Пергам и Северное Причерноморье (К проблеме контактов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.
- Горончаровский 2003 – *Горончаровский В. А.* Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. М.; СПб., 2003.
- Горончаровский 2005 – *Горончаровский В. А.* Военное дело и военно-политическая история Боспора в середине I в. до н. э.–середине III в. н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2005.
- Горончаровский 2007 – *Горончаровский В. А.* Исследования южной части Семибратнего городища (Лабриса) в 2001–2005 гг. // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб., 2007. С. 50–56.
- Горончаровский 2008 – *Горончаровский В. А.* Гладиаторы в бою: На арене и полях сражений. М., 2008.
- Горончаровский 2009а – *Горончаровский В. А.* Лабрис (Семибратнее городище) и синды (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2008 гг.) // БИ. 2009. Вып. 22. С. 150–187.
- Горончаровский 2009б – *Горончаровский В. А.* Арена и кровь: Римские гладиаторы между жизнью и смертью. СПб., 2009.

- Горончаровский 2011 – *Горончаровский В. А.* Спартакоская война: Восставшие рабы против римских легионов. СПб., 2011.
- Дальский 1937 – *Дальский А. Н.* Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах во II тысячелетии до нашей эры. М.; Л., 1937.
- Денисова 1981 – *Денисова В. И.* Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л., 1981.
- Егоров, Андерсен 2012 – *Егоров А. Б., Андерсен В. В.* К 60-летию Игоря Юрьевича Шауба // Новый Гермес. 2012. Вып. 5. С. 181–186.
- Ельницкий, Капошина 1950 – *Ельницкий Л. А., Капошина С. И.* Вопросы древней истории в «Кратких сообщениях ИИМК», вып. XII–XXV // ВДИ. 1950. № 1. С. 143–153.
- Жебелёв 1923 – *Жебелёв С. А.* Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 1–2.
- Жебелёв 1926 – *Жебелёв С. А.* Василий Васильевич Латышев // Византийский временник. 1926. Т. 24. С. 105–110.
- Жебелёв 1929 – *Жебелёв С. А.* Памяти Бориса Владимировича Фармаковского // СГАИМК. 1929. Вып. 2. С. V–XXIV.
- Жебелёв 1933 – *Жебелёв С. А.* Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. 1933 (ИГАИМК. Вып. 70).
- Жебелёв 1934 – *Жебелёв С. А.* Боспорские этюды // Из истории Боспора. 1934. С. 7–56 (ИГАИМК. Вып. 104).
- Жебелёв 1940а – *Жебелёв С. А.* Что понимать под «Борисфеном» в IOSPE, I², 24 // Ольвия. Киев, 1940. Т. 1. С. 275–280.
- Жебелёв 1940б – *Жебелёв С. А.* Ольвия и Мифрадат Евпатор (IOSPE, I², 35) // Там же. С. 281–299.
- Жебелёв, Ковалёв 1934 – *Жебелёв С. А., Ковалёв С. И.* Великие восстания рабов II–I вв. до н. э. // Из истории античного общества. 1934. С. 139–180 (ИГАИМК. Вып. 101).
- Жирмунский 1967 – *Жирмунский В. М.* Памяти академика И. И. Мещанинова (1883–1967) // Вопросы языкознания. 1967. № 3. С. 18–27.
- Зайцев 2000 – *Зайцев А. И.* Юрий Викторович Андреев. Научное наследие // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 16–20.
- Зограф 1930 – *Зограф А. Н.* Римские монеты в Ольвии. 1930 (ИГАИМК. Т. 6. Вып. 4).
- Зограф 1940а – *Зограф А. Н.* Монеты из раскопок в Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. Киев, 1940. Т. 1. С. 211–257.
- Зограф 1940б – *Зограф А. Н.* Находки понтийских монет мифрадатовского времени в Ольвии // Там же. С. 293–299.
- Зограф 1951 – *Зограф А. Н.* Античные монеты. 1951 (МИА. № 16).
- Капошина 1946 – *Капошина С. И.* Пленум Ленинградского отделения Института истории материальной культуры, посвященный Северному Причерноморью // ВДИ. 1946. № 3. С. 220–233.
- Капошина 1967 – *Капошина С. И.* К семидесятилетию Т. Н. Книпович // СА. 1967. № 4. С. 189–190.
- Карасёв 1948 – *Карасёв А. Н.* Борис Владимирович Фармаковский // КСИИМК. 1948. Вып. 22. С. 5–7.
- Карасёв 1976 – *Карасёв А. Н. Б. В.* Фармаковский и Ольвия // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 13–21.
- Карасёв, Леви 1976 – *Карасёв А. Н., Леви Е. И.* Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского (1927–1970 гг.) // Там же. С. 22–45.
- Кастанаян 1981 – *Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981.
- Кашаев 2009 – *Кашаев С. В.* Некрополь Артюшенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // БИ. 2009. Т. 22. С. 188–267.
- Кирчо 1992 – *Кирчо Л. Б.* Воссоздание Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге // АВ. 1992. № 1. С. 233–235.
- Книпович 1934а – *Книпович Т. Н.* К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаис в VII–V вв. до н. э. // Из истории Боспора. 1934. С. 90–110 (ИГАИМК. Вып. 104).
- Книпович 1934б – *Книпович Т. Н.* Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры // Там же. С. 111–201.

- Книпович 1940 – *Книпович Т. Н.* Керамика местного производства из раскопа И // Ольвия. Киев, 1940. Т. 1. С. 129–170.
- Книпович 1949 – *Книпович Т. Н.* Танаис: Историко-археологическое исследование. М.; Л., 1949.
- Книпович 1958 – *Книпович Т. Н.* Василий Васильевич Латышев как исследователь Северного Причерноморья // СА. 1958. Т. 28. С. 7–14.
- Книпович, Славин 1941 – *Книпович Т. Н., Славин Л. М.* Раскопки юго-западной части Тиритаки // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. М., 1941. С. 37–60 (МИА. № 4).
- Ковалёв 1932 – *Ковалёв С. И.* Учение Маркса и Энгельса об античном способе производства. 1932 (ИГАИМК. Т. 12, вып. 9–10).
- Ковалёв 1934 – *Ковалёв С. И.* Проблема социальной революции в античном обществе // ИГАИМК. 1934. Вып. 76. С. 27–61.
- Ковалёв и др. 1934 – *Ковалёв С. И., Некрасова Е. К., Равдоникас В. И., Смирнов И. И.* Краткое введение в историю докапиталистических формаций. 1934 (ИГАИМК. Вып. 99).
- Колобова 1933 – *Колобова К. М.* К вопросу о судовладении в древней Греции. 1933 (ИГАИМК. Вып. 61).
- Крапивина 1996 – *Крапивина В. В.* Славин как исследователь античного города Ольвия // Мир Ольвии: К 90-летию профессора Л. М. Славина. Киев., 1996. С. 31–34.
- Крапівіна 1997 – *Крапівіна В. В.* Л. М. Славін і дослідження античного міста Ольвія // Археологія. 1997. № 4. С. 8–15.
- Крюгер 1934а – *Крюгер О. О.* Рабские восстания II–I вв. до н. э. как начальный этап революции рабов // ИГАИМК. 1934. Вып. 76. С. 111–131.
- Крюгер 1934б – *Крюгер О. О.* Движение античных рабов в доэллинистическую эпоху // Из истории античного общества. 1934. С. 116–138 (ИГАИМК. Вып. 101).
- Крюгер 1935 – *Крюгер О. О.* Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте. Зерновые культуры // ИГАИМК. 1935. Вып. 108. С. 7–114.
- Латышев 1921 – *Латышев В. В.* Заметки по греческой эпиграфике // ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 17–28.
- Латышев 1922а – *Латышев В. В.* Заметки по греческой эпиграфике // ИРАИМК. 1922. Т. 2. С. 65–83.
- Латышев 1922б – *Латышев В. В.* Неизданные боспорские надписи // Там же. С. 84–104.
- Леви 1940 – *Леви Е. И.* Привозная греческая керамика из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. Киев, 1940. Т. 1. С. 105–127.
- Леви 1985 – *Леви Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.
- Максимова 1956 – *Максимова М. И.* Античные города юго-восточного Причерноморья. М.; Л., 1956.
- Марр 1929 – *Марр Н. Я.* Фармаковский // СГАИМК. 1929. Вып. 2. С. I–IV.
- Марченко 1988 – *Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII–первой половине I в. до н. э. По материалам лепной керамики. Л., 1988.
- Марченко 1991 – *Марченко К. К.* Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII–I вв. до н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1991.
- Марченко 1992 – *Марченко К. К.* Боспорское поселение на Елизаветовском городище // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 174–186.
- Марченко 1999 – *Марченко К. К.* К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье в V–IV вв. до н. э. // STRATUMplus. 1999. № 3. С. 145–172.
- Марченко 2005 – *Марченко К. К.* Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 42–136.
- Марченко 2009 – *Марченко К. К.* Иосиф Беняминович Брашинский. Слово о товарище // ЗИИМК. 2009. № 4. С. 221–224.
- Марченко и др. 2000 – *Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П.* Елизаветовское городище на Дону. М., 2000.
- Медведева и др. 2009 – *Медведева М. В., Всевиов Л. М., Мусин А. Е., Тихонов И. Л.* Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. С. 21–247.

- Мещанинов 1928 – *Мещанинов И. И.* О доисторическом переселении народов // Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн. 29. С. 190–238.
- Мещанинов 1929а – *Мещанинов И. И.* Введение в яфетидологию. Л., 1929.
- Мещанинов 1929б – *Мещанинов И. И.* Гомер и учение о стадильности // Язык и литература. 1929. Вып. 4. С. 21–28.
- Мещанинов 1930 – *Мещанинов И. И.* Кромлехи. Яфетидологический экскурс в область классического мира. 1930 (ИГАИМК. Т. 6, вып. 3).
- Мещанинов 1931 – *Мещанинов И. И.* Отчет о работах Ольвийской экспедиции // СГАИМК. 1931. Вып. 2. С. 23–24.
- Мещанинов 1933 – *Мещанинов И. И.* Загадочные знаки Причерноморья. 1933. (ИГАИМК. Вып. 62).
- Мещанинов 1949 – *Мещанинов И. И.* Новое учение о языке. Киев, 1949.
- Мишулин 1934 – *Мишулин А. В.* Восстание Спартака в Древнем Риме // ИГАИМК. 1934. Вып. 76. С. 132–162.
- Мыц и др. 2006 – *Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В.* Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006.
- Наливкина 1940 – *Наливкина М. А.* Костяные изделия из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. Киев, 1940. Т. 1. С. 187–201.
- Наумкин 2012 – *Наумкин В. В.* Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974–2010 гг.). М., 2012.
- Некролог... 1967 – [Некролог] Отто Оскарович Крюгер (1893–1967) // ВДИ. 1967. № 3. С. 170–171.
- Ольвия... 1964 – Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964.
- Павличенко 2000 – *Павличенко Н. А. Е. М.* Придик, петербургский филолог и эпиграфист: К истории создания третьего тома IOSPE // Древний мир и мы. СПб., 2000. С. 189–206 (Классическое наследие в Европе и России. 2).
- Пассек 1967 – *Пассек Т. И.* Памяти Ивана Ивановича Мещанинова // СА. 1967. № 3. С. 319–323.
- Пескарёва 1980 – *Пескарёва К. М.* К истории создания Российской академии истории материальной культуры // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 26–32.
- Платонова 1989 – *Платонова Н. И.* Российская Академия истории материальной культуры: Этапы становления (1918–1919 гг.) // СА. 1989. № 4. С. 5–16.
- Равдоникас 1930 – *Равдоникас В. И.* За марксистскую историю материальной культуры. 1930 (ИГАИМК. Т. 7, вып. 3–4).
- Рогов 1998 – *Рогов Е. Я.* Некрополь Панское I и его место среди некрополей IV–III вв. до н. э. в Северном Причерноморье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.
- Рогов 2005 – *Рогов Е. Я.* Греки и варвары в Западном Крыму // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 137–210.
- Рогов 2011 – *Рогов Е. Я.* Некрополь Панское I в Северо-Западном Крыму. Симферополь, 2011 (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum. Вып. 10).
- Седов 2005 – *Седов А. В.* Древний Хадрамаут: Очерки археологии и нумизматики. М., 2005.
- Седов и др. 2005 – *Седов А. В., Виноградов Ю. А., Французов С. А.* Новый храм Сайина в Райбунском оазисе (раскопки 2004 г.) // Arabia Vitalis. Арабский Восток, ислам, древняя Аравия: Сб. статей, посвящ. 60-летию В. В. Наумкина. М., 2005. С. 385–400.
- Семёнов-Зусер 1931 – *Семёнов-Зусер С.* Родовая организация у скифов Геродота. 1931 (ИГАИМК. Т. 9, вып. 1).
- Славин 1940 – *Славин Л. М.* Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. Киев, 1940. Т. 1. С. 9–82.
- Смекалова, Столба 2009 – *Смекалова Т. Н., Столба В. Ф.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа на полуострове Тарханкут: предварительное сообщение. Симферополь, 2009 (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. 1).
- Столба 1990 – *Столба В. Ф.* Херсонес и скифы в V–II вв. до н. э. (Проблемы взаимоотношений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1990.
- Стоянов 2004 – *Стоянов Р. В.* Некрополь Херсонеса Таврического в V–I вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.

- Стоянов 2009 – *Стоянов Р. В.* Императорская Археологическая Комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. С. 522–555.
- Стоянов 2010 – *Стоянов Р. В.* Материалы конца VI–начала III в. до н. э. из раскопок поселения Артюшенко 2 в южной части Таманского полуострова // Античный мир и археология. Саратов, 2010. Вып. 14. С. 218–237.
- Тиханова 1980 – *Тиханова М. А.* Из прошлого Института археологии АН СССР (РАИМК – ГАИМК) // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 34–36.
- Тункина 1999 – *Тункина И. В.* В. В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 172–228.
- Тункина 2000 – *Тункина И. В.* «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы. СПб., 2000. С. 116–161 (Классическое наследие в Европе и России. 2).
- Тюменев 1934а – *Тюменев А. И.* Разложение родового строя и революция VII–VI вв. в Греции // ИГАИМК. 1934. Вып. 76. С. 62–110.
- Тюменев 1934б – *Тюменев А. И.* К выяснению классовых позиций Цицерона // Из истории античного общества. 1934. С. 181–198 (ИГАИМК. Вып. 101).
- Тюменев 1935 – *Тюменев А. И.* История античных рабовладельческих обществ. 1935 (ИГАИМК. Вып. 111).
- Устинова 1988 – *Устинова Ю. Б.* Частные культовые сообщества в Греции и Причерноморье в VI–I вв. до н.э.: По эпиграфическим данным: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Фармаковская 1988 – *Фармаковская Т. И.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988.
- Фармаковский 1921 – *Фармаковский Б. В.* Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. Пг., 1921 (Записки РАИМК. Вып. 1).
- Фармаковский 1926а – *Фармаковский Б. В.* Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 г. // СГАИМК. 1926. № 1. С. 143–163.
- Фармаковский 1926б – *Фармаковский Б. В.* Отчет о раскопках в Ольвии в 1925 г. // Там же. С. 171–192.
- Формозов 2011 – *Формозов А. А.* Записки русского археолога (1940–1970-е годы). М., 2011.
- Фролов 2006 – *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 2006.
- Фролов 2009 – *Фролов Э. Д.* Воспоминания об Иосифе Брашинском // ЗИИМК. 2009. № 4. С. 214–220.
- Худяк 1940 – *Худяк М. М.* Терракоты // Ольвия. Киев, 1940. Т. 1. С. 85–103.
- Шаров 2007 – *Шаров О. В.* Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с римским импортом. СПб., 2007.
- Шаров 2009 – *Шаров О. В.* Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в поздне-римскую эпоху (середина II–середина IV в. н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009.
- Шауб 1987 – *Шауб И. Ю.* Культы и религиозные представления населения Боспора VI–IV вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.
- Шауб 1999 – *Шауб И. Ю.* Памяти Юрия Викторовича Андреева // АВ. 1999. № 6. С. 517–519.
- Шауб 2000а – *Шауб И. Ю.* Юрий Викторович Андреев (1937–1998) // ΣΥΣΣΙΓΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 10–16.
- Шауб 2000б – *Шауб И. Ю.* Ю. В. Андреев: штрихи к портрету // Древний мир и мы. 2000. № 2. С. 223–234.
- Шауб 2007 – *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб., 2007.
- Шауб 2008 – *Шауб И. Ю.* Италия–Скифия: Культурно-исторические параллели. СПб., 2008.
- Шауб 2010а – *Шауб И. Ю.* К 60-летию Юрия Алексеевича Виноградова // Новый Гермес. 2010. Вып. 4. С. 143–144.
- Шауб 2010б – *Шауб И. Ю.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010.

- Шауб, Андерсен 2008 – *Шауб И., Андерсен В.* Спартанцы в бою. М., 2008.
- Шауб, Андерсен 2009 – *Шауб И., Андерсен В.* Греко-персидские войны. М., 2009.
- Шмидт 1934 – *Шмидт Р. В.* Из истории Фессалии // Из истории античного общества. 1934. С. 75–115 (ИГАИМК. Вып. 101).
- Шмидт 1935 – *Шмидт Р. В.* Очерки из истории горного и металлообрабатывающего производства в античной Греции // ИГАИМК. 1935. Вып. 108. С. 222–342.
- Шувалов 1989 – *Шувалов П. В.* Этнокультурные процессы на территории Днестро-Дунайского междуречья в середине I тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1989.
- Щеглов 1976 – *Щеглов А. Н.* Полис и хора. Симферополь, 1976.
- Щеглов 1978 – *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
- Gajdukevič 1971 – *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971.
- Hannestad et al. 2002 – *Hannestad L., Stolba V. F., Ščeglov A. N.* Panskoye I: The Monumental Building U6. Aarhus, 2002. Vol. 1.
- Sedov 2005 – *Sedov A. V.* Temples of Ancient Hadramawt. Pisa, 2005 (Arabia Antica. Vol. 5).
- Sedov, Vinogradov 2007 – *Sedov A. V., Vinogradov Ju. A.* Le temple Kafas/Na‘mān (Raybūn V): description archéologique // *Frantsouzoff S.* Raybūn Kafas/Na‘mān, temple de la Dhāt Himyam. Paris; Rome, 2007. P. 15–25 (Inventaire des inscriptions Sudarabiques. T. 6).
- Shchukin et al. 2006 – *Shchukin M., Kazanski M., Sharov O.* Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford, 2006 (BAR International Series. 1535).
- Stolba, Rogov 2012 – *Stolba V. F., Rogov E.* Panskoye I: The Necropolis. Aarhus, 2012. Vol. 2.
- Vinogradov 2010a – *Vinogradov Yu. A.* Les fouilles dans la partie nord-est du site. Le secteur 5 // Qāni'. Le port du Hadramawt entre la Méditerranée, l'Afrique et l'Inde. *Fouilles Russes 1972, 1985–89, 1993–94* / Sous la direction de J.-F. Salles et A. Sedov. Brepols, 2010. P. 149–182.
- Vinogradov 2010b – *Vinogradov Yu. A.* Les fouilles dans la partie sud-ouest du site. Le secteur I // Ibid. P. 11–64.
- Vinogradov et al. 2001 – *Vinogradov Ju. A., Rogov E. Ja., Stähler K., Fornasier J.* Archäologische Untersuchungen auf der Taman' – Halbinsel, Russland // *Eurasia Antiqua*. 2001. Bd 7. S. 169–185.
- НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1918 г., д. 1, 20, 36; 1919 г., д. 3, 10; ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 13, 14, 105; 1920 г., д. 4, 15, 24; 1923 г., д. 4; 1924 г., д. 1, 25, 99; 1925 г., д. 1; 1926 г., д. 1; 1929 г., д. 1, 201; 1930 г., д. 1, 4, 28; 1931 г., д. 20, 22, 776, 778; 1932 г., д. 24, 78, 87; 1933 г., д. 30, 129; 1934 г., д. 4; 1937 г., д. 348; ф. 35, оп. 5, д. 60, 368; ф. 312, оп. 1, д. 152, 153, 158, 588.

Глава 6. ОТДЕЛ СЛАВЯНО-ФИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ: ИСТОРИЯ И УЧЕНЫЕ

Н. И. Платонова, А. Н. Кирпичников

Введение

Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН в настоящее время является одним из ведущих центров в области изучения археологии, истории, культуры и архитектуры Руси, а также археологии и ранней истории славян, финнов и скандинавов на территории Северо-Запада России и смежных регионов. Деятельность Отдела направлена на изучение археологии, истории и межкультурного взаимодействия славян и финно-угров, средневековых городов и поселений Северной Руси и ее соседей и на изучение памятников христианской культуры Руси. Хронологический диапазон исследований широк – от I тыс. до н. э. до «археологической современности» (XVIII–XX вв.).

Предыстория современного Отдела славяно-финской археологии четко делится на два этапа: «до» и «после» 1939 г. Именно в 1939 г. были слиты воедино Сектор Феодальной Руси и Сектор Восточной Европы дофеодального периода, первоначально организованные на базе расформированных институтов ГАИМК. Таким образом, произошло объединение археологии Восточной Европы конца I тыс. до н. э.–I тыс. н. э. с собственно древнерусской и позднесредневековой тематикой (ф. 312, оп. 1, д. 58, л. 3). Образованный в результате слияния Сектор Древней Руси и Восточной Европы дофеодального и феодального периода (далее – Сектор Древней Руси и Восточной Европы) можно считать прямым предшественником современного Отдела славяно-финской археологии. Возглавил его в 1939 г. М. И. Артамонов, тогда же утвержденный директором ИИМК. Ядро Отдела составили Н. Н. Воронин, П. Н. Третьяков, М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон и другие – ученые того поколения, которое оказалось «у руля» советской археологической науки во второй половине 1930-х гг. и, по сути, определило ее лицо на последующие полвека.

Во второй половине XX в. названия и административный уровень подразделения в рамках Института менялись несколько раз. В 1951 г. на гребне антимарристской кампании Сектор оказался расформирован и превращен в Группу славяно-русской археологии ЛОИИМК (руководитель М. К. Каргер). На спектре научных исследований это практически не отразилось. Как и до войны, разработка проблем истории древнерусской культуры и древнерусского зодчества сочеталась тут с работами по этно- и культурогенезу славян, финнов и балтов конца I тыс. до н. э.–II тыс. н. э.

Разумеется, понижение статуса осложняло работу подразделения, но научного уровня действующих сотрудников оно никак не могло понизить. Здесь по-прежнему работали высококвалифицированные специалисты – П. Н. Третьяков, И. И. Ляпушкин, Г. Ф. Корзухина, М. К. Каргер, М. А. Тиханова, П. А. Раппопорт, А. Л. Якобсон и др.

То же можно сказать и о последующем периоде, когда на базе Группы славяно-русской археологии ЛОИА был образован (в 1974 г.) Отдел славяно-финской археологии

(руководитель А. Н. Кирпичников). Новое название лишь подчеркнуло традиционную «восточноевропейскую» направленность исследований.

Предшественники

При поиске идейных и организационных предшественников Сектора 1939 г. обращает на себя внимание Отдел русских древностей в составе Российской Государственной Археологической комиссии (1918–1919). Именно на базе этого Отдела в РАИМК был создан Разряд русской археологии (1919–1929) под руководством А. А. Спицына (рис. 57, 1). Но к числу предшественников следует отнести еще ряд подразделений (разрядов) РАИМК/ГАИМК: археологии раннехристианской и византийской (руководитель А. А. Васильев – рис. 2, 2; позднее – Н. П. Лихачёв); древнерусского искусства (руководитель Н. П. Сычёв, рис. 57, 2); древнерусского зодчества (руководитель К. К. Романов – рис. 57, 3); нового русского (с 1929 г. – прикладного) искусства (руководитель П. И. Нерадовский, позднее – А. Н. Кубе); археологии Западного средневековья и Возрождения (руководитель Д. В. Айналов); палеоэтнологии (руководитель А. А. Миллер – рис. 58, 4); этнографии (руководитель Д. А. Золотарёв, позднее – П. П. Ефименко).

Разряд археологии раннехристианской и византийской причислялся ко II Отделению Академии.¹ В 1919–1929 гг. в нем велось изучение раннесредневековых памятников Причерноморья, включая церковное зодчество Юга России и Украины, и его византийские истоки. При определении структуры РАИМК в 1919 г. заведующий разрядом, известный византист А. А. Васильев, видел свою главную задачу в «систематизации историко-археологического изучения христианского, средневекового Крыма и прилегающих местностей». Первоначальные направления исследований он сформулировал следующим образом: «а) историко-археологическое изучение Крымской Готии; б) историко-археологическое изучение средневековой Тамархи-Тмутаракани; в) историко-археологическое изучение христианского Херсонеса» (ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 10, л. 91).

Именно по этому разряду начала работать в РАИМК М. А. Тиханова-Клименко (рис. 57, 4). В июне 1919 г. она окончила историко-филологический факультет Петроградских Высших женских курсов и была оставлена при курсах (далее – при Петроградском университете) – на кафедре средних веков. Через год, в июне 1920 г., Мария Александровна, хорошо знавшая греческий язык, была представлена Археологическому отделению РАИМК и избрана «временным регистратором на трехмесячный срок» (Там же, 1920 г., д. 13, л. 41). В 1922 г. мы видим ее уже в роли постоянного научного сотрудника, исследователя крымского средневекового зодчества и «средневековой эмалевой художественной индустрии» (Там же, 1922 г., д. 1, л. 7).

Ассистент разряда А. П. Смирнов – в 1920–1929 гг. почти бессменный секретарь Археологического отделения – собирал и картографировал все доступные сведения о «следах византийской эпохи» на Таманском п-ове, включая «архитектурные, эпиграфические, нумизматические, керамические и другие материалы». Результатом его изысканий уже на первом этапе стало опровержение распространенного мнения о полном уничтожении городской культуры на полуострове кочевыми народами. Параллельно Алексей Петрович систематизировал данные письменных источников по истории Юга России в I тыс. н. э.

¹ В 1921 г. была предпринята попытка слить его с Разрядом раннехристианского и византийского искусства, причисленным ранее к III (художественно-историческому) Отделению. В составе объединенного Разряда археологии и искусства раннехристианского и византийского работали А. А. Васильев, Д. В. Айналов, Н. П. Лихачёв, Н. Д. Протасов, А. П. Смирнов, Н. В. Малицкий (ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 12, л. 12 об.).

(Там же, 1919 г., д. 10, л. 92). Составленная им сводка стала, по сути, первой попыткой систематического исследования средневековых памятников Тамани (Там же, д. 16, л. 31). Все перечисленные проблемы и направления в дальнейшем вошли в сферу интересов Сектора Древней Руси и Восточной Европы и его преемников в ЛОИИМК/ЛОИА. Сам А. П. Смирнов был арестован НКВД 5 мая 1929 г. (Там же, 1929 г., д. 7, л. 22) за участие в религиозно-философском кружке А. А. Мейера. В марте 1930 г. он умер от сыпного тифа на Кемском пересыльном пункте (Заднепровская и др. 2003: 381–382). С конца 1930-х гг. начатую им работу продолжил А. Л. Якобсон. «Готская проблема» всегда оставалась в поле зрения М. А. Тихановой, ставшей видным исследователем черняховской культуры. Византийские истоки древнерусской архитектурной традиции и прикладного искусства исследовали во второй половине XX в. М. К. Каргер и М. В. Малевская, а в последние годы – А. А. Липатов.

В III Отделении РАИМК/ГАИМК наибольший интерес с точки зрения тематической преемственности с Сектором/Отделом второй половины XX в. представляют Разряды древнерусского искусства, древнерусского зодчества и нового русского искусства. В компетенцию последнего входили, в частности, памятники прикладного искусства и ремесла нового времени – то, что ныне изучает городская и военная археология XVI–XX вв., широко представленная в Отделе славяно-финской археологии (А. Н. Кирпичников, В. И. Кильдюшевский, А. И. Сакса, П. Е. Сорокин и др.). Разряды древнерусского искусства и древнерусского зодчества ведали исследованием, охраной и реставрацией памятников средневековой церковной и гражданской архитектуры. Там же сосредоточилось изучение фресковой живописи, миниатюры и скульптуры Древней Руси, в том числе – реалий средневекового быта по изобразительным памятникам, древнерусской иконографии, техники иконописи и т. д.

В Разряде древнерусского искусства было также положено начало серьезному анализу проблемы скандинавского вклада в русскую культуру. В 1919–1920 гг. мы видим в штате разряда молодого научного сотрудника Е. А. Рыздзевскую, разрабатывавшую тему «Скандинавское художественное наследие в древнерусском искусстве» (ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 25, л. 1 об.). В дальнейшем она станет одним из основателей отечественной скандинавистики, сотрудником Сектора Древней Руси и Восточной Европы ИИМК.² В ЛОИИМК/ЛОИА данное направление исследований не прерывалось никогда – в первую очередь благодаря послевоенным работам Г. Ф. Корзухиной. А начиная с 1970-х гг. исследование связей Древней Руси и Скандинавии стало занимать все более важное место в работах ряда сотрудников славяно-финского Сектора (А. Н. Кирпичников, В. А. Назаренко, Е. Н. Носов, Е. А. Рябинин, Н. В. Хвоцинская, Н. И. Платонова, О. И. Богуславский и др.).

Исследования РАИМК/ГАИМК 1920-х гг. в области церковной археологии велись в трех Разрядах – археологии русской, древнерусского зодчества и древнерусского искусства. В первом из них (спицынском) наблюдается вполне традиционное церковно-археологическое направление, где главными источниками выступают архивные данные,

² Русско-скандинавские связи изучались и в другом разряде РАИМК/ГАИМК – Разряде археологии западного средневековья и Возрождения (II Отделение). Научный сотрудник его проф. В. А. Брим в 1920-х гг. разрабатывал темы: «Швеция в эпоху призвания варягов», «Новгород в скандинавских сагах», «Василий Буслаев в скандинавских сагах» и т. д., а также готовил к печати сборник рунических надписей, касающихся Руси (ф. 2, оп. 1, 1923 г., д. 1, ч. 1, л. 20; 1925 г., д. 1, л. 269 об.). Но, в отличие от Е. А. Рыздзевской, Вениамин Адамович Брим не стал сотрудником ИИМК 1930-х гг. Ученый старой генерации, он был снят со штата по постановлению Бюро Президиума РАНИОН еще весной 1929 г., в самом начале «перевода ГАИМК на марксистские рельсы» (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 1, л. 402–403).

богослужебная литература, церковная утварь и т. д. Зачисленный в РАИМК с апреля 1920 г. научный сотрудник И. А. Карабинов (в прошлом – профессор Санкт-Петербургской Духовной академии) работал над исследованием церковного быта и литургики. Другой сотрудник – А. В. Бородин – был специалистом по XVII в., преимущественно по истории городов. Он много работал в архиве Кирилло-Белозерского монастыря, уточняя детали монастырского крепостного строительства (ф. 2, оп. 1, 1924 г., д. 1, л. 185; д. 12, л. 18). Весной 1929 г. И. А. Карабинов был уволен из ГАИМК. Восстановление традиционной церковно-археологической тематики произошло в Отделе славяно-финской археологии ИИМК только в середине 1990-х гг. по инициативе директора ИИМК В. М. Массона; в последние 20 лет это направление интенсивно разрабатывалось в трудах А. Е. Мусина, Т. А. Чуковой и А. А. Песковой.

Несколько иначе обстояли дела в Разрядах древнерусского искусства и древнерусского зодчества: на первый план там выходит детальный анализ этих памятников как произведений искусства, имеющих высокую эстетическую ценность, а также вопросы архитектурных стилей и приемов, строительной техники и т. д. С момента основания РАИМК оба разряда вели интенсивные полевые работы по исследованию, реставрации и консервации архитектурных шедевров Новгорода, Пскова, Старой Лядоги, Киева, Полоцка, Владимира и пр. При этом подчеркивалась необходимость признания церковных ценностей общегосударственным, неотчуждаемым достоянием (подробнее см.: Медведева 2005: 295–299). Понимая важность спасения памятников, Н. П. Сычѳв, К. К. Романов и их коллеги стремились по-новому, в духе времени обосновать необходимость изучения памятников, уйти от обвинений в «проповеди поповщины» и защите «уродливых нагромождений дикого средневековья». Концентрация внимания на технике и технологиях, на материалах, из которых сооружались храмы, на выявлении разных этапов постройки и перестройки зданий объективно представляла собой новое слово в этой области науки.

Разряд древнерусского зодчества ГАИМК стал в полном смысле слова колыбелью отечественной архитектурной археологии XX в. В 1925 г. «при разряде» начинают работать студенты археологического отделения ФОНа ЛГУ Г. Ф. Корзухина (рис. 57, 5) и Н. Н. Воронин (рис. 57, 6), весьма успешно выполнившие летом поручения ГАИМК по обследованию памятников Владимира и Боголюбова. Оба они становятся аспирантами К. К. Романова (Г. Ф. Корзухина – с 1926 г., Н. Н. Воронин – с 1927 г.). Оба занимаются историей русской архитектуры, «поделив» меж собой средневековую тематику: Гали Фѳedorовна целенаправленно разрабатывает материалы домонгольского времени, Николай Николаевич – позднего средневековья (XVI–XVIII вв.). С 1929 г. историей древнерусского зодчества в ГАИМК занимался М. К. Каргер (рис. 57, 7), а в 1930-е гг. – Н. Н. Воронин. После окончания Великой Отечественной войны, и в связи с переездом Николая Николаевича в Москву, эстафету принял его аспирант П. А. Раппопорт.

Одним из важных направлений в деятельности ГАИМК стало составление археологических карт. Эту работу координировал П. П. Ефименко (рис. 9, 2), ставший в 1927 г. заведующим Разрядом этнографии. Пѳтр Петрович традиционно разрабатывал в 1920–1930-х гг. два научных направления – верхний палеолит и финские могильники железного века и средневековья. Занятия средневековой археологией и этнографией способствовали росту его интереса и к славяно-русским памятникам. В 1928–1929 гг. им были произведены (совместно с его учеником П. Н. Третьяковым) раскопки Большого Боршевского городища (Ефименко 1931б). Когда в 1927 г. у Академии появилась возможность дополнить этнографическое обследование Северо-Запада России тотальными археологическими разведками, именно П. П. Ефименко стал их координатором (Ефименко 1931а). Для проведения разведок в Разряд этнографии были приглашены регистраторами «давно уже работающие при Академии лица» – студенты Н. Н. Чернягин, Г. П. Гроздилов,

П. Н. Третьяков (рис. 57, 8, 9; 58, 1), между которыми разделили имевшиеся тогда в разряде «полтора оклада научного сотрудника» (ф. 2, оп. 1, 1927 г., д. 10, л. 62 об.). В дальнейшем всем троим предстояло работать в Секторе Древней Руси и Восточной Европы, стать крупными исследователями эпохи раннего средневековья на Русской равнине.

Активное участие в разведках принял также выпускник археологического отделения ЛГУ Б. А. Койшевский, который и сам в это время начал серьезно заниматься древнерусской археологией (Койшевский 1931). В начале 1930-х гг., работая научно-техническим сотрудником ГАИМК, он, по сути в одиночку, свел воедино все полученные материалы, составив по ним обширную картотеку памятников Ленинградской, Новгородской, Псковской, Вологодской областей. Эта картотека, хранящаяся ныне в Рукописном отделе НА ИИМК РАН, стала той основополагающей источниковой базой, на которую опирался во второй половине XX в. каждый археолог-исследователь Северо-Запада.³

Несмотря на потери, которые принесла археологической науке первая половина 1930-х гг., этот период нельзя назвать бесплодным. Сотрудники, составившие в будущем костяк Сектора Древней Руси и Восточной Европы, начали работать в составе ряда тематических групп, формировавшихся из членов разных подразделений. В этих группах можно видеть предшественников современных исследовательских проектов.

Идея создания «рабочих групп» была сформулирована в мае 1929 г., на собрании аспирантов ГАИМК. Подчеркивая уважение к тем заслуженным ученым, которые органически не смогут воспринять такую перестройку, аспиранты предлагали, чтобы те продолжали работать по индивидуальным планам. За поддержкой этих инициатив староста аспирантов М. И. Артамонов (рис. 58, 2) обратился к Н. Я. Марру, но конкретные шаги в указанном направлении были предприняты только после одобрения их Ф. В. Кипарисовым.

Тематические группы были распущены в конце 1931 г. в результате очередной «реструктуризации» ГАИМК. Запланированные коллективные монографии оказались сданы в архив или просто утеряны. Отдельные части их публиковались участниками уже индивидуально, в виде статей (Свешникова 2009: 166–183). Тем не менее даже непродолжительное существование этой организационной формы дало свои результаты. «Важнейшим результатом нашей совместной работы, – писал впоследствии о Группе истории кочевого скотоводства М. И. Артамонов, – было открытие теперь уже общеизвестного исторического факта, а именно, что до господства в степях Евразии кочевого скотоводческого хозяйства в них процветало комплексное земледельческо-скотоводческое оседлое хозяйство» (Артамонов 1977: 4). Следует упомянуть, что коллективная монография Группы истории кочевого скотоводства была почти дописана, и тексты ее сохранились в архивах ИИМК и ИА РАН. Недавно они были проанализированы в работах О. С. Свешниковой (2004: 20–23; 2009: 168–173).

Участниками Группы архаического земледелия стали М. И. Артамонов, П. Н. Третьяков, М. Г. Худяков, Г. В. Григорьев, А. В. Шмидт, В. В. Гольмстен и др. Наиболее интересным результатом явилась разработка проблем подсечного и пойменного земледелия в лесной полосе Восточной Европы. Вопрос о последнем как о древнейшей форме пахенного земледелия (в противовес представлениям о связи его с черноземами) был поднят М. И. Артамоновым (ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 10, л. 180 об.–181). Параллельно

---

³ В марте–апреле 1935 г. Б. А. Койшевский, в то время младший научный сотрудник ГАИМК, подвергся кратковременному аресту органами НКВД. Заявление с просьбой о восстановлении на работе, поданное им в ГАИМК после освобождения из-под стражи в мае 1935 г., было отклонено. По устному сообщению Б. Б. Пиотровского, записанному в 1988 г. Н. И. Платоновой, Койшевский – потомственный дворянин, сын полковника – был репрессирован вторично и, видимо, погиб.

П. Н. Третьяков пришел к выводу о ведущей роли лесного подсечного земледелия в хозяйственном укладе населения Восточной Европы эпохи железа/средневековья.

Тезис о том, что пашенное земледелие возникло не из мотыжного, как утверждалось тогда в литературе (Арциховский 1927), а именно из подсеки, был детально разработан в брошюре П. Н. Третьякова (Третьяков 1932), представлявшей собой главу утерянной коллективной монографии, которую готовила Группа архаического земледелия.⁴ Здесь автором впервые излагалась гипотеза о происхождении северной русской сохи из бороны-«суковатки». Возникновение самой подсеки относилось к глубокой древности – еще до появления железного топора.

Социологические заключения молодого исследователя (например, жесткая увязка широкого распространения сохи с переходом к «феодальному» индивидуальному пашенному хозяйству и т. п.) сегодня кажутся весьма скороспелыми. Тем не менее приходится признать: обобщения, содержащиеся в этой тоненькой брошюрке, определили основные подходы к проблеме минимум на 60 лет вперед. Еще в начале 1980-х гг. Е. А. Горюнов указывал, что основные выводы этой работы «никем не опровергнуты», а «оценка подсечного земледелия, к которой пришел П. Н. Третьяков, ныне считается единственно возможной» (Горюнов 1983: 13).

Не менее интересной следует считать попытку свести воедино все имеющиеся данные об охоте, определить ее характер и особенности на разных этапах истории человечества (Третьяков 1935). При всей объективной нехватке информации и прямолинейном социологизме обобщений они представляли собой важный этап освоения материалов и приведения их в логическую систему. Разностороннее, целенаправленное освоение источников по таким обширным темам, как история земледелия, охоты, скотоводства, возникновение феодализма, история и типы поселений и т. д., – все это формировало у «заинтересованных лиц» особую широту кругозора. Последнему способствовал непрерывный обмен работками и мнениями, производившийся в рамках проблемно-тематических групп.

Следует упомянуть еще одну работу, проводившуюся в ГАИМК в начале 1930-х гг. и имевшую концептуальное значение для дальнейших исследований в области древнерусской археологии. Мы имеем в виду исследование памятников древнерусского права Б. Д. Грековым (рис. 58, 3), с которого, по сути, и началось формирование представлений о «древнерусской народности», о единстве культурного пространства домонгольской Руси в X–XIII вв.

В 1933 г. Б. Д. Греков выступил на Пленуме ГАИМК с непривычной, даже шокирующей по тем временам гипотезой о существовании единых правовых норм на всей огромной территории древнерусских княжеств в домонгольский период. Этот тезис подкреплялся анализом источников – в первую очередь Русской Правды. Закономерным выводом из него явилось распространение понятия «Киевская Русь» на всю указанную территорию (ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 55).

В ГАИМК в конце 1933 г. этот доклад Б. Д. Грекова был заслушан с некоторым недоверием. Впрочем, полемика по нему носила вполне академичный характер. Характерной в этой связи оказалась реакция С. Н. Быковского:

«С понятием Киевской Руси у нас связано представление об определенной территории. Борис Дмитриевич <...> несколько произвольно расширил эти территориальные рамки, включив в него и Новгородскую Русь, и Северо-Восточную Русь. <...> Я считаю, что такое расширение рамок Киевской Руси невозможно, потому что с понятием “Киевская Русь” связаны определенные наши представления, ну, если не об украинской нации,

⁴ Проспект этой монографии, сохранившийся в архиве ИИМК РАН, ныне опубликован (Свешникова 2009: 177–179).

которая к этому времени еще не успела сложиться, то все-таки об определенном национальном объединении» (Там же, д. 55а, л. 5–6).

В ответ докладчик заметил, что он и сам был несколько удивлен результатами своего исследования, ибо привык считать, что у юга и севера имелась своя специфика, которую можно объяснять стадиальными различиями. Но о каких стадиальных различиях может идти речь, если нормы, выработанные на севере, несомненно, применялись на юге – и наоборот? В конечном счете мнения аудитории разделились.

Примечательно, что по ходу этой дискуссии ее участники неоднократно упоминали о «норманнских завоеваниях» на Руси. Страсти по сему поводу в советской археологии тогда еще не разгорелись. Стенограммы однозначно позволяют заключить: о норманнском характере дружин Рюрика и Олега, о ключевой роли варягов в начальный период истории Руси «красные профессора» начала 1930-х гг. говорили, как о чем-то само собой разумеющемся – со ссылками не столько на М. Н. Покровского, сколько на Карла Маркса, чьи высказывания на эту тему были им прекрасно известны в подлиннике.

В области средневековой полевой археологии начиная с 1933 г. наблюдалось явное оживление. Поскольку основной задачей истории материальной культуры в начале 1930-х гг. было провозглашено раскрытие социально-экономических отношений, определяющих закономерности исторического процесса, на первый план выдвинулись вопросы экономики, хозяйственного уклада, общественного устройства древних обществ. Это означало переворот в самой идеологии исследования памятников: на повестку дня встали их раскопки на широких площадях.

Исследования в данном направлении развивались в ГАИМК преемственно, со второй половины 1920-х гг. Еще в 1928–1929 гг. П. П. Ефименко, вместе со своим учеником П. Н. Третьяковым, произвел раскопки Большого Боршевского городища, с целью детально исследовать планиграфию поселения и рассмотреть материал в разных аспектах, в том числе и палеосоциологическом (Ефименко 1931б). Не приходится сомневаться: Пётр Петрович опирался в этом своем подходе на миллеровский опыт исследований поселений железного века. Он применял методiku, разработанную там, к памятникам иного типа и иной хронологической принадлежности.

Однако это была лишь «первая ласточка» новых времен. Развитие экспедиционного дела в 1929–1931 гг. очень сильно тормозилось «переломной» экономической обстановкой в стране. Количество экспедиций оказалось сведено к минимуму – на них не отпускалось государственных средств, а система краеведческих организаций, очень способствовавшая в 1920-х гг. полевым археологическим работам, в начале 1930-х гг. оказалась развалена. Экономическая неразбериха начала «Великого перелома» была чудовищной.

Однако уже в 1932 г. ситуация стала меняться. Первый шок от «Великого перелома» понемногу проходил; более или менее определялась инфраструктура новых производственных гигантов. Вот тогда инициатива ГАИМК в области организации охранных раскопок оказалась встречена с полным пониманием. Осенью 1932 г. в Академии был создан Комитет по работам на новостройках. Его функцией стало «установление связей со строительствами» и их «археологическое обслуживание», т. е. организация выявления, учета, изучения и охраны угрожаемых памятников (Мещанинов 1935: 7). Госплан СССР, по представлению ГАИМК, «обратился к строительствам с особым циркулярным предложением <...> принять меры к охране исторических памятников и к предварительному изучению тех из них, уничтожение которых становится неизбежным. Госплан предложил строительствам и проектным организациям войти по этому вопросу в сношение с Академией и выделить для археологических работ необходимые средства» (Там же).

В конечном счете уже в 1933 г. ГАИМК (вместе с ее Московским отделением) было организовано 24 новостроечных экспедиции (включая разведочные маршруты). В связи

с этим следует упомянуть о начале работ Волго-Донской экспедиции М. И. Артамонова, в ходе которой были начаты раскопки Левобережного Цимлянского городища – древнего Саркела (1934–1936 гг.). Раскопки территории Псковского крома начал Н. Н. Чернягин (1936 г.). В Юго-Восточном Приладожье и в Прионежье стал работать Г. П. Гроздилов; он же провел в 1935 г. раскопки на Рюриковом городище. Во Владимиро-Суздальской земле с 1934 г. вел исследования Н. Н. Воронин.

Несколько особняком стоят обширные работы экспедиции П. Н. Третьякова, развернувшиеся на Верхней Волге благодаря строительству Ивановской, Угличской и Рыбинской ГЭС (1933–1937 гг.). Эти работы в наибольшей степени продемонстрировали поворот в самой идеологии исследований: в центре внимания археолога оказались раскопки сельских поселений широкой площадью. Впервые в отечественной археологии было предпринято полное, исчерпывающее исследование позднедьяковского городища Березняки в устье р. Сонохты (Ярославская обл.) и синхронных ему погребальных памятников. Эти раскопки «стали опорными для реконструкции экономического, социального и этнического развития племен Верхней Волги в середине I тыс. н. э. Путем их переработки ученый пришел к убедительному выводу о принадлежности открытых на городище жилых и хозяйственных строений родовой общине, “большой семье”, численностью 50–60 человек. Община вела хозяйство, основанное на подсечном земледелии и скотоводстве» (Горюнов 1983: 10). Это была новаторская работа, в ходе которой облик древнего поселения реконструировался в деталях.

Почти все упомянутые археологи, развернувшие в середине 1930-х гг. широкие полевые работы, являлись в прошлом сотрудниками Этнологического отделения ГАИМК. Все они учились у А. А. Миллера и отчасти – у П. П. Ефименко (особенно П. Н. Третьяков). Все имели хорошую подготовку в области исследований поселений со сложной стратиграфией. Председатель Этнологического отделения любил повторять: «Археологические раскопки можно признать удовлетворительными лишь в том случае, если по их материалам можно составить детальный макет исследованного памятника» (Пиотровский 1995: 52).

Сам А. А. Миллер (рис. 33, 1; 58, 4) был арестован в конце 1933 г. по «Делу славистов» (см.: Ашнин, Алпатов 1994). В портфеле издательства ГАИМК осталась его книга «Археологические разведки», объемом в 13,5 печатных листов. Это была полноценная монография, включавшая не только практическое руководство к производству полевых работ, с детальным разбором технических приемов фиксации и изучения памятников, но и основы четвертичной геологии, общий взгляд на памятник как исторический источник, классификацию самих памятников, с описанием их особенностей, функциональными характеристиками и т. п. С высоты нашего времени можно сказать: это один из лучших учебников основ археологии, подготовленных в XX в., и даже сейчас его нельзя считать устаревшим. Примечателен тот факт, что, несмотря на вынесенный автору приговор и ссылку его в Петропавловск (в Казахстане), книга все-таки вышла из печати в серии «Известия ГАИМК» (Миллер 1934). Руководством ГАИМК в данном случае было проявлено известное мужество и ясное сознание необходимости такой публикации.

Первая половина 1930-х гг. стала научным «стартом» М. К. Каргера. В этот период он разворачивает свои первые архитектурно-археологические работы в Новгороде. В глазах последующих поколений именно Каргер стал настоящим создателем этого направления, хотя, безусловно, он опирался в своей деятельности на достижения предыдущей генерации архитекторов и реставраторов – П. П. Покрышкина, К. К. Романова, Н. П. Сычёва и др.

М. К. Каргер начал работать в ГАИМК в 1929 г. (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 7, л. 54, 129). Это именно то время, когда К. К. Романов, проводивший до того многолетние реставрационно-исследовательские работы в Новгороде, был отстранен от руководства, а его талантливая ученица Г. Ф. Корзухина впала в длительный творческий кризис. Другой

«архитектурник» – Н. Н. Воронин – в 1930–1931 гг. специализировался по XVI–XVII вв. По окончании аспирантуры он был призван в Красную Армию и провел там более года.⁵ Вернувшись в ГАИМК, Н. Н. Воронин не сразу стал работать по архитектурной археологии, а попал в Группу возникновения феодализма, возглавляемую М. М. Цвибаком, и темой его работы стала история сельских поселений средневековой России (Воронин 1935). Таким образом, в начале 1930-х гг. М. К. Каргер оказался одним из немногих действующих специалистов ГАИМК, занимавшихся древнерусской домонгольской архитектурой. После ареста Н. П. Сычѳва (1933 г.) он остался там единственным. Пользуясь полной поддержкой Ф. В. Кипарисова, Михаил Константинович развернул интенсивные многолетние работы в Новгороде.

В предвоенном ИИМК АН СССР

В 1939–1941 гг. Сектор Древней Руси и Восточной Европы работал над целой серией крупных проектов. Первое место в этом ряду занимала «История культуры Древней Руси» (руководитель Н. Н. Воронин). Редакторами отдельных ее частей первоначально являлись Н. Н. Воронин, М. И. Артамонов и М. А. Тиханова. Авторский коллектив включал археологов, историков, филологов, нумизматов, искусствоведов – как из ИИМК, так и из других учреждений. К сожалению, до войны этот труд не успели довести до конца. Готовить его к печати выпало впоследствии одному Н. Н. Воронину – и уже не в Ленинграде, а в Москве. Два тома «Истории культуры Древней Руси» увидели свет в 1948 и 1951 гг. Они дали «такую широкую картину развития определенных сторон русской культуры, какой мы не найдем в более ранних изданиях» (Формозов 2004: 175). Но основной задел был создан еще до июня 1941 г.

Параллельно сотрудники Сектора принимали участие в написании «Истории СССР» (т. 1), «Всемирной истории» и т. д. Важнейшим стимулом к работе являлось оперативное издание научных трудов, налаженное в ИИМК. Всего за полтора года существования серии МИА, основанной М. И. Артамоновым, к началу войны уже вышли из печати 6 томов, а тома 7–15 находились в работе. Параллельно было издано 10 выпусков КСИИМК, подготавливалось еще 4 и т. д. Нагрузка, которую в этой ситуации несли сотрудники ИИМК, оказывалась огромной – тут требовалась полная самоотдача. Артамоновское руководство было жестким, вполне в духе времени. Он умел требовать, а свое недовольство не стеснялся высказывать публично. Одновременно он добивался того, чтобы люди, работавшие в полную силу, получали за это материальные стимулы, а сотрудникам, приходившим в Институт «с отработанным паром», грозил понизить зарплату (Платонова 1999: 475–476).

Суровую обстановку «трудовых будней» ИИМК усугубляло то, что правительственные указы 1940 г. «об укреплении труддисциплины» лишали научных сотрудников права работать дома. Они должны были в течение 8 часов находиться на рабочем месте. Во что это выливалось, хорошо видно из выступления А. Л. Якобсона (рис. 58, 5) на заседании выездного Бюро ОИФ АН СССР в начале 1941 г.:

«Представьте себе комнату, в которой сидит 10 человек <...> Ясно, что это живые люди: один спросит, другой ответит, третий поправит, а у четвертого, у пятого мысль прервана. В результате – 6 часов <...> Звонок <...> Работники, достаточно солидные, имеющие ответственные задания, встают и говорят: “Ну, теперь я пойду домой работать”».

⁵ Служба Н. Н. Воронина в Красной Армии прошла успешно. Он окончил ее в звании комвзвода, был награжден командованием дивизии денежной премией и благодарностью в приказе по дивизии. За боевую и политическую подготовку взвода командир роты наградил его чемоданом (ф. 2, оп. 5, д. 56, л. 9 об.–10).

Как же поступают те, у кого нет дома подходящих условий? Они пишут в то время, когда большинство сотрудников уходит, но <...> количество их все увеличивается. <...> В прошлом году я писал здесь с 6 до 11 часов вечера, в этом году <...> очень многие засиживаются до 10 часов. Положение прямо скандальное <...> Нужно увеличить срок открытия института – не до 10 часов, а до 12!» (ф. 312, оп. 1, д. 82, л. 38 об.–40).

Это запальчивое выступление хорошо позволяет уяснить, в каких условиях перед войной сформировался коллектив ИИМК. В 1938–1940 гг. в стенограммах ИИМК появляются настойчивые упоминания об уникальных «кадрах», которыми располагает Институт. О «людях, страстно любящих свое дело, готовых ради него на жертвы и спянных в коллективе». О тех, кто «отдает себя целиком», участвует во всех начинаниях и обеспечивает их успех (Там же, д. 7, л. 4, 19 об.–20; д. 26, л. 3 об.). Действительно, условия работы в ИИМК в тот период были тяжелыми, увлеченность делом – колоссальная, самооценки – высокими, а невыполнение темы в срок оправдывалось лишь в одном случае – когда и без того было ясно, что работа шла на пределе.

Важнейшим начинанием Сектора довоенного периода стала работа над «Очерками по этногенезу славян» (ответственный руководитель П. Н. Третьяков). Именно к 1938–1940 гг. относится начало раскопок в Поднепровье, проводимых его Славянской археологической экспедицией. Результаты этих работ легли в основу концепции начальной истории славян и их ближайших соседей, созданной П. Н. Третьяковым. В рамках того же направления Н. Н. Чернягиным производилось обобщение всех известных материалов о курганных древностях конца I тыс. н. э. на Северо-Западе России – длинных курганов и сопок. В 1941 г. работы обоих названных авторов вышли из печати в серии МИА (Третьяков 1941; Чернягин 1941). Почти весь тираж последнего номера со статьей Чернягина сразу погиб, попав под бомбежку. Сохранившиеся несколько экземпляров стали библиографической редкостью. Тем не менее указанная статья (по существу карта и каталог) оказалась этапной: в середине–второй половине XX в. мимо нее не проходил ни один исследователь раннесредневековых древностей Северо-Запада.

На рубеже 1930–1940-х гг. широко развернулись исследования М. К. Каргера в Киеве, начавшиеся раскопками Десятинной церкви, Н. Н. Воронина – во Владимире и Боголюбове (исследования светской архитектуры, в частности, дворцового комплекса Андрея Боголюбского). Перед самой войной Н. Н. Чернягин продолжил исследования Пскова, а А. Л. Якобсон – средневекового Херсонеса. Результаты всех этих работ очень быстро обрабатывались и оперативно публиковались. Источниковедческая ценность публикаций указанного периода весьма высока.

Сектор Древней Руси и Восточной Европы в годы войны

Период Великой Отечественной войны оставил глубокий след в истории Института. События 1941–1945 гг. изменили сложившуюся до войны организационную структуру и серьезно повлияли на его дальнейшую судьбу.

В июне–июле 1941 г. в Ленинграде было объявлено о создании дивизии народного ополчения. Из сотрудников Сектора Древней Руси и Восточной Европы так попали на фронт Н. Н. Воронин (всего за месяц до того сменивший М. И. Артамонова на посту заведующего Сектором) и его аспирант П. А. Раппопорт (рис. 58, б). Но кандидатов идти в ополчение в конечном счете оказалось больше, чем надо. Н. Н. Чернягин, тоже подавший заявление в военкомат, вскоре был отчислен и позднее – мобилизован на общих основаниях. С войны он не вернулся.

В середине июля ИИМК получил предписание об эвакуации. Еще раньше (в первых числах месяца) из Ленинграда начали эвакуировать детей. Однако недооценка грозящей

опасности была еще так велика, что детей стали вывозить на Малую Вишеру и Валдай, прямо навстречу стремительно приближавшемуся фронту. Лишь после 16 июля детский сад Академии наук все же успели вывезти далее на восток – в г. Тетюши под Казанью (ф. 35, оп. 6, д. 21, л. 76). В числе лиц, сопровождавших детей, была Ф. Д. Гуревич (рис. 58, 7) – в ту пору молодая сотрудница, успевшая закончить аспирантуру ГАИМК.

Жизнь ленинградских учреждений, оставшихся в блокадном Ленинграде, постепенно входила в новое русло. Основным занятием большинства сотрудников стало дежурство в команде ПВО. В конце сентября, в разгар боев на Пулковских высотах, возобновил заседания Ученый совет. Именно тогда степень кандидата исторических наук была присвоена А. Л. Якобсону за работу «Архитектура средневекового Херсонеса».

В июне 1942 г. академику-секретарю ОИФ АН СССР В. П. Волгину была направлена записка о восстановлении Сектора Древней Руси во главе с Н. Н. Ворониным на базе МОИИМК. Однако это осталось формальным актом, не имевшим серьезных последствий. Директор Института М. И. Артамонов в это время находился в Казани, куда был эвакуирован Президиум АН СССР, и добивался решения об официальном переводе туда ИИМК. Такое решение последовало в начале 1943 г., но оно запоздало: отдельные группы сотрудников к тому времени оказались уже разбросаны по разным городам и весям (Платонова 1991: 64–67). Первая группа ленинградцев успела отправиться в Ташкент, вторая – была в Елабуге. Часть сотрудников находилась в других местах – поодиночке и мелкими группами. Уже осенью 1942 г. распыление научных сил ИИМК было закреплено окончательно. Упомянутое выше постановление так и не вступило в силу.

В июле 1943 г. дирекция ИИМК была официально переведена в Москву. Директором стал акад. Б. Д. Греков (Там же: 68–69). Официально существовало два равноправных отделения – Московское и Ленинградское – со своими Учеными советами и разделением отделов. С начала 1944 г. в Москве был утвержден целый ряд новых подразделений. Сектор Древней Руси и Восточной Европы временно переименовали в Группу. Однако на тот момент не было налицо даже группы. Часть сотрудников находилась в Москве (Н. Н. Воронин, А. Л. Якобсон, П. Н. Третьяков,⁶ Ф. Д. Гуревич), кто-то – в эвакуации, в Поволжье и Средней Азии (М. И. Артамонов, М. А. Тиханова, Я. В. Станкевич, И. И. Ляпушкин и др.). П. А. Раппопорт оставался в действующей армии, Н. Н. Чернягин погиб, Г. П. Гроздилов попал в плен. Разрозненным группам ленинградских сотрудников удалось окончательно соединиться лишь в июне 1945 г. В ЛОИИМК тогда было восстановлено 5 секторов, в том числе Сектор Древней Руси и Восточной Европы.

Первые послевоенные годы

В 1946 г. в ЛОИИМК было осуществлено 14 экспедиций, в том числе начала работу Средне-Днепровская экспедиция П. Н. Третьякова. Систематические разведочные обследования И. И. Ляпушкина на Полтавщине и в бассейне Ворсклы ставили задачу уяснить «взаимоотношения скифской культуры, культуры полей погребальных урн и славянской роменской культуры». Они по-новому ставили проблему этногенеза славян на Левобережье. Тогда же, в 1946 г., были возобновлены полевые работы на Украине: Черниговская экспедиция Я. В. Станкевич (рис. 58, 8) произвела раскопки Шестовицкого могильника и прилегающего городища.

Заведующим ЛОИИМК в период «воссоединения» его разрозненных групп в Ленинграде (1945 г.) был назначен В. И. Равдоникас (рис. 58, 9). Затем приказом Президиума

⁶ В описываемый период П. Н. Третьяков был в Москве, но служил преподавателем Высшей военно-политической академии.

АН СССР от 16 марта 1946 г. он был освобожден от этой должности, уступив ее вернувшемуся домой П. Н. Третьякову. В. И. Равдоникаса утвердили заведующим Сектором Древней Руси и Восточной Европы (ф. 35, оп. 5, д. 321, л. 44). В январе 1947 г. П. Н. Третьяков получает предложение перейти на работу в Москву, в аппарат ЦК (Там же, л. 61 об.). Заведующим Ленинградским отделением вновь становится В. И. Равдоникас. Однако в 1949 г. он был снят с заведования ЛОИИМК «с оставлением в должности зав. сектором Древней Руси» (Там же, д. 99, л. 54). Вскоре Сектором стал руководить М. И. Артамонов. В июне 1951 г. Сектор был расформирован и превратился в «славяно-русскую группу» одноименного сектора в Москве. Главой Группы был назначен М. К. Каргер (ф. 312, оп. 1, д. 407, л. 2).

Группа славяно-русской археологии

Официально подразделение сохраняло статус Группы более 20 лет, вплоть до 1974 г. Конечно, по большому счету, Группа по-прежнему оставалась Сектором Древней Руси и Восточной Европы I–II тыс. н. э., в котором работали ведущие российские специалисты в данной области. Но время накладывало свою печать на все. Немало проблем создавали ограниченность научных штатов, выделявшихся на Группу, а также почти полное отсутствие мест в аспирантуру. Чтобы хоть как-то работать по специальности, квалифицированные археологи (М. В. Малевская, О. В. Овсянников, К. В. Павлова и др.) десятилетиями числились научно-техническими сотрудниками. Давала себя знать ограниченность листаж печатных работ, из-за которой ряд крупных научных трудов так и не увидел света при жизни авторов. Многие оставались под спудом из-за несоответствия официально принятым в советской науке трактовкам событий истории (как, например, разработки Г. Ф. Корзухиной, касавшиеся происхождения Руси и ее связей со Скандинавией).

Обстановка в Группе в 1950–1960-х гг. была непростой. Появлялись проблемы, которых не могло возникнуть в принципе – ни раньше (в ГАИМК и довоенном ИИМК), ни позже, в последней четверти прошлого века, когда Сектор принял свой современный вид. Чтобы понять, о чем идет речь, достаточно привести один пример. М. В. Малевская (рис. 59, 1), ученица М. К. Каргера, так и осталась «сотрудником без степени», хотя написала диссертацию еще в конце 1940-х гг. Но сделанные ею обобщения и филигранные реконструкции объектов, связанных с древнерусскими храмами, опубликовал ее руководитель под своим именем, без ссылок на подлинного автора.

И все же справедливость требует признать: в период 1950–1960-х гг. в Группе славяно-русской археологии ЛОИИМК/ЛОИА не прекращалось самое главное – поддержка научных традиций. Залогом тому был «звездный» состав Группы, включившей в себя целую плеяду весьма непростых по характеру, но талантливых, независимо мыслящих и преданных науке ученых.

В научной деятельности Группы в 1950–1960-х гг. можно выделить три основных направления: 1) исследования железного века и раннего средневековья лесостепной зоны, поиск археологических корней раннего славянства; 2) исследования железного века и раннего средневековья лесной зоны, анализ формирования древнерусской культуры; 3) архитектурно-археологические исследования городов и разработка археологии поселений в широком смысле слова.

В конце 1950–1960-х гг. в Верхнем Поднепровье и Подесенье широко развернулись исследования П. Н. Третьякова. В ходе их решались вопросы преемственности развития культур I тыс. н. э. в этом регионе и определялись основные направления этногенеза славян, финно-угров и восточных балтов. Глубокая научная интуиция вела П. Н. Третьякова

в конечном счете по верному пути, несмотря на большие пробелы в материалах. Впрочем, многолетние работы его экспедиции и были призваны заполнить эти пробелы.

Важным и очень плодотворным фактором развития указанного аспекта научной мысли стала постоянная дискуссия П. Н. Третьякова с коллегой по Группе – Иваном Ивановичем Ляпушкиным (рис. 59, 2). Последний разрабатывал те же проблемы этногенеза в строго ретроспективном ключе – от более поздних, достоверно атрибутированных культур к более ранним и дискуссионным. Эти исследования по этногенезу славян и восточных балтов получили в Отделе славяно-финской археологии достойное продолжение в работах Е. А. Горюнова и его учеников.

Тогда же, в 1950–1960-х гг., широко развернулись исследования Днестровско-Волынской экспедиции под руководством М. А. Тихановой, ставшей именно в указанный период одним из наиболее авторитетных и признанных специалистов по проблемам черняховской культуры и славянского этногенеза. Ее экспедицией были проведены, в частности, систематические раскопки на широких площадях поселений Лука-Врублевецкая и Лепесовка. Говоря об этих раскопках, нельзя не упомянуть добрым словом блестящего полевого исследователя и многолетнего помощника Марии Александровны в поле – Клавдию Васильевну Павлову (рис. 59, 3). Не в укор будет сказано для памяти М. А. Тихановой, обладавшей энциклопедическими знаниями и уникальным аналитическим даром: в экспедиции рядом с ней всегда находилась скромная сотрудница, отнюдь не претендовавшая на собственное мнение при обобщении материала. Однако эта лаборантка была наделена одной важной способностью, которой не обладала на практике ее руководительница, – умением «видеть слой». В деле ведения раскопок и составлении полевых отчетов К. В. Павлова была полноценным, хотя и не признанным соавтором. Поэтому тем, что, к примеру, Лепесовка раскопана действительно качественно, потомки обязаны не только Марии Александровне, но и Клавдии Васильевне.

Исключительную важность имели широкие обследования целых регионов, которые развернули в 1950-х гг. на Северо-Западе России и в Прибалтике Ф. Д. Гуревич и Я. В. Станкевич. В процессе их оказались выявлены сотни новых памятников железного века и средневековья, собраны материалы для археологической карты территорий, бывших ранее сплошными «белыми пятнами». Эти обследования сопровождались началом систематических раскопок поселений – в первую очередь древнерусских городов и городков (Новогрудок, Торопец, Городок на Ловати и пр.).

Но, пожалуй, наиболее всесторонне и исчерпывающе развернулось в 1950-х–начале 1970-х гг. направление архитектурной археологии. Поэтому именно его представители открывают приводимую ниже серию кратких очерков об ученых, заложивших основы современных научных подходов в нынешнем Отделе славяно-финской археологии.

Михаил Константинович Каргер (1903–1976) родился в Казани, в семье учителей. Поступил в 1919 г. на историческое отделение историко-филологического факультета Самарского университета, откуда в 1922 г. перевелся на ФОН Петроградского университета, который окончил в 1923 г.

По окончании университета М. К. Каргер остался работать там ассистентом (с 1929 г. – доцент), совмещая это с работой в Русском музее (научный сотрудник, пом. хранителя, в 1935–1936 гг. – заведующий отделом древнерусского искусства). В мае 1927 г. на Ям-факе им была защищена квалификационная работа «Из истории культурно-художественных взаимоотношений Пскова и Москвы». В 1929 г. его принимают в ГАИМК старшим научным сотрудником; в 1933 г. он получает статус действительного члена ИИФО. Параллельно Михаил Константинович много работает по архитектурной археологии Новгорода. Одно время он даже числился в Новгородском музее, по совместительству – консультантом и заместителем директора. В 1932 г. М. К. Каргер и А. В. Арциховский

руководят совместной экспедицией ГИМ и ГАИМК при раскопках на Славне в Новгороде, которые принято считать началом археологического изучения города.

В 1935 г. ГАИМК представила М. К. Каргера к утверждению в научной степени кандидата без защиты диссертации. Однако утверждение не состоялось. На М. К. Каргера обрушились обвинения во вредительстве, связанные с его профессиональной исследовательской деятельностью, в частности, от директора Новгородского музея А. А. Строкова. На первых порах Ф. В. Кипарисову удалось защитить своего сотрудника. Тогда в новгородской газете «Звезда» от 24 июля 1936 г. появилась статья под названием «Темная личность». Для проверки изложенных в ней фактов Локальным бюро профсоюза Рабпрос была создана комиссия, состоявшая преимущественно из старых партийцев и советских работников. Началось клеветническое «дело», показавшее сполна: многие коллеги были бы очень рады избавиться от этого, безусловно знающего, талантливого, но при этом чрезмерно напористого, властного, не слишком приятного человека. Заседания комиссии проводились то в Новгороде, то в Ленинграде, в Русском музее (о последнем см. Пивоварова 2010: 64).

Цена конкретных обвинений специалистам будет совершенно ясна, если привести одну маленькую деталь: злодейское уничтожение фресок (сбивание со стены ломом!) якобы производилось Каргером на пару с «его сотрудницей Корзухиной»! Разумеется, оба были виноваты лишь в том, что вскрыли в Георгиевском соборе Юрьева монастыря позднее половое покрытие, ниже которого лежало несколько фресок, осыпавшихся со стен... Справедливости ради, стоит отметить, что один человек защищал Каргера до конца. Им был Н. Н. Воронин, в ту пору – муж Г. Ф. Корзухиной. Впрочем, защита не помогла бы. Избавлению способствовало другое: уже начинался Большой Террор, первыми жертвами которого становились старые партийцы. По словам самого М. К. Каргера, его «дело» закрыли в связи с арестом главного обвинителя.⁷

В результате М. К. Каргер благополучно пережил период кризиса и развала ГАИМК и был принят на работу в ИИМК АН СССР. В 1937 г. он был приглашен в ЛГУ на исторический факультет для чтения курса лекций по истории древнерусского искусства. В июне 1938 г. Ученый совет ЛГУ наконец присвоил ему степень кандидата исторических наук без защиты диссертации (последняя, на деле, была защищена в 1927 г., но «степеней» тогда официально не существовало). Начиная с 1940 г. местом основной работы Михаила Константиновича считался Институт им. И. Е. Репина (Академия художеств), где он так же активно преподавал и являлся заместителем директора (ф. 35, оп. 5, д. 374, л. 15, 17).

В июле 1941 г. М. К. Каргер ушел на фронт добровольцем и оказался в политотделе 8-й армии под Ленинградом (сначала старшим инструктором, затем военным комиссаром штаба). В октябре 1943 г. он был, по ходатайству Президиума АН СССР, демобилизован и вернулся в Ленинград к преподавательской и научной работе (Там же, л. 20, 22, 25 об., 27 об.).

В дальнейшем Михаил Константинович работал в ЛОИИМК/ЛОИА вплоть до своей кончины. С 1951 по 1974 г. он возглавлял Группу славяно-русской археологии, а в 1964 г. сменил Б. Б. Пиотровского на посту заведующего ЛОИА АН СССР. Параллельно он заведовал кафедрой русского искусства в Академии художеств (1943–1948 гг.), а с 1949 г. возглавил кафедру истории искусств на истфаке ЛГУ (Там же, л. 61 об.).

М. К. Каргер внес очень большой вклад в формирование научного направления архитектурной археологии. В таких городах, как Киев, Новгород, Переяславль-Русский, Галич, Владимир-Волынский, Полоцк, Витебск, Новогрудок, Туров, Волковыск, Старая

⁷ Сообщено Н. И. Платоновой Вал. А. Булкиным в 1977 г.

Ладога и другие, ему удалось обнаружить и изучить около 30, казалось, навсегда исчезнувших каменных построек первых веков русской истории. При этом им была выработана отточенная методика полевого исследования архитектурных памятников. В результате радикально обновилась источниковая база данных о строительном деле Древней Руси. Свои научные изыскания М. К. Каргер рассматривал в свете широких культурогенетических проблем. Он изучал памятники архитектуры как произведения, отражающие строительное искусство Руси, ее городов, в целом – как культуру русского народа. Выделяя те или иные архитектурные школы, М. К. Каргер в то же время отстаивал целостность и единство культурного пространства средневековой России.

Трудами М. К. Каргера были обнаружены целые городские кварталы (например, Киева), выявлены жилища и ремесленные мастерские. Им раскрыта потрясающая по своему драматизму картина тотального уничтожения цветущей русской цивилизации в период монгольского нашествия на Русь в 1237–1241 гг. Раскопки в Киеве, Переяславле-Русском, на городище у с. Городище Хмельницкой обл. («Изяславль») подтверждали сообщения летописи о беспрецедентной военной и человеческой катастрофе, которой обернулось для Руси татаро-монгольское нашествие.

М. К. Каргер любил и ценил факты, очень бережно и полно использовал исторические источники. Это обеспечило его статьям и книгам о Киеве, Новгороде, Смоленске, о древнерусской монументальной живописи глубину, точность и научную долговечность. Примером является двухтомная монография «Древний Киев» (Каргер 1958; 1961), в которой суммировано огромное количество сведений об этом городе.

Впрочем, отдавая должное этому крупнейшему ученому, нельзя не отметить и другого. Михаил Константинович в не меньшей степени, чем В. И. Равдоникас, запятнал себя участием в погромных кампаниях. Будучи «в силе», М. К. Каргер мог беспардонно присваивать научные достижения своих учеников. Чужих ошибок и слабостей он не прощал, быстро подмечал их, высмеивал – иногда весело и остроумно, но чаще зло и несправедливо. И все же он был настоящим наставником, действительно умевшим многому научить. Он был блестящим оратором и неотразимым критиком. Его экспедиции являлись подлинной полевой школой для специалистов.

Павел Александрович Раппопорт (1913–1988) (рис. 58, б) в 1939 г. окончил Ленинградский инженерно-строительный институт и поступил в аспирантуру ИИМК АН СССР, став учеником Н. Н. Воронина. Под его руководством он начал работу над диссертацией, посвященной шатровому зодчеству XVI в. Однако через два года эта работа была прервана войной.

Задуманную в 1939 г. кандидатскую диссертацию П. А. Раппопорт защитил в 1947 г. Уже в этой работе проявились наиболее характерные особенности метода исследователя – подробный анализ архитектурных форм, строительных приемов древних зодчих, умение связать факты о постройке архитектурных сооружений с историческими событиями. Это позволило ученому не только сделать обобщающие заключения, но и выявить особенности творчества отдельных зодчих, о которых ничего не сообщают летописи и другие источники.

В эти же годы исследователь приступает к изучению древнерусской фортификации. Работа, проведенная П. А. Раппопортом по изучению средневековых укреплений, была поистине всеохватывающей – ему удалось обследовать более 800 древнерусских крепостей и их остатков на территории от Карельского перешейка до Карпат и от Псковщины до Костромского Поволжья. На многих из них были проведены раскопки, а значительный ряд древнейших крепостей и городов был идентифицирован впервые. Итогом стало фундаментальное исследование в трех томах (Раппопорт 1956; 1961; 1967). Большая часть этой работы, озаглавленная «Военное зодчество древней Руси», была защищена П. А. Раппопортом в 1965 г. в качестве докторской диссертации.

Следующим этапом работы ученого стало исследование древнерусских жилищ. Им были выделены характерные для отдельных районов Руси типы построек, прослежены пути развития жилого строительства в X–XIII вв. Результаты этой работы автор обобщил в книге «Древнерусское жилище» (Раппопорт 1975).

В 1962 г. Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт начинают исследование Смоленска. Организовывается Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция, которая с 1962 по 1967 г. возглавлялась Н. Н. Ворониным, а с 1972 по 1975 г. – П. А. Раппопортом. Заметим, что в это время были раскопаны остатки 10 неизвестных дотоле памятников смоленского зодчества XII–XIII вв. Вместе с сохранившимися зданиями и постройками, изучавшимися ранее, их стало 19. Благодаря работам в Смоленске, исследователям удалось составить представление о целой школе древнего зодчества (Воронин, Раппопорт 1979).

С 1975 г. П. А. Раппопорт возглавил Архитектурно-археологическую экспедицию ЛОИА АН СССР. Отряды экспедиции, включавшие в свой состав специалистов Ленинградского университета и Эрмитажа, работали в Старой Ладоге, Новгороде, Калининe, Ростове, Угличе, Ярославле, Полоцке, Витебске, Гродно, Львове, Луцке, Владимире-Волынском, Галиче (Ивано-Франковской обл.), Чернигове, Новгороде-Северском. Эти изыскания способствовали сложению под руководством П. А. Раппопорта творческой группы по архитектурной археологии. Стараниями этого коллектива удалось осуществить максимально полный подсчет каменных построек домонгольской Руси. Их оказалось около 250. Полная сводка этого материала впервые представлена в книге «Русская архитектура X–XIII вв.» (Раппопорт 1982).

В 1970–1980-х гг. творчество П. А. Раппопорта достигло особой отточенности. Он выдвинул новаторские разработки основополагающих проблем древнерусского зодчества. На примере памятников Киева, Чернигова, Новгорода-Северского, Овруча, Полоцка, Смоленска и других городов ученому удалось всесторонне обосновать общерусский этап истории русской архитектуры XII–XIII вв., который ознаменовался полной переработкой и даже отрицанием византийских традиций и сложением национальных русских архитектурных форм.

Наряду с типом сооружения, его композицией, декоративной отделкой внимание П. А. Раппопорта привлекли техника кладки построек, их конструкции и строительные материалы. Им впервые было осуществлено детальное изучение системы кладки, качества и формата кирпича, состава строительного раствора, конструкций фундаментов. Начала вырисовываться картина развития древнерусской строительной техники. Удалось выяснить, какими были состав древнерусской строительной артели, характер организации работ, социальное положение зодчих. Тщательный анализ технических приемов позволил исследователю выделить «почерк» различных артелей, а это в свою очередь дало возможность понять, где и когда работали различные мастера, как и в какое время они переезжали из одного русского княжества в другое, каковы были взаимосвязи между разными архитектурными школами. В результате появилась возможность реконструировать ход и последовательность каменного строительства в городах Руси, определить его авторство и даже прогнозировать существование ненайденных сооружений. Изучение формата кирпича открыло возможность достаточно точной датировки памятников, порой в пределах 10 лет. Все эти научные достижения суммированы П. А. Раппопортом в целой серии монографий (Раппопорт 1986; 1993; 1994). В 1970 г. увидела свет его книга «Древнерусская архитектура» (Раппопорт 1970), предназначенная для самых широких кругов читателей.

П. А. Раппопорт отличался исключительной порядочностью и глубокой интеллигентностью. Он всегда был корректен в спорах, внимателен к товарищам, четок, последователен и доброжелателен в своих оценках и выступлениях. Его никогда не видели гневным.

Юрий Павлович Спегальский (1909–1969) (рис. 59, 4)⁸ родился в Пскове. Еще в школе он увлекся псковской стариной и решил серьезно заняться изучением и реставрацией памятников родного города. Диплом архитектора Юрий Павлович защитил в 1936 г. в ЛИСИ. Однако дальнейшая работа в ГИОП, производившей тогда реставрационные работы в Пскове, разочаровала его и ему пришлось уйти.

Во время войны Юрий Павлович входил в группу архитекторов, которые разрабатывали проекты защиты и укрепления скульптурных групп. Он стал членом специальной бригады, маскировавшей высотные точки. На огромной высоте они сшитыми из мешковины чехлами укрывали купол Николы Морского, шпиль главного здания Адмиралтейства, купол Инженерного замка, шпиль колокольни Иоанна Предтечи на Лиговке и главки на Петропавловском соборе. В блокадную зиму 1941/42 г. Юрий Павлович создал замечательный цикл из 70 рисунков, воссоздававших облик Пскова XVII в. (Спегальский 1974).

После войны Ю. П. Спегальский начал работать над проектом детальной планировки архитектурных заповедников Пскова, где намечает пути сохранения и музеефикации памятников старины в функционирующем организме большого современного города. Осуществить эти замыслы в ту пору оказалось невозможным, и Юрий Павлович покинул Псков.

В 1947–1951 гг. Ю. П. Спегальский закончил аспирантуру в Академии художеств (руководитель М. К. Каргер), получив научную степень кандидата архитектуры. В своей диссертации о псковских каменных жилых зданиях XVII в. он подвел черту определенному этапу исследования зодчества древнего Пскова и доказал существование над сохранившимися каменными зданиями XVII в. верхних деревянных, собственно жилых этажей. С 1959 г. Ю. П. Спегальский начал работу в ЛОИИМК, в составе Группы славяно-русской археологии. В 1963 г. была издана монография о каменной гражданской архитектуре Пскова (Спегальский 1963).

М. К. Каргер привел Ю. П. Спегальского в ЛОИА для разработки темы «Деревянные жилища Северо-Западной Руси IX–XIII вв.». Фрагменты жилых и хозяйственных построек, детали входов, полов, крыш – все это тщательно фиксировали археологи. Однако только историк архитектуры, сам профессиональный плотник и реставратор, мог, опираясь на обнаруженные остатки, вернуть разрушенные сооружения из небытия. Это и попытался сделать Ю. П. Спегальский. Его яркая и оригинальная, хотя в чем-то и дискуссионная работа была завершена к 1968 г. (Спегальский 1972). Тогда же сам Юрий Павлович решил оставить ЛОИА и вернуться в Псков, приняв приглашение стать главным архитектором Псковских реставрационных мастерских. Однако он не успел даже начать там работу: 17 января 1969 г. ученый скоропостижно скончался.

Гали Фёдоровна Корзухина (1906–1974) (рис. 59, 5) родилась в семье петербургского архитектора Фёдора Алексеевича Корзухина (1875–1941), сына известного художника-передвижника Алексея Ивановича Корзухина. В 1923 г. она поступила в Петроградский университет на отделение археологии и искусств ФОНа. Заканчивать в 1926 г. пришлось уже Ямфак. В 1926 г. Г. Ф. Корзухина была зачислена «сверхштатным аспирантом без стипендии» в только что открытую аспирантуру ГАИМК, где вплотную занялась историей древнерусской архитектуры.

Окончание аспирантуры в 1930 г. совпало с «чисткой» ГАИМК, массовыми увольнениями и неизбежными в таких случаях склоками и «проработками». В этот период у Гали Фёдоровны происходит нервный срыв: она несколько раз попадает в больницу; отходит от профессиональной деятельности и, выйдя из больницы, работает в Обла-

⁸ В основу раздела положена статья (Булкин, Овсянников 2011).

стном архивном управлении. Возвращение в науку происходит лишь в середине 1930-х гг., когда она, в частности, принимает участие в экспедициях М. К. Каргера в Новгороде. Тогда же Г. Ф. Корзухина получает должность хранителя фонда прикладного искусства Государственного Русского музея (1935–1938). В 1938–1941 гг. она переносит свои исследования в Киев, а Институт археологии АН Украинской ССР даже становится на время местом ее основной работы. В предвоенном ИИМКе она числилась «контрактником».

В 1930-х гг. основным предметом научных интересов Гали Фёдоровны становятся памятники прикладного искусства Древней Руси и предшествующего периода. Со свойственной ей исключительной пунктуальностью она собирает и фиксирует материалы, хранящиеся в музеях и архивах, формируя уникальную по степени фундированности источниковую базу своих последующих исследований.

Во время Великой Отечественной войны Г. Ф. Корзухина с сыном Николаем оказались в эвакуации на Урале, на родине деда-художника. В Свердловске ей довелось поработать и в больнице, и на заводе. Однако уже в конце 1943 г. она возвращается в ИИМК – сначала в Московское отделение, где ее на один год зачислят в аспирантуру для защиты диссертации, а затем в ЛОИИМК. В 1945 г. диссертация «Русские клады IX–XIII вв.» была успешно защищена. В дальнейшем она легла в основу одноименной монографии (Корзухина 1954).

С 1945 по 1972 г. Гали Фёдоровна работала в Секторе/Группе славяно-русской археологии. Ей довелось также заведовать рукописным архивом ЛОИА (1964–1967). После смерти Я. В. Станкевич она в течение двух сезонов руководила Торопецкой экспедицией с тем, чтобы потом полностью передать ее М. В. Малевской. В 1968 г. Гали Фёдоровна возглавила раскопки одной из последних сохранившихся насыпей в скандинавском могильнике в урочище Плакун в Старой Ладоге.

Строя исторические выводы на тщательно препарированной фактической базе, Гали Фёдоровна выступила против автохтонизма в вопросе о происхождении славянской культуры Среднего Поднепровья. По тем временам это было проявлением научной и гражданской смелости. Ее трактовка этногенеза народов Русской равнины неотделима от представлений об этническом многообразии и постоянном взаимодействии самых различных элементов. В этом отношении ее можно считать талантливым продолжателем кондаковского подхода к истории культуры. Исследовательница считала, что смена стилей в художественном ремесле I тыс. н. э. в Поднепровье обусловлена хронологическими разрывами и сменой на этой территории разных этнических групп, оседлых и кочевых. Опираясь на вещественные источники, она разрабатывала проблемы раннего проникновения скандинавов на территорию Восточной Европы и их роли в образовании Древнерусского государства (Корзухина 1955; 1978).

Г. Ф. Корзухина является признанным авторитетом в области археологического источниковедения. Ею был собран и систематизирован огромный материал по истории древнерусского декоративно-прикладного искусства и художественного ремесла предшествующего времени. Весомый вклад был сделан ею в изучение самых разных аспектов истории материальной культуры Древней Руси: техники и организации ювелирного дела, косторезного ремесла, вещевых кладов, игр, эпиграфических памятников, предметов культовой металлопластики и т. д. Высокая ценность ее исследований подтверждена их востребованностью новыми поколениями ученых. О том же свидетельствует продолжающаяся, уже посмертная публикация ее работ (Корзухина 1978; 1996; Корзухина, Пескова 2003).

Мария Александровна Тиханова (1898–1981) (рис. 59, б)⁹ родилась в интеллигентной петербургской семье. С золотой медалью закончила гимназию, затем – в 1919 г. – Высшие женские (Бестужевские) курсы, влившись тогда же в Петроградский государственный университет. Оставленная на историко-филологическом факультете для подготовки к профессорскому званию (по кафедре истории средних веков), она занималась в семинарах О. А. Добиаш-Рождественской и И. М. Гревса, изучала латинскую палеографию, старофранцузский и греческий языки, русскую историю, византийское искусство и многое другое.

С 1920 г. М. А. Тиханова становится ассистентом кафедры средних веков, заведует в университете кабинетом вспомогательных исторических дисциплин, одновременно является библиографом в Российской книжной палате. Тогда же Мария Александровна начинает работать в ГАИМК. В 1922 г. она стала научным сотрудником, секретарем Разряда археологии раннехристианской и византийской и Крымского комитета. К занятиям европейским средневековьем прибавился интерес к средневековому Крыму. Наряду с составлением «Свода лиможских и рейнских эмалевых изделий в музеях СССР» М. А. Тиханова работает над темами «Средневековая Керчь» и «Керамика Крыма и Сарая».

В первой половине 1930-х гг. Мария Александровна помимо работы в ГАИМК ведет интенсивную преподавательскую деятельность. Она читает лекции в ЛИФЛИ, в Горном институте, в Коммунистическом политико-просветительном институте им. Н. К. Крупской, в Высшем военно-морском инженерном училище им. Ф. Э. Дзержинского. В 1934 г. она даже становится профессором Высшей школы профдвижения.

Можно предположить, что доступ в эти «идеологические» учебные заведения открылся Марии Александровне благодаря рекомендациям тогдашнего руководителя ГАИМК Ф. В. Кипарисова, ставшего в 1930 г. ее мужем. Фёдор Васильевич был не только старым партийцем и видным профсоюзным деятелем, но и потомственным интеллигентом, высокообразованным филологом-классиком. По-видимому, их с М. А. Тихановой сближало то, что, обладая большим культурным и научным потенциалом, оба стремились «идти в ногу со временем», увидеть в происходящем свою логику и закономерность. Семейная жизнь их закончилась трагедией: Фёдор Васильевич был расстрелян по обвинению во вредительстве в науке. Мария Александровна должна была отречься от него.

В 1938 г. М. А. Тихановой по совокупности работ присуждается степень кандидата исторических наук. Она начинает подготовку докторской диссертации «Запад и Киевская Русь IX–XI вв.», но защитить ее не успевает. Начинается Великая Отечественная война. В 1941 г., после ухода Н. Н. Воронина на фронт, Мария Александровна исполняет обязанности заведующего Сектором Древней Руси и Восточной Европы. На этом посту она официально числится до осени 1942 г., когда Сектор было решено восстановить в Москве во главе с Н. Н. Ворониным.

Война ознаменовалась для Марии Александровны невосполнимой личной трагедией. На фронте погиб ее единственный сын, ушедший в ополчение летом 1941 г. Сама она вплоть до февраля 1942 г. пробыла в осажденном городе, деля с ученым секретарем ИИМК С. Н. Бибиковым нелегкие труды по спасению умирающего от голода коллектива. В феврале 1942 г. ее вместе с другими коллегами, доведенными до крайней степени истощения, вывезли по Ледовой дороге. Далее были – Казань, Елабуга, Ташкент.

В послевоенные годы М. А. Тиханова принимает большое участие в создании (точнее, доведении до конца) фундаментальных коллективных трудов ИИМК («История культуры Древней Руси», «История Молдавии», «Очерки по истории СССР»). Она продолжает чтение лекций на кафедре археологии ЛГУ, ведет большую редакторскую работу. Именно

⁹ Раздел написан с использованием статьи (Кирпичников, Щукин 1983).

в эти годы М. А. Тиханова начинает широкие раскопки поселений черняховской культуры – Лука-Врублевцевская и Лепесовка.

В 1950–1960-х гг. Мария Александровна – активный участник дискуссии по проблемам черняховской культуры. Основные положения своей концепции она изложила в большой статье (Тиханова 1957), без которой исследователи до сих пор не обходятся. Основным труд М. А. Тихановой, посвященный поселению Лепесовка, к сожалению, остался незавершенным, хотя наиболее трудоемкая часть работы была выполнена.

М. А. Тиханова прожила сложную жизнь; сама была непростым человеком. Но самое имя Марии Александровны стало ныне символом безусловной научной строгости и честности.

Иван Иванович Ляпушкин (1902–1968) (рис. 59, 2)¹⁰ родился в слободе Савруха Самарской губ., в семье кузнеца. После окончания школы он пять лет проработал школьным учителем и инструктором школ в Поволжье и Фергане, в 1924–1926 гг. служил в Красной Армии.

В 1927 г., окончив рабфак, Иван Иванович поступил на историческое отделение Ленинградского педагогического института им. Герцена и окончил его в 1930 г. Тяжелая болезнь (туберкулез) не позволила ему остаться в Ленинграде, и он уехал преподавать историю на Южный Урал. В 1935 г., вернувшись в Ленинград, Иван Иванович поступил в аспирантуру ГАИМК/ИИМК, где с 1937 г. начал работать под руководством М. И. Артамонова над диссертацией «Славяно-русские поселения на Дону и Тамани по археологическим данным» (защитил в 1940 г.), в которой он обосновывал высказанные ранее М. И. Артамоновым положения о том, что в степном Подонье и на Тамани славяне не были автохтонным населением, а появились здесь как серьезная сила лишь в конце X в.

В июне 1941 г. Иван Иванович выехал в Поволжье в связи с обострением туберкулеза – и уже не вернулся в блокадный Ленинград. Это, несомненно, спасло ему жизнь. В 1943 г. он присоединился к елабужской группе ИИМК, с которой и возвратился домой в 1945 г.

В 1949–1951 гг. Иван Иванович принимал активное участие в работах Волго-Донской экспедиции. Тогда же он выдвинул гипотезу о разделении салтовской культуры Подонья на две составляющие – аланскую и болгарскую.

И. И. Ляпушкин еще в 1940 г. начал заниматься вопросом появления славян на территории Днепровского лесостепного Левобережья – одной из важнейших составных частей Киевской Руси. Сплошное обследование бассейна р. Ворсклы, полевые изыскания на уже известных ранее памятниках других районов и планомерные раскопки отдельных поселений, относящихся к разным культурно-хронологическим группам, привели его к убеждению, что на рубеже VII–VIII вв. имел место разрыв культурной преемственности, и, таким образом, славяне появились на территории Днепровского Левобережья не ранее указанного времени. В целом, в эпоху железа Иван Иванович выделял в этой области три периода прочной оседлости: скифская эпоха VII–III вв. до н. э.; черняховская культура III–IV вв.; славянские и салтовские памятники VIII–X вв.

Подробно анализируя добытый археологический материал и рассматривая его в широком контексте культур Восточной и Центральной Европы, Иван Иванович обосновывал ряд положений, чрезвычайно важных для истории всего славянства (Ляпушкин 1958; 1961). Среди них следует отметить положения о единой и монолитной общеславянской культуре VI–VII вв.; о достаточно высоком уровне этой культуры в Восточной Европе в VIII–IX вв. Одновременно Иван Иванович выдвинул ряд других идей, в том числе – о движении части славянских племен в VI–VII вв. из Подунавья на правобережное Среднее Поднепровье. Он предложил смелую гипотезу о первоначальном членении единой

¹⁰ Раздел написан на основе статьи (Памяти Ляпушкина 1969).

славянской культуры не на западный и восточный варианты, а на северный и южный. Заселение Днепровского Левобережья славянами шло, по его мнению, с запада.

И. И. Ляпушкин блестяще раскопал целый ряд памятников эпохи железа и раннего средневековья, в том числе Новотроицкое городище, представляющее собой, в сущности, единственное раскопанное целиком и образцово опубликованное славянское поселение (Ляпушкин 1958). Незадолго до смерти Иван Иванович начал раскопки Гнёздовского селища – одного из ключевых поселений протогородского типа на Русской равнине, в существовании которого до его работ были сомнения.

В своей последней монографии (Ляпушкин 1968) исследователь сформулировал гипотезу, согласно которой в Верхнем Поднепровье, ранее заселенном балтами, славяне появляются лишь в VIII–IX вв. и достоверные погребальные памятники северо-восточного славянства следует искать не среди длинных курганов и сопок, а среди маленьких круглых курганов VIII–IX вв. В дальнейшем эта гипотеза неоднократно проверялась учениками Ивана Ивановича и оказалась в конце концов отвергнута.

Скрупулезность Ивана Ивановича в работе с источниками и его незаурядный талант руководителя, глубокая порядочность, редкостное спокойствие и твердость характера возымели огромное значение в середине 1960-х гг., когда «ляпушкинская школа» работы с материалом и ляпушкинские экспедиции стали незаменимым этапом научной подготовки целого поколения исследователей.

Пётр Николаевич Третьяков (1909–1976) (рис. 4, 3; 58, 1) родился в Костроме в семье учителя. Археологией начал заниматься очень рано – под руководством видного костромского краеведа, основателя местного музея В. И. Смирнова. В ранней юности Пётр Николаевич работал в экспедициях В. А. Городцова, А. Я. Брюсова, А. А. Спицына, общался с приехавшим из Финляндии А. М. Тальгреном. В 1926 г. он поступил на археологическое отделение Ямфака ЛГУ (заканчивал в 1930 г. уже Историко-лингвистический институт).

С Этнологическим отделением ГАИМК Третьяков начал сотрудничать, будучи еще первокурсником (1927 г.). Его учителем в Академии стал П. П. Ефименко, вплотную занимавшийся в тот период финскими древностями железного века и средневековья. Параллельно Пётр Николаевич много общался и с А. А. Спицыным. Однако близких, доверительных отношений у них не сложилось. В своих работах 1930-х гг. Третьяков решительно отверг методiku А. А. Спицына, по которой расселение летописных племен реконструировалось по пережиткам их культуры в поздних курганах. Критике этого подхода П. Н. Третьяков посвятил специальную статью, которая вызвала бурную дискуссию с А. В. Арциховским (Третьяков 1937; Арциховский 1937).

В начале 1930-х гг. П. Н. Третьяков – активный сотрудник сразу нескольких рабочих групп ГАИМК, автор ряда программных публикаций, утверждающих социологический подход к памятникам (Третьяков 1932; 1935). С 1933 г. он становится начальником крупной новоостроевской экспедиции; в 1934–1935 гг. производит раскопки городища Березняки.

В 1938 г. Петру Николаевичу по совокупности работ присваивается научная степень кандидата. Он преподает на кафедре археологии ЛГУ. С конца 1930-х гг. главным объектом его исследований становится этногенез славян в Восточной Европе: ученый вполне в марристском духе отстаивает автохтонность славян на Русской равнине. Параллельно в поле его зрения остаются дьяковские памятники. Их П. Н. Третьяков разделял на две части: восточную он считал финно-угорской, западную – славянской (Третьяков 1941). Позднее он сам признавал свою ошибку, справедливо указывая на то, что в 1930-х гг. археологи просто не подозревали широкого распространения балтов в Восточной Европе.

Будучи призван в 1941 г. в армию, Пётр Николаевич был направлен работать в Главное Политуправление РККА, затем стал преподавателем Военно-Политической академии,

где и оставался до конца войны. Это сделало его номенклатурным работником, открыло путь к высоким партийным и административным постам. По возвращении в Институт П. Н. Третьяков был в 1946 г. назначен заведующим ЛОИА и сразу же защитил докторскую диссертацию по книге, вышедшей в 1941 г. В январе 1947 г. его переводят в Москву на работу в ЦК ВКП(б) (ф. 35, оп. 5, д. 321, л. 61 об.). Его первая «аппаратная» должность называлась: «консультант Управления пропаганды ЦК ВКПб». В том же 1947 г. он становится профессором Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). В 1951 г. – директором Института славяноведения АН СССР. В 1954 г. – заместителем академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР.

В эти годы для науки у Петра Николаевича, по существу, оставались лишь вечера и ночи. Но он был человеком, действительно глубоко увлеченным своим делом. Работая в ЦК, Третьяков в то же время сумел привести в порядок, обобщить и издать под двумя фамилиями материалы исследований древнерусских памятников на Дону, проводившихся П. П. Ефименко при его участии в 1928–1933 гг., а также материалы их совместных работ 1920-х гг. в Чувашии (Ефименко, Третьяков 1948; 1961; Третьяков 1948б). Одновременно он возглавил Сектор этногенеза в ИИМК АН СССР (Москва). При его поддержке В. Н. Топоров и О. Н. Трубачёв осуществили масштабное исследование гидронимии центра Русской равнины, благодаря чему «заметно продвинулось изучение балтославянских языковых связей, восточнославянского этногенеза» (Горюнов 1983: 17).

В книге «Восточнославянские племена», вышедшей двумя изданиями (1948а; 1953), П. Н. Третьяковым была сформулирована автохтонная концепция происхождения восточных славян – концепция, к которой частично стала близка более поздняя концепция Б. А. Рыбакова. П. Н. Третьяков достаточно быстро разуверился в возможности провести доказательную линию славянского этногенеза через черняховскую культуру. Его главные упования были обращены к зарубинецкой культуре и, в частности, к «поздnezарубинецким памятникам», открытым его экспедицией.

Карьера П. Н. Третьякова как чиновника от науки закончилась в 1958 г. В июне он был утвержден в звании чл.-корр. АН СССР, а осенью стремительно и неожиданно уехал в Ленинград, чтобы в 1959 г. оформиться в ЛОИИМК старшим научным сотрудником.¹¹ С точки зрения карьеры переезд П. Н. Третьякова в Ленинград был падением на несколько ступеней вниз, но наука от этого, несомненно, выиграла. Пётр Николаевич занялся исключительно археологией и, в частности, поисками раннеславянских памятников в Верхнем Поднепровье и Подесенье. Меньше чем через месяц после зачисления в ЛОИИМК он сформировал Смоленский отряд Верхнеднепровской археологической экспедиции и выехал в поле (ф. 35, оп. 5, д. 321, л. 89–91). Начиная с рубежа 1950–1960-х гг. П. Н. Третьяков более 10 лет вел широкие полевые исследования – сначала на Смоленщине и Брянщине, потом на Черниговщине и юге Псковской обл.

На Десне П. Н. Третьяковым было обнаружено и исследовано свыше 50 памятников совершенно не изученного времени (Смольянь, Посудичи, Колодезный Бугор, Форостовичи, Лавриков лес и т. д.). Уже после смерти Петра Николаевича выяснилось, что эти древности принадлежат большой культурной общности, куда входят также древности киевского типа и типа Абидни. «На этой “киевской” и близкой к ней основе в южной части Верхнего Поднепровья складывается культура, не имеющая резких отличий от достоверно славянской третьей четверти I тыс. н. э. – корчакской или пражской в междуречье

¹¹ «Мы так спешно переезжали в Ленинград, что даже не осмотрели выделенную нам там квартиру на Измайловском проспекте, – рассказывала жена П. Н. Третьякова Валентина Васильевна Романовская молодым тогда сотрудникам его экспедиции на р. Десне в конце 1960-х–начале 1970-х гг.» (воспоминания Е. Н. Носова).

Днепра и Западного Буга, но особенно близкая пеньковской в Среднем Поднепровье» (Горюнов 1983: 22).

В начале 1970-х гг. Третьякову лишь немного перевалило за 60. Но выглядел он гораздо старше своих лет. Видимо, былые взлеты и потрясения дались ему не даром. Он ненадолго пережил своего «вечного оппонента» И. И. Ляпушкина. Л. С. Клейн, младший современник обоих ученых, так описал их взаимоотношения: «Многое в построениях Третьякова держалось на определенных методических допущениях, гипотезах. Его постоянным критиком был И. И. Ляпушкин, <...> завзятый эмпирик и сторонник строжайшей методики. Как-то в раздражении полемики Третьяков сказал ему: “Что бы Вы делали, Иван Иванович, если бы не было меня? Ведь вся Ваша работа сводится к исправлению моих промахов!”». Но Иван Иванович был для него тайным эталоном, и ему страстно хотелось убедить именно его. Через несколько лет я видел Третьякова, рыдающего над гробом И. И. Ляпушкина. Никто не горевал так отчаянно и безутешно» (Клейн 2014).

Фрида Давыдовна Гуревич (1912–1988) (рис. 58, 7; 59, 7) принадлежала к числу тех, кого называют «советской молодежью, захваченной революционными преобразованиями». Она вышла из небогатой городской мещанской среды, школу окончила в 1929 г. Активно участвовала в пионерской и комсомольской жизни, ходила в «юнгштурме» – с ременной португеей поверх гимнастерки. Ф. Д. Гуревич сохранила свою социальную подвижность и темперамент до глубокой старости.

Г. Ф. Корзухина была ненамного старше Фриды Давыдовны, а с П. Н. Третьяковым разница в возрасте вообще составляла меньше трех лет. Но именно по этим годам прошел рубеж поколений. Те, кто успел получить высшее образование до 1930 г., и те, кто в разгар «Великого перелома» лишь начал учиться, имели в науке разную судьбу. Из рядов первых вышли молодые основоположники. Вторые стали их учениками.

Учеба Ф. Д. Гуревич в Педагогическом институте им. А. И. Герцена пришлось на период 1929–1932 гг. – время самого страшного развала высшего гуманитарного образования в СССР. Отработав по распределению два года в Томске, Ф. Д. Гуревич вернулась в Ленинград. В 1934 г. она поступила в аспирантуру ГАИМК по ИИФО, со специализацией по истории западноевропейского средневековья, в конце 1937 г. была принята на работу в ИИМК АН СССР, а в 1938 г. защитила на истфаке ЛГУ диссертацию по чисто исторической теме «Саксонское восстание 1073–1075 гг.».

Вхождение молодого специалиста в археологическую проблематику началось уже после защиты. В автобиографии она писала: «С 1939–40 гг. начинаю заниматься литовскими древностями» (ф. 35, оп. 5, д. 390, л. 19 об.). В эти годы в Секторе Древней Руси и Восточной Европы началась под руководством П. Н. Третьякова большая работа по изучению этногенеза славян и их ближайших соседей – финно-угров и балтов. Безусловно, П. Н. Третьякова можно, в какой-то мере, считать учителем Ф. Д. Гуревич в области археологии. Заняться самостоятельными полевыми археологическими изысканиями она смогла лишь после войны.

В 1941–1944 гг. Ф. Д. Гуревич находилась в эвакуации – сначала в Поволжье, затем в Ташкенте. Приехав в Москву, она была принята на работу в Московское отделение ИИМК, однако вскоре сумела вернуться в Ленинград.

Былые занятия «литовскими древностями» во многом определили дальнейший творческий путь Ф. Д. Гуревич. Новая геополитическая ситуация в Юго-Восточной Прибалтике по окончании Великой Отечественной войны потребовала организации там археологических исследований практически с нуля. В 1946 г. именно Ф. Д. Гуревич направляется в командировку в Калининградскую обл., чтобы на месте выяснить, в каком состоянии находятся археологические памятники, музейные коллекции и архивные материалы. Она находит опустошенные музеи, утратившие не только коллекции, но и документацию,

намечает для первоочередного изучения археологические памятники Приморского р-на (бывш. Земландского п-ова). С 1948 г. Фрида Давыдовна приступает к разработке темы «Связи древних пруссов со славянами в IX–X вв.».

Археологии советской Прибалтики были специально посвящены два пленума (сессии) ИИМК АН СССР (1949 г. – в Ленинграде, 1951 г. – в Тарту). Координатором группы, занимавшейся подготовкой пленума 1949 г. и редактированием сборника его материалов, была назначена Ф. Д. Гуревич. Сама она выступила там с критическим обзором археологической литературы, касающейся Юго-Восточной Прибалтики, и сформулировала основные задачи предстоящей работы (Фёдоров 1949: 129; Гуревич 1951: 91–98; 1952: 13–23).

В 1949 г. Калининградский отряд Славянской экспедиции под руководством Ф. Д. Гуревич начал изучение археологических памятников железного века, которое успешно продолжалось до 1959 г. Были обследованы десятки местонахождений, проведены стационарные раскопки ряда городищ и могильников. Обобщенные результаты исследований были опубликованы (Гуревич 1960: 328–451).

Археологическое изучение Калининградской обл. являлось основным, но не единственным направлением исследований Фриды Давыдовны в 1949–1959 гг. Тогда же из печати выходят ее статьи об обрядах погребения и древних верованиях в Литве, об археологических памятниках летописных ятвягов и др. В 1952–1953 гг. она проводит полевые исследования в юго-западных районах Великолукской обл., граничащих с Латвией и Белоруссией, а в 1955 г., когда под руководством С. А. Таракановой создается Прибалтийская комплексная экспедиция ИИМК, Ф. Д. Гуревич становится еще и начальником Славяно-Литовского отряда. Этим отрядом проводилось изучение раннесредневековых памятников Верхнего (белорусского) Понеманья. Результаты изучения этнического состава населения региона во второй половине I тыс. н. э. получили отражение в исследовании «Древности Белорусского Понеманья» (Гуревич 1962) и в популярной книге (Гуревич 1982).

Историко-археологическое изучение древнего Новогрудка (Гродненская обл., Белоруссия) стало новым и очень ярким этапом творческой биографии Ф. Д. Гуревич. Благодаря ее исследованиям открылась во всем многообразии ранняя история материальной культуры летописного города, долго считавшегося первой столицей Литвы. В письменных источниках он упоминается только в 50–70 гг. XIII в. Исследования Новогрудка продолжались 30 лет (1955–1985 гг.) и дали серьезные результаты, касающиеся хронологии города (открытие домонгольских слоев), его планировки, домостроительства, ремесленной деятельности и самых различных сторон городской культуры. Новогрудок стал одним из наиболее полно изученных западнорусских городов (Гуревич 1981). Наиболее полное исследование, включающее также и результаты раскопок на детинце, было подготовлено к печати уже после смерти Ф. Д. Гуревич ее коллегами М. В. Малевской и К. В. Павловой при активном участии дочерей Фриды Давыдовны – Е. В. и Н. В. Ревуненковых (опубликовано только на белорусском языке – Гурэвіч 2003).

Ядвига Вацлавна Станкевич (1909–1959) (рис. 58, 8) по возрасту была ровесницей П. Н. Третьякова. В аспирантуру ГАИМК она попала в один год с Ф. Д. Гуревич, однако ее судьба сложилась по-другому. Она никогда не была на виду – даже в период крупнейших своих успехов, а умерла на историческом перепутье, не успев, подобно П. Н. Третьякову, переосмыслить материалы в контексте новой научной парадигмы. Даже до издания своей первой научной монографии она не дожила.

Именно поэтому последующие поколения археологов как-то быстро о ней позабыли. Используя собранный ею огромный материал, многие авторы зачастую лишь вскользь упоминают о ней самой. И немудрено: взгляды Я. В. Станкевич, к примеру, на этническую принадлежность памятников железного века Северо-Запада уже в середине 1960-х гг. представлялись немыслимо устаревшими. Ленинградская археологическая молодежь

1960–1970-х гг., волнуемая «страстями по Третьякову и по Ляпушкину», оказалась равнодушна к имени и к наследию Я. В. Станкевич. Многим она казалась ученым «без изюминки», хотя удивляло само количество упоминаний ее в числе первых исследователей ключевых памятников Восточной Европы. А те, кто шел в поле по ее следам, поражались тому, сколько она сделала за свою короткую жизнь.

Что же можно сказать о Я. В. Станкевич теперь с высоты уже нашего времени? Пожалуй, первое, что бросается в глаза, – твердый характер и невероятная трудоспособность, высокий профессионализм и непреходящая любовь к науке. На многих направлениях она оказалась первой. Конечно достигнутые ею результаты во многом уже «перекрыты» теми, кто шел вслед за ней полевыми маршрутами, что-то переосмыслено, что-то вообще отброшено. Однако общих ее заслуг это не умаляет.

Ядвига Вацлавна была выходцем из среды петербургского мещанства. Ее отец работал в Акцизном управлении продавцом, потом кладовщиком на прядильной фабрике и т. п. В годы нэпа он сделался сапожником-кустарем, а с 1926 г. пошел в сторожа.

В 1927 г. Я. В. Станкевич поступила в Педагогический институт им. А. И. Герцена, затем перевелась на Ямфак ЛГУ. Правда, заканчивать в 1931 г. пришлось отделение музееведения уже Историко-лингвистического института. Два года Ядвига Вацлавна проработала в Петрозаводском музее заведующей историческим отделом, где и зародился ее стойкий интерес к Приладожским курганам (ф. 35, оп. 5, д. 296, л. 26).

Вернувшись в Ленинград в 1933 г., Я. В. Станкевич стала экскурсоводом в Этнографическом музее, затем была принята научным сотрудником в Эрмитаж. В 1934 г. поступила в аспирантуру ГАИМК, начав разрабатывать, под руководством В. И. Равдоникаса, проблему курганов Приладожья. В. И. Равдоникас сориентировал свою ученицу на сбор и реконструкцию комплексов по архивам и музейным хранилищам. Аспирантка разобрала и сличила коллекции, хранившиеся в Эрмитаже, Артиллерийском музее, ГИМе и Тихвинском музее, восстановила по инвентарным описям и дневникам все комплексы погребений из раскопок Н. Е. Бранденбурга, находившиеся в ГИМе. В результате «было восстановлено до 500 отдельных комплексов погребений, происходящих из 300 отдельных курганов» (Там же, л. 28).

Я. В. Станкевич попыталась применить к своим материалам ту методику, которую позднее станут называть корреляционной статистикой в археологии. Никаких признанных образцов приложения корреляционного метода к археологическим материалам тогда еще не было. Были лишь «первые ласточки» указанного подхода – как, например, работа П. П. Ефименко по рязано-окским могильникам (Ефименко 1926: 59–84). В конечном счете ей удалось расчленив вещевой материал из Приладожских курганов на шесть хронологических групп, уточнив датировку вещей в отдельных случаях до четверти столетия.

В 1938 г. Я. В. Станкевич, принятой в ИИМК младшим научным сотрудником, было поручено начать раскопки в Ярославском Поволжье, на Тимерёвском и Михайловском могильниках. За два сезона (1938–1939) она исследовала несколько десятков курганов, причем сумела собрать и ввести в научный оборот как результаты собственных работ, так и многочисленные материалы предшественников (Недошивина 1963: 24). Статья о ярославских могильниках вышла в свет перед самой войной (Станкевич 1941). В июле 1941 г. Ядвига Вацлавна вместе с сыном эвакуировалась из Ленинграда. Три года она проработала в деревенских школах Поволжья – директором и учителем истории.

В марте 1946 г. Ядвига Вацлавна защитила диссертацию и летом уже руководила раскопками Шестовицкого поселения и могильника. В конце 1940-х гг. Я. В. Станкевич участвует в раскопках В. И. Равдоникаса в Старой Ладогге, и в дальнейшем ее деятельность уже всецело связывается с Северо-Западом.

1950-е годы стали «звездным десятилетием» Я. В. Станкевич. В этот период она начинает тотальные разведки в бассейнах Западной Двины и Ловати, чередуя их с раскопками стратегически важных поселений региона (Станкевич 1960). Кипучую деятельность Я. В. Станкевич прервала неожиданная смерть 18 мая 1959 г.

Можно лишь удивляться тому, сколько она успела. Тимерёвский и Михайловский могильники, Шестовицкий комплекс, Городок на Ловати, Торопец, Подгай, Полибино – все эти названия много говорят археологу-медиевисту. Я. В. Станкевич была из породы Первопроходцев. Она уверенно шла в науке нехоженными тропами, оставляя преемникам право расширять и мостить эти стежки далее, превращая их в торные пути.

Анатолий Леопольдович Якобсон (1906–1984) (рис. 58, 5) родился в интеллигентной семье «ученого лесоведа» в г. Луга Санкт-Петербургской губ. Среднюю школу закончил в Москве (1922 г.) и тогда же поступил на физико-математический факультет I МГУ. В 1924 г. перешел на археологическое отделение этнологического факультета I МГУ. В 1927 г. перевелся на Ямфак ЛГУ на отделение истории материальной культуры (окончил в 1929 г.). Основные исследовательские интересы определились уже в студенческие годы, во время летней практики в Херсонесе (1925–1927 гг.). Там он, параллельно с обмерами архитектурных памятников, составил полный на тот момент каталог хранящихся в музее средневековых архитектурно-декоративных мраморных фрагментов.

В марте 1930 г. Анатолий Леопольдович был принят на работу в ГАИМК научно-техническим сотрудником. Там ему пришлось надолго отойти от крымских и архитектурных проблем, занимаясь изучением феодального города в разных аспектах. С началом работ на новостройках в 1933–1935 гг. А. Л. Якобсон работает в составе Волго-Донской археологической экспедиции М. И. Артамонова, в том числе на раскопках Левобережного Цимлянского городища, отождествленного затем с городом Саркелом.

В 1936 г. Анатолий Леопольдович возвращается к архитектурно-археологической тематике – принимает участие в раскопках средневекового замка Анберд в Армении под руководством И. А. Орбели. С 1937 г. его исследования сосредоточиваются в Крыму (раскопки дворца на плато Мангуп-Кале, средневековых кварталов Херсонеса). В этот период А. Л. Якобсон начинает писать книгу «Позднесредневековый Херсонес», работая по совместительству во Всероссийской Академии архитектуры.

Раскопки 1941 г. в Крыму были прерваны войной. А. Л. Якобсон вернулся в Ленинград и в сентябре, на последнем Ученом совете года, он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Архитектура средневекового Херсонеса». Вплоть до начала февраля 1942 г. он находился в осажденном городе, затем его вывезли из Ленинграда по Ледовой дороге. В г. Иваново он был снят с эшелона и помещен в больницу в очень тяжелом состоянии. Лишь через семь месяцев ему все-таки удалось встать на ноги. А. Л. Якобсон переехал из Иваново в Москву и проработал в Московской части ИИМКа более двух лет – вплоть до возвращения в Ленинград в конце апреля 1945 г.

В 1946 г. монография «Средневековый Херсонес» была завершена и сдана в печать (Якобсон 1950б). Сам автор рассматривал ее как свою докторскую диссертацию. Однако возникли вопросы о степени тождества работы, оконченной в 1946 г., с той, что была защищена осенью 1941 г. как кандидатская (материалы Ученого совета 1941 г. пропали в блокаду). В результате искомую ученую степень А. Л. Якобсон получил только в 1962 г. – по совокупности трудов, связанных с изучением культуры средневекового Херсонеса. За истекший период у него, в дополнение к первой книге о Херсонесе, вышла монография «Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры» (Якобсон 1959). Параллельно была издана книга, посвященная истории армянского зодчества V–XVII вв. (Якобсон 1950а).

Рис. 57. 1 – А. А. Спицын, 1932 г.; 2 – Н. П. Сычёв, 1919 г.; 3 – К. К. Романов, 1912 г.; 4 – М. А. Тиханова, 1936 г.; 5 – Г. Ф. Корзухина, 1949 г.; 6 – Н. Н. Воронин; 7 – М. К. Каргер; 8 – Н. Н. Чернягин; 9 – Г. П. Гроздилов (6–8 – фото 1941 г.)

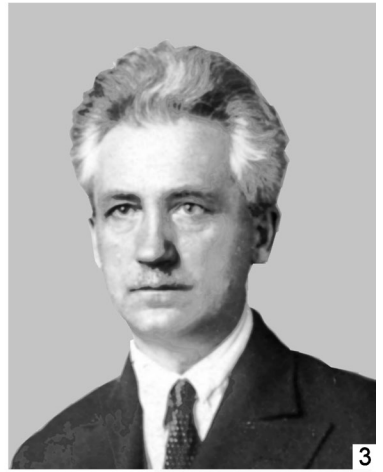

Рис. 58. 1 – П. Н. Третьяков; 2 – М. И. Артамонов; 3 – Б. Д. Греков; 4 – А. А. Миллер (рисунок М. В. Фармаковского); 5 – А. Л. Якобсон; 6 – П. А. Раппопорт; 7 – Ф. Д. Гуревич; 8 – Я. В. Станкевич; 9 – В. И. Равдоникас

Рис. 59. 1 – М. В. Малевская-Малевиц, 1985 г.; 2 – И. И. Ляпушкин, 1960 г.; 3 – К. В. Павлова, 1959 г.; 4 – Ю. П. Спегальский, 1950-е гг.; 5 – Г. Ф. Корзухина, 1957 г.; 6 – М. А. Тиханова, около 1970 г.; 7 – Ф. Д. Гуревич, 1985 г.; 8 – А. Н. Кирпичников, 1960-е гг.; 9 – О. В. Овсянников, 1970-е гг.

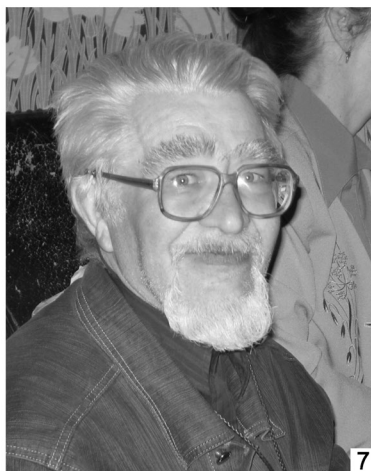
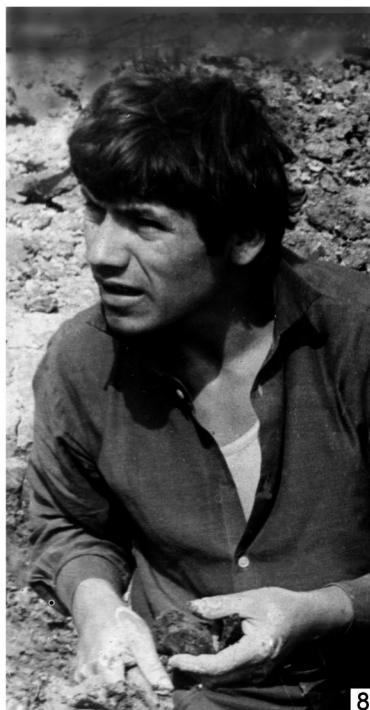
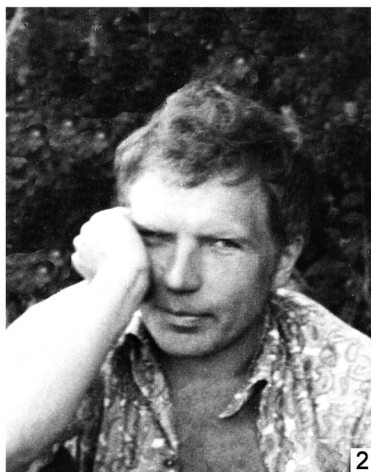

Рис. 60. 1 – Е. А. Рябинин, начало 2000-х гг.; 2 – Е. А. Горюнов, 1974 г.; 3 – И. И. Ляпушкин и Е. А. Горюнов на Гнёздовском раскопе; 4 – Н. В. Хвожинская, 2002 г.; 5 – В. П. Петренко, 1980-е гг.; 6 – А. А. Пескова, 1999 г.; 7 – В. И. Кильдюшевский, 1999 г.; 8 – В. А. Назаренко (3, 8 – фото 1968 или 1969 г.)

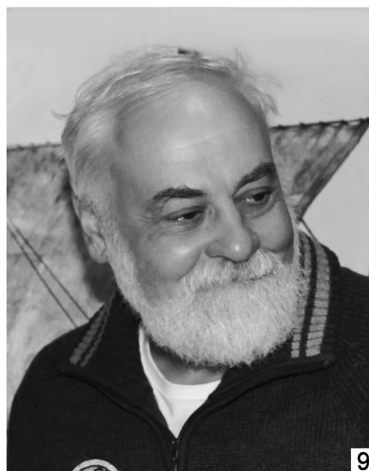

Рис. 61. 1 – В. М. Горюнова; 2 – В. А. Тюленев, 1980 г.; 3 – А. И. Сакса, 2012 г.; 4 – С. В. Белецкий, 2010-е гг.; 5 – А. В. Плохов, 2010 г.; 6 – Т. А. Чукова, 1988 г.; 7 – П. Е. Сорокин, 2012 г.; 8 – А. В. Курбагов, 2011 г.; 9 – В. А. Лапшин, 2013 г.

Рис. 62. 1 – О. А. Щеглова, 1996 г.; 2 – Н. И. Платонова, 1990 г.; 3 – А. А. Липатов, 1990-е гг.; 4 – И. И. Еремеев, 2012 г.; 5 – А. Е. Мусин, 2010 г.; 6 – К. А. Михайлов, 2009 г.; 7 – М. А. Юшкова, 2007 г.; 8 – Т. С. Дорофеева, 2003 г.; 9 – Н. В. Григорьева, 2008 г.

Рис. 63. «Эстонский день» в ЛОИА АН СССР, Дубовый зал, 1983 г., слева направо: сидят – А. А. Пескова, А. Л. Якобсон, Н. И. Платонова, Н. В. Хвоцинская, К. В. Павлова, Ф. Д. Гуревич, М. В. Малевская, Юли Тамла; стоят – В. А. Тюленев, Е. А. Рябинин, В. А. Лапшин, В. М. Горюнова, О. В. Овсянников, Д. И. Фояков, П. А. Раппопорт, В. А. Назаренко (виден частично), Юри Селиранд, В. П. Петренко (виден частично), А. Н. Кирпичников, Юри Пеэте, Прийт Лити, Томас Тамла, Айн Лави (виден частично), В. И. Кильдошевский, А. И. Сакса, Владимир Соколовски, Мати Мандель, Е. Н. Носов

Рис. 64. Сотрудники Отдела славяно-финской археологии (середина 1990-х гг.). Слева направо: на переднем плане – Е. Н. Носов, А. Н. Кирпичников, А. В. Курбатов; во втором ряду – А. В. Плохов, М. В. Малевская, В. М. Горюнова; в третьем ряду – В. И. Кильдюшевский, Н. В. Хвошинская, К. В. Павлова, О. А. Щеглова, О. И. Богуславский, В. А. Назаренко; в четвертом ряду – К. А. Михайлов, С. В. Белецкий, С. Н. Травкин, А. И. Сакса, А. А. Пескова, О. В. Овсянников, Д. И. Фояков

Дальнейшая работа А. Л. Якобсона представляла собой разработку и углубление крымской и кавказской архитектурно-археологической тематики. В новой монографии «Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры» (Якобсон 1964) исследователю удалось создать цельную картину истории Крыма в указанный период. Позднее книга была переиздана в популярном варианте (Якобсон 1973).

Отдельным направлением зрелого и позднего периодов творчества А. Л. Якобсона стало изучение армянского зодчества и орнаментики, позволившее ему выявить и рассмотреть такие любопытные сюжеты, как армянские корни многих памятников так называемого сельджукского искусства, а также появление ближневосточного орнамента в произведениях русского искусства, в том числе в деревянной резьбе и ювелирных изделиях XVI в.

Последней большой работой Анатолия Леопольдовича, увидевшей свет при его жизни, стало исследование «Керамика и керамическое производство средневековой Таврики» (Якобсон 1979). Уже после смерти ученого была опубликована его итоговая монография «Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры» (Якобсон 1983).

Работа А. Л. Якобсона в ЛОИА стала как бы мостиком, перекинутым в наше время из 1920-х гг., когда в РАИМК в Разряде археологии раннехристианской и византийской началось изучение средневековых памятников Крыма. В лице А. Л. Якобсона эти исследования получили достойного продолжателя. Во многом благодаря ему не была разорвана тематическая связь исследований Северной Руси, традиционно широко представленных в Секторе, – и исследований Руси Южной, Причерноморской, с ее византийскими и восточными традициями.

Марианна Владимировна Малевская-Малевич, урожд. Дементьева (1918–2011) (рис. 59, 1)¹² родилась в Петрограде. Отец ее был сибиряк, мать – французка. Училась Марианна в школе при Ленинградском Хореографическом училище. Стать балериной ей не довелось, но редкостное изящество не изменяло ей даже в глубокой старости.

В 1938 г. она поступила во Всероссийскую Академию художеств, на только что созданный факультет теории и истории искусств.¹³ Однако начавшаяся война, блокада, эвакуация в Самарканд сильно затянули учебу. Лишь в 1946 г. Марианна Владимировна окончила Академию, став дипломированным искусствоведом.

В 1948–1950 гг. во время учебы в аспирантуре на кафедре истории архитектуры Академии художеств М. В. Малевская успешно сдала все кандидатские экзамены и под руководством М. К. Каргера написала диссертацию, но защита все откладывалась и откладывалась. В результате аспирантура была окончена без защиты. И дело отнюдь не в слабости представленной работы, а наоборот, в ее добротности, поскольку материалы диссертации широко использовались потом М. К. Каргером в его монографии «Древний Киев» (1958; 1961).

Слов нет, М. К. Каргер прекрасно умел разглядеть и оценить талантливых молодых специалистов, но в дальнейшем он предпочитал подолгу «придерживать» их возле себя в роли лаборантов, не отпуская в самостоятельный поиск. Все это в полной мере пришлось испытать потом многим его ученикам. Раньше других в этот замкнутый круг попала М. В. Малевская.

В 1952 г. Марианну Владимировну зачислят в ЛОИИМК – научно-техническим сотрудником Группы славяно-русской археологии. Она становится незаменимой участницей всех архитектурно-археологических экспедиций М. К. Каргера – в Киеве, Переяславе-

¹² Раздел написан Н. И. Платоновой в соавторстве с А. А. Песковой.

¹³ Факультет был организован в 1937 г. в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры, преобразованном в 1938 г. в Институт им. И. Е. Репина Всероссийской Академии художеств.

Хмельницком, Галиче, Владимире-Волынском, Полоцке. Однако ее плановой исследовательской темой оказывается не изучение памятников древнерусского зодчества. С 1957 г. ей поручается самый массовый и убийственно трудоемкий материал – гончарная керамика западнорусских городов.

В конце 1950-х гг. сотрудничество М. В. Малевской с М. К. Каргером в экспедициях прекращается. Причиной послужил выход в свет первого тома «Древнего Киева», в котором Марианна Владимировна не без удивления узрела целый ряд своих собственных реконструкций и разработок, включенных в текст без всякого упоминания ее имени. Тогда же между ней и учителем состоялось объяснение. Михаил Константинович остался верен себе: «Марьяна, все так делают...». В результате в 1958 г. Марианну Владимировну направляют на раскопки Малого Торопецкого городища, проводившиеся Я. В. Станкевич. А после внезапной смерти Я. В. Станкевич (1959 г.) М. В. Малевская продолжила начатые в Торопце исследования, в 1960–1961 гг. – вместе с Г. Ф. Корзухиной, а затем самостоятельно (1963–1965 гг.). Тогда стали появляться ее первые сугубо археологические статьи. Архитектурно-археологическая тематика была для нее закрыта. Все попытки опубликовать что-то из прежних разработок оказывались тщетными.

В 1964 г. М. В. Малевскую наконец переводят на должность младшего научного сотрудника. Параллельно с раскопками в Торопце она начинает работать в экспедиции Ф. Д. Гуревич в Новогрудке: занимается чертежными работами, камеральной обработкой материалов, выполняет реконструкции отдельных объектов и находок. В соавторстве с Ф. Д. Гуревич и Р. М. Джанполадян публикует уникальную коллекцию стеклянной посуды восточного происхождения из Новогрудка (Гуревич и др. 1968). На Ленковецком поселении (Черновицкая обл., Украина), под руководством П. А. Раппопорта, оттачивает методику выявления и раскопок древнерусских жилищ и продолжает заниматься керамикой западнорусских городов – от Черной Руси в Белорусском Понеманье до Галицкой земли в Поднестровье.

При такой загруженности Марианне Владимировне не удалось оперативно обобщить результаты раскопок 1950–1960-х гг. в Торопце. Но когда 20 лет спустя Д. И. Фоянковым был начат новый цикл исследований этого древнего города, М. В. Малевская предоставила ему для работы свои материалы. Она скрупулезно консультировала молодого ученого, вместе с ним подготавливая к печати монографию «Древний Торопец» (Малевская, Фоянков 1991; 2000).

Наиболее полным и всесторонним стало исследование М. В. Малевской по керамике Черной Руси. Эта монография была написана в 1970-х гг., но опубликована только в 2005 г. (Малевская 2005).

1970-е годы становятся переломными в творческой биографии М. В. Малевской. Не забывая о теме керамики, она постепенно возвращается к любимому делу – изучению древнерусской архитектуры. В экспедиции Ф. Д. Гуревич она ведет самостоятельные раскопки монументальных памятников Новогрудского детинца. С 1975 г. М. В. Малевская становится начальником одного из отрядов Архитектурно-археологической экспедиции П. А. Раппопорта, регулярно проводит архитектурно-археологические исследования в Любомле и Владимире-Волынском, в Луцке, Львове и Львовской обл. В результате она превращается в одного из авторитетнейших специалистов в области западнорусского средневекового зодчества второй половины XIII–XIV в.

Год за годом проводя поиск немногочисленных датированных памятников этого периода, известных по письменным источникам на территории Черной Руси и Галицко-Волынских земель (храмы, оборонительные сооружения), М. В. Малевская систематически вводила их в научный оборот. Так создавалась база полноценных источников для изучения средневекового зодчества западнорусских земель.

Официально Марианна Владимировна ушла на пенсию в 1986 г., но многие об этом даже не догадывались. Она продолжала заниматься наукой, выезжала в экспедиции, регулярно являлась на заседания Отдела. Вплоть до конца 2000-х гг., общаясь с М. В. Малевской и в стенах Института, и в поле, коллеги почти не задумывались о ее почтенном возрасте. Она прожила долгую, достойную жизнь — счастливую именно потому, что ни на кого не таила зла и никогда никому не завидовала.

Сектор славяно-финской археологии

В 1960–1970-х гг. Группа славяно-русской археологии ЛОИА переживала нелегкие времена. В 1974 г., когда обозначилась перспектива полного отхода М. К. Каргера от организационных дел, в ЛОИА встал вопрос о ее реорганизации. В письме на имя директора Института Б. А. Рыбакова, подписанном тогдашним заведующим ЛОИА В. П. Шиловым, указывалось, что Группа достаточно многочисленна, в ней работают высококвалифицированные специалисты, включая одного члена-корреспондента АН СССР и троих докторов наук. Письмо содержало просьбу преобразовать Группу в Сектор славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР:

В том же году Группа славяно-русской археологии была преобразована, и Отдел приобрел современный вид. Руководителем его стал А. Н. Кирпичников (рис. 59, 8).

*Анатолий Николаевич Кирпичников*¹⁴ родился в 1929 г. в семье петербургского инженера. Подростком он пережил ленинградскую блокаду. В 1948 г. А. Н. Кирпичников поступил на истфак ЛГУ. Начиная с 1949 г. он попадает «на выучку» к М. К. Каргеру, участвует в раскопках Киева, Переяславля-Хмельницкого, Галича, Владимира-Волынского, Полоцка и других городов, включая городище у с. Городище близ г. Шепетовки (Хмельницкая обл., Украина). История русских городов и их культуры всерьез захватила воображение молодого археолога.

По окончании университета в 1953 г. А. Н. Кирпичников и его сокурсник И. Н. Хлопин были направлены на работу в Артиллерийский исторический музей (ныне: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи). Музей был богатый, насыщенный военной техникой. Там обоих выпускников «обожгла романтическая идея» — найти исчезнувшую вместе с вооружением оружейную палату крупнейшего в России Кирилло-Белозерского монастыря. В результате им удалось получить командировку в г. Кириллов Вологодской обл. Это стало их первой самостоятельной археологической экспедицией (1953–1954 гг.). Увы, в развалинах палаты нашлось лишь несколько старых карабинных стволов. И все же на долю молодых людей выпало настоящее открытие — им удалось обнаружить чудом сохранившийся полный строительный архив монастыря, накопленный в ходе строительства «Нового города» — самой большой русской крепости XVII в. (Носов 2004а: 7). Так после 30 лет забвения у ленинградских археологов заново пробудился интерес к тому, чем занимался когда-то русский разряд РАИМК, — крепостному зодчеству Кирилло-Белозерского монастыря и истории русского огнестрельного оружия.

Социальная активность Анатолия Николаевича с самого начала приносила свои плоды. С помощью военных инженеров ему удалось воссоздать модели камнеметов, начисто исчезнувших еще в XIV в. Модели были испытаны на музейном дворе, оказались работающими и даже были выставлены в экспозиции.

Создатель музея Н. Е. Бранденбург когда-то ввел в научный оборот мнение, что древнерусские орудия были хаотичны по калибру, что этот последний зависел от произвола

¹⁴ Раздел написан Н. И. Платоновой с использованием статьи Е. Н. Носова (2010).

мастера-пушечника. При этом он ссылаясь на «Описную книгу пушек и пищалей» русских городов XVII в. Эту книгу А. Н. Кирпичникову удалось полностью опубликовать, причем выяснилось, что на деле пушечные мастера и кузнецы изготовляли большие серии одинаковых по калибру стволов и ядер к ним. Пушечный наряд Московского государства предстал в совершенно ином, строго упорядоченном виде (Кирпичников 1959).

Однажды во время посещения библиотеки ЛОИИМК А. Н. Кирпичников разговорился о своей работе с П. А. Раппопортом. Тот дал ему добрый совет – заняться не только позднесредневековым, но и древнерусским оружием, материалы по которому еще никто всерьез не обобщал. А. Н. Кирпичников начал поиски. В картотеку оказались включены до 10 000 предметов вооружения (кроме стрел). М. К. Каргер оценил перспективную тему. В 1955 г. А. Н. Кирпичников был принят в аспирантуру, а в 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию.

Вскоре после защиты к Анатолию Николаевичу в Институт зашел рижский металловед А. К. Антейн. Он поставил перед ним пузырек с зеленой жидкостью. «Вы не заметили главного, – сказал он, – не заметили на старинных мечах клейм. Помажьте этой жидкостью-реактивом и через 20 секунд увидите выявленное клеймо кузнеца, сделавшего клинок 1000 лет тому назад». Анатолий Николаевич попробовал и был ошеломлен: на каждом клинке, если его расчистить и протравить, проступало клеймо с именем мастера или знаками. Так было положено начало созданию и обоснованию принципиально новой в археологической науке отрасли знаний – клинковой эпиграфике. В дальнейшем ученым были расчищены и изучены около 400 клинков мечей с клеймами, найденных на территориях России, Украины, Белоруссии, Швеции, Норвегии, Финляндии, Польши и Чехии.

В 1975 г. А. Н. Кирпичников защитил докторскую диссертацию «Военное дело Руси IX–XV вв.». Огромный материал по вооружениям первых семи веков русской истории впервые оказался систематизирован и датирован. Все полученные данные к середине 1970-х гг. были полностью опубликованы (Кирпичников 1966а; 1966б; 1971; 1973; 1976). Не приходится удивляться тому, что в 1974 г. именно Анатолий Николаевич возглавил Сектор славяно-финской археологии. Но помимо перемены названия Сектор требовал и иных, более серьезных реформ.

На рубеже 1960–1970-х гг. его научный состав оставался еще очень сильным. Но этот состав старел на глазах и постепенно выбывал из строя. Ему срочно требовались преемники. Возникла реальная опасность угасания целого ряда научных направлений.

Одним из немногих «молодых» сотрудников в указанный период мог считаться *Олег Владимирович Овсянников* (рис. 59, 9). На самом деле это был уже вполне зрелый исследователь. В 1959 г. он окончил кафедру археологии ЛГУ с красным дипломом и имел возможность остаться там в аспирантуре. Однако стало известно, что Архангельскому областному краеведческому музею требуется молодой археолог. Архангельск был для Олега Владимировича почти родным городом. Там он окончил школу, там жили его родители – артисты Областного драматического театра. И молодой успешный выпускник поехал в Архангельск, чтобы начать самостоятельные разведки по области и спасательные раскопки в городе. Через три года О. В. Овсянников вернулся в Ленинград и был зачислен старшим лаборантом в ЛОИА.

Впрочем, архангельский опыт все же помог. В 1967 г. М. И. Белов из Института арктических и антарктических исследований обратился к М. К. Каргеру с просьбой прикомандировать О. В. Овсянникова в качестве археолога к создаваемой им Мангазейской историко-географической экспедиции. Раскопки средневекового города Мангазея в районе Обской губы проводились экспедицией четыре сезона. Материал был получен совершенно уникальный – по богатству и сохранности органических остатков в условиях многолетней мерзлоты. О. В. Овсянников участвовал в раскопках двух первых лет (1968–

1969 гг.). Эти материалы легли в основу его кандидатской диссертации (1973 г.), а итоги работ экспедиции были подведены в двухтомной монографии (Белов и др. 1980; 1981).

После раскопок в Мангазее О. В. Овсянников провел новый цикл исследований на Архангельском Севере, открывшийся в 1970 г. раскопками каменной крепости Орлец. Были изучены деревоземляные конструкции Емецкого городка XV в., проведены широкомасштабные раскопки на Важском городке (Вельский р-н), а также средневековых городков на Пинеге и Двине. Кроме того, Олег Владимирович в начале 1970-х гг. работал в Пскове (Мирожский монастырь, Окольный город) и в Копорье, где была открыта каменная крепость конца XIII в. (Овсянников 1976). Таким образом, в середине 1970-х гг. это, безусловно, был сложившийся ученый.

В дальнейшем, в 1980–1990-х гг. О. В. Овсянников активно продолжал исследования на Русском Севере. Его экспедиция послужила базой для нескольких международных исследовательских проектов, которые производились в содружестве с учеными Финляндии и Норвегии. Предметом исследований служили древности чуди заволочской, средневековая и этнографическая культура саамов, изучение Пустозерска как первого городского центра Мировой Арктики, включая исследование памятников на территории Нижней Печоры; древнего Пёзского волока и т. д. В 1989 г. О. В. Овсянников обобщил свои изыскания в докторской диссертации «Города Архангельского Поморья эпохи Средневековья (Историко-археологические исследования)», в дальнейшем изданной в виде монографии (Овсянников 1992).

Болезнь жены и необходимость ее лечения за рубежом побудили Олега Владимировича в 1998 г. уехать из страны. С той поры основное поле его деятельности сузилось до размеров рабочей комнаты в квартире немецкого городка Вюрцбург, а основная задача свелась к обработке и изданию накопленного материала (Ясински, Овсянников 1998; 2003 и др.). Вклад О. В. Овсянникова в изучение Русского Севера следует признать очень значительным.

Однако тематика Сектора была традиционно значительно шире и отнюдь не могла сводиться к изучению военных древностей и исследованиям Русского Севера в широком смысле слова. В частности, совершенно необходимо было сохранить научную преемственность в области раннеславянской тематики, представленной в ЛОИА 1960-х гг. целой группой выдающихся ученых. В этой связи в 1967 г. «П. Н. Третьяков, игравший тогда ведущую роль в славистике Ленинграда, обратился к заведующему ЛОИА АН СССР М. К. Каргеру с просьбой – а в устах П. Н. Третьякова это было почти требованием – о необходимости включения в состав Института специалиста по теме ранних славян. Сам П. Н. Третьяков никакой кандидатуры не имел, но М. К. Каргер его пожелание исполнил» (Носов 2004б: 8).

Попытка заполнить лакуну и обеспечить в Группе молодого специалиста по раннеславянским древностям руководством Института однажды уже предпринималась. В 1960 г. именно с этой целью туда был принят Дмитрий Алексеевич Мачинский (1937–2012), который сразу начал работать в тесном контакте с М. А. Тихановой, подготавливая диссертацию по памятникам зарубинецкой культуры поречья Днепра и Десны. Однако выбор оказался неудачным. Чтобы заниматься указанной тематикой, в те годы требовался хороший поисковик, способный резко расширить источниковую базу по железному веку Русской равнины, чтобы пересмотреть устаревшие представления с новыми фактами в руках. Д. А. Мачинский поисковиком не был. Не был он, по большому счету, и археологом-источниковедом. Ярко одаренный человек, прекрасный лектор, оратор и популяризатор, он умел быть «генератором идей», но кропотливая черновая работа с коллекциями совершенно не увлекала его. Его диссертация так и осталась недописанной. В 1967 г. он ушел из ЛОИА в научно-просветительский отдел Эрмитажа.

Вот тогда П. Н. Третьяков и обратился к М. К. Каргеру. В выпуске кафедры археологии ЛГУ 1967 г. нужного молодого слависта не оказалось, однако нашелся «неолитчик»,

согласившийся ради поступления в Институт сменить тематику. Им был *Евгений Алексеевич Горюнов* (1940–1981) (рис. 60, 2),¹⁵ который по возрасту был заметно старше многих своих однокурсников – за плечами были уже и учеба в средней мореходке, и работа на заводе, и служба в армии. Он был принят в ЛОИА в 1967 г. стажером-исследователем. В качестве начальной ему дали историографическую тему о раннеславянских памятниках в чешской, немецкой и польской литературе. Разумеется, освоение новой тематики заняло много времени. Кандидатская диссертация была защищена в 1977 г. Первым учителем археологии у Евгения Алексеевича была Т. Д. Белановская, а в области раннеславянской археологии его наставником стал П. Н. Третьяков. При этом Е. А. Горюнов успел поработать и с И. И. Ляпушкиным в Гнёздовской экспедиции (рис. 60, 3) и, по выражению Р. В. Терпиловского, удачно сочетал в своем творчестве достоинства двух выдающихся учителей – «широту охвата проблемы П. Н. Третьякова и скрупулезнейший подход к источнику И. И. Ляпушкина» (Терпиловский 2001: 33).

С прекращением работ П. Н. Третьякова в Подесенье Е. А. Горюнов в начале 1970-х гг. принял от своего руководителя эстафету, начав тотальные разведки в смежных районах Днепровского лесостепного Левобережья (Сумская, Полтавская, Курская и Белгородская обл.). В результате полевые работы 1971–1980 гг. привели к массовому выявлению памятников II–VII вв., ранее там неизвестных.

В ходе раскопок Е. А. Горюновым была скрупулезно изучена серия поселений, содержащих позднезарубинецкие, пеньковские, сахновские, колочинские, волынцевские горизонты. Все это позволило ему по-новому структурировать и обобщить материалы, найти новые подходы к проблеме формирования и дальнейших судеб раннесредневековых культур Левобережья. К моменту создания нового Сектора в 1974 г. он уже стал авторитетным исследователем раннесредневековых древностей центра и юга Русской равнины.

С 1974–1975 гг. вокруг Е. А. Горюнова начала формироваться группа учеников и последователей (М. М. Казанский, Г. А. Романова, позднее, О. А. Щеглова). На базе раскопанных опорных памятников ему удалось разработать собственные критерии анализа керамических материалов, позволившие пересмотреть прежние представления о культурной стратиграфии и этнической истории региона. Планировалось исследование, посвященное сравнительному анализу трех ключевых раннесредневековых археологических культур лесостепи – пражской, пеньковской и колочинской. Осуществить его уже не удалось: в июне 1981 г. Е. А. Горюнова не стало. Его кончина почти совпала по времени с решением М. М. Казанского не возвращаться из Франции в СССР. Ситуация с раннеславянскими исследованиями в ЛОИА казалась отброшенной едва ли не к исходному состоянию конца 1960-х гг.

Однако это было не так. 10 лет работы Днепровской Левобережной экспедиции не пропали даром. Обобщения, сделанные Евгением Алексеевичем, и его идеи, суммированные в монографии (Горюнов 1981), получили продолжение в работах *Валентины Михайловны Горюновой* (рис. 61, 1), занявшей место мужа в Секторе и возглавившей созданную им экспедицию. Под ее руководством масштабные раскопки велись на Левобережье еще в течение 10 лет (1981–1991 гг.). Из них следует особо отметить исследования широкой площадью на поселении Хутор (Великие Будки) V–VII вв., представляющем собой классику колочинской культуры, а также раскопки многослойных поселений II–IV и IX вв. у с. Гочево Курской обл. (Горюнова, Родинкова 1999; Горюнова 2004а; 2004б).

В ходе обобщения материалов памятников, раскопанных как самим Е. А. Горюновым, так и экспедицией последующих лет, было впервые обращено внимание на мелкие нашивные бляшки в составе антских кладов, поставлен вопрос о генетике этого важного

¹⁵ При написании раздела использована статья Е. Н. Носова (2004б).

этнографического признака раннеславянской культуры (Горюнова 1987). В начале 1990-х гг. по инициативе В. М. Горюновой была начата работа по спектральному анализу вещей круга «древностей антов» (Горюнова 1992). Эти проблемы получили детальное развитие в трудах самой молодой из учениц Е. А. Горюнова – О. А. Щегловой.

Ольга Алексеевна Щеглова (рис. 62, 1) была принята в аспирантуру ЛОИА в 1980 г. В 1987 г. она успешно защитила диссертацию «Проблемы формирования культуры VIII–X вв. в Среднем Поднепровье (памятники конца VII–первой половины VIII в.)». Когда с середины 1990-х гг. основное внимание В. М. Горюновой переключается с раннеславянской тематики на исследование керамики древнерусских городов и раннегончарного производства в Северо-Западной Руси, О. А. Щеглова продолжила разработку проблем распространения ювелирных традиций и особенностей женского костюма середины–третьей четверти I тыс. н. э., включая исследование возможностей, открываемых спектральным анализом металлических предметов из кладов I тыс. н. э. В ходе этой работы ее внимание привлек совершенно специфический, не затрагивавшийся ранее вопрос о роли украшений из свинцово-оловянных сплавов в славянском (и шире – восточноевропейском) женском костюме этого периода (Щеглова, Егорьков 1998а; 1998б; Щеглова 1999; Егорьков, Щеглова 2001). Потянув за эту «ниточку», ей удалось с совершенно новых позиций рассмотреть вопрос о собственно славянском этнографическом костюме периода Начальной Руси.

На рубеже 1960–1970-х гг. Группа стала пополняться выпускниками кафедры археологии ЛГУ: в 1968 г. на лаборантские должности в ЛОИА были приняты студенты-вечерники В. И. Кильдюшевский, В. А. Назаренко и Г. А. Усова (Романова), в 1969 г. – Н. В. Хвошинская; в 1971 г. лаборантом стал Е. Н. Носов. С 1971 г. славистов и русистов начинают принимать и в аспирантуру. Первым сразу после окончания университета стал Е. А. Рябинин, в 1973 г. – Е. Н. Носов, затем – Н. В. Хвошинская и В. А. Кольчатов. Когда в 1973 г. А. Н. Кирпичников после долгого перерыва предпринял новые раскопки в Старой Ладоге, в его экспедиции собралось настоящее созвездие многообещающих молодых дарований (Платонова, Кирпичников 2010: рис. 11).

В 1972 г. **Евгений Николаевич Носов** (рис. 6, 4; 64, *стоит слева в первом ряду*) проводит раскопки поселения Новые Дубовики – важнейшего этапного пункта на р. Волхов перед гостинопольскими порогами, а в 1972–1973 гг. – исследования сопковидной насыпи близ урочища Плакун в Старой Ладоге. В 1974 г. он начинает интенсивные разведочные обследования в бассейне оз. Ильмень и в восточных районах Новгородской обл. В ходе поиска и фиксации курганных древностей Евгений Николаевич обращает внимание на топографические, ландшафтные привязки длинных курганов и сопков, которые оказываются совершенно различными. Главной целью разведок стал именно поиск селищ, топографически и культурно связанных с сопками и длинными курганами. И вот «сопочные» поселения, о которых археологи до того почти ничего не знали, вдруг начинают выявляться одно за другим. Открываются и комплексы «поселение–могильник» культуры длинных курганов. Были обнаружены остатки сложных погребальных сооружений, включавших захоронения в грунтовых ямках, при этом связанных топографически с длинными курганами (оз. Съезжее). Задумка исследователя заключалась в том, чтобы сравнить между собой поселения двух разных археологических культур Северо-Запада лесной зоны – сопков и длинных курганов и напрямую сопоставить их. Идея была осуществлена – раскопано селище Золотое Колено рядом с самой крупной в среднем течении р. Мсты группой сопков и селище Съезжее в бассейне р. Мологи. Кроме того, Е. Н. Носов детально обследовал на предмет древних поселений Ильменское Поозерье и верховья р. Волхов. После защиты кандидатской диссертации «Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тыс. н. э.» (1977 г.) его основное внимание было направлено на изучение Новгородского (Рюрикова) городища.

В середине 1970-х гг. изучение погребальных памятников Ижорского плато начал **Евгений Александрович Рябинин** (1948–2010) (рис. 60, 1).¹⁶ Он раскопал ряд новых могильников, детально изучил на археологическом материале этнический состав средневекового населения края и историю его вхождения в состав Древней Руси, открыл и исследовал грунтовые могильники средневековой воды – малого прибалтийско-финского племени, впервые зафиксированного русскими летописями в XI в., потомки которого и по сей день проживают на южном побережье Финского залива. До работ Е. А. Рябинина сведения о водских древностях ограничивались скуными, слабо документированными материалами дореволюционных исследований.

Вторым его важным открытием стало обнаружение двух могильников эпохи римских влияний в нижнем Полужье. Эта находка позволила по-новому взглянуть на разрозненные и казавшиеся случайными предметы первых веков нашей эры, обнаруженные в разные годы на территории Северо-Запада России.

Е. А. Рябинин внес большой вклад в изучение средневековых поселений Ижорского плато. Его раскопки на Кайболовском городище, обследования других городищ и селищ края дали важный материал к изучению поселенческой культуры региона и истории военно-политического закрепления ее территории за Новгородом.

Помимо исследований на Северо-Западе Е. А. Рябинин обращался к изучению феномена древнерусской культуры на Северо-Востоке. Им была создана Заволжская экспедиция, производившая исследования в Костромской и Ивановской обл. В этих работах он выдвинул и развил основополагающие положения о происхождении и динамике культуры финно-угорских племен и их отношениях с Русью. Накопленный материал лег в основу 5 книг и более 150 научных статей. В 1991 г. Е. А. Рябинин защитил докторскую диссертацию «Финно-угорские племена в составе Древней Руси» (Рябинин 1997).

Особое место в научной биографии Е. А. Рябинина заняли исследования Земляного городища Старой Ладogi. Благодаря новому циклу исследований ладожская стратиграфия получила четко выверенные дендродаты. Самая ранняя дата – 753 г., принятая за год основания Ладogi, была получена также на материалах Е. А. Рябинина. Всеобщее внимание привлекла находка в самом нижнем горизонте Ладожского поселения кузнечно-ювелирной мастерской и связанного с ней набора инструментов, датирующихся серединой VIII в., – древнейших не только в Восточной, но и в Северной Европе. В вышележащих горизонтах, датирующихся самым началом IX в., была открыта стеклодельная мастерская, работавшая, как показали исследования, на привозном сырье – древнейшее свидетельство существования стеклодельного производства в Северной и Восточной Европе.

Е. А. Рябинин предположил, что «большие дома», если основываться на их конструктивных особенностях и характере связанных с ними находок, можно рассматривать как жилища-склады торговых артелей и сопоставлять их с жилищами русов у арабского путешественника Ибн-Фадлана.

Чрезвычайный интерес представляют также результаты пятилетних исследований Е. А. Рябинина на городище Любша в 2 км к северу от Старой Ладogi. Раскопки показали сложную этнокультурную и поселенческую ситуацию, сложившуюся в Нижнем Поволжье в середине–второй половине I тыс. н. э. К сожалению, в период этих работ археолог тяжело заболел, что не позволило ему обобщить и подготовить к изданию полученные материалы.

Другим исследователем средневековой Ладogi и Северо-Запада был **Валерий Петрович Петренко** (1943–1991) (рис. 60, 5). По окончании ЛГУ он некоторое время (1969–1973 гг.) работал в областном краеведческом музее в самой Старой Ладoge, а затем при-

¹⁶ При написании раздела использована статья (Кирпичников и др. 2012).

шел на работу в Сектор. Ему выпало заниматься раскопками ладожских сопок, а с 1972 по 1977 г. он вел масштабные исследования посада Старой Ладogi. Именно В. П. Петренко был первым исследователем городища Любша, а в начале 1980-х гг. ему довелось вести раскопки культурного слоя XVI в. в Ивангороде.

Главным трудом исследователя стала монография «Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв.: Сопки Северного Поволжья», подготовленная к печати уже посмертно его учеником А. В. Курбатовым под редакцией Е. Н. Носова (Петренко 1994). В ней впервые был суммирован материал о ладожских сопках, раскопанных разными исследователями, в том числе и самим автором.

Вторая работа, которую В. П. Петренко завершить не успел, – исследование могильника викингов в Гробиня (Курземе, Латвия). Публикация материалов раскопок, проводившихся им здесь вместе с латвийскими коллегами, вышла уже после кончины исследователя (Petrenko, Urtāns 1995).

В. П. Петренко был талантливым поэтом и певцом. Он является автором песен, в которых романтика археологии овеяна романтикой древнескандинавского эпоса, с его дальними походами и воинской славой («По звездам Млечного пути...», «Пусть не спорят потомки...», «Мы по речке, по Каспле идем...»).

Разработка принципиально новых приемов исследования погребальных древностей Руси, в частности переход от раскопок отдельных курганов к исследованию могильника широкой площадью, включая вскрытие межкурганного пространства, пришлось на 1970–1980-е гг. Первыми серьезными разработчиками нового подхода стали Н. В. Хвоцинская и В. А. Назаренко.

В 1973 г. *Наталья Вадимовна Хвоцинская* (рис. 60, 4) была командирована от кафедры археологии ЛГУ в Гдовский р-н Псковской обл. для оценки ущерба, нанесенного грабительскими раскопками могильнику Залахтовые – одному из крупнейших и интереснейших памятников Восточного побережья Чудского оз. В дальнейшем этот могильник стал основным объектом ее исследований (Хвоцинская 2004). За эти годы ею на практике была выработана новая методика раскопок курганов широкой площадью, включая межкурганное пространство. Это позволило открыть дотоле неизвестные погребальные сооружения, выстроить хронологию и динамику их развития.

Владимир Александрович Назаренко (рис. 60, 8) с 1970-х гг. продолжил исследования древностей Юго-Восточного Приладожья. На основе детального анализа погребального обряда он установил, что в основе традиций Приладожской курганной культуры лежат несколько разных погребальных традиций местного населения, на которые «наслоился» пришлый курганный обряд (Назаренко 1982: 144). В 1983 г. Владимир Александрович защитил диссертацию на эту тему. В последующие годы им были разработаны основы современного понимания феномена культуры Юго-Восточного Приладожья и характера ее связей с Ладогой (Назаренко В., Назаренко Ю. 1988; Назаренко 1990).

Другим новаторским моментом, характерным для работ указанного периода, являлась выработка представлений о важности исследований комплексов «поселение–могильник» и изучение древних поселенческих структур как системы. Помимо В. А. Назаренко эта методика последовательно разрабатывалась Н. И. Платоновой (рис. 62, 2), В. А. Лапшиным (рис. 61, 9) и др.

Стоит отметить и то, что 1980-е годы стали временем интенсивных работ по составлению археологических карт. Работой по археологической карте Ленинградской обл. руководил В. А. Лапшин. Результатом этих исследований стала двухтомная «Археологическая карта Ленинградской области» (Лапшин 1990; 1995).

В описываемый период в Секторе наладились весьма плодотворные связи с археологами Финляндии и Прибалтийских республик СССР. Помимо проведения конференций,

совместных публикаций и т. д. возникла традиция достаточно часто устраивать в ЛОИА «эстонские дни», когда Отдел археологии Института истории АН Эстонской ССР практически в полном составе приезжал в Ленинград для проведения совместных заседаний (рис. 63). Это было не «рекламно-показушное», а настоящее деловое сотрудничество. Тогда же в славяно-финском Секторе появился целевой аспирант из Таллина – Прийт Лиги. Его не случайно считали надеждой эстонской средневековой археологии. К сожалению, этот талантливый молодой исследователь безвременно погиб в 1994 г. на печально знаменитом пароме «Эстония».

Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН в последние десятилетия

Всякий разговор о современном состоянии дел является одновременно подведением итогов. Что реализовано и какие традиции развиваются сейчас? В целом можно отметить, что в последней четверти прошлого века в Отделе удалось наладить регулярный приток новых сил, счастливо избежав при этом каких бы то ни было недоразумений, интриг и «подковерной борьбы». В итоге существовавшая научная традиция не только не утратила своей преемственности, но была – как показало близкое будущее – приумножена (рис. 64).

Разумеется, не прекращается уже ставшее традиционным направление военной археологии, руководимое А. Н. Кирпичниковым. При этом чисто научные изыскания в данной области имеют прямой, непосредственный выход на социальную сферу. Анатолием Николаевичем не только внесен огромный вклад в полевое изучение крепостного зодчества русских средневековых городов. Им введена в научный оборот целая серия неизвестных или малоизвестных письменных и графических источников по истории и культуре России. В числе их: описи городов, перечни вооружения, планы и рисунки городов-крепостей, свидетельства иностранных путешественников об этих городах. На базе этих источников, в совокупности с многолетними оружейведческими разработками, А. Н. Кирпичниковым сделаны основополагающие выводы о развитии боевых средств и военного дела в Древней Руси.

Продолжая работать по оружейведческой тематике, А. Н. Кирпичников совместно с Анне Стальсберг (Тронхейм, Швеция) осуществил в 1990-х гг. российско-норвежский проект «Мечи эпохи викингов» (Кирпичников, Стальсберг 1995). Впервые были опубликованы 110 мечей из музеев Осло, Бергена и Тронхейма с выявленными на них клеймами. В 2005 г. А. Н. Кирпичников инициировал проведение в Санкт-Петербурге международной научно-практической конференции «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем», собравшей свыше 500 участников.

Все это способствовало появлению в нашей стране более 200 молодежных военно-исторических клубов, занимающихся реконструкцией боевой экипировки и тактики старинных боев европейских и азиатских народов. При ИИМК РАН уже много лет работает созданный А. Н. Кирпичниковым общероссийский семинар «Военной археологии».

Изучение военного дела Руси/России в Отделе славяно-финской археологии сопровождалось исследованиями средневекового судового дела и судоходства. У истоков этого направления в Секторе стоял **Вячеслав Альбертович Тюленев** (рис. 61, 2) – дипломированный археолог и в прошлом – офицер-подводник. С 1973 г. он обратился к проблемам, связанным с охранными раскопками, историей и архитектурой Выборга. В 1982 г. была защищена кандидатская диссертация, посвященная каменным оборонительным сооружениям Выборга XIII–XVI вв. На рубеже 1980–1990-х гг. В. А. Тюленев стал заниматься также морской археологией (фиксация погибших судов, их посещение и т. п.).

После смерти В. А. Тюленева в 1996 г. исследования культурного слоя и архитектуры Выборга продолжил **Александр Иванович Сакса** (рис. 61, 3), а морской археологией стал

заниматься *Пётр Егорович Сорокин* (рис. 61, 7). В 1994 г. он защитил кандидатскую диссертацию о водных путях и судостроении на Северо-Западе Руси в средневековье (Сорокин 1997). В дальнейшем им стали производиться подводно-археологические исследования на Балтике, но свое основное внимание он сосредоточил на археологии Санкт-Петербурга. Говоря о его последних работах в данной области, следует упомянуть масштабные раскопки на месте крепости Ниеншанц в устье р. Охты. Здесь в ходе спасательных исследований были выявлены древности позднего неолита, а также остатки шведских крепостей Ландскрона (около 1300 г.), Ниеншанц (XVII в.), культурный слой города Канцы (XVI в.) и обнаружены захоронения русских и шведских солдат, погибших при штурме Ниеншанца в 1703 г. Эти открытия сыграли решающую роль в принятом правительством решении о нецелесообразности строительства высотного здания «Охта-центра» на Охтинском мысу.

Отдельного рассмотрения заслуживают широкомасштабные исследования Старой Ладogi, проводившиеся под руководством А. Н. Кирпичникова в последние 30 лет. Новые материалы, полученные в ходе раскопок Земляного городища, позволили выделить универсальную категорию ремесленников-торговцев, которые производили ювелирные украшения из латуни, кости, янтаря, стекла и пр. и сами занимались их сбытом. Обнаружены многочисленные детали металлических украшений скандинавского и славянского костюмов, а также формы для их отливки. Это конкретизирует данные об этническом составе населения Ладogi периода создания древнерусской государственности.

Результаты раскопок Ладogi привели А. Н. Кирпичникова к убеждению, что именно Ладoga явилась первой резиденцией Рюрика – заморского пришельца, ставшего основателем древнерусского княжеского рода. В 2003 г. как национальный праздник было отмечено 1250-летие этого древнего поселения.

Постоянным помощником А. Н. Кирпичникова в деле исследования Ладogi и многочисленных городов-крепостей Северо-Запада много лет являлся *Владимир Игоревич Кильдюшевский* (рис. 60, 7) – один из старейших (по стажу) сотрудников ЛОИА/ИИМК РАН. Выполняя в 1960–1980-х гг., как старший лаборант, многочисленные задания ЛОИА по спасательным раскопкам самых различных памятников, он превратился в специалиста-полевого высочайшего класса, в редкостного знатока гончарной керамики XIII–XVIII вв. Сейчас В. И. Кильдюшевский активно занимается археологией Санкт-Петербурга.

Другим помощником А. Н. Кирпичникова и его правой рукой в исследованиях древнерусских городов Северо-Запада как раннего, так и позднего средневековья являлся В. А. Назаренко, внесший немалый вклад в исследование Земляного городища Старой Ладogi (рис. 60, 8). Когда А. Н. Кирпичников в очередной раз принял решение возобновить там работу (1983 г.), Владимир Александрович стал его постоянным заместителем (Кирпичников, Назаренко 1992) и оставался таковым вплоть до своего вынужденного отъезда в Германию в конце 1990-х гг.

Результативности работ в Старой Ладoge способствовали высокопрофессиональные начальники раскопов: О. И. Богуславский, В. И. Кильдюшевский, А. И. Волковицкий, А. А. Селин, Н. В. Григорьева, Т. Б. Сениченкова, Я. В. Френкель, Н. А. Ефимова. Н. В. Григорьева (рис. 62, 9) с 2003 г. является начальником полевой лаборатории экспедиции, составляет общий каталог находок, работает над проблемами бронзолитейного и ювелирного производства староладожского Земляного городища в VIII–XII вв.

Учеником В. А. Назаренко и его преемником в изучении Юго-Восточного Приладожья стал *Олег Игоревич Богуславский* (рис. 7, 9). С 1987 по 1999 г. он регулярно вел в Приладожье собственные полевые исследования и смог более подробно, чем его предшественники, разделить приладожские памятники по периодам и точнее их датировать

(Богуславский 1991). В 1992 г. О. И. Богуславский защитил диссертацию, представляющую собой опыт историко-культурной периодизации Южного Приладожья во второй половине I–начале II тыс. н. э. Полученные данные позволили ему увязать историко-культурные явления (с той или иной степенью гипотетичности) с политическими событиями и экономической ситуацией в регионе (Богуславский 1992).

В 1990-х–начале 2000-х гг. О. И. Богуславский, совместно с О. А. Щегловой, продолжал изучение памятников Юго-Восточного Приладожья, но уже в аспекте проблемы «поселение–могильник» (Богуславский, Щеглова 2000). Проведенное ими исследование Городка на Сяси затронуло один из важнейших центров региона. Этот центр иногда гипотетически отождествляют с древним Алаборгом скандинавских саг. Ныне О. И. Богуславский – заместитель директора ИИМК РАН по научной работе.

В 2010 г. исполнилось 35 лет со времени начала новых раскопок Новгородского (Рюрикова) городища под руководством Е. Н. Носова. За эти десятилетия на Рюриковом городище были достигнуты важнейшие результаты: выявлены уникальные находки, характеризующие ремесло и быт раннего города, обнаружены первая на Городище берестяная грамота, десятки вислых печатей, скреплявших документы погибшего архива, скандинавские рунические надписи (Носов 1990; Носов и др. 2005). Обнаружены остатки построек и части оригинальных по устройству оборонительных сооружений. Рассматривая разные пути возникновения городов на Севере и Юге Руси, Е. Н. Носов выдвинул новую идею о наличии здесь в VIII–XII вв. стратифицированного варварского общества. Традиционные формулировки о существовании раннего феодализма и классового общества ныне уже не удовлетворяют исследователей. Здесь необходимы принципиально новые подходы и оценки. Эти и другие открытия и наблюдения Е. Н. Носова доказали обоснованность празднования 1150-летия Великого Новгорода в 2009 г. Правда, следует уточнить, что речь идет о первоначальном месте расположения города, основанного у истока Волхова из оз. Ильмень около 859 г., что подтвердили результаты раскопок Рюрикова городища.

Начиная с рубежа 1990–2000 гг. материалы Новгородского городища вошли и в круг научных интересов Н. В. Хвоцинской, являющейся много лет заместителем начальника экспедиции. В ее специальных работах рассматриваются проблемы бронзолитейного производства, связи населения Приильменя с народами Балтийского региона, отдельные категории находок. Многие годы ведется составление каталога фибул Рюрикова городища. В 2012 г. к 1150-летию юбилею российской государственности Е. Н. Носовым, Н. В. Хвоцинской и М. В. Медведевой издана монография «Новгородская Русь. Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий», в которой заново обобщаются результаты исследований Рюрикова городища и публикуются материалы из коллекций фотоархива ИИМК (Носов и др. 2012).

Говоря о раскопках на Рюриковом городище, нельзя не упомянуть неизменного их участника с 1977 г., многолетнего руководителя полевой лаборатории Новгородской областной экспедиции *Татьяну Семёновну Дорофееву* (рис. 62, 8), прошедшую в ИИМК путь от старшего лаборанта до научного сотрудника Отдела, автора нескольких статей о находках с Рюрикова городища и ответственного секретаря ежегодника «Археологические вести».

В докторской диссертации «Славяне и финны на северо-западе Древнерусского государства», защищенной в 2009 г., Н. В. Хвоцинская на новом, современном уровне вернулась к вопросу о взаимоотношениях финского и славянского населения на северо-западе Древнерусского государства. Особое внимание уделено выявлению общих закономерностей развития культур этих народов, их взаимовлиянию и локальным особенностям. Опираясь на комплексный подход к разным видам источников и накопленные в последние десятилетия археологические данные, ей удалось впервые достоверно локализовать

территорию расселения племени водь от Понаровья, включая районы Северо-Восточной Эстонии, до Копорья, и тем самым развеять миф, распространенный в литературе, – о широких просторах, занимаемых этим маленьким племенем.

Проблемам керамических традиций и развития гончарства в древнерусских городах посвящен ряд работ В. М. Горюновой, которая уже много лет ведет исследования гончарной керамики раннегородских центров Северо-Западной Руси X–начала XI в.: Старой Ладого, Новгорода, Рюрикова городища и Пскова. Ее исследования получили завершение в ряде статей и в монографическом издании раннегончарных керамических материалов Рюрикова городища (Носов и др. 2005). Весьма важными можно считать исследования В. М. Горюновой роли западнославянского элемента в формировании раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси (Горюнова 2007).

С тематикой Рюрикова городища отчасти связаны исследования, проводимые в Отделе *Алексеем Вячеславовичем Плоховым* (рис. 61, 5). Значительная часть научных работ, ряд из которых написан им в соавторстве с Е. Н. Носовым, направлена на изучение и введение в научный оборот материалов раскопок средневековых памятников Новгородской земли от рядовых поселений, таких как Васильевское, Золотое Колено, Холопий городок и др., до крупнейшего центра Приильменя – Рюрикова городища. В работах по этой теме впервые было отмечено существование в последней четверти I тыс. н. э. в Приильменье двух керамических традиций – «северной», появившейся в Нижнем Поволжье в VIII в., и «южной», характерной для Поднепровья и Подвинья. Распространение их анализируется в контексте проблемы славянского расселения на Северо-Западе России.

Археология древнерусского города и связанных с ним престижных погребальных древностей является предметом исследования *Кирилла Алексеевича Михайлова* (рис. 62, 6). Его опубликованные работы посвящены, по большей части, особенностям погребального обряда древнерусской воинской элиты, реконструкции костюма и убора и т. д. К. А. Михайлову удалось собрать обширную базу источников для сравнительного анализа такого культурного явления, как погребения в камерах, уточнить вопросы их генезиса и хронологии (Михайлов 1995; 1996; 2003). В 2005 г. К. А. Михайлов защитил кандидатскую диссертацию, посвященную древнерусским элитарным погребениям. В последние годы исследователь продолжает работать в данном направлении, активно сотрудничает с украинскими коллегами, изучая материалы древнего Киева и других памятников южного региона Древней Руси.

Новгородская областная экспедиция под руководством Е. Н. Носова производит исследования памятников весьма широкого хронологического диапазона. Специалистом по раннему железному веку является в ней *Мария Андреевна Юшкова* (рис. 62, 7). В 2002–2003 гг. она руководила отрядом экспедиции, производившим раскопки поселения Шкурин Горка на Волхове, в 2006 г. исследовала городище Холопий Городок, в 2008–2011 гг. вела раскопки могильников раннего железного века на Ижорской возвышенности. В 2011 г. М. А. Юшкова защитила кандидатскую диссертацию, в которой подытожила имеющиеся на сегодняшний день данные об эпохе раннего металла и раннего железа на Северо-Западе.

Поселения раннего железного века Приильменя и Подвинья являются также предметом пристального внимания *Ивана Игоревича Еремеева* (рис. 62, 4). Являясь учеником А. М. Микляева и Е. Н. Носова, И. И. Еремеев привнес в работу Отдела отчетливый «уклон» в область ландшафтоведения, историко-географических исследований. Его масштабные археологические изыскания в поречье Западной Двины и Ловати включают целый спектр данных естественно-научного анализа, активно применяемого им и в экспедиционной практике, и в ходе камеральной обработки материалов. В 2002 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Верхнее Подвинье и сопредельные территории в конце

I–начале II тыс. н. э.», которую в дальнейшем опубликовал в расширенном варианте (Еремеев, Дзюба 2010). При раскопках поселений – таких, например, как Городок на Маяте – ему удалось выявить и исследовать стратифицированные культурные напластования и укрепления эпохи великого переселения народов. Полученный материал является очень важным для исследования начальных этапов славянской колонизации Приильменья и позволяет по-новому взглянуть на предысторию древнего Новгорода.

Спектр проблем археологии эпохи железа южных регионов по-прежнему разрабатывается в Отделе О. А. Щегловой и В. М. Горюновой, продолжающей публикацию наследия Е. А. Горюнова (Горюнов 2004) и материалов своей экспедиции 1980-х гг. О. А. Щеглова занимается проблемами структуры расселения и культурных трансформаций в Днепровском регионе (Щеглова 2004), разрабатывает вопросы распространения ювелирных традиций и женского костюма середины–третьей четверти I тыс. н. э. (Щеглова 2002; 2003).

С точки зрения развития междисциплинарности в подходах к раннесредневековым памятникам интересными оказались исследования *Надежды Игоревны Платоновой* (рис. 62, 2) на большом кургане в группе Заполье 1 близ Передольского погоста (местное название: «Большая сопка» или «Шум-гора»), предпринятые в содружестве со специалистами отдела геофизических технологий Федерального государственного унитарного научно-производственного предприятия «Геологоразведка» (Платонова и др. 2006; Борисик и др. 2009). В ходе их впервые в мировой науке было проведено комплексное геофизическое исследование объемной земляной насыпи методами сейсмо- и магниторазведки. В результате была создана компьютерная модель насыпи и с достаточной долей вероятности реконструирована структура кургана без раскопок и разрушения. Одновременно Н. И. Платоновой велось исследование поселения на Передольском погосте, где раскопками был установлен протогородской характер древнейших культурных отложений конца IX–X в. Это яркий пример того, как административный центр, активно функционировавший на раннем этапе развития Новгорода (IX–XI вв.), далее приходит в упадок. Результаты исследований позволили уточнить некоторые современные представления о развитии новгородской государственности на раннем этапе (Платонова и др. 2007).

Тема истории древнерусского города, со значительным уклоном в область вспомогательных исторических дисциплин, развивается в Отделе *Сергеем Васильевичем Белецким* с 1989 г. До этого выпускник кафедры археологии ЛГУ почти полтора десятилетия проработал в Москве, в ИА АН СССР. Сергей Васильевич (рис. 61, 4) является признанным специалистом по проблемам археологии Пскова. Раскопки, ежегодно проводившиеся им в 1980-е гг. в Пскове, позволили по-новому представить процесс формирования городской территории. А раскопки в Псковском кремле, проводившиеся вместе с В. Д. Белецким в 1970–1990-е гг., впервые выявили на Псковском городище «мокрый» слой IX–X вв., сохранивший органику, и позволили уточнить стратиграфию и хронологию памятника от эпохи раннего железного века до нового времени (Белецкий 1996; 2011).

В 1995 г. С. В. Белецкий защитил докторскую диссертацию, в которой проанализировал материалы псковской сфрагистики XIV–XV вв. как источника для изучения истории властных структур в средневековом городе. В основу работы легли многочисленные печати XIV–начала XVI в., найденные в разные годы в Пскове, и в том числе уникальная находка – «архив», обнаруженный при раскопках в 1960–1962 гг. С. В. Белецкий обосновал новые принципы систематизации древнерусских печатей и пломб, выявил значение большинства помещенных на печатях и пломбах изобразительных символов и их комбинаций, а также пересмотрел ряд общепринятых персональных и принципиальных атрибуций древнерусских печатей, что обобщил в книге «Введение в русскую допетровскую сфрагистику» (Белецкий 2001).

На протяжении нескольких десятилетий С. В. Белецкий исследует так называемые знаки Рюриковичей – гербы русских князей X–XIII вв. Ему удалось выявить правила наследования сыновьями отцовского знака и аргументировать персональную принадлежность большинства известных знаков X–XI вв. и многих знаков XII–XIII вв. (Белецкий 2012).

В 1998–2004 гг. Псковская областная экспедиция ЛОИА/ИИМК под руководством С. В. Белецкого работала на территории Государственного Пушкинского заповедника (Псковская обл.). За семь полевых сезонов были проведены раскопки на детинце и Великом посаде средневекового города Воронича, изучались фундаменты Егорьевской церкви Воронича и прицерковное кладбище, проводились исследования на усадьбе Воскресенское, принадлежавшей И. А. Ганнибалу, младшему сыну арапа Петра Великого. Результаты этих исследований опубликованы в книге «Пушкиногорье до Пушкина» (Белецкий 2004).

С. В. Белецкий ведет активную педагогическую деятельность. С 1989 г. по настоящее время он преподает в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств, является профессором кафедры музеологии и культурного наследия.

Исследование городов эпохи позднего средневековья производится в Отделе силами целого ряда исследователей. Комплексный анализ материалов раскопок, проведенных *Владимиром Анатольевичем Лапшиным* (рис. 61, 9) в Тверском кремле, позволил максимально полно восстановить различные стороны материальной и духовной жизни города, выявить набор признаков, характеризующих культуру Твери XIII–XV вв. как самостоятельное явление в истории средневековой Руси. Благодаря сотрудничеству с Н. Б. Черных была создана дендрохронологическая шкала Твери – третья после Новгорода и Пскова. Разработанная В. А. Лапшиным на этой базе тверская вещевая хронология показала некоторые отличия от новгородской, что может иметь значение для Северо-Восточной Руси в целом. Результаты серии естественно-научных и гуманитарных исследований были опубликованы монографически (Лапшин 2009). Книга стала основой докторской диссертации, защищенной в 2011 г.

В 2001–2002 гг. В. А. Лапшин проводил в кремле Нижнего Новгорода раскопки, давшие сравнительный материал для сопоставления столиц двух великих княжений – Тверского и Нижегородского. Сопоставление хронологически синхронных культурных слоев – влажного тверского и сухого нижегородского – весьма продуктивно в методическом плане.

Александр Иванович Сакса является одним из ведущих специалистов по средневековым древностям Карелии и Финляндии, а также по тематике городов позднего средневековья и нового времени. Он уже много лет ведет археологические исследования Выборга (Сакса 2002; 2009). В 1984 г. А. И. Сакса подготовил, под руководством А. Н. Кирпичникова, и защитил кандидатскую диссертацию по истории средневекового населения древней Карельской земли. В 1998 г. прошла защита его диссертации на степень доктора философии в Университете Йоеенсуу (Финляндия). Тогда же работа была опубликована монографически (Saksa 1998). В 2000-х гг. А. И. Сакса являлся членом нескольких международных проектов, в рамках которых велись исследования по археологии и ландшафтной истории Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья. В 2007 г. он защитил докторскую диссертацию, охватывающую широкий пласт источников по истории и археологии древней Карелии, опубликованную в 2010 г. (Сакса 2010).

Александр Валентинович Курбатов (рис. 61, 8) продолжает разработку направления, созданного в Секторе О. В. Овсянниковым, – исследование городов и поселений Русского Севера эпохи позднего средневековья. Помимо работы с коллекциями из Заполярья (Курбатов 2010а) он периодически проводит там раскопки в составе экспедиций Уральского отделения РАН. Однако основной тематикой А. В. Курбатова является коже-

венное ремесло и изделия из кожи Древней Руси и средневековья. Изучению этого материала он посвятил более 20 лет, став, без преувеличений, уникальным специалистом в своей области и опубликовав полторы сотни статей по самым разным аспектам ее исследования (Курбатов 2009; 2010б; 2011а; 2011б). Итогом многолетних работ стала докторская диссертация, защищенная в 2012 г. (Курбатов 2012).

Важным моментом является возрождение в Отделе славяно-финской археологии традиционной церковно-археологической тематики. В последние десятилетия она развивалась благодаря трудам А. Е. Мусина, А. А. Песковой и безвременно скончавшейся Т. А. Чуковой. Их работы соединяют источниковедческую отточенность с умением взглянуть на проблему в контексте православной веры, в которой только и могли функционировать церковные древности.

Александр Евгеньевич Мусин (рис. 62, 5) продолжает научную традицию комплексного изучения христианских древностей, заложенную еще в ГАИМК И. А. Карабиновым и Н. В. Малицким, а позднее, уже с других позиций, продолженную в ЛОИА Г. Ф. Корзухиной и М. К. Каргером. Археология рассматривается им не как история материальной культуры, а как история *материализации* культуры, что позволяет изучать средневековое общество и его религиозную культуру на материалах вещественных источников (без которых выводы современного исторического исследования вообще не могут считаться исчерпывающими).

Изначально темой исследования А. Е. Мусина являлась христианизация Древней Руси по данным археологии (преимущественно по погребальным памятникам). Этому была посвящена его кандидатская диссертация, защищенная в 1997 г. Автор разработал методические основы для выделения в материальной культуре инноваций, связанных с христианизацией (Мусин 2002). Позднее исследователь перешел к изучению проблем городской археологии, связанных с функционированием христианской общины и культуры, прежде всего на материалах средневекового Новгорода, Пскова, Ладоги и Старой Руссы. В докторской диссертации, защищенной в 2002 г., основное внимание было уделено взаимосвязи между религиозными и социальными характеристиками средневекового человека и их отражению в археологических источниках, а также поиску аналогий древнерусским предметам христианского культа в византийских и европейских материалах (Мусин 2010). Еще одним его исследовательским направлением стали вопросы охраны памятников церковной культуры, передаваемых религиозным организациям (Мусин 2006а).

А. Е. Мусин ведет активное международное сотрудничество, осуществляя совместные научные проекты с учеными Сербии, Польши и Франции. Темы, которые разрабатываются им, связаны с изучением византийских и западноевропейских элементов в культуре Древней Руси (Мусин 2012а). В стадии реализации находится большой проект, связанный с применением естественно-научных методов в изучении христианских древностей, предусматривающий комплексный анализ христианской культуры Древней Руси и учет возможного влияния на нее архаических верований. Одним из его результатов должна стать публикация каталога памятников религиозной культуры из раскопок средневекового Новгорода (Мусин 2012б). Каталог должен послужить основой монографического исследования по истории новгородской Церкви, построенного на параллельном анализе самых различных категорий источников. Первым шагом в его реализации стала электронная публикация монографии «Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв.».¹⁷

Анна Анисимовна Пескова (рис. 60, 6) стала работать в ЛКО ЛОИА еще в 1971 г. Будучи старшим лаборантом, она с конца 1970-х гг. по 1988 г. руководила отрядом Архи-

¹⁷ <http://www.rfh.ru/downloads/Books/124193029.pdf>

тектурно-археологической экспедиции П. А. Раппопорта, обследовала памятники древнерусского зодчества, известные по письменным источникам, в Новгороде, Владимире-Волынском, Дорогобуже (Украина). Во Владимире-Волынском ей удалось обнаружить также и остатки неизвестного ранее храма XII в. (Пескова, Раппорт 1987). Параллельно исследовательница работала над диссертацией по теме «Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. (по материалам городища у с. Городище близ Шепетовки)», которую защитила в 1988 г. (руководители П. А. Раппорт и А. Н. Кирпичников). После защиты диссертации А. А. Пескова наконец была зачислена научным сотрудником в Отдел славяно-финской археологии.

В 1990-е гг. А. А. Пескова начала заниматься изучением христианской металлопластики Древней Руси. К наиболее существенным результатам этих исследований можно отнести издание каталога «Древнерусские энколпионы: Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв.», подготовленного на основе работы Г. Ф. Корзухиной 1949 г., с учетом новейших находок и исследований (Корзухина, Пескова 2003).

В поисках истоков сложения традиции древнерусской христианской металлопластики А. А. Песковой был предпринят опыт систематизации византийских крестов-реликвариев. Удалось установить, что древнейшие на Руси находки таких крестов имеют наиболее близкие аналогии в Балкано-Дунайском регионе (Пескова 2007). Большой работой стала систематизация и публикация крестов «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. Эта коллекция, хранящаяся в Национальном музее истории Украины и ставшая за столетие своей истории полулегендарной, ныне явлена на свет (Пескова, Строкова 2012).

Наконец, А. А. Песковой было предложено новое решение дискуссионного вопроса о происхождении традиции (великоморавском, скандинавском или древнерусском?) и иконографии древнейших крестов с Распятием, получивших в X–XI вв. широкое распространение от Подунавья на юге до Скандинавии на севере Европы, включая и древнерусские земли. Источником традиции, как оказалось, с большим основанием можно считать Первое Болгарское царство (Пескова 2009).

Татьяна Александровна Чукова (1954–2005) (рис. 61, б), ученица П. А. Раппопорта, пришла работать в Отдел уже будучи зрелым исследователем: в 1988 г. она была принята в аспирантуру, которую закончила в 1991 г. «Подготовленная и защищенная Татьяной в марте 1992 г. диссертация “Интерьер в древнерусском храмовом зодчестве конца X–первой трети XIII в. (основные архитектурные элементы по археологическим данным)” была посвящена исследованию таких архитектурных элементов, известных по археологическим данным и натурным исследованиям, как основания престолов, синтроны, тетраподы придельных апсид, конструкции иконостасов и фрагменты их убранства, керамические полы древнерусских храмов – всему тому, что в европейской науке получило название “литургические устройства”. Проведенное исследование сделало ей имя не только в отечественной, но и в мировой науке о функциональном развитии христианской культовой архитектуры» (Мусин 2006б: 378–379). В 2004 г. диссертация была опубликована (Чукова 2004).

В 2000-х гг. Т. А. Чукова начала разрабатывать тему «Сравнительная иконография сфрагистики, каменной пластики и металлического литья малых форм XII–XV вв. в средневековой Руси». К сожалению, фрагменты обобщающей работы Т. А. Чуковой по сравнительной иконографии древнерусской мелкой пластики и сфрагистики были опубликованы лишь посмертно (Чукова 2006).

Изучением христианских и, в частности, византийских древностей в Отделе занимается также выпускник кафедры истории искусств СПбГУ **Алексей Анатольевич Липатов** (рис. 62, з). Предметом его исследований являются византийские традиции в строительном производстве Древней Руси (Липатов 2006а; 2006б). В 2006 А. А. Липатов

успешно защитил диссертацию «Византийские традиции в строительном производстве Древней Руси: строительные растворы, стены, фундаменты». В ходе исследований им была выделена важнейшая производственная фаза – обжиг известняка, влияющий на конечное качество строительного материала. При этом выяснилось, что производство известняков в Древней Руси по техническому уровню стояло выше западноевропейского.

География экспедиционных исследовательских и реставрационных работ А. А. Липатова чрезвычайно широка – от Сербии и Молдовы до Старой Ладogi, Новгорода и Санкт-Петербурга. Его научные интересы включают, помимо истории византийской и древнерусской архитектуры, строительные материалы, технологии и методы в классический и средневековый периоды, палеосейсмологию, методы защиты конструкций и зданий от землетрясений. В последние годы он активно занимается изучением и реставрацией как культовой, так и гражданской архитектуры. В 2010–2011 гг. руководил археологическими работами на территории Грановитой палаты Московского Кремля.

Историографическая тематика развивается в Отделе славяно-финской археологии Н. И. Платоновой и А. Е. Мусиным. В 2009 г. Н. И. Платоновой была защищена в ИИМК докторская диссертация «История археологической мысли в России (последняя треть XIX–первая треть XX вв.)», через год опубликованная монографически (Платонова 2010). А. Е. Мусин в 2008–2009 гг. фактически возглавил работу по созданию коллективной монографии по истории Императорской Археологической Комиссии (ИАК 2009). Участвуя в проекте Папского института христианской археологии (Рим, Италия) «Просопография христианской археологии XVI–XXI вв.», А. Е. Мусин создал 40 очерков о российских исследователях, которые в дальнейшем были опубликованы в биографическом словаре, вышедшем в Регенсбурге на немецком языке (Personenlexikon zur Christlichen Archäologie... 2012).

Отдел славяно-финской археологии сегодня

Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН включает авторитетных специалистов, глубоко заинтересованных в своей работе. В настоящее время (на начало 2013 г.) Отдел насчитывает 20 постоянных сотрудников. В числе их: заведующий отделом А. Н. Кирпичников; семеро ведущих научных сотрудников (С. В. Белецкий, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, А. Е. Мусин, Н. И. Платонова, А. И. Сакса, Н. В. Хвощинская), шесть старших научных сотрудников (В. М. Горюнова, И. И. Еремеев, К. А. Михайлов, А. А. Пескова, П. Е. Сорокин, О. А. Щеглова); четверо научных сотрудников (Т. С. Дорофеева, А. А. Липатов, А. В. Плохов, М. А. Юшкова); младший научный сотрудник (Н. В. Григорьева); ведущий художник Г. А. Кузнецова. Из них 8 являются докторами, 8 – кандидатами исторических наук, 4 – без степени.

По тематике своих изысканий к Отделу примыкают также директор ИИМК РАН, чл.-корр. РАН Е. Н. Носов и его заместитель по научной работе канд. ист. наук О. И. Богуславский.

Важным начинанием Отдела следует считать серийное издание «Культурное наследие Российского государства», основанное в 1998 г. и финансируемое Правительством Ленинградской обл. В настоящий момент из печати вышло 5 томов. Авторами сборников являются как ученые, так и политики, журналисты, деятели церкви. Помещенные в них статьи посвящены самым различным аспектам изучения и популяризации исторического и культурного достояния России.

Завершая наш очерк об истории и современном состоянии Отдела славяно-финской археологии, хочется подчеркнуть один важный момент: наличие ярких индивидуальностей не мешает Отделу работать одной командой. Различные мнения оцениваются прин-

ципиально и взискательно; при этом в собственных изысканиях авторы обладают полной свободой.

- Артамонов 1977 – *Артамонов М. И.* Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977. Вып. 1. С. 4–13.
- Арциховский 1927 – *Арциховский А. В.* Социологическое значение эволюции земледельческих орудий // Труды секции социологии РАНИОН. 1927. Вып. 1. С. 123–135.
- Арциховский 1937 – *Арциховский А. В.* В защиту летописей и курганов. (Ответ на статью П. Н. Третьякова «Расселение древнерусских племен по археологическим данным») // СА. 1937. Т. 4. С. 53–62.
- Ашнин, Алпатов 1994 – *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* Дело славистов. 30-е годы. М., 1994.
- Белецкий 1996 – *Белецкий С. В.* Начало Пскова. СПб., 1996.
- Белецкий 2001 – *Белецкий С. В.* Введение в русскую допетровскую сфрагистику. СПб., 2001 (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 4).
- Белецкий 2004 – *Белецкий С. В.* Пушкиногорье до Пушкина. Пушкинские Горы; М., 2004 (Михайловская Пушкиниана. Вып. 31).
- Белецкий 2011 – *Белецкий С. В.* Псков в I–начале II тысячелетия н. э. // РАЕ. 2011. № 1. С. 361–395.
- Белецкий 2012 – *Белецкий С. В.* Древнейшая геральдика Руси // Повесть Временных лет. СПб., 2012. С. 431–463.
- Белов и др. 1980 – *Белов И. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея: Мангазейский морской ход. Л., 1980. Ч. 1.
- Белов и др. 1981 – *Белов И. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981. Ч. 2.
- Богуславский 1991 – *Богуславский О. И.* К хронологии юго-восточного Приладожья IX–XII вв. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 99–114.
- Богуславский 1992 – *Богуславский О. И.* Юго-восточное Приладожье и трансевразийские связи IX–XI вв. // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992. С. 44–68.
- Богуславский, Щеглова 2000 – *Богуславский О. И., Щеглова О. А.* Памятники у д. Городище в Юго-Восточном Приладожье: новые раскопки // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб. 2000. С. 31–39.
- Борисик и др. 2009 – *Борисик А. В., Кашкевич В. И., Платонова Н. И., Блохин Н. Н., Анисимов А. И., Кашкевич М. П.* Комплексные геофизические исследования «большого кургана» Шум-гора на северо-западе Новгородской земли (IX–X вв.) // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. СПб., 2009. С. 80–88.
- Булкин, Овсянников 2011 – *Булкин Вал. А., Овсянников О. В.* Жизнь человека: пскович Юрий Павлович Спегальский и его Отечество (к 100-летию со дня рождения) // АВ. 2011. Вып. 17. С. 375–394.
- Воронин 1935 – *Воронин Н. Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси. Погост, слобода, село, деревня. Л., 1935.
- Воронин, Раппопорт 1979 – *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. М., 1979.
- Горюнов 1981 – *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981.
- Горюнов 1983 – *Горюнов Е. А.* Краткий очерк научной, научно-организационной, педагогической и общественной деятельности [П. Н. Третьякова] // Пётр Николаевич Третьяков. М., 1983. С. 7–26.
- Горюнов 2004 – *Горюнов Е. А.* Могильники колочинской культуры // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: Доклады науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г. СПб., 2004. С. 10–42 (Труды ИИМК РАН. Т. 11).
- Горюнова 1987 – *Горюнова В. М.* К вопросу об оловянных украшениях антских кладов // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 85–93.

- Горюнова 1992 – *Горюнова В. М.* Новый клад антского времени из среднего Поднепровья // АВ. 1992. Вып. 1. С. 126–140.
- Горюнова 2004а – *Горюнова В. М.* Могильник VI–VII вв. у с. Картамышево Обоянского района Курской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: Доклады науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г. СПб., 2004. С. 18–42 (Труды ИИМК РАН. Т. 11).
- Горюнова 2004б – *Горюнова В. М.* Поселение Картамышево II (постзарубинецкая эпоха на Верхнем Псле) // Там же. С. 43–87.
- Горюнова 2007 – *Горюнова В. М.* Роль западнославянского элемента в формировании раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 45–90.
- Горюнова 2009 – *Горюнова В. М.* Датировочные возможности раннегончарной керамики X–начала XI в. // Российская археология. 2009. № 4. С. 38–50.
- Горюнова, Родинкова 1999 – *Горюнова В. М., Родинкова В. Е.* Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // STRATUMplus. 1999. № 4. С. 167–219.
- Гуревич 1951 – *Гуревич Ф. Д.* Поселения Калининградской области в I тыс. н. э. по данным работ 1949–1950 гг. // Тезисы докладов на пленуме ИИМК АН СССР, посвященные вопросам археологии Прибалтики 1951 г. М., 1951. С. 43–44.
- Гуревич 1952 – *Гуревич Ф. Д.* Древние памятники Юго-Восточной Прибалтики и задачи их изучения // КСИИМК. 1952. Вып. 42. С. 13–23.
- Гуревич 1960 – *Гуревич Ф. Д.* Из истории Юго-Восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. (по материалам Калининградской области) // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. М.; Л., 1960. С. 328–451 (МИА. № 76).
- Гуревич 1962 – *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья. М., Л., 1962.
- Гуревич 1981 – *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок: посад–окольный город. Л., 1981.
- Гуревич 1982 – *Гуревич Ф. Д.* Древние города Белорусского Понеманья. Минск, 1982.
- Гурэвіч 2003 – *Гурэвіч Ф. Д.* Летапісны Новгарадок (Старажытнарускі Наваградак). СПб.; Наваградак, 2003.
- Гуревич и др. 1968 – *Гуревич Ф. Д., Джанноладян Р. М., Малевская М. В.* Восточное стекло в древней Руси. Л., 1968.
- Егорьков, Щеглова 2001 – *Егорьков А. Н., Щеглова О. А.* Металл «антских» кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001. С. 280–307.
- Еремеев, Дзюба 2010 – *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки: Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и оз. Ильмень. СПб., 2010.
- Ефименко 1926 – *Ефименко П. П.* Рязанские могильники: Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. Л., 1926 (Материалы по этнографии России. Т. 3, вып. 1).
- Ефименко 1931а – *Ефименко П. П.* Обследование памятников Ленинградской области в 1928–1929 гг. // СГАИМК. 1931. Вып. 6. С. 25–27.
- Ефименко 1931б – *Ефименко П. П.* Раннеславянские поселения на Среднем Дону // СГАИМК. 1931. Вып. 2. С. 5–9.
- Ефименко, Третьяков 1948 – *Ефименко П. П., Третьяков П. Н.* Древнерусские поселения на Дону. М.; Л., 1948 (МИА. № 8).
- Ефименко, Третьяков 1961 – *Ефименко П. П., Третьяков П. Н.* Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье. М., 1961. С. 43–110 (МИА. № 97).
- Заднепровская и др. 2003 – *Заднепровская Т. Н., Левина Р. Ш., Мачинский Д. А.* Памяти Н. А. Винберг (к 100-летию со дня рождения) // АВ. 2003. № 10. С. 379–384.
- ИАК 2009 – Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009.

- Каргер 1958 – *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1.
- Каргер 1961 – *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1961. Т. 2.
- Кирпичников 1959 – *Кирпичников А. Н.* «Описная книга пушек и пищалей» как источник по истории средневековой русской артиллерии (к характеристике городского наряда Московского государства второй четверти XVII в. // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Л., 1959. Вып. 4. С. 265–328.
- Кирпичников 1966а – *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л., 1966.
- Кирпичников 1966б – *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, кистени IX–XIII вв. М.; Л., 1966.
- Кирпичников 1971 – *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. М.; Л., 1971.
- Кирпичников 1973 – *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973.
- Кирпичников 1976 – *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.
- Кирпичников, Назаренко 1992 – *Кирпичников А. Н., Назаренко В. А.* Археологические открытия в Старой Ладого: Черты сходства средневековых городов региона Балтики // АВ. 1992. № 1. С. 141–151.
- Кирпичников и др. 2012 – *Кирпичников А. Н., Сениченкова Т. Б., Стасюк И. В.* Слово о Евгении Александровиче Рябинине (19.05.1948–18.12.2010) // STRATUMplus. 2012. № 5. С. 17–20.
- Кирпичников, Стальсберг 1995 – *Кирпичников А. Н., Стальсберг А.* Новые исследования мечей эпохи викингов // АВ. 1995. № 4. С. 171–180.
- Кирпичников, Щукин 1983 – *Кирпичников А. Н., Щукин М. Б.* Памяти Марии Александровны Тихановой // СА. 1983. № 3. С. 236–237.
- Клейн, 2014 – *Клейн Л. С.* История российской археологии – учения, школы и личности. СПб. (в печати).
- Койшевский 1931 – *Койшевский Б. А.* Археологическая карта Средкинского района // СГАИМК. 1931. Вып. 6. С. 16–20.
- Корзухина 1954 – *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М., 1954.
- Корзухина 1955 – *Корзухина Г. Ф.* К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. // СА. 1955. Т. 22. С. 61–82.
- Корзухина 1978 – *Корзухина Г. Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмальями V–первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л., 1978 (САИ. Вып. Е1–43).
- Корзухина 1996 – *Корзухина Г. Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье: Каталог памятников // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь, 1996. Вып. 5. С. 352–435.
- Корзухина, Пескова 2003 – *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы: Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.
- Курбатов 2009 – *Курбатов А. В.* Инструменты и приспособления для пошива кожаных изделий в средневековой России // STRATUMplus. 2005–2009. № 5. Русское время. С. 284–310.
- Курбатов 2010а – *Курбатов А. В.* Культура и ремесло русского заполярного города: кожаные изделия Мангазеи по раскопкам 2001–2007 гг. // ЗИИМК. 2010. № 5. С. 211–230.
- Курбатов 2010б – *Курбатов А. В.* О специальной воинской обуви в средневековой России // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается. М., 2010. Т. 1. С. 416–431.
- Курбатов 2011а – *Курбатов А. В.* Предохранительная обувь в средневековье и Новое время: европейские традиции и русская действительность // БОА. 2011. № 2. С. 241–250.
- Курбатов 2011б – *Курбатов А. В.* Рабочая одежда и обувь средневековых горожан // АВ. 2011. № 17. С. 203–215.
- Курбатов 2012 – *Курбатов А. В.* Кожевенное ремесло в средневековой России: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2012.

- Лапшин 1990 – *Лапшин В. А.* Археологическая карта Ленинградской области: Западные районы. Л., 1990.
- Лапшин 1995 – *Лапшин В. А.* Археологическая карта Ленинградской области: Восточные и северные районы. СПб., 1995.
- Лапшин 2009 – *Лапшин В. А.* Тверь в XIII–XV вв. по материалам раскопок 1993–1997 гг. СПб., 2009.
- Липатов 2006а – *Липатов А. А.* Византийские традиции в строительном производстве Древней Руси: строительные растворы, стены, фундаменты: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
- Липатов 2006б – *Липатов А. А.* Образы византийской архитектуры в западноевропейской историографии // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Т. Чуковой. СПб., 2006. С. 223–261.
- Ляпушкин 1958 – *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое. М.; Л., 1958 (МИА. № 74).
- Ляпушкин 1961 – *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. М.; Л., 1961 (МИА. № 104).
- Ляпушкин 1968 – *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. Л., 1968 (МИА. № 152).
- Малевская 2005 – *Малевская М. В.* Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб., 2005.
- Малевская, Фонаяков 1991 – *Малевская М. В., Фонаяков Д. И.* Древний Торопец. Торопец, 1991. Т. 1.
- Малевская, Фонаяков 2000 – *Малевская М. В., Фонаяков Д. И.* Древний Торопец. Торопец, 2000. Т. 2 – иллюстрации.
- Медведева 2005 – *Медведева М. В.* Деятельность архитектора К. К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества по документам из собрания Научного архива ИИМК РАН // АВ. 2005. № 12. С. 291–300.
- Мещанинов 1935 – *Мещанинов И. И.* Предисловие // Археологические работы Академии на ново-стройках в 1932–1933 гг. М.; Л., 1935. Т. 1 (ИГАИМК. Вып. 109).
- Миллер 1934 – *Миллер А. А.* Археологические разведки. Л., 1934 (ИГАИМК. Вып. 83).
- Михайлов 1995 – *Михайлов К. А.* Захоронение воина с конями на вершине Плакунской сопки в свете погребальных традиций викингов // ННЗИА. 1995. Вып. 9. С. 50–54.
- Михайлов 1996 – *Михайлов К. А.* Южноскандинавские черты в погребальном обряде Плакунского могильника // ННЗИА. 1996. Вып. 10. С. 52–60.
- Михайлов 2003 – *Михайлов К. А.* Время появления камерных погребений в Старой Ладого // Ладога – первая столица Руси: 1250 лет непрерывной жизни. СПб., 2003.
- Мусин 2002 – *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв.: Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002 (Труды ИИМК РАН. Т. 5).
- Мусин 2006а – *Мусин А. Е.* Вопиющие камни: Русская Церковь и церковное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб., 2006.
- Мусин 2006б – *Мусин А. Е.* Памяти Татьяны Александровны Чуковой // АВ. 2006. № 13. С. 377–381.
- Мусин 2010 – *Мусин А. Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова: Историко-археологическое исследование. СПб., 2010.
- Мусин 2012а – *Мусин А. Е.* Европейская геральдика в материалах раскопок средневекового Новгорода: к истории связей Новгорода и Ганзы // ЗИИМК. 2012. № 7. С. 132–147.
- Мусин 2012б – *Мусин А. Е.* Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // РАЕ. 2012. № 2. С. 592–639.
- Назаренко 1982 – *Назаренко В. А.* Норманны и появление курганов в Приладожье // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 142–147.
- Назаренко 1990 – *Назаренко В. А.* Приладожская чужь // Финны в Европе VI–XV вв. Прибалтийско-финские народы: Историко-археологические исследования. М., 1990. Т. 2. С. 82–93.
- Назаренко В., Назаренко Ю. 1988 – *Назаренко В. А., Назаренко Ю. А.* «Домики мертвых» и погребальная обрядность приладожской чуди (некоторые аспекты ее представления о загробном мире) // ННЗИА. 1988. Вып. 1. С. 38–41.

- Недошивина 1963 – *Недошивина Н. Г.* Михайловский могильник // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 24–31.
- Носов 1990 – *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов 2004а – *Носов Е. Н.* Анатолий Николаевич Кирпичников: К 75-летию со дня рождения // Анатолий Николаевич Кирпичников: Биобиблиография. СПб., 2004. С. 5–16.
- Носов 2004б – *Носов Е. Н.* Памяти друга // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: Доклады науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г. СПб., 2004. С. 6–9 (Труды ИИМК РАН. Т. 11).
- Носов 2010 – *Носов Е. Н.* К 80-летию Анатолия Николаевича Кирпичникова // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается. М., 2010. Т. 1. С. 11–20.
- Носов и др. 2005 – *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья: Новые материалы и исследования. СПб., 2005.
- Носов и др. 2012 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Медведева М. В.* Новгородская Русь. Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб., 2012.
- Овсянников 1976 – *Овсянников О. В.* Копорье: Историко-архитектурный очерк. Л., 1976.
- Овсянников 1992 – *Овсянников О. В.* Средневековые города Архангельского Севера: люди, события, даты. Архангельск, 1992.
- Памяти Ляпушкина 1969 – Памяти Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968) // СА. 1969. № 3. С. 217–219.
- Пескова 2007 – *Пескова А. А.* Памятники культового литья балкано-дунайской традиции в древнем Новгороде // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического исследования Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сборник. СПб., 2007. С. 268–279.
- Пескова 2009 – *Пескова А. А.* Византийско-скандинавские компоненты в христианской металлопластике Древней Руси X–XI вв. // Междунар. науч. конф. «На Запад и на Восток: межэтнические контакты в эпоху становления Новгородской Руси: Культура. Память. Идентичность»: Резюме докладов и сообщений. СПб.; Великий Новгород, 2009. С. 47–49.
- Пескова, Раппопорт 1987 – *Пескова А. А., Раппопорт П. А.* Неизвестный памятник волынского зодчества XII в. // Памятники культуры: Новые открытия. Л., 1986 (1987). С. 541–546.
- Пескова, Строкова 2012 – *Пескова А. А., Строкова Л. В.* Христианские древности Византии в «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. СПб., 2012.
- Петренко 1994 – *Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв.: Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994.
- Пивоварова 2010 – *Пивоварова Н. В. Г. Ф.* Корзухина в Русском музее. О некоторых неизвестных фактах биографии ученого // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г. СПб., 2010. С. 63–70.
- Пиотровский 1995 – *Пиотровский Б. Б.* Страницы моей жизни. СПб., 1995.
- Платонова 1991 – *Платонова Н. И.* Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». М., 1991. Вып. 1. С. 45–78.
- Платонова 1999 – *Платонова Н. И. М. И. Артамонов* – директор ИИМК // АВ. 1999. № 6. С. 466–478.
- Платонова 2010 – *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России: вторая половина XIX–первая треть XX в. СПб., 2010.
- Платонова и др. 2006 – *Платонова Н. И., Кашкевич В. И., Блохин Н. Н.* Сейсмотомография: разработка нового метода неразрушающего исследования курганов (на материалах передольских сопот IX–X вв.) // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 ноября 2006 г., г. Новосибирск). Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 376–378.

- Платонова и др. 2007 – Платонова Н. И., Жеглова Т. А., Лесман Ю. М. Древнерусский протогородской центр на Передельском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 142–194.
- Платонова, Кирпичников 2010 – Платонова Н. И., Кирпичников А. Н. Сектор / Отдел славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН: исследования и исследователи // ЗИИМК. 2010. № 5. С. 7–71.
- Раппопорт 1956 – Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л., 1956 (МИА. № 52).
- Раппопорт 1961 – Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л., 1961 (МИА. № 105).
- Раппопорт 1967 – Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. Л., 1967 (МИА. № 140).
- Раппопорт 1970 – Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. М., 1970.
- Раппопорт 1975 – Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. Л., 1975 (САИ. Вып. Е1-32).
- Раппопорт 1982 – Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982 (САИ. Вып. Е1-47).
- Раппопорт 1986 – Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986.
- Раппопорт 1993 – Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993.
- Раппопорт 1994 – Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси. X–XIII вв. СПб., 1994.
- Рябинин 1997 – Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб., 1997.
- Сакса 2002 – Сакса А. И. Выборг – город четырех исторических традиций (итоги исследований 1998–2000 гг.) // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2002. Вып. 3. С. 150–164.
- Сакса 2009 – Сакса А. И. Средневековый Выборг: начало городской истории (по итогам раскопок 1999–2006 гг.) // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. СПб., 2009. С. 139–146.
- Сакса 2010 – Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I–начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб., 2010.
- Свешникова 2004 – Свешникова О. С. Забытая работа группы ИКС // Шестые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 2004. С. 20–23.
- Свешникова 2009 – Свешникова О. С. Советские археологи в поисках первобытной истории. Историческая интерпретация археологических источников в советской археологии 1930–1950-х гг. Омск, 2009.
- Сорокин 1997 – Сорокин П. Е. Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб., 1997.
- Спегальский 1963 – Спегальский Ю. П. Псковские каменные жилые здания XVII века. М.; Л., 1963 (МИА. № 119).
- Спегальский 1972 – Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л., 1972.
- Спегальский 1974 – Спегальский Ю. П. По Пскову XVII в. Л., 1974.
- Станкевич 1941 – Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX–X ст. // Этногенез восточных славян. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 56–88 (МИА. № 6).
- Станкевич 1960 – Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. М.; Л., 1960 (МИА. № 76).
- Старая Ладога... 2004 – Старая Ладога: Международная археологическая школа-экспедиция. СПб., 2004.
- Терпиловский 2001 – Терпиловский Р. В. Вклад Е. А. Горюнова в развитие раннеславянской археологии // АВ. 2001. № 8. С. 329–331.
- Тиханова 1957 – Тиханова М. А. О локальных вариантах черняховской культуры // СА. 1957. № 4. С. 168–194.
- Третьяков 1932 – Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Л., 1932 (ИГАИМК. Т. 14, вып. 1).

- Третьяков 1935 – *Третьяков П. Н.* Первобытная охота в Северной Азии // ИГАИМК. Л., 1935. Вып. 106. С. 220–262.
- Третьяков 1937 – *Третьяков П. Н.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // СА. 1937. № 4. С. 33–51.
- Третьяков 1941 – *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. М.; Л., 1941 (МИА. № 5).
- Третьяков 1948а – *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М.; Л., 1948.
- Третьяков 1948б – *Третьяков П. Н.* Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Челябинск, 1948.
- Третьяков 1953 – *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. 2-е изд. М., 1953.
- Фёдоров 1949 – *Фёдоров Г. Б.* За передовую советскую археологию Прибалтики (Сессия ИИМК АН СССР, посвященная изучению археологии Прибалтики) // КСИИМК. 1949. Вып. 29. С. 129–134.
- Формозов 2004 – *Формозов А. А.* Роль Н. Н. Воронина в защите памятников культуры России // Российская археология. 2004. № 2. С. 173–180.
- Хвошинская 2004 – *Хвошинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли. СПб., 2004.
- Чернягин 1941 – *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // Этногенез восточных славян. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 93–148 (МИА. № 6).
- Чукова 2004 – *Чукова Т. А.* Алтарь древнерусского храма конца X–первой трети XIII вв.: Основные архитектурные элементы по археологическим данным. СПб., 2004.
- Чукова 2006 – *Чукова Т. А.* Иконография Христа, Божией Матери и святых на древнерусских металлических актовых печатях X–XV вв. (фрагменты книги) // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Т. Чуковой. СПб., 2006. С. 28–56.
- Щеглова 1999 – *Щеглова О. А.* Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // STRATUMplus. 1999. № 5. С. 287–312.
- Щеглова 2001 – *Щеглова О. А.* К вопросу о месте и времени формирования традиции изготовления свинцово-оловянных украшений в формочках «типа Камно-Рыуге» // Миграции и оседлость от Дуная до Старой Ладogi в первом тысячелетии христианской эры. СПб., 2001. С. 46–55.
- Щеглова 2002 – *Щеглова О. А.* Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладoga и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 134–150.
- Щеглова 2003 – *Щеглова О. А.* Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. из Старой Ладogi и Любшанского городища и их восточноевропейские параллели // Ладoga и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 38–46.
- Щеглова 2004 – *Щеглова О. А.* Микрорегион Верхнего Псла от рубежа эр до рубежа тысячелетий // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: Доклады науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г. СПб., 2004. С. 117–123 (Труды ИИМК. Т. 11).
- Щеглова, Егорьков 1998а – *Щеглова О. А., Егорьков А. Н.* Об одной технологической особенности изготовления латунных предметов Трубчевского клада «древностей антов» // ЮИМК 5. СПб., 1998. С. 84–85.
- Щеглова, Егорьков 1998б – *Щеглова О. А., Егорьков А. Н.* Серебряные украшения в Трубчевском клада VII века // ЮИМК 6. СПб., 1998. С. 85–87.
- Якобсон 1950а – *Якобсон А. Л.* Очерк истории зодчества Армении V–XVII веков. М.; Л., 1950.
- Якобсон 1950б – *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М.; Л., 1950 (МИА. № 17).
- Якобсон 1959 – *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры. М.; Л., 1959 (МИА. № 63).
- Якобсон 1964 – *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964.
- Якобсон 1973 – *Якобсон А. Л.* Крым в средние века. М., 1973.

- Якобсон 1979 – *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. М.; Л., 1979.
- Якобсон 1983 – *Якобсон А. Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. М.; Л., 1983.
- Ясински, Овсянников 1998 – *Ясински М. Э., Овсянников О. В.* Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север. СПб., 1998. Т. 1–2.
- Ясински, Овсянников 2003 – *Ясински М. Э., Овсянников О. В.* Пустозерск. СПб., 2003.
- Petrenko, Urtāns 1995 – *Petrenko V. P., Urtāns J.* The archaeological monuments of Grobina. Stockholm; Riga, 1995.
- Personenlexikon zur Christlichen Archäologie... 2012 – Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16. bis 21. Jahrhundert, S. Heid, M. Dennert (Hrsg.). Regensburg, 2012. Bd 1 (A–J); Bd 2 (K–Z).
- Saksa 1998 – *Saksa A.* Rautakautinen Karjala. Muinais-Karjalan synty ja varhaiskehitys. Joensuu, 1998 (Studia Carelica Humanistica. 2).
- НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 10, 16; 1920 г., д. 13, 25; 1922 г., д. 1; 1924 г., д. 1, 12; 1925 г., д. 1; 1927 г., д. 10; 1929 г., д. 7; 1931 г., д. 10; 1933 г., д. 55, 55а; ф. 35, оп. 5, д. 296, 321, 374, 390; оп. 6, д. 21; ф. 312, оп. 1, д. 7, 26, 58, 82, 407.

Глава 7. ОТДЕЛ ОХРАННОЙ АРХЕОЛОГИИ

Н. Ф. Соловьёва

Отдел охранной археологии, в его нынешнем виде как подразделение ИИМК РАН, образован всего три года назад путем слияния Группы охранной археологии и Группы цифровой археологии.

ИИМК РАН является головным учреждением Российской Академии наук при проведении фундаментальных археологических исследований на Северо-Западе России и в ряде ее регионов, где традиции Ленинградской/Санкт-Петербургской археологической школы являются приоритетными. В рамках академических программ Институт ведет разносторонние изыскания в различных районах России и за рубежом, разрабатывая крупные научные темы. Вместе с тем масштабный рост работ на новостройках и в зонах хозяйственного освоения новых земель заставляет академические учреждения уделять большое внимание обследованию вновь вводимых в хозяйственную деятельность территорий на предмет наличия археологических памятников, их изучения и контроля за состоянием археологических объектов. ИИМК РАН, руководствуясь законодательством Российской Федерации, принимает в этом непосредственное участие. Изучение и сохранение объектов археологического наследия в зонах хозяйственного освоения территорий страны – одна из основных актуальных составляющих деятельности Института на всем протяжении его существования.

Новостроечная, контрактная, коммерческая, хоздоговорная, охранная, спасательная, охранно-спасательная археология – все эти определения в разные эпохи характеризовали и характеризуют вид археологической деятельности по спасению и сохранению объектов археологического наследия, которым грозит частичное разрушение или полное уничтожение в результате хозяйственной деятельности человека. Основной задачей охранной археологии является сохранение археологического наследия и формирование у населения исторического сознания и уважительного отношения к прошлому. Эта задача не нова – она в большей или меньшей степени рассматривается практически на каждом археологическом совещании или конференции. Так, например, одним из важных направлений работы III (XIX) Всероссийского Археологического съезда, состоявшегося 24–29 октября 2011 г. в Старой Руссе и Великом Новгороде, привлечшего рекордное для России количество участников, стало обсуждение результатов охранно-спасательных археологических исследований, современное состояние законодательной и нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы сохранения археологического наследия нашей страны.

В истории становления новостроечной или охранно-спасательной археологии в России прослеживаются этапы, совпадающие с этапами жизни самого государства. В свою очередь, рост объемов исследований в этой области науки всегда зависел и зависит от двух главных факторов: уровня строительной активности в стране и степени внимания государственных структур к вопросам сохранения культурного наследия.

Начало археологическим исследованиям на новостройках было положено еще Императорской Археологической комиссией. В пункте 8 Положения об ИАК указано, что

«Комиссия следит за земляными работами, предпринимаемыми в больших размерах, как, например, при проведении линий железных дорог, шоссе, прочее, дабы, насколько окажется возможным, воспользоваться этими случаями для археологических открытий» (ф. 1, 1959 г., д. 1, л. 4). В архивных фондах ИАК хранятся материалы о находках древних предметов и раскопках памятников при железнодорожном строительстве. Год создания ИАК можно по праву считать и годом начала спасательной археологии в России. Уже в 1859 г. ИАК посылает А. С. Линевича для обзора земляных работ по линии Волжско-Донской железной дороги.

В 1865 г. в Департамент железных дорог было направлено Отношение ИАК с просьбой уведомлять о строительных работах в местах расположения курганов и городищ. Именно при путевых работах того времени были обнаружены памятники, давшие впоследствии названия таких археологических культур, как фатьяновская, андроновская и др. (Смирнов 2005: 176).

В начале XX в. российские археологи проводят спасательные работы в Турции при прокладке железной дороги (Там же). Исследования ИАК проводились и на Северо-Западе России – например, в Санкт-Петербургской губ. при строительстве железной дороги были выявлены средневековые древности.

В 20-е гг. прошлого столетия советские археологи активно вели исследования на новостройках – в зоне строительства Свирской ГЭС (ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 3, л. 17–20), в Самарканде в связи с городским строительством (Массон 1983: 3). Возможно, как результат активной работы археологов советское Правительство предпринимает попытки создания некоего подобия археологической службы на новостройках – в январе и феврале 1924 г. издаются два декрета ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» и «О специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей», где предписывался археологический надзор за строительными работами (Охрана памятников истории и культуры 1973: 39, 45). Примером плановых археологических разведочных работ того времени может служить проведенное коллективом ленинградских ученых под руководством П. П. Ефименко сплошное археологическое обследование территорий Ленинградской обл., отводимых под строительство (Белова, Пескарёва 1983: 10).

Первая новостроечная экспедиция в СССР была организована в 1929 г. во главе с А. А. Миллером в связи с началом работ по сооружению Волго-Донского канала (Там же). Перед ее коллективом стояла задача выявления и исследования памятников археологии, попадающих в зону строительства.

В первой половине 1930-х гг. в стране начинается строительство крупных объектов народного хозяйства. Соответственно, возрастает и объем археологических работ, проводимых на крупнейших новостройках: Средневологострое, Москва–Волгострое, Манычстрое, Метрострое, Беломорско-Балтийском канале, канале Москва–Волга, Гипроводе на Урале, Енисейстрое, Черкизстрое, Прибалхашстрое и других, позволивших получить и описать многие тысячи археологических памятников, собрать и передать вещественные находки в музеи страны. Археологические исследования велись также на новостройках Ферганы, Кавказа, в Казахстане и в других регионах страны.

Идея централизации охранно-спасательной деятельности в рамках одного коллектива сотрудников Института посещала умы руководителей каждый раз, как только резко возрастающие объемы работ требовали участия в них большого количества специалистов разного профиля – от археолога до бухгалтера. Так, уже в начале 30-х гг. XX в. большое количество археологических экспедиций, работающих на новостройках, привело к созданию Комитета ГАИМК по новостройкам. Отправной точкой его создания послужило письмо председателя ГАИМК академика Н. Я. Марра в Госплан СССР с предложением

об организации в местах капитального строительства работ по изучению и охране памятников археологии. В письме говорилось, что, исходя из возрастающих темпов строительства, ГАИМК считает, что она должна взять на себя организацию археологических исследований в зонах строительства. Предложение получило одобрение Правительства, и распоряжением № 726 по ГАИМК от 16 октября 1932 г. был создан Комитет для организации и руководства работами по учету, охране и всестороннему исследованию памятников истории материальной культуры в зонах капитального строительства. Председателем бюро Комитета был утвержден глава ГАИМК академик Н. Я. Марр, сведений о том, кто из сотрудников реально вел дела, в архивах не сохранилось (ф. 2, оп. 3, 1931 г., д. 5, л. 110–112). Эту дату с полным основанием можно считать днем рождения первого в стране отдела, занимающегося организацией хоздоговорных экспедиций в рамках академического учреждения. Комитет составлял заявки и направлял письма в госорганы о необходимости проведения археологических исследований в зонах строительства, составлял сметы на исследования, проверял ход археологических работ. Такая централизация способствовала качественному и количественному росту новостроечных работ, результаты которых были опубликованы в специальных сборниках и статьях.¹

Окончательно узаконило государственную охрану культурного наследия СССР Постановление ВЦИК и СНК от 10 февраля 1934 г. «Об охране археологических памятников». После принятия постановления археологические исследования проводились практически на всех крупных стройках страны. Большинство сооружаемых объектов в те годы находилось в ведении Главного Управления лагерей ОГПУ (ГУЛАГ), которое обеспечивало стройки специалистами и рабочими из числа заключенных. После вынужденного подписания договора между ГАИМК и ГУЛАГом на организацию археологических раскопок в некоторых зонах строительства специалисты Академии, проводившие полевые работы по договору, фактически попали под контроль ОГПУ.²

В годы Великой Отечественной войны сотрудники ИИМК, даже находясь в эвакуации, продолжали работы на объектах строительства – так, например, в Узбекистане в 1943–1944 гг. были проведены исследования в зоне строительства Фархадской ГЭС.

В послевоенное время, наряду с проведением традиционных фундаментальных научных исследований, возобновляются и работы на строительных площадках возрождающихся промышленных объектов страны.

1950-е годы ознаменованы небывалым ростом новостроечной археологической деятельности в связи с начавшимся масштабным строительством гигантских промышленных объектов. При научных отделах Института создаются долгосрочные новостроечные экспедиции, работающие во многих регионах страны.

Пожалуй, самым положительным опытом создания такого коллектива можно считать организованную в Институте в 1958 г. под руководством М. П. Грязнова Красноярскую археологическую экспедицию, исследования которой в зоне проектируемой Красноярской ГЭС стали самыми масштабными и по количеству задействованных специалистов, и по объемам работ, и по срокам их проведения, и по результатам исследований, составившим целую эпоху в археологии Южной Сибири.

Объем хоздоговорных исследований в 1960-е гг. несколько снижается, однако в 1965 г. создается еще одна крупная новостроечная экспедиция – Саяно-Тувинская (рис. 65, 1). Ее начальником был назначен А. Д. Грач, затем его сменил С. Н. Астахов.

Работы Красноярской экспедиции продолжались до 1976 г., Саяно-Тувинской – до 1984 г.

¹ Подробнее об этом написано в главах, посвященных другим научным подразделениям ИИМК РАН.

² См. главу 4, посвященную Отделу Центральной Азии и Кавказа.

В 1974 г. в ЛОИА АН СССР была утверждена Комиссия по новостройкам под председательством М. Н. Пшеницыной. В 1976 г. она была переименована в Группу новостроечных и хоздоговорных экспедиций. С 1980 по 1983 г. ее возглавлял А. М. Мандельштам.

После принятия закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры» в 1970-х гг. спасательные археологические работы приняли массовый характер. Появились постоянно действующие новостроечные экспедиции. В 1975 г. в Институте была основана Бейская экспедиция под руководством М. Н. Пшеницыной. С 1977 г. развернула свои исследования Среднеенисейская экспедиция, которая функционирует и по сегодняшний день. В разные годы ее возглавляли М. Н. Пшеницына, Н. Ф. Лисицын, Д. Г. Савинов, Г. Н. Курочкин, а сейчас – Н. А. Боковенко. Можно с уверенностью сказать, что в последние 20 лет подавляющее большинство археологического материала в Сибири получено при проведении охранных раскопок.

1980-е годы – время расцвета археологических работ на новостройках. В стране ежегодно действуют десятки новостроечных экспедиций, по их результатам проводятся общероссийские конференции, печатаются многочисленные труды. В Институте начинается новый этап централизации новостроечной деятельности – формируется большая группа молодых талантливых исследователей, круглогодично работающих за счет хозяйственных договоров с заказчиками, в 1985 г. создается (и продолжает по настоящее время работать) Тувинская экспедиция под руководством Вл. А. Семёнова, силами сотрудников созданных ранее Бейской и Среднеенисейской экспедиций продолжают масштабные раскопки в Сибири. Курировать все эти работы поручается заместителю заведующего ЛОИА по научной работе Л. П. Хлобыстину.

К середине 80-х гг. XX в. к специалистам, работающим в охранной археологии, постепенно пришло понимание, что главное – физическое сохранение археологических памятников. Поэтому основное внимание стало уделяться работе с проектными институтами с целью уменьшить зону строительства, чтобы памятник оказался за его пределами, изменить трассы будущих дорог, чтобы обойти поселения. Среди полевых археологических исследований на первый план вышли разведочные работы. Перенос центра тяжести в охранных мероприятиях от раскопок в область обследования территорий отнюдь не уменьшил научную отдачу от проведения работ на новостройках. Изменились акценты. Стали развиваться методы дистанционного, неразрушаемого исследования памятников. Новая методика дала импульс развитию пространственной археологии, вопросам комплексного изучения территории, палеоэкологии и др. (Смирнов 2004).

В «лихие» 1990-е гг., когда сотрудникам Института, как, впрочем, и большинству сотрудников бюджетных организаций, подолгу задерживали выплату заработной платы, в умах немногих из них, кто обладал коммерческой жилкой, появились идеи о выведении договорной археологии из сферы деятельности научных учреждений и создании коммерческих структур для зарабатывания денег на археологии. Однако самую большую опасность для археологического наследия представляли даже не профессиональные археологи, а дельцы от «народной археологии», почуявшие «археологический Клондайк», где, если не тратиться на полноценное изучение памятников, можно неплохо заработать. «Остатки Бендеры» конца XX в. вдруг поняли, что археологическая деятельность на участках строительства может стать поистине «договорной» и удивительно прибыльной для договаривающихся сторон. Надо отдать должное, что среди многочисленных, до сих пор растущих как грибы фондов, центров, ООО и НП есть единичные коллективы профессионалов, качественно выполняющие свою работу, но большинство коммерческих структур «от археологии» состоит из 3–5 человек, занимающихся поисками, с одной стороны, заказчиков, которым нужно «очистить участок строительства от культуры», с другой – археологов с высшим образованием – безработных «разовых листовиков», готовых за деньги

выполнить желание заказчика. Совершенно очевидно, что результаты таких работ не только не получали научной интерпретации, но даже, как правило, не вводились в научный оборот.

Объем работ ИИМК РАН на новостройках, как и всех других профильных организаций, резко сократился. Это объяснялось как общим кризисом в стране, так и принципиальными изменениями экономической и правовой системы государства. Сокращение целенаправленной археологической деятельности разворачивалось одновременно с резким увеличением числа разрушаемых памятников. Значительную роль в этом разрушении стали играть новые факторы. Среди них – резкая интенсификация использования земли; не контролируемое государством частное и коммерческое строительство; активное освоение территорий в связи с миграционными процессами. И главное – начало массовой приватизации земель без выделения участков, имеющих историко-культурное значение (Там же).

В начале 2000-х гг. ситуация несколько изменилась – был принят Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». При всем его несовершенстве появилась возможность хотя и незначительного, но все-таки контроля за сохранением памятников археологии.

В марте 2001 г. в ИИМК РАН была образована Группа археологического мониторинга (ГАМ) во главе с А. В. Субботиным. Официально в Группу входило 7 сотрудников (А. В. Субботин, Ст. А. Васильев, С. В. Красниенко, М. Е. Килуновская, С. Г. Попов, К. А. Матехин и М. Ю. Юшкова), но в новостроечных работах по договорам, заключенным Группой, традиционно принимали участие научные сотрудники других подразделений Института (В. А. Лапшин, В. И. Кильдюшевский, Т. А. Чукова, А. В. Курбатов, В. Я. Шумкин, С. Н. Лисицын, П. Е. Нехорошев, М. Н. Пшеницына, Н. А. Боковенко, М. Б. Рысин, Вл. А. Семёнов, А. Д. Резепкин, А. С. Поляков, И. П. Лазаретов). Все годы в составе Группы по трудовым договорам работали С. А. Александров, С. А. Семёнов, Д. Г. Григорьев и А. Ю. Городилов.

Организованные ГАМ охранные работы проводились в Ленинградской, Мурманской, Архангельской, Ярославской, Ивановской, Новгородской, Псковской обл., Республике Коми, Красноярском крае, Республиках Тыва, Хакасия, Карачаево-Черкесия и Адыгея (Субботин, Васильев 2006: 161).

За время своего существования (2001–2010 гг.) ГАМ подготовила и провела работы в сотрудничестве со специалистами других научных подразделений Института более чем по 100 договорам в различных регионах страны. Характер проведенных работ различный: раскопки, разведки, мониторинг памятников и их паспортизация, археологический надзор и написание исторических справок. Сотрудники Группы принимали активное участие в многолетней программе «Культура России», финансируемой Министерством культуры РФ (Археологические памятники России... 2012: 4). Самым крупным и значимым проектом за время существования ГАМ, давшим хорошие научные результаты, можно считать раскопки на Кольском п-ове, много лет проводимые (на основании хозяйственных договоров, заключенных ГАМ) Кольской археологической экспедицией под руководством В. Я. Шумкина. Масштабные разведочные работы были выполнены специалистами Отдела Центральной Азии и Кавказа совместно с сотрудниками ГАМ и по трассе будущей железной дороги Кызыл–Курагино.

Одной из наиболее важных задач ГАМ (до сих пор по ряду причин окончательно не решенной) являлось составление археологической карты отдельных регионов России на основе новых информационно-компьютерных технологий. Главным исполнителем компьютерной составляющей этой задачи был Ст. А. Васильев, который к концу 2004 г. раз-

работал прототип автоматической информационной системы «Археограф» для описания и мониторинга археологических памятников (Субботин, Васильев 2006: 163).

Кроме разработки структуры информационной системы «Археограф» Ст. А. Васильевым совместно со специалистами-археологами ИИМК РАН была создана предварительная база данных. В течение ряда лет он вместе со студентами 5-го курса СПбГУ успешно работал над созданием электронной версии археологической карты Ленинградской обл. Все это позволило администрации Института в конце 2009 г. выделить специалистов компьютерной обработки в самостоятельную Группу цифровой археологии.

В последние годы, в связи с повышением строительной активности на территории Санкт-Петербурга, региональные органы охраны памятников, общественные организации, депутаты Законодательного собрания и просто жители города, кому небезразлична история Петербурга и сохранение его культурного наследия, предприняли ряд мер, итогом которых стал закон Санкт-Петербурга № 820-7 «О границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон».

Несмотря на относительно недолгую историю Санкт-Петербурга, археологический слой города представляет собой сложную стратиграфическую картину от памятников эпохи неолита до каменной архитектуры ранней городской застройки XVIII в. Среди археологических объектов есть стоянки эпохи неолита–палеометалла, средневековые поселения и грунтовые могильники, крепости и земляные фортификации XVII–XVIII вв.

Археологическая составляющая наследия города включает сведения о 50 кладках и отдельных находках, 67 поселениях, 137 храмах, 32 некрополях, 141 дворце и доме, 15 фортификационных сооружениях, 47 учреждениях и памятниках, 25 производственных комплексах. По результатам археологических исследований 63 объекта получили правовой статус объектов культурного наследия (ОКН), включая 61 ОКН федерального значения и 2 ОКН регионального значения. 18 археологических объектов учтены как выявленные ОКН (ВОКН). Археологи обнаружили еще свыше 50 объектов, обладающих признаками ОКН (Плоткин 2010). Большинство этих объектов никак не отмечено на поверхности земли. Значительная часть территории современного Санкт-Петербурга археологически еще не обследована. В условиях мегаполиса культурный слой постоянно подвергается разрушению. Сохранение культурного слоя и ОКН осуществляется государственными органами – в Санкт-Петербурге это Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства Санкт-Петербурга (КГИОП). Его деятельность определяется федеральными и рядом муниципальных законов. Однако деятельность КГИОП по выявлению, изучению и сохранению археологических объектов не может осуществляться без участия специалистов-археологов.

Сотрудники ИИМК РАН одними из первых обратили внимание на археологические памятники на территории Санкт-Петербурга. Это заключение основывается на проведении серии археологических исследований, начало которым положил в 1950-х гг. сотрудник Института А. Д. Грач. Однако в конце XX–первых годах XXI в. археологические изыскания ИИМК РАН на территории города были крайне незначительны. В те годы самое большое количество исследований (как правило, в виде закладки разведочных шурфов) проводили НП СЗНИИ «Наследие» и Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия НИИКСИ при СПбГУ. Мелкие исследования периодически выполняли и частные структуры, приглашавшие к сотрудничеству профессиональных археологов.

Из археологических исследований ИИМК РАН на территории Санкт-Петербурга в начале XXI в. заслуживают внимания раскопки Бонова дома на Васильевском острове,

построенного в конце 1720-х–первой половине 1730-х гг., позволившие получить новые сведения об архитектуре здания, в котором с 1741 по 1756 г. жил М. В. Ломоносов.

Примером масштабных комплексных охранно-спасательных мероприятий, проведенных сотрудниками ИИМК РАН в пригородах Санкт-Петербурга, может служить археологическое исследование территории собора Святой Великомученицы Екатерины в Царском Селе (г. Пушкин), предпринятые в связи с решением о воссоздании храма.

Екатерининский собор был возведен по именному повелению императора Николая I в 1835–1840 гг. выдающимся российским архитектором Константином Андреевичем Тоном, с именем которого связано немало архитектурных шедевров: храм Христа Спасителя, Большой Кремлевский дворец и Оружейная палата Московского Кремля, железнодорожные вокзалы Москвы и Санкт-Петербурга. Собор Святой Великомученицы Екатерины в Царском Селе по праву считается одним из лучших творений зодчего, наиболее последовательным и удачным воплощением древнерусских форм в архитектуре XIX в. Храм имел восходящую к византийской архитектуре крестово-купольную форму, которая и дала название русско-византийскому стилю в культовом зодчестве. Величие, лаконизм и ясность общей композиции, пятиглавие, простота в убранстве фасадов, закомары с килевидным покрытием, декоративные элементы, сочетание побеленных оштукатуренных стен и яркой позолоты глав, свободное внутреннее пространство – все эти отличительные особенности «возобновленного тоновского стиля» наиболее ярко воплотились в облике Екатерининского собора.

В советское время почти все церковные постройки К. А. Тона были снесены. Из восьми петербургских православных церквей, построенных по его проектам, сохранилась единственная – Спасо-Преображенская церковь на Аптекарском острове, облик которой был искажен в 1930-е гг.

Задачи изучения собора Святой Великомученицы Екатерины были продиктованы, с одной стороны, отсутствием архивных данных, требующим раскрытия оригинальных конструкций, относящихся ко времени строительства собора, и необходимостью проведения работ по укреплению исторического фундамента в соответствии с планируемой его музеефикацией – с другой. Полевые исследования 2006–2007 гг. позволили наглядно убедиться в сложной строительной истории собора, насчитывающей несколько ремонтов и реконструкцию, осуществленную в конце XIX в. (рис. 66). Впервые в истории археологического изучения Санкт-Петербурга и его пригородов были полностью открыты все сохранившиеся архитектурные остатки столь грандиозного сооружения (Соловьёва 2008).

Принятие закона № 820-7 «О границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон» дало мощный толчок интенсификации охранно-спасательных археологических исследований при проведении ремонтных и строительных работ на территории города. В свою очередь, в ИИМК РАН появилась потребность в подразделении, способном осуществлять весь цикл охранно-спасательных мероприятий, связанных с выявлением, изучением и сохранением объектов археологического наследия Санкт-Петербурга. С этой целью в самом конце 2009 г. в Институте была создана Группа охранной археологии (ГОА). Руководителем Группы была назначена Н. Ф. Соловьёва.

Всего за один год существования Группа доказала свою работоспособность, выполнив два масштабных проекта и несколько десятков небольших. Объемы и характер проведенных работ различны – от археологического надзора за земляными работами хозяйствующих субъектов до широкомасштабных раскопок.

Одним из самых крупных в истории новостроечных работ в условиях мегаполиса по объему финансирования, количеству задействованных специалистов из разных регионов России, площади раскопок и их результатам стал проект по изучению Охтинского мыса.

После серии консультаций Росохранкультуры и ИА РАН с администрацией ИИМК РАН в декабре 2009 г. было принято решение о том, что исследования многослойного археологического памятника «Ниеншанц (Охта 1), Шведская крепость 1611–1703 гг., участки культурного слоя, грунтовый могильник», расположенного в границах проектируемого общественно-делового центра «Охта», проводимые с 2006 по 2009 г. НП СЗНИИ «Наследие» под руководством П. Е. Сорокина, должны быть завершены в 2010 г. силами специалистов ИИМК РАН.

Согласно заключенному хозяйственному договору Охтинской археологической экспедицией ГОА ИИМК РАН под руководством Н. Ф. Соловьёвой были проведены охранно-спасательные археологические мероприятия (раскопки и надзорные работы) на участке, расположенном по периметру Охтинского мыса. На 45 раскопах общей площадью 17 233,52 м² исследованы культурные отложения средневековья–нового времени, на 9 раскопах общей площадью 3922,42 м² – культурные отложения эпохи первобытности.

К новому и новейшему времени относятся фундаменты и остатки заглубленных сооружений Охтинской верфи и Петрозавода, немногочисленные погребения в северной, северо-западной и восточной частях мыса. Особый интерес среди изученных конструкций этого периода представляет бассейн для маломерных судов.

Под конструкциями Петрозавода и Охтинской верфи сохранились рвы и фрагменты бастионов шведской крепости Ниеншанц первого (1611–1656 гг.) и второго (1656–1703 гг.) строительных периодов. Были исследованы сохранившиеся фрагменты Старого, Мертвого и Карлова бастионов и участки окружающих их рвов. В заполнении рвов найдены человеческие останки из разрушенных погребений могильника позднего средневековья и артефакты эпох неолита и энеолита. Для получения и максимального сохранения полной информации о выявленных фортификационных сооружениях, пригодной для создания 3D-модели, сотрудниками экспедиции с помощью привлеченных специалистов НИИ «Спецпроектреставрация» было произведено трехмерное лазерное сканирование сохранившихся заглубленных участков конструкции выявленных фортификационных сооружений.

В ходе раскопок удалось установить, что земляные и деревоземляные сооружения крепости подвергались разрушению как в ходе их перестройки, так и при военных действиях; но особенно сильными оказались разрушения, произведенные на последующих этапах чрезвычайно интенсивного хозяйственного освоения участка в XIX–XX вв. Полученные результаты полностью соответствуют данным письменных источников. В процессе изысканий ни в одном случае не удалось выявить надземных частей крепостей. Расчищены и зафиксированы поврежденные части оснований бастионов и куртин Ниеншанца второго строительного периода, участки дерновой кладки бортов рвов, дренажные и частоточные канавки, в которых местами сохранились истлевшие остатки вертикально вкопанных бревен (рис. 67). На территории крепости исследованы хозяйственные, подпечные и столбовые ямы, часть заглубленной потерны XVII в.

Особый интерес представляют результаты исследования сохранившихся участков внешнего и внутреннего северных рвов шведской крепости Ландскрона (1300–1301 гг.).

Проведено археологическое изучение наиболее ранних слоев, содержащих следы пребывания первобытного человека на Охтинском мысу. Выявлены места значительной концентрации археологических находок и сооружения, связанные с промысловой деятельностью. Слои эпохи первобытности на памятнике Охта 1 настолько специфичны, что атрибуция памятника возможна только с учетом геологических данных. На подавляющей части территории современного Охтинского мыса формирование отложений с артефактами происходило в условиях мелководного морского залива, что позволяло первобытному человеку интенсивно использовать территорию для рыбной ловли.

Обнаружение и изучение принципиально новых памятников эпохи первобытности на Охтинском мысу позволит реконструировать по данным археологии и палеогеографии рельеф местности, окружавшей человека позднего каменного века; установить биоценозы, свойственные той эпохе, применительно не только к локальному району, но и для всего Северо-Западного региона, выявить культурную специфику населения данного региона и установить направление и спектр культурных связей.

Собранная при раскопках значительная коллекция находок (около 30 000 индивидуальных находок и более 200 000 единиц хранения массового материала) позволит получить новые данные о пребывании первобытного человека на Охтинском мысу, существенно расширить представления о повседневном быте и материальной культуре гарнизона шведских крепостей Ландскрона и Ниеншанц, дополнить знания об исторических событиях XVII и начала XVIII в., охарактеризовать деятельность строителей и работников Охтинской верфи и Петрозавода.

В результате работ Охтинской археологической экспедиции ГОА ИИМК РАН были изучены следующие объекты археологии, обладающие статусом вновь выявленных объектов культурного наследия:

- 1) культурные слои эпох неолита–палеометалла (IV–III тыс. до н. э.);
- 2) участки внутренней и внешней оборонительной линии рвов шведской крепости Ландскрона (1300–1301 гг.);
- 3) фортификационные сооружения двух периодов существования крепости Ниеншанц в виде сохранившихся рвов и нижних частей деревоземляных бастионов (1611–1656, 1656–1703 гг.);
- 4) позднесредневековый могильник;
- 5) остатки строений Охтинской верфи XVIII–XIX вв.

В процессе работ экспедиции была значительно усовершенствована методика фиксации археологических объектов, в дальнейшем с успехом применяемая на всех охранно-спасательных раскопках ИИМК РАН.

Вторым крупным проектом, выполненным сотрудниками Группы, было исследование фундамента колокольни Смольного собора.

Археология нового времени в последние два десятилетия приобрела «права гражданства», о чем свидетельствует выделение на III (XIX) Всероссийском Археологическом съезде секции «Археология Московского государства и Российской империи». Специфика этого раздела науки заключается в привлечении большого количества графических материалов и других письменных источников, что нисколько не умаляет значение классических методик раскопок и обработки материалов. Ярким подтверждением этого стали спасательные раскопки, проведенные ИИМК РАН на территории Петропавловской крепости, в ходе которых были обнаружены останки 112 жертв «красного террора». Результаты раскопок имели колоссальное общественно-политическое и историческое значение и широко освещались в средствах массовой информации (Лапшин, Соловьёва 2012).

Изучение основания колокольни Смольного монастыря, проведенное ГОА, – пример археологических исследований с целью выявления нового объекта культурного наследия. Оно позволило детализировать строительную технологию середины XVIII в., о которой письменные источники умалчивают.

Научно-исследовательские археологические раскопки проводились в границах парадного въезда и фланкирующих въезд корпусов Смольного монастыря по адресу: Санкт-Петербург, площадь Растрелли, д. 1, Смольнинский проезд. Ансамбль Смольного монастыря в Санкт-Петербурге – одного из шедевров русской архитектуры XVIII в. – имел сложную судьбу. Строительство заканчивалось после смерти автора проекта Ф. Б. Растрелли. Доминанта ансамбля – пятиярусная колокольня – так и не была достроена (рис. 65, 2).

Чертежи фундаментов колокольни не сохранились. О замысле Ф. Б. Растрелли можно было судить только по хранящемуся в музее Академии художеств макету. Оставались неясными характер и план архитектурного объекта. После того как в XIX в. недостроенная колокольня была разобрана, информация о ее архитектурных характеристиках могла быть получена только в результате полномасштабных археологических исследований, которые и были успешно проведены в 2010 г. (Лапшин и др. 2011).

Уникальные материалы, занявшие достойное место в качестве экспонатов ГЭ, дали спасательные раскопки памятника Харбас I, расположенного в Зольском р-не Кабардино-Балкарской Республики на территории, отведенной под строительство автодороги «Кисловодск–Долина нарзанов–Эльбрус». Зафиксированный первоначально как скальный могильник, памятник по результатам работ экспедиции ГОА под руководством Т. Р. Садыкова в 2010 г. может быть определен как сложносоставной, предположительно включающий поселенческий комплекс, могильник и, возможно, святилище (Садыков 2011).

В связи с большим объемом новой информации, получаемой в ходе исполнения постоянно растущего количества заключаемых ГОА договоров, возникла потребность в оперативном введении ее в научный оборот. С этой целью был задуман ежегодник – Бюллетень ИИМК РАН, посвященный охранной археологии (БОА). Первый выпуск вышел в декабре 2010 г. и освещал работы, проводившиеся ГОА в Санкт-Петербурге в 2009 и 2010 гг.

Успешная работа Группы, значительно возросшие объемы новостроечных археологических работ, выполняемых ИИМК РАН на территории города и страны, а также изменившиеся требования к разработке проектов и составлению отчетной документации по заключаемым договорам вновь заставили администрацию Института задуматься о централизации всех внебюджетных археологических работ в одном подразделении, поэтому спустя год после создания ГОА, путем слияния Группы цифровой археологии и Группы охранной археологии, был создан Отдел охранной археологии (ООА) во главе с Н. Ф. Сольвёвой.

Поскольку до сих пор в умах отдельных сотрудников Института сохраняется некоторый скепсис по поводу создания Отдела, постольку следует обосновать настоятельную необходимость существования такого подразделения в стенах академического учреждения. Дело в том, что для успешной работы в этой сфере археологии необходимо осознать, что охранная археология значительно шире научно-исследовательской. Это симбиоз научно-исследовательской, административной, планово-финансовой, политической, законодательской, общественной и популяризаторской деятельности. Сотрудники Отдела тесно и плодотворно работают с местными и федеральными органами власти, органами охраны памятников истории и культуры, музеями, общественными организациями, ведут большую просветительскую работу среди застройщиков, проводят обучающие семинары по методике охранных раскопок и фиксации археологических объектов. Кроме проведения археологических исследований своими силами Отдел ведет переговоры, разрабатывает договорную документацию, оказывает помощь в планировании и составлении финансовой отчетности, снабжает необходимым высокоточным оборудованием и специалистами, работающими с таким оборудованием, другие подразделения ИИМК РАН. Молодые сотрудники Отдела, владеющие всеми современными методами полевой археологической фиксации, являются постоянными участниками большинства экспедиций Института.

Многие известные ныне сотрудники ИИМК РАН прежде подолгу работали в составе круглогодичных хоздоговорных экспедиций – и это, в условиях постоянного дефицита штатных единиц, было единственной возможностью заниматься любимым делом, получать зарплату и быть причастным к знаменитому на весь мир старейшему археологическому академическому учреждению страны. Такая ситуация сохраняется и по сей

день – в составе Отдела охранной археологии всего четыре сотрудника – Ст. А. Васильев, К. А. Матехин (рис. 68, 3), С. Г. Попов, Н. Ф. Соловьёва занимают штатные единицы, остальные (более 20 человек) работают по временным трудовым договорам. Среди них есть и опытные профессиональные археологи – С. А. Александров, А. Ю. Городилов, Т. Р. Садыков, С. А. Семёнов, и молодые, подающие надежды и готовые без усталости работать специалисты – Е. К. Блохин, В. О. Глухов (рис. 68, 1), О. В. Григорьева, А. А. Лазарев, Р. В. Филипенко, К. С. Хребтикова. В полевой фиксации, изготовлении чертежей и статистической обработке материалов сотрудники Отдела активно используют и постоянно совершенствуют под руководством Ст. А. Васильева компьютерные методы. Незаменимыми при проведении практически любой фиксации является профессиональный геодезист М. А. Бочкарёва и команда подготовленных Отделом тахеометристов и чертежников, работающих с компьютерными программами, – Н. А. Борков, В. П. Макарова (рис. 68, 2), А. А. Митюков, А. В. Прохорова, К. С. Салугина. Благодаря усилиям сотрудников Отдела в Институте вновь заработали реставрационная лаборатория – Н. С. Курганов, К. В. Горлов (рис. 68, 5), лаборатория камеральной обработки – И. Н. Агапова, О. К. Гарбуз, В. В. Одинцова, Н. Е. Пчёлкина и фотолаборатория – Ю. В. Румянцев, И. Г. Самоваров, оказывающие помощь в обработке, фотографировании, консервации и реставрации находок, получаемых из раскопок не только охранно-спасательного характера, но и научно-исследовательских (рис. 69, 1). А. Ф. Покровская разработала и поддерживает сайт Отдела. За логистику отвечают Ю. П. Коротков, О. Г. Раззак, А. М. Смирнов. Профессиональный картограф А. Е. Носов (рис. 69, 1: в центре) одновременно является и специалистом, обладающим поразительными способностями в планировании экономического процесса проведения как небольших, так и крупномасштабных новостроечных проектов. Неоценимую помощь в подготовке и сдаче финансовой отчетности начальникам экспедиций и отрядов постоянно оказывает ведущий бухгалтер Т. Э. Лийв (рис. 68, 2). Постоянными участниками большинства проектов, незаменимыми при подготовке и сдаче научно-технических отчетов, стали А. В. Нестеров и С. Л. Соловьёв, сотрудник ГЭ, специалист в области античной археологии, в конце 1970-х–начале 1980-х гг. много проработавший в составе экспедиций Института. Он является также техническим редактором и оформителем Бюллетеня ИИМК РАН (охранная археология). Талантливый менеджер О. Ю. Черник (рис. 68, 4) ведет всю документацию хозяйственных договоров, работает с администрациями, органами охраны памятников истории и культуры регионального и федерального уровня, с заказчиками и с ответственными исполнителями всех проектов.

В полевых экспедиционных исследованиях Отдела охранной археологии и обработке полученных коллекций участвуют сотрудники других подразделений Института – А. А. Бессуднов, Е. В. Бобровская, О. И. Богуславский, Н. А. Боковенко, Е. Ю. Гиря, Е. В. Грицик, Т. С. Дорофеева, В. А. Завьялов, И. И. Еремеев, М. Е. Килуновская, А. В. Курбатов, И. П. Лазаретов, Н. А. Лазаревская, В. А. Лапшин, С. Н. Лисицын, К. А. Михайлов, А. К. Очередной, А. В. Поляков, А. И. Сакса, Вл. А. Семёнов, Н. В. Хвошинская, М. А. Юшкова и специалисты различных научно-исследовательских, учебных и музейных организаций Санкт-Петербурга: Государственного Эрмитажа – Д. Д. Ёлшин, Н. Ю. Новосёлова, С. Л. Соловьёв, А. Г. Фурасьев; МАЭ им. Петра Великого – А. А. Казарницкий; Государственного музея истории Санкт-Петербурга – В. И. Кильдюшевский; СПбГУ – И. А. Гарбуз, А. И. Мурашкин, В. Н. Седых и многих городов России – Москвы, Новосибирска, Вологды, Калининграда, Казани, Самары и т. д. В свою очередь, сотрудники Отдела принимают участие в аналогичных работах ИИМК, научных учреждений России и ближнего зарубежья. В 2011 г. по приглашению НАН Украины специалисты Отдела работали в охранно-спасательной археологической экспедиции в Коктебеле. Второй год ведутся

совместные с ГЭ подводные археологические исследования античного города Акра в Крыму. На протяжении последних трех лет силами специалистов Отдела охранной археологии и на средства, получаемые от выполнения хозяйственных договоров, проводятся успешные, каждый сезон дающие уникальные находки научно-исследовательские раскопки раннеземледельческого поселения Йылгынлы-депе (Илгынлы-депе) на юго-востоке Туркменистана (начальник экспедиции Н. Ф. Соловьёва) (рис. 69, 1).

Специалисты Отдела охранной археологии доказали, что способны в сжатые сроки на высоком научном уровне осуществить все необходимые мероприятия по выявлению памятников археологии и древней истории в зонах строительства и провести раскопки тех из них, которым угрожает уничтожение. Проведение масштабных археологических исследований всегда предваряется созданием «Проекта организации археологических работ», который содержит всю необходимую для заказчика и исполнителя работ информацию от исторической справки об объекте исследования, методике и сроках проведения работ, расчета в потребности рабочей силы, техники и необходимом оборудовании до организации площадки проведения работ и расчета их стоимости.

Залогом процветания Отдела является развитие связей с основными отраслевыми проектирующими организациями. Отдел осуществляет разработку проектно-сметной документации на проведение охранно-спасательных мероприятий на различных этапах проектирования крупных строительных объектов, создает разделы об обеспечении сохранности объектов культурного наследия для проектной документации заказчиков.

Слаженная работа коллектива ООА за три года принесла Институту свои плоды – значительно выросли объемы охранно-спасательных работ ИИМК РАН и качество их организации и проведения. Все это способствовало и финансовому укреплению Института – появились дополнительные средства на публикации научных изданий, проведение конференций, финансирование научных полевых исследований, закупку необходимого оборудования и даже ремонт помещений.

Особенно заметные научные результаты достигнуты в работе Отдела на территории Санкт-Петербурга. На сегодняшний день большинство охранно-спасательных археологических мероприятий на территории города проводится силами сотрудников Отдела совместно со специалистами Института. Объемы и характер проведенных работ различны: от составления исторических справок по объектам и проектов организации археологических работ до разведывательных археологических исследований на предмет выявления культурного слоя и наблюдения за земляными работами хозяйствующих субъектов и, наконец, благодаря усилиям сотрудников Отдела в последние годы в разы выросли количество и площади проведения полномасштабных археологических раскопок, предваряющих ремонтно-реставрационные работы и городское строительство. Так, в связи с начавшейся реставрацией ансамбля Главного штаба и передачей здания ГЭ масштабные археологические работы были проведены в 2009–2011 гг. во дворах Восточного крыла здания. Выявлены слои и комплексы второй четверти XVIII–первой четверти XIX в. (Аветиков и др. 2011).

Самые большие работы проведены на Петроградской стороне – на пересечении Большой Посадской и Малой Монетной улиц в 2011–2012 гг. была вскрыта площадь 1584 м². Проведенные здесь раскопки значительно пополнили источниковедческую базу ранней истории Санкт-Петербурга. В результате исследований получены материалы о первоначальном ядре города, основанного в 1703 г. Обнаружено кладбище первых строителей Санкт-Петербурга, по-видимому, крестьян из близлежащих ижорских или карельских деревень. Кладбище находилось в 700 м от Заячьего острова, на котором возводились земляные бастионы Петропавловской крепости. Уже в 1710-е гг. через него прокладывается Большая Посадская улица и начинается застройка жилого квартала (Лапшин, Глухов 2013; Лапшин, Гордилов 2013).

На двух участках раскопок в Центральном районе Санкт-Петербурга (на Невском проспекте и Стремянной улице) под каменными строениями XIX в. выявлены срубы, характерные для периферийного в то время района застройки Петербурга второй половины XVIII в. (Городилов, Поликарпова 2011).

Масштабные исследования на площади 2000 м² были проведены в квартале между Тульской улицей и Смольным проспектом. Участок находится на значительном удалении от первоначального центра города, поэтому неожиданным стало открытие горизонта деревянной застройки середины XVIII в. (рис. 70), датированного монетами второй четверти этого столетия. Уже в 1760–1770-е гг. здесь начинается строительство «казенного питейного дома», упоминаемого в архивных материалах лишь с середины XIX в. Столь раннее развитие квартала, удаленного от центра города, по-видимому, связано с переправой, соединявшей устье Охты с левым берегом Невы и функционировавшей еще до основания Санкт-Петербурга, по крайней мере в эпоху шведского города Ниена (Лапшин и др. 2013).

В связи с идеей воссоздания церкви Успения Пресвятой Богородицы (Спас-на-Сенной) ООА ИИМК РАН в 2012–2013 гг. провел архитектурно-археологические исследования сохранившихся фрагментов архитектуры храма (рис. 71). Раскопки на Сенной площади завершены совсем недавно. Всего исследовано 1537 м². От храма сохранились части подвальных помещений на уровне полов и фрагменты фундамента. Можно сказать, что храм уничтожали трижды – взрывая в 1961 г., при строительстве метро и, наконец, в результате прокладки многочисленных современных коммуникаций были существенно разрушены оставшаяся подвальная часть и фундамент храма, особенно в западной его половине. Тем не менее сохранившиеся участки архитектуры церкви позволяют проследить конструкцию фундамента, частично стен, полов, выявить этапы и особенности их реконструкций. Сохранность отдельных участков позволяет использовать их при музеефикации и воссоздании храма Успения. Среди немногочисленных находок особый интерес представляет закладной серебряный рубль Екатерины II чеканки 1776 г. Это редкая находка, связанная с закладкой монеты в стену храма – рубль был намеренно помещен в свежий раствор и заложен в стену церкви во время одной из ее перестроек.

В настоящее время продолжается археологическое вскрытие остатков церкви Иконы Божьей Матери (рис. 69, 2) на проспекте Обуховской обороны.

На набережной р. Мойки на раскопе площадью 94 м² были частично исследованы сохранившиеся фрагменты Литовского замка – городской тюрьмы, существовавшей на этой территории с 1780-х гг. до 1929 г. (Семёнов 2013).

Значительная часть археологических работ на территории города носит разведочный характер, в результате которых уточняются исторические сведения о городской застройке, наличие или отсутствие культурного слоя раннего Петербурга, его характер и насыщенность.

Так, разведочными шурфами в квартале между Смольным проспектом, улицами Тульской и Бонч-Бруевича выявлены остатки строений, булыжное мощение двора и многочисленный вещевой материал конца XVIII–XIX в. Севернее Смольного монастыря выявлены культурный слой первой половины XVIII в. с монетами 1730-х гг. и остатки деревянных конструкций XVIII–XIX вв. (Михайлов и др. 2011).

Археологические исследования на территории Военной академии связи – бывшего плаца Преображенского полка дали материал, отражающий формирование городского культурного слоя XVIII–XX вв.

Разведочные шурфы на улице Зодчего Росси выявили участок слоя второй половины XVIII в. Археологический надзор за земляными работами на Круглом рынке позволил проследить ранее неизвестные архитектурные детали постройки Д. Кваренги конца XVIII в.

На Васильевском острове в разведочных шурфах было уточнено расположение православного кладбища, существовавшего при церкви Благовещения во второй половине XVIII–начале XIX в. (Блохин, Поликарпова 2013).

Район Петроградской стороны после перемещения официального центра города на левый берег Невы на полтора столетия превратился в провинциальную окраину с деревянной застройкой и небольшими кривыми улочками. Только строительный бум конца XIX–начала XX в. преобразил до неузнаваемости Петроградский остров. На Аптекарской набережной исследованы культурные слои, связанные со строительством тротуаров, скверов и благоустройством проезжей части вдоль набережной в XIX–XX вв. В одном шурфе зафиксирована периферийная зона строительства Храма Спаса Преображения Господня, возведенного в 1840-е гг. (Лапшин, Гарбуз 2011а). Разведочные шурфы на ул. Куйбышева (бывшая Большая Дворянская), несмотря на наличие застройки на всех планах XVIII в., как наиболее раннюю выявили лишь срубную постройку первой половины XIX в. Исследования в северной части Петроградской стороны дали еще более поздний материал – середины–второй половины XIX в. Среди археологических находок следует отметить памятную настольную медаль, посвященную празднованию тысячелетия Российского государства, отчеканенную в 1862 г. В результате проведенных разведочных работ на ул. Кропоткина был выявлен участок погребенной почвы XIX в. с остатками деревянных столбовых конструкций и слоем щепы, характерных для исторической части Санкт-Петербурга времен активного деревянного строительства. При проведении аварийно-спасательных раскопок на Пионерской ул. обнаружены фрагменты трех срубов и каменной постройки XIX в. Интересные результаты дал надзор за земляными работами на шпиге Меншикова бастиона Петропавловской крепости. Выяснилось, что внутри каменного бастиона почти полностью сохранился вал деревоземляной крепости 1703 г., верх которого выявлен на отметке 7,2 м БС; расчищены остатки дерновой облицовки вала с укреплением дерна деревянными кольями. Полы вала были подрезаны при возведении внешней и внутренней стен каменного бастиона. Надзор за земляными работами при реставрации Петропавловского собора в крепости выявил кирпичное основание портика, сооруженного в 1727 г. Д. Трезини и разрушенного во время пожара 1756 г.

Вдали от центра исторического города XVIII в., на Лиговском проспекте обнаружен культурный слой второй половины XVIII–первой четверти XIX в., характеризующийся монетами 1758–1816 гг. (Лапшин, Гарбуз 2011б).

Археологические разведки на северо-западной окраине исторического района города Большая Охта выявили культурный слой XVIII–первой половины XIX в., в котором зафиксированы разновременные деревянные конструкции XVIII–начала XIX в., клад медных монет 1812–1833 гг., остатки стен и фундаментов бумагопрядильной фабрики, основанной в середине XIX в. Часть объектов можно предположительно связать с поселением, существовавшим до основания Петербурга (Аветиков, Соловьёв 2011).

Так «булавочные уколы» разведочных шурфов позволяют постепенно воссоздавать сложную картину неравномерного формирования городской территории.

Охранные археологические исследования охватывали и пригороды – территорию Большого Санкт-Петербурга.

Разведочные шурфы на трассе локального газопровода в пос. Усть-Ижора дали материалы для интересных археологических и исторических наблюдений. Предварительная реконструкция этого района эпохи средневековья позволяет более достоверно очертить на местности границы Невской битвы войск Александра Невского со шведами в 1240 г. (Богуславский, Лазарев 2013).

Рис. 65. 1 – колонна автомобилей крупнейшей хоздоговорной экспедиции ЛОИА АН СССР – Саяно-Тувинской экспедиции, 1965 г.; 2 – фрагмент платформы колокольни Смольного собора, Санкт-Петербург, 2010 г.

1

2

Рис. 66. Собор Святой Великомученицы Екатерины, г. Пушкин, 2006 г.: 1 – общий вид фундамента; 2 – раскопки фундамента

Рис. 67. Карлов бастион крепости Ниеншанц, Санкт-Петербург, 2010 г.: 1 – сохранившаяся часть бастиона; 2 – ров

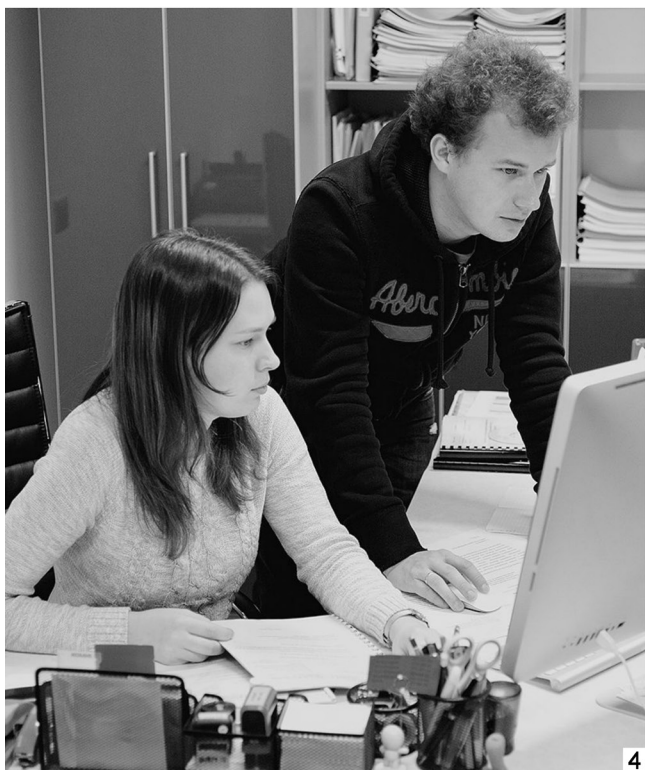
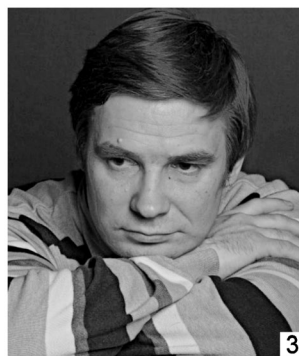

Рис. 68. Сотрудники Отдела охранной археологии: 1 – В. О. Глухов и В. П. Макарова – работа с чертежами; 2 – Т. Э. Лийв; 3 – К. А. Матехин; 4 – О. Ю. Черники Ю. А. Коротков – работа с документами; 5 – К. В. Горлов – реставрация находок

Рис. 69. 1 – Илгынлы-депе, Южная Туркмения, 2013 г., сотрудники экспедиции: на переднем плане – Е. К. Блохин; слева направо – Е. В. Бобровская, Е. В. Грицик, А. В. Нестеров, В. В. Одинцова, Д. А. Чибина, А. Е. Носов, водитель экспедиции и Н. Ф. Соловьёва; 2 – архитектурные остатки церкви Иконы Божьей Матери Всех Скорбящих радости, Санкт-Петербург, 2013 г.

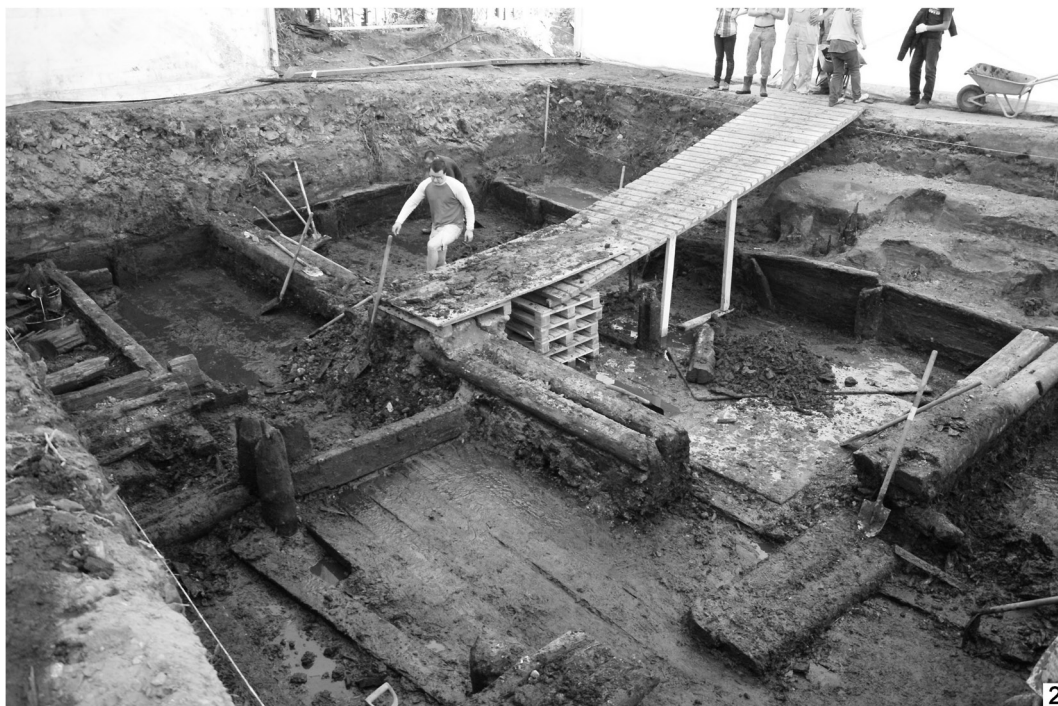

Рис. 70. Ул. Тульская, Санкт-Петербург, 2012 г.: 1 – Сотрудники ИИМК на раскопках (слева направо: К. А. Михайлов, О. И. Богуславский, В. А. Лапшин, Н. Ф. Соловьёва, А. Е. Носов, Н. А. Шишкочедов, А. В. Домасёв, Д. Е. Левичев); 2 – общий вид раскопок

Рис. 71. Спас-на-Сенной, Санкт-Петербург, 2013 г.: 1 – раскопки фундамента (сидит Д. Д. Ёлшин, стоит С. А. Семёнов); 2 – фиксация фундамента (слева направо: Ст. А. Васильев, Н. Е. Пчёлкина, Н. А. Борков)

Рис. 72. Охранные раскопки по трассе железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино, Тува, 2013 г.: 1 – волонтеры Русского географического общества на раскопках; 2 – курганный могильник Белое озеро 3, аэрофото

Обследования проводились в северо-западной части о. Котлин, где были выявлены постройки второй половины XIX в. В юго-западной части г. Кронштадта в разведочных шурфах обнаружен культурный слой второй половины XVIII–XIX в.

Архитектурно-археологические изыскания на территории государственного музея-заповедника «Петергоф» – в парке Александрия предваряют планируемую комплексную реставрацию ряда объектов. Исследовались фундамент Фельдьегерского дома при Фермерском дворце и фундамент утраченной ограды садика перед южным фасадом здания Телеграфной станции середины XIX в. В северо-восточной части парка Александрия в Петродворце для нужд реставрации археологически исследовался дворцовый комплекс конца XIX в. – Нижняя дача Николая II. Определено местоположение утраченных Кухонного и Служебного корпусов, зафиксирована мощность культурного слоя и особенности каменных фундаментных конструкций Нижней дачи.

Архитектурно-археологическое исследование сохранившихся фрагментов выявленного объекта культурного наследия «Северная оранжерея Дворцово-паркового ансамбля Михайловской дачи (Михайловки)», расположенного на Санкт-Петербургском шоссе, выявили неизвестные детали садово-парковой архитектуры (Лапшин и др. 2010).

В центральной части Дворцового парка г. Гатчина были проведены археологические исследования, целью которых являлось определение исторического местоположения деревянного пешеходного моста на Пихтовый остров, сооруженного в первой четверти XIX в. и ныне утраченного. В процессе исследования были обнаружены остатки свай от моста.

Продолжены археологические исследования охранно-спасательного характера и в Ленинградской обл. В Ивангороде Кингисеппского р-на проведены археологические раскопки, связанные с реставрацией Ивангородской крепости.

В Выборге завершен цикл исследований 2004–2012 гг. в средневековой части города. В результате было выявлено и изучено 10 строительных горизонтов. Получена большая коллекция предметов материальной культуры XV–XVIII вв. (Сакса, Смирнов 2013).

Масштабные археологические исследования проводились в Республике Тыва, Красноярском и Краснодарском краях.

Самым значительным проектом 2011–2013 гг., продолжающимся до сих пор, стал проект «Археологические исследования в зоне строительства железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино», целью которого является проведение охранно-спасательных мероприятий в рамках Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия» в зоне строительства железнодорожной линии Элегест–Кызыл–Курагино.

История изучения археологических памятников Тувы и Красноярского края насчитывает более 100 лет. Всю вторую половину минувшего столетия вплоть до настоящего времени археологи ИИМК РАН ведут планомерные исследования различных памятников этих регионов. В результате исследований накоплен бесценный материал по древним культурам от эпохи неолита до раннего средневековья, эти районы получили широкую международную известность в качестве ключевых для понимания характера и динамики развития многих историко-культурных общностей эпохи камня, бронзы, средневековья и нового времени. Материалам, полученным в результате исследований памятников этих регионов силами специалистов Института, посвящен ряд монографий, изданных в России и за рубежом. Культурно-исторические ценности региона составляют золотой фонд культуры РФ и всего мира. Их сохранение, изучение и ознакомление с результатами исследований широкой общественности является одной из первоочередных задач при освоении новых территорий.

В рамках планирующегося строительства железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино сложилась ситуация, при которой, с одной стороны, строительные работы угрожают существованию археологических памятников, а с другой стороны, возникает уникальная

возможность углубленного изучения памятников археологии и, в целом, культурно-исторического наследия регионов.

В 2011 г. Русским географическим обществом был начат крупный многолетний проект «Открой тайну Долины царей», предназначенный для российских и зарубежных студентов и молодежи, желающих принять участие в археологических экспедициях на трассе будущей железной дороги в качестве волонтеров. Специалисты ИИМК РАН в рамках этого проекта разработали программу археологических исследований, проводят раскопки и осуществляют научное руководство волонтерами (рис. 72, 1).

В составе двух экспедиций ИИМК РАН – Саянской (начальник А. В. Поляков) и Тувинской (начальник Вл. А. Семёнов) помимо сотрудников Института (С. А. Александров, С. Н. Астахов, Н. А. Боковенко, С. А. Васильев, Т. А. Ершова, В. А. Завьялов, М. Е. Килуновская, И. П. Лазаретов, Н. А. Лазаревская) работают специалисты из Санкт-Петербурга, Москвы, Кызыла, Минусинска, Абакана, Омска, Кемерово, Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода, Мурманска и других городов России. К участию в проекте приглашены археологические организации – ИА РАН (Москва) и ТИГИ (Кызыл).

Железная дорога Элегест–Кызыл–Курагино пересечет в меридиональном направлении Западный Саянский горный хребет и будет проходить по долинам горных рек Ус, Оя, Уюк и Ээрбек, по которым в древности были проложены кочевые тропы, соединявшие разные регионы Южной Сибири и Центральной Азии. Именно эти территории насыщены археологическими памятниками различных эпох – от каменного века до средневековья. В 2009 и 2010 гг. специалисты Института провели разведку по трассе проектируемой железной дороги. В процессе работ выявлено более 80 археологических объектов, расположенных в различных частях трассы. Поскольку 51 археологический памятник попадает в зону строительства линейной части железной дороги, было принято решение об их полном научном изучении. С 2011 г. по настоящее время на этой трассе проводятся масштабные раскопки археологических памятников различных эпох (рис. 72, 2).

Результаты полевых исследований широко освещаются в СМИ и на каналах телевидения. Сотрудники ИИМК РАН выступили с докладами о предварительных результатах на международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова, прошедшей в ИИМК РАН в октябре 2012 г. Краткая информация об итогах работ опубликована в Санкт-Петербурге в 2012 г. в сборнике «Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями», посвященном этой конференции (Александров и др. 2012).

Итоги охранно-спасательных археологических исследований Института уже традиционно находят отражение в ежегодно выпускаемом Бюллетене ИИМК РАН (охранная археология). Изданы три выпуска, в которых приводится информация обо всех охранно-спасательных работах, проведенных ИИМК РАН по заключенным ООА хозяйственным договорам, и результатах научного изучения коллекций предыдущих лет.

Создание Отдела охранной археологии не отменило всегда существовавшей в ИИМК практики заключения хозяйственных договоров с заказчиками и проведение спасательных археологических исследований сотрудниками любого другого научного подразделения Института (о чем более или менее подробно написано в главах, посвященных этим подразделениям). Тем не менее трехлетний положительный опыт работы Отдела все больше убеждает в правильности его создания: все больше проектов представляют собой некий симбиоз из научных сотрудников разных подразделений, коллектива молодых талантливых менеджеров, бухгалтеров, экономистов-плановиков, специалистов компьютерной обработки, геодезистов, картографов, тахеометристов, реставраторов, фотографов, подготовленных Отделом охранной археологии. В 2013 г. 95 % проектов, выполненных ИИМК РАН по хоздоговорам, были заключены Отделом охранной археологии, а выпол-

нены смешанным коллективом сотрудников Института, и трехлетний успешный опыт доказал правильность такого подхода, особенно при выполнении крупномасштабных долгосрочных проектов.

Наличие Отдела охранных раскопок в ИА РАН, Отдела охранно-спасательной археологии в ИАЭТ СО РАН, Отдела охранной археологии в ИИМК РАН крайне необходимо для выявления и сохранения объектов культурного наследия – памятников археологии и совершенствования методики охранных раскопок, которая более полувека назад была создана известными ныне исследователями этих институтов, трудившимися в те годы в экспедициях, организованных в связи со строительством крупнейших хозяйственных объектов страны. В целом эти работы внесли значительный вклад в отечественную археологическую науку.

- Аветиков и др. 2011 – *Аветиков А. А., Александров С. А., Боковенко Н. А., Ёлишин Д. Д., Кильдюшевский В. И., Стеганцева В. Я.* Археологические исследования на территории Восточного крыла здания Главного Штаба в 2009–2011 гг. // БОА. 2011. Вып. 2. С. 15–34.
- Аветиков, Соловьёв 2011 – *Аветиков А. А., Соловьёв С. Л.* Исследование территории шведского города Ниена // Там же. С. 35–46.
- Александров и др. 2012 – *Александров С. А., Боковенко Н. А., Килуновская М. Е., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Семёнов Вл. А., Соловьёва Н. Ф.* Археологические исследования в зоне строительства железной дороги Кызыл–Курагино // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 2. С. 195–199.
- Археологические памятники России... 2012 – Археологические памятники России: охрана и мониторинг: Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010). СПб., 2012. Предисловие.
- Белова, Пескарёва 1983 – *Белова Н. А., Пескарёва К. М.* Из истории организации археологической службы на новостройках // Древние культуры евразийских степей: По материалам археологических работ на новостройках. Л., 1983. С. 9–12.
- Блохин, Поликарпова 20113 – *Блохин Е. К., Поликарпова А. О.* Предварительное археологическое исследование кладбища при церкви Благовещения на Васильевском острове // БОА. 2013. Вып. 3. С. 13–24.
- Богуславский, Лазарев 2013 – *Богуславский О. И., Лазарев А. А.* Археологические исследования поселения Усть-Ижора // Там же. С. 137–144.
- Городилов, Поликарпова 2011 – *Городилов А. Ю., Поликарпова А. О.* Предварительные результаты археологического исследования участков, расположенных по адресам: СПб., Невский пр., д. 68 и ул. Стремянная, д. 14 // БОА. 2011. Вып. 2. С. 47–62.
- Лапшин и др. 2010 – *Лапшин В. А., Акмен Л. А., Казашев Э. А., Соловьёва Н. Ф.* Архитектурно-археологические исследования на территории дворцово-паркового ансамбля Михайловская дача в г. Петродворец // БОА. 2010. Вып. 1. С. 99–106.
- Лапшин и др. 2011 – *Лапшин В. А., Гарбуз И. А., Соловьёва Н. Ф.* Исследования основания колокольни Смольного монастыря // БОА. 2011. Вып. 2. С. 135–144.
- Лапшин и др. 2013 – *Лапшин В. А., Михайлов К. А., Гарбуз И. А., Новосёлова Н. Ю., Фурасьев А. Г.* Археологические работы в квартале между Тульской улицей и Смольным проспектом // БОА. 2013. Вып. 3. С. 73–94.
- Лапшин, Гарбуз 2011а – *Лапшин В. А., Гарбуз И. А.* Археологические исследования на Аптекарской набережной // БОА. 2011. Вып. 2. С. 73–98.
- Лапшин, Гарбуз 2011б – *Лапшин В. А., Гарбуз И. А.* Археологические исследования территории бывшего Чугунолитейного и механического завода Ф. К. Сан-Галли на Лиговском проспекте // Там же. С. 99–134.
- Лапшин, Глухов 2013 – *Лапшин В. А., Глухов В. О.* Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2012 году // БОА. 2013. Вып. 3. С. 35–40.

- Лапшин, Городилов 2013 – *Лапшин В. А., Городилов А. Ю.* Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2011 году // Там же. С. 25–34.
- Лапшин, Соловьёва 2012 – *Лапшин В. А., Соловьёва Н. Ф.* Археология Петербурга // Археология Москвы – линия жизни. М., 2012. С. 218–222.
- Массон 1983 – *Массон В. М.* Археологические работы на новостройках и изучение древних культур // Древние культуры евразийских степей: По материалам археологических работ на новостройках. Л., 1983. С. 3–9.
- Михайлов и др. 2011 – *Михайлов К. А., Лапшин В. А., Соловьёва Н. Ф.* Археологические работы в квартале между Смольным собором, Тульской и улицей Бонч-Бруевича // БОА. 2011. Вып. 2. С. 145–172.
- Охрана памятников истории и культуры 1973 – Охрана памятников истории и культуры. М., 1973.
- Плоткин 2010 – *Плоткин К. М.* Правовые основы охраны археологического наследия Санкт-Петербурга // БОА. 2010. Вып. 1. С. 11–43.
- Садыков 2011 – *Садыков Т. Р.* Поселенческий комплекс в составе памятника Харбас 1 // БОА. 2011. Вып. 2. С. 331–340.
- Сакса, Смирнов 2013 – *Сакса А. И., Смирнов А. М.* Археологические исследования средневекового Выборга // БОА. 2013. Вып. 3. С. 145–152.
- Семёнов 2013 – *Семёнов С. А.* Археологические исследования территории бывшего «Литовского замка» на набережной р. Мойки в 2012 году // Там же. С. 95–136.
- Смирнов 2004 – *Смирнов А. С.* Сохранение археологического наследия России в современных условиях (по тематике «круглого стола»). URL: http://www.archaeology-russia.org/link/sohr_smirnov.shtml
- Смирнов 2005 – *Смирнов А. С.* Новостройки и археологическая наука // Российская археология. 2005. № 1. С. 176–184.
- Соловьёва 2008 – *Соловьёва Н. Ф.* Екатерининский собор: связь времен (по итогам раскопок Екатерининского собора в г. Пушкин) // Консул. СПб., 2008. № 4. С. 54–57.
- Субботин, Васильев 2006 – *Субботин А. В., Васильев Ст. А.* Группа археологического мониторинга // ЗИИМК. 2006. № 1. С. 161–166.
- НА ИИМК РАН. РА, ф. 1, 1859 г., д. 1; ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 3; оп. 3, 1931 г., д. 5.

Глава 8. ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ И ЕЕ РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ГРУППА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Г. И. Зайцева

Радиоуглеродная группа входит в состав Лаборатории археологической технологии (ЛАТ), которую с полным правом можно назвать лабораторией междисциплинарных исследований. ЛАТ является одним из старейших подразделений ИИМК РАН. Предшественником Лаборатории был созданный в 1919 г. Институт археологической технологии (ИАТ) РАИМК/ГАИМК. В 1931 г. ИАТ получил название Института исторической технологии (ИИТ). В задачу этих институтов входили физико-химические исследования, реставрация и консервация предметов археологии и истории. Работами по анализу стекла и керамики руководил выдающийся ученый М. В. Фармаковский. В 1937 г. ГАИМК вошла в систему АН СССР как Институт истории материальной культуры (ИИМК АН СССР). В Институте был создан Сектор археологической технологии, который просуществовал до 1939 г. В структуре ИИМК и ЛОИИМК с 1939 по 1951 г. Сектор археологической технологии отсутствовал, и его частично заменяла Лаборатория камеральной обработки. В декабре 1951 г. по постановлению Президиума АН СССР Сектор археологической технологии был воссоздан, а первым его заведующим назначен М. П. Грязнов. В 1952 г. Сектор получил статус лаборатории. Основными задачами Сектора, а затем и Лаборатории археологической технологии как структурного подразделения ЛОИИМК АН СССР оставались применение естественно-научных методов исследования при анализе материалов из археологических памятников, реставрация предметов и подготовка к печати трудов сотрудников ЛОИИМК (чертежи, фотографии и др.). В то время работы проводились в двух направлениях: определение функций орудий труда и изучение техники изготовления тканей. Начались также работы по спектральному, петрографическому и дендрохронологическому анализам, но они велись с привлечением специалистов из других институтов АН СССР – Ботанического, Зоологического, Геологического (ВСЕГЕИ) и др. Консервация и реставрация в основном проводились в Государственном Эрмитаже.

В своем нынешнем виде ЛАТ была фактически создана по инициативе президента Академии наук СССР А. Н. Несмеянова (рис. 73, 1). Химик-органик и широко образованный человек, понимавший значение современных технологий для развития отечественной науки, он предвидел возможности получения новых знаний в результате применения естественно-научных методов в гуманитарных исследованиях. А. Н. Несмеянов одним из первых обратил внимание на большие возможности, которые могут быть реализованы на стыке гуманитарных и естественных наук. Многим запомнилось его выступление в феврале 1954 г. на годовом собрании АН СССР: «Может быть, впервые в истории человечества мы присутствуем при стыке гуманитарных наук и естественных наук <...> Обычно мощная помощь одной науке приходит со стороны другой. Вот почему преимущественные точки роста науки находятся часто на стыке наук» (Соловьёв 1999).

Выступление А. Н. Несмеянова явилось знаковым для всей археологической науки. После него руководство ЛОИИМК предложило д-ру техн. наук, выдающемуся археологу и этнографу **Сергею Ивановичу Руденко** (рис. 73, 3), возглавлявшему ЛАТ с 1953 г., реорганизовать (по сути создавая заново) Лабораторию, оснастить ее современным аналитическим оборудованием и включить в штат специалистов естественных наук. В начале 1955 г. А. Н. Несмеянов обсуждал с С. И. Руденко вопрос комплектования лаборатории химиками и специалистами в области спектральной техники. При этом А. Н. Несмеянов предсказал трудности при привлечении в гуманитарный институт специалистов в области технических дисциплин.

Таким образом в современном виде Лаборатория археологической технологии создавалась в 1954–1956 гг. под руководством С. И. Руденко, который возглавлял ЛАТ до 1967 г.

После С. И. Руденко ЛАТ руководили как археологи, так и специалисты в области естественных наук: в 1967–1971 гг. **Яков Абрамович Шер** (рис. 73, 4) – археолог, д-р ист. наук, исследователь Сибири; в 1972–1976 гг. – **Георгий Васильевич Сиповский** (рис. 73, 5) – химик-исследователь, канд. техн. наук, специалист в области неорганической химии, химии торфа и аналитической химии; в 1976–1987 гг. – **Нина Михайловна Ермолова** (рис. 73, 6) – канд. биол. наук, палеонтолог; в 1988–1989 гг. – **Павел Маркович Долуханов** (рис. 73, 7) – д-р геогр. наук, палеогеограф, специалист в области реконструкции палеосреды и ее влияния на экономику древнего населения; в 1989–2000 гг. – **Ганна Ивановна Зайцева** (рис. 73, 8) – канд. хим. наук, химик-органик, специалист в области органического синтеза; с 2001 г. – **Александр Николаевич Егорьков** (рис. 73, 9) – канд. техн. наук, химик.

Первоначально основным исследовательским методом в Лаборатории был спектральный анализ стекла, металлов и сплавов. Этот метод подробно рассмотрен в статье А. Н. Егорькова в настоящем издании.

В состав Лаборатории входила химическая группа, задачей которой был элементный анализ. Этот метод использовался не только для определения химического состава археологических находок, но и для реконструкция древней строительной техники. В настоящее время в коллекции Института имеется огромное количество образцов растворов и штукатурок из различных древнерусских храмов, исследование которых с 1977 г. проводила канд. хим. наук Е. Ю. Медникова (рис. 74, 1). В этих работах участвовали также в 1980–1982 гг. Е. Ю. Просвирина (рис. 74, 2), а в 1983–1998 гг. М. Ф. Загрянская (рис. 74, 3).

Аналитический метод использовался М. Ф. Загрянской и для изучения ископаемых почв. Была проведена большая работа по определению состава почв Костёнковско-Борщёвского р-на. Однако трудности интерпретации данных не позволили развивать этот метод дальше.

В состав Лаборатории входили специалисты по палеозоологии. Среди них особое место занимает Н. М. Ермолова (1925–1987) (рис. 73, 6), с 1962 г. изучавшая фауну археологических памятников Сибири, Средней Азии и Кольского п-ова, вопросы начала доместики животных в Забайкалье и Хакасии. А. В. Громов (рис. 74, 4) с 1982 по 1990 г. работал вместе с Н. М. Ермоловой, определял фаунистические остатки памятников эпохи палеолита–энеолита. После кончины Н. М. Ермоловой в 1987 г. он перешел в МАЭ РАН (Кунсткамера). В 1988 г. в ЛОИА/ИИМК в качестве специалиста по палеофауне пришел работать А. К. Каспаров (рис. 74, 5), ранее работавший в ЗИН РАН. В 2001 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Скотоводство и охота в эпоху неолита и палеометалла в Южной Туркмении (систематизация материалов и вопросы интерпретации)». В настоящее время главная тема работы А. К. Каспарова – видовое разнообразие фауны домашних животных как показатель уровня развития хозяйственных связей в доклассовых и раннеклассовых обществах.

Почти с самого начала работы Лаборатории в ее составе была группа палеогеографии и геохронологии, лидером которой являлся П. М. Долуханов (1937–2009; рис. 73, 7). Для реконструкции палеоклимата он исследовал озерно-болотные отложения Северо-Запада европейской части России, ежегодно участвовал в археологических экспедициях на территории всего бывшего СССР, включая Сибирь и Среднюю Азию. Эмигрировав в 1989 г. в Англию и став профессором кафедры археологии Университета в г. Ньюкасле, он не прерывал связь с Институтом, готовил совместные международные проекты, что помогло в трудные времена сотрудникам Института.

С 1968 по 2007 г. в Лаборатории работала палинолог, канд. геогр. наук Г. М. Левковская (рис. 74, б). Она исследовала отложения в Прибалтийском регионе и опубликовала монографию «Природа и человек в среднем голоцене Лубанской низины» (Рига, 1987). Темой ее работ была также палинологическая характеристика памятников разных эпох на Северном Кавказе, Северо-Западе России, в Костёнках. В Лаборатории имеется коллекция материалов из различных регионов для продолжения палеоклиматических реконструкций.

Петрографическим анализом занималась Н. Б. Селиванова (рис. 74, 7), работавшая в Лаборатории с 1977 по 1988 г.; она определяла источники кремня и анализировала состав керамики. Сейчас она живет и работает в США.

С 1962 по 1992 г. в Лаборатории работал инженер-геофизик, канд. геогр. наук К. К. Шилик (рис. 74, 8). Первоначально он занимался геофизическими исследованиями, затем, увлекшись подводной археологией, изучал древнюю береговую линию Крымского п-ова и историческую географию Северного Причерноморья. Ныне он проживает в Германии.

Самым крупным подразделением Лаборатории является радиоуглеродная группа. Когда в 1954 г. А. Н. Несмеянов поднял вопрос об организации радиоуглеродной лаборатории в системе Академии наук СССР, директор ИИМК АН СССР А. Д. Удальцов предложил создать такую лабораторию в Москве, на что А. Н. Несмеянов заметил, что в головном отделении Института нет помещений, а поскольку оба отделения Института принадлежат АН СССР, то особых трудностей при использовании и применении данных этого метода его различными подразделениями возникнуть не может. Кроме того, в Ленинграде есть Радиевый институт (РИАН) со специалистами в области радиохимии. Можно сказать, что создание радиоуглеродной лаборатории было одним из первых опытов по организации научных «центров» совместного пользования. Осуществлять научное руководство радиоуглеродной лабораторией было предложено крупнейшему специалисту в области радиохимии, чл.-корр. АН СССР И. Е. Стáрику (рис. 73, 2), и он возглавлял лабораторию до самой смерти в 1964 г.

Надо сказать, что еще с конца 1950-х гг. термин «радиоуглеродная лаборатория» прочно вошел в обиход всех сотрудников ИИМК (ИА) АН СССР, хотя организационно это всегда была группа в составе ЛАТ. В Группу входили химики, физики, механики, и в процентном соотношении она составляла половину, или даже более, штата всей лаборатории. Радиоуглеродная группа (лаборатория) всегда состояла из химической и физической частей, что сохраняется и по сей день.

И. Е. Стáрик предложил администрации ЛОИИМК утвердить структуру, штаты и смету радиоуглеродной лаборатории. В 1956 г. смета составляла около полумиллиона рублей. Для того времени это была очень большая сумма, причем она была выделена РИАН, так как институт этого профиля имел возможности заказа и закупки специальных приборов и оборудования. И. Е. Стáрик позаботился и о привлечении к работе в радиоуглеродной лаборатории необходимых сотрудников. В 1950-е гг. выпуск специалистов в области радиохимии в университетах Москвы, Ленинграда и других крупных городов еще только начинался, и в СССР их было немного. Уже в конце 1955 г. в ЛОИИМК АН

СССР были зачислены физики С. В. Бутомо (рис. 75, 2), В. М. Дрожжин и Х. В. Протопопов (рис. 75, 5 и 6), химик Е. Н. Романова (Чайхорская) (рис. 75, 3), механик-конструктор Д. Г. Флейшман (рис. 75, 4), а в следующем году – физик В. В. Артёмьев (рис. 75, 1). При этом С. В. Бутомо и В. М. Дрожжин получили распределение в ЛОИИМК после окончания ЛГУ. Часть специалистов числилась как за ЛОИИМК (ЛОИА), так и за РИАН: чл.-корр. АН СССР И. Е. Стáрик (зам. директора РИАН), Х. В. Протопопов (научный сотрудник РИАН), Х. А. Арсланов (аспирант РИАН) (рис. 76, 1). В конце 1960–начале 1961 г. в штат лаборатории были зачислены выпускник Северо-Западного политехнического института (СЗПИ) химик В. П. Ульянов (рис. 75, 8) и выпускник Ленинградского электротехнического института (ЛЭТИ) физик А. А. Семенов (рис. 75, 7). В апреле 1958 г. в лаборатории начал работать В. М. Молебников (рис. 75, 9), окончивший техническое училище. После прохождения службы в рядах Советской Армии в 1961 г. он вернулся в лабораторию в качестве научно-технического сотрудника – обслуживал измерительную аппаратуру. Все они были первопроходцами по внедрению радиоуглеродного метода с использованием жидкостно-сцинтилляционной техники.

Создание радиоуглеродной лаборатории было делом нелегким и требовало нетрадиционных для своего времени подходов (Стáрик 1963; Руденко 1963). Радиоуглеродная лаборатория ЛОИИМК являлась первой в СССР, которая выбрала для работы жидкостно-сцинтилляционную технику при определении концентрации радиоуглерода. Необходимо было разрабатывать как химические основы получения счетной формы, так и физические установки для измерения низкой активности радиоуглерода.

Радиоактивный изотоп ^{14}C был получен в 1940 г. искусственным путем – взаимодействием медленных нейтронов с атомами азота (Korff 1940). Тогда же были обнаружены свободные нейтроны в космическом излучении и сделано предположение о возможности образования радиоуглерода путем взаимодействия нейтронов космических лучей с атомами азота в верхних слоях атмосферы. В 1946–1947 гг. американский ученый В. Либби предложил использовать радиоуглерод как индикатор при датировании событий прошлого (Libby 1946; Libby et al. 1949). Практически сразу в мире стали возникать радиоуглеродные лаборатории для целей датирования.

Радиоуглеродная лаборатория ИИМК создавалась в период, когда с момента открытия радиоуглеродного метода датирования прошло менее 10 лет, и она входит в число первых радиоуглеродных лабораторий мира, которых ныне насчитывается более 300. К началу же 1960-х гг. в СССР действовали уже 4 радиоуглеродные лаборатории. В Институте геохимии им. В. И. Вернадского (ГЕОХИ) лаборатория была образована практически одновременно с лабораторией ЛОИИМК, но работала по газовому (пропорциональному) методу, при котором счетной формой является газы CO_2 , CH_4 , C_2H_2 , C_2H_6 (Виноградов и др. 1963). В 1957 г. была создана радиоуглеродная лаборатория в Институте зоологии и ботаники АН Эстонской ССР (Лийва, Ильвес 1963), а в 1961 г. – в Геологическом институте (ГИН) АН СССР (Алексеев и др. 1963). Однако следует отметить, что 40 % всех датировок в то время выполнялось в лаборатории ЛОИА (ф. 312, оп. 1, д. 930).

Интерес к радиоуглеродному датированию со стороны АН СССР в 1960-х гг. был большой. В феврале 1961 г. в Москве было организовано специальное совещание, посвященное радиоуглеродным методам датирования, на котором с докладом выступил сотрудник РИАН и ЛОИА В. В. Артёмьев.

Все сотрудники, разрабатывавшие радиоуглеродный метод, были молоды – 25–32 лет, инициативны, заинтересованы в работе, которая находилась на стыке гуманитарии и физики, что было необычно и захватывающе. Возраст сотрудников во многом обеспечил и успех, поскольку молодым не свойствен консерватизм, а работать приходилось в совершенно новой области. Участие в археологических экспедициях, знакомство с проблемами

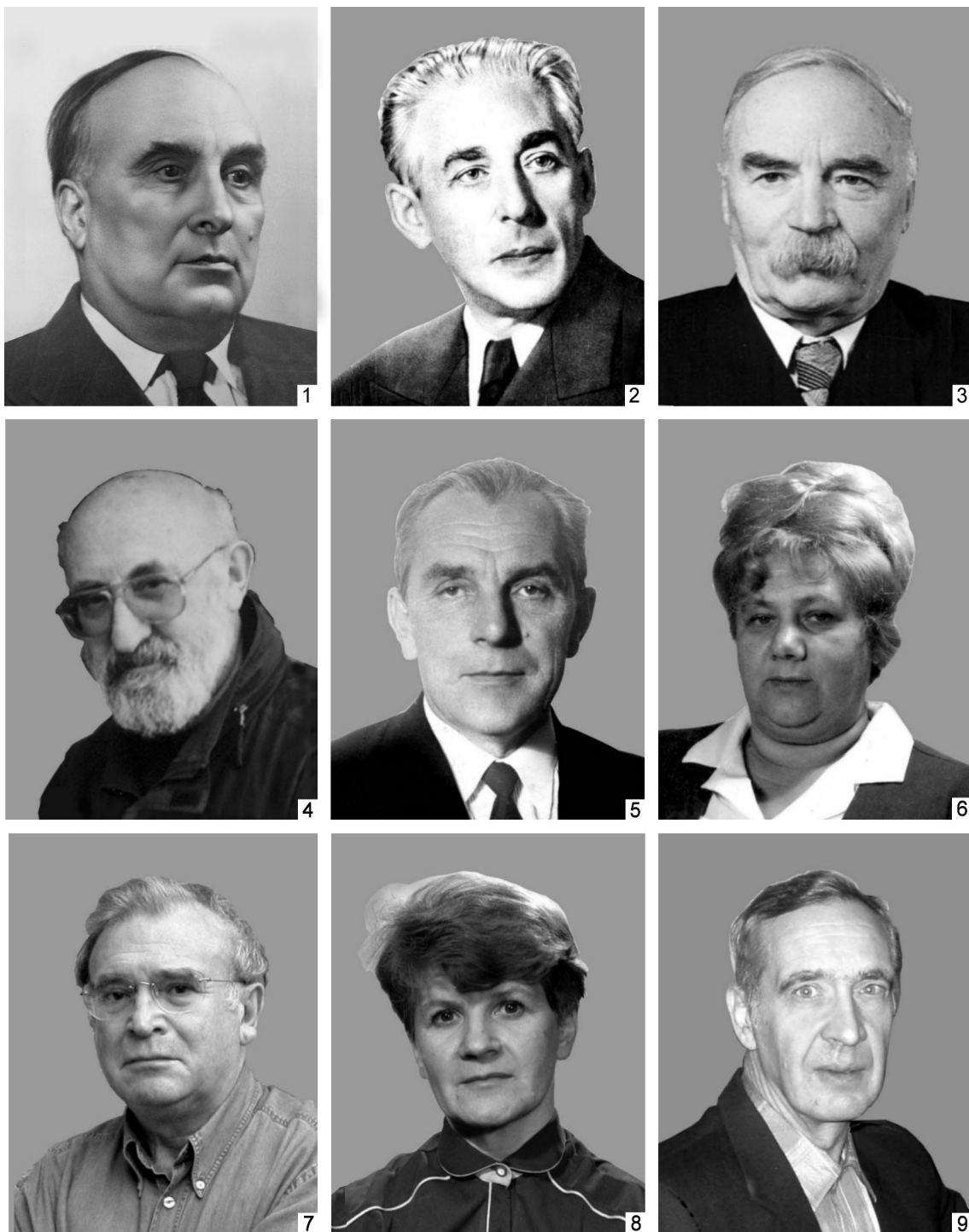

Рис. 73. 1 – президент АН СССР, академик А. Н. Несмеянов, 1950-е гг.; 2 – научный консультант радиоуглеродной группы чл.-корр. АН СССР И. Е. Стáрик; 3–9 – заведующие ЛАТ: 3 – проф. С. И. Руденко, 1960-е гг.; 4 – Я. А. Шер, 1990-е гг.; 5 – Г. В. Сиповский; 6 – Н. М. Ермолова, 1975 г.; 7 – П. М. Долуханов, 2001 г.; 8 – Г. И. Зайцева, 1998 г.; 9 – А. Н. Егорьков, 2012 г.

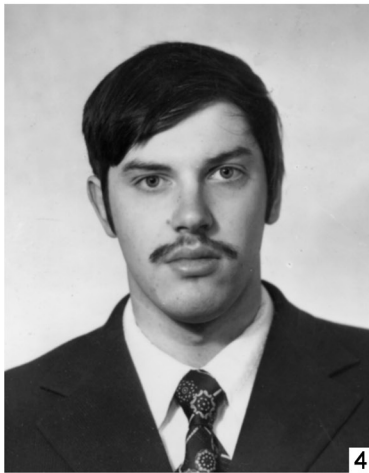

Рис. 74. Научные сотрудники ЛАТ: 1 – Е. Ю. Медникова, 2012 г.; 2 – Е. Ю. Просвирина, 2011 г.; 3 – М. Ф. Загрянская, 1983 г.; 4 – А. В. Громов, 1982 г.; 5 – А. К. Каспаров, 2011 г.; 6 – Г. М. Левковская, 1960-е гг.; 7 – Н. Б. Селиванова, 1974 г.; 8 – К. К. Шилик, 1962 г.; 9 – М. А. Кулькова, конец 1990-х гг.

Рис. 75. Научные сотрудники радиоуглеродной группы 1950-х–начала 1960-х гг.:
1 – В. В. Артёмьев; 2 – С. В. Бутомо; 3 – Е. Н. Чайхорская; 4 – Д. Г. Флейшман; 5 – В. М. Дрожжин;
6 – Х. В. Прогопов; 7 – А. А. Семенцов; 8 – В. П. Ульянов; 9 – В. М. Молебников

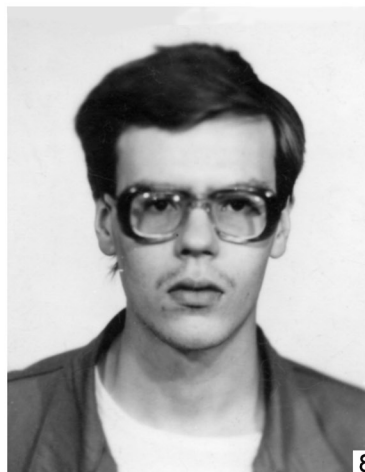
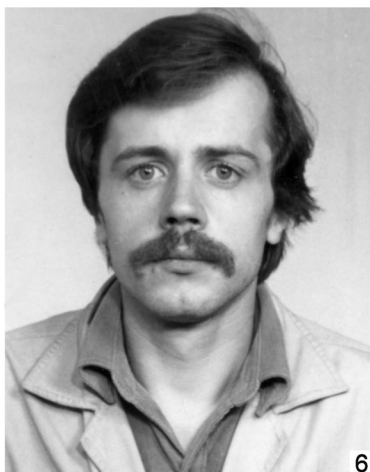

Рис. 76. 1 – X. А. Арсланов у физической установки; 2 – масс-спектрометр DELTA-V; сотрудники радиоуглеродной группы: 3 – Ю. Н. Марков, 1985 г.; 4 – С. Г. Попов; 5 – Ю. С. Свеженцев, 1985 г.; 6 – И. И. Игнагушко, 1987 г.; 7 – А. П. Крылов, 1987 г.; 8 – О. М. Македон, 1990 г.

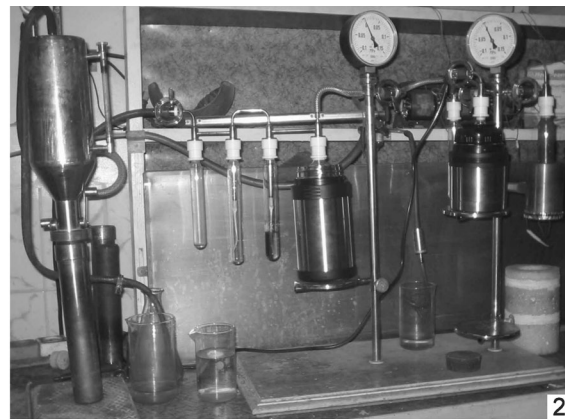

Рис. 77. 1, 2 – химические установки: 1 – установка конструкции 1970-х гг. (количество образца, из которого возможно получить бензол, – 5–7 г); 2 – установка конструкции радиоуглеродной лаборатории ИГОС, где возможно получать бензол из 0,7–1,0 г угля, 2006 г.; 3 – сотрудники радиоуглеродной группы, слева направо: Г. И. Зайцева, С. А. Ришко, Н. Д. Бурова, А. А. Семенцов, Л. М. Лебедева, О. В. Лохова, 2013 г.

Рис. 78. Группы исследователей, отбирающих образцы озерных отложений: 1 – в районе г. Выборга, слева направо – М. Лавенто, А. Шукуров, проф. П. М. Долуханов и М. Тайманова, Х. А. Арсланов, сидят и стоят – студенты СПбГУ и Университета г. Хельсинки, 2004 г.; 2 – в районе г. Приозерска, слева направо – М. Саарнитсе, Д. А. Субетто, проф. П. М. Долуханов, Т. В. Сапелко и ассистенты из России и Финляндии, справа – С. Н. Лисицын и М. Лавенто, 2005 г.

1

2

Рис. 79. Отбор образцов отложений в Туве: 1 – из Тодженской котловины, июнь 2005 г., стоят – Н. А. Боковенко, Х. Юнгер, проф. В. А. Дергачёв, П. Уйно, К. Карпелан, сидят – местный художник, В. Г. Дирксен, К. В. Чугунов и водитель; 2 – из Белого озера близ кургана Аржан-2, 2002 г.: С. В. Дергачёв, проф. Г. Хоогхеймстер, проф. В. А. Дергачёв, В. Г. Дирксен и М. А. Кулькова

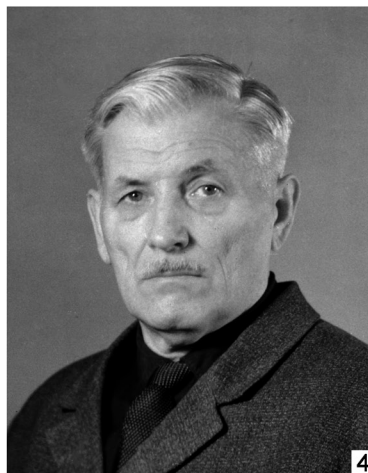

Рис. 80. 1 – спектрограф ИСП-22; 2 – А. Н. Егорьков у микрофотометра МФ-2, 1990-е гг.; 3 – Д. В. Наумов, 1960 г.; 4 – В. Н. Сидоров, 1970-е гг.; 5 – А. М. Клер, 1975 г.; 6 – И. В. Богданова-Березовская, 1950-е гг.; 7 – В. А. Галибин, 1985 г.

археологии было интересным и необычным для них, что стимулировало научные исследования. Надо сказать, что работа в области химических синтезов как счетной формы, так и различных сцинтилляторов была довольно опасной, поскольку применяли взрыво- и пожароопасные реагенты, например алюмоорганические соединения, которые могли воспламеняться на воздухе и самопроизвольно загораться.

Необходимо было иметь комплекс физических устройств для измерительной аппаратуры, а это было бы сложно организовать институту гуманитарного профиля. Здесь сказывалось очевидное преимущество того, что лаборатория принадлежала как РИАН, так и ЛОИИМК, и заказ физического оборудования осуществлялся через Радиевый институт.

Первоначально в качестве счетной формы предполагали использовать метанол, толуол, этилбензол и другие соединения. После ряда экспериментов начали использовать этилбензол, синтез которого осуществлялся гидроалкилированием «мертвого» бензола ацетиленом на алюмоорганическом катализаторе К. Циглера (Артёмьев и др. 1961). Радиоуглерод содержался только в этильной группе этилбензола – $C_6H_5^{14}C_2H_5$, потому его содержание в процентном соотношении было невысоко (22,6 %). Синтез ацетилена осуществлялся через карбид кальция. Этилбензол применяли в течение 5 лет начиная с 1959 г. Процент углерода в молекуле метанола составляет 37,5 %, а учитывая, что для синтеза этилбензола использовали бензол, полученный из нефти, т. е. не содержащий радиоуглерода (так называемый мертвый бензол), процентное содержание радиоуглерода в синтезированной молекуле этилбензола было еще ниже, чем в метаноле. Только с 1964 г. в качестве счетной формы стали использовать бензол, который получали прямой тримеризацией ацетилена на катализаторе. В бензоле содержание радиоуглерода составляет 92,3 %, что намного выше, чем в метаноле и этилбензоле.

Первоначально тримеризация происходила на металлоорганическом катализаторе (бистрифенилфосфиндикарбонил никеля), который также был синтезирован в лаборатории. Ацетилен в свою очередь получали из карбида кальция путем сплавления угля с металлическим кальцием при температуре порядка 1000° в течение часа. В этих условиях выход карбида составлял 85 % от теоретического. Последняя схема получения ацетилена применялась в течение нескольких лет, пока кальций не был заменен литием, при котором температура получения карбида снизилась до 700° . Карбид лития до сих пор используется во всех лабораториях, работающих по жидкостно-сцинтилляционному принципу.

После того как Х. А. Арсланов с сотрудниками (Арсланов 1987) разработал катализатор для тримеризации ацетилена, используя соли ванадия и хрома на селикагеле, синтез бензола превратился в довольно простую и рутинную операцию, при этом выход бензола составляет почти 100 % от теоретически возможного. Общая схема получения бензола, которая применяется и сейчас: образец (уголь, дерево, кость, почва и др.) $\rightarrow$ уголь $\rightarrow Li_2C_2$ (карбид лития) $\rightarrow C_2H_2$ (ацетилен) $\rightarrow C_6H_6$ (бензол).

Особое внимание было уделено подбору сцинтилляторов, которые обладали бы высокой эффективностью. После продолжительных экспериментов было предложено применять РОРОР (1,4-ди-[2-(5-фенилоксазолил)]-,бензол) и РРО (2,5-дифенилоксазол), которые показали высокую сцинтилляционную активность (Протопопов, Бутомо 1959). Такие сцинтилляторы используются во многих лабораториях мира, в том числе и в ИИМК РАН.

Огромную роль при радиоуглеродном датировании имеет измерительная аппаратура, ее точность, эффективность и надежность (Артёмьев 1963). Отечественная промышленность не производила и до сих пор не производит установок для измерения низких активностей радионуклидов в жидкой фазе. Поэтому в лаборатории приходилось разрабатывать, конструировать и изготавливать установки для счета β -лучей, испускаемых радиоуглеродом. Содержание радиоуглерода в образце ничтожно мало и составляет 10^{-12} г на 1 г углерода, а в 100 мл бензола, синтезированного из современного образца, происходит

1100 распадов ^{14}C в минуту (Протопопов, Бутомо 1959). Такое малое количество радиоуглерода вынуждает вести измерение непрерывно в течение длительного периода (иногда более суток). Схема установки для регистрации распадов радиоуглерода включает фотоэлектронные умножители (ФЭУ), усилители, анализаторы и регистраторы. Поскольку количество распадов очень мало, то играет большую роль и естественный фон, влияние которого необходимо уменьшить. Для этого используется защита, которая состоит из стальных листов и свинцовых «кирпичей».

Образец бензола, направленный сцинтиллятором, помещается в кювету, где и измеряется активность бензола. В 1960-х гг. были разработаны кюветы из тефлона и кварцевого стекла.

В 1961 г., с приходом в лабораторию А. А. Семенцова, была проведена работа по стабилизации и регистрации импульсов, а в дальнейшем создана установка на полупроводниках, которая была сконструирована Л. Д. Сулержицким в лаборатории ГИН. Этот принцип используется и в современных установках. Установки имеют три детектора β -распада радиоуглерода с кварцевыми кюветами объемами 8 мл. Детекторы собраны по схеме совпадений на двух ФЭУ и имеют устройства стабилизации положения энергетического окна в спектре радиоуглерода по световому импульсу. Сейчас в лаборатории создано 8 таких установок, сконструированных уже на современном уровне, с использованием микросхем и «чипов». Эффективность регистрации β -распада радиоуглерода составляет 50–55 %. При длительности измерения 48 часов предельный измеряемый возраст составляет 44 тыс. лет, 48 тыс. лет и 53 тыс. лет для кювет соответственно 3, 4, и 10 мл.

В 1960-е гг. разработаны и основные принципы и химические методы очистки образцов от посторонних углеродсодержащих примесей, основанные на кислотнo-щелочной обработке, а также даны рекомендации по отбору образцов (Арсланов 1963; Арсланов и др. 1963; Бутомо 1963а; Кинд, Алексеев 1963). Эти приемы и рекомендации актуальны и сегодня.

С 1961 г. радиоуглеродная лаборатория целиком перешла в ведение ЛОИА АН СССР. Инвентарь и оборудование, которые числились за РИАН, в ноябре 1963 г. были туда возвращены, за исключением стационарной защиты установок, состоящей из свинца и стали общим весом 11 тонн. Все оставшееся оборудование было по описи передано А. А. Семенцову.

А. А. Семенцов (рис. 75, 7), обладая великолепными знаниями в области электронной техники, эрудицией и навыками экспериментальной работы, много сделал для усовершенствования измерительной аппаратуры. Как было уже сказано, отечественная промышленность не выпускает аппаратуру для измерения низких активностей, в том числе и активности радиоуглерода. Всю аппаратуру приходилось и приходится конструировать и создавать своими руками. Первоначально даже регистрация измерений проводилась вручную. Для этого сотрудники работали круглосуточно, записывая показания приборов каждые 5 минут. Был установлен график дежурства сотрудников в вечерние и ночные часы (по 8 часов). Затем А. А. Семенцов разработал автоматический регистратор частиц. Позднее была установлена специальная фотокамера, фиксирующая сцинтилляции, и необходимость ночных дежурств отпала. В дальнейшем А. А. Семенцов усовершенствовал и саму измерительную установку, применив для этих целей полупроводники (вначале были электронные лампы).

В 1960–1980-е гг. в рамках Комиссии по изучению четвертичного периода регулярно проводились Всесоюзные совещания по проблемам абсолютного датирования. В 1965 г. Б. П. Константинов и Г. Е. Кочаров сформулировали комплексную программу «Астрофизические явления и радиоуглерод», основанную на высокоточном измерении содержания радиоуглерода в годичных кольцах деревьев (Константинов, Кочаров 1965). Работы

по программе велись около 30 лет, в ней участвовали радиоуглеродные и дендрохронологические лаборатории России, Литвы, Украины, Грузии, в том числе и лаборатория ЛОИА/ИИМК.

Здесь следует сказать, что измерение активности бензола играет определяющую роль в радиоуглеродном датировании. Как бы ни была хорошо выполнена химическая подготовка образца и синтез бензола, если физическая аппаратура не точна, то возраст образца будет определен неточно. Поэтому физик – это главное звено лаборатории. Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе (ФТИ) – основной теоретический центр радиоуглеродного метода, поскольку радиоуглерод – производное космических лучей, и его концентрация зависит как от космической, так и от солнечной активности. ФТИ АН СССР был головным учреждением в программе «Астрофизические явления и радиоуглерод», руководимой Г. Е. Кочаровым, в рамках которой и были предприняты действия по созданию высокоточной аппаратуры для радиоуглеродного метода. С этой целью в 1973 г. А. А. Семенов был приглашен на работу в ФТИ, а Ю. Н. Марков (рис. 76, 3) из ФТИ был переведен в ЛОИА на должность физика и проработал здесь более 10 лет. Ю. Н. Марков окончил Уральский политехнический институт в 1967 г., получив специальность инженера-физика в области автоматики и электроники. Он создал две установки для измерения активности бензола на уровне, который был доступен в то время. В конце 1980-х гг. Ю. Н. Марков защитил в Ленинградском Политехническом институте (ЛПИ) кандидатскую диссертацию по проблемам радиоуглерода в астрофизических исследованиях. В январе 1978 г. из ФТИ (где он работал стажером-исследователем) пришел в лабораторию В. А. Образцов – выпускник ЛПИ 1976 г. по специальности биофизика. Была предпринята попытка создания пропорциональной установки, где счетной формой являлся газ, в частности двуокись углерода, но отсутствие технической базы не позволило осуществить эту идею на практике. В 1981 г. в лабораторию поступил С. Г. Попов (рис. 76, 4), который окончил Ленинградский Электротехнический институт, получив специальность радиоинженера. До середины 1980-х гг. он занимался созданием аппаратуры для магниторазведки, затем включился в работу по конструированию измерительных установок для радиоуглеродного анализа. Позднее его основные научные интересы сосредоточились в области практической археологии, и ныне он работает в Отделе охранной археологии.

Далее в радиоуглеродную лабораторию приходили физики, которые конструировали и улучшали свойства измерительных установок, но задерживались в лаборатории ненадолго. Среди них А. П. Крылов (рис. 76, 7), И. И. Игнатушко (рис. 76, 6), О. М. Македон (рис. 76, 8). Все они были хорошими специалистами, закончившими ЛЭТИ им. Ульянова-Ленина или физический факультет ЛГУ. Однако жизнь сильно менялась, и они нашли другие места работы.

В химической части лаборатории штат сотрудников менялся гораздо реже, чем в физической. Так, Е. Н. Чайхорская (рис. 75, 3) работала химиком с момента основания лаборатории и до выхода на пенсию в 1984 г. В 1969 г. в химическую часть лаборатории поступил на работу Ю. С. Свеженцев (рис. 76, 5), окончивший Ленинградский Химико-технологический институт (ЛХТИ), который также проработал здесь до выхода на пенсию в 2000 г. Главной темой его исследований была обработка костного материала для датирования. Кость является основным материалом при датировании памятников палеолита. Ю. С. Свеженцев разрабатывал и сравнивал различные методы выделения коллагена. Он был одним из авторов коллективной монографии «Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии» (СПб., 1997), где собрано большое количество дат по палеолиту как выполненных в лаборатории ЛОИА АН СССР, так и опубликованных данных других лабораторий. Роль и вклад Е. Н. Чайхорской и Ю. С. Свеженцева

в разработку и освоение методик химической очистки органических материалов и синтеза бензола для датирования трудно переоценить.

В 1979 г. в качестве химика в лаборатории начала работу Г. И. Зайцева (рис. 73, 8), окончившая очную аспирантуру в ЛХТИ (ныне СПбХТУ). К этому времени работа по синтезу бензола превратилась практически в рутинную: основные процессы были отработаны. Будучи по специальности химиком-органиком, Г. И. Зайцева исследовала изменение химического состава погребенной древесины в зависимости от продолжительности и условий залегания. Эти работы были важны для усовершенствования методик химической подготовки древесины к датированию (Zaitseva 1995). Так как в химической группе работали три химика – Е. Н. Чайхорская, Ю. С. Свеженцев и Г. И. Зайцева, производительность лаборатории увеличилась до 100 определений в год. Нарастание интенсивности работы сдерживалось количеством измерительных установок, которых к тому времени было всего две, причем одна из них работала нестабильно. В лучшую сторону ситуация в лаборатории изменилась с возвращением А. А. Семенцова в ИИМК РАН в 1995 г. А. А. Семенцов вернулся с большим экспериментальным «багажом», который он получил, работая по созданию установок для геологоразведки. Прекрасный экспериментатор и электронщик, он сразу же стал конструировать установки на современных принципах. Им разработана радиоуглеродная установка на двух фотоумножителях, работавших по схеме совпадений, при этом вся анализирующая часть была помещена в корпус детектора. Это позволило существенно повысить помехоустойчивость установки.

Регистрация поступающих от детекторов импульсов осуществляется в электронной памяти пачками со временем экспозиции по 34 минуты. Продолжительность измерения активности каждого образца составляет обычно 45 часов и в конце информация переписывается в память компьютера, где и производится вычисление радиоуглеродного возраста. Эффективность регистрации β -частиц при распаде атомов радиоуглерода для установок лежит в пределах от 55 до 60 %. Предельный возраст, который может быть измерен на созданных установках, составляет 53 тысячи лет.

В 1990-х гг. возраст основных сотрудников приближался к пенсионному, и необходимо было думать о молодой смене. В 1994 г. в лабораторию пришла Л. М. Лебедева, уже имеющая большой опыт работы в химической подготовке образцов, проработав более 10 лет в геохронологической лаборатории, руководимой Х. А. Арслановым в СПбГУ. Удалось привлечь в лабораторию в качестве химиков и молодых специалистов: в 1999 г. – Н. Д. Бурову (рис. 77, 3: *в центре*), а в 2000 г. – М. А. Кулькову (рис. 74, 9). Хотя они и не являются химиками по специальности (Н. Д. Бурова – палеонтолог, а М. А. Кулькова – геохимик), но обе быстро освоили все этапы подготовки образца к датированию и синтез бензола и могли работать уже самостоятельно. Кроме того, они используют в исследованиях и свои профессиональные навыки. М. А. Кулькова изучает палеоклимат по данным геохимического анализа. В 2005 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Геохимическая индикация ландшафтно-палеоклиматических условий в голоцене регионов Двинско-Ловатского междуречья и Южной Сибири», став кандидатом геолого-минералогических наук, и перешла на работу в Педагогический университет им. Герцена. Там она создала радиоуглеродную группу, используя опыт работы в лаборатории ИИМК РАН. Сейчас эта группа также проводит датирование образцов (лабораторный индекс – Spb).

Н. Д. Бурова занимается методиками обработки костного материала для датирования и остеологическими определениями. Она является аспирантом ЗИН РАН и готовит кандидатскую диссертацию.

Уникальность радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН заключается в том, что она принадлежит гуманитарному институту. Обычно радиоуглеродные лаборатории входят в состав технических институтов или департаментов. Исключение составляют лаборатории

ИИМК РАН, Германского Археологического института и Университета Оксфорда. Принадлежность к гуманитарному институту позволяет вести очень интересные исследования на стыке наук, но и обуславливает трудности при ремонте и реконструкции аппаратуры из стекла и стали, поскольку отсутствует собственная производственная база. В связи с этим приходится обращаться за помощью к другим институтам, в частности в ФТИ РАН и в СПбХТУ, где есть возможность производить сварку стальных элементов конструкций и различные стеклодувные работы. Естественно, когда лаборатория принадлежала и РИАН, таких трудностей было гораздо меньше.

По прошествии 50 лет многое изменилось, особенно в аппаратурном оформлении процесса. Значительно уменьшилось требуемое количество углеродсодержащего образца, пригодного для датирования сцинтилляционным методом. Если раньше необходимо было иметь как минимум 300 г угля и около 1 кг древесины (Арсланов 1963), то сейчас дату можно получить из 0,5–1 г угля. Количество образца массой до нескольких миллиграммов пригодно для датирования методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS), который появился в 1980-х гг. за рубежом. Сейчас уже имеется около сотни установок в мире, работающих по этому принципу, однако в России и странах бывшего СССР таких установок пока еще нет.

Принципы химической подготовки образцов остались прежними – обработка растворами кислот и щелочей. В последнее время для обработки костного материала применяется принцип пиролиза. Он предложен коллегами из лаборатории Института экологических проблем НАН Украины, г. Киев (Skripkin, Kovalyukh 1998).

С момента основания лаборатория располагается в подвальных помещениях. Это имеет свои плюсы и минусы. К первым относится возможность уменьшения влияния фона за счет естественной защиты – толщины стен и условий подвала. Минусы же очевидны, так как работать приходится все время при искусственном освещении. Долгое время в лаборатории не было ремонта. Только в 2003 г. был сделан ремонт в химической части лаборатории, а в 2005 г. – в физической (Зайцева 2007: рис. 8–9).

Первые радиоуглеродные даты в лаборатории ИИМК РАН были получены в 1959 г. Были датированы образцы угля из четвертого культурного слоя пещеры Джебел и из поселения Кара-депе (Туркмения): 6030 ± 240 ВР (РУЛ-1) и 4700 ± 220 ВР (РУЛ-2) соответственно (Протопопов, Бутомо 1959). Первоначально индекс радиоуглеродной лаборатории был РУЛ-, но в дальнейшем, когда стали публиковаться списки дат, полученные разными лабораториями за определенный период, и когда наша лаборатория стала числиться только за ЛОИА, индекс стал Ле-, с которым радиоуглеродные даты выпускаются и поныне. Первый список из 37 дат, полученных для археологических образцов, опубликован в 1963 г. (Бутомо 1963б). Тогда же появился и список радиоуглеродных дат, выполненных различными лабораториями СССР (Список радиоуглеродных датировок... 1963). Он включал 65 дат, выполненных лабораторией ГЕОХИ АН СССР (индекс Мо-), 17 дат лаборатории Института зоологии и ботаники АН ЭССР (индекс ТА-) и 121 дату лаборатории ЛОИА и РИАН АН СССР (здесь уже индекс Ле-). С 1970-х гг. списки дат, выполненных лабораторией ЛОИА АН СССР, стали публиковаться в журнале «Radiocarbon», который издается в США и является главным изданием, освещающим различные аспекты радиоуглеродного датирования (Butomo 1965; Dolukhanov et al. 1970; 1976: Sementsov et al. 1972). К 1964 г. лабораторией было получено 185 дат.

За 50 лет аппаратурное оформление как физической, так и химической частей лаборатории сильно изменилось (рис. 77, 1, 2). В 2005 г. благодаря поддержке Президиума РАН в лаборатории появился прибор Qunntulus, производимый в г. Турку, Финляндия. Благодаря «активной» защите, фон на этом приборе гораздо ниже, чем ранее, что позволяет измерять древние образцы с меньшей статистической погрешностью.

Начиная с 1985 г. радиоуглеродная лаборатория ЛОИА АН СССР регулярно участвует в международном контроле радиоуглеродных лабораторий мира, который проводится департаментом статистики Университета г. Глазго (Шотландия). Результаты работы лаборатории ЛОИА/ИИМК вполне удовлетворительные, на уровне многих зарубежных лабораторий. Отчеты о результатах контроля публикуются в журнале «Radiocarbon» (Rozanski et al. 1992; Guliksen, Scott 1995). Следующий этап контроля будет с августа 2013 г., и, естественно, в нем будет участвовать и лаборатория ИИМК РАН.

С самого начала и до сегодняшнего дня главным направлением исследований радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН являются материалы археологических памятников, хотя большое внимание уделяется и образцам, важным для реконструкции палеосреды. Можно сказать, что лаборатория ИИМК РАН является единственной отечественной лабораторией, целиком ориентированной на решение археологических проблем. В лаборатории датируются образцы из археологических памятников, расположенных практически на всей территории России. Следует отметить, что в датировании археологических образцов принимают активное участие и лаборатории ГИН РАН и СО РАН, последняя в основном ориентирована на датирование образцов из памятников Сибири и Дальнего Востока. На данный момент в России имеется шесть активно работающих радиоуглеродных лабораторий: в ИИМК РАН, в СПбГУ и в Педагогическом университете (Санкт-Петербург), в ГИН РАН, в ИГАН РАН (Москва) и в СОАН (Новосибирск), которые имеют соответствующие лабораторные индексы: Ле, Лу, Spb, ГИН, ИГАН и СОАН. Помимо перечисленных активно работают и развиваются радиоуглеродная лаборатория в Институте геохимии окружающей среды (ИГОС) НАН Украины, г. Киев (Ки-), которая внесла большой вклад в современное аппаратное оформление процессов получения карбида и синтеза бензола (рис. 77, 2), и лаборатория при Институте геологических проблем Белоруссии (Минск). Два года назад создана радиоуглеродная группа в Изотопном центре ВСЕГЕИ (сейчас Всероссийский институт геологии), которая, естественно, ориентирована на геологические образцы. Все эти лаборатории в своей работе также используют жидкостно-сцинтилляционный метод.

В СССР в рамках Комиссии по изучению четвертичного периода, возглавляемой сначала профессором Н. В. Кинд (Москва), а впоследствии – профессором Я.-М. Пуннингом (Таллин, Эстония), имелось сообщество радиоуглеродных лабораторий. Эта связь между лабораториями не оборвалась и сейчас – сохранился обмен как технологиями, так и радиоуглеродными датами. В области теоретических проблем радиоуглерода сохранился контакт с лабораторией ИГОС, в которой В. В. Скрипкиным и Н. Н. Ковалюх разрабатываются новые методические подходы, усовершенствуется и создается новая аппаратура.

Самые тесные контакты радиоуглеродная лаборатория имеет с Лабораторией космических лучей ФТИ РАН, руководимой профессором В. А. Дергачёвым. Эти контакты и совместные исследования продолжаются до сих пор (Распопов и др. 2012). Кроме различных российских проектов сотрудники обеих лабораторий участвуют и в международных проектах. Радиоуглерод является производным космических лучей, и его концентрация напрямую зависит от их интенсивности и солнечной активности. Совместные исследования обогащают обе лаборатории, а результаты их, представленные на различных международных конференциях и семинарах, получили высокую оценку.

При поддержке Фонда Сороса в 1995–1997 гг. был осуществлен проект «Абсолютная хронология основных социальных и культурных изменений восточноевропейской древней истории (35000–1000 ВС)», в котором наряду с сотрудниками ИИМК РАН (Г. И. Зайцева, А. А. Семенцов, В. И. Тимофеев, В. А. Трифионов) участвовали археолог из Латвии (И. Загорская) и специалист по радиохронологии из Киева (Н. Н. Ковалюх). В течение 1998–2002 гг. был выполнен проект INTAS «Сравнительная хронология памятников

скифского времени степной и лесостепной зон Евразии на основе археологических данных и радиоуглеродного анализа», в котором участвовали специалисты по радиоуглероду и археологи из Киева, а также сотрудники ГЭ, ФТИ РАН и ученые из Великобритании (Е. М. Скотт, Г. Кук), Нидерландов (Й. ван дер Плихт), Швеции (Г. Посснерт), а с 2005 по 2008 г. выполнялся проект INTAS № 03-51-445 «Курган Аржан-2 и скифский мир Евразии в I тыс. до н. э. (хронология, окружающая среда, экономика)». Главным координатором обоих проектов INTAS являлась проф. Е. М. Скотт. Результатом явилась коллективная монография «Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология» (СПб., 2005).

В 1996–1998 гг. совместно с Германским Археологическим институтом был выполнен проект «Хронология памятников неолита–энеолита степной зоны Евразии», в котором участвовали немецкие ученые А. Наглер (археолог) и Й. Гёрсдорф (специалист по радиоуглероду).

В 2000–2003 гг. выполнялся проект «Хронология раннего неолита Восточной и Центральной Европы», в котором от ИИМК РАН участвовали В. И. Тимофеев и Г. И. Зайцева, а также археолог Дётлиф Гроненборн (Франкфурт, Германия), координатором проекта был профессор Университета г. Ньюкасла П. М. Долуханов. В течение 2005–2006 гг. велись работы по еще одному проекту INTAS № 03-51-426 «Водные пути и заселение территорий Северо-Запада России», координатором которого был профессор Университета г. Ньюкасла А. М. Шукуров. В этом проекте участвовали ученые из Великобритании (П. М. Долуханов) и Финляндии (М. Лавенто), а также специалисты из Института озероведения РАН (проф. Д. А. Субетто и Т. В. Сапелко) и из Лаборатории геохронологии СПбГУ – проф. Х. А. Арсланов (рис. 78).

В последние годы особый интерес приобретают исследования, касающихся влияния изменений окружающей среды на развитие археологических культур. Так, в 2000–2003 гг. был выполнен российско-голландский проект «Влияние климатических изменений на экосистемы Южной Сибири и Центральной Азии в период 10 000–2000 лет т. н. (BP)». В проекте с российской стороны участвовали все сотрудники радиоуглеродной группы (лаборатории), а также археолог из ИИМК РАН Н. А. Боковенко, палинолог из Института вулканической геохимии ДВО РАН В. Г. Дирксен, археологи из ГЭ д-ра ист. наук А. Ю. Алексеев и К. В. Чугунов и специалисты из ФТИ РАН – проф. В. А. Дергачёв и С. С. Васильев, с голландской стороны – проф. Б. ван Гил из Университета г. Амстердама и проф. Й. ван дер Плихт из Лаборатории изотопной хронологии Университета г. Гронингена. В рамках работы по проекту сотрудники радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН участвовали в отборе озерно-болотных отложений в Хакасии и Туве (рис. 79).

В ноябре 2003 г. радиоуглеродная лаборатория ИИМК РАН совместно с ГЭ провела международную конференцию «Влияние окружающей среды на миграцию культур в Евразии», поддержанную научным фондом НАТО. Главным координатором конференции была проф. Е. М. Скотт (Университет г. Глазго, Шотландия). В работе конференции приняли участие ученые из Бельгии, Великобритании, Германии, Казахстана, Литвы, Латвии, Нидерландов, Польши, Финляндии, Швейцарии и др. Конференция проходила в конференц-зале ГЭ и в ИИМК РАН. Материалы конференции опубликованы в NATO Science Series (IV. Earth and Environmental Sciences. Vol. 42) – сборник «Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia» (Dordrecht; Boston; London, 2004).

Международный семинар «Man and Environment in Pleistocene and Holocene: Evolution of Waterways and early Settlement of Northern Europe» был проведен в ИИМК РАН в апреле 2006 г., в нем участвовали ученые из Москвы, Германии, Великобритании.

Сотрудники лаборатории регулярно участвуют в международных конференциях, посвященных радиоуглероду, которые проводятся раз в 4 года, и специальной конференции

«Радиоуглерод и археология», проводимой раз в 3 года. Последняя конференция по радиоуглероду состоялась в 2013 г. в Париже на базе ЮНЕСКО, а конференция «Радиоуглерод и археология» прошла в марте 2013 г. в Генте, Бельгия.

С момента создания лаборатория постоянно наращивала производственный и научный потенциал в получении радиоуглеродных дат. Если в первые годы работы успехом лаборатории считалось производство 30 образцов в год, затем – 50, в 1970-х гг. – 100, то в настоящее время лаборатория выполняет 300–350 определений.

Общее количество радиоуглеродных дат, выполненных за весь период существования, более 10 000, и сейчас одним из главных вопросов является систематизация имеющихся дат. В начале 1990-х гг. с внедрением в практику компьютерных технологий в радиоуглеродной лаборатории создан компьютерный банк данных, в который вошли как даты лаборатории ИИМК РАН, так и опубликованные результаты датировок других лабораторий. Это позволяет проводить исследования на основе большой совокупности данных для различных археологических эпох и территорий.

Вполне закономерно, что большинство дат получено для памятников России (Зайцева 2007: рис. 18). Далее по их количеству следует Украина. Сравнительно немного дат, выполненных в 1970-х гг., получено для стран Центральной и Передней Азии (Афганистан и Ирак). Что касается распределения дат по эпохам, то больше всего их получено для памятников бронзового века, далее – для неолита, железного века и палеолита (Там же: рис. 19; Тимофеев, Зайцева 1996а; 1996б; 1997).

Большинство дат получено для памятников европейской части Евразии. Количество дат для Восточной и Западной Сибири, включая Уральский регион, практически одинаково, а для памятников Дальнего Востока в лаборатории ИИМК сделано значительно меньше определений, поскольку памятники Сибири и Дальнего Востока в основном датируются лабораторией СО РАН.

Банк данных радиоуглеродных дат расширил возможности хронологических исследований. Он позволяет делать выборку по памятникам, эпохам, культурам, странам. Для большинства памятников определены географические координаты, так что имеется возможность хронологических сопоставлений по широте и долготе, что важно для выяснения отставания и запаздывания культур в широтных и долготных направлениях.

Кроме того, банк данных позволяет проводить сравнительные сопоставления хронологии культур и изменений климатических условий. Такие исследования проводятся совместно с ФТИ РАН (Дергачёв и др. 1996; Зайцева и др. 1997; Zaitseva et al. 1997; 1998). Можно видеть, что в районах 6000 лет и 3000–4000 лет есть определенная корреляция между количеством дат и изменениями окружающей среды (Dergachev et al. 2004).

Банк данных позволяет работать с большой совокупностью дат, используя методы математической статистики. Подобный подход был применен при хронологических исследованиях неолита Северной Евразии. Основные положения и методики опубликованы в коллективной монографии «Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии» (СПб., 2004). Работа выполнена В. И. Тимофеевым и Г. И. Зайцевой в соавторстве с П. М. Долухановым и А. М. Шукуровым. В книге приведены списки радиоуглеродных дат памятников неолита как европейской части России, так и Сибири и Дальнего Востока и произведено сравнение раннекерамических комплексов Западной и Восточной Европы.

В целом радиоуглеродные даты раннекерамических памятников лесной полосы показывают постепенное распространение керамического производства в лесной полосе на протяжении продолжительного периода времени (8000–5400 до н. э.), четко фиксируя направление этого движения с юго-востока и юга на северо-запад и север (Timofeev, Zaitseva 2000; Dolukhanov et al. 2006). В основе этих исследований лежат результаты статистической обработки нескольких сот радиоуглеродных дат памятников центральных

и северо-западных районов России, относящихся к верхневолжской культуре и культуре сперрингс. Сравнение их распределения с распределением радиоуглеродных датировок культуры линейно-ленточной керамики в Центральной и Западной Европе показало близкое совпадение одного из пиков этих распределений, главным образом для периода верхневолжской культуры – 5600–4800 до н. э. Указанный период соответствует климатическому оптимуму голоцена и значительному увеличению биомассы во всех ландшафтных зонах Европы. Вполне вероятно, что в это время возросла плотность населения, что привело к увеличению количества неолитических памятников как в Центральной, так и в Восточной Европе.

Имеющиеся данные указывают на сравнительно раннее появление керамического производства в северных и северо-восточных районах лесной зоны Европейской равнины, а также появление производящего хозяйства (Dolukhanov et al. 2004).

В 1960-х гг. в лаборатории ЛОИА были получены первые радиоуглеродные даты для курганов скифского времени Алтая: Пазырык, Башадар, Туэкта (Артёмьев и др. 1961): часть перекрытия балки 2-го Пазырыкского кургана – 2350 ± 140 BP (РУЛ-120); часть ствола лиственницы из 5-го Пазырыкского кургана – 2440 ± 50 BP (РУЛ-151). Все образцы были представлены С. И. Руденко. Надо сказать, что многие известные археологи Института практически сразу приняли радиоуглеродный метод. К их числу относился М. П. Грязнов, который представил для датирования образцы из всемирно известного памятника Аржан 1, раскопанного им в 1970-х гг. (Грязнов 1980). Впоследствии образцы из скифских памятников и музейных коллекций были датированы методом ускорительной масс-спектрометрии в лабораториях Гронингена, Упсалы и Глазго. Все данные, полученные для скифских памятников, приведены в коллективной монографии «Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология» (СПб., 2005).

Радиоуглеродный метод постоянно совершенствуется. Это относится как к технике измерения концентрации радиоуглерода – появился и успешно развивается метод ускорительной масс-спектрометрии, так и к переводу радиоуглеродного возраста в календарное время. Построены калибровочные кривые, которые в настоящее время простираются до 50 000 лет, разработаны компьютерные программы, позволяющие не только «калибровать» радиоуглеродные даты, но осуществлять различные хронологические сравнения. Сложность вопросов, связанных с определением календарного времени сооружения скифских курганов, заключается в характере калибровочной кривой.

В настоящее время имеется несколько компьютерных программ для перевода радиоуглеродного возраста в календарный (van der Plicht 1993). В их основе лежит одна и та же калибровочная кривая INCAL 04. Наиболее популярной является программа OxCal, разработанная в лаборатории Оксфорда под операционную систему Windows (Bronk Ramsey 1998; Bronk Ramsey et al. 2006).

На отрезке калибровочной кривой (Зайцева 2007: рис. 25) видно три участка различной зависимости радиоуглеродный возраст – календарный возраст. Первый участок характеризуется пропорциональной зависимостью, при этом радиоуглеродной дате соответствует узкий календарный интервал. Второй участок, так называемое гальштатское плато, характеризуется довольно высокой концентрацией радиоуглерода в атмосфере в течение длительного времени. Именно на этот участок попадают радиоуглеродные даты большинства скифских памятников, при этом одной радиоуглеродной дате, полученной с небольшой статистической ошибкой (например, ± 20 л.), соответствует календарный временной интервал до 200 и более лет. Проблема не решается и увеличением количества радиоуглеродных определений.

Поскольку калибровка радиоуглеродных дат, попадающих в область «гальштатского плато», т. е. в интервале 800–400 л. до н. э., вносит существенные неопределенности, возникает вопрос: есть ли выход из создавшейся ситуации? Как ни странно, именно сложный

характер калибровочной кривой помогает решить эту проблему. При этом используется метод согласования или «wiggle matching method». Он заключается в получении серии радиоуглеродных дат из образца, формировавшегося во времени, которое можно определить и на основании которого можно построить «плавающую» хронологическую шкалу. Таким образом может быть дерево хорошей сохранности, содержащее значительное число годовых колец (не менее 50). Сохранность образца должна быть такой, чтобы была возможность определить и подсчитать годовые кольца. Поскольку каждое годовое кольцо формируется в течение одного года, мы имеем «плавающую» календарную шкалу, протяженность которой равна количеству годовых колец. Чтобы сопоставить («привязать») «плавающую» календарную шкалу к участку калибровочной кривой, необходимо иметь для этой шкалы радиоуглеродные определения. Калибровочные кривые конструировались с разрешением в 10 и 20 календарных лет (по совокупности 10 и 20 годовых колец). Образец дерева обычно разделяется на серии из 10 или 20 годовых колец, и для каждого образца получается радиоуглеродная дата. Имея серию радиоуглеродных определений для короткой «плавающей» календарной шкалы, мы можем их сопоставить с калибровочной кривой и определить участок кривой, наиболее соответствующий полученным результатам, тот, где неравномерности (wiggles) имеют одинаковый характер и наилучшим образом согласовываются (van der Plicht 2007). Такой подход с успехом используется в хронологических исследованиях как в археологии, так и в реконструкции палеосреды, где в качестве образцов выступают озерно-болотные и торфяные отложения, скорость накопления которых известна (van der Plicht, McCormac 1995; van Geel, Mook 1989; Blaauw et al. 2003). Метод «wiggle matching» был назван светом во тьме для археологии (Manning, Weninger 1992).

При использовании аналогичного подхода определена позиция на календарной временной шкале кургана Аржан-2, исследованного в 2001 г. К. В. Чугуновым совместно с немецкими коллегами – проф. Г. Парцингером и А. Наглером. Этот уникальный памятник, не потревоженный с момента его сооружения, представил великолепной сохранности археологический материал, позволяющий взглянуть по-новому на историю кочевников скифского времени. С помощью метода «wiggle matching» было датировано несколько спилов как из перекрытия основной могилы № 5, так и из бревен внутренних и внешних стен. Основные результаты были доложены на конференциях по радиоуглероду в Польше, Новой Зеландии и Оксфорде (Zaitseva et al. 2004; 2005; 2007). Итогом этой работы явилась коллективная монография (Сугунов et al. 2010).

В последние годы много радиоуглеродных определений было сделано лабораторией для памятников эпохи средневековья. Так, в общей сложности получено около 90 дат для памятников Вологодской обл.: Монино-1, 2, 4, Владышнево-1, 2, Весь и других, образцы из которых представлены чл.-корр. РАН Н. А. Макаровым (Макаров и др. 2011). Они позволили уточнить и скорректировать имеющиеся представления о хронологии памятников этого региона.

Почти столько же дат получено для памятников Новгородской обл.: Рюрикова городища, городища Георгий, Васильевского, Прость и других, образцы из которых представлены чл.-корр. РАН Е. Н. Носовым. Только для Рюрикова городища сейчас имеется более 70 радиоуглеродных дат. В соответствии с калиброванными значениями полученных ^{14}C дат время возникновения этого памятника – середина IX в. н. э.

Комплексное исследование памятников железного века и средневековья в Псковской, Смоленской, Новгородской обл. и в регионах, граничащих с Белоруссией, проводит И. И. Еремеев. Получено более 50 дат для образцов дерева, угля и отложений торфяников.

Основное направление работы радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН – датирование образцов из археологических памятников от палеолита до средневековья. Однако

последним исключительно интересным достижением лаборатории является использование стабильных изотопов стронция для определения места рождения и пребывания людей, что важно при решении проблем адаптации и миграции.

К сожалению, в лаборатории ИИМК РАН нет масс-спектра для определения изотопов стронция и анализы проводятся в лаборатории Института геологии и геохронологии докембрия (ИГГД) РАН. В рамках совместного проекта, поддерживавшегося программой Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», в работе участвовал старший научный сотрудник ИГГД РАН Е. С. Богомолов. Исключительно интересные данные были получены при анализе костных остатков, захороненных в дольмене «Колихо» на Северном Кавказе. В этом дольмене были найдены останки 70 человек, что необычно для дольменной культуры. Для изучения происхождения захороненных был исследован изотопный состав стронция в костях. Фоновое значение стронция определено по панцирям виноградных улиток, которых собирали в окрестностях «Колихо» и за его пределами. Результаты показали, что большинство погребенных проживало в районе дольмена. Однако в костях некоторых захороненных изотопы стронция имеют высокие значения, т. е. эти люди проживали в других регионах, скорее всего, в высокогорных. Данные были доложены на конференции в Москве (Зайцева и др. 2010) и на конференциях «Радиоуглерод и археология» на Кипре и в Генте, Бельгия (Trifonov et al. 2012; 2013).

Несколько лет назад для лаборатории был приобретен масс-спектрометр марки DELTA-V (рис. 76, 2) для измерения стабильных изотопов углерода и азота. Это позволяет, с одной стороны, перейти на более современный уровень измерения радиоуглерода (так как в расчетной формуле возраста есть коэффициент $\delta C^{12}/\delta C^{13}$), и исследовать систему питания древнего населения – с другой.

Естественно, что появление нового дорогостоящего физического прибора требует новых специалистов. Так, в лаборатории появились еще два сотрудника: выпускник химического факультета СПбГУ С. А. Ришко (рис. 77, 3: *слева*), который проходил дипломную практику в лаборатории, и О. В. Лохова (рис. 77, 3: *справа*), которая имела опыт работы на масс-спектрометре старшего поколения.

Первый год освоения масс-спектрометра заключался в разработке методик подготовки материалов к измерениям. Затем были исследованы большие серии образцов из древнего Ярославля, чтобы оценить рацион питания горожан как по сословным группам, так и по возрастным характеристикам.

Масштабные раскопки средневекового кремля Ярославля дали уникальный археологический материал не только по ранней истории города. В процессе раскопок были обнаружены слои, связанные с жестоким разорением Ярославля войском Батыя в 1238 г. Город был сожжен, а жители перебиты. Исторические датировки подтвердились и данными радиоуглеродного анализа.

Были исследованы десять санитарных захоронений (около 500 человек), причем на многих скелетах видны следы рубленых и колотых ран. Во всех санитарных захоронениях найдены также кости домашних животных (коров, лошадей, собак и т. д.).

Санитарные захоронения являются уникальным историческим источником, на основании которого можно проанализировать систему питания средневекового населения и рацион питания домашних животных. Значения по $^{13}C/^{12}C$ для всей исследованной выборки из пяти коллективных захоронений оказались в пределах $-20 \pm 0,3 \%$, что соответствует смешанному рациону питания, характерному для умеренного пояса.

Значения $^{15}N/^{14}N$ в костях людей позволяют судить об обогащении рациона питания белками, а среди них – о преобладании мяса наземных или водных животных различных трофических уровней (van der Merwe, Medina 1989).

Следует отметить, что индивидуальная изменчивость по содержанию тяжелого изотопа азота более высока, чем по изотопу углерода. Величина $\delta^{15}\text{N}$ составляет $11,7 \pm 0,6 \text{ ‰}$ и указывает на то, что основой белкового питания было мясо наземных млекопитающих. Редкие индивиды со значениями $\delta^{15}\text{N}$, превышающими 13 ‰ , вероятно, регулярно употребляли в пищу речную или озерную рыбу. Определены некоторые различия в изотопном составе костей детей различного возраста.

Был также исследован изотопный состав углерода и азота в коллагене трубчатых костей домашних животных (свиней, коров, лошади и собаки).

Изотопный состав костей коров и лошадей по средним значениям соответствует травоядным животным умеренной зоны: на графике количество азота у них повышается примерно в два раза по сравнению с бобром. Но данные по конкретным особям этих видов показали любопытные аномалии в их диете. Один из анализов стабильных изотопов в кости лошади обозначил достаточно низкие значения азота, и углерода ($^{13}\text{C} -23,16$ промилле и $^{15}\text{N} +6,35$ промилле), что свидетельствует о явном недостатке белка в питании. Иными словами, в корме этого животного преобладали травы или даже ветки деревьев, а не зерно. А для одной из коров изотопный анализ показал, напротив, явный избыток белка в ее пищевом рационе: отклонение величины ^{15}N составляет $+9,66$ промилле, что считается более типичным уже для всеядных животных.

Средние показатели ^{13}C ($-21,26 \text{ ‰}$) и ^{15}N ($+8,38 \text{ ‰}$) по костям свиней достоверно указывают на явное преобладание растительной пищи в их рационе, чем нарушают теоретическую сбалансированность их питания, характерную для всеядных животных. Предполагалось, что по стабильным изотопам диета свиней окажется более близкой к пищевому рациону людей. Но в древнем Ярославле свиней, по-видимому, обычно кормили запаренной травой, что и отразилось на их размерах и упитанности. Это объясняет, почему реконструируемые по промерам костей мелкие свиньи Ярославля едва достигали веса в 40 кг .

Диета, наиболее близкая к человеческой, обнаружена у собак. Содержание белка в пище собак явно превосходило то количество, которое они бы получали, питаясь исключительно мясными отбросами и костями домашних свиней, коров и лошадей. Можно предполагать значимый вклад в их рацион рыбных отбросов.

Сходные значения по тяжелому углероду, характеризующие кости животных и человека, указывают, главным образом, на проживание этих живых существ на одном и том же экологическом фоне, соответствующем климатическим условиям лесной полосы, близким к современности по степени увлажненности. Результаты были доложены на конференции по радиоуглероду в США (Гавайи) и на конференции «Радиоуглерод и археология» на Кипре (Engovatova et al. 2012).

Лаборатория издала два выпуска журнала «Радиоуглерод и археология» (СПб., 1996; 1997) на русском языке и один – «Radiocarbon and Archaeology» (2000) – на английском.

Свое 50-летие лаборатория отметила международной конференцией «Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях», проходившей в ИИМК РАН с 9 по 13 апреля 2007 г. В ней приняли участие сотрудники практически всех радиоуглеродных лабораторий бывшего СССР, а также ученые из Великобритании, Нидерландов, Финляндии, Эстонии, США и Словакии. В докладах рассматривались как теоретические проблемы радиоуглерода, так и его применение в различных областях: археологии, палеоэкологии, исследовании водных ресурсов, влиянии атомных электростанций на содержание радиоуглерода в атмосфере и в воде. Вышел в свет сборник материалов конференции «Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях» (СПб., 2007).

Радиоуглерод – очень интересная субстанция: он входит в душу и там остается. Вот потому многие бывшие сотрудники лаборатории не порывают с ней связь до сих пор, хотя уже давно занимаются совсем иными проблемами.

- Алексеев и др. 1963 – *Алексеев В. А., Казачевский И. В., Чердынцев В. В., Еникеев Р. Ш.* Об определении абсолютного возраста четвертичных образований (Работы Лаборатории абсолютного возраста ГИН АН СССР) // Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1963. С. 22–27.
- Арсланов 1963 – *Арсланов Х. А.* Задачи применения радиоуглеродного метода к изучению четвертичных отложений // Там же. С. 27–30.
- Арсланов 1987 – *Арсланов Х. А.* Радиоуглерод: геохимия и геохронология. Л., 1987.
- Арсланов и др. 1963 – *Арсланов Х. А., Бутомо С. В., Кинд Н. В.* Инструкция по сбору образцов для радиоуглеродного анализа // Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1963. С. 130–137.
- Артёмьев 1963 – *Артёмьев В. В.* О точности радиоуглеродных датировок // Там же. С. 88–94.
- Артёмьев и др. 1961 – *Артёмьев В. В., Бутомо С. В., Дрожжин В. М., Романова Е. Н.* Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C^{14}) // СА. 1961. № 2. С. 3–12.
- Бутомо 1963а – *Бутомо С. В.* Некоторые химические проблемы радиоуглеродного датирования // Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1963. С. 64–69.
- Бутомо 1963б – *Бутомо С. В.* Применение радиоуглеродного метода в археологии // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963. С. 9–31.
- Виноградов и др. 1963 – *Виноградов А. П., Дервиц А. Л., Добкина Э. И., Маркова Н. Г.* Определение абсолютного возраста четвертичных отложений по ^{14}C при помощи пропорционального счетчика // Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1963. С. 8–17.
- Грязнов 1980 – *Грязнов М. П.* Аржан: царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Дергачёв и др. 1996 – *Дергачёв В. А., Зайцева Г. И., Тимофеев В. И., Семенов А. А., Лебедева Л. М.* Изменение природных процессов и радиоуглеродная хронология археологических памятников // Археология и радиоуглерод. СПб., 1996. Вып. 1. С. 7–18.
- Зайцева 2007 – *Зайцева Г. И.* Радиоуглеродная группа ИИМК РАН: история создания, современное состояние // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 93–141.
- Зайцева и др. 1997 – *Зайцева Г. И., Дергачёв В. А., Тимофеев В. И., Семенов А. А.* Радиоуглеродная хронология археологических памятников Европейской России и изменение природных процессов: исследование на основе базы данных // Радиоуглерод и археология. СПб., 1997. Вып. 2. С. 4–11.
- Зайцева и др. 2010 – *Зайцева Г. И., Трифонов В. А., Бурова Н. Д., Лохова О. В., Богомолов Е. С., Лохов К. И.* Предварительные результаты изотопных исследований материалов из дольмена «Колихо» (Западный Кавказ) // Материалы XIX Симпозиума по геохимии изотопов им. академика А. П. Вернадского. М., 2010. С. 118–120.
- Кинд, Алексеев 1963 – *Кинд Н. В., Алексеев В. А.* Применение различных углеродсодержащих ископаемых материалов для определения абсолютного возраста по радиоуглероду // Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1963. С. 70–87.
- Константинов, Кочаров 1965 – *Константинов Б. П., Кочаров Г. Е.* Астрофизические явления и радиоуглерод // Доклады АН СССР. М., 1965. Т. 165. С. 63–64.
- Лийва, Ильвес 1963 – *Лийва А. А., Ильвес Э. О.* О работе радиоуглеродной лаборатории Института зоологии и ботаники Академии наук Эстонской ССР // Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1963. С. 19–22.
- Макаров и др. 2011 – *Макаров Н. А., Федорина А. Н., Зайцева Г. И., Гроотс П. М.* Радиоуглеродные даты памятников раннего железного века–средневековья в Суздальском Ополье // Российская археология. 2011. № 4. С. 35–51.
- Протопопов, Бутомо 1959 – *Протопопов Х. В., Бутомо С. В.* Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглеродному методу // СА. 1959. № 2. С. 7–34.
- Распопов и др. 2012 – *Распопов О. М., Дергачёв В. А., Зайцева Г. И., Трифонов В. А.* Вариация солнечной активности и изменение климата в голоцене и их влияние на население // Семинар в Пулковской обсерватории «Солнечная и солнечно-земная физика – 2012», Санкт-Петербург, Пулково, 24–28 сентября. СПб., 2012. С. 547–552.
- Руденко 1963 – *Руденко С. И.* О работе радиоуглеродной лаборатории Института Археологии АН СССР // Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1963. С. 17–19.

- Соловьёв 1999 – *Соловьёв Ю. И.* В сотрудничестве осуществленной научной работы нас ждут успехи... (А. Н. Несмеянов – Президент АН СССР в 1951–1961 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1999. № 4. С. 44–55.
- Список радиоуглеродных датировок... 1963 – Список радиоуглеродных датировок, выполненных в лабораториях СССР на 1.1.1962 г. // Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1963. С. 137–154.
- Стáрик 1963 – *Стáрик И. Е.* Современное состояние проблемы определения возраста молодых природных образований // Там же. С. 5–8.
- Тимофеев, Зайцева 1996а – *Тимофеев В. И., Зайцева Г. И.* Некоторые аспекты радиоуглеродной хронологии неолитических культур лесной зоны Европейской России // Археология и радиоуглерод. СПб., 1996. Вып. 1. С. 49–55.
- Тимофеев, Зайцева 1996б – *Тимофеев В. И., Зайцева Г. И.* Список радиоуглеродных датировок неолита // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 337–349 (Археология).
- Тимофеев, Зайцева 1997 – *Тимофеев В. И., Зайцева Г. И.* К проблеме радиоуглеродной хронологии неолита степной и юга лесной зоны Европейской части России и Сибири (обзор источников) // Радиоуглерод и археология. СПб., 1997. Вып. 2. С. 98–108.
- Blaauw et al. 2003 – *Blaauw M., Heuvelink G. B. M., Mauquoy D., van der Plicht J., van Geel B.* A numerical approach to ^{14}C wiggle match dating of organic deposits // Quaternary Science Reviews. 2003. Vol. 22. P. 1485–1500.
- Bronk Ramsey 1998 – *Bronk Ramsey C.* Probability and dating // Radiocarbon. 1998. Vol. 40. P. 461–474.
- Bronk Ramsey et al. 2006 – *Bronk Ramsey C., Buck C. E., Manning S. W., Reimer P. and van der Plicht J.* Developments in radiocarbon calibration for archaeology // Antiquity. 2006. Vol. 80. P. 783–798.
- Butomo 1965 – *Butomo S. V.* Radiocarbon Dating in the Soviet Union // Radiocarbon. 1965. Vol. 7. P. 223–228.
- Ѓугунов et al. 2010 – *Ѓугунов К., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010.
- Dergachev et al. 2004 – *Dergachev V. A., Raspopov O. M., van Geel B., Zaitseva G. I.* The «Sterno-Etrussia» geomagnetic excursion around 2700 BP and changes of solar activity, cosmic ray intensity and climate // Radiocarbon. 2004. Vol. 46 (2). P. 661–681.
- Dolukhanov et al. 1970 – *Dolukhanov P. M., Romanova E. N., Sementsov A. A.* Radiocarbon dates of the Institute of Archaeology. II // Radiocarbon. 1970. Vol. 12 (1). P. 130–155.
- Dolukhanov et al. 1976 – *Dolukhanov P. M., Sementsov A. A., Svezhentsev Yu. S., Timofeev V. I., Romanova E. N., Malanova N.* Radiocarbon dates of the Institute of Archaeology. III // Radiocarbon. 1976. Vol. 18 (2). P. 190–201.
- Dolukhanov et al. 2004 – *Dolukhanov P., Arslanov K., Mazurkevich A., Savelieva L., Djinoridze E., Kulkova M.* The Holocene Environment and Transition to Agriculture in Boreal Russia: Serteya Valley Case Study // Internet Archaeology. 2004. No. 17. URL: http://intarch.acuk/journal/issue17/dolukhanov_index.html.
- Dolukhanov et al. 2006 – *Dolukhanov P. M., Shukurov A., Gronenborn D., Sokoloff D., Timofeev V. I., Zaitseva G. I.* The chronology of the Neolithic dispersal in Central and Eastern Europe // JAS. 2006. Vol. 32. P. 1441–1458.
- Engovatova et al. 2012 – *Engovatova A. V., Zaitseva G. I., Antipina E. E., Dobrovolskaya M. V., Lokhova O. V.* Reconstruction of the diet system of the Russian town ancient population before the Mongol invasion: the isotope analysis of bone samples // Radiocarbon. 2012. Vol. 54 (3–4). P. 782–796.
- Guliksen, Scott 1995 – *Guliksen S., Scott M.* Report of the TIRI workshop, Saturday 13 August 1994 // Radiocarbon. 1995. Vol. 37 (2). P. 820–821.
- Korff 1940 – *Korff S. A.* On the contribution to the ionization at sea-level produced by the neutrons in the cosmic radiation // Terrestrial Magnetism and Atmospheric Electricity. 1940. Vol. 45. P. 133–137.
- Libby 1946 – *Libby W. F.* Atmospheric helium three and radiocarbon from cosmic radiation // Physical review. 1946. Ser. 2. Vol. 69 (12). P. 671–672.
- Libby et al. 1949 – *Libby W. F., Anderson E. C., Arnold J. R.* Age determination by radiocarbon content: world-wide assay of natural radiocarbon // Science. 1949. Vol. 109 (2827). P. 227–228.

- Manning, Weninger 1992 – *Manning S. W., Weninger B.* A light in the dark: archaeological wiggle matching and the absolute chronology of the close of the Aegean Late Bronze Age // *Antiquity*. 1992. Vol. 66. P. 636–663.
- Rozanski et al. 1992 – *Rozanski K., Stichler W., Gonfiantini R., Scott E. M., Beukens R. P., Kromer B., van der Plicht J.* The IAEA 14C intercomparison exercise 1990 // *Radiocarbon*. 1992. Vol. 34 (3). P. 506–519.
- Sementsov et al. 1972 – *Sementsov A. A., Dolukhanov P. M., Romanova E. N., Timofeev V. I.* Radiocarbon dates of the Institute of Archaeology. III // *Radiocarbon*. 1972. Vol. 14 (2). P. 336–367.
- Skripkin, Kovaliukh 1998 – *Skripkin V. V., Kovaliukh N. N.* Recent developments in the procedures used at the SSSR Laboratory for the routine preparation of Lithium carbide // *Radiocarbon*. 1998. Vol. 40 (1). P. 211–214.
- Timofeev, Zaitseva 2000 – *Timofeev V. I., Zaitseva G. I.* The Chronology of the Neolithization of Eastern Europe and the Position of the South Russian area in this process // *Radiocarbon and Archaeology*. Sankt-Petersburg, 2000. No. 1. P. 53–58.
- Trifonov et al. 2012 – *Trifonov V. A., G. I. Zaitseva, van der Plicht J., Burova N. D., Bogomolov E. S., Sementsov A. A., Lokhova O. V.* The dolmen Kolikho, Western Caucasus: isotopic investigation of funeral practice and human mobility // *Radiocarbon*. 2012. Vol. 54 (3–4). P. 761–769.
- Trifonov et al. 2013 – *Trifonov V. A., G. I. Zaitseva, van der Plicht J., Burova N. D., Bogomolov E. S., Sementsov A. A., Lokhova O. V.* The «Shepsi» – the oldest dolmen with the port hole slab in the Western Caucasus // *Radiocarbon*. 2013 (in print).
- van der Merwe, Medina 1989 – *van der Merwe N. J., Medina E.* Photosynthesis and $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ ratios in Amazonian rain forests // *Geochimica et Cosmochimica Acta*. Vol. 53. P. 1091–1094.
- van der Plicht 1993 – *van der Plicht J.* The Groningen Radiocarbon calibration program // *Radiocarbon*. 1993. Vol. 35. P. 231–237.
- van der Plicht 2007 – *van der Plicht J.* Radiocarbon: Recent developments and calibration // *Radiocarbon in the archaeological and Environmental researches*. 2007. P. 63–76.
- van der Plicht, McCormac 1995 – *van der Plicht J., McCormac F. G.* A note on Calibration Curves // *Radiocarbon*. 1995. Vol. 37. P. 963–964.
- van Geel, Mook 1989 – *van Geel B., Mook W. G.* High resolution ^{14}C dating of organic deposits using natural atmospheric ^{14}C variations // *Radiocarbon*. 1989. Vol. 31. P. 151–156.
- Zaitseva 1995 – *Zaitseva G. I.* Chemical composition and sample preparation of archaeological wood for radiocarbon dating // *Radiocarbon*. 1995. Vol. 37 (2). P. 311–319.
- Zaitseva et al. 1997 – *Zaitseva G. I., Timofeev V. I., Dergachev V. A., Sementsov A. A.* Some aspects of the distribution of radiocarbon dates from the Mesolithic and Neolithic of European Russia // *ISKOS*. Helsinki, 1997. No. 11. P. 33–39.
- Zaitseva et al. 1998 – *Zaitseva G. I., Dergachev V. A., Timofeev V. I., Sementsov A. A.* 14C Chronology of Archaeological Sites in European Russia and Changes in Environmental Processes: A Database Investigation // *Radiocarbon*. 1998. Vol. 40 (2). P. 759–767.
- Zaitseva et al. 2004 – *Zaitseva G. I., Chugunov K. V., Dergachev V. A., Nagler A., Parzinger H., Scott E. M., Sementsov A. A., Vasiliev S. S., van Geel B., van der Plicht J., Lebedeva L. M.* Chronological Study of the Arzhan-2 Scythian monument in Tuva (Russia) // *Radiocarbon*. 2004. Vol. 46 (1). P. 277–285.
- Zaitseva et al. 2005 – *Zaitseva G. I., Chugunov K. V., Bokovenko N. A., Dergachev V. I., Dirksen V. G., van Geel B., Koulikova M. A., Lebedeva L. M., Sementsov A. A., van der Plicht J., Scott E. M., Vasiliev S. S., Lokhov K. I., Bourova N.* Chronological study of archaeological sites and environmental changes around 2600 BP in the Eurasian Steppe belt (Uyk valley, Tuva Republic) // *Geochronometria*. 2005. Vol. 24. P. 97–108.
- Zaitseva et al. 2007 – *Zaitseva G. I., Chugunov K. V., Alekseev A. Yu., Dergachev V. A., Vasiliev S. S., Sementsov A. A., Cook G., Scott M., van der Plicht J., Parzinger H., Nagler A., Jungner H., Sonninen E., Bourova N. D.* The chronology of the key barrows belonging to different stages of Scythian Time in Tuva (the Arzhan-1 and Arzhan-2 barrows) // *Radiocarbon*. 2007. Vol. 49 (2). P. 645–658.

Глава 9. СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В ИИМК РАН

А. Н. Егорьков

В нашем Институте спектральный анализ был организован в 1955 г. «Мысль о совместной работе представителей наук гуманитарного порядка с естественниками и учеными технологами возникла <...> в первый год Революции». Такими словами начинается передовая статья М. В. Фармаковского (1922: 1) в первом и единственном выпуске «Известий Института археологической технологии», вышедшем в Петрограде¹ в 1922 г., раскрывающая цели и задачи Института. Эта мысль и привела к созданию в 1919 г. Института археологической технологии, который с течением времени трансформировался в Лабораторию археологической технологии, вобравшую в себя и спектральный анализ археологического материала.

Поскольку автору, который с 1994 г. осуществляет в ИИМК весь цикл спектрального анализа, не пришлось работать совместно со своими предшественниками, ему трудно в полной мере установить всю предысторию становления спектрального анализа в Институте. Разумеется, из имеющихся публикаций и архивных материалов можно многое почерпнуть, но только живое общение вскрывает такие детали, которые ни в каких архивах не найдешь. Трудно даже в полной мере оценить, кто был организатором инструментального анализа в Институте. В 1955 г. заведующим Лабораторией археологической технологии был С. И. Руденко (1885–1969), профессор, доктор технических наук, но при этом и археолог, первооткрыватель знаменитых Пазырыкских курганов (Алёкшин 2007: 19). Поскольку он имел техническое образование, можно предположить, что его роль была определяющей, что уже отмечалось в литературе (Зайцева 2007: 94, 95). Остается неясным, как заказывалась аппаратура для спектрального анализа, кто выступал консультантом при ее комплектовании. Основную канву событий можно установить лишь по датам изготовления оборудования. Удивляет здесь то обстоятельство, что специализированная аналитическая лаборатория начала создаваться в конце декабря 1954 г., а оборудование для спектрального анализа поступило в Институт уже в следующем 1955 г. Разумеется, решающим в этом случае было то, что и спектрограф ИСП-22 (рис. 80, 1) с оптикой из природного кварца, и микрофотометр МФ-2 (рис. 80, 2) для измерения интенсивности спектральных линий, и генератор дуги ДГ-1, и спектропроектор ПС-18 изготавливались в Ленинграде на предприятии ЛОМО. Эти четыре прибора, дополненные микровесами, собственно, и составили всю необходимую аппаратуру для спектрального анализа, причем роль спектропроектора ПС-18, служащего для рассмотрения спектров при увеличении, лишь вспомогательная: опытные спектральные аналитики знают спектры, что называется, наизусть, и поиск нужной для измерения спектральной линии непосредственно в микрофотометре для них не составляет труда. Более того, спектропроекторы такого типа, наверное, уже полностью вышли из употребления. Это связано с тем, что

---

¹ В выходных данных местом издания указан Петербург.

в них использованы специфические лампы, которые при напряжении питания 11 В имели мощность 90 Вт, причем с очень компактной нитью накала для создания точечного источника света. В результате большой возникающий ток часто приводил к перегоранию лампы. В настоящее время такого типа лампы уже давно не выпускаются. Что касается микрофотометра МФ-2, прибора совершенно необходимого для спектральных измерений, то здесь, к счастью, ситуация иная. Необходимые лампы мощностью 30 Вт с напряжением питания 12 В, дающие точечный источник света, также давно не выпускаются, однако они вполне заменяются современными галогеновыми лампами близкой мощности. Когда потребовалась перемерить старые фотопластинки с установленной новой лампой, было выявлено полное соответствие старых и новых ламп.

Запуск спектральной аппаратуры был произведен очень быстро. Первые анализы были выполнены уже в том же 1955 г. Заказчиком выступила чл.-корр. АН СССР, сотрудник Сектора археологии Средней Азии и Кавказа К. В. Тревер. На анализ были представлены 25 бронзовых артефактов «сасанидского металла» из эрмитажной коллекции. Результаты были готовы уже на следующий день. Это свидетельствует о том, что сам анализ был качественным, т. е. сводился лишь к фиксации видимых в спектре линий отдельных примесных к меди компонентов. Анализ во всех случаях вплоть до конца 1957 г. проводился Д. В. Наумовым (рис. 80, 3), далее с ноября 1957 г. к этой работе присоединился В. Н. Сидоров (рис. 80, 4), роль которого в осуществлении анализа все более возрастала.

Дарвин Владимирович Наумов (род. 1929 г.) сразу после окончания химфака ЛГУ им. А. А. Жданова поступил в Лабораторию археологической технологии, в рамках которой осуществлялся спектральный анализ, на должность лаборанта 1 августа 1955 г., о чем свидетельствуют документы личного дела (ф. 35, оп. 5, д. 363). Но как при этом понимать то, что выполнение им анализов началось раньше, чем Д. В. Наумов, который указан как аналитик, поступил на работу? Возникает и другой вопрос: почему он уволился из Института по собственному желанию в ноябре 1973 г., в то время как его продвижение по службе было вполне успешным, а в спектральной аналитике он был на первых ролях? Он неоднократно получал благодарности и денежные премии за хорошую работу, а кроме того, оформил соискательство у М. А. Безбородова, впоследствии академика АН Белорусской ССР, автора пионерской книги по химии стекла (Безбородов 1969), переведенной и за рубежом. Наличие двух десятков научных трудов, в том числе и в ведущих археологических изданиях, вполне обеспечивало Д. В. Наумову успешную защиту кандидатской диссертации.

Выполнение анализа лишь на качественном уровне не могло в полной мере удовлетворить исследователей как древнего металла, так и древнего стекла, поэтому несомненной заслугой Д. В. Наумова явилась разработка методов количественно спектрального анализа и древнего металла, и стекла (Наумов 1961; 1962; 1975). Многие исследователи из-за невысокой точности, даже при калибровке каждой фотопластинки с использованием спектральных эталонов, рассматривают эмиссионно-спектральный анализ как полуколичественный метод. Представляется, однако, что это скорее вопрос семантики, поскольку грань между полуколичественным и количественным анализами невысокой точности отсутствует. Тем не менее все попытки увеличить точность оптико-эмиссионной спектрографии (ОЭС), а именно так сейчас следует называть используемый метод спектрального анализа (Егорьков и др. 2007: 266), несомненно, не могут не оцениваться положительно. Немало работ Д. В. Наумова было посвящено составу металла из Средней Азии (Наумов 1968; 1970), поскольку именно здесь Институт проводил большое число интенсивных полевых исследований.

Валентин Николаевич Сидоров (род. 1906 г.) согласно данным личного дела (ф. 35, оп. 5, д. 279) зачислен в мае 1955 г. лаборантом на временную, а через месяц – на посто-

янную работу. Не имел ни высшего, ни специального образования. Работая в органах НКВД в 1926–1942 гг., окончил курсы служебной фотографии. С тех пор вся его работа была связана с фотографией. Поступив на работу в Институт, освоил технику расшифровки спектрограмм, а затем и съемку спектров. В частности, в 1966 г. им был выполнен анализ 47 крестов-энколпионов из собрания ГЭ. Их результаты были представлены А. Н. Егорьковым и А. А. Песковой на конференции в Москве лишь в 2009 г. (Егорьков, Пескова 2009), но сама таблица анализов опубликована не была. В настоящее время работы по составу металла средневековых энколпионов получили продолжение (Пескова, Егорьков 2010). Несмотря на то что результатам В. Н. Сидорова уже без малого полвека, можно сказать, что сам анализ выполнен на достаточно высоком уровне. К сожалению, из архивного дела нельзя определить, когда В. Н. Сидоров окончил трудовую деятельность в Институте, с наибольшей вероятностью это произошло до 1973 г., когда Институт покинул Д. В. Наумов в связи с уходом на пенсию, поскольку место спектрального анализа оказалось вакантным.

О вакантности места узнаем из заявления о приеме на работу *Анатолия Модестовича Клера* (1944–2008) (рис. 80, 5), поданного в декабре 1973 г. Он в 1970 г. окончил химфак ЛГУ. На спектрографе в ЛОИА он работал не очень продолжительное время. Тематика его работы также тяготела к анализу металла артефактов из среднеазиатских раскопок (Клер 1979). В апреле 1977 г. он уволился, а затем в 1990 г. снова поступил в Институт уже в фотолабораторию (ф. 35, оп. 5, д. 385).

В аналитическую группу в мае 1955 г. была зачислена *Ирина Васильевна Богданова-Березовская* (рис. 80, 6), химик-исследователь, через год защитившая диссертацию на соискание степени кандидата технических наук. Она проработала младшим научным сотрудником до выхода на пенсию в 1974 г., и хотя в основном занималась химическим анализом, но также приняла участие в разработке спектральной методики анализа археологических объектов (Богданова-Березовская, Наумов 1963). Кроме того, она постоянно замещала заведующего С. И. Руденко во время его командировок.

В июне 1977 г. спектральный анализ полностью перешел в руки *Валентина Александровича Галибина* (1933–2005) (рис. 80, 7), который в это время пришел в Институт уже полностью сложившимся исследователем с большим опытом спектрального анализа во ВСЕГЕИ и Институте земной коры ЛГУ. Он имел уже несколько десятков научных трудов и степень кандидата химических наук. В должности старшего научного сотрудника он проработал до конца 1993 г., когда вышел на пенсию. За 16 с половиной лет пребывания в Институте В. А. Галибиным была проделана поистине титаническая работа, и это при том, что, перенеся в детстве тяжелый недуг, он имел большие проблемы с опорно-двигательным аппаратом, а путь на работу от дома был отнюдь не близкий и требовал пересадки с наземного транспорта на метро. При всей кажущейся мягкости и контактности он имел твердый характер, не стеснялся нелестно критиковать своих научных оппонентов.

Автор настоящих строк пришел на смену В. А. Галибину в начале 1994 г. Немало проработав в аналитической химии, я тем не менее не имел опыта в технике ОЭС, поэтому неизбежно потребовались консультации. Валентин Александрович совершенно бескорыстно делился своими знаниями и опытом, искренне желая сохранения и развития спектрального анализа в Институте. Выйдя на пенсию, он продолжал консультировать исследователей и активно работал над книгой о составе археологического стекла, которая вышла в свет в 2001 г. (Галибин 2001), причем весь набор и форматирование многочисленных таблиц им было выполнено собственноручно. Эта книга и по сей день пользуется большим спросом, а для многих исследователей древнего стекла она стала настольной.

Время работы В. А. Галибина в Институте совпало с высокой полевой активностью, когда работали многочисленные археологические экспедиции, и на ОЭС приходило много

образцов археологического материала из самых различных регионов: Центральной Азии, Сибири, Европейской России, из-за рубежа. Временной интервал также очень широк: от энеолита до средневековья. Работы, посвященные анализу этого материала, в основном носили характер дополнений к археологическим данным, присутствуя в публикациях как приложения к основным статьям. Однако В. А. Галибин взялся и за решение некоторых проблем, за которые не брались его предшественники, занятые в основном определением состава артефактов для конкретного археологического памятника.

Так, он попытался обобщить принципы интерпретации состава сплавов на медной основе, сделав при этом попытку отыскать возможности отличать мышьяковую бронзу от мышьяковистой меди (Галибин 1990), т. е. искусственный сплав от выплавленного из руды металла, в котором мышьяк является естественной рудной примесью. Согласно выдвинутому им принципу мышьяк естественным путем попадает в медь из примесных к основной медной руде блеклых руд (иначе фальэрца), содержащих также и сурьму. По этой причине, если речь идет о естественной рудной примеси, соотношение мышьяка и сурьмы укладывается в определенные пределы, в большинстве случаев 0,3–3,0 %. Если же содержание мышьяка превосходит содержание сурьмы в 10–100 и более раз, то в этом случае следует говорить о мышьяковой бронзе, где мышьяк введен целенаправленно. При всей оригинальности такого подхода можно указать и на его слабость: сопоставимое содержание мышьяка и сурьмы характерно для фальэрца Германии (Forshell 1992: 28), что же касается активно исследуемого металла Центральной Азии, то здесь ситуация не столь определенная.

Другой пример интерпретации аналитических данных. На основании собственных и выполненных ранее спектральных анализов В. А. Галибин рассматривал причины повышенного содержания никеля в ранней бронзе Кавказа. Согласно представлениям исследователя причина этого кроется в примеси к мышьяковым минералам, аурипигменту и реальгару, никелина NiAs (Галибин 1991: 60), причем такое мнение высказано в противовес мнению Е. Н. Черных, предполагавшего поступление высоконикелевой меди с юга, из Ирана, Передней Азии и Анатолии (Черных 1966: 39, 45). Неудовлетворенность объяснениями причин повышенного содержания никеля в ранней бронзе Кавказа, выдвинутыми В. А. Галибиным и Е. Н. Черных, побудило автора настоящих строк высказать предположение, что источник высокого содержания никеля кроется в примесных к основной медной руде блеклых рудах, способных накапливать в себе различные элементы, в том числе и никель (Егорьков 2002а). Такая точка зрения нашла поддержку у коллег-археологов (Резепкин 2006: 317).

Спектральных анализов химического состава металлических артефактов В. А. Галибиным выполнено немало и здесь невозможно все их перечислить, но основной интерес исследователя был сосредоточен на составе древнего стекла, его интерпретации и установлении связи состава стекла со временем и местом его бытования. Результатом обобщения этой работы, как уже отмечено выше, стала монография «Состав стекла как археологический источник» (Галибин 2001). Однако первое, чем пришлось заняться исследователю после прихода в Институт, стала разработка методики количественного спектрального анализа. Будучи уже сложившимся спектральным аналитиком, В. А. Галибин понимал, что необходима универсальная (для анализа металла и стекла) простая методика анализа, позволяющая осуществлять быстрое и полное сжигание пробы. В результате такая методика была создана, в обобщенном виде она изложена в упомянутой монографии (Там же: 59).

Не менее важную роль, чем методика, для эффективного осуществления анализа играют спектральные эталоны. Для меди и медных сплавов в лаборатории уже имелись различные эталоны. Прежде всего это отобранные промышленные сплавы, состав которых

определен химическими методами в различных независимых лабораториях и на которые составлены сертификаты. Это были калиброванные эталоны точного состава, но, являясь промышленными сплавами, они не покрывают весь диапазон концентраций элементов, которые встречаются в археологических артефактах. По этой причине, насколько можно судить по имеющимся в лаборатории документам, в 1960-х гг. в Политехническом институте в Ленинграде было отлито три десятка медных сплавов с набором всех рутинно определяемых элементов. Состав этих эталонов не подтвержден методами точного анализа, а летучие элементы (мышьяк, сурьма, цинк и др.) могли частично быть утеряны при сплавлении, однако достоинство этих эталонов как раз в том, что в них содержания почти всех элементов перекрывают практически весь интервал содержаний определяемых элементов, начиная от 0,02 %. В результате концентрацию элемента вычисляют на интерполяционных участках калибровочных зависимостей, когда содержание определяемого элемента оказывается внутри интервала его содержания в эталонах. Исключение составляют элементы с низким пределом обнаружения: серебро, никель, висмут, иногда олово, которые могут быть определены в концентрациях до тысячных долей процента, в то время как только серебро и никель в эталонах представлены наименьшим значением 0,001 % и 0,003 % соответственно. По изложенным причинам уже автором за значимые приняты значения концентраций от 0,01 %. Здесь уместно также заметить, что некоторые проблемы возникают при анализе металла определенного вида. Так, для металла бронзового века важным элементом является мышьяк, но чувствительность метода по отношению к нему невысока, предел обнаружения составляет лишь около 0,1 %. Кроме того, в бронзовом веке некоторые украшения выполнены из мышьяковой бронзы с содержанием мышьяка до 20 %, но поскольку эталонов с таким содержанием мышьяка нет, приходится определять его содержание на участках далекой экстраполяции калибровочных зависимостей, что, разумеется, снижает точность определения. Высокоцинковые латуни, начало широкого использования которых приходится примерно на начало новой эры, сложны для анализа вследствие частого выброса металла из кратера электрода при сжигании. В результате иногда для получения удовлетворительного результата приходится повторять анализ несколько раз.

С 1994 г. ассортимент калиброванных эталонов расширился. Благодаря личным связям в лаборатории появились канадские эталоны бронзы с № 293, 304 и 477, а также американский эталон с обозначением 124-d. Хотя эти эталоны не содержат всего набора рутинно определяемых элементов, тем не менее их использование расширило возможности спектрального анализа состава артефактов на медной основе. К сожалению, однако, полученные количества этих эталонов невелики, и к настоящему времени они уже на исходе. Набор эталонов был дополнен и некоторыми промышленными сплавами, для которых сторонними организациями состав был определен с достаточно высокой точностью методом рентгено-флуоресцентного анализа. В последние десятилетия ряд работ был связан с ОЭС металла ювелирных изделий из кладов раннеславянского времени, среди которых постоянно встречаются изделия из свинцово-оловянного сплава (Горюнова 1992; Егорьков, Щеглова 2000). Для улучшения точности их спектрального анализа автором в лаборатории изготовлены спектральные эталоны сплавлением олова и свинца с ювелирным серебром с известным содержанием меди. Теперь содержание меди и серебра, которое присутствует во всем древнем свинце, в свинцово-оловянных сплавах определяется достаточно уверенно. В целом ситуация со спектральными эталонами для анализа меди и медных сплавов в лаборатории достаточно благоприятная, сложнее обстоит дело со спектральными эталонами для определения состава стекла.

Большая работа по подбору эталонов стекла была проведена В. А. Галибиным. Аналитик выбрал в качестве эталонов ряд археологических и современных образцов стекла.

Всего им было в качестве эталонов отобрано 20 образцов стекла, однако сейчас на фотопластинку снимаются лишь несколько отобранных эталонов. Состав этих эталонов В. А. Галибин определил, используя модельные смеси химреактивов. Понятно, что такой метод определения состава стекла эталонов, из-за несоответствия природы анализируемого материала и искусственных смесей, трудно признать в полной мере отвечающим поставленной задаче, а несовершенство эталонов в свою очередь снижает точность ОЭС. Между тем в 1970-х гг. в лабораторию для сравнительного межлабораторного анализа поступили шесть эталонов стекла, изготовленных в Corning Museum of Glass (США), из которых четыре были синтезированы (Brill 1999: 7), а два представляли собой усредненные пробы стекла из археологических раскопок. Последние выбраны как типичные представители своего класса: стекло JL 3610 из позднееримской мастерской в палестинском Джаламе – содовое, стекло JZ 1289 из Джезазиата в Афганистане – зольное, сваренное на золе солончаковых растений, иначе галофитов. Состав используемых в настоящее время эталонов, как отобранных В. А. Галибиным, так и полученных из Corning Museum of Glass, приведен в таблице, где первые 6 эталонов из числа отобранных В. А. Галибиным. Синтетические эталоны А, В, С, D, несмотря на то что компоненты в них точно определены, также имеют существенные недостатки. Это проявляется в крайне неудачном подборе

Таблица

Эталонны стекла для ОЭС, используемые в ИИМК РАН

Код анализа	411-49	490-11	378-39	348-34	141-43	412-12	Corning Museum of Glass					
	№ 1	2	6	9	10	11	А	В	С	D	JL 3610	JZ 1289
Цвет	зел. гл	кор. гл	б/ц	зел.	гол.	б/ц	син.	сине-зел.	син.	зел.	б/ц	б/ц
SiO ₂	43	30	–	62	46	48	66	62	35	55	72	65
Na ₂ O	2,9	–	6,0	2,5	13	0,25	14	17	1,1	1,4	14,9	16,6
K ₂ O	–	–	12	4,8	2,5	15	2,9	1,1	2,8	12	0,76	3,3
CaO	5,0	0,55	2,8	16	7,2	7,3	5,3	8,7	5,0	15	8,0	6,3
MgO	1,0	0,08	0,11	3,7	4,3	0,7	2,8	1,1	2,8	4,1	0,58	5,0
Al ₂ O ₃	1,8	0,14	0,2	3,5	1,2	1,3	1,1	4,2	1,0	5,4	2,6	2,5
Fe ₂ O ₃	0,8	0,6	0,2	2,2	0,9	2,1	1,1	0,37	0,32	0,51	0,25	0,92
MnO	0,28	0,01	0,13	1,7	0,03	0,07	1,0	0,25	–	0,55	0,13	0,07
Sb ₂ O ₅	0,04	–	–	–	–	–	1,8	0,45	–	0,98	–	–
PbO	38	65	28	–	10	–	0,05	0,5	37	0,25	0,003	–
CuO	2,3	1,2	0,025	–	1,8	0,01	1,2	2,7	1,2	0,38	0,003	0,002
CoO	0,009	–	–	0,04	–	–	0,15	0,04	0,16	0,02	–	–
TiO ₂	0,06	0,024	0,02	0,18	0,04	0,07	0,80	0,13	0,85	0,39	0,05	0,13
SnO ₂	7,5	2,5	–	–	12	–	0,20	0,03	0,20	0,15	–	–
Ag ₂ O	0,1	0,007	0,005	z	0,013	–	0,003	0,01	0,003	0,005	0,001	0,001
B ₂ O ₃	0,06	0,024	0,11	0,14	0,3	0,08	0,2	0,02	0,2	0,1	0,02	0,02
BaO	0,009	–	–	–	–	–	0,55	0,10	12,1	0,33	0,03	0,007
Bi ₂ O ₃	–	–	–	0,023	–	–	0,001	0,005	0,001	0,002	–	–
NiO	0,0035	–	–	0,012	0,008	0,0055	0,03	0,10	0,03	0,06	0,005	0,004
P ₂ O ₅	–	–	1,0	3,0	–	–	0,13	0,90	0,10	3,50	–	–
ZnO	–	0,1	–	–	–	–	0,04	0,20	0,04	0,10	0,011	0,009

содержания ряда элементов, поскольку во многих случаях содержание элементов далеко не покрывает всего интервала концентраций, в которых они встречаются в анализируемом стекле, а кроме того, содержания элементов неоднократно без причины дублированы. В результате при их использовании концентрацию отдельных компонентов в анализируемом материале приходится определять на участках далекой экстраполяции калибровочных зависимостей, что, естественно, еще больше снижает и без того невысокую точность ОЭС. Более того, эти эталоны особенно неудачны для ОЭС. Так, например, в эталоне В наименьшее содержание калия, приближающееся к пределу его обнаружения, и одновременно наибольшая концентрация никеля. Эталон с таким содержанием калия исключительно важен для уверенного определения калия, элемента первоочередной важности, однако высокий никель этому мешает, поскольку спектральные линии никеля и калия налагаются. Этот эталон тем более неудачен, что столь высокое содержание никеля в анализируемых стеклах встречать не приходилось. Интересно, что В. А. Галибин, сверив американские эталоны с отобранными археологическими, от использования американских эталонов отказался.

Как бы то ни было, используя свои эталоны, В. А. Галибин выполнил свыше 9 тысяч определений состава стекла. В его монографии в приложении «Каталог результатов анализа стекла» приведен состав 2774 образцов стекла из 244 отечественных и зарубежных археологических памятников начиная с III тыс. до н. э. и кончая новым временем. Основываясь на выполненных в лаборатории определениях состава и литературных данных, исследователь разбирает основные химические типы древнего и средневекового стекла: древнейшее стекло Востока, «киммерийское стекло», стекло на природной соде, китайское, индийское, дальневосточное, древнерусское стекло, стекло Западной и Центральной Европы. Им выдвинуты хронологические критерии и критерии происхождения древнего и средневекового стекла, основанные на изучении его состава.

Подход аналитика к интерпретации состава древнего стекла во многом расходился с принципами интерпретации, разработанными профессором МГУ Ю. Л. Щаповой, автором многочисленных работ по составу древнего стекла, которую В. А. Галибин характеризует как известного специалиста в области истории стекла и славяно-русской археологии, энтузиаста применения естественно-научных методов в археологии (Галибин 2001: 8). Тем не менее он достаточно жестко критиковал ее теорию так называемых рецептурных норм и допущение о трехкомпонентном составе шихты для зольного стекла (Щапова 1983: 52–54, 59; Галибин 2001: 64, 65). Несмотря на это Ю. Л. Щапова всегда высоко ценила анализы В. А. Галибина и неоднократно размещала у него заказы на анализ стекла.

Автор настоящих строк (рис. 80, 2) пришел в ИИМК РАН уже сложившимся исследователем-аналитиком со степенью кандидата технических наук, которую получил, обучаясь в 1972–1975 гг. в аспирантуре в Чехословакии, в Пражском химико-технологическом институте. Работая с другими методами анализа и, как уже отмечено выше, не имея опыта работы с ОЭС, автор многое осваивал самостоятельно, получая, однако, неоднократные консультации на дому у В. А. Галибина. Между тем заказы на проведение анализа не заставили себя долго ждать, и уже в 1994 г. началось их серийное осуществление. Автор выполняет спектральный анализ в Институте уже в течение 19 лет, совмещая с 2001 г. эту работу с должностью заведующего ЛАТ. За год, как правило, выполняется несколько сотен анализов, в основном древнего металла и стекла, однако иногда проводится работа и с другими материалами, такими как кремний, пигменты красок, шлаки и пр. В частности, была выполнена работа по определению красочных пигментов разновременных окрасок реконструированного Константиновского дворца в Стрельне под Санкт-Петербургом.

Спектральный анализ в ИИМК является сервисной службой, а поэтому выполняемые определения относятся к археологическим памятникам самого разного времени и геогра-

фического положения. Можно выделить лишь те направления, на которых усилия сосредоточены в большей степени.

Так, спектральный анализ выполнен для большого числа металлических артефактов энеолита, эпохи бронзы и железа центральноазиатских районов бывшего СССР (Егорьков, Щетенко 1999; 2004) и южных регионов России (Егорьков и др. 2005). Большое количество анализов состава металла сделано для такого важного южнотуркменского археологического памятника, как Алтын-депе. Кроме того, для этого памятника обобщены свыше 400 результатов анализа металла, подавляющая часть которых осуществлена в ЛАТ в разные годы (Егорьков 2001). Такой объем информации по одному из ключевых среднеазиатских памятников бронзового века делает наши знания вполне сложившимися.

Большая аналитическая работа проведена по металлу раннеславянских кладов Поднепровья и Курской обл. (Егорьков, Щеглова 2001; 2006). Установлено, что латунь являлась основным медным сплавом для раннеславянских ювелирных изделий, выдвинуты предположения о путях ее поступления в регион, а также разработаны принципы интерпретации состава раннеславянского металла (Егорьков 2002б). Материалы обширных исследований состава металла раннеславянских кладов, найденных в Курской обл. (Гапоново, Куриловка, Суджа-Замостье), еще ждут своего опубликования.

Не одна сотня анализов выполнена для металла средневековой Руси (Егорьков, Зайцева 2010), однако, по мнению автора, состав средневекового металла, предназначенного для изготовления утвари, и ювелирный металл плохо поддаются интерпретации, постоянно выявляя многокомпонентность. Состав металла в первую очередь определялся ситуационной доступностью исходных материалов, а в средние века в руки ремесленников уже попадал металл самого разного состава. Достаточно строгий состав металла выдерживался для изделий определенного функционального назначения, в первую очередь для пушечных и колокольных бронз, а начиная с бронзового века – и зеркал.

При анализе металла бронзового века из погребений могильника Ергени в Калмыкии была обнаружена латунь (Егорьков и др. 2004; Гак, Егорьков 2009), чему некоторые исследователи отказывались верить из-за сложившегося убеждения, что время ее появления гораздо более позднее. Однако о целенаправленном введении цинка свидетельствует его повышенная концентрация в медной основе как раз там, где содержание мышьяка, напротив, низкое. Следует заметить, что и раньше исследователи находили латунь в бронзовом веке, однако, опасаясь выходить за рамки общепринятых представлений, не спешили публиковать результаты. В настоящее время появление латуни в бронзовом веке уже не вызывает сомнения, наши исследования нашли признание за рубежом, где неоднократно цитированы (Thornton, Ehlers 2003; Thornton 2007).

На основании результатов ОЭС металла раннеславянских кладов VII в. н. э., в которых выявлена латунь с содержанием цинка свыше 30 %, сделаны новые выводы о технологии ее получения в древности (Егорьков 2008). Взгляды автора идут вразрез с широко распространенными представлениями о технологии получения латуни, сформулированными английским исследователем П. Т. Крэддоком. Хотя взгляды П. Т. Крэддока разделяются и отечественными исследователями, нам еще не довелось выслушать обоснованных критических замечаний относительно новой концепции. Предложенная теория получения латуни методом цементации указывает на то, что процесс осуществлялся не в плотно закрытых тиглях, как это предполагает английский исследователь. Максимальное же содержание цинка в цементационной латуни может превышать 28 %, т. е. то значение, которое П. Т. Крэддок приводит как максимально достижимое в цементационном процессе (Craddock 1978; 1985).

Как видно, несмотря на объемную практическую работу по выполнению непосредственно анализов, Лаборатория археологической технологии занимается и тем, что она

должна делать по своему профилю: обоснованием теорий, воспроизводящих древние технологии.

Если анализ металла был в значительной степени направлен на обслуживание потребностей Института, прежде всего это касалось центральноазиатского и кавказского материала периода бронзы, то определение состава стекла в преобладающей степени выполняется по заказу сторонних организаций. Неполный список за последние годы охватывает различные учреждения таких городов, как Владимир, Коломна, Луганск, Минск, Москва, Торжок, Одесса, Омск, Старая Ладога Ярославль. Преобладание заказов сторонних организаций определяется отнюдь не меркантильными соображениями, такое положение сложилось самопроизвольно, как результат устойчивых и обновляющихся научных связей. Все это указывает на то, что по анализу состава стекла Лаборатория археологической технологии, без всякого сомнения, остается ведущей в стране.

При невозможности сослаться на все работы по анализу стекла и подобных материалов укажем лишь наиболее значимые. Так, результатом обширных исследований фаянса бус бронзового века из Калмыкии стало выявление совершенно необычных для этого времени по своему составу фаянсов. Эта работа выполнена в сотрудничестве с английским исследователем (Shortland et al. 2007). Изучение же состава бус из погребений поздне-римского времени бывшей римской провинции Верхняя Мезия на территории нынешней Сербии и Черногории показало такое большое разнообразие типов стекла, которое еще ждет своего осмысления (Egorkov 2006)

Следствием выполнения большого количества анализов стекла разнообразного состава стало выдвижение новых воззрений на технологию производства стекла в древности. Отправным моментом здесь послужило то, что интерпретаторам состава археологического стекла не следует пытаться определить его происхождение лишь по соотношению щелочных и щелочноземельных компонентов, но необходимо обращать внимание на свойства исходных материалов для варки стекла, их изменчивость и пути их формирования в природе. Обсчет по формальным схемам и усложнение алгоритма расчета очень часто не приводят к получению положительных результатов. Эти взгляды, также во много противоречащие общепринятым, уже попали в некоторые наши публикации (Егорьков 2010). В более полном виде они высказаны на конференции «Стекло Восточной Европы в древности, средневековье и новое время» в Москве весной 2011 г. и нашли понимание у отечественных исследователей (Румянцева 2007).

Работы в этом направлении кажутся важными, потому что исследователи порой сосредоточивают внимание на выявлении тех галофитов, из золы которых сварено стекло, определяя их конкретные виды (Щапова 1998: 60, 69, 92, 113, 124–126). В соответствии с представлениями автора сделать это совершенно невозможно. Более правильным представляется путь, когда исследователи пытаются сопоставить тип стекла с этнической принадлежностью носителей артефактов, пытаясь таким образом выявить пути их миграции (Mastykova et al. 2005).

Несмотря на то что используемая в нашей стране ОЭС уже вышла из употребления в большинстве других стран из-за своей невысокой точности, представляется, что отказываться от нее преждевременно. Выскажу точку зрения, которая может показаться по меньшей мере странной. Методы с невысокой точностью по сравнению с точными методами анализа, видимо, больше подходят для понимания той самой материальной культуры, которая является основным предметом научных изысканий археологов. Такие методы вскрывают *парадигму* тех технических приемов, тех технологий, которые использовали для их производства. Дальнейшее увеличение точности анализа потребует приложения дополнительных усилий, в результате чего ее достижение может обернуться непомерными затратами, а каждый последующий шаг в этом направлении будет даваться все

с большим трудом. Более того, в том объеме информации, которую дают точные методы, в меньшей мере будет доля собственно материальной культуры и все более доля случайности. Малые различия в составе артефакта, определенного с высокой точностью, могут быть следствием сиюминутных обстоятельств, возникающих при его производстве, таких, как непостоянство состава сырья, несоблюдение постоянного соотношения компонентов шихты, отсутствие строгого контроля процесса производства. Наконец, могут оказывать влияние и такие факторы, которые в наше время вообще не поддаются оценке, как, например, сезонность, которая, определяя период вегетации растений, оказывает значительное влияние на состав их золы и затем на состав произведенного из нее стекла. В таких случаях выявлять в различиях состава какие-либо тонкие закономерности бессмысленно. Понимание этого обстоятельства привело автора к огрублению результатов выполненных им анализов, когда для значений содержаний менее 1 % приводится одна значащая цифра, а для больших значений – лишь две.

И все же рассчитывать на то, что ОЭС сохранится как широко используемый метод исследования, рассчитывать вряд ли приходится. Трудности здесь подстерегают и с другой стороны: в связи с повсеместным переходом к цифровой фотографии сворачивается производство фотопластинок, ограничивается их ассортимент. По сведениям автора, в России их теперь производит лишь единственное предприятие. К сожалению, ответ на вопрос, когда и каким образом ОЭС выйдет из употребления, можно дать лишь тот, который в свое время пришлось услышать Левконое: знать не дано.

- Алёкшин 2007 – *Алёкшин В. А.* Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА СССР – ИИМК РАН и его предшественники в ИАК – РАИМК – ГАИМК – ИИМК АН СССР (основные вехи истории) // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 10–92.
- Безбородов 1969 – *Безбородов М. А.* Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969.
- Богданова-Березовская, Наумов 1963 – *Богданова-Березовская И. В., Наумов Д. В.* О применении количественного спектрального анализа при исследовании археологических бронзовых изделий // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963. С. 77–83
- Гак, Егорьков 2009 – *Гак Е. И., Егорьков А. Н.* Латунь Ергеинского могильника и ее историко-металлургический контекст // АВ. 2009. № 16. С. 57–62.
- Галибин 1990 – *Галибин В. А.* Древние сплавы на медной основе (основные принципы интерпретации) // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 175–182.
- Галибин 1991 – *Галибин В. А.* Изделия из цветного и благородного металла памятников эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 59–69.
- Галибин 2001 – *Галибин В. А.* Состав стекла как археологический источник. СПб., 2001.
- Горюнова 1992 – *Горюнова В. М.* Новый клад антского времени из среднего Поднепровья // АВ. 1992. № 1. С. 126–140.
- Егорьков 2001 – *Егорьков А. Н.* Особенности состава металла Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001. С. 85–103.
- Егорьков 2002а – *Егорьков А. Н.* Взгляд на природу никеля в ранней бронзе Кавказа // Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар, 2002. С. 117–120.
- Егорьков 2002б – *Егорьков А. Н.* Основы интерпретации состава металла кладов «древностей антов» // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002. С. 89–92.
- Егорьков 2008 – *Егорьков А. Н.* О цементационном получении бронзы и латуни в древности // АВ. 2008. № 15. С. 157–162.
- Егорьков 2010 – *Егорьков А. Н.* Аналитическое исследование состава стекла бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 358–364.
- Егорьков, Зайцева 2010 – *Егорьков А. Н., Зайцева И. Е.* Результаты анализа предметов, изготовленных из сплавов на основе меди // Русь и Восток в IX–XVI веках. М., 2010. С. 129–138.

- Егорьков и др. 2004 – *Егорьков А. Н., Гак Е. И., Шишлина Н. И.* Могильник Ергени в Калмыкии: латунь в бронзовом веке // *Древний Кавказ: ретроспекция культур.* М., 2004. С. 77–78.
- Егорьков и др. 2005 – *Егорьков А. Н., Гак Е. И., Шишлина Н. И.* Состав металла Калмыкии в бронзовом веке // *АВ.* 2005. № 12. С. 71–76.
- Егорьков и др. 2007 – *Егорьков А. Н., Кильдюшевский В. И., Курбатов А. В.* К традициям стеклоделия в древнем Владимире (по материалам раскопок 2006 г. в «Ветчаном городе») // *ЗИИМК.* 2007. № 2. С. 257–268.
- Егорьков, Пескова 2009 – *Егорьков А. Н., Пескова А. А.* Состав металла византийских крестов-реликвариев из собрания Государственного Эрмитажа в свете новых данных // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* М., 2009. № 3 (37). С. 36–38.
- Егорьков, Щеглова 2000 – *Егорьков А. Н., Щеглова О. А.* Состав свинцово-оловянных сплавов раннеславянских кладов «древностей антов» // *Археометрия та охорона історико-культурної спадщини.* Київ, 2000. № 4. С. 56–61.
- Егорьков, Щеглова 2001 – *Егорьков А. Н., Щеглова О. А.* Металл «антских» кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // *Древние ремесленники Приуралья.* Ижевск, 2001. С. 280–307.
- Егорьков, Щеглова 2006 – *Егорьков А. Н., Щеглова О. А.* Металл клада из Козиевки/Новой Одессы // *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки.* СПб., 2006. С. 21–24.
- Егорьков, Щетенко 1999 – *Егорьков А. Н., Щетенко А. Я.* Состав металла поселения эпохи поздней бронзы (Южный Туркменистан) // *Археометрия та охорона історико-культурної спадщини.* Київ, 1999. № 3. С. 39–43.
- Егорьков, Щетенко 2004 – *Егорьков А. Н., Щетенко А. Я.* К вопросу о составе металла изделий эпохи поздней бронзы и железа Южного Туркменистана // *АВ.* 2004. № 11. С. 95–101.
- Зайцева 2007 – *Зайцева Г. И.* Радиоуглеродная группа ИИМК РАН: история создания, современное состояние // *ЗИИМК.* 2007. № 2. С. 93–141.
- Клер 1979 – *Клер А. М.* Химический состав некоторых бронзовых изделий из поселения Алтындепе (Южный Туркменистан) // *КД.* 1979. Вып. 8. С. 122–124.
- Наумов 1961 – *Наумов Д. В.* Метод количественного спектрального анализа сплавов на медной основе применительно к исследованию археологических предметов // *СА.* 1961. № 3. С. 113–121.
- Наумов 1962 – *Наумов Д. В.* Опыт количественного спектрального анализа древнего стекла // *СА.* 1962. № 4. С. 115–120.
- Наумов 1968 – *Наумов Д. В.* Химический состав металлических предметов некоторых памятников Южного Туркменистана // *КД.* 1968. Вып. 2. С. 57–60.
- Наумов 1970 – *Наумов Д. В.* Химический состав некоторых бронзовых предметов Южного Туркменистана // *КД.* 1970. Вып. 3. С. 244–245.
- Наумов 1975 – *Наумов Д. В.* Количественный спектральный анализ древнего стекла // *Очерки технологии древнейших производств.* М., 1975. С. 156–175.
- Пескова, Егорьков 2010 – *Пескова А. А., Егорьков А. Н.* Византийский крест-реликварий на Рюриковом городище // *Диалог культур и народов средневековой Европы.* СПб., 2010. С. 53–61.
- Резепкин 2006 – *Резепкин А. Д.* Металл майкопской культуры // *Первая абхазская международная археологическая конференция.* Сухум, 2006. С. 314–318.
- Румянцева 2007 – *Румянцева О. С.* Проблема происхождения стеклянных изделий эпохи Великого переселения народов (на материалах кобальтсодержащих бус лесной зоны России) // *Российская археология.* 2007. № 3. С. 81–91.
- Фармаковский 1922 – *Фармаковский М. В.* Институт Археологической Технологии // *Известия ИАТ.* Пг., 1922. № 1. С. 1–8.
- Черных 1966 – *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
- Щапова 1983 – *Щапова Ю. Л.* Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М., 1983.
- Щапова 1998 – *Щапова Ю. Л.* Византийское стекло: Очерки истории. М., 1998.
- Brill 1999 – *Brill R. H.* Chemical analyses of early glasses. Vol. 2. Tables of analyses. New York, 1999.

- Craddock 1978 – *Craddock P. T.* The composition of the copper alloys used by the Greek, Etruscan and Roman civilizations. 3. The origin and early use of brass // *JAS*. 1978. Vol. 5. P. 1–16.
- Craddock 1985 – *Craddock P. T.* Medieval copper alloy production and West African bronze analysis. Part 1 // *Archaeometry*. 1985. Vol. 27. P. 17–41.
- Egorkov 2006 – *Egorkov A.* L'analyse des perles de Singidunum et de Viminacium par la spectrographie optique d'émission // *Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A.* Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris, 2006. P. 106–117.
- Forshell 1992 – *Forshell H.* The inception of copper mining in Falun. Stockholm, 1992.
- Mastykova et al. 2005 – *Mastykova A., Pilet C., Egorkov A.* Les perles multicolores d'origine méditerranéenne provenant de la nécropole mérovingiennes de Saint-Martin-de-Fontenay (Calvados) // *La Méditerranée et le monde mérovingien: témoins archéologiques*. Aix-en-Provence, 2005. P. 299–311.
- Shortland et al. 2007 – *Shortland A., Shishlina N., Egorkov A.* Origin and production of faience beads in the North Caucasus and the Northwest Caspian sea region in the Bronze Age // *Les cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère): Leur relations avec le Proche-Orient*. Paris, 2007. P. 271–283.
- Thornton 2007 – *Thornton C. P.* Of brass and bronze in prehistoric Southwest Asia // *Metals and Mines: Studies in Archaeometallurgy*. London, 2007. P. 189–201.
- Thornton, Ehlers 2003 – *Thornton C. P., Ehlers C. B.* Early brass in the ancient Near East // *Institute for Archaeo-Metallurgical Studies*. 2003. Vol. 23. P. 3–8.

Глава 10. НАУЧНЫЙ АРХИВ ИИМК РАН: ИСТОРИЯ АРХИВА И ХРАНИТЕЛИ «ВЕЧНОСТИ»

Г. В. Длужневская

Созданная в 1919 г. Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК) наследовала рукописные и фотодокументы, отложившиеся в архиве Императорской Археологической комиссии (ИАК) и существовавшей около года Российской государственной археологической комиссии (РГАК). Архив ИАК лег в основу исключительно ценного собрания Научного архива ИИМК РАН, включающего материалы по истории, археологии, нумизматике, этнографии, истории искусства, реставрации древних памятников, истории архитектуры и пр.

Весьма подробно и обстоятельно деятельность ИАК на территории Российской империи изложена в монументальном издании, созданном, в основном, усилиями сотрудников ИИМК РАН – «Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917 гг.): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия» (СПб., 2009). В издании широко использованы документы Рукописного отдела и фотодокументы из Научного архива ИИМК. История формирования архива ИАК и обзор его фондов помещены в Приложении (Белова и др. 2009).

Напомним, что формирование архива составляло одну из важнейших задач ИАК, что было отмечено в проекте положения о Главной Археологической комиссии, составленном С. Г. Строгановым в 1857 г. Однако в Положении 1859 г. это не нашло своего отражения, хотя данная потенциальная обязанность Комиссии никогда не предавалась забвению. Вопрос о формировании общедоступного научного архива ИАК обсуждался 18–22 апреля 1889 г. на собрании членов Комиссии и представителей ученых обществ России, посвященном условиям реализации Высочайшего повеления 11 марта 1889 г. «Комплект» документов для хранения в архиве был установлен еще в 1860–1870-е гг. – по окончании раскопок следовало представить отчет, дневник с описанием работ, описи находок, рисунки с фиксацией памятника и находок, финансовую документацию. Интенсивность поступления документов в Комиссию была различной: с 1859 по 1881 г. ежегодно формировалось от 23 до 44 дел, что к 1882 г. составило, в целом, около 500 дел (единиц хранения). С 1882 по 1888 г. ежегодно создавалось от 55 до 83 дел, в 1889 г. было образовано 110. После 1890 г. их количество резко увеличилось и составляло в год от 200 до 417 дел (в 1913 г.), что, несомненно, было связано с эксклюзивным правом, полученным ИАК, выдавать разрешения на полевые исследования на казенных, общественных и ведомственных землях Российской империи. В период Первой мировой войны и последующих политических событий поступление документов сократилось и, например, в 1918 г. было образовано всего 54 дела. Кроме того, в начале деятельности Комиссии преобладали дела о случайных находках монет, вещей, кладов или сообщениях о них. В дальнейшем значительно больше формируется дел об исследовании и реставрации памятников археологии и архитектуры.

Как правило, дела включали переписку о разрешении на раскопки, Открытый лист, отчет о проведенных исследованиях, описи, рисунки и планы, позже – фотографии.

В Комиссию часто поступали материалы несанкционированных раскопок, а также раскопок на частных землях и предложения от кладоискателей, которым обычно отказывалось в выдаче разрешения на раскопки (Там же: 5–6).

Следует отметить еще несколько групп документов, отложившихся в Рукописном отделе: 1) переписка с местными учеными обществами – Статистическими комитетами, позднее – Губернскими учеными архивными комиссиями, носившая, в основном, краеведческий характер; 2) материалы о взаимодействии ИАК с Главным управлением путей сообщения и публичных зданий, которые по своему характеру соответствуют современным «новостроечным исследованиям» и «спасательным работам» (в целях сохранения древностей при уничтожении древних памятников зодчества, проведении дорог, в том числе железных, и т. д.); 3) книги с записями о поступивших в Комиссию кладах или случайных находках с отметками об их дальнейшей судьбе (обычно о передаче находок в Эрмитаж, другие музеи, редко о возвращении находки владельцу); 4) протоколы заседаний ИАК (вид документации, в некоторой степени напоминающий протоколы разного рода заседаний в современных научных учреждениях); 5) дела об участии членов ИАК в Археологических съездах и других научных мероприятиях; и, наконец, 6) личные дела членов и сотрудников ИАК, а также дела о штатном расписании и его реформировании.

Значительное количество дел (коллекция Р-III – 7080 ед. хр.) связано с охраной и реставрацией памятников церковной архитектуры – «Метрики для получения верных сведений о древне-православных храмах Божьих, зданиях и художественных предметах», поступившие в ИАК из Императорской Академии художеств в целях сосредоточения в едином исследовательском центре документов описательно-статистического характера (Там же: 6–7).

С самого начала деятельности ИАК председатель Комиссии граф С. Г. Строганов установил, что «все письменные дела Комиссии для ближайшего надзора и облегчения во всякое время сношения с Комиссией, помещаются при ней ее производителем дел», а именно в Строгановском дворце, поскольку изначально не имевшая своего помещения Комиссия размещалась в собственном дворце председателя (Там же: 8).

Производителями дел Комиссии, по сути – архивистами, служили действительный статский советник *Александр Станиславович Линевич* (1859–1861); востоковед-арабист, нумизмат, археолог, член-корреспондент ИАН по разряду восточной словесности (1893) *Владимир Густавович Тизенгаузен* был в ИАК производителем дел в 1861–1864 гг., затем младшим, старшим членом и товарищем председателя (1864–1900), редактором «Отчетов ИАК» (1861–1897).

В 1873–1877 гг. делопроизводителем являлся археолог и востоковед *Петр Иванович Лерх*. На этом посту его сменил журналист *Илья Алексеевич Сулов*, который работал в Комиссии с 1866 г., но в должности делопроизводителя – с 1877 по 1902 г. Вместо него с января 1903 г. был назначен *Александр Сергеевич Раевский*, с января 1910 г. работавший в ИАК библиотекарем. Последним делопроизводителем служил Илья Семенович Сутулло. В 1888 г. он поступил в ИАК регистратором, а должность делопроизводителя получил в 1910 г. (Медведева и др. 2009: 48–51, 180–181 – см. биографии и портреты делопроизводителей ИАК). Однако, по мнению ее председателя А. А. Бобринского, определяющая роль в создании архива Комиссии принадлежит И. А. Сулову. В 1891 г. в рапорте о присвоении ему нового чина А. А. Бобринский, упоминая, что в то время в Комиссии хранилось несколько десятков тысяч вещей, ожидающих распределения по музеям Российской империи, писал: «Между тем каждый предмет в ИАК хранится в определенном месте, записывается в особую книгу, каждой раскопке или находке ведется особое дело. Вся эта кропотливая и неблагодарная работа требует большой усидчивости и обусловлена многими трудовыми часами, тем более, когда делопроизводство ведется в том

образцовом порядке, который заведен в Комиссии. Этим порядком ИАК обязана И. А. Сулову» (ф. 1, оп. 1, 1865 г., д. 24, л. 146–146 об.).

Некоторые изменения в систематизации и ведении архивного дела в ИАК произошли в конце 1896 г., после утверждения ее председателем А. А. Бобринским «Положения о распределении обязанностей служащих Археологической комиссии». Необходимость в этом появилась в связи с постоянным расширением деятельности ИАК. Каждый из ее трех штатных членов стал заведовать делами в определенном районе. Тем не менее ведение общих вопросов и издание отчетов входили в обязанности товарища председателя Комиссии, которому одновременно подчинялись библиотека и проведение выставок. Все входящие бумаги, в первую очередь, поступали на рассмотрение председателя ИАК (Медведева и др. 2009: 168–170).

В настоящее время фонд ИАК в Рукописном отделе насчитывает 9032 дела, относящихся к 1859–1919 гг., хотя в некоторых из них встречаются документы начала XIX в. Формирование фонда ИАК в его нынешнем виде началось после 15 декабря 1921 г., когда под руководством заведующего архивом С. А. Жебелёва (рис. 49, 3) материалы были перевезены из Зимнего дворца в Мраморный (рис. 81, 1), где расположилась РАИМК.

При фондообразовании, проведенном в архивах ЛОИА АН СССР в 1961 г. (тогда Рукописный архив и Фотоархив существовали как два отдельных научно-вспомогательных подразделения), документы ИАК в том и другом случае были объединены в фонд № 1. В этот же фонд были включены и немногочисленные документы 1918–1919 гг., отложившиеся за время существования РГАК.

К началу XXI в. фонд ИАК в Фотоотделе НА ИИМК РАН объединил 100 006 единиц хранения – негативов, отпечатков и открыток, выполненных известными и малоизвестными фотографами-профессионалами, фотографами-любителями, исследователями – историками, археологами, историками искусства, востоковедами, архитекторами и другими в 1870–1917 гг.

Фотодокументы, собранные в этом фонде, представляют снимки процесса изучения разнотипных археологических памятников во время полевых исследований сотрудников Археологической комиссии и местных археологов, предметов, обнаруженных во время раскопок, и случайных находок. Кроме того, в собрании представлены фотодокументы, отражающие процесс историко-культурных обследований и реставрации памятников архитектуры на территории Российской империи, и иллюстративный материал к археологическим изданиям (Девель 1950).

В целом, в НА ИИМК РАН зарегистрировано 35 фондов учреждений и организаций – 18 фондов в Рукописном отделе и 17 – в Фотоотделе (Приложение).¹ Естественно, имеются собрания, «совпадающие» по фондообразователям: ИАК (1859–1917); РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР; РАО (1846–1925); Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе (в Фотоотделе – Ленинградский отдел охраны памятников Комитета по делам искусства); Издательство Комитета популяризации художественных изданий при ГАИМК (в Фотоотделе – Комитет популяризации художественных изданий); ИИМК РАН (с 1991 г.).

Личных фондов значительно больше: 81 фонд в Рукописном отделе и 58 – в Фотоотделе. Также имеются фонды одних и тех же фондообразователей: археолога, председателя ИАК А. А. Бобринского (1852–1927); архитектора Н. В. Султанова (1850–1908); археолога, историка искусства, востоковеда Я. И. Смирнова (1869–1918); археолога А. А. Спи-

¹ В Приложении «Фонды Научного архива ИИМК РАН» приведен полный список фондов, указаны количество единиц хранения и крайние даты документов. Также в ряде случаев отмечено, что материалы фонда находятся в процессе обработки (НТО).

цына (1858–1931); археолога, историка античного искусства Б. В. Фармаковского (1870–1928); археолога Н. И. Репникова (1882–1940); архитектора К. К. Романова (1882–1942) (рис. 81, 3: *справа*); археолога Г. П. Сосновского (1899–1942); историка искусства, реставратора Н. П. Сычёва (1883–1964); археолога П. Н. Третьякова (1909–1976); историка-археолога М. П. Грязнова (1902–1984) (Михаил Петрович Грязнов... 2012); археолога А. Л. Якобсона (1906–1984) (Длужневская 2012).

«Официальными» фотографиями ИАК являлись Михаил Евгеньевич Романович, производивший съёмку археологических находок до 1891 г. Снимки, датируемые 1891–1895 гг., выполнены членом ИАК Василием Григорьевичем Дружининым (рис. 82, 1), историком, археографом, коллекционером, который считал себя «фотографом-любителем», однако работал на высоком профессиональном уровне. Впоследствии он обучил «археологической» фотографии, съёмке вещей и памятников будущего фотографа ИАК/ГАИМК Ивана Фёдоровича Чистякова (рис. 82, 4). Для ИАК работали также Самуил Мартынович Дудин-Марцинкевич (1863–1929), художник, путешественник, этнограф, археолог, музейный работник, фотограф; и Иван Фёдорович Барщевский (1851–1948) (рис. 82, 3), фотограф Московского археологического общества и Академии художеств (Длужневская 2007).

Именно В. Г. Дружинин доказал необходимость обязательной фотосъёмки археологических предметов. Разработанная им методика, применяемая и поныне, обязывала фотографировать предмет в нескольких ракурсах с целью наиболее полной фиксации его облика, более крупно фотографировать существенные детали, указывать масштаб, применять фон и подсветку. Для съёмки в конце XIX столетия использовали стеклянные пластины, и фотограф «процарапывал» масштаб на эмульсионном слое. Обычно для съёмки вещей использовали пластины 18 × 24 см или даже 24 × 30 см. В ряде случаев черно-белые фотографии после печати раскрашивались, чтобы передать цвет изделия (цветные бусы, изделия из золота или бронзы).

Вначале негативы хранились у фотографов, фотографии – у членов Археологической комиссии, а фотодокументы полевой съёмки – у руководителей работ. Большая часть негативов 1896–1917 гг. была выполнена фотографом И. Ф. Чистяковым в специально организованной и оборудованной фотолаборатории. По своей инициативе он составил ориентировочные описи на все сделанные им негативы. Более 20 000 негативов на стеклянных пластинах разного размера, хранившихся в его частной квартире, поступили в РГАК в ноябре 1918 г. 11 декабря 1918 г. их передача была оформлена записью в Инвентарной книге № 1. При всем том, что Фотоархив невыделенно существовал в ИАК с самого начала ее деятельности, эту дату – 11 декабря 1918 г. следует считать его «днем рождения».

Т. М. Девель, заведующая Фотоархивом, многие годы сотрудничавшая с И. Ф. Чистяковым, откликнулась на его кончину следующими словами: «7-го декабря 1935 г. в Ленинграде на 70-м году жизни скончался фотограф ГАИМК Иван Фёдорович Чистяков, бесценно работавший в Академии с самого ее основания».

За 41 год своей работы в качестве фотографа И. Ф. Чистяков дал продукцию, исчисляемую десятками тысяч. Но не количественно измеряется заслуга Ивана Фёдоровича как фотографа, а тем, что вся деятельность его являлась осуществлением лозунга «фотографии на службе науке», именно по линии фиксации археологических памятников. Не менее удачно снимал он и мелкие объекты – керамику, кость, дерево, но особого мастерства И. Ф. Чистяков достиг в редкой передаче металла, о чем дает представление иллюстрированный его снимками альбом «Восточное серебро» Я. И. Смирнова <...> Нельзя не отметить и превосходную полевую съёмку, которую делал И. Ф. Чистяков, будучи бессменным фотографом Ольвийской экспедиции ГАИМК в 1924–1930 гг. и 1932 г.

Кроме овладения техникой своего дела И. Ф. Чистякова характеризует еще одна, весьма ценная черта – сознание важности своевременной точной паспортизации снимка.

С 1896 г. из года в год он вел понегативную запись и нумерацию снимков с отметкой содержания, автора и издания, для которого предназначались снимки. Наряду с этим, снимая находки из раскопок, он наносил алмазным карандашом под изображенным объектом его № по инвентарю находок, при репродукциях из изданий он часто таким же путем наносил автора и заглавие издания. В результате такого сознательного отношения к своей работе И. Ф. Чистяков оставил нам не только 40 тысяч хороших снимков, но 40 тысяч документов, могущих быть использованными в исследовательской работе» (ф. 2, оп. 3, д. 733).

С разрешения, а иногда по заданию ИАК полевые исследования проводились в северных и западных районах России, в Беларуси, Прибалтике, в центральных, восточных и южных районах; в Крыму и на Украине, а также на Северном Кавказе и в Закавказье. Работы в Средней Азии ограничены небольшим количеством снимков раскопок В. В. Бартольда на Афрасиабе в 1904 г. и находок из раскопок А. А. Козырева и Н. П. Петровского в урочище Кара-Агач Акмолинской обл. в 1901–1905 гг. В Сибири проводились работы в Красноярской и Томской губерниях, Якутии и Урянхайском крае (снимки из поездки С. Р. Минцлова в 1914 г. и раскопок А. В. Адрианова в 1915–1916 гг.).

Более многочисленный материал представляют снимки реставрационных работ, проводившихся под наблюдением ИАК: в северных и западных районах, в том числе обследование кремлевских стен в Новгороде, Пскове и Смоленске (П. П. Покрышкин, 1903–1915 гг. с перерывами); в центральных районах К. К. Романов обследовал Георгиевский собор в Юрьеве-Польском в 1909–1910 гг. (1005 ед.), Д. В. Милеев – Ипатьевский монастырь в Костроме в 1910–1912 гг. (1897 ед.); П. П. Покрышкин – стены и башни Московского Кремля в 1911 г. В восточных районах состоялись ремонтно-реставрационные работы в Казанском кремле и соборах Свяжска (70 ед.); в южных районах и в Донской области – в Старочеркасском соборе, в Кубанской – в Сентинском монастыре. В Крыму С. С. Некрасов в 1913–1915 гг. обследовал Бахчисарайский дворец (209 ед.); представлены материалы по гунуэзским памятникам Феодосии, церковному зодчеству в Керчи и ханской мечети в Евпатории (114 ед.). На Украине, в частности, П. П. Покрышкин исследовал Васильевский храм в Овруче в 1907–1908 гг. (137 ед.) и церковь Спас-на-Берестове в 1909–1912, 1914 гг. (501 ед.).

Работы, связанные с охраной памятников в Средней Азии, представлены сериями снимков из поездок Н. И. Веселовского в Самарканд в 1895 г. (315 ед.), В. А. Жуковского в Туркмению в 1896 г. (Анау, Меана, Мерв, 18 ед.) и художника Л. Е. Дмитриева в 1890-х гг. в Самарканд и Мерв. В Сибири производились работы по сохранению Якутского деревянного острога, башен в Илимске и ряда храмов в Тобольске и Тюмени.

Серия снимков заграничных поездок П. П. Покрышкина: в Буковину (Румыния) в 1916–1917 гг. (319 ед.) и Польшу – обследование старинных башен в окрестностях Холма и раскопки 1910 и 1912 гг. на соборной горе в Холме (32 ед.); расчистка стенописи костела в Люблине в 1903 г. (32 ед.) и реставрационные работы 1907–1909 гг. в Благовещенской церкви Супрасля и в Черском замке.

Основу фотографической (позитивной) части фонда ИАК составляют альбомы П. П. Покрышкина (рис. 82, 2), содержащие снимки, сделанные им в 1907–1917 гг. во время поездок по поручению Комиссии в связи с реставрационными работами в разных областях России (Медведева 2004). Имеется значительный материал по северному деревянному зодчеству: фотографии художников И. Я. Билибина (1904–1905 гг.), В. А. Плотникова (1907–1909 гг.) и архитектора Д. В. Милеева (1907 г.). Снимки памятников центральных районов, в меньшей степени Крыма и Кавказа, сделаны известным русским фотографом И. Ф. Барщевским (1880–1890-е гг.), фотографом В. М. Машуковым (1890–1903 гг.). Архитектура Грузии и Армении представлена великолепными снимками фотографов Д. И. Ермакова, М. Папазяна, О. А. Кюркчянца. Облик Средней Азии сохранился, например,

на фотографиях 1890 и 1896 гг. В. А. Жуковского, С. М. Дудина (1905 г., мавзолеи Шах-и Зинда в Самарканде), а также ряда других фотомастеров конца XIX–начала XX в. – Г. А. Панкратьева, А. М. Мишона из Баку, В. Ф. Козловского, А. Г. Полякова, Д. И. Ермакова, инженера Н. П. Петровского, сына знаменитого парижского фотографа П. Надара.

Зарубежный материал представлен фотографиями, привезенными из ученых путешествий академиком Н. П. Кондаковым – на Афон (1898 г.) и в Македонию (1900 г.), П. П. Покрышкиным – в Месемврию (1900 г.) и Сербию (1902 г.). Небольшая коллекция снимков известных западноевропейских фотографов памятников античной Греции и Италии, по искусству Италии эпохи Возрождения; равнинской мозаики фотографа Риччи. Интересный материал по Монголии, Китаю и Восточному Туркестану поступил от русской учено-торговой экспедиции в Китай в 1874–1875 гг. под руководством Ю. А. Сосновского (фотограф А. Н. Э. Боярский, 160 ед.).

Отметим, что первые снимки были присланы И. Ф. Барщевским в Министерство Императорского Двора в 1886 г. с целью обратить внимание властей Империи на бедственное состояние памятников (фото часовни близ Переяславля-Залесского, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и собора Спаса Преображения в Псковском Мирожском монастыре). Снимки были переданы в ИАК, которая просила фотографа прислать ей дополнительно имеющиеся у него изображения древних памятников. В результате в начале 1887 г. в Санкт-Петербурге было получено 1307 отпечатков – снимки памятников зодчества и предметов старины, сделанные И. Ф. Барщевским до середины 1880-х гг.

После Октябрьского переворота 1917 г. собрание ИАК стало основой фонда документов архива РАИМК. В довольно спешном порядке вместо упраздненной ИАК была организована Российская государственная археологическая комиссия, процесс формирования которой от момента постановки вопроса о необходимости поиска новых путей деятельности в апреле 1918 г. до утверждения проекта Устава в октябре 1918 г. занял всего полгода (ф. 1, оп. 1, 1918 г., д. 20, л. 75). В Уставе было отмечено, что при Комиссии организовываются библиотека с рядом отделов, в том числе с Отделом фотографических отпечатков и негативов, и особая фотографическая техническая часть (Там же, д. 1). Рукописная часть архива (т. е. документы на бумажных носителях) составляла в библиотеке Отдел старых книг, а графическая (чертежи и рисунки) входила в Отдел книг, карт, чертежей и рисунков.

Позитивы (фотографические отпечатки) поступили в библиотеку. Хранение и научно-техническая обработка негативов были организованы в декабре 1918 г., но как самостоятельный отдел в числе вспомогательных подразделений Фотоархив был выделен только в начале 1930-х гг., хотя вопрос о его организации поднимался с самого начала деятельности Академии истории материальной культуры (ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 73, л. 33).

В связи с расширением функций Комиссии, включавших отныне не только учет и надзор за памятниками прошлого, но и проведение практических мероприятий по их реставрации и ремонту, было предложено учредить новые должности помощника архитектора, техников, архивариуса для заведования архитектурным отделом, а также ассигновать ежегодно средства на приобретение фотографических снимков, рисунков и чертежей – 3 тыс. руб., на фотографические работы – 10 тыс. руб. (ф. 1, оп. 1, 1918 г., д. 20, л. 75–75 об.). На Заседании РГАК от 13 ноября 1918 г. помощником библиотекаря по архиву был назначен А. С. Раевский, в 1902–1910 гг. служивший делопроизводителем ИАК, а помощником фотографа – И. Ф. Чистяков.

26 декабря 1918 г. Совет РГАК одобрил постановление Правления от 6 декабря о приобретении для библиотеки Комиссии за 15 566 руб. большой коллекции негативов (Журнал правления № 7, Ст. XII). А. А. Спицын «указал на желательность приобретения коллекции фотографа Машечкина», и Совет просил К. К. Романова навести справки

об этой коллекции. В. М. Машечкин, фотограф Этнографического отдела Русского музея, в 1912–1914 гг. участвовал в экспедициях К. К. Романова по Заонежью, Ярославской и Псковской губерниям; Н. И. Репникова и других исследователей. В основном, негативы передавались сотрудниками безвозмездно.

В феврале–марте 1919 г. Совет и чрезвычайное собрание РГАК обсудили проекты «Положения о Российской Академии археологических знаний» и «Декрета о преобразовании Российской государственной археологической комиссии в Российскую государственную Академию археологических знаний и учреждений ее объединения» (Пряхин 1986: 13). Декрет о создании РАИМК был утвержден 18 апреля 1919 г. (Устав ГАИМК 1926: 3).

В сентябре 1919 г., согласно Уставу, Рукописный архив стал самостоятельным подразделением РАИМК (ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 1, л. 190 об.–191). 13 октября 1919 г. на XIV заседании на должность заведующего архивом Академии единогласно избрали академика Сергея Александровича Жебелёва. Ученый секретарь И. А. Орбели доложил о необходимости включить в число вспомогательных учреждений фотографическую лабораторию. Собрание постановило внести соответствующие статьи в Устав Академии и возложить заведование лабораторией на члена Академии Николая Петровича Сычёва.

2 ноября того же года И. А. Орбели (XVII заседание) доложил постановление Правления от 24 октября о поручении Н. П. Сычёву организовать Особый фотографический архив и выработать положение о таковом. Было решено организовать фотографический архив как самостоятельное учреждение при фотографической части и внести соответственные дополнения в Устав Академии (ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 17, л. 45).

Самостоятельным отделом в числе вспомогательных подразделений ГАИМК Фотоархив стал только в 1930-е гг. (ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 73, л. 33) и при реорганизации 1937 г. остался отдельным структурным подразделением в составе ИИМК АН СССР. Осенью 1941 г., с целью концентрации усилий для обеспечения сохранности документов, оставшихся в блокадном городе, Рукописный архив и Фотоархив были объединены в единый Архив ИИМК (ф. 35, оп. 6, д. 25, л. 30), но в 1944 г. они снова стали отдельными научно-вспомогательными подразделениями.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. фонды архивов, размещавшиеся тогда, как и Институт, на Васильевском острове в здании Академии наук, не пострадали. Большая заслуга в этом принадлежит оставшимся в блокадном городе Ольге Ивановне Бич (рис. 83, 4), Елизавете Григорьевне Кастанаян (рис. 51, 6) и Вере Николаевне Полторацкой (рис. 83, 6) (Васильева 2005).

Фотографическим архивом в XX столетии заведовали Н. П. Сычёв (рис. 81, 2), Н. В. Малицкий (рис. 81, 3: слева), Т. М. Девель (рис. 83, 1), Т. Б. Томес (рис. 83, 2) и Э. С. Доманская (рис. 83, 3).

Николай Петрович Сычёв – историк искусства, специалист в области древнерусской живописи, художник, реставратор; профессор ряда учреждений, хранитель Отделения древнерусского искусства и Художественного отдела Русского музея, директор Русского музея в 1921–1926 гг., в декабре 1919 г. назначен первым заведующим Фотоархивом (Лазарев 1965; Длужневская 2003б; Кызласова 2006).

Он родился в Санкт-Петербурге, в 1904–1910 гг. учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, после окончания которого был оставлен при кафедре истории и теории искусств для подготовки к преподавательской деятельности. В 1910–1911 гг. университетом и РАО командирован для научно-исследовательских работ в Новгород, Псков, Старую Ладугу и др.; в 1913 г. – в Армению, где под руководством академика Н. Я. Марра участвовал в археологических раскопках древнего г. Ани и провел самостоятельные исследования архитектуры и живописи памятников в районе

Эчмиадзина. В том же 1913 г. Н. П. Сычёв получил командировку в Австрию и Италию для научных занятий по византийскому и итальянскому искусству. В 1915 г. побывал в Грузии с целью изучения памятников искусства XIV в. В 1916 г. его избрали приват-доцентом и хранителем Музея древностей при Петроградском университете; кроме того, он являлся ученым секретарем Художественного отдела Русского музея, профессором Института истории искусств, Археологического института, Академии художеств; действительным членом РАИМК/ГАИМК, где заведовал Разрядами древнерусского искусства и русской живописи и был председателем III Художественно-исторического отделения.

В печально известные времена Н. П. Сычёва арестовывали несколько раз – впервые 12 сентября 1930 г. по подозрению в принадлежности к контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России»; спустя 10 месяцев освободили без предъявления обвинения. Второй раз – в 1933 г. Коллегией ОГПУ он осужден на 8 лет в ИТЛ (Ашнин, Алпатов 1994). В заключении Сычёв преподавал в Учебном комбинате НКВД в г. Кемь; организовывал Музей строительства Беломорско-Балтийского канала им. тов. Сталина в г. Повенец и был назначен его директором; являлся художественным руководителем Центральных мастерских Беломорско-Балтийского комбината НКВД, затем начальником Архитектурно-Художественного сектора Туломстроя НКВД Туломской ГЭС; в 1941 г. эвакуирован в Усольлаг. 18 июля 1942 г. Н. П. Сычёв освобожден и направлен в г. Чистополь, где работал сверхштатным научным сотрудником и заместителем директора Чистопольского краеведческого музея Татарской АССР. В конце 1944 г. Комитет по делам искусств при СНК СССР направил его в г. Владимир для работы в Отделе архитектуры при Владимирском облисполкоме (Кызласова 2006: 363). В феврале 1945 г. зачислен в Московский реставрационный центр, где заведовал Отделом древней живописи. 15 апреля Сычёв был арестован в третий раз. Его обвинили «в проведении после освобождения из заключения антисоветской агитации, направленной на подрыв политического строя СССР». Через три месяца его освободили. Летом 1945 г. переведен на работу в ИИМК АН СССР, в Москву (ф. 35, оп. 5, д. 301, л. 13), но только в конце декабря 1954 г. с него была снята судимость. С этого времени он работал в Москве в должности старшего научного консультанта Республиканской научно-реставрационной производственной мастерской Комитета строительства и архитектуры при Совете министров РСФСР (Кызласова 2006). За время научной деятельности он написал около двух десятков исследований, а ряд его художественных произведений приобретен для Государственной Третьяковской галереи и других музеев (ф. 35, оп. 5, д. 301, л. 9 об.). В Научном архиве ИИМК РАН имеются его личные фонды: в РА – ф. 51: 410 дел, 1907–1964 гг.; в ФА – ф. 37: 2906 ед. хр. (Длужневская 2003б).

Незаслуженно забытым оказался заведовавший Фотоотделом *Николай Владимирович Малицкий* (1881–1938) (рис. 81, 3: *слева*). Он родился в с. Белка Волынской губ., учился в Кременецком Духовном училище, затем в Волынской Духовной семинарии, в 1905 г. окончил Петербургскую Духовную академию, в 1909 г. – историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета по специальности «христианская археология» и был оставлен на кафедре истории средних веков. С 1911 г. преподавал христианскую археологию в Духовной академии, а с 1916 г. – в Петроградском Археологическом институте. В 1920–1924 гг. в том же институте профессор Н. В. Малицкий возглавлял кафедру византийского искусства; с 1925 г. являлся доцентом ЛГУ.

Преподавательскую деятельность Н. В. Малицкий совмещал с работой в научных учреждениях: с 1919 г. – научный сотрудник РАИМК; зав. Разрядом русской живописи, секретарь III Отделения; с апреля 1929 г. – научный сотрудник I разряда ГАИМК. 15 декабря 1930 г. уволен из ГАИМК, 3 февраля 1932 г. зачислен секретарем Института исторической технологии, 23 марта 1933 г. переведен во внештатные сотрудники. Сам он

отмечает, что являлся сотрудником ГАИМК с 1922 по 1932 г. С 1924 г. – ученый секретарь и заведующий Фотоотделом. С 1922 г. Н. В. Малицкий, крупнейший специалист в области византийского и русского искусства, работал также научным сотрудником Русского музея (ф. 2, оп. 3, д. 400). По заданию РАИМК/ГАИМК он принял участие в ряде поездок по изучению, реставрации и охране памятников архитектуры и искусства: в 1922 г. во Владимир с целью изучения рельефов Дмитриевского собора; в 1928 г. – в Суздаль для исследования южных врат собора (Археологические экспедиции... 1962: 18, 59).

Ст. научный сотрудник Русского музея Н. В. Малицкий был арестован 29 ноября 1933 г. и осужден 2 апреля 1934 г.: Коллегией и Особым Совещанием при ОГПУ было вынесено постановление по ленинградской части дела «Российской национальной партии». Из 35 осужденных: Д. А. Золотарёв, А. А. Миллер, И. Г. Спасский, Ф. И. Шмит получили по 5 лет лагерей, Г. А. Бонч-Осмоловский и другие – 3 года лагерей. По три года ссылки получили Н. В. Малицкий, Л. А. Дурново, М. П. Грязнов. Одиннадцать осужденных, в том числе И. Г. Спасский и М. П. Грязнов, не признали себя виновными. Два дела было прекращено «за смертью подсудимых» – С. А. Теплоухова и Ф. А. Фиельструпа (Ашнин, Алпатов 1994: 86; Платонова 1995: 138–139).

Н. В. Малицкий был сослан на 3 года в Петрозаводск и вторично арестован 19 сентября 1937 г. Умер он 15 января 1938 г. в Каргопольском лагере (Ашнин, Алпатов 1994: 138, 241–243). Полностью реабилитирован 31.03.1989 г. прокуратурой Вологодской обл. Такова трагическая судьба второго заведующего Фотоотделом Николая Владимировича Малицкого.

Судя по всему, название *Фотоархив* достаточно устойчиво утверждается в 1934 г. Названию, по-видимому, не придавалось большого значения, так как все понимали, о каком отделе идет речь и что это отдел, в котором концентрируются, научно и технически обрабатываются именно фотодокументы. Отметим также, что в документе от 15 ноября 1927 г. из личного дела Н. В. Малицкого указано, что с 1924 г. (и, вероятно, до 1932 г.) Н. В. Малицкий возглавлял *Фотоотдел*.

Татьяна Модестовна Девель (1888–1981) заведовала Фотоархивом ГАИМК/ИИМК АН СССР с 1932 по 1956 г. (Длужневская 2003б).

Родилась в Петербурге, в семье воспитателя Инженерного училища. Первоначальное образование получила в Литейной женской гимназии. В 1907–1908 гг. обучалась в Оболенской гимназии, а в 1909–1910 гг. работала воспитательницей в женской Константиновской гимназии при Педагогическом институте. В 1912 г. поступила на Высшие женские Бестужевские курсы, где занималась на историко-филологическом отделении по истории западного средневековья. Числилась на курсах до 1917 г., но не смогла сдать государственные экзамены из-за болезни. В 1913 г. летний семестр училась во Фрейбургском университете в Германии в семинаре проф. Белова по истории средневекового города, а летом 1914 г. занималась историей Флоренции.

В 1915 г. Т. М. Девель, не закончив учебы, пошла сестрой милосердия на фронт, работала в Рижском (Минск, Винница) и Кауфманском (Тула) госпиталях. Тяжело заболев в мае 1917 г., была направлена на лечение в Анапу, а затем в Пятигорск. В Пятигорске в 1918 г. работала в Вечернем народном университете, занималась стенографированием лекций, составлением и подготовкой к печати учебных пособий. С весны 1919 по март 1920 г. служила в должности журналистки, машинистки, делопроизводителя у «белых» в Гражданском управлении Терским краем в Пятигорске. С весны 1920 г. вплоть до переезда в Петроград в 1921 г. работала в Земельном отделе Исполкома. Весной 1921 г. Татьяна Модестовна вернулась в Петроград и в апреле того же года поступила на работу в фотографический отдел ГАИМК в должности научно-технического сотрудника. Уже в сентябре 1921 г. указана должность – регистратор фотографического отдела.

Т. М. Девель – историк, специалист в области западноевропейского средневековья, знала европейские языки, читала и переводила с греческого и латыни. Полученное образование дало ей историческую специальность, последующая практическая деятельность сделала ее фотоархивистом. Указывая специальность, она пишет «фотоархивное дело», ставшее делом ее жизни. По возвращении в Петроград Т. М. Девель была научно-техническим сотрудником РАИМК/ГАИМК (1921–1927), научным сотрудником II разряда (1928); назначена заведующей фототекой с 1 ноября 1932 г., позже – хранителем Фотоархива; старшим научным сотрудником (с 1 февраля 1934 г.).

В 1921–1924 гг. Татьяна Модестовна составляла описательный карточный каталог коллекции негативов с предметов древностей. Ею было определено свыше 10 тысяч негативов и составлено 4000 номеров карточек. Кроме того, с 1923 по 1929 г. Т. М. исполняла обязанности секретаря Комитета по искусствознанию и секретаря Ольвийской экспедиции ГАИМК 1926, 1928–1930 гг.

«За все эти годы ею (Т. М. Девель. – Г. Д.) проведена огромная научно-организационная работа, в результате которой фототека Академии сделалась одним из образцовых научно-вспомогательных учреждений не только города Ленинграда. Фотоархив Академии является одним из крупнейших фотохранилищ в Европе и вызывает к себе большой интерес иностранных специалистов, бывающих в СССР и знакомящихся с работой Академии» (ф. 35, оп. 5, д. 87, л. 56). В 1937 г. ГАИМК становится ИИМК АН СССР им. Н. Я. Марра. В связи с этим Президиум Академии наук утверждает Т. М. Девель в должности зав. Фотоархивом, точнее, подтверждает уже имевшуюся должность. В июне 1941 г. Т. М. Девель ушла в очередной отпуск и выехала в Ташкент, во время Великой Отечественной войны была откомандирована ИИМК в распоряжение Ташкентского Музея искусств и работала в Институте языка, литературы и истории УзФАН по составлению сводного каталога имеющейся в ташкентских библиотеках литературы по истории Средней Азии и сопредельных стран на иностранных языках, который не сохранился в Фотоархиве, но известно, что насчитывал 64 а. л.

Только 18 мая 1945 г. Т. М. Девель вернулась «из очередного отпуска», который так надолго оторвал ее от любимого дела и «детища» – Фотоархива: «Считать возвратившимися из эвакуации и приступившими к исполнению своих обязанностей сотрудников Ташкентской группы ИИМК [в том числе]: Девель Т. М. – ст. н. с., зав. фотоархивом» (Там же, л. 94). В августе 1951 г. по штатному расписанию ЛЮИИМК АН СССР в составе Фотоархива числились: заведующая фототекой, ст. н. с. Т. М. Девель и научно-технический сотрудник Т. Б. Томес.

Т. М. Девель продолжала плодотворно трудиться: опубликовала в 1950 г. «Обзорные коллекции собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР» (Девель 1950), в 1954-м – «Материалы по методике ведения фотоархива при научно-исследовательских учреждениях» (Девель 1954). Татьяна Модестовна читала «в порядке товарищеской помощи» лекции, пропагандируя разработанную ею систему учета и хранения негативов и фотографических материалов.

1 октября 1956 г. исполнилось 35 лет безупречной работы Т. М. Девель в ГАИМК/ИИМК АН СССР в качестве сотрудника, а с 1932 г. – зав. фототекой, создавшей образцовое хранилище ценнейших фотонегативов, выработавшей совершенную систему хранения фотоисточников и на протяжении лет показавшей высокую культуру труда, любви и преданности делу. Вскоре Т. М. Девель ушла на заслуженный отдых и прожила на пенсии еще четверть века.

Мы мало знаем о других сотрудниках Фотоархива и фотолаборатории этого времени: из личных дел удалось извлечь очень краткие данные.

Успенская Надежда Эрастовна (1862–1942) работала в Фотоархиве в 1919–1920 гг. в должности научно-технического сотрудника.

В 1920–1921 гг. в должности регистратора Фотоотдела работала приглашенная по рекомендации И. А. Орбели Мария Антоновна Вейхард (1863–?), которая окончила в 1881 г. Николаевский Сиротский институт по специальности иностранные языки и история. Она занималась регистрацией негативов. Эту работу продолжила пришедшая, видимо, сразу же после нее и на эту же должность Т. М. Девель.

Вместе с Т. М. Девель в 1934–1941 гг. работали научно-техническими сотрудниками историк-музеевед Ксения Михайловна Назарова (1895–?) (рис. 83, 5), искусствовед Александра Ивановна Краснова (1910–?) и археолог М. А. Наливкина. Архивист Надежда Ивановна Никитина (1905–?) в 1935–1936 гг. работала в научно-исследовательском кабинете Н. Я. Марра, занимаясь при этом разработкой техники разборки личных архивов и чтением лекций по архивному делу. Историк Ольга Васильевна Михайлова (1908–?) в 1932 г. являлась научно-техническим сотрудником Фотоотдела, а с 1933 по 1935 г. работала в феодальном секторе ГАИМК. Искусствовед София Павловна Мизуч (1899–?) в ГАИМК с 1926 г. и затем с 1929 по 1936 г. – в Фотоархиве. Реставратор Валентина Александровна Сниткина (1920–1943) работала в Фотоархиве с 1937 по 1939 г. Погибла во время Великой Отечественной войны.

После ухода на пенсию Т. М. Девель исполнение обязанностей заведующей Фотоархивом было возложено на *Тамару Борисовну Томес* (1915–1975). Она родилась в Петербурге, мать после революции работала машинисткой и препаратором, отчим был военно-служащим. Т. Б. Томес окончила 34-ю Трудовую школу в 1931 г. В 1936 г. пришла на должность научно-технического сотрудника в Фотоархив ГАИМК и работала до июля 1940 г. В 1941 г. вместе с организацией мужа была эвакуирована в Свердловск. В Ленинград они вернулись в 1947 г., и Тамара Борисовна снова стала трудиться в Фотоархиве, но теперь в должности лаборанта. С ноября 1956 г. – заведующая Фотоархивом (ф. 35, оп. 5, д. 371).

С 1974 по 1984 г. Фотоархивом заведовала *Эллина Семеновна Доманская* (1927 г. рожд.), историк-археолог. В 1951 г. она закончила кафедру археологии ЛГУ, где специализировалась в области античной археологии. Эллина Семеновна значительно продвинула научно-техническую обработку материалов архива. Помимо обычной архивной работы Э. С. Доманская составила огромную картотеку находок из Ольвии, а также полностью обработала личный архив А. Л. Якобсона, включающий около 10 000 ед. хр.

С 1985 г. руководство Фотоархивом было поручено *Галине Вацлавне Длужневской* (рис. 84, 4).

В 2004 г. в целях оптимизации работы по учету и обработке материалов Рукописный и Фотоархив были объединены в рамках Научного архива ИИМК РАН.

Выше речь шла о заведующих Фотоархивом. Заведующими Рукописным архивом в то же время являлись:

Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941) (рис. 49, 3), историк, филолог-классик, археолог, академик АН СССР (1927) – заведовал архивом с 13 октября 1919 по 1923 г.

Окончив Петербургский университет в 1890 г., он преподавал там более четверти века (1899–1927). В 1918–1922 гг. был председателем РАО. После заведования архивом, в 1923–1928 гг. являлся товарищем председателя РАИМК/ГАИМК и в ГАИМК/ИИМК АН СССР возглавлял Сектор древнего Северного Причерноморья. С. А. Жебелёв умер в блокадном Ленинграде (Антология советской археологии 1995: 156).

Ничего не удалось узнать ни про М. Н. Никитина, заведовавшего архивом с 1923 по 1929 г., ни про А. В. Сулова, возглавлявшего архив в 1929 и 1930 гг.

Артур Семенович Марков (1906–?), музейный работник, в 1923 г. учился в Киевском археологическом институте, а в 1925–1929 гг. – на Высших курсах искусствоведения получил специальность «музейный работник». Учебу на курсах он совмещал с работой экскурсоводом, а затем лектором на Областной Экскурсионно-лекторской базе. В августе

1930 г. поступил работать в ГАИМК на должность архивариуса и научного сотрудника II разряда (ф. 2, оп. 3, д. 410) и, возможно, в 1931–1932 гг. руководил архивом, хотя об этом имеются лишь косвенные данные.

Некоторое несоответствие в датах прослеживается в личном деле *Алексея Владимировича Мачинского* (1910–1941?) (рис. 83, 7), археолога, историка-музееведа, возглавлявшего архив с 1932 г., а с 1934 г. являвшегося его хранителем. С 1936 г. он был ст. научным сотрудником и секретарем кафедры в Институте истории рабовладельческого общества, а также сотрудником отдела Америки в МАЭ. Направлениями его научных исследований являлись изучение сельского хозяйства древнего Египта и определение характера связи производителя со средствами производства.

В 1933–1935 гг. заведовал архивом сначала внештатный, затем штатный сотрудник ГАИМК, историк, архивист, библиограф *Сигизмунд Натанович Валк* (1887–1975). В 1937 г. в заведующие архивом была переведена *Татьяна Николаевна Барсукова* (1907–?), до этого работавшая архивистом II разряда в кабинете ИИМК Н. Я. Марра (ф. 2, оп. 5, д. 16). Во главе архива она оставалась до 1942 г.

Е. И. Власова (?–?) заведовала архивом в 1940-е гг., что не совсем понятно, так как после Т. Н. Барсуковой архив долгие годы возглавляла *Ольга Ивановна Бич* (1891–1983) (рис. 83, 4). Она родилась в семье врачей в г. Дрогичине Гродненской губ. Окончила Высшие Бестужевские курсы в Петербурге; специальное искусствоведческое образование получила в Ленинградском институте истории искусств и в Ленинградском университете, где была оставлена на кафедре классической филологии проф. Б. В. Фармаковским. В 1920 г. приглашена проф. О. Ф. Вальдгауером в Гос. Эрмитаж, где и работала до 1941 г. сначала в Античном отделе, затем в библиотеке и с 1930 г. – зав. архивом. В апреле 1942 г. перешла работать в ИИМК АН СССР – ст. научный сотрудник с возложением обязанностей зав. Рукописным архивом, затем заведующая. О. И. Бич в тяжелые блокадные дни оставалась в Ленинграде в качестве уполномоченного и вела соответствующую работу по сохранению коллекций, библиотеки, объединенного архива и оборудования Института. Она продолжала руководить Рукописным архивом чуть более 20 лет – с 1942 по 1963 г., активно занималась изучением, обработкой и подготовкой к печати материалов Рукописного архива, в списке ее работ исследования документов, отложившихся в Рукописном архиве (Бич 1948), а также по истории коллекционирования и музейного дела.

Около года в 1951–1952 гг. в архиве работала *Вера Андреевна Миханкова* (1892–1952), до этого с 1944 по 1951 г. заведовавшая научно-исследовательским кабинетом Н. Я. Марра и занимавшаяся исследованием его жизни и деятельности. Именно она стала биографом Н. Я. Марра, поскольку трудилась рядом с ним начиная с 1920 г., поступив на службу в РАИМК.

В 1956 г. в архив на должность научно-технического сотрудника пришла работать *Нина Фаддеевна Давидчик* (1922–?). Окончила школу в 1940 г., а в 1942 г. была эвакуирована в Москву с заводом «Станкостроитель». В январе 1946 г. вернулась в Ленинград и устроилась на службу в Государственный архив Октябрьской революции, после которого пришла в Институт и трудилась здесь с 1956 по 1979 г.

Гали Фёдоровна Корзухина (1906–1974) (рис. 83, 8) – известный советский археолог-славист, кандидат исторических наук – заведовала архивом дважды: в 1934–1935 гг., а затем в 1965–1967 гг.

Клавдия Михайловна Пескарёва (1923–1984) (рис. 83, 9) – профессиональный архивист – возглавляла Рукописный архив с 1967 по 1984 г.

Раиса Васильевна Васильева (1945 г. рожд.) (рис. 84, 5) – историк, окончила исторический факультет ЛГУ и с 1963 г. работала в разных архивах Ленинграда: архиве Военно-морского флота, Ленинградском государственном историческом архиве, из которого

в 1980 г. пришла работать в Рукописный архив ЛОИА и заведовала им с 1984 по 2000 г. Опубликовала более 50 работ, среди которых имеются статьи, основанные на материалах Рукописного архива и, в целом, по истории России.

С 2000 г. работой Рукописного отдела Научного архива руководит научный сотрудник *Наталья Андреевна Белова* (рис. 85, 1: *справа*). Помимо научно-технической обработки материалов, их экспертизы, ответов на запросы, особенно часто касающихся документов, необходимых для восстановления уничтоженных в разное время православных храмов, она занимается тематическим выявлением документов, преобразуемых затем в описи, обзоры, перечни. Так, к юбилею Императорской Археологической комиссии Н. А. Белова подготовила ценный «Перечень материалов экспедиций и раскопок в фонде ИАК», произведенных в 1859–1919 гг. (Белова 2009). После этого она обратилась к документам полевой деятельности РАИМК/ГАИМК (1919–1937 гг.), которые в настоящее время готовятся к публикации. Вместе с Н. А. Беловой, выполняя самые разнообразные виды архивной работы, трудится ст. лаборант *Татьяна Павловна Иванова* (рис. 85, 1: *слева*), обеспечивая учет и сохранность документов, обслуживая посетителей. В архиве бывает ежегодно до 1000 посещений, и желающим порой не хватает мест в читальном зале.

Евгения Владимировна Бобровская (рис. 84, б) – ст. лаборант Научного архива ИИМК РАН – с равным успехом освоила специфику деятельности и Рукописного отдела, и Фотоотдела. Она составляет описи документов, в том числе записанных на электронные носители, занимается сканированием материалов, обслуживанием посетителей и многим другим. Подготавливая материалы для издания данной книги, Е. В. Бобровская составила основу краткого биографического списка всех сотрудников начиная с 1919 г. В научно-справочном издании «Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ» (СПб., 2012) полностью опубликована опись обработанного личного фонда № 91 – М. П. Грязнова (составители Е. В. Бобровская и Р. В. Васильева). Это первая по материалам нашего архива публикация данного вида документов, включающего более 670 ед. хр.

«Старейшим» сотрудником отдела на данное время является мл. научный сотрудник *Надежда Дмитриевна Моисеева* (рис. 85, 2: *стоит справа*), работающая здесь более 30 лет. Она – непревзойденный мастер в области научно-технической обработки материалов, выявления документов, а также автор ряда статей и монографии по Троице-Петровскому собору на Петербургской стороне (Моисеева 1999а; 1999б).

Практически одновременно с ней в Фотоархив пришла работать *Любовь Юрьевна Березовская*, которая за 8 лет (1984–1992 гг.) внесла значительный вклад в изучение материалов архива, занимаясь не только составлением описей и альбомов, но и научным исследованием фотодокументов. Ею опубликовано несколько статей и заметок по Фотоархиву.

Научный сотрудник *Наталья Александровна Лазаревская* (рис. 85, 2: *сидит справа*) – археолог. Она поступила работать в Институт в ЛКО в 1974 г., затем участвовала в исследованиях Сибирской экспедиции (с 1978 г.), с 1987 г. работает в Фотоархиве. За четверть века Н. А. Лазаревская освоила все виды архивной работы, занималась выявлением документов и опубликовала несколько статей. Одновременно уже около 20 лет она является секретарем Отдела полевых исследований Института.

Мария Владимировна Медведева (рис. 85, 2: *сидит в центре*) перешла на службу в Фотоархив ИИМК из Российского этнографического музея в 1999 г. За эти годы она «выросла» из мл. научного в ст. научного сотрудника, в 2007 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Изучение и охрана памятников археологии и архитектуры эпохи средневековья Северо-Запада России в деятельности Императорской Археологической комиссии». Она не изменяет своим научным пристрастиям – исследованию памятников

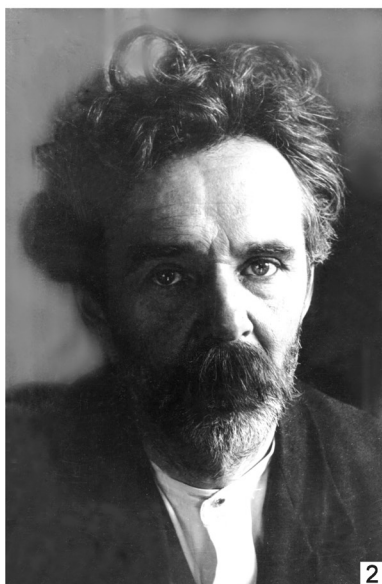

Рис. 81. 1 – Фотоархив в Мраморном дворце, 1937 г.; 2 – Н. П. Сычёв, 1930-е гг.; 3 – Н. В. Малицкий и К. К. Романов, 1926 г.

Рис. 82. 1 – В. Г. Дружинин, 1919 г.; 2 – П. П. Покрышкин, 1902 г.; 3 – И. Ф. Барщевский, 1897 г.; 4 – И. Ф. Чистяков, 1929 г.

Рис. 83. 1 – Т. М. Девель, 1938 г.; 2 – Т. Б. Томес, около 1970 г.; 3 – Э. С. Доманская, 1984 г.; 4 – О. И. Бич, 1949 г.; 5 – К. М. Назарова, 1936 г.; 6 – В. Н. Полторацкая, 1940 г.; 7 – А. В. Мачинский, до 1941 г.; 8 – Г. Ф. Корзухина, 1936 г.; 9 – К. М. Пескарёва, 1970-е гг.

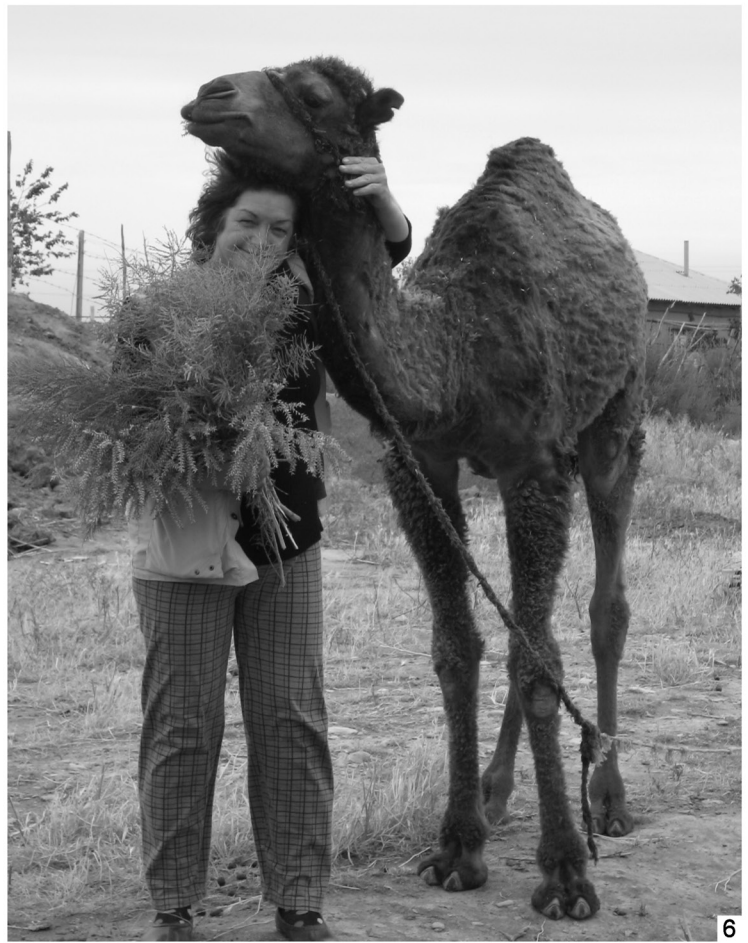
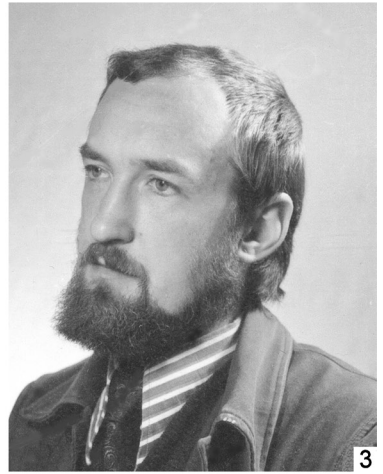
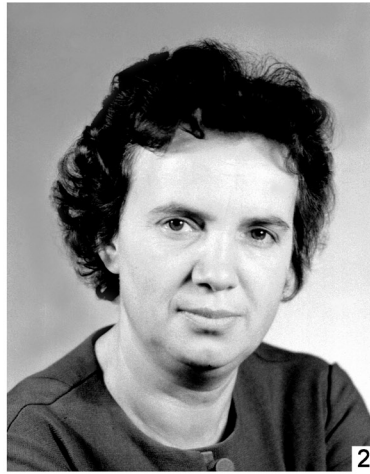

Рис. 84. 1 – М. Г. Агаронян, 1960-е гг.; 2 – М. В. Казанкова, 1960-е гг.; 3 – П. И. Иванов, 1970-е гг.; 4 – Г. В. Длужневская, 1985 г.; 5 – Р. В. Васильева, 1985 г.; 6 – Е. В. Бобровская, 2007 г.

Рис. 85. Сотрудники Научного архива: 1 (слева направо) – Т. П. Иванова, Р. В. Васильева, Н. А. Белова, 14.01.1998 г.; 2 (слева направо): сидят – Г. В. Длужневская, М. В. Медведева, Н. А. Лазаревская; стоят – Т. А. Ершова, Н. Д. Моисеева, 29.05.2013 г.

1

2

3

Рис. 86. Сотрудники библиотеки: 1 – Н. А. Винберг; 2 – Р. Ш. Левина, начало 2000-х гг.; 3 – слева направо, сидят: Т. Н. Заднепровская, Н. А. Винберг, Ю. Я. Боярская; стоят: Е. В. Ольшевская, Р. Ш. Левина, А. А. Любимова, конец 1940-х–начало 1950-х гг.

Рис. 87. Сотрудники библиотеки: 1 – сидят Р. Ш. Левина и М. Е. Мазуренко (справа), стоит Н. Юдина, май 1986 г.; 2 – слева направо: Л. М. Всевиов, Л. М. Яковлева, К. А. Михайлов, 2000-е гг.; 3 – слева направо, сидят: Р. Ш. Левина, Ю. Я. Боярская, Т. Н. Заднепровская; стоят: М. А. Балагурова, М. П. Боярова, 08.03.1984 г.

Рис. 88. Слева направо: сидят – М. Е. Мазуренко, Я. А. Шер, О. Н. Сажина, Т. А. Хастурина;
стоят – Л. М. Яковлева, Л. М. Всевиов, Е. В. Грицик, 2000-е гг.

Северо-Запада России, широко использует материалы Рукописного отдела Научного архива, является автором коллективной монографии (Носов и др. 2012).

Также не изменяет своим интересам в области изучения памятников Востока и заведующая Научным архивом *Г. В. Длужневская* (рис. 85, 2: сидит слева). В 2008 г. ею была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук, посвященная «Историко-археологическому наследию Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX–первой половины XX в.».

До 1985 г. (с 1966 г.) она являлась сотрудником Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР – сначала лаборант, затем мл. научный сотрудник. В такой же должности четыре года трудилась в Секторе Средней Азии и Кавказа. С самого начала службы в Фотоархиве в 1985 г. ею была разработана концепция изучения и раскрытия научных материалов подразделения (с 2004 г. – объединенного Научного архива ИИМК РАН). Постепенно эта концепция стала осуществляться – работы публиковались не только зав. архивом, но и другими сотрудниками. Список литературы по Фотоархиву/Фотоотделу в целом включает 175 статей, тезисов, монографий, из них 12 работ – с 1926 по 1980 г. – были опубликованы Т. М. Девель, Т. Б. Томес, Э. С. Доманской.

Из наиболее значимых работ, изданных в 1987–2012 гг., следует отметить ряд монографий: альбомное издание «Православный мир России в фотографиях конца XIX–начала XX века» (СПб., 2002); *Длужневская Г. В.* Утраченные храмы Петербурга (СПб., 2003); *Васильев Д. Д., Длужневская Г. В., Малевинская М. Е.* Православные святыни Балкан (СПб., 2004); *Длужневская Г. В., Калинин В. А., Субботин А. В.* Кремли России XV–XVII вв. (СПб., 2006); *Длужневская Г. В.* Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях: По материалам Фотоотдела Научного архива ИИМК РАН (СПб., 2006); *Длужневская Г. В.* Иерусалим и его окрестности в старых фотографиях (СПб., 2007); *Длужневская Г. В.* Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 годах (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН) (СПб., 2011). Материалы – фотографии из нескольких фондов Фотоотдела опубликованы Археологическим музеем в Аликанте (Испания) – в большом, прекрасно изданном альбоме «Еспaña. 1889. Испания» (Alicante, 2011). По двум большим фотовыставкам, проведенным в РОСФОТО – по фотографиям Франции и Санкт-Петербурга – выпущены каталоги: «Французская фотография второй половины XIX века из коллекции фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)» (СПб., 2006) и «Санкт-Петербург в фотографиях середины XIX–начала XX века» (СПб., 2008). К сожалению, не был издан каталог по очень содержательной и разнообразной выставке, организованной к 150-летию ИАК, также проходившей в РОСФОТО в 2009 г. Однако значительное число документов из Рукописного и Фотоотдела увидели свет в уникальном издании «Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия» (СПб., 2009), а также в виде постеров, выполненных РОСФОТО и ныне постоянно экспонируемых в здании Института.

Практически репринтными изданиями опубликованы две круговые панорамы – «Санкт-Петербург. 1861 год» (СПб., 1993) и «Панорама Константинополя. 1878 год» (М., 2005).

Упомянем также работы о деятельности известных российских исследователей П. П. Покрышкина, К. К. Романова, Г. Ф. Корзухиной (Медведева 2004; 2005; 2006; 2010); А. А. Спицына (Длужневская, Медведева 2008); П. А. Раппопорта, М. К. Каргера (Длужневская 1995б; 2009); ведущих исследователей палеолита В. П. Любина, С. Н. Замятнина (Длужневская 1998; 1999), П. И. Борисковского (Лазаревская 2001); востоковедов И. А. Орбели, Н. И. Веселовского (Лазаревская 2002а; 2002б; 2003), В. В. Бартольда, В. А. Жуковского (Длужневская 1987; 2003а); археологов А. Н. Бернштама, С. В. Киселёва,

В. Ф. Гайдукевича (Длужневская 1995а; 2005; 2010); А. А. Иессена (Лазаревская 1996). Отдельная коллективная монография посвящена 110-летию М. П. Грязнова (Михаил Петрович Грязнов... 2012).

Исторически сложилось так, что фотолаборатория, начиная с РАИМК, работала в тесном контакте с Фотоотделом: например, документы полевых исследований сотрудников после их обработки поступали непосредственно в архив и выдавались на руки авторам для отбора материала, составления аннотаций и последующей обязательной передачи негативов и отпечатков на постоянное хранение. Делом сотрудников архива была дальнейшая научно-техническая обработка поступивших материалов.

Нам неизвестны многие имена сотрудников, работавших в фотолаборатории, ввиду значительной текучести кадров, особенно в 1930-е гг., однако часть информации удалось восполнить.

Матвей Николаевич Январёв (1886–?) заведовал фотографической лабораторией РАИМК с 1919 г. по совместительству, контролируя работу других фотографов. Раиса Васильевна Степанова (1907–?) – фотограф, кинофототехник, заведовала Фотоотделом в 1934–1935 гг., а Евгений Евгеньевич Левдиков (1889–?) – фотомастерской ГАИМК/ИИМК АН СССР с 1936 по 1941 г.; в те же годы фотографами работали Георгий Владимирович Занкович (1906–1942), Георгий Николаевич Недлер (1906–?) – в 1938–1939 гг., Ольга Николаевна Фельдман (1913–?) – с 1936 по 1939 г., Гатгард Августович Шрейбер (1870–?) – в 1936–1937 гг., Зоя Тимофеевна Босякова (?–?) – в 1935–1937 гг., Валентина Александровна Якубовская (Кузнецова) (1910–?) – с 1936 по 1939 г. Чуть подробнее скажем о работе Г. В. Занковича. В 1940 г. он сделал снимки Янтарной комнаты Екатерининского дворца в г. Пушкине. 18 пленочных негативов размером 13 × 18 см сохранились в архиве, и именно с них началось восстановление утраченного шедевра. Реставраторы рассказывали, что они «разгоняли» эти кадры до натуральной величины и даже научились определять цвет, точнее, оттенки янтаря.

После Великой Отечественной войны состав сотрудников фотолаборатории стал более постоянным. Мариам Гедеевновна Агаронян (1911–1979) (рис. 84, 1) пришла работать в Институт в 1937 г., сначала на должность научно-технического сотрудника – фотографа, в 1970–1978 гг. заведовала фотолабораторией. Блестящий фотограф, крупнейший специалист по съемке археологических находок и графики – чертежей, сделанных в экспедициях. Вместе с ней работала ст. лаборант Мария Васильевна Казанкова (1925–?) (рис. 84, 2) – в ИИМК/ЛОИА – с 1946 по 1984 г., непосредственно в лаборатории – с 1947 г. Круг ее обязанностей был чрезвычайно широк: обработка фотоматериалов, подготовка их к полевым отчетам, выставкам и пр. Как практически все фотографы и до-, и послевоенного времени, она участвовала во многих экспедициях Института.

В той же лаборатории с 1978 по 1989 г. ст. лаборантом работали: Нина Васильевна Кулина (1952 г. рожд.), Павел Иванович Иванов (1944 г. рожд.) (рис. 84, 3) – по специальности художник-график, фотограф, с 1987 по 1993 г. возглавлявший фотолабораторию; Анатолий Модестович Клер (1944–2008), по специальности химик-спектральщик, заведовал лабораторией с 1994 г.

В 1979 г. на работу в фотолабораторию Института поступила Татьяна Анатольевна Ершова (1948 г. рожд.) (рис. 85, 2: *стоит слева*), с 1980 по 1986 г. она исполняла обязанности зав. лаборатории. После закрытия лаборатории в 2006 г. Т. А. Ершова и Татьяна Николаевна Вашкевич были переведены в Фотоотдел Научного архива. В настоящее время Т. А. Ершова занимается созданием пользовательского и страхового фонда, т. е. сканированием негативов и позитивов, записью их на диски и сервер, составлением к ним описей и пр.

Штат Научного архива ныне включает 8 человек, хотя для исполнения задач, стоящих перед архивом, требуется значительно больше сотрудников. В первую очередь это касается

необходимости перевода документов на электронные носители. На оцифровку материалов, учитывая их количество, потребуется не менее 150 лет... Однако такой вид хранения документов не может заменить «традиционного» – хранения в виде негативов, позитивов и документов на бумажной основе, проведения их научно-технической обработки, также являющейся длительным и весьма кропотливым процессом.

Будем надеяться, что история архива, существующего более полутора веков, на этом не кончается; хранение, обработка и введение материалов в научный оборот путем публикаций, а также проведения выставок продолжится еще долгие годы.

- Антология советской археологии 1995 – Антология советской археологии. Т. 1 (1917–1933). М., 1995.
- Археологические экспедиции... 1962 – Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР 1919–1956 гг.: Указатель. М., 1962.
- Ашнин, Алпатов 1994 – *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* Дело славистов в 30-е годы. М., 1994.
- Белова 2009 – *Белова Н. А.* Перечень материалов экспедиций и раскопок в фонде Императорской Археологической Комиссии рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия: Приложение. СПб., 2009. С. 12–140.
- Белова и др. 2009 – *Белова Н. А., Длужневская Г. В., Мусин А. Е.* История формирования архива Императорской Археологической Комиссии и обзор ее фондов в Научном архиве Института истории материальной культуры // Там же. С. 5–11.
- Бич 1948 – *Бич О. И.* Архив А. А. Спицына (Крайние даты архивных материалов 1880–1931 гг.) // СА. 1948. Т. 10. С. 21–52.
- Васильева 2005 – *Васильева Р. В.* «Устали скитаться. Пора домой...» // АВ. 2005. № 12. С. 11–25.
- Девель 1950 – *Девель Т. М.* Обзорные коллекции собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР // СА. 1950. Т. 12. С. 289–336.
- Девель 1954 – *Девель Т. М.* Материалы по методике ведения фотоархива при научно-исследовательских учреждениях. М.; Л., 1954.
- Длужневская 1987 – *Длужневская Г. В.* Неопубликованные материалы археологического наследия В. В. Бартольда // Бартольдовские чтения. 1987. М., 1987. Ч. 8. С. 111–112.
- Длужневская 1995а – *Длужневская Г. В.* Материалы А. Н. Бернштама в собрании фотоархива Ленинградского отделения Института археологии АН СССР // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995. С. 231–239.
- Длужневская 1995б – *Длужневская Г. В.* Материалы П. А. Раппопорта в фотоархиве ИИМК РАН // Церковная археология: Материалы Первой Всерос. конф. Псков, 20–24 ноября 1995 года. СПб.; Псков, 1995. Ч. 3. Памятники церковной археологии России. С. 73–76.
- Длужневская 1998 – *Длужневская Г. В.* Материалы полевых и кабинетных исследований В. П. Любина в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН // Изучение раннего палеолита Старого Света. СПб., 1998. С. 26–33 (Археологические изыскания. Вып. 57).
- Длужневская 1999 – *Длужневская Г. В.* Материалы Сергея Николаевича Замятнина в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН // Локальные различия в каменном веке: Тез. докл. на Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Сергея Николаевича Замятнина. СПб., 1999. С. 27–32.
- Длужневская 2003а – *Длужневская Г. В., Жуковский В. А.* // Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга и изучение древних культур и цивилизаций Центральной Азии и Кавказа. СПб., 2003. С. 15.
- Длужневская 2003б – *Длужневская Г. В.* Первые заведующие фотоархивом Института истории материальной культуры РАН // АВ. 2003. № 10. С. 349–360.
- Длужневская 2005 – *Длужневская Г. В.* Научное наследие Виктора Францевича Гайдукевича в фотоотделе Научного архива ИИМК РАН // Проблемы изучения античной археологии Северного

- Причерноморья: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Виктора Францевича Гайдукевича. Санкт-Петербург, 7–8 апреля 2005 г. СПб., 2005. С. 42–50.
- Длужневская 2007 – Длужневская Г. В. Фотографы Императорской Археологической комиссии // АВ. 2007. № 14. С. 245–258.
- Длужневская 2009 – Длужневская Г. В. Научное наследие Михаила Константиновича Каргера в фотоархиве ИИМК РАН // Архитектура и археология древней Руси: Материалы науч. конф. к 100-летию со дня рождения М. К. Каргера (1903–1976), 26–28 ноября 2003 года, и научного заседания, посвящ. 90-летию ученого, 27 мая 1993 года. СПб., 2009. С. 370–391 (Материалы ГЭ. Вып. 46).
- Длужневская 2010 – Длужневская Г. В. Научное наследие Александра Натановича Бернштама в фондах Научного архива Института истории материальной культуры РАН // Древние культуры Евразии: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб., 2010. С. 22–27.
- Длужневская 2012 – Длужневская Г. В. Фотоархив Института истории материальной культуры РАН (с 2004 г. – фотоотдел Научного архива ИИМК РАН) // Сборник докладов Междунар. конф. «Фотография в музее». СПб., 2012. С. 7–27.
- Длужневская, Медведева 2008 – Длужневская Г. В., Медведева М. В. Научное наследие А. А. Спицына в фотоотделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН // История и практика археологических исследований: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, проф. А. А. Спицына. СПб., 26–30 ноября 2008 г. СПб., 2008. С. 32–38.
- Кызласова 2006 – Кызласова И. Л. Николай Петрович Сычѳв (1883–1964). М., 2006 (Отечественная реставрация: personalia. Вып. 1).
- Лазарев 1965 – Лазарев В. Н. Николай Петрович Сычѳв [1883–1964. Некролог] // Византийский временник. 1965. Т. 26. С. 191–192, портр.
- Лазаревская 1996 – Лазаревская Н. А. Материалы А. А. Иессена в фотоархиве ИИМК РАН // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. СПб., 1996. С. 27–30.
- Лазаревская 2001 – Лазаревская Н. А. Материалы П. И. Борисковского в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН // Каменный век Старого Света: к 90-летию П. И. Борисковского. СПб., 2001. С. 44–47.
- Лазаревская 2002а – Лазаревская Н. А. И. А. Орбели. Жизнь и деятельность (по материалам фотоархива ИИМК РАН) // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тез. XXIII годичной конф. Санкт-Петербургского отделения Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники (26–28 ноября 2002 г.). СПб., 2002. Вып. 18. С. 109–111.
- Лазаревская 2002б – Лазаревская Н. А. Исследователь Средней Азии Н. И. Веселовский (по материалам фотоархива ИИМК РАН) // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Новая серия. СПб., 2002. Т. 1 (26). С. 494–497.
- Лазаревская 2003 – Лазаревская Н. А. Орбели И. А. // Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга и изучение древних культур и цивилизаций Центральной Азии и Кавказа. СПб., 2003. С. 20.
- Медведева 2004 – Медведева М. В. Петр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников (по материалам архивов ИИМК РАН) // АВ. 2004. № 11. С. 379–387.
- Медведева 2005 – Медведева М. В. Деятельность архитектора К. К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества по документам из собрания Научного архива ИИМК РАН // АВ. 2005. № 12. С. 291–301.
- Медведева 2006 – Медведева М. В. Научное наследие архитектора К. К. Романова в архиве Института истории материальной культуры» // ННЗИА. 2006. Вып. 19. С. 317–324.
- Медведева 2010 – Медведева М. В. Родоначальник отечественной школы реставрации: страницы биографии и научной деятельности П. П. Покрышкина // Архангельская старина. Архангельск, 2010. Вып. 1. С. 46–52.
- Медведева и др. 2009 – Медведева М. В., Мусин А. Е., Всевиов Л. М., Тихонов И. Л. Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская

- Археологическая Комиссия (1859–1917 гг.): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. Гл. 1. С. 21–247.
- Михаил Петрович Грязнов... 2012 – Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии: Архивные материалы и список научных работ. СПб., 2012.
- Моисеева 1999а – *Моисеева Н. Д.* Иконография Троице-Петровского собора в фотоархиве ИИМК РАН // Петербургские чтения-98, 99. СПб., 1999. С. 103–109.
- Моисеева 1999б – *Моисеева Н. Д.* История Троице-Петровского собора на Петербургской стороне. Montagnola, 1999 (Quaderni La Ricerca. Nr. 6).
- Носов и др. 2012 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Медведева М. В.* Новгородская Русь. Рождение державы. СПб., 2012.
- Платонова 1995 – *Платонова Н. И. Г. А. Бонч-Осмоловский. Этапы творческой биографии // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографические очерки.* СПб., 1995. С. 121–144 (Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». Вып. 1).
- Пряхин 1986 – *Пряхин А. Д.* История советской археологии (1917–середины 30-х гг.). Воронеж, 1986.
- Устав ГАИМК 1926 – Устав Государственной Академии истории материальной культуры. Л., 1926.
- НА ИИМК РАН, РА, Журнал правления № 7; ф. 1, оп. 1, 1865 г., д. 24; 1918 г., д. 1, 20; ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 1, 17; 1933 г., д. 73; оп. 3, д. 400, 410, 733; оп. 5, д. 16; ф. 35, оп. 5, д. 87, 301, 371; оп. 6, д. 25.

Фонды Научного архива ИИМК РАН

Рукописный отдел			Фотоархив		
№ фонда	Название фонда	Кол-во дел, крайние даты	№ фонда	Название фонда	Кол-во фотодокументов, крайние даты
ФОНДЫ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ					
Ф. 1	Императорская Археологическая комиссия (ИАК) (1859–1919)	Оп. 1 – 8823; Оп. 2 – 108; Оп. 3 – 60; Оп. 5 – 38. Всего 9029 дел; 1859–1918	Ф. 1	Императорская Археологическая комиссия, Российская Археологическая комиссия (1859–1919)	100 006 ед. хр.; 1870–1919
Ф. 2	Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК) (1919–1937)	Оп. 1 – 4333; Оп. 2 – 730; Оп. 3 – 805; Оп. 4 – 65; Оп. 5 – 358; Оп. 6 – 103; Оп. 7 – 12. Всего 6406 дел; 1919–1937	Ф. 46	Российская/Государственная Академия истории материальной культуры (РАИМК/ГАИМК)	63 421 ед. хр.; 1919–1937
			Ф. 47	Институт истории материальной культуры АН СССР (ИИМК АН СССР)	122 965 ед. хр.; 1937–1959
			Ф. 48	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ЛОИА АН СССР)	263 000 ед. хр.; 1959–1990
Ф. 3	Русское археологическое общество (РАО) (1846–1925)	756 дел; 1846–1924	Ф. 2	Русское археологическое общество в Петербурге (1846–1925)	1056 ед. хр.; 1871–1908
			Ф. 3	Археологический институт в Петербурге/Петрограде	1585 ед. хр.; 1877–1923
Ф. 4	Московское археологическое общество (МАО) (1865–1920)	1118 дел; 1865–1920			
			Ф. 4	Ленинградский Государственный музейный фонд	5907 ед. хр.; 1873–1928
Ф. 6	I Отделение Департамента общих дел Министерства внутренних дел. 3-й стол	211 дел; 1820–1859			
Ф. 9	Канцелярия Министерства уделов	58 дел; 1851–1864			
Ф. 14	Комиссия по заведованию археологическими разысканиями в России «Строгановская комиссия»	13 дел; 1856–1858			
Ф. 63	III Отделение Министерства Императорского Двора	21 дело; 1728– 1868			
Ф. 67	Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе	88 дел; 1918–1929	Ф. 5	Ленинградский отдел охраны памятников Комитета по делам искусства	518 ед. хр.; 1938
			Ф. 6	Ленинградская реставрационная мастерская Главнауки	2808 ед. хр.; 1920–1929
Ф. 19	Издательство Комитета популяризации художественных изданий	62 дела; 1922–1931	Ф. 7	Комитет популяризации художественных изданий	2460 ед. хр.; 1890-е–1920

Продолжение табл.

Рукописный отдел			Фотоархив		
№ фонда	Название фонда	Кол-во дел, крайние даты	№ фонда	Название фонда	Кол-во фотодокументов, крайние даты
			Ф. 8	Дворец-музей графов Шуваловых в Ленинграде	1276 ед. хр.; 1850-е–1924
			Ф. 44	Библиотека Зимнего дворца (до 1917 г.)	238 ед. хр.; 1880–1900-е
			Ф. 45	Библиотека Мраморного дворца	4791 ед. хр.; 1858–1920-е
			Ф. 53	Институт истории искусств в Петербурге/Ленинграде	826 ед. хр.; 1926–1929
Ф. 13	Архив ГАИМК/ИИМК АН СССР	146 дел			
Ф. 64	Анапская городская полиция	3 дела; 1874–1890			
Ф. 65	Могилевский уездный суд	1 дело; 1839–1854			
Ф. 66	Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского	1 дело; 1852–1856			
Ф. 68	Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины	66 дел; 1910–1917			
Ф. 35	Институт истории материальной культуры (ИИМК)	Оп. 1 – 8867; Оп. 2 – 1071; Оп. 2-д – 571; Оп. 3 – 111; Оп. 4 – 41; Оп. 5 – 512; Оп. 6 – 669; Оп. 7 – 446. Всего 12 417 дел; 1938–2005	Ф. 63	Институт истории материальной культуры РАН (с 1991 г.)	НТО
Ф. 312	Институт истории материальной культуры (ИИМК). Управленческая документация	1863 дела; 1938–2003			
Ф. 30	Местком ГАИМК/ИИМК	289 дел			
			Ф. 49	Институт истории и теории искусств, г. Москва	239 ед. хр.; 1963
			Ф. 65	Институт «Ленпроектреставрация» в СПб.	309 ед. хр.; 1980-е гг.
ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ					
Ф. 62	Агеева Е. И. (1916–1965), археолог	38 дел; 1936–1964			
			Ф. 70	Арсентьев С. А. (род. 1955), фотограф	НТО
Ф. 74	Артамонов М. И. (1898–1972), археолог	426 дел; 1924–1969			
			Ф. 10	Бакланов Н. Б. (1886–1959), архитектор, художник	22 ед. хр.; 1927, 1931

Рукописный отдел			Фотоархив		
№ фонда	Название фонда	Кол-во дел, крайние даты	№ фонда	Название фонда	Кол-во фотодокументов, крайние даты
Ф. 41	Бауэр Н. П. (1888–1942), нумизмат	26 дел; 1940–1942			
Ф. 92	Беленицкий А. М. (1904–1993), археолог	НТО			
Ф. 96	Бентович И. Б. (1917–1977), археолог	НТО			
Ф. 56	Бернштам А. Н. (1910–1956), археолог	581 дело; 1930–1952			
Ф. 25	Бобринский А. А. (1852–1927), археолог	266 дел; 1865–1918	Ф. 11	Бобринский А. А. (1852–1927), археолог	1083 ед. хр.; 1896–1917
Ф. 49	Богаевский Б. Л. (1882–1942), историк Древнего мира, античности	922 дела; 1880-е–1942			
			Ф. 12	Болтунова А. И. (1900–1991), историк, археолог	224 ед. хр.; 1925–1950
Ф. 71	Бонч-Осмоловский Г. А. (1890–1943), археолог, этнограф	63 дела; 1923–1976			
			Ф. 74	Васильев Д. Д. (род. 1946), востоковед	НТО, 1920-е, 1971–1997
Ф. 18	Веселовский Н. И. (1848–1918), археолог, востоковед	521 дело; 1855–1916			
			Ф. 54	Вздорнов Г. И. (род. 1936), историк искусства	4412 ед. хр.; 1956–1970
			Ф. 69	Воробьев Т. И. (1900–1966), военный историк	НТО; 1940-е–1966
Ф. 70	Гайдукевич В. Ф. (1904–1966), археолог	75 папок; 1931–1966			
			Ф. 76	Генинг В. Ф. (1924–1993), археолог	НТО
Ф. 44	Гольмстен В. В. (1880–1942), археолог	15 дел; 1921–1928			
			Ф. 66	Грач А. Д. (1928–1981), археолог	НТО
			Ф. 13	Григорьев Г. В. (1898–1941), археолог	947 ед. хр.; 1936–1940
Ф. 91	Грязнов М. П. (1902–1984), историк-археолог	Оп. 1 – 260 ед. хр. (1865–1980); Оп. 2 – 66 ед. хр. (1890–1983); Оп. 3 – 295 ед. хр. (1908–1984); Оп. 4 – 51 ед. хр. (1957–1983)	Ф. 60	Грязнов М. П. (1902–1984), историк-археолог	НТО; 1929–1984
Ф. 102	Гурина Н. Н. (1909–1990), археолог	НТО			
			Ф. 14	Давиденко Е. Н. (1867 – после 1918), художница	1150 ед. хр.; 1927

Продолжение табл.

Рукописный отдел			Фотоархив		
№ фонда	Название фонда	Кол-во дел, крайние даты	№ фонда	Название фонда	Кол-во фотодокументов, крайние даты
			Ф. 59	Давыдова А. В. (1920–2000), археолог	2112 ед. хр.; 1955–1974
Ф. 82	Дальский А. Н. (1894–?), к. и. н., преподаватель Академии художеств, в 1938 г. – декан факультета истории и теории искусств ВАХ	47 дел			
Ф. 40	Деген-Ковалевский Б. Е. (1894–1942), археолог	53 дела; 1925–1930			
			Ф. 15	А. Дойников – А. Дойникова	917 ед. хр.; 1910-е
Ф. 38	Ернштедт Е. В. (1890–1941), археолог, историк искусства	170 дел; 1888–1941			
Ф. 73	Ефименко П. П. (1884–1969), археолог	196 папок; 1920–1960			
			Ф. 17	Жуков И. И. (1880–1949), химик	51 ед. хр.; до 1925
Ф. 104	Заднепровский Ю. А. (1924–1999), археолог	НТО			
Ф. 69	Замятин С. Н. (1899–1958), археолог	107 дел; 1918–1957			
			Ф. 16	Занкович Г. В. (1906–1942), фотограф	197 ед. хр.; 1940
Ф. 101	Иванова И. К. (1906–1987), геолог	НТО			
			Ф. 52	Иванова А. П. (1903–1963), археолог	778 ед. хр.; 1933–1960
Ф. 76	Иессен А. А. (1896–1964), археолог	245 дел; 1927–1962			
			Ф. 64	Казас М. М. (род. 1934), экономист	175 ед. хр.; 1860–1920-е
			Ф. 18	Каликин Ф. А. (1876–1971), художник, реставратор	81 ед. хр.; 1912–1914
			Ф. 68	Калинин В. А. (1945–2011), историк; Калинина В. В. (род. 1950), инженер	НТО 1940–1990-е
Ф. 85	Каргер М. К. (1903–1976), археолог	НТО			
Ф. 84	Книпович Т. Н. (1896–1976), археолог	НТО			
Ф. 97	Козырева Р. В. (1928–1983), археолог	НТО			
Ф. 95	Кононов В. Н. (1882–1958), химик, реставратор	11 дел			
Ф. 77	Корзухина Г. Ф. (1906–1974), археолог	164 дела			
Ф. 45	Круглов А. П. (1907–1941), археолог	210 дел; 1928–1941			

Продолжение табл.

Рукописный отдел			Фотоархив		
№ фонда	Название фонда	Кол-во дел, крайние даты	№ фонда	Название фонда	Кол-во фотодокументов, крайние даты
			Ф. 19	Кун А. Л. (1840–1888), ориенталист	846 ед. хр.; 1871–1872
			Ф. 51	Леонтович В. Г. (1881–1968), архитектор	131 ед. хр.; 1912–1917
			Ф. 20	Лихачев Н. П. (1862–1936), византист	575 ед. хр.; 1930-е
Ф. 28	Люценко Е. Е. (1806–1884), археолог, директор Керченского музея	23 дела; 1867–1880			
Ф. 72	Ляпушкин И. И. (1902–1968), археолог	138 дел; 1937–?			
			Ф. 21	Макаренко Н. Е. (1877–1938), художник, археолог	621 ед. хр.; до 1917
Ф. 75	Максимова М. И. (1885–1973), археолог	71 дело; 1912–?			
			Ф. 22	Малиновский В. П. (?–1942), инженер-строитель	548 ед. хр.; 1915–1925
Ф. 32	Маркевич А. И. (1855–1942), краевед	64 дела; 1905–?			
			Ф. 23	Март Н. Я. (1864–1934), археолог, востоковед	4442 ед. хр.; 1892–1933
Ф. 103	Массон М. Е. (1897–1986), археолог	НТО			
			Ф. 24	Матвеев Н. Г. (1867–1918), фотограф	6539 ед. хр.; 1892–1915
			Ф. 26	Машечкин В. М. (1884 – после 1919), фотограф	256 ед. хр.; до 1917
			Ф. 25	Мацулевич Л. А. (1886–1959), искусствовед, византист	2976 ед. хр.; 1909–1929
			Ф. 62	Медведев И. Б. (род. 1952), архитектор	46 ед. хр.; 1906–1911
Ф. 24	Миллер А. А. (1875–1935), археолог, этнограф	163 дела; 1921–1931	Ф. 27	Миллер А. А. (1875–1935), археолог, этнограф	281 ед. хр.; 1908–1922
Ф. 52	Миханкова В. А. (1892–1952), историк	161 дело; 1917–1952			
			Ф. 71	Мицкевич М. А. (1898–1956), художник, фотограф	НТО 1930–1950-е
Ф. 7	Оленин А. Н. (1763–1843), директор Публичной библиотеки, археолог	93 дела; 1793–1843			
Ф. 83	Паничкина М. З. (1904–1977), археолог	12 дел			
			Ф. 67	Петухов М. А. (род. 1928), художник, архитектор	87 ед. хр.; НТО 1962–1990
Ф. 27	Печенкин Н. М. (1871–1918), археолог, директор Артиллерийского музея	16 дел, 1908–1918			

Продолжение табл.

Рукописный отдел			Фотоархив		
№ фонда	Название фонда	Кол-во дел, крайние даты	№ фонда	Название фонда	Кол-во фотодокументов, крайние даты
Ф. 47	Подгаецкий Г. В. (1891–1941), археолог	36 дел; 1908–1942			
Ф. 21	Покрышкин П. П. (1870–1922), академик архитектуры	1627 дел; 1889–1919			
			Ф. 61	Потоцкий М. Н. (1920–1998), биолог, Потапова И. А. (1914–2002), преподаватель (фонд наследников художника Билибина И. Я.)	НТО 1890–1980-е
			Ф. 28	Преображенский М. Т. (1854–1929), академик архитектуры	1625 ед. хр.; 1880–1919
Ф. 33	Придик Е. М. (1865–1939), филолог, археолог, нумизмат	65 дел; без дат			
Ф. 43	Прокошев Н. А. (1907–1941), археолог	106 дел; 1929–1940			
Ф. 15	Путятин П. А. (1837–1919), археолог, член Археологического института	237 дел; 1882–1915			
			Ф. 56	Раев Б. А. (род. 1946), археолог	487 ед. хр.; 1969–1977
			Ф. 57	Раппопорт П. А. (1913–1988), археолог	1556 ед. хр.; 1932–1984
Ф. 10	Репников Н. И. (1882–1940), археолог	73 дела; 1928–1940	Ф. 29	Репников Н. И. (1882–1940), археолог	330 ед. хр.; 1907–1937
Ф. 37	Рерих Н. К. (1874–1947), художник, археолог	15 дел; 1899–1902			
Ф. 29	Романов К. К. (1882–1942), архитектор	1437 дел; 1894–1941	Ф. 30	Романов К. К. (1882–1942), архитектор, художник	3586 ед. хр.; 1887–1936
Ф. 34	Романовский С. Г., зав. Судакской крепостью	31 дело; 1877–1907			
Ф. 93	Руденко С. И. (1885–1969), археолог, этнограф	НТО			
			Ф. 75	Рудченко В. М. (род. 1943), фотограф	НТО
Ф. 39	Рыдзевская Е. А. (1890–1942), историк, археолог	142 дела; 1930–1942			
Ф. 8	Савельев П. С. (1814–1859), востоковед, археолог, нумизмат	21 дело; 1846–1861			
Ф. 100	Селиванова Н. Б. (род. 1945), петрограф	НТО 1960–1980			
Ф. 90	Семенов С. А. (1898–1978), трасолог	НТО			
Ф. 54	Сибирский А. А. (1824–1879), князь, поручик лейб-гвардии Семеновского полка	6 дел; 1845–1851			
Ф. 79	Синицын И. В. (1900–1972), археолог	НТО			

Рукописный отдел			Фотоархив		
№ фонда	Название фонда	Кол-во дел, крайние даты	№ фонда	Название фонда	Кол-во фотодокументов, крайние даты
			Ф. 31	Славцов А. С. (1849–после 1905), художник	386 ед. хр.; 1893–1905
Ф. 57	Смирнов А. П. (1899–1974), археолог	17 дел; 1930–1940-е			
Ф. 46	Смирнов В. И. (1881–1941), археолог	64 дела; 1924–1936			
Ф. 11	Смирнов Я. И. (1869–1918), археолог-востоковед, историк искусства	379 дел; 1879–1917	Ф. 32	Смирнов Я. И. (1869–1918), археолог, историк искусства, востоковед	1291 ед. хр.; 1889–1914
			Ф. 55	Смирнова Э. С. (род. 1932), искусствовед	466 ед. хр.; 1962–1965
Ф. 94	Сорокин В. С. (1911–1979), археолог	НТО			
Ф. 98	Сорокин С. С. (1913–1984), археолог	НТО			
Ф. 42	Сосновский Г. П. (1899–1942), археолог	419 дел; 1929–1940	Ф. 33	Сосновский Г. П. (1899–1942), археолог	207 ед. хр.; 1898–1940
Ф. 78	Спегальский Ю. П. (1909–1969), археолог, художник, архитектор	199 дел			
Ф. 5	Спицын А. А. (1858–1931), археолог	748 дел; 1880–1931	Ф. 34	Спицын А. А. (1858–1931), археолог	4465 ед. хр.; 1889–1915
Ф. 60	Станкевич Я. В. (1909–1959), археолог	83 дела; 1938–1958			
Ф. 17	Строганов С. Г. (1794–1882), археолог, нумизмат, первый председатель ИАК	23 дела; 1855–1881			
			Ф. 77	Художники Санкт-Петербурга конца XX–начала XXI в. (сост. Субботина Т. В., историк искусства)	10 CD, более 90 ед. справочной литературы; НТО
Ф. 16	Султанов Н. В. (1850–1908), архитектор	38 дел; 1881–1908	Ф. 35	Султанов Н. В. (1850–1908), архитектор	587 ед. хр.; 1870–1900-е
Ф. 80	Суров Е. Г. (1912–?), археолог	130 дел			
			Ф. 36	Сулов В. В. (1857–1922), академик архитектуры	679 ед. хр.; 1880–1919
Ф. 51	Сычев Н. П. (1883–1964), искусствовед, архитектор-реставратор	411 дел; 1907–1933	Ф. 37	Сычев Н. П. (1883–1964), искусствовед	2907 ед. хр.; 1892–1960
Ф. 48	Теплоуховы: А. Е. (1811–1885), Ф. А. (1845–1905), археологи-краеведы	4 дела; 1869–1904			
Ф. 31	Тизенгаузен В. Г. (1825–1902), археолог	13 дел (картотека)			
Ф. 88	Тиханова М. А. (1898–1981), археолог	НТО			
			Ф. 50	Токарский Н. М. (1892–1977), архитектор	68 ед. хр.; 1934

Окончание табл.

Рукописный отдел			Фотоархив		
№ фонда	Название фонда	Кол-во дел, крайние даты	№ фонда	Название фонда	Кол-во фотодокументов, крайние даты
Ф. 89	Третьяков П. Н. (1909–1976), археолог	НТО	Ф. 58	Третьяков П. Н. (1909–1976), археолог	106 ед. хр.; 1912–1971
			Ф. 38	Фаберже К. Г. (1846–1920), ювелир	90 ед. хр.; 1890-е
Ф. 61	Фабрициус И. В. (1882–1966), археолог	73 дела; 1938–1950			
Ф. 23	Фармаковский Б. В. (1870–1928), археолог, историк античного искусства	373 дела; 1900–1924	Ф. 39	Фармаковский Б. В. (1870–1928), археолог, историк античного искусства	1050 ед. хр.; 1905–1909
Ф. 59	Фармаковский М. В. (1873–1946), художник	58 дел; 1920–1940			
			Ф. 72	Фрид С. Г. (1915–1981), фотограф	950 ед. хр.; 1950–1980-е
Ф. 99	Хлобыстин Л. П. (1931–1988), археолог	НТО			
Ф. 81	Черников С. С. (1909–1976), археолог	154 дела НТО			
			Ф. 73	Чижова Л. В. (род. 1947), историк	НТО; 1996–1997
			Ф. 40	Чистяков И. Ф. (1865–1935), фотограф	2666 ед. хр.; 1900–1918
			Ф. 41	Шилейко В. К. (1891–1930), ассириолог	51 ед. хр.; до 1930
Ф. 26	Шмидт А. В. (1894–1935), археолог	133 дела; 1928–1931			
Ф. 55	Шмит Ф. И. (1877–1942), искусствовед, византист	44 дела; 1907–1932			
Ф. 87	Шургая И. Г. (1934–1982), археолог	69 дел			
Ф. 22	Щавинский В. А. (1868–1925), химик	49 дел; 1906–1924			
Ф. 86	Якобсон А. Л. (1906–1984), археолог	82 дела; 1936–1983	Ф. 47	Якобсон А. Л. (1906–1984), археолог	НТО; 1926–1982
Ф. 53	Якубовский А. Ю. (1886–1953), историк, археолог	48 дел; 1923–1952			
РАЗРЯДЫ					
Р-I	Собрание графической документации	11 000 ед. хр.; 1830–1970			
Р-II	Эстампажи	473 ед. хр.; 1794–1900			
Р-III	Метрики старинных церквей	7080 ед. хр.; 1887–1888			

Глава 11. ИЗ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ ИИМК РАН

Р. Ш. Левина†, Л. М. Всевиов

Библиотека основана в 1919 г., когда была учреждена Российская Академия истории материальной культуры, в распоряжение которой передавались все имущество и учреждения Императорской Археологической комиссии, в том числе и библиотека (Каталог библиотеки... 1904; 1907; 1910).

По первому Уставу РАИМК библиотекой ведала библиотечная комиссия, под общим руководством которой библиотекарь исполнял свои обязанности (Устав РАИМК 1920: 56–57). Это же положение подтверждено и Уставом ГАИМК 1926 г. (Устав ГАИМК 1926: 12, 14).

Во главе библиотечной комиссии стоял А. А. Сиверс. Деятельность комиссии отражена в журналах совещаний за 1920–1929 гг., хранящихся в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН.

В 1921 г. было выработано «Положение о библиотеке РАИМК», в котором определены основные задачи библиотеки: «обслуживание научных и просветительных потребностей Академии, удовлетворение запросов всех научных учреждений и лиц, нуждающихся в научных книгах по областям ведения РАИМК, научно-исследовательская работа в области книговедения, библиотековедения и библиографии, связанная с кругом ведения Академии и ее очередными интересами» (ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 56, л. 1).

Первоначально фонд библиотеки составляли только книги Императорской Археологической комиссии – около 25 тыс. томов. В значительной части он отражен в печатном Каталоге библиотеки Археологической комиссии (Каталог библиотеки... 1904; 1907; 1910).

Но уже с 1920 г. началось пополнение фонда за счет поступления из библиотек различных ликвидированных научных обществ и частных книжных собраний видных русских ученых. В 1924 г. поступили книги из библиотек Русского археологического общества (18 тыс. томов), Русского историко-генеалогического общества (2800 томов) и Общества поощрения художеств (3248 томов). Поступили книги и брошюры также из библиотек Х. М. Лопарёва, Я. И. Смирнова, П. А. Путятина, А. А. Бобринского, В. В. Латышева, А. В. Никитского, Б. В. Фармаковского, Н. И. Репникова, А. В. Орешникова и др. Большая роль принадлежала комплектованию текущей литературой: производился обмен с иностранными научными учреждениями и выписывалась литература за валюту. С. А. Желёв писал в 1929 г.: «Библиотека ГАИМК может отметить, что по количеству выписываемых книг из-за границы она и ныне занимает одно из первых мест среди библиотек научных учреждений» (ф. 2, оп. 1, 1928 г., д. 53, л. 19). Наряду с обработкой литературы и приведением в порядок фондов велась справочно-консультационная работа. Для раскрытия фондов уже в начале 1920-х гг. создается предметный каталог, а в 1925 г. ставится вопрос о создании систематического каталога и начинается подготовительная работа – дублирование карточек. Библиотека вела научно-библиографическую работу. О. А. Магнус составила первую советскую археологическую библиографию (Магнус 1931). Работа

эта имела важное научное значение и долгие годы оставалась единственным сводным справочником по археологии СССР.

В 1920-е гг. библиотеку ГАИМК возглавляли такие видные ученые, как член-корреспондент АН СССР **В. Н. Бенешевич** (1923–1926) и проф. **И. М. Гревс** (1927–1930), помощником библиотекаря был известный русский библиограф **П. И. Прозоров**. Члены и сотрудники ГАИМК оказывали библиотеке большую помощь в повседневной работе. Ученый секретарь Академии **Б. В. Фармаковский** в 1925 г. предоставил библиотеке для пользования свою личную библиотеку (она была приобретена ГАИМК уже после его смерти). Академик **С. А. Жебелёв**, постоянный член библиотечной комиссии, в 1925 г. уделял время для технической работы в библиотеке и взял на себя дублирование иностранных карточек на книги из библиотеки **Б. В. Фармаковского**. В 1928 г. он запрашивает список должников библиотеки, «дабы личным обращением» воздействовать на них.

Характеризуя библиотеку ГАИМК 1920-х гг., **Н. Я. Марр** писал: «Это лучшая, думам, не в одном СССР по специальности подобранная библиотека. Благодаря обмену изданиями также по специальности и с заграничными учреждениями библиотека растет здоровым ростом в путях продуманного пополнения и вносит регулярными ныне поступлениями книг большое оживление в научную среду отнюдь не одних работников Академии. В самой библиотеке началась исследовательская работа, подсобная для Академии <...>

Почти полностью книги зарегистрированы, составлен алфавитный каталог и начинается подготовка по составлению предметного каталога с учетом систематики» (Марр 1927: 31).

К началу 1930-х гг. заканчивается организационный период и в библиотеке ГАИМК начинается планомерная библиотечная и справочно-библиографическая работа.

В 1935 г. издается «Положение о библиотеке Гос. Академии истории материальной культуры им. **Н. Я. Марра**», регламентирующее работу по обслуживанию читателей. Деятельность библиотеки в 1930-е гг. освещена в печатном отчете ее заведующего **А. Ф. Добрынина** (Краткий отчет... 1936: 62, 63, 90–92) и в подробной «Записке о состоянии библиотеки ГАИМК на 15 июля 1937 г. и перспективах дальнейшей работы», составленной им же и хранящейся в библиотеке ИИМК РАН. Этот документ характеризует работу библиотеки с начала 1930-х гг. до реорганизации ГАИМК в Институт истории материальной культуры АН СССР. Основная задача библиотеки – «переключение на активное обслуживание научных работников Академии и других учреждений». Библиотека была одной из крупнейших специальных библиотек Советского Союза – ее фонд насчитывал около 150 тыс. томов (112 515 названий книг и журналов). Количество читателей в 1937 г. составляло 272 человека, посещаемость библиотеки по сравнению с 1927 г. возросла в шесть раз (8228 против 1367), а книговыдача – в пять (15 088 против 3052), был введен коллективный абонемент для подразделений ГАИМК, активно работал межбиблиотечный абонемент – в 1935 г. послано 1267 заявок.

Наряду с выпиской иностранной литературы был широко развернут международный книгообмен – библиотека обменивалась изданиями с 128 учреждениями в 28 странах. Был также налажен внутрисоюзный обмен. До 12 % изданий поступало в дар. Ежегодное пополнение фонда – 2000 названий книг и журналов.

Одновременно была начата работа по организации книжного фонда: выделены отделы справочный, учебный и картографический, созданы их каталоги.

Стремясь к максимальному раскрытию своих фондов с целью улучшения справочно-библиографического обслуживания читателей, в 1936 г. библиотека ГАИМК приступила к организации систематического каталога. Эту работу возглавила **Н. А. Винберг** (рис. 86, 1), которой целиком принадлежит заслуга его создания, а существовавший в 20-е гг. предметный каталог, который не охватывал и половины фонда, был законсервирован.

Важным элементом справочно-библиографической работы были еженедельные выставки новых поступлений и тематические выставки. На рубеже 1920-х и 1930-х гг. библиотека начала публикацию бюллетеней новых поступлений. В «Сообщениях ГАИМК» в 1931 г. опубликованы бюллетени за 1929–1930 гг. (Новые иностранные книги... 1931; Поступления в библиотеку... 1931а; 1931б; 1931в; 1931г).

В 1935–1937 гг. предпринято издание «Бюллетеня вновь поступивших книг» тиражом 60–70 экз. (Краткий отчет... 1936: 62).

Широко развернулась научно-библиографическая работа. Был опубликован составленный А. Ф. Добрыниным указатель работ ГАИМК, изданных в 1921–1935 гг. (Добрынин 1936). В предвоенные годы создана картотека археологической литературы за 1929–1940 гг. (продолжение указателя О. А. Магнус).

После реорганизации ГАИМК в 1937 г. в ИИМК АН СССР библиотека в 1938 г. вошла в централизованную систему библиотек Академии наук СССР. Новое положение библиотеки не изменило основного направления ее деятельности: научно-библиографической работы по археологической литературе СССР, усиления справочно-консультационной работы, создания систематического каталога монографий, проверки книжного фонда и его рекаталогизации.

Деятельность библиотеки ИИМК во время Великой Отечественной войны отражена в хранящихся в НА ИИМК РАН и в библиотеке докладных записках заведующих библиотекой Л. А. Фёдорова и В. Б. Ечеистойой, а также в отчетах о работе библиотеки в 1942 и 1943 гг. и актах осмотра помещения библиотеки специальными комиссиями в 1942–1944 гг. Эти материалы служат еще одним свидетельством мужества и стойкости ленинградцев во время блокады.

В апреле 1942 г. лопнула водопроводная труба в помещении, расположенном над библиотекой. Вода затопила часть книгохранилища, особенно сильно пострадали фолианты. Само помещение библиотеки отсырело, печи не топились из-за отсутствия топлива, электричества не было, а зафанеренные окна не пропускали дневной свет. Работали при свете самодельных, сильно коптящих фонарей. Основной деятельностью трех сотрудников библиотеки, ослабевших в тяжелую блокадную зиму, было спасение фонда. «В летние и осенние дни 1942 г., когда позволяла погода, помещение библиотеки проветривалось путем устройства сквозняков. Книги относились во двор Академии наук, где часть их раскладывали для просушки на мощенных камнем панелях, часть развешивали на веревках. После просушки книги вносили обратно в помещение библиотеки» (ф. 13, оп. 1, 1943 г.). Другая часть книг была перенесена для просушки в помещение Института. Несмотря на все принятые меры, часть изданий погибла, много книг оказалось повреждено плесенью, испорчены таблицы, покоробились и отвалились переплеты, многие книги распались. На пострадавшие книги была составлена картотека и начата подборка разрозненного материала.

В столь трудных условиях сотрудники библиотеки продолжали обслуживать читателей. Отчеты за май–июнь 1942 г. свидетельствуют, что за эти два месяца было 164 посещения, выдано 166 книг, возвращено 209. Работал и межбиблиотечный абонемент – получено 79 книг, возвращено в библиотеки Ленинграда 120 книг. В сентябре 1942 г. библиотека начала срочную подготовку к консервации – при свете фонаря производилась расстановка книг, возвращенных с января по август и не расставленных из-за холода, тесноты и отсутствия света. К началу 1943 г. библиотека была открыта для обслуживания читателей только два часа в неделю. В акте обследования библиотеки ИИМК 14 января 1943 г. комиссией отмечалось, что «состояние книжных фондов в библиотеке ИИМК внушает самые серьезные опасения». Комиссия рекомендовала провести ряд первоочередных мероприятий для спасения фондов и указала на то, что «контроль состояния книжных фондов

библиотеки ИИМК должен особенно внимательно осуществляться в весенние и ранне-летние месяцы, когда будет происходить оттаивание помещений и можно ожидать эпидемической вспышки развития плесневых грибов» (Там же).

Весь 1943 г. библиотека работала в условиях консервации. Единственной сотрудницей была В. Н. Денемарк. Проводились в жизнь рекомендации комиссии – зимой были расставлены книги, лежавшие в штабелях (6007 томов), с наступлением теплого времени начата просушка помещения. Принятые для спасения книг меры дали положительный результат. В акте осмотра хранилища библиотеки, архива и фототеки ИИМК комиссией Академии наук от 2 февраля 1944 г. отмечено, что перенесенные в помещение ИИМК в главном здании Академии наук книги «находятся в хорошем состоянии и доступны для пользования». О помещении же библиотеки говорится: «Считать помещение непригодным для хранения библиотеки и книги подлежащими переносу в другое, более подходящее помещение при первой же к тому возможности» (ф. 13, оп. 1, 1944 г.).

В первые послевоенные годы основное внимание коллектива библиотеки было направлено на залечивание ран, нанесенных войной. 6 июля 1946 г. состоялось специальное совещание, на котором присутствовали директор Библиотеки АН СССР И. И. Яковкин и заведующий ЛО ИИМК П. Н. Третьяков. В протоколе совещания говорилось о катастрофическом положении библиотеки ИИМК. Ставился даже вопрос о консервации библиотеки и перевозке книг в помещение Библиотеки АН (протокол совещания хранится в библиотеке ИИМК).

Весной 1949 г. Институт и библиотека переехали в Ново-Михайловский дворец. Большинство книг к этому времени было уже просушено и частично реставрировано. Библиотека вернулась к нормальной работе.

К началу 1950-х гг. планами были предусмотрены те виды библиотечно-библиографических работ, которые и поныне являются основными для библиотеки ИИМК РАН.

Одной из главных задач являлась правильная организация фондов. В 1953–1956 гг. проведена полная их инвентаризация, а в конце 1950-х и в 1960-х гг. созданы новые алфавитные каталоги иностранных монографий и отечественной и иностранной периодики. В организации каталогов огромная роль принадлежит безвременно умершей сотруднице библиотеки, археологу А. А. Любимовой (рис. 86, 3: *стоит справа*). В 1970-е гг. завершена рекаталогизация фонда отечественных монографий.

Библиотека ИИМК является крупнейшей и по существу единственной специальной археологической библиотекой России и республик бывшего СССР и обладает ценнейшими фондами, которые на конец 2013 г. составляют более 226 000 ед. хр.

В библиотеке представлена литература по всемирной археологии от палеолита до позднего средневековья, по истории Древнего Востока, античного мира и средних веков, по истории древнего и средневекового искусства и архитектуры, по истории науки и техники Древнего мира и средневековья, краеведческая и музееведческая литература. Широко представлена литература по истории России до XVIII в. Имеются издания по этнографии, языкознанию и вспомогательным историческим дисциплинам – нумизматике, эпиграфике, сфрагистике, геральдике, исторической географии. Библиотека комплектуется также литературой по палеоантропологии, палеогеографии, палеозоологии и палеоботанике, четвертичной геологии. Имеется большой фонд энциклопедий, словарей и справочников.

В библиотеке представлены все издания Императорской Археологической комиссии, Русского археологического общества, Московского археологического общества, Общества истории и древностей российских, Одесского общества истории и древностей, ученых архивных комиссий и т. д., все издания ГАИМК/ИИМК РАН, Института археологии АН СССР/РАН и других археологических и исторических учреждений. Многие иностранные археологические периодические издания представлены полными комплектами.

Комплектование фондов – один из основных видов работ библиотеки. Оно производится централизованно, путем заказа литературы через отделы комплектования Библиотеки АН. В среднем за год в библиотеку поступает 1000 печатных единиц. Существенным источником пополнения фонда служат также издания, получаемые в дар от российских и зарубежных археологических организаций и отдельных ученых. В фонд библиотеки вливаются собрания из личных библиотек умерших сотрудников ИИМК.

Библиотека ИИМК обслуживает читателей в читальном зале, на абонементе и по межбиблиотечному абонементу. Индивидуальным абонементом, наряду с сотрудниками Института, пользуются научные сотрудники академических институтов, различных научных учреждений, музеев и вузов Санкт-Петербурга. В читальном зале, рассчитанном на 20 рабочих мест, наряду с указанными выше группами читателей, занимаются научные сотрудники и аспиранты различных учреждений страны. В библиотеке работают также иностранные ученые – гости Академии наук, Эрмитажа, СПб университета, прикомандированные стажеры, научные сотрудники и аспиранты из стран СНГ.

Фонд открытого доступа, расположенный в читальном зале, насчитывает свыше 2000 печатных единиц отечественных и зарубежных изданий. Это справочники по археологии, древней истории и истории искусства, энциклопедии, биографические и языковые словари, библиографические указатели, географические справочники и атласы. Представлены все издания ИИМК и ИА РАН и часть русской дореволюционной археологической периодики.

Основные формы информационной работы библиотеки – организация выставок новых поступлений и тематических книжных выставок, выполнение устных и письменных справок, составление библиографических списков и индивидуальная информация читателей о новых поступлениях.

Ведущая роль в информационном обслуживании читателей принадлежит системе каталогов и картотек библиотеки. В эту систему входят алфавитные каталоги отечественных и иностранных монографий, отечественной и иностранной периодики, систематический каталог археологической литературы, картотека работ сотрудников ЛОИА/ИИМК, картотека рецензий и картотека «Rossica».

Систематический каталог включает в себя монографии и статьи из сборников и периодических изданий. Схема каталога, разработанная в библиотеке ИИМК в конце 1930-х гг. и утвержденная Отделом систематизации литературы Библиотеки АН СССР, сохраняется и поныне, хотя претерпела известные изменения, вызванные дальнейшим развитием археологической науки и возросшим количеством материалов по различным вопросам. В основу схемы каталога положен хронологический принцип согласно археологической периодизации: палеолит, мезолит, неолит, энеолит, эпоха бронзы, период раннего железа, Древний Восток, античный период, средневековье. В пределах этих больших хронологических отделов выделены подотделы по территориальному признаку: Россия и страны СНГ, Европа, внеевропейские страны; в подотделах выделены рубрики, посвященные археологии отдельных стран. Археологические памятники СССР разделены по отдельным республикам и областям, в рубриках выделены подрубрики, посвященные археологическим культурам и отдельным памятникам. В общих отделах каждого археологического периода имеются однотипные рубрики, посвященные общим вопросам хозяйства и техники, социальному строю, религии и культам, архитектуре и искусству данной эпохи. Конкретно-археологической части каталога предпослан общий отдел: литература по общим вопросам археологии, организация и история археологической науки в России и за рубежом, применение методов естественных и технических наук в археологии, охрана и учет памятников, консервация и реставрация; выделена обширная *Personalia* отечественных и зарубежных археологов. К систематическому каталогу имеется предметно-географический ключ.

Картотека работ сотрудников ИИМК отражает все их работы, независимо от места и времени опубликования, за исключением газетных статей и заметок в энциклопедиях. Картотека рецензий ведется с 1946 г. и включает отечественные рецензии на работы советских и российских археологов. В библиотеке имеется картотека «Rossica», созданная после Великой Отечественной войны.

В послевоенные годы по инициативе заведующей библиотекой Н. А. Винберг было начато создание библиографического указателя «Советская археологическая литература». Первоначально указатели публиковались в журнале «Советская археология» (Винберг, Ечеистова 1953; Винберг, Заднепровская 1954; 1955; 1957а; 1957б; 1958; 1959а; 1959б).

В 1959 г. вышел первый сводный том библиографии за 1941–1957 гг. Всего опубликовано 11 томов, охватывающих всю археологическую литературу за 1918–1991 гг. (таблица).

Таблица

Библиографический указатель «Советская археологическая литература»

Год выхода тома библиографии	Годы охвата	Число лет	Количество названий	Количество названий в среднем за год
1965	1918–1940	23	8041	350
1959	1941–1957	17	8765	516
1969	1958–1962	5	8178	1636
1975	1963–1967	5	10 751	2150
1980	1968–1972	5	14 812	2960
1983	1973–1975	3	9931	3310
1986	1976–1978	3	10669	3556
1989	1979–1981	3	12015	4005
1997	1982–1984	3	11006	3668
1999	1985–1987	3	14292	4764
2007	1988–1991	4	18406	4601

Опыт работы над первыми томами обобщен Н. А. Винберг в 1965 г. (Винберг 1965).

Наряду с плановой научно-библиографической работой сотрудники библиотеки ИИМК составляют внеплановые библиографические указатели и списки. Т. Н. Заднепровской составлен библиографический указатель «Русская археологическая литература. 1900–1917 гг.» (СПб., 2003), где учтено 10 882 названий.

Надо отметить, что в 2007 г. было завершено издание библиографического указателя «Советская археологическая литература» и по существу археология стала, пожалуй, единственной гуманитарной наукой, имеющей указатель литературы за все время существования в рамках одного, ныне уже не существующего, государства СССР.

Однако работа над указателем продолжается, и в 2012 г. вышел новый том, но уже под другим названием: «Археологическая литература стран СНГ. 1992–1994». В нем учтено 11 914 названий.

Со второй половины 1998 г. в библиотеке имеется база данных «Археологическая литература стран СНГ в фондах Отдела БАН при ИИМК», созданная по схеме, аналогичной ранее вышедшим печатным указателям. База данных ежедневно пополняется и на конец 2013 г. включала в себя 42 200 записей.

С 2009 г. обработка всей поступающей в библиотеку литературы ведется не только в традиционной карточной форме, но и в электронном виде, тем самым положено начало создания электронного каталога библиотеки.

Необходимо вспомнить людей, отдавших всю свою сознательную жизнь служению Библиотеке ГАИМК/ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК РАН.

Нина Анатольевна Винберг (1910–1984) – заведующая библиотекой с 1941 по 1966 г. (рис. 86, 1, 3: *сидит в центре*). Окончила исторический цикл факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ. Инициатор создания систематического каталога библиотеки и ретроспективного библиографического указателя «Советская археологическая литература».

Рахиль Шнееровна Левина (1926–2005) – заведующая библиотекой с 1966 по 1996 г. (рис. 86, 2, 3: *стоит в центре*; 87, 1 и 3: *сидит слева*). Окончила кафедру археологии исторического факультета ЛГУ. Ученица М. И. Артамонова и М. К. Каргера. Член коллектива составителей библиографического указателя «Советская археологическая литература». Участница многих археологических экспедиций на территории России и Украины.

Юлия Яковлевна Боярская (рис. 86, 3: *сидит справа*; 87, 3: *сидит в центре*). Окончила Институт иностранных языков в Ленинграде. Всю жизнь проработала в библиотеке, человек, преданный ей до конца своих дней.

Татьяна Николаевна Заднепровская (1926–2001) (рис. 86, 3: *сидит слева*; 87, 3: *сидит справа*). Окончила кафедру археологии исторического факультета ЛГУ. Ученица А. Н. Бернштама. Член коллектива составителей библиографического указателя «Советская археологическая литература». Составитель указателя «Русская археологическая литература. 1900–1917 гг.». Автор статей по истории археологической библиографии в России. Участница многих экспедиций на территории Средней Азии.

Аэлита Александровна Любимова (рис. 86, 3: *стоит справа*). Окончила кафедру археологии исторического факультета ЛГУ. Ученица В. Ф. Гайдукевича. Член коллектива составителей библиографического указателя «Советская археологическая литература». Участница ряда античных экспедиций на территории Крыма.

Евгения Владимировна Ольшевская (рис. 86, 3: *стоит слева*). Была безупречной заведующей абонементом библиотеки. Строгий, но бесконечно добрый и отзывчивый человек.

Отдавая долг памяти этих прекрасных людей, блестящих специалистов своего дела, нужно вспомнить и бессменного председателя Библиотечного совета Марию Александровну Тиханову, для которой библиотека была родным домом.

Большую часть своей жизни посвятили работе в библиотеке **Марина Алексеевна Балагурова** (рис. 87, 3: *стоит слева*), **Марина Павловна Боярова** (рис. 87, 3: *стоит справа*), **Юлия Валентиновна Гончарова**, **Марина Юрьевна Карпова**, **Ольга Николаевна Сажина** (рис. 88, *сидит в центре*), **Татьяна Анатольевна Хастурина** (рис. 88, *сидит справа*).

За долгую историю библиотеки ее школу прошли многие историки и археологи, ныне посвятившие себя научной деятельности, но оставившие свой значительный вклад: д. и. н., проф. А. А. Селин; к. и. н. А. А. Липатов (ИИМК); к. и. н. К. А. Михайлов (ИИМК) (рис. 87, 2: *справа*); к. и. н. Е. В. Грицик (ИИМК) (рис. 88, *стоит справа*); к. и. н. Е. Г. Старкова (ГЭ); Н. Ю. Новосёлова (ГЭ); Д. В. Герасимов (МАЭ); Л. М. Яковлева (МАЭ) (рис. 87, 2: *в центре*; 88, *стоит слева*); Г. А. Фафурин (Российская национальная библиотека).

В настоящее время в Отделе БАН при ИИМК РАН трудятся:

Марина Евгеньевна Мазуренко (рис. 87, 1: *сидит справа*; 88, *сидит слева*) – заведующая библиотекой с 2008 г. Окончила восточный факультет ЛГУ, историк-иранист. Помимо обязанностей заведующей ведет алфавитные каталоги русскоязычной литературы. Обрабатывает всю отечественную и стран СНГ литературу, поступающую в библиотеку, а также расписывает ее для систематического каталога. Организует картотеку работ сотрудинок ИИМК РАН.

Лев Михайлович Всевиов (рис. 87, 2: *стоит слева*; 88, *стоит в центре*), главный библиотекарь. Заведовал библиотекой с 1996 по 2008 г. Окончил кафедру археологии исторического факультета ЛГУ. Ведет русскоязычную часть систематического каталога. Организует базу данных «Археологическая литература стран СНГ в фондах Библиотеки ИИМК». Является членом коллектива составителей многотомного библиографического указателя «Советская археологическая литература», составителем библиографического указателя «Археологическая литература стран СНГ. 1992–1994». Участник археологических экспедиций на Русском Севере, в Армении, Таджикистане и на Украине.

Татьяна Игоревна Григорьева, ведущий библиотекарь. Окончила кафедру археологии исторического факультета СПбГУ. Ведет иностранную часть алфавитных каталогов. Участница археологических экспедиций на Украине и в Молдове.

Ольга Владимировна Григорьева, ведущий библиотекарь. Окончила кафедру археологии исторического факультета СПбГУ. Расписывает и систематизирует иностранную литературу для систематического каталога. Окончила аспирантуру Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН. Участница археологических экспедиций на территории Северо-Запада России и Украины.

Ярослава Юрьевна Шувалова, библиотекарь I категории. Окончила кафедру археологии исторического факультета СПбГУ. Участница археологических и этнографических экспедиций на Северо-Западе России. Область научных интересов – визуальная антропология.

За свою долгую историю библиотека ГАИМК/ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК пережила разные времена, включая 4 переезда, что неизбежно отразилось на состоянии ее книжного собрания. Вместе с тем на протяжении всего своего существования ее небольшой коллектив сохраняет библиотечные традиции прежних лет и держит высокую планку служения российской и мировой археологической науке.

- Винберг 1965 – *Винберг Н. А.* Некоторые вопросы отраслевой библиографии по археологии (из опыта работы библиотеки Ленинградского отделения Института археологии АН СССР) // 250 лет Библиотеке Академии наук СССР. М.; Л., 1965. С. 217–232.
- Винберг, Ечеистова 1953 – *Винберг Н. А., Ечеистова В. Б.* Советская археологическая литература за 1950 г. // СА. 1953. Т. 17. С. 329–375.
- Винберг, Заднепровская 1954 – *Винберг Н. А., Заднепровская Т. Н.* Советская археологическая литература за 1951 г. // СА. 1954. Т. 19. С. 351–390.
- Винберг, Заднепровская 1955 – *Винберг Н. А., Заднепровская Т. Н.* Советская археологическая литература за 1952 г. // СА. 1955. Т. 22. С. 275–321.
- Винберг, Заднепровская 1957а – *Винберг Н. А., Заднепровская Т. Н.* Советская археологическая литература за 1953 г. // СА. 1957. Т. 27. С. 335–383.
- Винберг, Заднепровская 1957б – *Винберг Н. А., Заднепровская Т. Н.* Советская археологическая литература за за 1955 г. // СА. 1957. № 4. С. 234–273.
- Винберг, Заднепровская 1958 – *Винберг Н. А., Заднепровская Т. Н.* Советская археологическая литература за 1956 г. // СА. 1958. № 4. С. 258–306.
- Винберг, Заднепровская 1959а – *Винберг Н. А., Заднепровская Т. Н.* Советская археологическая литература за 1954 г. // СА. 1959. Т. 29–30. С. 297–345.
- Винберг, Заднепровская 1959б – *Винберг Н. А., Заднепровская Т. Н.* Советская археологическая литература за 1957 г. // СА. 1959. № 4. С. 282–327.
- Добрынин 1936 – *Добрынин А. Ф.* Указатель работ Гос. академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, изданных в 1921–1935 гг. М.; Л., 1936 (ИГАИМК. Вып. 135).
- Каталог библиотеки... 1904 – Каталог библиотеки Археологической комиссии. СПб., 1904.
- Каталог библиотеки... 1907 – Каталог библиотеки Археологической комиссии. Дополнение за 1905–1906 гг. СПб., 1907.

- Каталог библиотеки... 1910 – Каталог библиотеки Археологической комиссии. Дополнение за 1907–1909 гг. СПб., 1910.
- Краткий отчет... 1936 – Краткий отчет о работе Академии в 1935 г. Л., 1936. С. 62, 63, 90–92.
- Магнус 1931 – *Магнус О. А.* Библиографический указатель литературы по археологии, вышедшей в СССР за 1918–1928 гг. Л., 1931 (ИГАИМК. Т. 8, вып. 4/7).
- Марр 1927 – *Марр Н. Я.* Государственная Академия истории материальной культуры // Научный работник. 1927. № 2. С. 27–36.
- Новые иностранные книги... 1931 – Новые иностранные книги по истории материальной культуры // СГАИМК. 1931. № 8. С. 38.
- Поступления в библиотеку... 1931а – Поступления в библиотеку ГАИМК (с 1 сентября 1929 г. по 31 января 1930 г.) // СГАИМК. 1931. № 4/5. С. 68–71.
- Поступления в библиотеку... 1931б – Поступления в библиотеку ГАИМК (с 1 февраля по 30 апреля 1930 г.) // СГАИМК. 1931. № 6. С. 39–40.
- Поступления в библиотеку... 1931в – Поступления в библиотеку ГАИМК (в мае и июне 1930 г.) // СГАИМК. 1931. № 7. С. 38–40.
- Поступления в библиотеку... 1931г – Поступления в библиотеку ГАИМК (с 1 июня по 31 декабря 1930 г.) // СГАИМК. 1931. № 9/10. С. 76–79.
- Устав ГАИМК 1926 – Устав Государственной Академии истории материальной культуры. Л., 1926.
- Устав РАИМК 1920 – Устав Российской Академии истории материальной культуры. Пг., 1920.
- НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 56; 1928 г., д. 53 (Журнал заседания Библиотечной комиссии № 44 от 12 октября 1929 г.); ф. 13, оп. 1, 1943 г.; 1944 г.

Приложение:
**Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/
ЛОИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН¹**

Е. В. Бобровская,² В. А. Алёкшин³

АБАКУМОВ Василий Петрович (1898–1942) – зам. председателя Академии по хозяйственной части. В ГАИМК с 1930 по 1934 г. Погиб в блокадном Ленинграде.

АБАКУМОВА Мария Петровна (1908–?) – курьер. В ГАИМК/ИИМК с 1932 по 1941 г.

АБДУЛЛОЕВ Даврон (1947 г. рожд.) – археолог-востоковед, к. и. н. Ученик А. М. Беленицкого и Б. И. Маршака. В ЛОИА/ИИМК с 1973 г. стажер-исследователь, с 1975 по 1978 г. аспирант, с 1982 г. в СЕСАК/ОСАК/ОАЦАК.⁴ С 1979 по 1982 г. в Институте истории им. А. До-ниша АН Таджикской ССР.

Специализация: археология, история и этнология Центральной Азии и Среднего Востока эпохи средневековья.

АБРАМОВА Зоя Александровна (1925–2013) – археолог, д. и. н., проф. Ученица А. П. Окладникова. В ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК с 1952 г. в ЛКО, с 1956 г. в СП/ОП.

Специализация: палеолитическое искусство, верхний палеолит Южной Сибири и Восточной Европы, корреляция древнейших культур востока Азии и Америки.

АБРОСОВ Семён Васильевич (1884–?) – историк. В РАИМК в 1920 г. в РДРИИСН.

Специализация: живопись и архитектура Новгорода в XII–XIV вв.

АГАРОНЯН Мариам Гедеоновна (1911–1979) – фотограф. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1937 г. С 1970 по 1978 г. зав. ФЛ.

---

¹ При составлении списка сотрудников помимо сведений, извлеченных из их личных дел, использованы следующие источники: Книга памяти: Ленинград. 1941–1945 (СПб., 1994. Т. 1–18); Книга памяти. Блокада. 1941–1945. Ленинград (СПб., 1998–2006. Т. 1–35); *Васьков Я. В., Сорокина М. Ю.* Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). (СПб., 2003); Заклейменные властью. Услышь их голоса //www.pkk.memo.ru/; Жертвы политического террора в СССР //www.lists.memo.ru/; Википедия //www.ru.wikipedia.org/.

² Составитель.

³ Дополнения и комментарии.

⁴ Образованные в 1951 г. структурные подразделения ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК с течением времени меняли свои названия. Сектор Средней Азии и Кавказа с 1986 г. стал именоваться Отделом Средней Азии и Кавказа, с 1997 г. – Отделом археологии Центральной Азии и Кавказа. Группа славяно-русской археологии в 1974 г. получила название Сектор славяно-финской археологии, в 1986 г. – Отдел славяно-финской археологии. Группа античной археологии в 1991 г. переименована в Отдел истории античной культуры. Сектор палеолита с 1986 г. именуется Отделом палеолита. Созданная в 2010 г. Группа охранной археологии переименована в 2012 г. в Отдел охранной археологии.

АДЖЯН Антон Арутинович (1904–1938) – историк, к. и. н. Ученик И. А. Орбели. В ГАИМК с 1930 по 1932 г., ответственный секретарь по делам аспирантов. С 1933 г. аспирант ИВ. С 1936 г. зав. Отделом Востока в ГЭ. Репрессирован в 1938 г.

Специализация: ремесла средневековой Турции.

АДРИАНОВ (АНДРИАНОВ) Василий Степанович (1904–1936) – археолог, этнограф. Ученик С. А. Теплоухова и С. И. Руденко. В ГАИМК с 1932 г. в СДО, с 1934 г. в ИИТ и в СПИ. С 1935 г. в ИААЭ. Репрессирован в 1936 г. Реабилитирован в 1957 г.

Специализация: железный век Саяно-Алтая и Северо-Западной Сибири.

АЗБЕЛЕВ Павел Петрович (1962 г. рожд.) – археолог. В ЛОИА/ИИМК с 1990 по 1994 г. в штате Среднеенисейской хоздоговорной экспедиции.

Специализация: железный век и раннее средневековье евразийских степей.

АЙНАЛОВ Дмитрий Власьевич (1862–1939) – историк искусства. Ученик Н. П. Кондакова. В РАИМК/ГАИМК с 1919 по 1929 г. зав. РАСЗЭВ. С 1914 г. чл.-корр. ИСПб АН. Проф. ИСПбУ (1903–1914), ИПУ/ПГУ (1914–1917, 1921–1924) и ЛГУ (1924–1936). Член ИРАО и ИППО. Арестовывался органами ОГПУ в 1930-е гг.

Специализация: византийское и древнерусское искусство.

АЛЕКСАНДРОВ Сергей Владимирович (1972 г. рожд.) – археолог. Ученик Н. А. Бокоренко. В ИИМК с 1999 по 2001 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 2001 г. в ГАМ, с 2010 г. в ГОА/ООА.

Специализация: скифо-сибирская археология и археология раннего железного века Саяно-Алтая.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ Владимир Александрович (1903–?) – инженер-химик. В ИИМК с 1937 по 1938 г. в САТ.

Специализация: изучение керамики.

АЛЕКСЕЕВА Галина Юрьевна (1956 г. рожд.) – ведущий бухгалтер-кассир. В ЛОИА/ИИМК с 1984 г.

АЛЕКСЕЕВА (НЕМЦЕВА) Елена Михайловна (1956 г. рожд.) – художник. В ЛОИА с 1977 по 1988 г. в штате Красноярской (?), Среднеенисейской и Сибирской хоздоговорных экспедиций.

АЛЁШИН Вадим Андреевич (1944 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик В. М. Массона. В ЛОИА/ИИМК с 1972 г. в аспирантуре, с 1975 г. в СЕСАК/ОСАК/ОАЦАК, с 1998 г. зам. директора ИИМК по научной работе, с 2003 г. зав. ОАЦАК.

Специализация: энеолит и бронзовый век Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока; погребальные обряды населения Евразии в эпоху первобытности; проблема происхождения и расселения индоевропейцев.

АЛФЁРОВ Всеволод Всеволодович (1893–1955) – главный бухгалтер. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК с 1933 г., с осени 1942 по 1945 г. в ЕГИИМК.

АЛЬТМАН Моисей Семёнович (1896–1986) – филолог. Ученик Н. Я. Марра и Б. Л. Богаевского. В ГАИМК с 1931 по 1937 г. в ИИРО. Подвергался аресту в 1936 г., репрессирован в 1942 г., реабилитирован в 1955 г.

Специализация: происхождение греческой трагедии, исследование текстов древнегреческих авторов, техника и технология виноделия и мукомольного дела в античности.

АНДРЕЕВ Юрий Викторович (1937–1998) – историк, д. и. н., проф. Ученик К. М. Колобовой. В ЛОИА/ИИМК с 1982 г. в ГАА/ОИАК, с 1986 по 6 февраля 1998 г. зав. ГАА/ОИАК.

Специализация: становление древнегреческой цивилизации (III тыс. до н. э.–первая половина I тыс. до н. э.), античный полис, культура Древней Греции.

АНЕРТ Нина Семёновна (1892–?) – научный сотрудник. В РАИМК с 1919 по 1920 г. в РДРИИСН.

Специализация: памятники древнерусского зодчества и их реставрация.

АНИКОВИЧ Михаил Васильевич (1947–2012) – археолог, д. и. н. Ученик А. Н. Рогачёва. В ЛОИА/ИИМК с 1972 г. в аспирантуре, с 1976 г. в СП/ОП.

Специализация: палеолит Костёнок и Восточной Европы, вопросы происхождения верхнего палеолита, взаимодействие человека и мамонта в палеолите, теоретические и методологические аспекты палеолитоведения, история археологии.

АНИСИМОВА Анна Ивановна (1876–1942) – швейцар. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК с 1920 г. Погибла в блокадном Ленинграде.

АНИСИМОВА Ирина Михайловна (1950 г. рожд.) – помощник заведующего ЛОИА по иностранным делам с 1986 по 1990 г.

АНИСЮТКИН Николай Кузьмич (1934 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученик В. П. Любина. В ЛОИА/ИИМК с 1975 г. в СП/ОП (перешел из ГЭ). Житель блокадного Ленинграда.

Специализация: ранний и средний палеолит юго-запада Восточной Европы, вопросы классификации и хронологии мустьерских индустрий, реконструкция охотничьей деятельности и хозяйства в среднем палеолите, палеолит Костёнок, Средней Азии и Вьетнама.

АНОСОВ Сергей Николаевич (1913–1941) – археолог. В ГАИМК/ИИМК с 1934 г. в 1935 г. в ИИТ, с 1936 г. в ИИДО, с 1937 по 1939 г. научно-технический сотрудник. Погиб в Великую Отечественную войну.

Специализация: археология Кавказа.

АНТОНОВА (БАЙКЕЕВА) Фарида Халилулловна (1982 г. рожд.) – ведущий бухгалтер. В ИИМК с 2002 по 2004 г. и с 2008 г.

АРСЕНЬЕВА Лола Валерьевна (1957 г. рожд.) – редактор. В ЛОИА с 1983 по 1991 г.

АРТАМОНОВ Михаил Илларионович (1898–1972) – археолог, д. и. н., проф. Ученик А. А. Миллера, А. А. Спицына и Н. П. Сычёва. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК с 1926 г. в аспирантуре, с 1930 г. в САРФ, возглавляя группу архаического земледелия, с 1932 г. в СДО, с 1934 г. в ИИФО, с 1937 г. зав. СВЕДП/СДЕ и зам. директора ИИМК по научной работе, с 1939 по 1940 г. зав. СДРВЕДФП, с 1939 по октябрь 1943 г. директор ИИМК, с осени 1942 г. руководитель ЕГИИМК, с 1945 по 1948 г. зав. СБРЖ, с мая 1949 по 1951 г. зав. СДР. С 1951 по 1964 г. Директор ГЭ. С 1948 по 1951 г. проректор ЛГУ, в 1950 г. и. о. ректора ЛГУ, с 1949 по 1972 г. зав. кафедрой археологии ЛГУ. С 1960 г. член ПАН, с 1942 почетный член Шот-

ландского королевского общества антиквариетов, чл.-корр. ГАИ. Награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Специализация: бронзовый и железный века степной зоны Восточной Европы, этногенез и расселение восточных и южных славян, сложение в Восточной Европе раннесредневековых государств – Хазарского, Болгарского и Древнерусского, взаимоотношения славян с кочевниками.

АРТАМОНОВА-ПОЛТАВЦЕВА Ольга Антоновна (1897–1971) – археолог. В ИИМК/ЛОИИМК с 1942 по 1947 г., в 1943–1945 гг. в ЕГИИМК.

Специализация: античная археология Северного Причерноморья, древности Восточной Европы эпохи раннего средневековья.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ Татьяна Михайловна (1905–1942) – машинистка. В ГАИМК/ИИМК с 1934 г., с 1936 г. научно-технический сотрудник ИИДО, с 1937 по 1941 г. технический секретарь СДКПСА. Погибла от дистрофии при эвакуации из блокадного Ленинграда.

АСЛАНЯН Степан Александрович (1957 г. рожд.) – археолог. Ученик Р. М. Мунчаева. В ЛОИА/ИИМК с 1986 г. в ЛКО, с 1992 по 1998 г. в ОАЦАК.

Специализация: энеолит и ранний бронзовый век Закавказья.

АСТАХОВ Сергей Никитич (1933 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученик А. П. Окладникова. В ЛОИА/ИИМК с 1960 г. в аспирантуре, с 1964 г. в ЛКО, с 1966 по 2003 г. и с 2006 г. в СП/ОП, с 2003 по 2006 г. зам. директора ИИМК по научной работе. Заслуженный деятель науки Республики Тыва.

Специализация: палеолит Сибири, Центральной Азии и Японии.

АШИМБАЕВА Наталья Туймебаевна (1944 г. рожд.) – филолог-русист. В ЛОИА с 1977 по 1982 г. в ККИХТ при НСИМК АН СССР.

БАКЛАНОВ Николай Борисович (1881–1959) – художник-архитектор, к. и. н., д-р архитектуры. В ГАИМК/ИИМК с 1928 по 1932 г. и с 1935 по 1937 г. в ИАТ/ИИТ, с 1932 г. в СФО, с 1934 г. в ИИФО, с 1937 по 1938 г. зав. САТ и зам. председателя КПИИОП. С 1932 по 1948 г. проф., зав. кафедрой истории архитектуры ЛИЖСА, с 1937 г. зав. кафедрой истории архитектуры и искусства в Ленинградском институте промышленного строительства. Член ИМАО с 1914 г.

Специализация: средневековая архитектура Северного Кавказа, Крыма и Средней Азии, русская архитектура XVIII–XIX вв.

БАЛАШОВА (АБДУЛИНА) Хамися Абдулкадеровна (1949 г. рожд.) – художник. В ЛОИА/ИИМК с 1973 по 1995 г. в ЛКО.

БАРИЛКО Екатерина Валерьевна (1972 г. рожд.) – старший лаборант. В ЛОИА с 1989 по 1990 г. в ЛАТ.

БАРИНОВ Иван Иванович (1908–?) – помощник директора Института по административно-хозяйственной части. В ЛОИИМК с 1948 по 1952 г.

БАРСУКОВА Татьяна Николаевна (1907–?) – историк-архивист. В ГАИМК/ИИМК с мая 1937 г. в НИК им. Н. Я. Марра, с сентября 1937 г. зав. РА, с осени 1942 по 1944 г. зав. канцелярией ЕГИИМК.

БАРТОЛЬД Василий Владимирович (1869–1930) – тюрколог, арабист, филолог, архивист, д-р истории Востока. Ученик В. В. Розена. В РАИМК/ГАИМК с 1919 г. зав. РАСА и Разрядом мусульманской археологии, с 1921 г. зав. Туркестанской комиссией, с 1921 по 1922 г. товарищ председателя Академии по ученой части, председатель II (Археологического) отделения Академии, член Комиссии по раскопкам, с 1929 г. зав. Разрядом Центральной Азии. Академик ИСПб АН (1913), РАН (1917), АН СССР (1925). Директор МАЭ (1918–1921), с 1921 г. глава коллегии востоковедов при Азиатском музее. С 1906 г. проф. ИСПБУ. С 1903 г. секретарь РКИСВА. Член ИРГО (с 1898 г.), ИРАО (с 1900 г.), ТУАК (с 1916 г.), с 1905 по 1912 г. секретарь ВО ИРАО, с 1918 по 1923 г. его управляющий.

Специализация: средневековая история и филология народов Монголии, Центральной Азии, Ирана, Закавказья и арабских стран, изучение ислама.

БАУЕР Николай Павлович (1888–1942) – историк, нумизмат. В РАИМК/ГАИМК/ ИИМК с 1920 по 1929 г. в ПКНГ, с 1939 по 1941 г. в СДРВЕДФП, в 1942 г. в СДРВЕ. С 1927 по 1938 г. в ГЭ. С 1924 по 1927 г. доц. ЛГУ. Арестовывался органами ВЧК в 1918 г. Репрессирован в 1942 г. в блокадном Ленинграде, реабилитирован в 1989 г.

Специализация: древнерусская нумизматика, денежное обращение в Древней Руси.

БАХТИН Вениамин Сергеевич (1888–1937) – ботаник, проф. Ученик А. А. Ячевского. В ГАИМК в 1926 г. в ИАТ. С 1920 по 1933 г. в Ботанической лаборатории. Репрессирован в 1933 г., сослан в Нарымский край, вторично репрессирован в 1937 г. Реабилитирован в 1958 г.

Специализация: болезни сельскохозяйственных культур.

БАЧИНСКИЙ Николай Михайлович (1896–1965?) – архитектор, д-р искусствоведения. В ГАИМК с 1933 по 1937 г. в ИИТ. Арестовывался в 1937 г.

Специализация: реставрация средневековой архитектуры Средней Азии.

БЕКЕТОВА Наталья Сергеевна (1957 г. рожд.) – археолог. В ЛОИА с 1975 г. в ЛКО, в 1977 г. в штате Сибирской хоздоговорной экспедиции. Впоследствии в ГЭ.

БЕККЕР Екатерина Николаевна (1901–?) – археолог. В РАИМК с 1919 по 1920 г. в РАИИДВ.

Специализация: искусство, археология, нумизматика и этнография Дальнего Востока и Индии.

БЕЛАЯ Надежда Кирилловна (1945 г. рожд.) – археолог. Ученица А. Н. Щеглова. В ЛОИА/ИИМК с 1979 г. в ЛКО, с 1992 по 2000 г. в ОИАК.

Специализация: обработка фондов А. Н. Карасёва и Е. И. Леви, подготовка археологических коллекций для передачи в музеи.

БЕЛЕНИЦКИЙ Александр Маркович (1904–1993) – археолог, востоковед, д. и. н. Ученик А. А. Семёнова. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК с 1936 г. в ИИФО, в 1937 г. в СЕСА, с 1938 по 1941 г. в СЕСЦА/СЕЦА, с осени 1942 по июль 1943 г. в ТГИИМК, с 1945 г. в СЕСЦА, с 1951 г. в СЕСАК/ОСАК, с 1979 г. старший научный сотрудник-консультант. ЗДН Таджикской ССР (1975 г.), ЛГП Таджикской ССР им. Абу-Али-ибн Сина в области науки и техники. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Красной звезды, Великой Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени.

Специализация: средневековая археология и история Центральной Азии и сопредельных стран.

БЕЛЕЦКИЙ Сергей Васильевич (1953 г. рожд.) – археолог, д. и. н., проф. Ученик В. Д. Белецкого, Г. С. Лебедева, В. Б. Вилинбахова, В. В. Седова. В ЛОИА/ИИМК с 1989 г. в ОСФА.

Специализация: история и культура Руси/России с древнейших времен до нового времени, археология и история Пскова и Псковской земли, древнерусская сфрагистика и геральдика, изучение археологического фольклора.

БЕЛЛЕН Анна Александровна (1890–?) – историк. В РАИМК в 1919 г. в Комиссии по составлению археологических карт России.

БЕЛОВА Наталья Андреевна (1951 г. рожд.) – историк. В ЛОИА/ИИМК с 1980 г. инспектор по кадрам, с 1985 г. в РА, с 2000 г. и. о. заведующей РА, с 2004 г. курирует работу РО НА.

Специализация: комплектование и научно-техническая обработка рукописных материалов.

БЕЛЯЕВ Сергей Алексеевич (1936 г. рожд.) – историк, к. и. н. Ученик В. Ф. Гайдукевича. В ЛОИА с 1972 по 1977 г. в ГАА. В настоящее время в Институте всеобщей истории РАН (Москва).

Специализация: античная археология, архитектура и эпиграфика Херсонеса Таврического.

БЕЛЯЕВА Валентина Ивановна (1943 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица П. И. Борисковского. В ЛОИА с 1972 г. в аспирантуре, с 1976 г. в ОП. С 1982 г. в ЛГУ/СПбГУ, доц. кафедры археологии.

Специализация: верхний палеолит Русской равнины.

БЕЛЯЕВА Елена Владимировна (1960 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица В. П. Любина. В ЛОИА/ИИМК с 1989 г. в аспирантуре, с 1995 г. в ОП.

Специализация: ранний и средний палеолит Кавказа, вопросы вариабельности мустьерских индустрий.

БЕЛЯНИЦКИЙ (БЯЛЫНИЦКИЙ)-БИРУЛЯ Алексей Андреевич (1864–1937) – зоолог, д-р биологических наук, проф. В РАИМК в 1920 г. в ИАТ. Впоследствии и. о. директора и директор Зоологического музея АН СССР (1923–1929), зам. председателя Постоянной полярной комиссии АН СССР (1920-е гг.), глава Сектора зоологии Казахстанского филиала АН СССР (1935–1936). С 1923 г. чл.-корр. АН СССР, с 1908 г. академик ИАХ. Член Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей и ИРГО. Репрессирован в 1930 г., освобожден в 1932 г. и отправлен в ссылку в Архангельск.

Специализация: систематика, морфология, зоогеография беспозвоночных животных и млекопитающих, исследования в области паразитологии.

БЕНЕШЕВИЧ Владимир Николаевич (1874–1938) – историк, палеограф, византист, д-р церковного права. Ученик К. Фишера, В. Вундта и А. Гарнака. В РАИМК/ГАИМК с 1923 по 1927 г. (с перерывами) на должности библиографа и библиотекаря. С 1924 г. чл.-корр. АН СССР (исключен в 1938 г., восстановлен в 1958 г.), с 1926 г. секретарь Византийской комиссии АН СССР. С 1909 по 1921 г. проф. ИСПБУ/ИПУ/ПГУ. С 1917 по 1918 г. один из секретарей ВПС РПЦ. Член ИППО, почетный д-р права Афинского национального университета (1912), чл.-корр. Страсбургской (1914), Баварской (1927) и Прусской АН. Награжден Патриархом Иерусалимским орденом Гроба Господня (1927). Арестовывался органами ВЧК и ОГПУ в 1922, 1924, 1928 и 1930 гг. Репрессирован в 1937 г., реабилитирован частично в 1958 г., полностью в 1967 г.

Специализация: литература и письменность, а также церковное и государственное право стран восточного христианства (Византия, Русь, Армения, Грузия, Сирия).

БЕНТОВИЧ Илона Борисовна (1917–1977) – филолог-иранист, Ученица А. А. Фреймана. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1945 г. в СЕСЦА, с 1951 г. в ЛКО, с 1960 г. в СЕСАК.

Специализация: средневековая археология Средней Азии.

БЕНУА Александр Николаевич (1870–1960) – художник, историк искусства, художественный критик. В РАИМК с 1919 по 1922 г. в РАСЗЭВ. В 1926 г. эмигрировал во Францию.

Специализация: история русской и западноевропейской живописи.

БЕРГ Лев Семёнович (1876–1950) – ихтиолог, географ, д-р географии и зоологии. В РАИМК с 1919 по 1921 г. в КИКП. Чл.-корр. (1928), академик (1946) АН СССР, председатель Ихтиологической комиссии АН СССР (1948–1950). С 1909 г. проф. ИКУ, с 1913 г. проф. Московского сельскохозяйственного института, с 1916 по 1950 г. проф. ИПУ/ПГУ/ ЛГУ. Президент ВГО (1940–1950). ЛСП (1951 г. – посмертно). Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Специализация: физическая и историческая география, геология, климатология, ихтиология.

БЕРГЕР Александр Моисеевич (1881–?) – юрист. В ГАИМК с 1935 по 1936 г. в должности юрисконсульта.

БЕРЕГОВАЯ Нина Александровна (1895–1987) – археолог. Ученица П. П. Ефименко. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1934 г., с 1944 г. в СПН, с 1951 г. в СП/ОП. Автор сводов палеолитических памятников на территории СССР.

Специализация: древности Дальнего Востока, заселение человеком Америки.

БЕРЁЗКИН Юрий Евгеньевич (1946 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученик В. М. Массона. В ЛОИА/ИИМК с 1986 г. в ОСАК/ОАЦАК. С 2003 г. зав. Отделом этнографии народов Америки в МАЭ (К).

Специализация: энеолит и бронзовый век Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока; сравнительная мифология, ранние сложные общества; заселение Америки, иконография доиспанских культур Центральных Анд.

БЕРЕЗОВСКАЯ Любовь Юрьевна (1962 г. рожд.) – археолог. В ЛОИА/ИИМК с 1986 г. в ЛКО, с 1987 по 1992 г. – в ФО НА.

БЕРНШТАМ Александр Натанович (1910–1956) – археолог, д. и. н. Ученик С. Н. Быковского и С. Е. Малова. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК с 1930 г., с 1931 г. в аспирантуре, с 1934 г. в ИИФО, с 1938 г. в СЕСЦА/СЕЦА, с 1941 г. в Казахском филиале АН ССР, с 1943 г. в Киргизском филиале АН ССР, кроме того, с осени 1942 г. организационно входил в ТГИИМК, с 1945 г. в СЕСЦА, с 1951 г. в СЕСАК. С 1942 по 1943 г. зам. председателя Комитета наук при СНК Киргизской ССР, с 1943 по 1945 г. зав. Отделом истории Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН ССР. С 1947 г. проф. ЛГУ. ЗДН Киргизской ССР (1947). Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1946).

Специализация: поздний бронзовый и железный века Центральной Азии, происхождение гуннов и тюркских народов, исследования в области тюркской письменности, эпиграфики и нумизматики.

БЕРНЯКОВИЧ Константин Васильевич (1919–1982) – археолог, реставратор живописи. В ЛОИИМК с 1945 по 1947 г. В конце 1940–1950-х гг. сотрудник Ужгородского краеведческого музея. В 1960–1970-х гг. старший художник-реставратор в ГРМ.

Специализация: поздний бронзовый–ранний железный века Карпатского бассейна, металлургия позднего бронзового века, реставрация живописи.

БЕССУДНОВ Александр Александрович (1985 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик А. А. Синицына. В ИИМК с 2007 г. в аспирантуре, с 2011 г. в ОП.

Специализация: палеолит Костёнок и Среднего Дона.

БЕСТУЖЕВ Георгий Николаевич (1945–?) – археолог. Ученик Л. С. Клейна и В. С. Бочкарёва. В ЛОИА/ИИМК с 1981 г. в ЛКО, с 1992 по 1995 г. в ОСАК.

Специализация: ранний и средний бронзовый век степной зоны Восточной Европы.

БИБИКОВ Сергей Николаевич (1908–1988) – археолог, д. и. н. Ученик Г. А. Бонч-Осмоловского. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК с 1934 г. в аспирантуре, с 1937 г. в СПН, с 1938 по 1941 г. ученый секретарь ИИМК, с января по август 1942 г. вр. и. о. директора ИИМК, с сентября 1942 г. в ЕГИИМК (зам. директора ИИМК по 15 октября 1943 г.), с декабря 1945 г. ученый секретарь ЛОИИМК, с 1949 г. в СПН/СП. С 1955 по 1968 г. директор ИАУ, с 1973 по 1985 г. зав. Отделом археологии Крыма ИАУ. Чл.-корр. АН УССР (1958), ЗДН УССР (1975). Награжден орденами Знак Почета (1953) и Трудового Красного Знамени (1978).

Специализация: палеолит и мезолит Крыма и Южного Урала, энеолит Украины и Юго-Восточной Европы.

БИРЮКОВА Мария Фёдоровна (1899–?) – машинистка. В ЛОИИМК с 1948 по 1959 г.

БИЧ Ольга Ивановна (1891–1983) – в РАИМК/ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА в 1920 г. в ИАТ, с 1942 по 1944 г. уполномоченная по охране коллекций, библиотеки, архива и научного оборудования ИИМК, а также зав. РА и ФА, с 1944 по 1963 г. зав. РА. С 1920 по 1941 г. в ГЭ. Жительница блокадного Ленинграда.

БЛОХИН Егор Константинович (1983 г. рожд.) – археолог, тахеометрист, чертежник. Ученик В. Я. Кияшко. В ИИМК с 2010 г. в ГОА/ООА.

Специализация: погребальные памятники IX–XI вв. Древней Руси

БЛЭК Зоя Алексеевна (1901–?) – зав. канцелярией. В ЛОИИМК с 1945 по 1948 г.

БОБРОВСКАЯ Евгения Владимировна (1953 г. рожд.) – архивист. В ЛОИА/ИИМК с 1978 г. в ЛКО, с 1991 г. зав. отделом кадров, с 2005 г. в НА.

БОГАЕВСКИЙ Борис Леонидович (1882–1942) – историк, д. и. н. Ученик С. А. Жебелёва, Ф. Ф. Зелинского, М. И. Ростовцева. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК с 1922 г., с 1923 г. сопредседатель ЭК при РГРИ, с 1928 г. зав. РГРИ, с 1929 по 1930 г. зав. РДКС, с 1934 г. в ИИРО, с 1937 по 1941 г. в СДП, в 1942 г. в САМ. С 1916 г. приват-доц. Пермского университета, с 1919 г. ректор, проф. ТГУ, с 1922 г. проф. ПГУ/ЛГУ, с 1926 по 1929 г. зав. кафедрой древнего мира ЛГУ. Погиб в блокадном Ленинграде.

Специализация: энеолит, бронзовый и железный века Балкан, периодизация первобытного общества, теория миграций.

БОГДАНОВ Дмитрий Николаевич (1977 г. рожд.) – археолог. Ученик А. А. Синицына. В ИИМК с 2005 по 2006 г. в ОП.

Специализация: палеолит Костёнок.

БОГДАНОВА-БЕРЕЗОВСКАЯ Ирина Васильевна (1919–?) – химик-исследователь, канд. техн. наук. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1955 по 1974 г. в ЛАТ.

Специализация: разработка методики анализов древних металлов, изучение древней металлургии.

БОГУСЛАВСКИЙ Олег Игоревич (1966 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик А. Н. Кирпичникова. В ЛОИА/ИИМК с 1988 г. в ОСФА, с 2006 г. зам. директора ИИМК по научной работе.

Специализация: история и археология Северо-Западной Руси, исследование культурных связей населения Южного Приладожья в IX–XIII вв.

БОКОВЕНКО Николай Анатольевич (1947 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик М. П. Грязнова. В ЛОИА/ИИМК с 1975 г. в СЕСАК/ОСАК/ОАЦАК.

Специализация: поздний бронзовый и железный века азиатских степей, миграции древних кочевников Евразии.

БОЛОТОВСКАЯ Наталья Самуиловна (1941 г. рожд.) – машинистка. В ЛОИА/ИИМК с 1986 г., с 2005 по 2009 г. и. о. зам. директора ИИМК по общим вопросам.

БОЛТЕНКО Константин Григорьевич (1911–?) – археолог. Ученик А. А. Миллера. В ГАИМК с 1931 г. в аспирантуре, в 1935 г. в ИИДО. Репрессирован в 1935 г., освобожден в 1944 г.

Специализация: железный век Северного Причерноморья (древности скифов).

БОЛТУНОВА Анна Ивановна (1900–1991) – археолог, эпиграфист, историк античности. В РАИМК с 1921 по 1923 г. в ИАТ. Впоследствии сотрудник археологических учреждений Грузинской ССР и ИА.

Специализация: античная археология Закавказья и Северного Причерноморья, греческие лапидарные надписи.

БОЛЬШАКОВ Лев Николаевич (1945 г. рожд.) – искусствовед, художник. В ЛОИА с 1974 по 1990 г. в ЛКО. В настоящее время священник РПЦ.

Специализация: изучение древнерусских храмов.

БОЛЬШАКОВ Олег Георгиевич (1929 г. рожд.) – востоковед, археолог, д. и. н, проф. Ученик А. Ю. Якубовского и М. М. Дьяконова. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1956 г. в СЕСАК. С 1966 г. в ЛОИВ (ныне ИВР). ЗДН РФ (1997), ЛГП РФ в области науки и техники (2002).

Специализация: средневековая история и археология Центральной Азии, история халифата.

БОНЧ-ОСМОЛОВСКИЙ Глеб Анатольевич (1890–1943) – археолог, антрополог, д. и. н. Ученик Ф. К. Волкова. В ГАИМК/ИИМК с 1930 г. в САРФ, с 1932 по 1933 г. в СДО, в 1941 г. в СПН, с 1942 г. в КГУ. Репрессирован в 1933 г., освобожден в 1936 г. Судимость снята в 1941 г. Умер в эвакуации в г. Казани.

Специализация: пещерный палеолит Крыма, общие вопросы развития палеолитической культуры во взаимодействии с природной средой, проблемы антропогенеза, анализ каменного инвентаря.

БОРИСКОВСКИЙ Павел Иосифович (1911–1991) – археолог, д. и. н. Ученик П. П. Ефименко. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1930 г. в аспирантуре, с 1934 г. в СПИ, с 1935 г. в ИИДО, с 1937 по 1941 г. и с 1946 по 1951 г. в СПН, с 1951 г. в СП/ОП, с 1962 г. зав. СП/ОП, с 1979 г. старший научный сотрудник-консультант. С 1934 г. доц. и с 1959 г. проф. ЛГУ. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды (1946) и серебряной медалью ВДНХ (1977).

Специализация: палеолит Костёнок, Украины, древности северного Причерноморья, культуры каменного века Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Австралии.

БОРКОВ Никита Александрович (1986 г. рожд.) – тахеометрист, чертежник. В ИИМК с 2010 г. в ГОА/ООА.

БОРОВКА Григорий Иосифович (1894–1941) – археолог. Ученик М. И. Ростовцева, Б. В. Фармаковского, С. А. Жебелёва, О. Ф. Вальдгауера. В РАИМК/ГАИМК с 1919 по 1930 г. в РСИС. Проф. ГИИИ, с 1927 г. чл.-корр. ГАИ. Репрессирован в 1930 г., освобожден в 1940 г., вторично репрессирован в 1941 г. Реабилитирован в 1989 г.

Специализация: железный век Северного Причерноморья (скифо-сарматские древности).

БОРОНИХИНА Татьяна Николаевна (1953 г. рожд.) – художник. В ЛОИА/ИИМК с 1980 по 1994 г. в ЛКО.

БОРЯЗ Вадим Николаевич (1937–?) – химик, философ, д-р философских наук. В ЛОИА с 1985 по 1989 г. в СЕСАК/ОСАК.

Специализация: система категорий и понятий археологической науки (мировоззренческий, гносеологический, методологический аспекты).

БОСЯКОВА Зоя Тимофеевна (годы жизни не установлены) – фотограф. В ГАИМК с 1935 по 1937 г.

БОЧКАРЁВ Вадим Сергеевич (1939 г. рожд.) – археолог. Ученик М. И. Артамонова и Л. С. Клейна. В ЛОИА/ИИМК с 1968 г. в СЕСАК/ОСАК/ОАЦАК. С 2009 г. старший преподаватель кафедры археологии СПбГУ.

Специализация: общие закономерности культуруогенеза; теоретические основы археологии; принципы археологической классификации; хронология бронзового века степной зоны Восточной Европы; металлопроизводство Евразии периода позднего бронзового века.

БОЧКАРЁВА Мария Александровна (1979 г. рожд.) – геодезист, тахеометрист, чертежник. В ИИМК с 2010 г. в ГОА/ООА.

БРАШИНСКИЙ Иосиф Беняминович (1928–1982) – археолог, к. и. н. Ученик К. М. Колобовой. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1956 г. в ГАА.

Специализация: античная и скифская археология, античные торговля и эпиграфика.

БУЛГАКОВА Елизавета Каллистратовна (1869–?) – регистратор. В РАИМК с 1919 по 1920 г. в РГРИ.

Специализация: античная археология.

БУРОВА Наталья Дмитриевна (1971 г. рожд.) – палеонтолог. В ИИМК с 1999 г. в ЛАТ.

Специализация: радиоуглеродное датирование костных останков, тафономия.

БУТОМО Сергей Викторович (1932 г. рожд.) – физик. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1955 по 1963 г. в ЛАТ. Специализация: радиоуглеродное датирование.

БЫКОВСКИЙ Сергей Николаевич (1896–1936) – историк, этнограф. В ГАИМК с 1929 г. зав. РРК, в 1930 г. ученый секретарь ГАИМК, с 1931 г. зам. председателя ГАИМК по научной части. С 1934 г. в ИАЭ. Репрессирован в 1936 г.
Специализация: проблемы этногенеза.

ВАДЕЦКАЯ Эльга Борисовна (1936 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученица С. В. Киселёва и М. П. Грязнова. В ЛОИА/ИИМК с 1962 г. в СЕСАК/ОСАК/ОАЦАК.
Специализация: энеолит–раннее средневековье Южной Сибири, древние искусство и этногенез народов Сибири, история изучения археологических памятников Минусинской котловины.

ВАЙНШТЕЙН Осип Львович (1894–1980) – историк, проф. Ученик Е. Н. Щепкина и П. Бицилли. В ГАИМК с 1935 по 1937 г. в ИИФО. С 1955 г. в ЛОИИ. С 1935 по 1951 г. зав. кафедрой средних веков ЛГУ.
Специализация: историография средних веков.

ВАЛК Сигизмунд Натанович (1887–1975) – историк-архивист, специалист в области вспомогательных исторических дисциплин, д. и. н, проф. Ученик А. С. Лаппо-Данилевского. В ГАИМК с 1933 г. в СФО, с 1934 по 1937 г. в ИИФО, с 1934 по 1935 г. зав. РА. С 1936 г. в ЛОИИ, с 1944 г. также и в ЛГУ. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.
Специализация: издание грамот Великого Новгорода и Пскова, а также документов по истории революционного движения в России.

ВАНДЕРБЕЛЛЕН Тамара Сергеевна (1911–?) – машинистка-стенографистка. В ГАИМК/ИИМК с 1932 по 1935 г. в ИИТ, в 1936 г. вр. и. о. заведующей секретариатом Академии, с осени 1942 г. в ТГИИМК, с 1944 по 1945 г. в ИИМК (Москва).

ВАСИЛЬЕВ Александр Александрович (1867–1953) – историк, арабист, д-р наук. Ученик В. Г. Васильевского. В РАИМК с 1919 по 1925 г. зав. РАИИРИВ, с 1920 по 1922 г. председатель Академии. Чл.-корр. РАН (1919), чл.-корр. АН СССР (1923) (исключен в 1925, восстановлен в 1990). С 1904 по 1912 г. проф. Дерптского университета, доц. и проф. Санкт-Петербургского/Петроградского педагогического института (1912–1922), проф. (1912–1925) ИСПБУ/ИПУ/ПГУ/ЛГУ. С 1925 г. в Висконсинском университете (США), с 1944 г. в центре изучения Византии Дамбартон Оукс (США). Член ИППО и Югославской АН (1934), президент института им. Н. П. Кондакова в Праге, председатель Международной ассоциации византистов. В 1925 г. выехал в официальную командировку в Германию и Францию, в СССР не вернулся, с 1928 г. в эмиграции в США.
Специализация: история Византии.

ВАСИЛЬЕВ Алексей Иванович (1903–1936) – иранист, историк средневекового Востока. В ГАИМК с 1931 г. в СФФ, с 1932 г. в СФО. С 1934 г. в ИВ. Репрессирован в 1936 г. Реабилитирован в 1957 г.
Специализация: история Согда.

ВАСИЛЬЕВ Сергей Александрович (1956 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученик С. Н. Астахова. В ЛОИА/ИИМК с 1978 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 1988 г. в ОП, с 2003 г. зав. ОП.

Член Комиссии по верхнему палеолиту Международного Союза доисторических и протоисторических наук, лауреат Премии Отделения историко-филологических наук РАН им. академиков В. П. Алексеева и Т. И. Алексеевой.

Специализация: палеолит Сибири, жилища и поселения в позднем палеолите, заселение человеком Америки, этноархеология, история археологии.

ВАСИЛЬЕВ Станислав Александрович (1973 г. рожд.) – археолог. Ученик Д. Г. Савинова. В ИИМК с 2001 г. в ГАМ, с 2010 г. в ГОА/ООА.

Специализация: информационные технологии в археологических исследованиях, искусство железного века в Среднем Поволжье и в бассейне р. Кама.

ВАСИЛЬЕВА Варвара Николаевна (1899–?) – технический секретарь. В ГАИМК/ ИИМК с 1937 по 1939 г. в ИИТ.

ВАСИЛЬЕВА Раиса Васильевна (1945 г. рожд.) – историк. В ЛОИА/ИИМК с 1980 г. в РА, с 1984 по 2003 г. зав. РА.

Специализация: история археологии России.

ВАХТИНА Марина Юрьевна (1954 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица А. Н. Щеглова и Д. А. Мачинского. В ЛОИА/ИИМК с 1978 г. в ГАА/ОИАК.

Специализация: греческие колонии Северного Причерноморья (архаический и классический периоды) и их контакты с варварами, греческие импорты.

ВАШКЕВИЧ Татьяна Николаевна (1955 г. рожд.) – научно-технический сотрудник. В ЛОИА/ИИМК с 1980 г., с 1981 г. в ФЛ, в 2006 г. в ФО НА.

ВАЩИНСКАЯ Дарья Петровна (1907–?) – машинистка. В ЛОИИМК с 1949 по 1951 г.

ВЕЙХАРД (ВАЛОТЕР) Мария Антоновна (1863–?) – преподаватель. В РАИМК с 1919 г. зав. складом изданий Академии, с 1920 по 1921 г. в ФО.

ВЕКИЛОВА Елена Алексеевна (1915–1989) – археолог, к. и. н. Ученица С. Н. Бибикова. В ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1939 по 1941 г. и с 1945 по 1951 г. в СПН, с 1951 по 1959 г. и с 1963 по 1985 г. в СП, с 1960 по 1962 г. ученый секретарь ЛОИА.

Специализация: палеолит и мезолит Крыма, Кавказа и Русской равнины.

ВЕРЕЩАГИНА Ирина Викентьевна (1947–2006) – археолог, к. и. н. Ученица Т. Д. Белановской и Н. Н. Гуриной. В ЛОИА/ИИМК с 1975 г. в аспирантуре, с 1978 по 2003 г. в СП/ОП.

Специализация: мезолит и неолит Северо-Востока России.

ВИНОГРАДОВ Юрий Алексеевич (1950 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученик И. Г. Шургая и Д. А. Мачинского. В ЛОИА/ИИМК с 1976 г. в ГАА/ОИАК, с 2006 по 2012 г. зав. ОИАК. Чл.-корр. ГАИ (1999).

Специализация: античная археология Северного Причерноморья, греческо-варварские взаимодействия на Боспоре Киммерийском, история отечественной античной археологии, древности Юга Аравии.

ВИШНЕВА Мария Андреевна (1896–?) – зав. канцелярией. В ГАИМК/ИИМК с 1935 по 1940 г.

ВИШНЯЦКИЙ Леонид Борисович (1960 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученик В. П. Любина. В ЛОИА/ИИМК с 1983 г. в аспирантуре, с 1987 г. в ОП. С 2000 г. ответственный редактор выпусков журнала «STRATUMplus», посвященных археологии палеолита, с 2011 г. главный редактор издания «Российский археологический ежегодник». Лауреат литературной премии им. А. Беляева.

Специализация: антропогенез, возникновение языка и искусства, теоретические проблемы археологии палеолита, происхождение верхнего палеолита, палеолит Средней Азии, Казахстана, Ближнего и Среднего Востока.

ВЛАСОВА Екатерина Ивановна (1900–?) – архивист. В ИИМК/ЛОИИМК с 1936 по апрель 1942 г. в РА, с 1946 по 1949 г. и с 1955 по 1956 г. в ФА.

ВОЛКОВИЧ Татьяна Викторовна (1928–?) – редактор. В ЛОИА с 1962 г. научно-технический сотрудник, с 1967 г. зав. канцелярией, с 1968 по 1983 г. референт по издательским делам.

ВОРОБЬЁВ Михаил Васильевич (1922–1995) – археолог, востоковед, историк, д. и. н., проф. Ученик А. П. Окладникова. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1950 г., с 1954 г. в СП. С 1963 г. в ЛОИВ.

Специализация: археология и средневековая история Дальнего Востока России, Японии, Кореи и Китая.

ВОРОНИН Николай Николаевич (1904–1976) – археолог, д. и. н., проф. Ученик К. К. Романова. В ГАИМК/ИИМК с 1928 г. в аспирантуре, с 1931 г. в СФФ, с 1932 г. в СФО, с 1934 г. в ИИФО, с 1937 г. в СФР, с 1939 г. в СДРВЕДФП, в 1941 г. зав. СДРВЕДФП, с 1942 г. в МОИИМК, с 1943 г. в ИИМК/ИА. ЛСП (1952), лауреат Ленинской премии (1965), Почетный гражданин г. Владимира (1974), один из инициаторов создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Участник Великой Отечественной войны. Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Специализация: архитектура Владимиро-Суздальского княжества (XI–XIII вв.) и русское зодчество XVI в. в контексте художественной культуры Древней Руси.

ВОРОНИНА Вера Александровна (1948–1996) – зав. складом. В ЛОИА/ИИМК с 1987 по 1996 г.

ВОРОНИНА Надежда Григорьевна (1886–1943) – уборщица, работница на ротаторе. В ГАИМК/ИИМК с 1934 г. Погибла в блокадном Ленинграде.

ВОРОНИНА Прасковья Васильевна (1899–?) – зав. Сектором подготовки научных кадров. В ГАИМК с 1934 по 1937 г.

ГАВРИЛОВА Антонина Антоновна (1910–1999) – археолог-этнограф, к. и. н. Ученица С. И. Руденко. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1935 г. в ИИФО, с 1938 по 1941 г. в аспирантуре без отрыва от производства, с 1942 г. в ЕГИИМК, с 1943 по 1947 г. в очной аспирантуре, с 1947 г. в СБРЖ, с 1951 г. в ЛКО, с 1953 по 1970 г. в СЕСАК.

Специализация: железный век и эпоха средневековья Южной Сибири, древнее ткачество.

ГАВРИЛОВА Ива Васильевна (1931–2000) – археолог, к. и. н. Ученица Н. Н. Гуриной. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1958 г., с 1969 по 1998 г. в СП/ОП.

Специализация: мезолит и неолит Верхнего Поволжья.

ГАЙДУКЕВИЧ Виктор Францевич (1904–1966) – археолог, д. и. н. Ученик С. А. Жебелёва. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1932 г. в САО, с 1934 г. в ИИРО, с 1937 по 1941 г., в 1945 г. и с 1948 по 1951 г. в СДП, в 1942 г. в САМ, с осени 1942 г. в ТГИИМК, с 1946 по 1947 г. и. о. заведующего СДП, в 1951–1966 гг. зав. ГАА. С 1953 г. проф. ЛГУ.

Специализация: античная археология Северного Причерноморья, политическая и экономическая история Боспорского царства.

ГАЛЕРКИНА (СВИНДЛЕР) Олимпиада Исаевна (1919–1988) – искусствовед, к. и. н. Ученица А. Ю. Якубовского. В ЛОИИМК с 1946 по 1949 г. в аспирантуре, с 1951 по 1952 г. в ЛКО. Впоследствии доц. кафедры зарубежного искусства ФТИИ в ЛИЖСА. Участница Великой Отечественной войны.

Специализация: искусство и культура Центральной Азии и Ирана в развитом средневековье.

ГАЛИБИН Валентин Александрович (1933–2005) – химик, канд. хим. наук. В ЛОИА/ИИМК с 1977 по 1993 г. в ЛАТ.

Специализация: спектральный анализ археологических находок (стекло, металл, минералы).

ГАРБУЗ Игорь Анатольевич (1979 г. рожд.) – археолог. Ученик М. Б. Щукина. В ИИМК с 2008 по 2009 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 2010 г. в ГОА/ООА.

Специализация: ранний железный век Юго-Восточной Европы.

ГЕРАСИМОВ Михаил Михайлович (1907–1970) – антрополог, археолог, д. и. н. Ученик Б. Э. Петри. В ГАИМК/ИИМК с 1932 г. аспирант, с 1935 г. в ИИДО, с 1937 по 1941 г. в СПН, с осени 1942 г. в ТГИИМК, с 1944 г. в ИИМК (Москва). С 1950 г. зав. лабораторией пластической реконструкции в ИЭ. ЛСП (1950). Награжден орденом Знак Почета.

Специализация: палеолит Сибири, разработка и практическое использование метода пластической реконструкции лица по черепу.

ГИРС Михаил Михайлович (1877–1932) – иранист, арабист. Ученик Н. А. Медникова и В. А. Жуковского. В РАИМК/ГАИМК с 1919 г. делопроизводитель по ученой части, с 1924 г. заведовал хозяйственной частью Академии, с 1925 г. в РАИАГ, с 1929 по 1930 г. в РСККИ. До 1917 г. служил в Министерстве иностранных дел Российской империи. Арестовывался органами ВЧК в 1920 г. Репрессирован в 1930 г., умер в лагере в Карелии.

Специализация: языки и культура народов Кавказа и Ирана.

ГИРЯ Евгений Юрьевич (1958 г. рожд.) – археолог, к. и. н. В ЛОИА/ИИМК с 1984 г. в ЭТЛ.

Специализация: экспериментально-трассологические исследования в археологии, анализ индустрий каменного века, технологический и трассологический анализ наскального искусства.

ГЛЕЗЕР Елена Николаевна (1892 –?) – архитектор. В РАИМК с 1919 по 1921 г. В годы Великой Отечественной войны работала в Отделе охраны памятников Управления по делам искусств Леноблгорисполкома (с 1944 г. Государственная инспекция по охране памятников).

Специализация: памятники древнерусского зодчества в Новгороде.

ГОЛЕНЦОВ Анатолий Сергеевич (1946–2008) – археолог, к. и. н. В ИИМК с 1993 по 2002 г. в ОИАК.

Специализация: античная история и археология Северного Причерноморья, греко-варварские контакты в Северо-Западном Крыму.

ГОЛОВАНОВА Любовь Витальевна (1957 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица В. П. Любина. В ЛОИА/ИИМК с 1981 г. в аспирантуре, с 1984 г. в ЛКО, с 1986 по 1998 г. в ОП.
Специализация: палеолит Кавказа.

ГОЛОВАЧЁВА Нина Владимировна (1948 г. рожд.) – археолог. Ученица Е. И. Леви. В ЛОИА/ИИМК с 1968 г., с 1982 г. в ЛКО, с 1992 по 2003 г. в ОИАК.
Специализация: античная археология Северного Причерноморья.

ГОЛОВЛЁВА Тамара Георгиевна (1907–?) – научно-технический сотрудник. В ИИМК с 1939 г. Погибла в блокадном Ленинграде.

ГОЛУБЦОВА Мария Фёдоровна (1883–?) – историк. В РАИМК/ГАИМК с 1921 по 1930 г. в ИАТ.
Специализация: техники создания витражей, история стеклоделия в Западной Европе.

ГОЛЬМСТЕН Вера Владимировна (1880–1942) – археолог, д. и. н. Ученица В. А. Городцова. В ГАИМК/ИИМК с 1929 г., с 1930 г. в САРФ, возглавляя группу истории кочевого скотоводства степей Евразии, с 1932 г. в СДО, возглавляя бригаду разложения родового общества, с 1934 г. в ИИДО, с 1937 г. в СВЕДП, с 1938 г. СДЕ, с 1939 по 1941 г. зав. СБРЖ. С 1931 по 1933 г. ученый секретарь ГАИМК. С 1937 г. зам. председателя КПИИОП. Погибла в блокадном Ленинграде.
Специализация: бронзовый век степной зоны Восточной Европы, методика полевых исследований.

ГОРЛОВ Константин Вячеславович (1988 г. рожд.) – археолог, реставратор. Ученик В. В. Енукова. В ИИМК с 2012 г. в ООА.
Специализация: хронология славяно-русских древностей.

ГОРОДИЛОВ Андрей Юрьевич (1982 г. рожд.) – археолог. Ученик В. Я. Шумкина. В ИИМК с 2005 г. в ГАМ, с 2010 г. в ГОА/ООА.
Специализация: каменный век Кольского п-ова.

ГОРОНЧАРОВСКИЙ Владимир Анатольевич (1954 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученик И. Г. Шургая. В ЛОИА/ИИМК с 1981 г. в ГАА/ОИАК, с 2013 г. зав. ОИАК.
Специализация: античная археология Северного Причерноморья, греко-варварские взаимодействия, военное дело Боспора, античное святилище на Кипре.

ГОРЮНОВ Евгений Алексеевич (1940–1981) – археолог, к. и. н. Ученик Т. Д. Белановской и П. Н. Третьякова. В ЛОИА с 1967 г. в ГСЛРА/СЕСФА.
Специализация: археология и ранняя история славян Юго-Восточной Европы.

ГОРЮНОВА Валентина Михайловна (1946 г. рожд.) – археолог, к. и. н. В ЛОИА/ИИМК с 1981 г. в СЕСФА/ОСФА.
Специализация: славянское и древнерусское ремесленное производство, развитие гончарного дела в Новгородской земле.

ГРАНСТРЕМ Константин Андреевич (1877–1942) – филолог-иранист. В ИИМК с 5 апреля по 11 июля 1942 г., лаборант. Погиб в блокадном Ленинграде.

ГРАЧ Александр Данилович (1928–1981) – археолог, к. и. н. Ученик В. Ф. Гайдукевича. В ЛОИА с 1963 по 1973 г. в СЕСАК. Заслуженный работник культуры Тувинской АССР (1967).
Специализация: железный век Центральной Азии, археология Ленинграда.

ГРЕКОВ Борис Дмитриевич (1882–1953) – историк, д. и. н. Ученик Д. М. Петрушевского и М. К. Любавского. В ГАИМК с 1930 г. в СФФ, с 1932 г. в СФО, с 1934 по 1936 г. в ИИФО, возглавляя кафедру феодального общества в России, с 1943 по 1945 г. директор ИИМК (Москва). Директор ЛОИИ (1936), директор ИИ (1937–1953), директор ИС (1946–1951, по совместительству), академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР (1946–1953). Чл.-корр. (1934), академик (1935) АН СССР, член АА СССР (1939), почетный член АН Белорусской ССР (1947). Проф. ИСПБУ/ИПУ (1914), ПГУ/ЛГУ (1921), МГУ (1937). Член Болгарской АН (1946), член ПАН (1946), д-р философии Пражского университета (1947). ЛСП (1945, 1947, 1952). Награжден двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени. Арестовывался органами ОГПУ в 1930 г.

Специализация: средневековая история России, история русского крестьянства.

ГРИГОРЬЕВ Геннадий Павлович (1937–2012) – археолог, д. и. н. Ученик А. Н. Рогачёва. В ЛОИА/ИИМК с 1960 г. в ЛКО, с 1962 г. в аспирантуре, с 1965 г. в СП/ОП.

Специализация: поздний палеолит Европы, классификация каменных индустрий и производений искусства, палеолит Африки, глобальный анализ развития древнейших культур, общие вопросы первобытной археологии.

ГРИГОРЬЕВ Георгий Васильевич (1898–1941) – археолог, к. и. н. Ученик А. А. Миллера и А. Ю. Якубовского. В ГАИМК/ИИМК с 1929 г., с 1930 по 1932 г. в САРФ, с 1936 г. в ИИДО, с 1937 по 1941 г. в СЕСА/СЕСЦА/СЕЦА. Репрессирован в 1941 г. в блокадном Ленинграде.

Специализация: позднеантичная и раннесредневековая археология Центральной Азии.

ГРИГОРЬЕВА Галина Васильевна (1934 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица П. И. Борисовского. В ЛОИА/ИИМК с 1959 г. в ЛКО, с 1969 г. в СП/ОП.

Специализация: поздний палеолит Юго-Запада Восточной Европы и центра Русской равнины, костяные изделия и украшения в палеолите.

ГРИГОРЬЕВА Наталья Владимировна (1982 г. рожд.) – археолог. Ученица А. Н. Кирпичникова. В ИИМК с 2003 г. в ОСФА.

Специализация: металлические украшения Старой Ладogi.

ГРИНЕВИЧ Константин Эдуардович (1891–1970) – археолог, д. и. н. В РАИМК с 1921 по 1924 г. С 1920 по 1921 г. директор Керченского и с 1925 по 1930 г. Херсонесского музеев. С 1918 г. приват-доц., с 1924 г. доц. ПГУ. Впоследствии зав. кафедрой древней истории ТГУ (1939–1948), проф. Кабардинского педагогического института (1948–1953), зав. кафедрой древней истории и археологии ХГУ (1953–1955). С 1927 г. зам. зав. Музейного отдела Народного Комиссариата просвещения РСФСР. Репрессирован в 1932 г., освобожден в 1939 г.

Специализация: античная археология, история Греции и греческих колоний на юге России, история Боспорского царства.

ГРИЦИК Екатерина Васильевна (1981 г. рожд.) – археолог. Ученица А. М. Бутягина и Ю. А. Виноградова. В ИИМК с 2011 г. в ОИАК.

Специализация: Северное Причерноморье в эпоху эллинизма.

ГРОЗДИЛОВ Григорий Павлович (1905–1962) – археолог. В ГАИМК/ИИМК с 1927 г. в РЭ, с 1931 г. в СФФ, с 1932 г. в СФО, с 1934 г. в ИИФО, с 1937 г. в СФР, с 1939 по 1941 г.

в СДРВЕДФП. В послевоенный период в ГЭ. Участник Великой Отечественной войны. Был в немецком плену.

Специализация: неолитические и древнерусские памятники на Северо-Западе России.

ГРОМОВ Андрей Викторович (1958 г. рожд.) – биолог (антрополог), к. и. н. В ЛОИА с 1982 по 1990 г. в ЛАТ, с 1990 г. в Ленинградском филиале ИАЭ АН СССР/МАЭ (К).

Специализация: палеоантропология степной и лесостепной зон Евразии, палеодемография.

ГРОМОВ Валериан Иннокентьевич (1896–1978) – геолог, палеонтолог, д-р геолого-минералогических наук, проф. В РАИМК/ГАИМК с 1925 по 1937 г. в ИАТ/ИИТ. Зав. Отделом четвертичной геологии Геологического института АН СССР (1941–1970). ЛПК (1947), ЛСП (1950), ЗДН РСФСР (1962).

Специализация: геология, палеогеография, палеонтология четвертичного периода и геология палеолита.

ГРОМОВА (БРОДСКАЯ) Вера Исааковна (1891–1973) – палеонтолог, д-р биологических наук. В РАИМК/ГАИМК с 1921 по 1929 г. в ИАТ. Впоследствии в Зоологическом институте АН СССР и Палеонтологическом институте АН СССР.

Специализация: кайнозойская фауна млекопитающих.

ГРЯЗНОВ Михаил Петрович (1902–1984) – археолог, д. и. н. Ученик С. А. Теплоухова. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1922 по 1925 г. в ИАТ, с 1929 по 1933 г. зав. Разрядом антропологии, с 1939 по 1941 г. и с 1945 по 1948 г. в СБРЖ, с июля 1941 г. в эвакуации с филиалом ГЭ в Свердловске (ныне Екатеринбург), с 1948 г. вр. и. о. зав. СБРЖ и параллельно (с 1949 г.) зав. ЛКО, с 1951 по 1953 г. зав. САТ/ЛАТ (одновременно и с 1968 г. в СЕСАК), с 1953 по 1968 г. зав. СЕСАК, с 1979 г. старший научный сотрудник-консультант. С 1971 по 1984 г. зав. Ленинградской группой ОПИ. С 1934 по 1936 г. в Кировском областном музее краеведения. С 1937 по 1945 г. в ГЭ. ЛГП СССР (1983), ЗДН РСФСР, чл.-корр. ГАИ. Репрессирован в 1933 г., освобожден в 1936 г., реабилитирован в 1956 г.

Специализация: бронзовый и железный века Южной Сибири, Алтая, Казахстана и Центральной Азии.

ГУЛЬТОВ Сергей Борисович (1950–2005) – старший лаборант-исследователь. Ученик В. М. Массона. В ЛОИА/ИИМК с 1978 по 1994 г. в штате хоздоговорных экспедиций.

Специализация: энеолит–ранний железный век Ачинско-Мариинской лесостепи.

ГУРЕВИЧ Фрида Давыдовна (1912–1988) – историк, археолог, к. и. н. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1934 г. в аспирантуре, с 1937 г. в СВЕДП, с 1939 по 1941 г. в СДРВЕДФП, с осени 1942 г. в ТГИИМК, с 1944 по 1946 г. в ИИМК (Москва), с 1946 г. в СДР, с 1951 по 1979 г. в ГСЛРА/СЕСФА.

Специализация: железный век Юго-Восточной Прибалтики, средневековые древности Белорусского Поманья.

ГУРИНА Нина Николаевна (1909–1990) – археолог, д. и. н. Ученица В. И. Равдоникаса. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1935 г. в ИИДО, с 1937 по 1942 г. и с 1946 по 1951 г. в СПН, с 1943 по 1945 г. в аспирантуре, с 1951 г. ученый секретарь ЛОИИМК, с 1960 по 1976 г. и с 1982 по 1986 г. в СП/ОП, с 20 мая 1976 по 1981 г. исполняла обязанности заведующей ЛОИА, с 1986 г. старший научный сотрудник-консультант.

Специализация: мезолит и неолит севера Восточной Европы, каменный век Южной Сибири.

ГУЩИН Александр Сергеевич (1902–1950) – археолог, историк искусства, д-р искусствоведения, проф. В ГАИМК/ИИМК с 1934 г. в ИИФО, с 1937 г. в СФР, с 1939 по 1940 г. в СДРВЕДФП. С 1936 г. в ЛИЖСА: с 1937 г. декан ФТИИ, с 1938 г. зав. кафедрой искусства Средних веков и Нового времени. С 1948 г. в Москве.

Специализация: искусство эпохи первобытности и средневековья, происхождение искусства.

ГУЩИНА Анна Фёдоровна (1886–?) – химик-аналитик. В ГАИМК/ИИМК с 1930 по 1938 г. в ИАТ/ИИТ/САТ.

Специализация: анализ древних бронз; определений элементов, входящих в их состав, технология изготовления древних бронз.

ГЮЗАЛЬЯН Леон Тигранович (1900–1994) – иранист, эпиграфист, искусствовед, д. и. н. В ГАИМК с 1929 г. в РЯ, с 1930 по 1932 г. в САРФ. С 1932 г. аспирант ИВ. С 1935 г. в ЛГУ. С 1956 г. в ГЭ и ЛГУ. Репрессирован в 1938 г., освобожден в 1945 г., реабилитирован в 1956 г.

Специализация: культура и эпиграфика средневекового Ирана, Кавказа и Средней Азии, персидская литература.

ДАВИДЧИК Нина Фаддеевна (1922–?) – научно-технический сотрудник. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1956 по 1979 г. в РА.

ДАНИЛИН Андрей Григорьевич (1896–1942) – этнограф, к. и. н. Ученик Д. К. Зеленина. В ГАИМК с 1930 г. в РЭ, с 1930 по 1932 г. в САРФ. Затем в ИАЭ. Погиб в блокадном Ленинграде.

Специализация: этнография восточнославянских народов, духовная культура тюркских народов Алтая.

ДАНСКАЯ Софья Фёдоровна (1858–?) – бухгалтер. В РАИМК/ГАИМК с 1919 г. регистратор, с 1921 по 1932 г. бухгалтер.

ДЕВЕЛЬ Татьяна Модестовна (1888–1981) – историк. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК – с 1921 г. в ФО, с 1932 по 1956 г. зав. ФА, создатель образцового хранилища негативов, с осени 1942 по 1945 г. в ТГИИМК.

ДЕГЕН-КОВАЛЕВСКИЙ Борис Евгеньевич (1894–1941) – археолог, этнограф, к. и. н. Ученик А. А. Миллера. В ГАИМК/ИИМК с 1933 г. в СДО, с 1934 по 1935 г. в ИИДО, с 1939 по 1941 г. в СБРЖ. Арестовывался в 1931 г. Погиб в блокадном Ленинграде.

Специализация: бронзовый и железный века Кавказа, этнография народов Кавказа.

ДЕМЕНТЬЕВА (БУРАВИК) Наталья Леонидовна (1945 г. рожд.) – археолог. В ЛОИА с 1966 по 1972 г. в штате Саяно-Тувинской хоздоговорной экспедиции. Директор Государственного музея истории Санкт-Петербурга (1987–1997). Министр культуры РФ (1997–1998), Первый заместитель министра культуры РФ (1998–2004), Представитель Государственного Собрания Республики Марий Эл в Совете Федерации Федерального собрания РФ (с июня 2004 г.).

Специализация: археология Тувы эпохи средневековья.

ДЕНИСОВА (ПРУГЛО) Виктория Ивановна (1929 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица В. Ф. Гайдукевича. В ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК с 1955 по 2005 г. в ГАА/ОИАК.

Специализация: античная история и археология Северного Причерноморья и Средиземноморья, античная керамика и коропластика.

ДЖАНГОЛЬСКИЙ Борис Николаевич (1900–1938) – историк. В ГАИМК с 1935 по 1937 г. в ИИФО. Репрессирован в 1937 г.

Специализация: история феодализма в Болгарии.

ДЖАНПОЛАДЯН Рипсимэ Микаэловна (1918–2004) – археолог-востоковед, эпиграфист, к. и. н. Ученица А. Манандяна, Г. Аджаряна и С. Тер-Аветисяна. В ЛОИА с 1964 по 1988 г. в СЕСАК/ОСАК.

Специализация: средневековая археология, а также история Ближнего Востока и Кавказа.

ДИМИТРИЕВ (ДИМИТРОВ) Страшемир Димитриевич (Димитрович) (1904–1938) – историк, археолог. В ГАИМК с 1934 по 1937 г. в ИИФО, с 1936 г. председатель Крымской секции ГАИМК, с 1935 г. вр. и. о. директора ИИФО, с ноября 1936 г. директор ИИФО. Репрессирован в 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

Специализация: история Болгарии в IX–XIV.

ДИНЦЕС Лев Адольфович (1895–1948) – археолог, канд. эконом. и искусствоведческих наук. В ГАИМК с 1925 г. в ЭК при РГРИ, с 1928 по 1931 г. в аспирантуре, после ее окончания в ГРМ. С апреля 1942 г. в СДРВЕДФП, с осени 1942 г. в ЕГИИМК, с 1944 по 1946 г. в СДРВЕ. С 1946 г. в ИЭ.

Специализация: орнаментация трипольской керамики, русское народное искусство.

ДЛУЖНЕВСКАЯ Галина Вацлавна (1946 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученица А. Д. Грача и А. В. Давыдовой. В ЛОИА/ИИМК с 1966 г., в штате Саяно-Тувинской хоздоговорной экспедиции, с 1980 г. в СЕСАК, с 1984 г. зав. ФА, с 2004 г. – зав. НА.

Специализация: средневековая археология Центральной Азии, история и архитектура Санкт-Петербурга и стран Востока, архивоведение.

ДМИТРИЕВ Леонид Моисеевич (1907–1942) – зав. экспедиционной базой. В ИИМК с 1938 по 1941 г. Погиб в блокадном Ленинграде.

ДМИТРИЕВ Николай Николаевич (1895–?) – историк. В ГАИМК с 1930 г. в СФФ, с 1932 г. в СФО, с 1934 по 1935 г. в ИИФО. Выслан в Саратов. Репрессирован в 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

Специализация: история русских мануфактур XVIII в.

ДМИТРИЕВСКАЯ Ангелина Васильевна (1901–после 1967) – археолог. Ученица В. А. Городцова. В ИИМК/ЛОИИМК с 1942 по 1946 г. Впоследствии сотрудница Орловского государственного литературного музея И. С. Тургенева. Жительница блокадного Ленинграда.

Специализация: технология изготовления древнерусских ювелирных изделий XI–XIII вв.

ДОБРЫНИН Александр Фёдорович (1899–1942) – научно-технический редактор. В ГАИМК/ИИМК с 1935 г. Погиб в блокадном Ленинграде.

ДОЛУХАНОВ Павел Маркович (1937–2009) – географ-геоморфолог, д-р геогр. наук. В ЛОИА с 1959 г., с 1967 г. зав. группой палеогеографии и геохронологии ЛАТ, с 1988

по 1989 г. зав. ЛАТ. В 1989 г. эмигрировал в США. Жил и работал в основном в Великобритании, проф. в университете г. Ньюкасла.

Специализация: геоморфология и палеогеография каменного века европейской части СССР и Средней/Центральной Азии.

ДОМАНСКАЯ Эллина Семёновна (1927 г. рожд.) – археолог. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1956 г. в ФА, в 1975–1984 гг. зав. ФА. В 2008 г. эмигрировала в Германию.

Специализация: составление справочников и каталогов по античным древностям.

ДОРОНИЧЕВ Владимир Борисович (1961 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик В. П. Любина. Курьер ЛОИА с 1978 по 1982 г.

Специализация: палеолит Кавказа.

ДОРОФЕЕВА Татьяна Семёновна (1955 г. рожд.) – археолог. Ученица Е. Н. Носова. В ЛОИА/ИИМК с 1986 г. в штате научно-технической группы при Ученом совете, с 1991 г. научно-технический редактор, с 1997 г. в ОСФА. С 2009 г. ответственный секретарь ежегодника «Археологические вести».

Специализация: археология и история средневекового Новгорода.

ДРОЖЖИН Виктор Михайлович (1932 г. рожд.) – химик-исследователь. В ЛОИИМК с 1955 по 1957 г. в ЛАТ. С 1957 г. в Радиевом институте АН СССР.

Специализация: синтез органических соединений для измерения активного природного радиоуглерода.

ДУБРОВСКИЙ Сергей Митрофанович (1900–1970) – историк-экономист, д. и. н., проф. В ГАИМК в 1936 г., зав. ИИФО. Зам. директора Государственного музея Татарской АССР (1946–1949). Декан исторического факультета ЛГУ (1935–1936). Репрессирован в 1936 г., освобожден в 1946 г., репрессирован в 1949 г., освобожден в 1955 г., реабилитирован в 1956 г.

Специализация: аграрная история России конца XIX–начала XX в.

ДЬЯКОНОВ Михаил Михайлович (1907–1954) – археолог, востоковед-иранист, д. и. н., проф. Ученик А. Ю. Якубовского. В ЛОИИМК с 1945 г. в СЕСЦА, с 1949 г. и. о. ученого секретаря ЛОИИМК, с 1950 по 1951 г. ученый секретарь ЛОИИМК, с 1951 по 1953 г. зав. ЛОИИМК и с мая по октябрь 1953 г. зав. СЕСАК. С 1934 по 1941 г. и с 1945 по 1949 г. в ГЭ. С ноября 1953 г. проф. МГУ. ЗДН Таджикской ССР (1951). Участник Великой Отечественной войны.

Специализация: история и археология Ирана и Центральной Азии доарабской эпохи.

ЕГОРЬКОВ Александр Николаевич (1950 г. рожд.) – инженер-технолог, канд. техн. наук. В ИИМК с 1994 г. в ЛАТ, с 2001 г. зав. ЛАТ.

Специализация: инструментальный физико-химический анализ.

ЕКИМОВА Вера Васильевна (1880–1942) – этнограф. Ученица К. К. Романова. В РАИМК с 1920 по 1922 г. в РДЗ. С 1931 г. в ГРМ, с 1934 г. зав. Отделом Передней и Средней Азии ИАЭ. Погибла в блокадном Ленинграде.

Специализация: этнография русских и финнов, средневековая архитектура Пскова.

ЕРЕМЕЕВ Иван Игоревич (1969 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик А. М. Микляева и Е. Н. Носова. В ИИМК с 2002 г. в ОСФА.

Специализация: раннесредневековая археология Северо-Западной Руси.

ЕРМОЛАЕВА Нина Васильевна (1955 г. рожд.) – экономист. В ЛОИА/ИИМК с 1972 г. бухгалтер-кассир, с 1981 по 1982 г. экономист, с 1987 г. старший лаборант, с 1988 г. старший инспектор по кадрам, с 1991 по 2005 г. помощник директора по международным связям.

ЕРМОЛОВА Нина Михайловна (1925–1987) – палеонтолог, канд. биол. наук. В ЛОИА с 1962 г., с 1977 г. зав. ЛАТ.

Специализация: изучение остатков фауны из археологических раскопок.

ЕРНШТЕДТ Елена Викторовна (1894–1942) – археолог. Ученица М. И. Ростовцева и Ф. Ф. Зелинского. В ИИМК с 1939 по 1942 г. в СДП. Репрессирована в 1930 г., освобождена в 1934 г., восстановлена в правах в 1935 г. Погибла в блокадном Ленинграде.

Специализация: античная археология Северного Причерноморья, склепы Боспора Киммерийского.

ЕРШОВА Татьяна Анатольевна (1948 г. рожд.) – фотограф. В ЛОИА/ИИМК с 1979 г. в ФЛ, с 1980 по 1986 г. и. о. заведующей ФЛ, с 2006 г. в ФО НА.

ЕФИМЕНКО Петр Петрович (1884–1969) – д-р археологии, проф. Ученик Ф. К. Волкова. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК с 1919 г. в РП, с 1925 г. зав. СГК, с 1930 г. в САРФ, возглавляя группу доклассового общества, с 1932 г. в СДО, возглавляя бригаду дородового общества, с 1934 г. в ИИДО, возглавляя кафедру истории дородового общества, с 1937 по 1941 г. и с 1945 по 1951 г. зав. СПН, с 1938 г. член КПИИОП, с осени 1942 г. в ЕГИИМК. С 1945 по 1955 г. директор ИАУ, проф., академик АН УССР (1945). Член ИРГО (1915), ИРАО (1915), Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии (1943), Международного союза историков (1958), а также итальянского Института доистории и преистории во Флоренции (1960). Награжден орденом Ленина (1945).

Специализация: палеолит Русской равнины, общие вопросы изучения палеолита, славяно-финская археология.

ЕФИМЕНКО Софья Николаевна (годы жизни не установлены) – научно-технический сотрудник. В ИИМК/ЛОИИМК с 1942 г. в ЕГИИМК, в 1945 г. в ЛКО.

ЕФИМОВ Владимир Георгиевич (1947 г. рожд.) – художник. В ЛОИА с 1983 по 1989 г. в штате Среднеенисейской хоздоговорной экспедиции.

ЖДАНОВИЧ Франц Ипполитович (1888–1942) – лаборант. В ИИМК с 1940 г. в ФЛ. Погиб в блокадном Ленинграде.

ЖЕБЕЛЁВ Сергей Александрович (1867–1941) – историк, филолог-классик, д. и. н. Ученик Ф. Ф. Соколова. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК с 1919 г., зав. Разрядом Эллады и Рима, с 1930 г. в САФ, с 1932 г. в САО, с 1934 г. в ИИРО, возглавляя кафедру истории античных колоний Северного Причерноморья, с 1937 по 1941 г. зав. СДП, с ноября по декабрь 1941 г. вр. и. о. директора ИИМК, с 1919 по 1923 г. заведовал архивом РАИМК. Академик АН СССР (1927). Преподаватель в ИАХ. Член Академии художеств СССР. Проф. (1904) и проректор (1911–1912) ИСПБУ, проф. и ректор (1919) ПГУ, проф. ЛГУ. Погиб в блокадном Ленинграде.

Специализация: история Древней Греции и Рима, история и археология античного Причерноморья и эллинистического Востока, античная эпиграфика, переводы греческих и латинских авторов.

ЖЕЛТОВА (ПРАСЛОВА) Мария Николаевна (1966 г. рожд.) – археолог. Ученица А. М. Микляева и А. К. Филиппова. В ЛОИА/ИИМК с 1988 г. в ЭТЛ, с 1998 г. в ОП.

Специализация: финальный палеолит и мезолит Русской равнины, планиграфия палеолитических стоянок Костёнок, изучение свойств кремневого сырья, функциональный анализ.

ЗАБЕЛИНА Нина Николаевна (1907–?) – археолог. Ученица Г. В. Григорьева и А. Ю. Якубовского. В ЛОИИМК с 1952 по 1960 г. в ЛКО.

Специализация: раннесредневековая археология и нумизматика Средней Азии, археология Дальнего Востока.

ЗАВИДОВСКИЙ Валерий Михайлович (1944 г. рожд.) – художник. В ЛОИА с 1978 по 1979 г. в штате Саяно-Тувинской хоздоговорной экспедиции.

ЗАВЬЯЛОВ Владимир Алексеевич (1946 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик А. В. Давыдовой, Л. С. Клейна, В. М. Массона. В ЛОИА/ИИМК с 1971 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 1975 г. в ЛКО, с 1978 г. в СЕСАК/ОСАК/ОАЦАК. Председатель СПб группы ОПИ с 2002 г.

Специализация: античная и раннесредневековая археология Центральной Азии и Среднего Востока.

ЗАГРЯНСКАЯ Мария Фёдоровна (1956 г. рожд.) – химик-технолог. В ЛОИА с 1983 по 1989 г. в ЛАТ.

Специализация: химический анализ почв, определение функционального состава гумуса, анализы пигментной фресковой живописи и строительных растворов, совершенствование методики анализа фарфора.

ЗАДНЕПРОВСКИЙ Юрий Александрович (1924–1999) – археолог, д. и. н. Ученик А. Н. Бернштама. В ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК с 1951 г. в аспирантуре, с 1954 г. в СЕСАК/ОСАК/ОАЦАК. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Великой Отечественной войны I степени.

Специализация: поздний бронзовый и железный века Центральной Азии, Среднего Востока и Южной Азии.

ЗАДУНАЙСКАЯ Зоя Моисеевна (1903–1983) – преподаватель русского языка и литературы, литературовед, писатель-переводчик. В ИИМК/ЛОИИМК с 1939 по 1941 г. секретарь РИЧ, с 1946 по 1957 г. в ЛКО.

ЗАЙЦЕВА Ганна Ивановна (1940 г. рожд.) – химик, канд. хим. наук. В ЛОИА/ИИМК с 1979 по 1989 г. и с 2001 г. в ЛАТ, с 1989 по 2001 г. зав. ЛАТ.

Специализация: радиоуглеродное датирование.

ЗАЛЕССКИЙ Николай Николаевич (1900–1984) – филолог-классик, д. и. н., проф. В ГАИМК/ИИМК с 1931 г. в САФ, с 1932 г. в САО, с 1934 г. в ИИРО. С 1937 г. в ЛГУ на кафедре истории Древней Греции и Рима.

Специализация: переводы греческих и латинских авторов, история античного общества, этрусское общество, античная философия.

ЗАМОТОРИН Игорь Михайлович (1927 г. рожд.) – инженер лесного хозяйства. В ЛОИИМК с 1956 по 1959 г. в ЛАТ.

Специализация: металлография древних металлических изделий, определение пород древесины по ее остаткам, дендрохронология.

ЗАМЯТНИН Сергей Николаевич (1899–1958) – археолог, к. и. н. Ученик А. А. Миллера. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК с 1924 г. в аспирантуре, с 1927 г. в СГК, с 1930 г. в САРФ, с 1932 г. в СДО, с 1934 г. в ИИДО, с 1937 по 1941 г. и с 1945 по 1946 г. в СПН, с 1938 г. член КПИИОП, с осени 1942 г. в ТГИИМК, с 1944 по 1945 г. руководил группой палеолита, неолита и эпохи бронзы. С 1946 г. в ИЭ/ЛОИЭ АН СССР. Сотрудник Комиссии АН СССР по изучению четвертичного периода. Почетный член Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии (1943).

Специализация: палеолит Русской равнины и Кавказа, древнейшее искусство, общие вопросы изучения палеолита.

ЗАНКОВИЧ Георгий Владимирович (1905–1942) – фотограф. В ГАИМК/ИИМК с 1936 по 1941 г., зав. ФО. Погиб в Великую Отечественную войну.

Специализация: фотофиксация памятников архитектуры Ленинграда и его пригородов.

ЗАХАРОВА Акилина Титовна (1882–1942) – лаборант. В ГАИМК с 1938 г. Погибла в блокадном Ленинграде.

ЗВОНОВА Инна Сергеевна (1933–?) – техник-архитектор. В ЛОИИМК с 1958 по 1959 г. в ЛКО.

ЗЕМЛЯКОВ Борис Фёдорович (1898–1945?) – геолог, канд. наук. В ГАИМК с 1934 по 1937 г. в ИИДО. В 1941 г. эвакуирован в г. Минеральные Воды, в 1942 г. в оккупации, в 1943 г. ушел с отступающими германскими войсками, пропал без вести в Берлине в апреле 1945 г.

Специализация: древнейшие культуры Кольского п-ова и Северо-Запада России.

ЗОГРАФ Александр Николаевич (1889–1942) – историк, нумизмат, д. и. н. Ученик А. В. Орешникова. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК с 1922 по 1930 г. в ПКНГ, с 1936 г. в ИИРО, с 1937 по 1942 г. в СДП. С 1914 по 1922 г. в Музее изящных искусств Московского университета, с 1922 г. в ГЭ, с 1935 г. зав. Отделом нумизматики ГЭ. Член Московского нумизматического общества (1917). Погиб в блокадном Ленинграде.

Специализация: античная нумизматика Древней Греции и Рима, монетное дело античных государств Северного Причерноморья.

ЗОЛОТАРЁВ Давид Алексеевич (1885–1935) – антрополог и этнограф, проф. Ученик Ф. К. Волкова. В РАИМК с 1919 по 1927 г. в Разряде этнической антропологии и в РЭ. Член Комиссии по изучению племенного состава при РАН. С 1918 г. хранитель ЭО ГРМ, с 1921 по 1930 г. зав. русско-финским отделением ЭО ГРМ. С 1921 г. преподаватель ПГУ/ЛГУ. Секретарь Комиссии ИРГО по составлению этнографических карт России (1913), член Вологодского общества изучения Русского Севера, Общества распространения естествознания, Государственного Географического общества (1928), Международного антропологического института. Репрессирован в 1930 г., освобожден в 1932 г., вторично репрессирован в 1933 г., умер в лагере в Кемеровской области, реабилитирован в 1956 г.

Специализация: этническая антропология и этнография русских и финнов.

ЗУЕВ Вадим Юрьевич (1964 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик Ю. В. Андреева. В ЛОИА/ИИМК с 1989 по 1994 г. в ГАА/ОИАК. Впоследствии в ГЭ. ЛГП РФ по науке и технике (2000).

Специализация: скифо-сарматская археология, история русской археологии XVIII–XX вв.

ЗЫБКОВЕЦ-АТРОШЕНКО Владимир Феофилактович (1908–1973) – агроном, к. и. н. Ученик Б. Д. Грекова. В ГАИМК с 1931 г. в аспирантуре, с февраля по сентябрь 1934 г. директор ИИТ. С октября 1934 г. директор Новгородского Государственного музея, с марта 1935 г. директор Лужского районного музея, с сентября 1935 г. Директор Псковского Государственного музея. С 1955 г. в ИИ. Репрессирован в 1937 г., освобожден и реабилитирован в 1955 г.

Специализация: история земледелия, происхождение религии.

ИВАНОВ Павел Иванович (1944 г. рожд.) – художник-график, фотограф. В ЛОИА/ ИИМК с 1987 по 1993 г. в ФЛ, вначале старший инженер по оборудованию, затем зав. ФЛ.

ИВАНОВА Евгения Борисовна (1909–?) – лаборант. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1950 по 1960 г. в ЛКО.

ИВАНОВА Марина Александровна (1954–1987) – археолог, к. и. н. Ученица Н. Д. Праслова. В ЛОИА с 1974 г. в ЛКО, с 1986 г. в ОП.

Специализация: палеолит Костёнок.

ИВАНОВА Ольга Андреевна (1887–1941) – бухгалтер. В ИИМК с 1937 г., с 1939 по 1941 г. исполняла обязанности зам. главного бухгалтера. Погибла в блокадном Ленинграде.

ИВАНОВА Татьяна Павловна (1950 г. рожд.), старший инженер по оборудованию. В ЛОИА/ИИМК с 1982 г., с 1987 г. старший товаровед, с 1988 г. в РА, с 2004 г. в РО НА.

ИГНАТУШКО Игорь Игоревич (1962 г. рожд.) – старший лаборант. В ЛОИА с 1987 по 1991 г. в ЛАТ.

Специализация: технология измерения активности бензола, принципы работы измерительной аппаратуры.

ИЕССЕН Александр Александрович (1896–1964), археолог, к. и. н. Ученик А. А. Миллера. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1926 г. в аспирантуре, с 1929 г. в РРМК, с 1930 г. в САФ, с 1932 г. в СДО, с 1934 г. в ИИТ, с июля 1941 г. в эвакуации с филиалом ГЭ в Свердловске (ныне Екатеринбург), с 1945 г. в СБРЖ, с 1951 г. в СЕСАК. С 1927 по 1960 г. сотрудник ГЭ, один из создателей ОИПК ГЭ и его руководитель с 1936 по 1955 г. С 1944 по 1945 г. проф. Уральского Государственного университета.

Специализация: бронзовый век Кавказа и Северного Причерноморья, история древней металлургии и горного дела.

ИЖЕВСКИЙ Николай Павлович (1889–1923) – филолог-классик. В РАИМК с 1920 по 1921 г. Трагически погиб.

Специализация: переводы римских авторов, история Древнего Рима.

ИЗБИЦЕР Елена Владимировна (1956 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица В. С. Бочкарева. В ЛОИА/ИИМК с 1986 по 1994 г. в штате Кубанской хоздоговорной экспедиции. Эмигрировала в США.

Специализация: ранний и средний бронзовый век степной зоны Восточной Европы.

ИЗМАЙЛОВА Наталья Васильевна (1890–1942) – историк искусства. В РАИМК/ ГАИМК с 1919 по 1930 г. в РАИИРИВ. Хранитель ГЭ (1919–1931). В 1931 г. в библиотеке Консервато-

рии, с 1932 г. в библиотеке Трамвайно-троллейбусного управления, с 1937 г. в ГПБ. Член Французского археологического общества. Погибла в блокадном Ленинграде.

Специализация: археологические памятники Херсонеса Таврического и его округа, византийская сфрагистика.

ИЛЬИН Алексей Алексеевич (1858–1942) – историк, нумизмат, картограф. Ученик Х. Х. Гиля. В РАИМК/ГАИМК с 1919 по 1929 г., зав. ПКНГ. Чл.-корр. АН СССР (1928). С 1920 по 1927 г. зав. Отделом нумизматики ГЭ, затем являлся его сотрудником. Член Государственного совета Российской империи по выборам от дворян, член Совета Государственного банка России, глава Российского общества Красного Креста. Погиб в блокадном Ленинграде.

Специализация: древнерусская и русская нумизматика.

ИОДОВА Элеонора Сергеевна (1934 г. рожд.) – историк, инженер-технолог. В ЛОИА с 1976 по 1977 г. в ЛАТ.

ИСАЕВА Марина Васильевна (1943–1996) – археолог. Ученица А. Н. Рогачёва. В ЛОИА с 1969 г. и в течение первой половины 1970-х гг. в ЛКО. Впоследствии в ГПБ.

Специализация: верхний палеолит Русской равнины.

КАГАРОВ Евгений Георгиевич (1882–1942) – филолог-классик, этнограф, историк, д-р греческой словесности. Ученик Э. Р. фон Штерна. В ГАИМК с 1932 г. в САО, с 1934 по 1937 г. в ИИРО. С 1926 г. в МАЭ. Проф. ХГУ (1920) и ЛГУ (1925), зав. кафедрой этнографии ЛГУ (1925). Умер в эвакуации в г. Ессентуки.

Специализация: история религии, история античной науки и культуры, классическая филология.

КАЗАКОВ Валерий Петрович (1934–2010) – химик-исследователь, д-р хим. наук, проф. В ЛОИИМК с 1958 по 1959 г. в ЛАТ. С 1959 г. в Институте теплофизики СО АН СССР, с 1969 г. в Институте органической химии БНЦ АН СССР (ныне Институт органической химии Уральского научного центра РАН), зав. лабораторией, с 1987 по 1993 г. зам. председателя Президиума БНЦ Уральского отделения РАН, чл.-корр. АН СССР (1990). ЗДН Башкирской АССР (1985). Награжден орденом За заслуги перед Отечеством II степени.

Специализация: радиолюминесценция растворов тяжелых металлов, твердофазные низкотемпературные химические реакции.

КАЗАНКОВА Мария Васильевна (1925–?) – старший лаборант. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1946 г. старший рабочий-пожарная, с 1947 по 1984 г. в ФЛ. Участница Великой Отечественной войны.

КАЗАНСКИЙ Михаил Михайлович (1953 г. рожд.) – археолог, Docteur habilité (Centre National de la Recherche Scientifique). Ученик Е. А. Горюнова. В ЛОИА с 1975 по 1981 г. в СЕСФА. В 1981 г. эмигрировал во Францию.

Специализация: раннесредневековые культуры оседлого и кочевого населения Юго-Восточной Европы в VI–VIII вв.

КАЗАРНИЦКИЙ Алексей Александрович (1982 г. рожд.) – антрополог. Ученик А. В. Громова. В ИИМК с 2010 г. в ГОА/ООА.

Специализация: краниология древнего населения Восточной Европы.

КАЛАШНИКОВА Елена Михайловна (1916–1942) – археолог. Ученица Б. Б. Пиотровского. В ИИМК с 1938 г. в аспирантуре. Погибла в блокадном Ленинграде.

КАЛИНИН Юрий Васильевич (1914–1942) – археолог. В ИИМК с 1939 г. в ЛКО. Погиб в Великую Отечественную войну.

Специализация: каменный век Урала.

КАЛЛИСТОВ Дмитрий Павлович (1904–1973) – историк, д. и. н. Ученик С. А. Жебелёва, С. И. Ковалёва, К. М. Колобовой. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК с 1934 по 1938 г. в аспирантуре и с 1953 по 1955 г. в ГАА. С 1938 по 1953 г. в ЛОИИ, с 1946 по 1950 г. доц. ЛГУ и ученый секретарь ЛГУ. Репрессирован в 1928 г., освобожден в 1933 г.

Специализация: история Древней Греции и Рима, история Северного Причерноморья в античную эпоху, история и археология Боспора.

КАПОШИНА Серафима Ивановна (1907–1978) – археолог, к. и. н. В ГАИМК/ ИИМК/ ЛОИИМК/ЛОИА с 1930 г. в аспирантуре, с 1935 по 1937 г. в ИИРО, с 1938 по 1941 г. и с 1944 г. в СДП, с 1951 по 1968 г. в ГАА.

Специализация: ранний железный век Северного Причерноморья, история и археология греческих колоний Северного Причерноморья, история Рима.

КАРАБИНОВ Иван Алексеевич (1878–1937) – богослов, историк. Ученик Д. П. Миртова. В РАИМК/ГАИМК с 1919 по 1929 г. в РАР. С 1903 по 1919 г. в Санкт-Петербургской духовной академии, с 1912 г. проф. по кафедре литургики, проф. Высших богословских курсов в Петрограде (1919). Член ВПС РПЦ (1917–1918), с 1931 г. зав. архивом Балтийского судостроительного механического завода. Арестовывался органами ОГПУ в 1922 и 1929 гг., выслан в Тобольск в 1934 г., репрессирован в 1937 г.

Специализация: восточнохристианская археология.

КАРАСЁВ Александр Николаевич (1902–1972) – археолог. Ученик Б. В. Фармаковского. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1928 г., с 1930 г. в САФ, с 1932 г. в САО, с 1934 по 1937 г. в ИИРО, с 1940 по 1941 г. и с 1945 по 1951 г. в СДП, с осени 1942 г. в ТГИИМК, с 1951 по 1971 г. в ГАА.

Специализация: античная археология Северного Причерноморья, оборонительные сооружения и древняя топография Ольвии, Неаполь Скифский.

КАРАЧАРОВСКИЙ Всеволод Владимирович (1913–1942) – палеозоолог. Ученик В. И. Громова. В ИИМК с 1939 по 1941 г. в СПН. Погиб в Великую Отечественную войну.

Специализация: определение фауны из археологических раскопок.

КАРГЕР Михаил Константинович (1903–1976) – археолог, д. и. н., проф. В ГАИМК/ ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1929 г. в РРК, с 1930 г. в СФФ, с 1932 г. в СФО, с 1934 г. в ИИФО,

с 1937 г. в СФР, с 1939 по 1941 г. в СДРВЕДФП, с 1943 г. в СДР (сначала в Москве, затем в Ленинграде), с 1951 по 1964 г. и с 1971 по 1974 г. зав. ГСЛРА, с 1964 по 1971 г. зав. ЛОИА. С 1968 по 1971 г. зав. Ленинградской группой ОПИ. С 1935 по 1936 г. зав. ОДИ ГРМ. С 1949 по 1973 г. зав. кафедрой истории искусства в ЛГУ, с 1939 по 1941 г. и с 1943 по 1948 г. зав. кафедрой древнерусского искусства ЛИЖСА, с 1939 по 1941 г. зам. ректора ЛИЖСА по научной и учебной работе. ЛСП (1951). Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Ленина (1949).

Специализация: история искусства и культуры Древней Руси, зодчество древнерусских городов.

КАРМАНОВ Иван Васильевич (1896–?) – зав. научно-хозяйственным снабжением. В ГАИМК с 1933 по 1936 г. Репрессирован в 1936 г. Освобожден в 1941 г.

КАРЯКИНА Лидия Алексеевна (1901–?) – научно-технический сотрудник. В ИИМК с 1939 по 1941 г. в СБРЖ.

КАСПАРОВ Алексей Каспарович (1954 г. рожд.) – палеозоолог, к. и. н. В ЛОИА/ ИИМК с 1988 г. в ЛАТ.

Специализация: изучение остатков фауны из археологических раскопок, разработка новых методик исследования костных остатков.

КАСТАНАЯН (КАСТАНАЕВА до марта 1938 г.) Елизавета Григорьевна (1910–1991) – археолог, к. и. н. Ученица В. Ф. Гайдукевича. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1932 г. научно-технический сотрудник, с 1935 г. в аспирантуре, с 1937 по 1941 г. и с 1945 по 1951 г. в СДП, в 1942 г. в САМ, с 1951 по 1986 г. в ГАА, в 1976–1979 гг. и в 1982–1986 гг. зав. ГАА. Жительница блокадного Ленинграда.

Специализация: античная история и археология Северного Причерноморья, погребальные обряды в Боспорском царстве, городище Порфмий.

КАТОНИН Евгений Иванович (1889–1984) – художник-архитектор, д-р архитектуры, проф. В РАИМК/ГАИМК с 1924 по 1929 г. в СОА и в РГРИ. Член Союза архитекторов (1933), академик АА УССР (1956), заслуженный архитектор УССР (1975). Награжден орденом Ленина (1951).

Специализация: древнерусское зодчество, архитектура Санкт-Петербурга XVIII и XIX вв.

КАУЛЬ Александр Иосифович (1887–1958) – историк, советский партийный и государственный деятель. В ГАИМК с октября 1934 по 1935 г., зав. ИИТ. Член Учредительного собрания (1917–1918). Сотрудник органов ВЧК–ОГПУ (1919–1930). Начальник Ленгоснарпита (1931–1934), член Ленинградского горкома ВКП(б) и Исполкома Ленсовета. Зав. Отделом школ и науки Ставропольского крайкома ВКП(б) (1935–1937). Награжден орденом Красного Знамени, имел звание «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Репрессирован в 1937 г. Освобожден в 1955 г. Реабилитирован в 1956 г.

КАШАЕВ Сергей Владимирович (1969 г. рожд.) – археолог. Ученик А. Н. Щеглова и Е. Я. Рогова. В ИИМК с 1998 г. в ОИАК.

Специализация: античная археология Северного Причерноморья, греческие поселения на Таманском п-ове, грунтовые некрополи Азиатского Боспора.

КАШУБА Майя Тарасовна (1963 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица Г. И. Смирновой, В. С. Бочкарёва и Б. Хэнзеля. В ИИМК с 2010 г. в ОАЦАК. Чл.-корр. ГАИ (2010).

Специализация: поздний бронзовый и ранний железный века Юго-Восточной, Восточной и Центральной Европы.

КЕДРОВА Екатерина Николаевна (1900–?) – зав. канцелярией. В ГАИМК с 1934 по 1936 г.

КИЛУНОВСКАЯ Марина Евгеньевна (1960 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица А. Д. Столяра и М. А. Дэвлет. В ИИМК с 2001 г. в ГАМ, с 2005 г. в ОАЦАК.

Специализация: железный век Центральной Азии, первобытное искусство Центральной Азии.

КИЛЬДЮШЕВСКИЙ Владимир Игоревич (1942 г. рожд.) – археолог. Ученик А. Н. Кирпичникова. В ЛОИА/ИИМК с 1968 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 1972 г. в ЛКО, в 1971 г. и с 1976 по 2005 г. в ГСЛРА/СЕСФА/ОСФА, с 2005 г. в ГАМ, с 2011 г. в ГОА/ООА.

Специализация: городская культура Северо-Западной Руси эпохи средневековья и нового времени; керамическое производство в русских городах XIII–XVII вв.

КИПАРИСОВ Фёдор Васильевич (1886–1936) – филолог-классик. В ГАИМК с 1929 по 1936 г., зам. председателя Академии, член Президиума ГАИМК, директор МОГАИМК (1933–1934). Проф. ЛГИЛИ (1930–1931). Член Правления издательства «Работник просвещения», с 1933 г. зам. главного редактора «Словаря русского языка» АН СССР, директор Института книговедения (1932–1933). Репрессирован в 1936 г.

Специализация: классическая филология, переводы древних авторов, советская педагогика.

КИПАРИСОВА (ШКУРЕНКО) Нина Павловна (1900–1958) – археолог. В ИИМК с 1938 по 1941 г. в СЕСЦА/СЕСА/СЕЦА. С 1941 г. в ГЭ, впоследствии научный сотрудник Нижнетагильского музея.

Специализация: раннесредневековая археология Средней Азии, неолит и бронзовый век Южного Зауралья.

КИРЕЕВА Елизавета Михайловна (1893–?) – бухгалтер-счетовод. В ГАИМК/ИИМК с 1934 по 1938 г.

КИРИЛЛОВ Евгений Львович (1951 г. рожд.) – археолог. В ЛОИА/ИИМК с 1980 по 1997 г. в штате Сибирской хоздоговорной экспедиции.

Специализация: энеолит, бронзовый и железный века Южной Сибири.

КИРПИЧНИКОВ Анатолий Николаевич (1929 г. рожд.) – археолог, д. и. н., проф. Ученик М. К. Каргера. В ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК с 1955 г. в ГСЛРА/СЕСФА/ОСФА, с 1974 г. зав. СЕСФА/ОСФА. ЗДН РСФСР (1991), чл.-корр. Петровской Академии наук и искусств (1992). Житель блокадного Ленинграда. Награжден орденом Почета (2010).

Специализация: военное дело средневековой Руси, фортификация и градостроительство средневековых городов Северо-Западной Руси, международные контакты Руси.

КИРЧО Любовь Борисовна (1951 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученица В. М. Массона. В ЛОИА/ИИМК с 1972 г. в штате Красноярской хоздоговорной экспедиции, с 1975 г. в аспирантуре, с 1979 по 1985 г. и с 1996 г. в СЕСАК/ОАЦАК. С 1985 по 1996 г. ученый секретарь ЛОИА/ИИМК, с 1998 г. курирует редакционно-издательскую деятельность ИИМК, с 2006 г. ответственный секретарь ежегодника «Записки ИИМК РАН».

Специализация: энеолит и бронзовый век Центральной Азии, Среднего Востока и Южной Азии; проблемы хронологии и культурных взаимодействий древнеземледельческих обществ.

КЛЕР Анатолий Модестович (1944–2008) – химик-спектроскопист. В ЛОИА/ИИМК с 1974 по 1977 г. в ЛАТ, с 1990 по 1994 г. – в ФЛ, с 1994 по 2002 г. и. о. зав. ФЛ.

КНИПОВИЧ Татьяна Николаевна (1895–1975) – археолог, д. и. н. Ученица Ф. Ф. Зелинского, С. С. Лукьянова, М. И. Ростовцева. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ ЛОИА с 1920 г., с 1930 г. в САФ, с 1932 г. в САО, с 1934 по 1937 г. в ИИРО, с 1940 по 1941 г. и с 1945 по 1951 г. в СДП, с осени 1942 по 1945 г. в ТГИИМК, с 1951 по 1972 г. в ГАА. Проф. ЛГУ и ЛИЖСА.

Специализация: эпиграфика, история, искусство и археология Северного Причерноморья.

КОВАЛЁВ Сергей Иванович (1886–1960) – историк, д. и. н., проф. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК с 1930 г. руководитель САФ, с 1932 г. руководитель САО, с 1934 по 1937 г. директор ИИРО, глава кафедры Древнего Рима, член Президиума ГАИМК, с осени 1942 по 1944 г. в ЕГИИМК, с 16 июля по 2 сентября 1944 г. вр. и. о. заведующего ЛОИИМК, с 1944 по 1946 г. зав. СДП. Впоследствии в ЛОИИ (1936–1943, 1946–1950). Директор Музея истории религии и атеизма (1956–1960). Зав. кафедрой истории Древнего мира/истории Древней Греции и Рима ЛГУ (1934–1956). Арестовывался органами НКВД в 1938 г.

Специализация: всеобщая история, история Древнего мира, история античного общества, марксистская методология изучения истории.

КОВАЛЕНКОВ Виктор Дмитриевич (1938–2001) – техник-технолог. В ЛОИА/ИИМК с 1986 по 2000 г. зам. директора по общим вопросам.

КОВНУРКО Геннадий Михайлович (1938–2001) – геолог-геохимик. В ЛОИА с 1964 по 1967 г. в ЛАТ.

Специализация: изучение неолитических мастерских по обработке кремня в верховьях Волги и шахт по добыче кремня в Западной Белоруссии, распространение кремня в европейской части СССР.

КОЗЛОВ Владимир Иванович (1952–2001) – археолог, к. и. н. Ученик П. А. Раппопорта и С. А. Плетнёвой. В ЛОИА/ИИМК с 1991 по 2001 г. в ОСАК/ОАЦАК.

Специализация: средневековая археология степной зоны Восточной Европы и Северного Кавказа.

КОЗИНА (ГОЛЬДБЕРГ) Александра Ивановна (1896–1942) – старший бухгалтер. В ГАИМК/ИИМК с 1936 по 1939 г. Погибла в блокадном Ленинграде.

КОЗЫРЕВА (ЧУБАРОВА) Римма Васильевна (1928–1983) – археолог, к. и. н. Ученица А. П. Окладникова. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1953 г. в аспирантуре, с 1956 г. в СП/ОП.

Специализация: древние культуры Дальнего Востока и Севера европейской части России.

КОЙШЕВСКИЙ Борис Андреевич (1902–?) – археолог. В ГАИМК с 1927 по 1935 г. в КУОПП. Арестовывался в 1935 г., впоследствии репрессирован.

Специализация: археологические разведки, на базе которых составлена картотека памятников Ленинградской, Новгородской, Псковской и Вологодской обл.

КОЛЕСНИКОВ Владимир Александрович (1900–?) – старший бухгалтер. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1955 по 1960 г.

КОЛОБОВА Ксения Михайловна (1905–1977) – историк, д. и. н., проф. Ученица В. И. Иванова. В ГАИМК с 1930 г. в аспирантуре, с 1932 г. в САО, с 1934 г. в ИИРО. С 1937 г. в ЛГУ – преподаватель кафедры истории Древнего мира/истории Древней Греции и Рима, декан исторического факультета (1949–1951), зав. кафедрой истории Древней Греции и Рима (1956–1971).

Специализация: античные письменные источники, экономика и торговля Древней Греции, становление рабовладельческого общества, структура древнегреческого общества.

КОЛПАКОВ Евгений Михайлович (1956 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик З. А. Абрамовой и Л. С. Клейна. В ИИМК с 2009 г. в ОП.

Специализация: наскальное искусство Фенноскандии, теория археологии, нижний палеолит Кавказа, археология Кольского п-ова.

КОЛЬЧАТОВ Владимир Александрович (1946–2006?) – археолог. Ученик А. Н. Кирпичникова. В ЛОИА с 1974 по 1982 г. в СЕСФА.

Специализация: средневековые погребальные памятники Ижорского плато.

КОМАНЦЕВА (БОБРОВА) Антонина Станиславовна (1911–?) – археолог, реставратор керамики. Ученица М. И. Артамонова. В ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1937 г., с 1938 г. в аспирантуре без отрыва от производства, с осени 1942 г. в ТГИИМК, с 1943 по 1945 г. в очной аспирантуре, в 1946 г. в СДР и в СБРЖ, с 1951 по 1960 г. в ЛКО.

КОМАРОВА Мария Николаевна (1900–1986) – археолог. Ученица С. И. Руденко. В ИИМК с 1939 по 1941 г.

Специализация: бронзовый век Южной Сибири.

КОНДРАШИНА Мария Петровна (1875–1942) – уборщица. В ГАИМК/ИИМК с 1936 по 1941 г. Погибла в блокадном Ленинграде.

КОНСТАНТИНОВ Константин Георгиевич (1931–?) – зам. зав. ЛОИА по общим вопросам. В ЛОИА с 1977 по 1980 г. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды.

КОНТАНИСТОВА Вера Фёдоровна (1916–?) – лаборант. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1958 по 1980 г. в ЛКО.

КОРЗУХИНА Гали Фёдоровна (1906–1974) – археолог, к. и. н. Ученица К. К. Романова. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1927 по 1930 г. в аспирантуре, с 1934 по 1935 г. в РА, с 1943 по 1945 г. в аспирантуре при ИИМК (Москва), с 1946 г. в СДР, с 1951 по 1964 г. и с 1967 по 1971 г. в ГСЛРА, с 1964 по 1967 г. зав. РА. С 1935 по 1938 г. в ОДИ ГРМ, с 1938 по 1941 г. в ИАУ.

Специализация: средневековое художественное ремесло и материальная культура Древней Руси, скандинавские древности на Руси, происхождение и развитие раннеславянской культуры в Среднем Поднепровье.

КОРНИЛОВА Полина Прокофьевна (1902–?) – зав. складом изданий ГАИМК, библиотекарь, лаборант. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК с 1935 по 1952 г. После 1948 г. назначалась помощником директора по административно-хозяйственной части.

КОРОБКОВ Игорь Ильич (1934–1993) – археолог, к. и. н. Ученик В. П. Любина. В ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК с 1959 г. в аспирантуре, с 1962 г. в СП/ОП.

Специализация: палеолит Кавказа, Ближнего и Среднего Востока.

КОРОБКОВА Галина Фёдоровна (1933–2007) – д. и. н., проф. Ученица С. А. Семёнова. В ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК с 1957 г. в ЛАТ, с 1961 по 1973 г. в СП, с 1973 г. в ЭТЛ, с 1978 г. зав. ЭТЛ. Жительница блокадного Ленинграда.

Специализация: экспериментально-трасологическое изучение орудий труда, реконструкция хозяйственно-производственных систем земледельческих и скотоводческих обществ мезолита–бронзового века Средней Азии, Ближнего Востока, Кавказа и Юго-Восточной Европы.

КОСТЕРИНА (ШАРОВСКАЯ) Юлия Вадимовна (1971 г. рожд.) – машинистка. В ЛОИА/ИИМК с 1990 по 1994 г.

КРАСНИЕНКО Сергей Владимирович (1954 г. рожд.) – археолог. Ученик Э. Б. Вадецкой. В ЛОИА/ИИМК с 1980 по 1991 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 1991 по 2000 г. и с 2011 г. в ОСАК/ОАЦАК, с 2000 по 2011 г. в ГАМ.

Специализация: энеолит–железный век Южной Сибири, ландшафтная археология, картографирование, мониторинг, охрана памятников.

КРАСНОВА Александра Ивановна (1910–?) – искусствовед. В ГАИМК/ИИМК с 1935 по 1939 г. в ФА, с 1940 по 1941 г. в СДРВЕДФП.

КРАЧКОВСКАЯ Вера Александровна (1884–1974) – историк, эпиграфист, д. и. н. В ИИМК/ЛОИИМК с 1942 г., с 1945 г. в СЕСЦА, с 1951 по 1953 г. в СЕСАК, с осени 1942 по 1944 г. в МОИИМК. С 1945 г. проф. ЛГУ. Член Американского института Персидского искусства и археологии (1936).

Специализация: мусульманский Восток, арабская эпиграфика и палеография, происхождение и развитие арабского письма.

КРИЖЕВСКАЯ Лия Яковлевна (1916–1995) – археолог, д. и. н. Ученица П. П. Ефименко. В ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК с 1938 г., в 1939 г. и с 1946 по 1951 г. в СПН, с 1939 по 1941 г. и с 1945 по 1946 г. в аспирантуре, с 1951 по 1993 г. в СП/ОП.

Специализация: мезолит, неолит и бронзовый век Урала, Сибири и юга Русской равнины.

КРИЧЕВСКИЙ Евгений Юрьевич (1910–1942) – археолог, к. и. н. Ученик А. А. Миллера. В ГАИМК/ИИМК с 1930 по 1931 г. в аспирантуре, с 1931 г. в САРФ, с 1932 г. в СДО, с 1934 по 1937 г. в ИИДО, с 1938 г. в СВЕДП, с 1939 по 1941 г. в СБРЖ. Умер от дистрофии во время эвакуации из блокадного Ленинграда.

Специализация: неолит и энеолит Средней и Юго-Восточной Европы, индоевропейская проблематика.

КРУГЛОВ Андрей Павлович (1907–1942) – археолог, к. и. н. Ученик А. А. Миллера. В ГАИМК/ИИМК с 1930 г. в САРФ, с 1932 г. в СДО, с 1934 г. в СПИ и в ИИТ (зав. МКО), с 1936 г. в ИИДО, с 1937 г. в СВЕДП, с 1939 г. в СБРЖ. Арестовывался органами НКВД в 1935 г. Погиб в Великую Отечественную войну.

Специализация: бронзовый век Кавказа и степной зоны Восточной Европы.

КРЫЛОВ Алексей Павлович (1960–2001) – инженер по электронному оборудованию. В ЛОИА/ИИМК с 1987 по 1992 г. в ЛАТ.

Специализация: методика расчета радиоуглеродных дат, компьютерная обработка археологической информации.

КРЫНИЦКАЯ Галина Павловна (1946 г. рожд.) – зам. директора ИИМК по общим вопросам. В ИИМК с 2001 по 2006 г.

КРЮГЕР Отто Оскарович (1893–1967) – филолог-классик, папиролог, эпиграфист, историк, д. и. н. Ученик О. Ф. Вальдгауера, С. А. Жебелёва, Ф. Ф. Зелинского, М. И. Ростовцева, Б. В. Фармаковского, Г. Ф. Церетели. В РАИМК/ГАИМК с 1920 г. в ПКИЮР, с 1930 по 1932 г. в САФ, возглавляя группу по сельскому хозяйству в Северном Причерноморье, с 1932

по 1933 г. возглавлял Институт кадров Академии, с 1934 по 1937 г. в ИИРО, с 1936 по 1937 г. и. о. председателя Академии. Сотрудник ГЭ (1919–1929, 1934–1938), проф. и зав. кафедрой в ЛПедИ. Репрессирован в 1938 г., освобожден в 1955 г., реабилитирован в 1957 г.

Специализация: классическая филология, древние письменные источники, папирология, история эллинизма.

КУЗНЕЦОВА (ЯКУБОВСКАЯ) Валентина Александровна (1910–?) – фотограф. В ГАИМК/ИИМК с 1936 по 1939 г. в ФЛ.

КУЗНЕЦОВА Галина Алексеевна (1943 г. рожд.) – ведущий художник. В ЛОИА/ ИИМК с 1982 г. в ЛКО, с 1997 г. в ОСФА.

КУЗНЕЦОВА Лариса Александровна (1945 г. рожд.) – художник. В ЛОИА/ИИМК с 1990 по 1997 г. в ЛКО.

КУЗЬМИН Николай Юрьевич (1950 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик М. П. Грязнова. В ЛОИА/ИИМК с 1982 г. в штате Среднеенисейской хоздоговорной экспедиции, с 1992 по 1996 г. в ОСАК. Эмигрировал в Германию.

Специализация: железный век Южной Сибири и Саяно-Алтая.

КУЗЬМИНА Надежда Ивановна (1899–?) – зав. канцелярией. В ЛОИИМК с 1947 по 1959 г.

КУЛАКОВ Сергей Александрович (1959 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик В. П. Любина. В ЛОИА/ИИМК с 1987 г. в аспирантуре, с 1991 г. в ОП, с 1996 г. ученый секретарь ИИМК.

Специализация: нижний и средний палеолит Кавказа, изучение палеолитических мастерских, технологический анализ каменных индустрий.

КУЛИНА Нина Васильевна (1952 г. рожд.) – фотограф. В ЛОИА с 1978 по 1989 г. в ФЛ.

КУЛЬКОВА Марианна Александровна (1970 г. рожд.) – геохимик, канд. геолого-минерал. наук. В ИИМК с 2001 по 2008 г. в ЛАТ.

Специализация: геохимическая индикация палеоклимата голоцена Северо-Запада России; подготовка образцов радиоуглеродного анализа.

КУНИК Ася Романовна (1940 г. рожд.) – искусствовед. В ЛОИА с 1968 по 1975 г. в ККИХТ при НСИМК АН СССР.

КУПРИЯНОВ Валерий Анатольевич (1952 г. рожд.) – военный инженер-механик. В ИИМК с 2009 по 2012 г., зам. директора ИИМК по общим вопросам.

КУРБАТОВ Александр Валентинович (1959 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученик В. П. Петренко. В ЛОИА/ИИМК с 1986 г. в ОСФА.

Специализация: история и культура средневекового русского города, археологические аспекты изучения древнего кожевенного ремесла.

КУРГАНОВ Николай Сергеевич (1983 г. рожд.) – реставратор. В ИИМК с 2010 г. в ГОА/ООА.

КУРОЧКИН Геннадий Николаевич (1946–1993) – археолог, к. и. н. Ученик В. М. Массона. В ЛОИА/ИИМК с 1980 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 1992 г. в ОСАК.

Специализация: бронзовый и железный века Центральной Азии и Среднего Востока, железный век Южной Сибири.

КУТИМОВ Юрий Геннадьевич (1973 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик В. А. Алёкшина. В ИИМК с 1998 г. в ОАЦАК.

Специализация: бронзовый век Центральной Азии и Среднего Востока.

КУШНАРЁВА Каринэ Христофоровна (1922–2006) – археолог, д. и. н. Ученица Б. Б. Пиотровского и А. А. Иессена. В ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК с 1947 г. в аспирантуре, с 1952 по 2006 г. в СЕСАК/ОСАК/ОАЦАК.

Специализация: неолит–бронзовый век Южного Кавказа.

ЛАГОЦКИЙ Кирилл Серафимович (1950 г. рожд.) – археолог. В ЛОИА с 1971 по 1978 г. в ЛКО.

Специализация: бронзовый век степной зоны Восточной Европы.

ЛАЗАРЕВ Александр Анатольевич (1988 г. рожд.) – археолог. Ученик А. Б. Малышева. В ИИМК с 2010 г. в ГОА/ООА.

Специализация: археология Золотой Орды.

ЛАЗАРЕВСКАЯ Наталья Александровна (1954 г. рожд.) – археолог. Ученица В. М. Массона. В ЛОИА/ИИМК с 1978 г. в штате Сибирской хоздоговорной экспедиции, с 1989 г. в ЛКО, с 1992 г. в ФА/ФО НА.

Специализация: античная археология Центральной Азии, археология железного века Сибири.

ЛАЗАРЕТОВ Игорь Павлович (1961 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик Е. Д. Паульса. В ЛОИА/ИИМК с 1989 по 1997 г. в штате Среднеенисейской хоздоговорной экспедиции, с 1997 г. в ОАЦАК.

Специализация: энеолит–ранний железный век Южной Сибири.

ЛАМБЕТ Маргарита Михайловна (1939–?) – художник. В ЛОИА/ИИМК с 1971 по 1998 г. в ЛКО.

ЛАНГОВАЯ Ольга Эммануиловна (1900–1942) – товаровед. В ГАИМК/ИИМК с 1937 г. в ИИРО, с 1938 по 1942 г. научно-технический сотрудник. Погибла в блокадном Ленинграде.

ЛАПИДУС Елена Владимировна (1902–1941) – машинистка. В ИИМК с 1936 по 1941 г. Погибла в блокадном Ленинграде.

ЛАПТЕВ Алексей Андреевич (1894–?) – электрохимик. В ГАИМК/ИИМК с 1936 г. в ИИТ, с 1939 по 1941 г. зав. МКО.

Специализация: микроэлектроанализ древних бронзовых изделий.

ЛАПШИН Владимир Анатольевич (1951 г. рожд.) – археолог, д. и. н. В ЛОИА/ ИИМК с 1982 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 1991 г. в ОСФА.

Специализация: средневековые города Северо-Восточной Руси, курганы и поселения Суздальского Ополя, создание археологической карты Ленинградской обл.

ЛАРИОНОВА Алиса Валерьевна (1989 г. рожд.) – археолог. Ученица Е. В. Беляевой и Н. К. Анисюткина. В ИИМК с 2012 г. в ОП.

Специализация: средний палеолит юго-запада Русской равнины и Кавказа.

ЛАРИЧЕВ Виталий Елифанович (1932 г. рожд.) – археолог, востоковед, д. и. н. Ученик А. П. Окладникова. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1956 г., с 1960 по 1962 г. в СП. Позднее сотрудник ИЭОПР СО АН СССР, с 1971 по 2006 г. зав. Сектором истории и археологии стран зарубежного Востока/Сектор зарубежной археологии ИИФФ СО АН СССР (позднее Институт археологии и этнографии СО РАН). ЗДН РФ.

Специализация: культуры каменного века востока Азии, древности Сибири и Монголии.

ЛАТЫНИН Борис Александрович (1899–1967) – археолог, этнограф, д. и. н. Ученик А. А. Спицына. В ГАИМК с 1929 г., с 1932 г. в КРН, в 1934 г. зам. зав. СПИ, с 1935 г. зав. Бюро экспедиционных исследований и сотрудник ИИДО. В 1935 г. сослан в Куйбышев. Репрессирован в 1936 г. Освобожден в 1946 г. С 1956 г. в ОИПК ГЭ. Реабилитирован в 1957 г.

Специализация: железный век Центральной Азии, бронзовый век степной зоны Евразии.

ЛАТЫШЕВ Василий Васильевич (1855–1921) – филолог-классик, эпиграфист, историк, д-р греческой словесности. Ученик Ф. Ф. Соколова. В РАИМК с 1919 по 1921 г., зав. РДГКЮР. Чл.-корр. (1890), академик (1893) ИСПб АН, член Берлинской АН (1891). Приват-доц. ИСПбУ (1884), директор Историко-филологического института (1903–1919). Помощник попечителя Казанского учебного округа (1891–1893), вице-директор (1893–1896) и директор (1896–1898) Департамента народного просвещения Министерства просвещения, с 1898 г. член Совета министра народного просвещения. С 1905 г. тайный советник. Член ИРАО (1886), председатель Петербургского Общества классической филологии и педагогики (1896), член совета ИППО (1903), с 1900 по 1917 г. товарищ председателя ИАК.

Специализация: классическая филология, эпиграфика, сведения древних авторов о Скифии и Кавказе, византийская агиография.

ЛАТЫШЕВ Пётр Васильевич (1882–1941) – металлург и горный инженер. В РАИМК с 1919 по 1921 г. в ИАТ. В 1924 г. организовал в Великобритании чеканку советских монет. Погиб в блокадном Ленинграде.

Специализация: античная нумизматика и медальерное искусство.

ЛЕБЕДЕВ Леонид Николаевич (1879–1941) – художник. В ГАИМК/ИИМК с 1934 по 1935 г. в ИИФО, с 1939 г. лаборант, с 1940 по 1941 г. в СДРВЕДФП. Погиб в блокадном Ленинграде.

ЛЕБЕДЕВ Николай Сергеевич (1911–1959) – литературовед-русист. В ЛОИИМК с 1958 по 1959 г. на должности научно-технического сотрудника. С 1950 по 1952 г. директор научной библиотеки им. А. М. Горького при ЛГУ, с 1952 по 1955 г. ответственный секретарь «Вестника ЛГУ». Участник Великой Отечественной войны и Советско-японской войны.

ЛЕБЕДЕВ Яков Викторович (1945 г. рожд.) – завхоз. В ЛОИА с 1978 по 1980 г. в штате Сибирской хоздоговорной экспедиции. Впоследствии в поликлинике № 1 АН СССР.

ЛЕБЕДЕВА Людмила Михайловна (1949 г. рожд.) – палеогеограф. В ИИМК с 1993 г. в ЛАТ.

Специализация: радиоуглеродная хронология археологических памятников, методика химической подготовки образцов для датирования.

ЛЕБЕДЗЬ Татьяна Николаевна (1950 г. рожд.) – машинистка. В ЛОИА/ИИМК с 1974 по 1996 г.

ЛЕВДИКОВ Евгений Евгеньевич (1889–?) – фармацевт, фотограф. В ГАИМК с 1934 по 1936 г. зав. ФЛ.

ЛЕВЕНОК Всеволод Протасович (1906–1985) – археолог, к. и. н. Ученик М. В. Воеводского и П. И. Борисковского. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1950 по 1951 г. в СПН, с 1956 по 1973 г. в СП. Участник Великой Отечественной войны. Репрессирован в 1951 г., освобожден со снятием судимости и поражения в правах в 1955 г.

Специализация: неолит центра Русской равнины.

ЛЕВИ Елена Ивановна (1903–1996) – археолог, к. и. н. Ученица Б. В. Фармаковского. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1926 г. в РГРИ, с 1929 г. в РДКС, с 1930 г. в САФ, с 1932 г. в САО, с 1934 г. в ИИРО, с 1937 по 1941 г. и с 1945 по 1951 г. в СДП, с осени 1942 по 1945 г. в ТГИИМК, с 1951 по 1986 г. в ГАА.

Специализация: античная археология Северного Причерноморья, история Гераклеи Понтийской, жилые постройки и винодельни Ольвии, греческие надписи Ольвии и Херсонеса.

ЛЕВКОВСКАЯ Галина Михайловна (1935 г. рожд.) – палинолог, географ-геоморфолог, канд. геогр. наук. В ЛОИА/ИИМК с 1968 по 2007 г. в ЛАТ.

Специализация: палинологические исследования археологических памятников.

ЛЕВЧЕНКО Митрофан Васильевич (1890–1955) – историк, д. и. н., проф. Ученик Н. И. Кареева и М. И. Ростовцева. В ГАИМК/ИИМК с 1934 по 1937 г. в ИИФО. С 1938 г. в ЛОИИ, с 1940 по 1944 г. зав. ЛОИИ. С 1944 по 1950 г. зав. кафедрой византиноведения ЛГУ.

Специализация: история Византии.

ЛЕОНОВ Александр Григорьевич (1893 –?) – инженер-организатор. В ГАИМК с ноября 1935 по февраль 1936 г. директор ИИТ, с февраля по ноябрь 1936 г. зам. председателя ГАИМК по административно-хозяйственной части.

ЛЕСОХИН Николай Григорьевич (1901–?) – зам. зав. РИЧ. В ГАИМК/ИИМК с 1935 по 1938 г.

ЛИВШИЦ (ШМЕРЛИНГ) Сара Моисеевна (1915–?) – археолог, филолог-классик. В ИИМК/ЛОИИМК с 1939 по 1941 г. и с 1945 по 1946 г. в СДП, с осени 1942 по 1945 г. в ТГИИМК. Участница Великой Отечественной войны.

Специализация: античная археология Северного Причерноморья.

ЛИЙВ Трийну Энновна (1989 г. рожд.) – бухгалтер. В ИИМК с 2010 г.

ЛИПАТОВ Алексей Анатольевич (1975 г. рожд.) – археолог, к. и. н. В ИИМК с 2001 г. в ОСФА.

Специализация: византийские традиции в строительном деле Древней Руси, архитектурно-археологические исследования при реставрационных работах в Санкт-Петербурге и Ленинградской обл.

ЛИПШИЦ Елена Эммануиловна (1901–1990) – музеевед-византинист, к. и. н. Ученица Л. А. Мацулевича и М. В. Левченко. В ГАИМК/ИИМК с 1929 г. в РАИИРИВ, с 1930 г. в СФФ, с 1932 г. в аспирантуре, с 1935 по 1937 г. в ИИФО. С 1938 г. в ЛОИИ.

Специализация: история и культура Византии.

ЛИСИЦЫН Николай Фёдорович (1945–1997) – археолог, д. и. н. Ученик З. А. Абрамовой. В ЛОИА/ИИМК с 1974 г. в ЛКО, с 1980 г. в СП/ОП. Руководитель ГХЭ ЛОИА (1981–1985).

Специализация: каменный век Енисея.

ЛИСИЦЫН Сергей Николаевич (1975 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик А. А. Синицына. В ИИМК с 1998 г. в ОП.

Специализация: палеолит Костёнок, каменный век Северо-Запада европейской части России.

ЛИХАЧЁВ Николай Петрович (1862–1936) – историк, д-р истории. В ГАИМК с 1919 г., с 1920 по 1929 г. зав. РАИИРИВ. Чл.-корр. ИСПб АН (1901), академик АН СССР (1925) (исключен в 1931 г., восстановлен в 1968 г.). Создатель музея палеографии, фонды которого конфискованы в 1930 г. Помощник директора Императорской Публичной библиотеки (1902–1914). С 1892 г. проф. Петроградского археологического института. С 1894 г. член Археографической комиссии и ИППО. Репрессирован в 1930 г., в 1931–1933 гг. находился в ссылке в Астрахани. Освобожден в 1933 г. Реабилитирован в 1967 г.

Специализация: источниковедение, дипломатика, византийская и древнерусская сфрагистика, палеография.

ЛОБАЗИНА Вера Германовна (1904–?) – регистратор. В РАИМК с 1919 по 1920 г.

Специализация: фотофиксация и каталогизация античной керамики Ольвии.

ЛОЗОВСКАЯ Ольга Владимировна (1962 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица В. Е. Щелинского. В ИИМК с 2009 г. в ЭТЛ.

Специализация: изделия из органических материалов эпохи мезолита–неолита европейской части России.

ЛОЗОВСКИЙ Владимир Михайлович (1968 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик Д. А. Крайнова. В ИИМК с 2012 г. в ОП.

Специализация: мезолит и неолит центра Русской равнины.

ЛОТТЕ София Андреевна (1901–1962) – историк. В ГАИМК с 1933 по 1935 г. в ИИФО. С 1935 г. в ГЭ. В 1935 г. арестовывалась органами НКВД. Репрессирована в 1937 г. После освобождения с 1955 г. в Группе по изучению Франции при ЛОИИ.

Специализация: история Французской революции.

ЛОХОВА Ольга Владимировна (1958 г. рожд.) – инженер-оператор счетно-аналитических машин. В ИИМК с 2009 г. в ЛАТ.

Специализация: определение стабильных изотопов углерода и азота в костных останках с помощью масс-спектрометра.

ЛУКЪЯНОВ Сергей Сергеевич (1889–1938) – историк искусства. В РАИМК с 1919 по 1921 г. зав. РСИС, в 1920 г. ученый секретарь Академии. Проф. ПГУ. Член ИРАО. В 1921 г. эмигрировал во Францию, в 1927 г. вернулся в СССР. Репрессирован в 1935 г., реабилитирован в 1957 г.

Специализация: античная история и археология, скифо-сарматские древности, классическая филология.

ЛУППИАН Муза Владимировна (1912–1942) – историк-музеевед. В ИИМК с 1939 по 1941 г. в СЕСА/СЕЦА. Погибла в блокадном Ленинграде.

Специализация: история материальной культуры Средней Азии.

ЛУРЬЕ Любовь Альбертовна (1904–?) – научно-технический сотрудник РАИМК с 1924 по 1926 г. Ученица О. Ф. Вальдгауера, Б. В. Фармаковского, М. И. Максимовой.

Специализация: каталогизация керамики из раскопок Ольвии.

ЛЮБИН Василий Прокофьевич (1918 г. рожд.) – археолог, д. и. н., проф. В ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК с 1950 г. в аспирантуре, с 1954 по 1979 г. и с 1988 по 1997 г. в СП/ОП, с 1979 по 1988 г. зав. СП/ОП, с 12 января по 20 мая 1976 г. и. о. заведующего ЛОИА, с 1997 г. ведущий научный сотрудник-консультант. Участник Великой Отечественной войны и Советско-японской войны. Награжден орденом Великой Отечественной войны II степени и двумя орденами Красной Звезды.

Специализация: нижний и средний палеолит Кавказа, Средней Азии и Африки, методика изучения пещерных комплексов и классификации каменных индустрий.

ЛЯПУШКИН Иван Иванович (1902–1968) – археолог, д. и. н. Ученик М. И. Артамонова. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1935 г. в аспирантуре, с 1939 по 1941 г. в СДРВЕДФП, с осени 1942 г. в ЕГИИМК, с 1946 г. в СДР, с 1951 г. в ГСЛРА.

Специализация: славяне Восточной Европы накануне и в период сложения Древнерусского государства, дославянские памятники на юге Восточной Европы.

МАВРОДИН Владимир Васильевич (1909–1987) – историк, д. и. н. Ученик Б. Д. Грекова. В ГАИМК с 1930 г. в СФФ, с 1932 г. в СФО, с 1934 по 1937 г. в ИИФО. С 1934 г. в ЛГУ: декан исторического факультета (1940–1943, 1945–1949, 1959–1971), зав. кафедрой истории СССР. ЗДН РСФСР (1968).

Специализация: история Древней Руси, история России XVIII в.

МАКЕДОН Олег Михайлович (1967 г. рожд.) – физик. В ЛОИА/ИИМК с 1990 по 1993 г. в ЛАТ.

Специализация: усовершенствование установки для измерения низких активностей радиоуглерода.

МАКСИМЕНКОВ Глеб Алексеевич (1930–1986) – археолог, д. и. н. Ученик А. Н. Бернштама и М. П. Грязнова. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1957 г. в СЕСАК.

Специализация: неолит–ранний железный век Южной Сибири.

МАКСИМОВА Мария Ивановна (1885–1973) – археолог, д. и. н. В РАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1926 по 1930 г. в РГРИ, в 1941 г. и с 1945 по 1947 г. в СДП, с апреля 1942 г. руководитель САМ, с осени 1942 г. в ЕГИИМК, с 1947 по 1951 г. зав. СДП, с 1951 по 1966 г. в ГАА. С 1918 по 1925 г. и с 1939 по 1941 г. проф. ПГУ/ЛГУ. С 1914 г. в ГЭ. Член ГАИ (1929).

Специализация: античная история и археология Северного Причерноморья, культура античного полиса, античная керамика и резные камни.

МАЛАНОВА Нинель Сергеевна (1935 г. рожд.) – инженер-электрик. В ЛОИА с 1969 по 1977 г. в ЛАТ.

Специализация: радиоуглеродное датирование артефактов.

МАЛЕВСКАЯ-МАЛЕВИЧ Марьяна Владимировна (1918–2011) – археолог. Ученица М. К. Каргера. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1952 по 1986 г. в ГСЛРА/СЕСФА.

Специализация: памятники древнего зодчества западнорусских земель, гончарная керамика Черной Руси.

МАЛЕР Эльза Эдуардовна (1882–1970) – филолог-классик. Ученица Ф. Ф. Зелинского. В РАИМК с 1919 по 1920 г. Эмигрировала в 1920 г. Впоследствии проф. славянской филологии в Базельском университете (Швейцария).

Специализация: классическая филология, каталогизация керамики из Ольвии.

МАЛИЦКИЙ Николай Владимирович (1881–1938) – историк. В РАИМК/ГАИМК с 1919 по 1930 г. в КИМ, а также в РАИИРИВ, в РДРИИСН, в РРЖ, с 1924 г. зав. ФА, с 1932 по 1933 г. в ИИТ. Член КИДЖ. Арестован в 1933 г. органами ОГПУ и выслан из Ленинграда. Вторично репрессирован в 1937 г. Реабилитирован по первому делу в 1956 г., по второму – в 1989 г.

Специализация: византийское и древнерусское искусство.

МАЛКИНА Екатерина Романовна (1898–1945) – филолог, литературный критик, канд. филол. наук. Ученица Ф. Ф. Зелинского и Б. В. Фармаковского. В РАИМК/ГАИМК с 1919 по 1930 г. в РСИС. Впоследствии работала в Пушкинском Доме (Институт русской литературы АН СССР) и ГЭ. Член Союза писателей. Трагически погибла.

Специализация: классическая филология, переводы древних авторов, обработка коллекций из раскопок курганов юга России.

МАЛОВ Сергей Ефимович (1880–1957) – тюрколог, д-р языкознания. Ученик Н. Ф. Катанова и В. В. Радлова. В ГАИМК с 1935 по 1937 г. в ИИФО. Зав. тюркским кабинетом ЯИ/ИЯМ/Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР (1929–1957). Чл.-корр. АН СССР (1939). С 1931 по 1933 г. в ГПБ. Проф. КГУ (1917), доц. ПГУ/ЛГУ (1922), зав. кафедрой тюркской филологии ЛГУ (1947–1949). Член ВГО и Общества татароведения. ЗДН Казахской ССР (1945). Награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени (1945).

Специализация: тюркские языки, тюркские рунические надписи.

МАЛОГОЛОВЕЦ Надежда Владимировна (1960 г. рожд.) – ведущий бухгалтер. В ИИМК с 2009 г.

МАЛЫШЕВ Андрей Ильич (1902–?) – историк. В ГАИМК с 1934 по 1935 г. в ИИФО, и. о. заведующего кафедрой позднего феодализма в России. С 1931 по 1934 г. в ЛГИЛИ/ЛИФЛИ, в 1934 г. в ЛГУ. Зам. директора Института истории Ленинградского отделения Коммунистической академии. Репрессирован в 1935 г.

Специализация: история России эпохи позднего феодализма.

МАНДЕЛЬШТАМ Анатолий Максимилианович (1920–1983) – археолог-историк, д. и. н. Ученик А. Ю. Якубовского. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1948 по 1951 г. в аспирантуре, с 1956 по 1983 г. в СЕСАК. С 1951 по 1956 г. в Институте истории АН Таджикской ССР. Участник Великой Отечественной войны.

Специализация: история народов Средней и Центральной Азии в эпоху средневековья, бронзовый и железный века Центральной Азии,

МАНЦЕВИЧ Анастасия Петровна (1899–1982) – историк, филолог-классик, к. и. н. Ученица О. Ф. Вальдгауера, Б. В. Фармаковского. В РАИМК/ГАИМК с 1920 г. регистратор склада древностей, с 1924 г. в РГРИ и РСИС, с 1928 г. в РДККИЯМ, с 1930 г. в САФ, с 1932 по 1933 г. в САО. С 1924 г. в ГЭ.

Специализация: классическая филология, античная, скифская и фракийская археология и история искусства.

МАРЕТИН Александр Юрьевич (1963 г. рожд.) – археолог. Ученик В. М. Массона. В ЛОИА/ИИМК с 1990 по 1998 г. в ОСАК/ОАЦАК.

Специализация: ранние кочевники Центральной Азии и Казахстана.

МАРКОВ Артур Семёнович (1906–?) – музейный работник. В ГАИМК с 1930 г. в РА, с 1931 по 1932 г. зав. РА.

МАРКОВ Юрий Николаевич (1943–2003) – инженер-физик, канд. физико-техн. наук. В ЛОИА с 1974 по 1988 г. в ЛАТ.

Специализация: методика и техника измерения радиоуглерода.

МАРР Николай Яковлевич (1864–1934) – археолог-востоковед, филолог. Ученик В. В. Розена. В РАИМК/ГАИМК с 1919 г. зав. РДККИЯМ, с 1921 г. зав. Разрядом археологии Древнего Востока, Кавказа и яфетического мира, с 1929 г. зав. РДКК, с 1930 г. руководитель САРФ, председатель Академии в 1919 г. и с 1923 по 1934 г. Академик ИСПб АН (1912), РАН и АН СССР, с 1930 г. вице-президент АН СССР. Директор ГПБ (1924–1930). С 1921 г. директор Института яфетологических исследований/ЯИ/ИЯМ. С 1902 г. проф. и с 1911 г. декан Восточного факультета ИСПБУ. Председатель Российского Палестинского общества (1928–1934). Награжден орденом Ленина (1933).

Специализация: новые теоретические основы истории материальной культуры, новое учение о языке, кавказоведение.

МАРТЫНОВА Ираида Ивановна (1948 г. рожд.) – художник. В ЛОИА/ИИМК с 1979 г. в штате Кубанской хоздоговорной экспедиции, с 1992 по 2005 г. в ОСАК/ОАЦАК.

МАРЧЕНКО (РАЙСКАЯ) Ирина Эрнестовна (1957 г. рожд.) – старший лаборант. В ЛОИА с 1982 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 1985 по 1987 г. в ЭТЛ.

Специализация: фотосъемка и эксперименты по изготовлению керамики.

МАРЧЕНКО Константин Константинович (1939 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученик Е. И. Леви и А. Н. Карасёва. В ЛОИА/ИИМК с 1967 г. в ГАА/ОИАК, с 1998 по 2005 г. зав. ОИАК.

Специализация: античная археология Северного Причерноморья, греки и варвары в Северном Причерноморье, Елизаветовское городище на Нижнем Дону.

МАССОН Вадим Михайлович (1929–2010) – археолог, д. и. н., проф. Ученик М. М. Дьяконова. В ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК с 1950 по 1954 г. в аспирантуре, с 1954 по 1968 г. и с 2003 г. в СЕСАК/ОАЦАК, с 1968 по 2003 г. зав. СЕСАК/ОСАК/ОАЦАК, с 1982 по 1998 г. зав. ЛОИА/директор ИИМК. Глава межреспубликанского Научного совета по археологии Средней Азии и Казахстана, академик Туркменистана, академик Национальной Академии наук Кыр-

гызстана. Чл.-корр. ГАИ (1983), Института Среднего и Дальнего Востока (ныне Институт Африки и Востока, Рим, Италия) (1987), почетный член Королевской Датской академии наук и литературы (1987), Королевского Общества древностей (Великобритания) и Института фракологии (Румыния). ЛГП Туркменской ССР (1989), ЗДН Кыргызстана, ЗДН РФ. С 1992 по 1999 г. ответственный редактор ежегодника «Археологические вести».

Специализация: неолит–ранний железный век Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии; первые цивилизации, античная археология и нумизматика Центральной Азии.

МАССОН Михаил Евгеньевич (1897–1986) – археолог, историк, востоковед, нумизмат, доктор археологии. В ТГИИМК с осени 1942 по осень 1945 г. Академик АН Туркменской ССР (1951). Зав. кафедрой археологии Среднеазиатского/Ташкентского государственного университета (1939–1968), профессор (1940). ЗДН Узбекской ССР (1944), Туркменской ССР (1950). Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Специализация: античная и средневековая археология Центральной Азии, история горного дела в Центральной Азии, нумизматика Центральной Азии.

МАТЕХИН Константин Анатольевич (1967 г. рожд.) – инженер-исследователь (инженер-механик). В ИИМК с 1993 г. в ЛАТ, с 2001 г. в ГАМ, с 2010 в ГЦА, с 2011 г. в ГОА/ООА.

Специализация: создание компьютерной базы данных археологических находок памятников средневековья, системный администратор.

МАТЬЕ Милица Эдвиновна (1899–1966) – египтолог, искусствовед, д. и. н., проф. Ученица Б. В. Фармаковского, О. Ф. Вальдгауера, Е. М. Придика и Б. А. Тураева. В РАИМК с 1919 по 1923 г. в РАДВ. С 1921 по 1965 г. в ГЭ, зав. Отделом Древнего Востока ГЭ (1933–1945), зав. Отделом зарубежного Востока ГЭ (1953–1965). ЗДИ РСФСР (1964).

Специализация: египетские древности (амулеты и печати) из раскопок Ольвии.

МАТЮХИН Александр Ефимович (1940–2013) – археолог, д. и. н. Ученик В. П. Любина. В ЛОИА/ИИМК с 1974 г. в ЭТЛ, с 1999 г. в ОП.

Специализация: палеолит юга европейской части России, палеолитические мастерские Восточной Европы, технология изготовления и функции ашельских макроорудий.

МАЦУЛЕВИЧ Леонид Антонович (1886–1959) – археолог, искусствовед, д-р искусствоведения. Ученик Д. В. Айналова и Н. П. Кондакова. В ГАИМК/ИИМК с 1920 по 1921 г. в музейной комиссии при Академии, с 1928 по 1931 г. в РАИИРИВ, с 1934 по 1935 г. в ИИДО, с 1940 по 1941 г. в СДП, с осени 1942 по 1945 г. в ТГИИМК. Чл.-корр. АН Грузинской ССР (1946). С 1919 по 1949 г. в ГЭ, зам. директора ГЭ (1920–1921), проф. ГЭ. С 1939 по 1952 г. (с перерывом во время Великой Отечественной войны) в ЛГУ. Член ИРАО (1913), КИДЖ (1918), чл.-корр. ГАИ.

Специализация: позднеантичная, византийская и древнерусская культура и искусство.

МАЧИНСКИЙ Алексей Владимирович (1910–?) – историк-музеевед. В ГАИМК с 1931 г. в САРФ, с 1932 г. зав. РА, с 1934 по 1936 г. в ИИРО и хранитель РА. С 1936 г. в ИИАЭ. Пропал без вести в Великую Отечественную войну в 1941 г.

Специализация: сельское хозяйство древнего Египта.

МАЧИНСКИЙ Дмитрий Алексеевич (1937–2012) – археолог. Ученик М. А. Тихановой. В ЛОИА с 1960 по 1967 г. в ГСЛРА. С 1967 г. в ГЭ.

Специализация: зарубинецкая культура, этнокультурная карта Восточной Европы от рубежа эр до начала II тыс. н. э. по письменным и археологическим данным.

МЕДВЕДЕВА Мария Владимировна (1973 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица Е. Н. Носова. В ИИМК с 1999 г. в ФА/ФО НА.

Специализация: средневековые археологические памятники на Северо-Западе России.

МЕДВЕДСКАЯ Инна Николаевна (1943 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученица М. П. Грязнова, И. М. Дьяконова и В. Г. Луконина. В ЛОИА с 1967 по 1970 г. в штате хоздоговорных экспедиций. С 1970 г. в ГЭ. С 1972 г. в ЛОИВ/СПбФив/ИВР, с 1998 по 2013 г. зав. Отделом Древнего Востока СПбФив/ИВР.

Специализация: ранний железный век Древнего Востока и Центральной Азии.

МЕДНИКОВА Елена Юрьевна (1946 г. рожд.) – химик-технолог, канд. хим. наук. В ЛОИА/ИИМК с 1977 г. в ЛАТ, с 2005 г. инспектор Отдела кадров.

Специализация: химический анализ археологических объектов и древних строительных растворов.

МЕЙЛАХ Борис Соломонович (1909–1987) – филолог, д-р филол. наук, проф. В ЛОИА с 1974 по 1987 г. зав. ККИХТ при НСИМК АН СССР. ЛСП (1948).

Специализация: художественное творчество, проблемы культуры и искусства на базе взаимодействия гуманитарных и естественных наук.

МЕЛЕНТЬЕВ Альберт Николаевич (1927–после 1997) – археолог. Ученик С. И. Капониной и В. П. Шилова. В ЛОИА с 1959 г., с 1967 по 1986 г. в СЕСАК. Участник Великой Отечественной войны.

Специализация: мезолит–энеолит Северного Прикаспия и степной зоны Восточной Европы.

МЕЛЕНТЬЕВА (ПАДВА) Гита Мейровна (1927–1975) – археолог. В ЛОИА с 1962 г. в ГАА.

Специализация: сарматская археология.

МЕЛЬНИК Татьяна Николаевна (1959 г. рожд.) – бухгалтер-экономист. В ЛОИА/ ИИМК с 1985 г., с 1998 г. зам. главного бухгалтера, с 2008 г. главный бухгалтер.

МЕШКЕРИС Вероника Александровна (1927 г. рожд.) – историк-искусствовед, д. и. н. Ученица Г. А. Пугаченковой. В ЛОИА/ИИМК с 1979 по 1998 г. в СЕСАК/ОСАК/ОАЦАК, с 1998 по 2005 г. ведущий научный сотрудник-консультант.

Специализация: античное и раннесредневековое искусство Центральной Азии и его взаимодействие с художественными традициями Ближнего и Среднего Востока, музыкальная археология.

МЕЩАНИНОВ Иван Иванович (1883–1967) – археолог, филолог, д. и. н., проф. Ученик Н. Я. Марра. В РАИМК/ГАИМК с 1919 г. управляющий делами Академии, с 1920 по 1922 г. председатель хозяйственного комитета, с марта 1920 г. в РДККИЯМ, с 1928 по 1930 г. ученый секретарь Академии, в 1929 г. руководитель Отделения исторических формаций, с 1930 г. в САРФ, являясь руководителем подсектора первичных культур (охотничье-собираТЕЛЬСКАЯ стадия), с 1932 г. руководитель СДО, в январе–октябре 1934 г. директор ИИДО, в 1935 г. зав. кафедрой методики и техники полевых исследований ИИТ, с 1934 г. член Президиума ГАИМК, зам. председателя ГАИМК по новостройкам. С 1932 г. академик АН СССР, с 1934 г.

секретарь Отделения литературы и языка АН СССР, директор ИЯМ (1935–1950), директор ИАЭ/ИААЭ (1933–1937). В 1930 г. в Институте живых восточных языков. Член ИППО. ГСТ (1945), ЛСП (1943, 1946). Награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Специализация: археология Кавказа, история доклассового общества, древнеперсидский и эламский языки, древности Ольвии.

МИЗИНОВА Вера Павловна (1893–?) – археолог, специалист по металлографии черных металлов. Ученица В. В. Гольмстен. В ЕГИИМК с 1943 по 1945 г.

Специализация: металлографический анализ.

МИЗУЧ София Павловна (1899–?) – искусствовед. В ГАИМК с 1926 по 1928 г. в ИАТ, с 1929 по 1936 г. в ФА.

МИЛЛЕР Александр Александрович (1875–1935) – штабс-капитан русской армии (до 1906 г.), археолог. Ученик Ф. К. Волкова. В РАИМК/ГАИМК с 1919 г. председатель Этнологического отделения, зав. РП, с 1929 г. зав. РРМК, с 1930 г. в САРФ, возглавляя Подсектор культур переходных к классовой структуре (земледельческо-скотоводческая стадия), с 1931 г. руководитель Группы хозяйства эпохи бронзы и Группы отдельных производств в эпоху бронзы, с 1932 по 1933 г. в СДО, глава бригады родового общества. С 1918 по 1921 г. директор ГРМ. Проф. ПГУ/ЛГУ. Репрессирован в 1933 г. Умер в лагере в Казахстане. Реабилитирован в 1956 г.

Специализация: бронзовый и железный века Северного Кавказа и степной зоны Восточной Европы, древний Танаис.

МИЛОВА Татьяна Ильинична (годы жизни не установлены) – научно-технический сотрудник. В РАИМК/ГАИМК с 1924 по 1930 г. в РГРИ.

Специализация: обработка материалов из раскопок Ольвии.

МИНЯЕВ Сергей Степанович (1948 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик А. В. Давыдовой. В ЛОИА/ИИМК с 1968 г. в ЛАТ, с 1982 г. в СЕСАК/ОСАК/ОАЦАК. В 2007 г. отмечен наградой Евразийского археологического института (г. Измир, Турция) «За выдающийся вклад в гуннскую археологию».

Специализация: железный век Центральной Азии и Китая, памятники сюнну в Забайкалье.

МИХАЙЛОВ Кирилл Алексеевич (1970 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик Е. Н. Носова. В ИИМК с 1998 г. в ОСФА.

Специализация: история и культура Древней Руси в период сложения Древнерусского государства.

МИХАЙЛОВА Ольга Васильевна (1908–1942) – историк. В ГАИМК с 1932 г. в ФЛ, с 1933 по 1935 г. в СФО. Погибла в блокадном Ленинграде.

МИХАНКОВА Вера Андреевна (1892–1952) – преподаватель французского языка, к. и. н. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК с февраля 1920 г. делопроизводитель по административно-хозяйственной части, с марта 1920 г. управляющая делами Академии, с 1923 г. секретарь председателя Академии, с 1931 г. ученый секретарь редакционно-издательского Совета, зав. РИЧ с возложением обязанностей секретаря методического бюро и секретаря председателя Академии, с 1934 г. ученый секретарь РИЧ, с 1936 г. ученый секретарь НИК Н. Я. Марра, с 1937 г. зам. зав. НИК Н. Я. Марра, с 1938 по 1941 г. и с 1944 по 1951 г.

зав. НИК Н. Я. Марра, с осени 1942 по 1944 г. ученый секретарь ТГИИМК, с 1951 г. в РА. Награждена орденом Знак Почета (1945 г.).

Специализация: изучение научного наследия Н. Я. Марра, история русской археологии.

МОИСЕЕВ Лаврентий Алексеевич (1882–1946) – археолог. В ГАИМК с 1927 по 1929 г. С 1920 по 1924 г. директор Херсонесского музея. Член ИАК (1905).

Специализация: история и археология Крыма.

МОИСЕЕВА Надежда Дмитриевна (1948 г. рожд.) – архивист. В ЛОИА/ИИМК с 1979 г. в ФА/ФО НА.

Специализация: научно-техническая обработка фотографий, история Санкт-Петербурга.

МОЛЕБНИКОВ Владимир Михайлович (1937–?) – слесарь-ремонтник промышленного оборудования. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1958 по 1977 г. в ЛАТ.

Специализация: настройка и регулирование счетчика мягкого радиоактивного излучения для определения абсолютного возраста археологических находок.

МОЛОДЦОВА Дина Михайловна (1930–?) – машинистка. В ЛОИА с 1963 по 1986 г.

МОЛЧАНОВ Владимир Владимирович (1939 г. рожд.) – филолог, канд. филол. наук. В ЛОИА с 1968 по 1976 г. в ККИХТ при НСИМК АН СССР.

МОРОЗОВА Валерия Константиновна (1931 г. рожд.) – химик-аналитик. В ЛОИИМК с 1956 по 1959 г. в ЛАТ.

Специализация: химический анализ древних бронз.

МУРАШКИН Антон Игоревич (1977 г. рожд.) – археолог. Ученик В. Я. Шумкина. В ИИМК с 1999 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 2010 г. в ГОА/ООА.

Специализация: каменный век и эпоха палеометалла Фенноскандии.

МУРЗАЕВА Софья Андреевна (1875–?) – зав. канцелярией. В ИИМК с 1940 по 1941 г.

МУСИН Александр Евгеньевич (1964 г. рожд.) – археолог, д. и. н., канд. богословия. В ИИМК с 2001 г. в ОСФА.

Специализация: церковная история и археология Древней Руси по письменным, вещественным и изобразительным источникам, христианская археология и богословие.

МЯГГИ Николай Иванович (1897–?) – в ГАИМК/ИИМК с 1934 по 1938 г., зам. председателя Академии/директора ИИМК по административно-финансовой части, член Президиума Академии.

НАЗАРЕНКО Владимир Александрович (1945 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик Л. С. Клейна и А. Н. Кирпичникова. В ЛОИА/ИИМК с 1968 по 2002 г. в ГСЛРА/СЕСФА/ОСФА. Эмигрировал в Германию.

Специализация: погребальные памятники Юго-Восточного Приладожья I тыс. н. э.

НАЗАРОВА Ксения Михайловна (1895–?) – историк, музеевед. В ГАИМК/ИИМК с 1934 по 1941 г. в ФА.

НАЛИВКИНА Мария Арсеньевна (1904–после 1963) – археолог. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1924 по 1926 г. практикант в РГРИ, с 1935 г. в ИИРО, с 1937 по 1941 г. и с 1945 г. в СДП, с осени 1942 г. в ТГИИМК, с 1951 по 1960 г. в ГАА.

Специализация: античная история и археология Северного Причерноморья, античные города Западного Крыма.

НАУМОВ Дарвин Владимирович (1929 г. рожд.) – химик-исследователь. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1955 по 1973 г. в ЛАТ.

Специализация: спектральный анализ.

НЕДЛЕР Георгий Николаевич (1906–?) – фотограф. В ИИИМК с 1938 по 1939 г. в ФЛ.

НЕМИРОВСКАЯ Елена Литовна (1954 г. рожд.) – археолог. Ученица М. П. Грязнова. В ЛОИА с 1974 по 1980 г. в штате Красноярской и Среднеенисейской хоздоговорных экспедиций. После 1980 г. в ГЭ.

Специализация: железный век Южной Сибири.

НЕСТЕРОВ Александр Викторович (1984 г. рожд.) – инженер-исследователь. В ИИМК с 2010 г. в ГОА/ООА.

НЕХОРОШЕВ Павел Евгеньевич (1958 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик В. Е. Щелинского. В ЛОИА/ИИМК с 1983 г. в штате Выборгской хоздоговорной экспедиции, с 1985 г. в ЛКО, с 1993 г. в ОП, с 1998 г. ученый секретарь диссертационного совета ИИМК.

Специализация: палеолит юга европейской части России, Урала и Сибири, вопросы перехода от среднего к верхнему палеолиту, технологический анализ каменных индустрий.

НИКИТИНА Надежда Ивановна (1905–?) – архивист. В ГАИМК с 1935 по 1936 г. в НИК Н. Я. Марра.

НИКИТСКИЙ Александр Васильевич (1859–1921) – филолог-эпиграфист. Ученик Ф. Ф. Соколова. В РАИМК с 1920 по 1921 г. в РДГКЮР. Академик ИСПБ АН (1917). Проф. Дерптского университета (1901), декан историко-филологического факультета Московского университета (1902), проф. ИСПБУ. Член ООИД, ИМАО, ИППО, ИРАО, чл.-корр. ГАИ.

Специализация: античная эпиграфика, свод греческих, латинских и средневековых надписей Северного Причерноморья.

НИКИШКИНА Клавдия Терентьевна (1916–?) – научно-технический сотрудник. В ГАИМК/ИИМК с 1934 по 1940 г. в ФЛ.

НИКОЛАЕВ Николай Николаевич (1961 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик А. В. Давыдовой. В ИИМК с 1992 г. в штате Бейской хоздоговорной экспедиции, с 1995 по 1999 г. в ОСАК/ОАЦАК.

Специализация: железный век Забайкалья.

НИКОЛАЕВА Серафима Владимировна (1904–?) – машинистка. В ЛОИИМК с 1951 по 1959 г.

НИКОЛАЕВА Татьяна Васильева (1954 г. рожд.) – лаборант. В ЛОИА с 1974 по 1978 г. в ФА.

НИКОНОРОВ Валерий Павлович (1953 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик В. М. Массона. В ЛОИА/ИИМК с 1983 г. в аспирантуре, с 1987 г. в ОСАК/ОАЦАК.

Специализация: военная археология Центральной Азии античного и раннесредневекового времени.

НОВАКОВСКАЯ Татьяна Игоревна (1946 г. рожд.) – биолог. В ЛОИА с 1982 по 1983 г. в ЛАТ.

НОВОСЁЛОВА Надежда Юрьевна (1979 г. рожд.) – археолог. Ученица М. Б. Щукина. В ИИМК с 2011 г. в ГОА/ООА.

Специализация: античная археология Северного Причерноморья.

НОСОВ Андрей Евгеньевич (1979 г. рожд.) – картограф. В ИИМК с 2010 г. в ГОА/ООА.

НОСОВ Евгений Николаевич (1949 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученик Л. С. Клейна, И. И. Ляпушкина и П. Н. Третьякова. В ЛОИА/ИИМК с 1971 по 1973 г. и с 1976 по 1988 г. в ГСЛРА/СЕСФА/ОСФА, с 1973 по 1976 г. в аспирантуре, с 1988 г. зам. зав. ЛОИА/зам. директора ИИМК по научной работе, с 1998 г. директор ИИМК. Чл.-корр. РАН (2001), член Президиума СПб научного центра РАН, зав. кафедрой археологии СПбГУ (2002). Почетный член НОЛД, член научного общества Бормутского университета (Великобритания).

Специализация: славяно-русская археология и древняя история Руси, взаимоотношения славян с финно-угорским и скандинавским миром, происхождение городов на Руси, международные торговые пути.

ОБРАЗЦОВ Владимир Александрович (1953 г. рожд.) – инженер-физик. В ЛОИА с 1978 по 1982 г. в ЛАТ.

ОВСЯННИКОВ Олег Владимирович (1937 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученик М. К. Каргера. В ЛОИА/ИИМК с 1962 по 2001 г. в ГСЛРА/СЕСФА/ОСФА. Эмигрировал в Германию.

Специализация: освоение и заселение Поморья в эпоху средневековья, формирование в регионе городских центров, святилища коренного населения Севера.

ОДИНЦОВА Валерия Витальевна (1972 г. рожд.) – археолог. Ученица В. А. Булкина и В. Н. Седых. В ИИМК с 2003 по 2005 г. в РО НА, с 2010 г. в ГОА/ООА.

Специализация: археология Санкт-Петербурга.

ОЗЕРСКАЯ Роза Абрамовна (1903–?) – историк. В ГАИМК с 1934 по 1936 г. в ИИФО. Репрессирована в 1937 г., реабилитирована в 1955 г.

Специализация: история феодализма в России.

ОКЛАДНИКОВ Алексей Павлович (1908–1981) – археолог, историк, этнограф, д. и. н., проф. Ученик Б. Э. Петри. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1934 г. в аспирантуре, с 1937 по 1941 г. и с 1945 по 1949 г. в СПН, с 1949 по 1951 г. зав. ЛОИИМК, с 1951 по 1961 г. зав. СП. Зав. сектором истории промышленности ИЭОПР СО АН СССР (1961–1965), зав. Отделом гуманитарных исследований ИЭ СО АН СССР (1965–1966), директор ИИФФ СО АН СССР (1966–1981). Чл.-корр. (1964), академик (1968) АН СССР. Почетный член ВГО. Член Монгольской АН (1974), Венгерской АН (1976), чл.-корр. Британской Академии (1973). ЛСП (1950), ЛГП СССР (1973), ГСТ (1978). ЗДН Якутской АССР (1956), РСФСР (1957), Бурятской АССР (1970), Таджикской ССР (1978). Награжден тремя орденами Ленина (1967, 1975, 1978), тремя орденами Знак Почета (1945, 1947, 1954), венгерским орденом Труда (1974), монгольским орденом Красного Знамени.

Специализация: палеолит, неолит, бронзовый и железный века Северной и Центральной Азии, петроглифы, происхождение человека, развитие палеолитической культуры, генезис изобразительного искусства.

ОКУНЬ Семён (Соломон) Бенцианович (1908–1972) – историк, д. и. н., проф. В ГАИМК с 1935 по 1937 г. в ИИФО. С 1937 г. в ЛГУ.

Специализация: история России XVIII–XIX вв., движение декабристов, история русского освоения Северной Америки.

ОЛЬДЕНБУРГ Сергей Фёдорович (1863–1934) – индолог, буддолог. Ученик И. П. Минаева. В РАИМК/ГАИМК с 1919 по 1925 г. зав. РАИИДВ, а также Разрядом археологии Ирана и Разрядом буддийской археологии, в 1930 г. временно заведовал РАСА, с 1933 г. зав. Институтом музееведения Академии, в 1920 г. и с 1923 г. товарищ председателя Академии, с 1920 по 1923 г. председатель Совета Академии и Археологического отделения Академии. Чл.-корр. (1903), академик (1908) ИСПб АН, непрямый секретарь ИСПб АН (1904), РАН (1917), АН СССР (1923–1929), с 1916 г. директор Азиатского музея, директор ИВ АН СССР (1930–1934). Доц. (1889), проф. (1900) ИСПбУ. Член РКИСВА, с 1912 г. член Государственного совета от ИСПб АН, в июле–августе 1917 г. министр народного просвещения во Временном правительстве. Секретарь ВО ИРАО (1905), член ИРГО, научного общества в Геттингене (1926), Королевского Азиатского общества (Великобритания), чл.-корр. Прусской АН (1927), почетный член Московского археологического института, д-р права Абердинского университета (Шотландия), почетный корреспондент археологического общества в Индии, чл.-корр. Азиатского общества в Париже. Арестовывался органами ВЧК в 1919 г.

Специализация: религия, поэзия, искусство древней Индии, буддийские учения, иранская литература, история востоковедения.

ОРАНЖИРЕЕВА Антонина Михайловна (1897–1960) – археолог. Ученица А. А. Миллера. В РАИМК/ГАИМК с 1920 по 1921 г. в РАДВ, с 1923 по 1930 г. в РП. С 1934 по 1937 г. ученый секретарь Кольской базы АН СССР.

Специализация: поздний бронзовый и ранний железный века степной зоны Восточной Европы.

ОРБЕЛИ Иосиф Абгарович (1887–1961) – востоковед, археолог, эпиграфист, историк искусств, организатор науки и музейного дела. Ученик Н. Я. Марра и Я. И. Смирнова. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК с 1919 г. ученый секретарь РАИМК, зав. РАИАГ, с 1929 г. зав. РСККИ, с 1920 по 1924 г. зав. издательством РАИМК, с 1937 по 1939 г. директор ИИМК. Чл.-корр. (1924), академик (1935) АН СССР, член АА СССР (1940), академик (1943) АН Армянской ССР и ее первый президент (1943–1947), с 1956 г. зав. ЛОИВ. С 1920 г. зав. Отделом Кавказа, Ирана и Средней Азии ГЭ, директор ГЭ (1934–1951). Проф. ПГУ/ЛГУ (1919), зав. кафедрой армяно-грузинской филологии ЛГУ (1925–1929), зав. кафедрой истории материальной культуры Востока ЛГУ (1928–1931), декан восточного факультета ЛГУ (1955–1960), с 1956 г. зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока ЛГУ. Член ИРАО (1912), член ИМАО (1918), почетный член Тегеранского университета (1935), действительный член ГАИ, член Лондонского археологического общества (1944), почетный член Академии наук Ирана (1945), член-консультант Американского института по изучению иранского искусства и археологии. ЗДН Армянской ССР (1938). Награжден двумя орденами Ленина (1944, 1957), орденами Трудового Красного Знамени (1945, дважды).

Специализация: история и археология средневекового Кавказа и стран Ближнего Востока.

ОСИПОВ Валерий Иванович (1945–1993) – археолог, архивист, к. и. н. Ученик В. М. Массона. В ЛОИА с 1969 по 1973 г. в ЛКО. Причина увольнения – связи с диссидентским движением Ленинграда. С 1981 г. в Ленинградском отделении/Санкт-Петербургском филиале Архива АН СССР.

Специализация: античная археология Центральной Азии, история русско-немецких научных связей в XVIII в.

ОЧЕРЕДНОЙ Александр Константинович (1975 г. рожд.). – археолог, к. и. н. Ученик В. П. Любина и Н. Д. Праслова. В ИИМК с 2005 г. в ОП.

Специализация: средний палеолит Кавказа и Русской равнины.

ПАВЛОВ Петр Георгиевич (1951–1989) – археолог. Ученик Н. А. Анисюткина и Д. Г. Савинова. В ЛОИА с 1973 г. в ЛКО, с 1980 г. в штате Среднеенисейской хозяйственной экспедиции. Трагически погиб.

Специализация: палеолит Молдавии, поздний бронзовый и железный века Южной Сибири.

ПАВЛОВА Клавдия Васильевна (1922–2010) – археолог. Ученица М. А. Тихановой. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1951 по 1986 г. в ГСЛРА/СЕСФА.

Специализация: история и культура древнерусского города и его округа.

ПАВЛЮЧЕНКО Иван Макарович (1916–?) – художник, чертежник, фотограф. В ЛОИИМК с 1951 по 1959 г.

ПАЛЬВАДРЕ Марта Юрьевна (1896–1937) – этнограф. В ГАИМК с 1933 г., в 1934 г. в ИИДО. С ноября 1934 г. в ГМЭ. Репрессирована в 1936 г.

Специализация: этнография финно-угорских народов.

ПАНИЧКИНА Мария Захаровна (1904–1977) – археолог, к. и. н. Ученица С. Н. Замятниной и П. П. Ефименко. В ИИМК/ЛОИИМК с 1938 г. в СДКПСА, с 1940 по 1941 г. и с 1945 по 1946 г. в СПН, с осени 1942 г. в ТГИИМК. С 1946 г. в ГЭ.

Специализация: нижний палеолит Кавказа, технология расщепления камня.

ПАНКОВ Иван Нестерович (1905–1943) – ответственный по снабжению. В ИИМК с 1939 по 1941 г. Погиб в Великую Отечественную войну.

ПАНУШКИН Алексей Евграфович (1899–?) – помощник директора ИИМК по административно-хозяйственной части. В ИИМК с 1937 по 1939 г.

ПАСХИН Александр Владимирович (1953–2011) – археолог, художник. Ученик С. Н. Орлова, М. П. Зиминой и И. В. Дубова. В ЛОИА с 1985 (?) по 1989 г. в штате Сибирской хозяйственной экспедиции.

Специализация: археология ранних славян и Древней Руси, железный век Южной Сибири.

ПАУЛЬС Евгений Дмитриевич (1948–2008) – археолог. Ученик М. П. Грязнова. В ЛОИА с 1973 по 1988 г. в штате хозяйственных экспедиций.

Специализация: поздний бронзовый век Южной Сибири.

ПЕСКАРЁВА Клавдия Михайловна (1923–1984) – архивист. В ЛОИА с 1967 по 1984 г. зав. РА. Участница Великой Отечественной войны.

ПЕСКОВА Анна Анисимовна (1947 г. рожд.) – археолог, к. и. н. В ЛОИА/ИИМК с 1971 г. в ГСЛРА/СЕСФА/ОСФА.

Специализация: история и культура древнерусского города, христианская металлопластика Древней Руси.

ПЕТРЕНКО Валерий Петрович (1943–1991) – археолог. Ученик Л. С. Клейна. В ЛОИА с 1973 в ГСЛРА/СЕСФА/ОСФА.

Специализация: средневековые памятники Северного Поволжья, балто-скандинавские связи.

ПЕТРОВ Всеволод Алексеевич (1896–?) – палеоботаник, канд. биол. наук. В ИИМК/ЛОИИМК с 1941 г., с 1942 по 1945 г. отвечал за состояние библиотечного фонда и РА Института, а также за сохранность книжных и документальных фондов учреждений АН, оставленных в Ленинграде, возглавлял Лабораторию реставрации и консервации, с 1947 г. зав. Химической лабораторией, с 1949 г. зав. группой химических и палеоботанических исследований Археологической лаборатории, с 1951 по 1952 г. в ЛКО. Житель блокадного Ленинграда. Награжден орденом Знак Почета (1944).

Специализация: определение растительных остатков из археологических раскопок.

ПЕТРОВ Григорий Иванович (1903–1942) – антрополог, канд. биол. наук. В ГАИМК с 1932 г. в СДО, с 1934 по 1937 г. в ИИДО, с 1939 г. в ЛГУ, с 1941 г. в ИЭ. Погиб в блокадном Ленинграде.

Специализация: вопросы антропогенеза, этническая антропология.

ПЕТРОВА (ЛИТВЕР) Лидия Михайловна (1940 г. рожд.) – бухгалтер. В ЛОИА с 1965 по 1971 г. в штате Саяно-Тувинской хоздоговорной экспедиции. Эмигрировала в Германию.

ПИНИ (БЕНЗЕЛЬ) Ольга Александровна (1901–?) – археолог. Ученица Б. В. Фармаковского и О. Ф. Вальдгауера. В РАИМК/ГАИМК с 1919 г. регистратор склада древностей Ольвии, с 1922 по 1927 г. в РГРИ.

Специализация: античная история, археология и искусство Северного Причерноморья.

ПИОТРОВСКИЙ Андриан Иванович (1898–1937) – филолог, литературовед, киновед. Ученик Ф. Ф. Зелинского, Б. В. Фармаковского и М. И. Ростовцева. В РАИМК с 1919 по 1920 г. в РСИС. С 1924 г. директор Высших государственных курсов искусствоведения при ГИИИ, художественный руководитель киностудии «Ленфильм» (1928–1937), ЗДИ РСФСР (1935). Репрессирован в 1937 г.

Специализация: античная филология, древнегреческая литература, переводы, древнегреческая вазовая живопись.

ПИОТРОВСКИЙ Борис Борисович (1908–1990) – археолог, египтолог, д. и. н., проф. Ученик А. А. Миллера, Н. Д. Флиттнер и В. В. Струве. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1929 г. в РЯ, затем в РДКК, с 1930 г. в САРФ, с 1932 г. в СДО, с 1934 г. в ИИДО, с 1937 г. в СВЕДП, с 1939 по 1941 г. в СК, с весны 1942 по 1944 г. в Институте истории АН Армянской ССР, с 1945 г. в СБРЖ, с 1951 г. в СЕСАК, с 1953 по 1964 г. зав. ЛОИИМК/ЛОИА, с 1964 г. научный консультант ЛОИА на общественных началах. Академик АН Армянской ССР (1968), академик АН СССР (1970), член Президиума АН СССР (1980–1988). С 1949 г. зам. директора ГЭ по научной работе, директор ГЭ (1964–1990). С 1966 г. зав. кафедрой истории древнего Востока ЛГУ. Почетный д-р Делийского университета, Института истории и протопреистории во Флоренции (1961), почетный член Института египтологии Карлова университе-

та в Праге (1965), чл.-корр. ГАИ (1966), Британской Академии (1967), Баварской АН (1968), Академии надписей и изящной словесности (Франция). ЛСП (1946), ЗДН Армянской ССР (1961), ЗДИ РСФСР (1964), ЛПК (1980), ГСТ (1983). Награжден тремя орденами Ленина (1968, 1975, 1983), тремя орденами Трудового Красного Знамени (1945, 1954, 1957), орденом Октябрьской Революции (1988), французским орденом искусств и литературы степени командора (1981), болгарским орденом Кирилла и Мефодия I степени (1981). Арестовывался органами НКВД в 1935 г.

Специализация: бронзовый и железный века Кавказа, Ближнего Востока и Египта, урартская цивилизация.

ПИТУЛЬКО Владимир Викторович (1960 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик Л. П. Хлобыстина. В ЛОИА/ИИМК с 1986 г. в ЛКО, с 1995 г. в ОП.

Специализация: палеолит и мезолит Арктики, освоение древним человеком Заполярья, каменный век Северо-Восточной Азии.

ПЛАМЕНЕВСКАЯ Ольга Леонидовна (1948 г. рожд.) – археолог. Ученица М. П. Грязнова. В ЛОИА/ИИМК с 1969 по 1980 г. в ЛАТ и с 1990 по 1993 г. в штате Бейской хоздоговорной экспедиции.

Специализация: реставрация керамики, исследование древних тканей.

ПЛАТОНОВА Надежда Игоревна (1956 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученица Г. А. Лебедева, Л. С. Клейна, Е. Н. Носова и Е. А. Рябинина. В ЛОИА/ИИМК с 1978 по 1979 г. в ЛКО, с 1985 г. в аспирантуре, с 1988 г. в ОСФА.

Специализация: культура Северной Руси (Передольский погост Новгородской земли), история отечественной археологии.

ПЛЕШАНОВА Изилла Ивановна (1926 г. рожд.) – искусствовед. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1959 по 1960 г. Впоследствии зав. ОДИ ГРМ.

Специализация: древнерусское искусство.

ПЛОТКИНА (БУТКЕВИЧ) Елена Мечиславна (1949 г. рожд.) – археолог. Ученица П. А. Раппопорта. В ЛОИА в первой половине 1970-х гг. в ФЛ. Впоследствии в филиале Государственного музея истории Ленинграда/Санкт-Петербурга «Петропавловская крепость».

Специализация: древнерусское керамическое производство, геомагнитная разведка.

ПЛОХОВ Алексей Вячеславович (1962 г. рожд.) – археолог. Ученик Е. Н. Носова. В ЛОИА/ИИМК с 1984 г. курьер, с 1985 г. в ЛКО, с 1992 г. в ОСФА.

Специализация: эпоха раннего металла–средневековья на Северо-Западе России, гончарство Новгородской земли.

ПОДГАЕЦКИЙ Георгий (Юрий) Владимирович (1908–1941) – археолог-музеевед, к. и. н. Ученик А. А. Миллера. В ГАИМК/ИИМК с 1930 г. в САРФ, с 1932 г. в СДО, с 1934 г. в СПИ, с 1935 г. в ИИТ и в ИИДО, с 1937 г. в СВЕДП, с 1939 г. в СБРЖ. Погиб в блокадном Ленинграде.

Специализация: бронзовый век степной зоны Восточной Европы.

ПОДОЛЬСКИЙ Марк Лазаревич (1940–2011) – инженер. Ученик М. П. Грязнова. В ЛОИА с 1976 по 1980 г. в штате Красноярской и Среднеенисейской хоздоговорных экспедиций.

Специализация: бронзовый и железный века Южной Сибири.

ПОЛТОРАЦКАЯ Вера Николаевна (1899–1980) – машинистка, археолог. В ГАИМК/ЛОИИМК с 1934 г. машинистка, с 1936 г. научно-технический сотрудник ИИФО, с 1937 г. научно-технический сотрудник, с 1943 по 1947 г. старший лаборант, с 1945 г. в СБРЖ. С 1947 г. в ГЭ. Жительница блокадного Ленинграда.

Специализация: реставрация памятников древнего зодчества в Средней Азии, на Северном Кавказе и в Крыму, железный век Тувы.

ПОЛЯКОВ Александр Сергеевич (1906–1940) – историк-востоковед, китаист. В ГАИМК с 1932 г. в СФО, с 1934 по 1935 г. в ИИФО. С 1935 г. в ИВ. Арестовывался органами ОГПУ в 1928 г. и 1929 г. Репрессирован в 1935 г. Умер в ссылке в Якутске.

Специализация: раннесредневековая история Китая.

ПОЛЯКОВ Александр Сергеевич (1954 г. рожд.) – археолог. Ученик Е. А. Горюнова и М. П. Грязнова. В ЛОИА с 1977 г. по 1980 г. в штате Среднеенисейской хоздоговорной экспедиции.

Специализация: археология и ранняя история славян Юго-Восточной Европы, бронзовый и железный века Южной Сибири.

ПОЛЯКОВ Андрей Владимирович (1974 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик Э. Б. Вадецкой и Д. Г. Савинова. В ИИМК с 2001 г. в ОАЦАК.

Специализация: поздний бронзовый век Южной Сибири.

ПОНИЗОВСКАЯ Зинаида Дмитриевна (1890–?) – машинистка, секретарь канцелярии. В ГАИМК/ИИМК с 1936 по 1940 г.

ПОНОМАРЁВА (НИКИШИНА) Клавдия Терентьевна (1916–1942) – курьер. В ГАИМК/ИИМК с 1935 г., с 1937 г. в ФЛ. Погибла в блокадном Ленинграде.

ПОПЛЕВКО Галина Николаевна (1958 г. рожд.) – археолог, к. и. н. В ЛОИА/ИИМК с 1984 г. в ЭТЛ.

Специализация: разработка методики комплексных исследований каменных и костяных индустрий, экспериментально-трасологическое изучение керамики.

ПОПОВ Сергей Германович (1957 г. рожд.) – радиоинженер. В ЛОИА/ИИМК с 1981 г. в ЛАТ, с 2001 г. в ГАМ, с 2010 г. в ГОА/ООА.

Специализация: радиоуглеродное датирование, разработка аппаратуры и методики поиска погребенных металлических объектов, древности раннего железного века–раннего средневековья Северо-Запада России.

ПОСОХОВА Мария Гавриловна (1920–?) – лаборант. В ИИМК с 1952 по 1956 г. завхоз, с 1956 по 1960 г. в ФЛ.

ПОТАПОВ Леонид Павлович (1905–2000) – этнограф, д. и. н., проф. Ученик В. Г. Богораза и Л. Я. Штернберга. В ГАИМК/ИИМК с 1934 г. в ИИДО, с 1937 по 1940 г. в СЕСА/СЕСЦА/СЕЦА. С 1931 г. в ЭО ГРМ, с 1934 г. в ГМЭ, с 1947 г. зав. Отделом Сибири и зам. директора по научной работе. С 1943 по 1946 г. в докторантуре ИЭ, зав. Ленинградской частью ИЭ/ЛОИЭ (1948–1967), зав. Отделом Сибири ЛОИЭ. ЛСП (1948), ЗДН РСФСР (1965), ЗДН Тувинской АССР, лауреат премии Американского фонда по изучению шаманизма (1993), лауреат премии Индианского университета (США) за исследования в области алтаистики (1996).

Специализация: история и культура тюркоязычных народов Алтая.

ПРАСЛОВ Николай Дмитриевич (1937–2009) – археолог, д. и. н. Ученик П. И. Борисковского. В ЛОИА/ИИМК с 1962 г., с 1965 по 1976 г., с 1979 по 1988 г. и с 1997 г. в ОП, с 1976 по 1979 г. ученый секретарь ЛОИА, с 1988 по 1997 г. зав. ОП. С 1984 по 1991 г. зав. Ленинградской группой ОПИ. Награжден серебряной медалью ВДНХ (1982).

Специализация: палеолит Русской равнины и Северного Кавказа, палеолитическое искусство и краски, происхождение лука и стрел, хронология и палеогеография палеолита.

ПРИГОЖИН Абрам Григорьевич (1896–1937) – историк. В ГАИМК с 1932 г. зав. Сектором капиталистических и социалистических формаций, зам. председателя Академии, с 1934 г. в ИИФО, возглавляя кафедру истории западноевропейского феодального общества. С мая 1934 г. директор Московского института философии, литературы и истории. Репрессирован в 1935 г. Реабилитирован в 1956 г.

Специализация: история Китая.

ПРИДИК Евгений Мартынович (1865–1935) – историк, эпиграфист. В РАИМК с 1919 по 1921 г. в РДГКЮР. Хранитель Отдела древностей и куратор Отдела античных монет ГЭ. Проф. ПГУ. Член ИРАО, ГАИ.

Специализация: античная филология и эпиграфика.

ПРОКОШЕВ Николай Афанасьевич (1907–1942) – музейный работник-археолог, к. и. н. Ученик А. В. Шмидта. В ГАИМК/ИИМК с 1933 г. в аспирантуре, с 1934 г. в ИИДО, с 1937 г. в СВЕДП, с 1939 по 1941 г. в СБРЖ. В 1932 г. аспирант МОГАИМК. Погиб в Великую Отечественную войну.

Специализация: мезолит–ранний железный век Урала и Прикамья.

ПРОСВИРИНА Елена Юрьевна (1955 г. рожд.) – В ЛОИА/ИИМК с 1980 г. в ЛАТ, с 1982 г. зав. канцелярией.

ПРОХОРОВА Анна Владимировна (1982 г. рожд.) – чертежник. В ИИМК с 2010 г. в ГОА/ООА.

ПРУШЕВСКАЯ Евгения Оттовна (1890–1942) – В РАИМК/ГАИМК с 1919 г. в РАИИРИВ, с 1925 по 1930 г. в РГРИ. С 1930 г. в ГЭ. Погибла в блокадном Ленинграде.

Специализация: античная история и археология Северного Причерноморья.

ПШЕНИЦЫНА Маргарита Николаевна (1937 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица М. П. Грязнова. В ЛОИА/ИИМК с 1962 по 1981 г. и с 1984 г. в СЕСАК/ОСАК/ОАЦАК. Руководитель ГХЭ ЛОИА (1976–1981). С 1981 по 1984 г. преподаватель кафедры археологии в КемГУ.

Специализация: железный век Южной Сибири.

ПЯТКИН Борис Николаевич (1940–1995) – археолог, к. и. н. Ученик М. П. Грязнова. В ЛОИА с 1964 по 1971 г. в ЛАТ. С 1978 по 1985 г. на кафедре археологии КемГУ.

Специализация: бронзовый и железный века Южной Сибири, петроглифы.

РАБИНОВИЧ Меер-Бер Залманович (1905–?) – археолог. В ИИМК с 1939 по 1940 г. в СБРЖ. Пропал без вести в Великую Отечественную войну в декабре 1941 г.

Специализация: железный век степной зоны Восточной Европы, скифские древности.

РАВДОНИКАС Владислав Иосифович (1894–1976) – археолог, историк, д. и. н., д-р археологии, проф. Ученик А. А. Спицына. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК с 1928 г. в РП и в КУОПП, с 1930 г. в САРФ, с 1932 г. в СДО, с января по октябрь 1934 г. в СПИ, с ноября 1934 по 1937 г. директор ИИДО, с 1937 г. в СФР, с 1938 г. член КПИИОП, с 1939 по 1941 г. в СДРВЕДФП, с апреля 1942 г. зав. СПН, с осени 1942 г. в ЕГИИМК и в Саратове, с осени 1944 по март 1946 г. и с января 1947 по март 1949 г. зав. ЛОИИМК, с марта 1946 по май 1949 г. зав. СДР, с мая 1949 г. в СДР, с 1951 по 1952 г. и с 1955 по 1956 г. в ГСЛРА. Чл.-корр. АН СССР (1946). Проф. ЛГУ (1931), зав. кафедрой археологии ЛГУ (1936–1948). Член Норвежской Академии наук (1946). Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1945). Арестовывался органами НКВД в ноябре 1941 г.

Специализация: неолит, петроглифы, средневековые памятники Северо-Западной Руси, история и теория археологии.

РАЗЗАК Оммар Гассан (1981 г. рожд.) – журналист. В ИИМК с 2008 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 2012 г. в ООА.

РАКОВ Лев Львович (1904–1970) – историк, филолог, к. и. н. В ГАИМК с 1933 г. в САО, с 1934 по 1937 г. в ИИРО. Сотрудник ГЭ (1931–1938). Доц. ЛГУ (1934). В 1943 г. организатор выставки «Героическая оборона Ленинграда», преобразованной в 1945 г. в Музей обороны Ленинграда, с 1945 по 1947 г. его директор. Директор ГПБ (1945–1947), с 1954 г. директор библиотеки ЛИЖСА. Арестовывался в 1938 г., репрессирован в 1950 г., освобожден и реабилитирован в 1954 г.

Специализация: античная история и археология, раннее христианство.

РАППОПОРТ Павел Александрович (1913–1988) – археолог, д. и. н. Ученик Н. Н. Воронина. В ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1939 по 1941 г. и с 1946 по 1947 г. в аспирантуре, с 1947 г. в СДЕ, с 1951 г. в ГСЛРА/СЕСФА/ОСФА. Преподавал в ЛИЖСА. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Великой Отечественной войны II степени и Красной Звезды.

Специализация: монументальное зодчество Древней Руси, древнерусская фортификация и домостроительство, разработка методики архитектурно-археологических исследований.

РАСПОПОВА Валентина Ивановна (1934 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученица Л. Р. Кызласова. В ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК с 1958 г. в ЛКО, с 1964 г. в СЕСАК/ОСАК/ОАЦАК, с 1987 по 1991 г. ученый секретарь диссертационного совета ЛОИА. Лауреат премии Р. Гиршмана (Французская Академия, 2007).

Специализация: раннесредневековая археология Центральной Азии.

РЕВА Людмила Ивановна (1952 г. рожд.) – археолог. Ученица Н. Д. Праслова и А. М. Мандельштама. В ЛОИА/ИИМК в штате хоздоговорных экспедиций с 1979 по 1995 г.

Специализация: палеолит Русской равнины, бронзовый век Южной Сибири.

РЕЗЕПКИН Алексей Дмитриевич (1949 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик В. С. Бочкарева. В ЛОИА/ИИМК в СЕСАК/ОСАК/ОАЦАК с 1976 г.

Специализация: энеолит и бронзовый век Кавказа, мегалитические гробницы Северо-Западного Кавказа, проблема происхождения индоевропейцев.

РЕПНИКОВ Николай Иванович (1882–1940) – археолог, к. и. н. Ученик А. Л. Бертье-Делагарда. В ГАИМК/ИИМК с 1929 г. в РСКЕПА, с 1930 г. в СФФ, с 1932 г. в СФО, с 1934 г. в СПИ, с 1935 по 1937 г. в ИИФО, с 1937 г. работал по договорам. Сотрудник ИАК (1902–

1909) и ЭО ГРМ (1910–1914). Член ИРАО, НОЛД, ИРВИО, ТУАК, ООИД, Антропологического общества при ПГУ. Арестовывался органами ОГПУ в 1931 г.

Специализация: археологические памятники Новгородской земли, изучение Земляного городища Старой Ладogi, иконопись, монументальная живопись и прикладное искусство Древней Руси, пещерные города Крыма.

РЕУТТ-ПОЛЕТАЕВА Евгения Петровна (1890–?) – историк искусства. Ученица К. К. Романова. В РАИМК/ГАИМК с 1920 г. в КИМ, с 1921 по 1929 г. в РДРИИСН. Член НОЛД (1921). Репрессирована в 1948 г. в Мариинске (Кемеровская обл.).

Специализация: средневековая русская архитектура по миниатюрам рукописей.

РИШКО Семён Александрович (1987 г. рожд.) – химик. В ИИМК с 2010 г. в ЛАТ.

Специализация: радиоуглеродное датирование.

РОГАЧЁВ Александр Николаевич (1912–1984) – археолог, д. и. н. Ученик П. П. Ефименко. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1933 г. в аспирантуре, с 1936 г. в ИИДО, с 1937 по 1939 г. и с 1947 по 1951 г. в СПН, с 1951 г. в СП. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды.

Специализация: палеолит Русской равнины, локальные культуры верхнего палеолита, теория и методика археологии.

РОГОВ Евгений Яковлевич (1951–2001) – археолог, к. и. н. Ученик А. Н. Щеглова. В ЛОИА/ИИМК с 1977 в ЛКО, с 1992 г. в ОИАК.

Специализация: античная археология Северного Причерноморья, история и археология Херсонесского государства, греки и варвары на Боспоре Киммерийском.

РОЗЕНБАУМ Фаина Абрамовна (1906–?) – историк. В ГАИМК с 1934 по 1937 г. в ИИФО, с 1936 по 1937 г. зам. ученого секретаря Академии.

Специализация: составление каталога публичных актов.

РОЗЕНБЕРГ Александр Хаимович (1900–?) – историк. В ГАИМК с 1932 г. в СФО, с 1934 по 1936 г. в ИИФО. Впоследствии в ЛПедИ.

Специализация: история и культура Испании в XIV–XVI вв.

РОЗЕНТАЛЬ Николай Николаевич (1892–1960) – историк, д. и. н. Ученик И. М. Гревса. В ГАИМК с 1931 г. в СФФ, с 1932 г. в СФО, с 1934 по 1935 г. в ИИФО. С 1926 г. доц., с 1930 г. проф. ЛПедИ, зав. кафедрой истории Запада в эпоху феодализма в ЛИФЛИ, в 1934 г. зав. кафедрой истории средних веков ЛГУ. С 1936 по 1940 г. и с 1942 по 1954 г. в Одесском государственном университете, с 1940 по 1942 г. в Курском педагогическом институте. С 1954 г. в Москве. С 1935 по 1936 г. находился в ссылке в Казахстане.

Специализация: история поздней Римской империи, Западная Европа в эпоху средневековья.

РОЗИНА Любовь Григорьевна (1904–?) – научно-технический сотрудник. В ИИМК с 1937 по 1941 г.

РОМАНОВ Борис Александрович (1889–1957) – историк, д. и. н., проф. В ИИМК с 1941 г. в СДРВЕДФП, с осени 1942 г. в ТГИИМК. С 1944 г. в ЛОИИ. С 1944 по 1949 г. в ЛГУ. Репрессирован в 1930 г., освобожден в 1933 г., реабилитирован в 1957 г.

Специализация: Древняя Русь, экономическая политика России на Дальнем Востоке.

РОМАНОВ Василий Семёнович (1921–?) – зав. хозяйством ЛОИА с 1961 по 1982 г. Участник Великой Отечественной войны.

РОМАНОВ Константин Константинович (1882–1942) – архитектор, реставратор, историк русской архитектуры, этнограф. В РАИМК/ГАИМК с 1919 г. зав. РДЗ и товарищ председателя КУОПП, с 1928 г. руководитель СОА, с 1929 г. зав. РРК, с 1930 г. в СФФ, с 1932 г. в СФО, с 1934 г. в ИИФО, с марта 1935 г. в ИИТ, с июля 1935 по декабрь 1936 г. работал по договорам. Чл.-корр. ИАК (1910). Хранитель ОЭ ГРМ (1911–1921). Проф. ПГУ/ЛГУ (1922–1928). Член Коллегии по делам музеев при Народном Комиссариате просвещения (с 1922 г. преобразована в Реставрационные мастерские во главе с К. К. Романовым). Один из организаторов охраны памятников культурного наследия России. Член ИРВИО (1909), ИРАО (1910), Псковского археологического общества. Погиб в блокадном Ленинграде.

Специализация: древнерусская архитектура, этнография Русского Севера.

РОМАНОВА (УСОВА) Галина Александровна (1950 г. рожд.) – археолог. Ученица М. А. Тихановой. В ЛОИА с 1968 по 1991 г. в ЛКО. Эмигрировала в США.

Специализация: черняховская культура.

РУДЕНКО Нина Михайловна (1904–?) – художник и историк искусства. В ЕГИИМК–ЛОИИМК с осени 1942 по 1945 г. Член СХ СССР.

РУДЕНКО Сергей Иванович (1885–1969) – археолог, этнограф, антрополог, магистр географии, д-р технических наук, проф. Ученик Ф. В. Волкова. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1921 по 1930 г. сотрудник Этнологического и Археологического отделений, с февраля по август 1942 г. и с 1945 по 1951 г. в СПН, с осени 1942 г. в ЕГИИМК, с 1951 по 1953 г. в СЕСАК, с 1953 по 1967 г. зав. ЛАТ, с 1967 г. ученый консультант ЛАТ. Руководитель группы гидрологии в управлении НКВД (1934–1938), с 1938 г. зав. сектором в Государственном гидрологическом институте, в 1941 г. начальник Гидрометеослужбы Ленинградского фронта. Проф. ПГУ (1921), ЛГУ (1950). Член ИРГО и почетный член ВГО (председатель Отделения этнографии), член Парижского географического общества, чл.-корр. Ютландского археологического общества (Дания). Награжден большой золотой медалью им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского (1965). Репрессирован в 1930 г., досрочно освобожден в 1934 г., реабилитирован в 1957 г.

Специализация: железный век Саяно-Алтая, Северо-Востока Азии и Берингова моря, антропология и этнография народов Поволжья, Урала и Сибири, методика антропологического исследования, радиоуглеродное датирование.

РУДНЕВА Степанида Дмитриевна (1890–1989) – ассистент, педагог музыки. Ученица Ф. Ф. Зелинского и Б. В. Фармаковского. В РАИМК с 1919 по 1921 г. в РГРИ. Основательница танцевальной студии «Гептахор» (1918–1935), с 1935 г. в Московском областном доме художественного воспитания детей, в первой половине 1970-х гг. вела факультативные семинары при факультете психологии МГУ.

Специализация: техника и технология производства сероглиняной и черноглиняной керамики Ольвии и ее датировка.

РЫГДЫЛОН Эрдэмто Ринчинович (1906–1957) – археолог, востоковед, к. и. н. Ученик Г. П. Сосновского и С. А. Козина. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК с 1934 г. в аспирантуре, в 1938 г. в Секторе Сибири, с 1949 по 1954 г. работал по договорам. Сотрудник Минусинского краеведческого музея (1947–1959), с 1954 г. в Иркутском государственном университете.

Репрессирован в 1938 г., освобожден в 1941 г. Реабилитирован в 1959 г. Участник Великой Отечественной войны.

Специализация: каменный век Сибири и Казахстана.

РЫДЗЕВСКАЯ Елена Александровна (1890–1941) – историк. Ученица С. Ф. Платонова, Я. И. Смирнова, А. А. Шахматова и Ф. А. Брауна. В РАИМК/ИИМК с 1919 по 1920 г. в РДРИИСН, с 1939 г. в СДРВЕДФП. Арестовывалась органами ОГПУ в 1930 г. Погибла в блокадном Ленинграде.

Специализация: скандинавское художественное наследие в древнерусском искусстве, история Древней Руси и Скандинавии в IX–XIV вв., отраженная в древней северной литературе.

РЫСИН Михаил Борисович (1957 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик В. С. Бочкарёва и К. Х. Кушнарёвой. В ЛОИА/ИИМК с 1985 г. в штате Кубанской хоздоговорной экспедиции, с 1988 г. в ОСАК/ОАЦАК.

Специализация: энеолит и бронзовый век Кавказа и Ближнего Востока.

РЯБИНИН Евгений Александрович (1948–2010) – археолог, д. и. н. Ученик П. Н. Третьякова. В ЛОИА/ИИМК с 1971 по 2008 г. в ГСЛРА/СЕСФА/ОСФА.

Специализация: история и археология финно-угорских племен Восточной Европы и их взаимоотношения с Древней Русью.

РЯБОВ Андрей Викторович (1961 г. рожд.) – радиотехник. В ЛОИА/ИИМК с 1982 по 1983 г. в ЛКО и с 1994 по 1996 г. в штате Бейской хоздоговорной экспедиции.

САВВОНИДИ Николай Фёдорович (1957 г. рожд.) – археолог. Аспирант В. И. Распоповой. В ЛОИА/ИИМК с 1986 г. в аспирантуре, с 1990 по 1998 г. в ОСАК/ОАЦАК.

Специализация: раннесредневековая археология Центральной Азии.

САВИНОВ Дмитрий Глебович (1941 г. рожд.) – археолог, д. и. н., проф. Ученик А. Д. Грача. В ЛОИА с 1984 по 1990 г. в СЕСАК/ОСАК. Руководитель ГХЭ ЛОИА (1985–1990).

Специализация: бронзовый и железный века Сибири, палеоэтнография, изучение памятников эпохи средневековья.

САВЧЕНКО Татьяна Борисовна (1918–?) – научно-технический сотрудник. В ИИМК с 1937 по 1939 г. в ИИТ.

САДЫКОВ Тимур Рашитович (1977 г. рожд.) – археолог. В ИИМК с 2008 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 2010 г. в ГОА/ООА.

САКСА Александр Иванович (1951 г. рожд.) – археолог, д. и. н., Dr. Hab. (Finland, 1984). Ученик А. Н. Кирпичникова. В ЛОИА/ИИМК с 1978 г. в СЕСФА/ОСФА.

Специализация: археология финно-угров, история и культура населения летописной Карельской земли, средневековый Выборг.

САЛОП Анна Иосифовна (1918–?) – студентка-историк. В ИИМК/ЛОИИМК в 1942 и в 1945 гг. на должностях лаборанта, истопника и рабочего-пожарного, с осени 1942 по 1944 г. лаборант ЕГИИМК.

САЛЬДАУ Петр Яковлевич (1879–1962) – химик, металлург, д-р. хим. наук, проф. Ученик Н. С. Курнакова. В ГАИМК/ИИМК с 1935 по 1937 г. в ИИТ. Изобретатель автосвечей

на основе железо-алюминиевого сплава. Проректор ЛГИ, зав. кафедрой аналитической химии ЛГИ (1938–1962). С 1926 г. член Ленинградского бюро Совета народного хозяйства. Член Русского физико-химического общества (1914), Русского металлургического общества (1915), Лондонского института металлов (1922). ЗДН РСФСР (1960). Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и Знак почета.

Специализация: металлография, сплавы, техника изготовления бронзовых изделий.

САМБУ Иргит Унгульчечкович (1928–2005) – археолог, филолог. Ученик А. Л. Грача. С 1965 по 1977 г. зам. начальника Саяно-Тувинской хоздоговорной экспедиции.

Специализация: археология Тувы.

САМОВАРОВ Иван Геннадьевич (1981 г. рожд.) – фотограф. В ИИМК с 2010 г. в ГОА/ООА.

СВЕЖЕНЦЕВ Юрий Степанович (1940–2002) – инженер-технолог. В ЛОИА/ИИМК с 1969 по 2000 г. в ЛАТ.

Специализация: радиоуглеродное датирование археологических образцов, астрофизические явления и радиоуглерод, радиоуглеродная хронология памятников эпохи бронзы.

СВЕЖЕНЦЕВА Лидия Георгиевна (1913–?) – бухгалтер. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1950 по 1976 г.

СЕДОВА Галина Леонидовна (1950 г. рожд.) – зав. складом. В ЛОИА с 1982 по 1984 г.

СЕДЫХ Валерий Никандрович (1953 г. рожд.) – археолог, к. и. н., доц. Ученик И. В. Дубова. В ЛОИА с 1979 по 1982 г. в штате Среднеенисейской хоздоговорной экспедиции. С 1982 г. на кафедре археологии ЛГУ.

Специализация: раннесредневековые памятники Северо-Западной Руси, славяно-варяжские отношения, нумизматика Восточной Европы.

СЕЙМАН Нелли Яновна (1927 г. рожд.) – художник. В ЛОИА с 1962 по 1983 г. в ЛКО.

СЕЛИВАНОВ Владимир Иванович (1897–после 1948) – археолог, историк. В ГАИМК/ИИМК с 1933 г. и. о. ученого секретаря Академии, с 1935 г. ученый секретарь Академии, с апреля по октябрь 1937 г. зав. РИЧ. После войны зам. начальника Центрального военно-морского архива. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды.

Специализация: история Санкт-Петербургской организации РСДРП и революционного движения на Балтийском флоте.

СЕЛИВАНОВА Наталия Борисовна (1945 г. рожд.) – петрограф. В ЛОИА с 1974 по 1988 г. в ЛАТ. Эмигрировала в США.

Специализация: петрографическое изучение состава каменных орудий, строительных растворов, керамики, рыхлых отложений пещер.

СЕМЁНОВ Владимир Анатольевич (1951 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик Т. Д. Белановской и А. М. Мандельштама. В ЛОИА/ИИМК с 1973 г. в штате Саяно-Тувинской хоздоговорной экспедиции, с 1992 г. в ОП, с 1993 г. в ОСАК/ОАЦАК. С 1992 г. проф. ФТИИ в СПб Государственном академическом институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

Специализация: неолит–железный век Центральной Азии, этногенез скифов, первобытное искусство, миграции в Центральной Азии.

СЕМЁНОВ Сергей Анатольевич (1961 г. рожд.) – археолог. Ученик Е. Н. Носова. В ИИМК с 2003 в ГАМ, с 2010 г. в ГОА/ООА.

Специализация: раннесредневековые памятники Северо-Западной Руси.

СЕМЁНОВ Сергей Аристархович (1898–1978) – археолог, д. и. н., проф. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1931 г. в аспирантуре, с 1934 г. в ИИДО, с 1937 по весну 1942 г. и с 1945 по 1951 г. в СПН, с весны 1942 по 1944 г. в эвакуации в Иваново, с 1951 г. в ЛАТ, с 1964 г. в СП. Создатель и первый зав. ЭТЛ, которой руководил с 1973 г. ЛГП СССР (1974).

Специализация: история орудий труда, первобытной техники и первобытных форм хозяйства.

СЕМЁНОВ-ЗУСЕР Семён Анатольевич (1887–1951) – историк, к. и. н. В ГАИМК с 1930 г. в САФ, возглавляя группу по транспорту в Северном Причерноморье, с 1932 по 1934 г. в САО. Доц. ЛГУ. С конца 1930-х гг. в ХГУ.

Специализация: скифские древности, торговые пути и транспортные средства в Северном Причерноморье в эллинистический период.

СЕМЕНЦОВ Анатолий Александрович (1937 г. рожд.) – радиоинженер, канд. физ.-мат. наук. В ЛОИА/ИИМК с 1961 по 1973 г. и с 2005 г. в ЛАТ.

Специализация: сверхмалая активность радиоуглерода для определения абсолютного возраста археологических объектов.

СЕРБИНА Ксения Николаевна (1903–1990) – историк, археограф, д. и. н. В ГАИМК с 1935 по 1937 г. в ИИФО. С 1937 г. в ИИ, с 1951 по 1981 г. в ЛОИИ. Репрессирована и освобождена в 1938 г. Жительница блокадного Ленинграда.

Специализация: крепостная мануфактура в России, социально-экономическая история русского города в XVI–XVIII вв., историческая география.

СЕРГЕЕВА (ВЛАДИМИРОВА) Тамара Анатольевна (1916–1975) – реставратор по металлу. В ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1937 по 1939 г. в САТ, с 1939 по 1941 г. в МКО, с 1955 г. в ЛКО.

СЕРГЕЕНКО Мария Ефимовна (1891–1987) – историк, филолог-классик, д. и. н., проф. Ученица М. И. Ростовцева и Ф. Ф. Зелинского. В ГАИМК/ИИМК с 1934 г. в ИИРО, с 1937 г. в СДП, в 1942 г. в САМ. С 1932 г. в Институте науки и техники АН СССР. Сотрудница ГПБ (1931–1934). Зав. кафедрой латинского языка в 1-м Медицинском институте (1942–1959), впоследствии в ЛОИИ (1945–1973). Жительница блокадного Ленинграда.

Специализация: античная история и культура, классическая филология.

СИДОРОВ Валентин Николаевич (1906–?) – лаборант. В ЛОИИМК с 1955 по 1957 г. в ФЛ. Участник Великой Отечественной войны.

СИДОРОВА Надежда Васильевна (1899–?) – курьер. В ЛОИИМК с 1948 по 1955 г.

СИНИЦЫН Андрей Александрович (1951 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик А. Н. Рогачёва. В ЛОИА/ИИМК с 1972 г. в ЛКО, с 1981 г. в СП/ОП. Член Комиссии по верхнему палеолиту Международного Союза доисторических и протоисторических наук.

Специализация: палеолит Костёнок и Русской равнины, вопросы хронологии древнекаменного века, происхождение верхнего палеолита, корреляция верхнепалеолитических культур Европы, классификация каменного инвентаря.

СИНИЦЫНА Галина Васильевна (1948 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица Н. Н. Гуриной. В ЛОИА/ИИМК с 1973 г. в аспирантуре, с 1977 г. в СП/ОП, с 1991 по 1997 г. ученый секретарь диссертационного совета ИИМК.

Специализация: неолит южной Сибири и Восточной Европы, финальный палеолит и мезолит европейской части России.

СИПОВСКИЙ Георгий Васильевич (1912–?) – химик, канд. техн. наук. В ЛОИА с 1972 по 1976 г., зав. ЛАТ. Впоследствии во Всесоюзном научно-исследовательском институте торфяной промышленности и в научно-исследовательском институте сланцев.

СКАКУН Наталья Николаевна (1947 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица С. А. Семёнова и Г. Ф. Коробковой. В ЛОИА/ИИМК с 1972 г. в ЛКО, с 1974 г. в ЭТЛ. Председатель Комиссии по трасологии Международного Союза доисторических и протоисторических наук.

Специализация: неолит и энеолит Юго-Восточной Европы; экспериментально-трасологическое и технико-технологическое изучение индустрий неолита–раннего бронзового века, реконструкция хозяйственно-производственных систем раннеземледельческих и скотоводческих обществ.

СКРЖИНСКАЯ Елена Чеславовна (1897–1981) – историк, филолог, д. и. н. Ученица О. М. Добиаш-Рожественской. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК с 1919 г. в РАИИРИВ, с 1929 по 1930 г. в РСКЕПА, с 1943 по 1946 г. в докторантуре, с 1946 по 1951 г. в СДР, с 1951 по 1953 г. в ГСЛРА. С 1953 по 1970 г. в ЛОИИ. Доц. ЛГУ (1936).

Специализация: история и археология средневекового Крыма, генуэзские торговые фактории, переводы древних и средневековых авторов.

СЛАВИН Лазарь Моисеевич (1906–1971) – археолог, д. и. н. Ученик Б. В. Фармаковского. В ГАИМК/ИИМК с 1929 г. в РГРИ, с 1930 по 1932 г. в САФ, с 1932 г. в САО, с 1934 по 1937 г. в ИИРО, с 1937 по 1938 г. в СДП, в 1938 г. член КПИИОП. Директор ИАУ (1938–1941, 1944–1946), зам. директора ИАУ (1946–1951), зав. сектором скифо-античной археологии ИАУ. Чл.-корр. АН УССР (1939), ученый секретарь Отделения общественных наук АН УССР (1939–1946). Зав. кафедрой археологии и музееведения Киевского государственного университета (1945–1970). ЛГП УССР (1977, посмертно).

Специализация: античная археология Северного Причерноморья, методика исследования античных памятников.

СМЕЛОВ Павел Александрович (1874–?) – художник-реставратор. В ГАИМК/ИИМК с 1935 по 1936 г. в ИИТ, с 1937 по 1939 г. в САТ и с 1939 по 1941 г. в РМ.

СМИРНОВ Алексей Петрович (1889–1930) – археолог, византист. В РАИМК/ГАИМК с 1919 по 1929 г. в РАИИРИВ. С 1924 г. доц. ЛГУ. Арестовывался органами ОГПУ в 1925 г. Репрессирован в 1929 г., умер в Соловецком лагере.

Специализация: византийско-русские связи на северо-восточном побережье Черного моря, восточное христианское искусство.

СМИРНОВ Иван Иванович (1909–1965) – историк, д. и. н., проф. Ученик Б. Д. Грекова. В ГАИМК с 1930 г. в аспирантуре, с 1934 по 1937 г. в ИИФО. С 1937 г. в ЛОИИ и в ЛГУ. ЛСП (1950).

Специализация: история русского крестьянства, аграрная история России.

СМИРНОВ Николай Юрьевич (1981 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик Э. Б. Вадецкой и Д. Г. Савинова. В ИИМК с 2003 г. в ОАЦАК.

Специализация: железный век Южной Сибири.

СМОЛЕНКОВ Степан Григорьевич (1890–?) – зав. хозяйственной частью. В ЛОИИМК с 1951 по 1959 г.

СНИТКИНА Валентина Александровна (1920–1943) – реставратор. В ИИМК с 1937 г. в ФА, с 1939 по 1941 г. в РМ. Погибла в Великую Отечественную войну.

СОКОЛОВ Александр Михайлович (1947 г. рожд.) – инженер. В ЛОИА с 1980 по 1986 г. зам. зав. ЛОИА по общим вопросам.

СОКОЛОВ Кирилл Александрович (1930–1991) – юрист. В ЛОИА с 1973 по 1991 г. зам. начальника Саяно-Тувинской хоздоговорной экспедиции по административно-хозяйственной части.

СОКОЛОВА (ШАМШЕВА) Людмила Анатольевна (1957 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица Е. В. Шнадштейн и В. П. Шилова. В ЛОИА/ИИМК с 1986 г. инспектор отдела кадров, с 1988 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 1995 г. в ОСАК/ОАЦАК.

Специализация: неолит–бронзовый век Сибири, древнее искусство Евразии.

СОЛОВЬЁВ Сергей Львович (1956 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик К. К. Марченко. В ЛОИА/ИИМК с 1979 по 1982 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 2010 г. в ГОА/ООА.

Специализация: античная археология Северного Причерноморья и Малой Азии.

СОЛОВЬЁВА (ПОКРОВСКАЯ) Наталья Федоровна (1956 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица А. И. Мартынова и В. М. Массона. В ЛОИА/ИИМК с 1981 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 1984 г. в ЛАТ, с 1988 г. в ЛКО, с 1995 г. в ОСАК/ОАЦАК, с 2010 г. руководитель/зав. ГОА/ООА и (с 2013 г.) зам. директора по организационным вопросам. Лауреат премии молодых ученых Отделения истории РАН (1995).

Специализация: энеолит Центральной Азии, археология Санкт-Петербурга и его пригородов, сохранение объектов культурного (археологического) наследия.

СОРОКИН Всеволод Сергеевич (1911–1979) – археолог, к. и. н. Ученик Б. Б. Пиотровского. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1949 г. в СЕСЦА, с 1951 г. в ЛКО, с 1955 г. в СЕСАК, с 1962 по 1976 г. ученый секретарь ЛОИА. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды.

Специализация: железный век Кавказа, бронзовый век Казахстана.

СОРОКИН Пётр Егорович (1962 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик А. Н. Кирпичникова. В ИИМК с 1996 г. в ОСФА.

Специализация: морская археология Северо-Западного региона, археология Санкт-Петербурга и его пригородов.

СОРОКИН Сергей Сергеевич (1913–1984) – археолог, к. и. н. В ЛОИИМК с 1949 по 1951 г. в СЕСЦА. С 1953 г. в ОИПК ГЭ, с 1965 по 1967 г. ученый секретарь ГЭ. Член ВГО (1959). Участник Великой Отечественной войны. Был в немецком плену.

Специализация: железный век Центральной Азии и Саяно-Алтая.

СОСНОВСКИЙ Георгий Петрович (1899–1941) – археолог, к. и. н. Ученик Н. К. Ауэрбаха. В ГАИМК/ИИМК с 1927 по 1930 г. в СГК, с 1930 г. в САРФ, с 1932 по 1934 г. в СДО, с 1934 по 1937 г. в ИИДО, с 1937 по 1941 г. в СБРЖ. Член советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода Европы (зам. председателя секции ископаемого человека). Умер при эвакуации из блокадного Ленинграда.

Специализация: палеолит, бронзовый и железный века Сибири.

СОТНИКОВА Ольга Александровна (1987 г. рожд.) – ведущий бухгалтер. В ИИМК с 2012 г.

СПЕГАЛЬСКИЙ Юрий Павлович (1909–1969) – архитектор-реставратор, канд. архитектуры. Ученик М. К. Каргера. В ЛОИА с 1959 по 1967 г. в ГСЛРА.

Специализация: архитектура Пскова, история жилища Северной Руси.

СПИЦЫН Александр Андреевич (1858–1931) – археолог, проф. В РАИМК/ГАИМК с 1919 по 1930 г. зав. РАР. С 1927 г. чл.-корр. АН СССР. Сотрудник ИАК (1892), член ИРАО. Выявил и дал первичную характеристику всем основным типам археологических памятников и культур бронзового, железного веков и раннего средневековья Восточной Европы.

Специализация: древности России бронзового и железного веков, а также эпохи средневековья.

СТАМБУЛЬНИК Эльвира Устиновна (1945 г. рожд.) – археолог. Ученица А. М. Мандельштама. В ЛОИА/ИИМК с 1965 по 1979 г. и с 1982 по 1989 г. в штате Саяно-Тувинской хоздоговорной экспедиции, с 1979 по 1982 г. в аспирантуре, с 1989 по 1993 г. в ОСАК.

Специализация: железный век Тувы.

СТАНКЕВИЧ Ядвига Вацлавна (1909–1959) – археолог, к. и. н. Ученица В. И. Равдоникаса. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК с 1934 г. в аспирантуре, с 1938 г. в СФР, с 1939 по 1941 г. в СДРВЕДФП, с 1944 г. в аспирантуре, с 1946 г. в СДР, с 1951 г. в ГСЛРА.

Специализация: археологические памятники I–начала II тыс. н. э. в верховьях Западной Двины и Ярославского Поволжья.

СТАЦЕВИЧ София Игнатьевна (1896–?) – педагог. В ГАИМК/ИИМК с 1934 г. на должности машинистки-делопроизводителя. Погибла в блокадном Ленинграде.

СТЕБЛИН-КАМЕНСКАЯ Ольга Никитична (1949 г. рожд.) – художник. В ЛОИА/ИИМК с 1974 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 1994 по 1997 г. в ОСАК.

СТЁГАНЦЕВА (ЗЕЛЬДИНА) Вероника Яковлевна (1950 г. рожд.) – археолог. Ученица В. С. Бочкарёва, С. Н. Братченко, И. С. Каменецкого, Л. С. Клейна. В ЛОИА/ИИМК с 1981 г. в ЛКО, с 1992 г. в ОСАК/ОАЦАК.

Специализация: бронзовый век степной зоны Восточной Европы.

СТЕПАНОВА Ксения Николаевна (1987 г. рожд.) – археолог. Ученица С. А. Васильева и А. А. Сеницына. В ИИМК с 2011 г. в аспирантуре.

Специализация: верхний палеолит Русской равнины.

СТЕПАНОВА Раиса Васильевна (1907–?) – фотограф. В ГАИМК с 1934 по 1935 г. зав. ФЛ.

СТОЛБА Владимир Федорович (1964 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик А. Н. Щеглова. В ЛОИА/ИИМК с 1986 по 2011 г. в ГАА/ОИАК. С 2011 г. в университете г. Орхус (Дания).

Специализация: античная нумизматика и эпиграфика, археология Северного Причерноморья.

СТОЛЯР Абрам Давыдович (1921 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученик М. И. Артамонова. В ИИМК в ноябре–декабре 1939 г. Сотрудник ГЭ (1956–1964). С 1964 г. в ЛГУ/СПбГУ, доц. (1964), проф. (1974), зав. кафедрой археологии ЛГУ (1972–1995). Заслуженный работник высшей школы РФ. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

Специализация: неолит, энеолит и бронзовый век Кавказа и степной зоны Восточной Европы, происхождение искусства.

СТОЯНОВ Роман Владимирович (1976 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик Е. Я. Рогова. В ИИМК с 2004 г. в ОИАК.

Специализация: античная археология Северного Причерноморья, некрополи античных городов, Херсонес Таврический.

СТРУВЕ Василий Васильевич (1889–1965) – историк-востоковед, д. и. н. Ученик Б. А. Тураева, П. К. Коковцева, М. И. Ростовцева и А. Эрмана (Германия). В РАИМК/ГАИМК с 1920 по 1929 г. в Постоянной Комиссии по изучению Древнего Востока, с 1932 по 1934 г. в САО, с 1934 по 1937 г. в ИИРО, возглавляя кафедру Истории древнего и эллинистического Востока. Академик АН СССР (1935), директор ИЭ (1937–1940), директор ИВ (1941–1950), сотрудник ЛОИИ (1951–1959), зав. Отделом Древнего Востока ЛОИВ (1959–1965). Зав. Египетским отделом ГЭ (1918–1933). С 1920 г. проф. ПГУ/ЛГУ, зав. кафедрой истории стран Древнего Востока ЛГУ (1952–1965). Член ИППО, ИРАО, Комитета международной ассоциации египтологов (1947), почетный член Пражской Академии наук, чл.-корр. ГАИ. ЗДН Узбекской ССР (1943). Награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени (1959).

Специализация: история, археология и искусство Древнего Востока и античного Северного Причерноморья.

СУББОТИН Андрей Викторович (1950 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик Л. С. Клейна и Д. Г. Савинова. В ЛОИА/ИИМК с 1974 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 1991 по 2000 г. и с 2011 г. в ОСАК/ОАЦАК, с 2001 по 2011 г. руководитель ГАМ.

Специализация: железный век Южной Сибири, охрана памятников истории и культуры, археологический мониторинг.

СУХОВ Петр Алексеевич (1893–1942). В ИИМК с 1938 г. секретарь КПИИОП. Погиб в блокадном Ленинграде.

СУЩЁВА Нина Сергеевна (1924–?) – зав. канцелярией, референт, старший инспектор по кадрам (начальник отдела кадров). В ЛОИИМК/ЛОИА с 1959 по 1980 г. Участница Великой Отечественной войны.

СЫЧЁВ Николай Петрович (1883–1964) – историк искусства, реставратор, художник. Ученик Н. П. Кондакова и Н. П. Лихачёва. В РАИМК/ГАИМК с 1919 г. руководитель РДРИИСН и РРЖ, председатель III Художественно-исторического отделения, с 1930 г. в СФФ, с 1932 по 1933 г. в СФО, с 1919 по 1924 г. зав. ФА, с 1919 по 1920 г. председатель ИАТ, с 1943 по 1945 г. в ИИМК (Москва). Сотрудник (1921–1926), а затем и директор ГРМ.

Проф. ИСПБУ/ИПУ/ЛГУ/ЛГУ (1910–1930), проф. Петроградских государственных художественно-учебных мастерских/Высшего художественно-технического института/Института пролетарского изобразительного искусства/ЛИЖСА (1918–1933). С 1945 по 1954 г. в проектно-реставрационных мастерских Владимира, с 1954 г. в проектно-реставрационных мастерских Москвы. Член ИРАО, ИППО, Общества художников (1921), Арестовывался органами ОГПУ в 1930 г., репрессирован в 1933 г., освобожден в 1942 г., реабилитирован в 1956 г.

Специализация: древнерусская монументальная живопись.

ТАРАСОВ Лев Михайлович (1925–2010) – археолог, д. и. н. Ученик А. Н. Рогачёва. В ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК с 1956 по 2005 г. в СП/ОП. Участник Великой Отечественной войны.

Специализация: палеолит Русской равнины и Крыма.

ТЕПЛОУХОВ Сергей Александрович (1888–1934) – археолог, антрополог, этнограф. Ученик Б. Ф. Адлера и Ф. К. Волкова. В РАИМК/ГАИМК с 1922 по 1933 г. В эти же годы зав. Сибирским отделением ЭО ГРМ. Репрессирован в 1933 г. Реабилитирован в 1958 г.

Специализация: бронзовый и железный века Южной Сибири.

ТЕРЕНТЬЕВА Мария Степановна (1899–?) – помощник бухгалтера. В ГАИМК с 1934 по 1937 г.

ТИМОФЕЕВ Анатолий Георгиевич (1909–?) – геолог. В ИИМК с 1937 по 1939 г. в САТ.

ТИМОФЕЕВ Владимир Иванович (1947–2004) – археолог, к. и. н. Ученик Т. Д. Белановской и Н. Н. Гуриной. В ЛОИА/ИИМК с 1968 г. в ЛКО, с 1974 по 1997 г. и в 2004 г. в СП/ОП, с 1997 по 2003 г. зав. ОП, руководил неолитической группой ОП. Трагически погиб.

Специализация: мезолит–неолит бассейна Балтийского моря, древности Средней Азии и Вьетнама.

ТИМОФЕЕВ Дмитрий Дмитриевич (1902–?) – экономист. В ГАИМК/ИИМК с апреля 1937 по февраль 1939 г., ученый секретарь Академии/ИИМК по ноябрь 1938 г.

ТИМОФЕЕВ Николай Леонидович (1921–?) – зам. зав. ЛОИИМК/ЛОИА по общим вопросам. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1956 по 1977 г. Участник Великой Отечественной войны.

ТИХАНОВА-КЛИМЕНКО Мария Александровна (1898–1981) – археолог, к. и. н. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1920 по 1930 г. в РАИИРИВ и Крымском комитете, с декабря 1933 г. в СФО, с 1934 г. в ИИФО, с 1937 г. в СВЕДП, с 1939 по 1941 г. в СДРВЕДФП, с августа 1941 по март 1946 г. руководитель СДРВЕ, в 1942 г. исполняла также обязанности ученого секретаря ИИМК, с осени 1942 по 1944 г. в ТГИИМК, с 1946 г. в СДР, с 1951 по 1965 г. в ГСЛРА.

Специализация: средневековый Крым, Запад и Киевская Русь в IX–XI вв., археологические культуры первой половины I тыс. н. э. в восточноевропейской лесостепи.

ТИХОНОВ Николай Петрович (1882–1942) – фотограф. В ГАИМК с 1927 по 1931 г. зав. фотоаналитической секцией ИАТ, с 1932 по январь 1934 г., директор ИИТ, с 1934 по 1936 г. зав. кафедрой реставрации и консервации ИИТ, в 1935 г. зав. кафедрой исторической технологии ИИТ. Чл.-корр. Государственной Академии художественных наук в Москве (1928), проф., зав. лабораторией консервации и реставрации АН СССР (1934). Погиб в блокадном Ленинграде.

Специализация: фотоанализ, разработка научных методов консервации и реставрации.

ТИХОНОВ Сергей Павлович (1880–1942) – счетовод-кассир. В ГАИМК/ИИМК с 1934 г. Погиб в блокадном Ленинграде.

ТКАЧ Евгения Сергеевна (1990 г. рожд.) – археолог. Ученица А. Н. Мазуркевича. В ИИМК с 2012 г. в ОП.

Специализация: культуры шнуровой керамики Северо-Запада России.

ТОКАРСКИЙ Николай Михайлович (1892–1977) – инженер-строитель, художник. В РАИМК/ГАИМК с 1921 по 1930 г. в РАИАГ, в 1931 г. в СФФ, в 1938 г. в Секторе средневекового Кавказа, Передней Азии и Причерноморья, в 1939 г. в СК. С 1935 по 1941 г. в ГЭ. С 1941 г. зам. председателя Комитета по охране исторических памятников Армении, в 1946 г. в ИИ АН Армянской ССР, зав. музеем ЛИЖСА (1947–1957).

Специализация: христианское зодчество Армении и Грузии, регистрация и обмеры церквей в Закавказье.

ТОЛСТОЙ Иван Иванович (1880–1954) – филолог-классик, д-р филол. наук. В РАИМК с 1920 по 1921 г. в ПКИЮР. Чл.-корр. (1939), академик (1946) АН СССР. С 1903 по 1909 г. Хранитель Музея древностей при ИСПБУ (1903–1909), проф. ПГУ/ЛГУ (1918). Арестовывался органами ОГПУ в 1928 и 1931 г.

Специализация: классическая филология, переводы древних авторов, история и археология Северного Причерноморья, культы греческих богов в Ольвии и на Боспоре.

ТОМЕС Тамара Борисовна (1915–1975) – архивист. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1936 по 1940 г. и с 1949 г. в ФА, с 1956 по 1975 г. зав. ФА.

ТОМСИНСКИЙ Семён Григорьевич (1896–1936) – историк, археограф, д. и. н., проф. В ГАИМК с 1934 по 1935 г. зам. председателя Академии по научной части, вр. и. о. директора ИИФО. Чл.-корр. (1933) АН СССР (исключен из Академии в 1938 г., восстановлен в 1967 г.). С 1929 г. зам. председателя Археографической комиссии, директор Историко-археологического института (1933–1935), зав. кафедрой истории СССР ЛГУ (1934–1935). Зам. председателя Казахстанского филиала АН СССР (1935). Репрессирован в 1936 г. Реабилитирован посмертно.

Специализация: история крестьянских движений в России.

ТРЕВЕР Ильза Васильевна (1891–1955) – искусствовед. В РАИМК с 1919 по 1924 г. в РАДВ, член ПКИЮР, зав. картографическим складом Комиссии по изучению естественных производительных сил России, впоследствии известная поэтесса.

Специализация: систематизация ольвийских бус.

ТРЕВЕР Камилла Васильевна (1892–1974) – историк, археолог, искусствовед, д. и. н. Ученица Ф. Ф. Зелинского, М. И. Ростовцева, Б. В. Фармаковского. В РАИМК/ГАИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1919 г. в РАДВ, а также в РСИС, с 1929 г. в РСККИ, с 1930 г. в СФФ, возглавляя группу феодального хозяйства Кавказа и Ирана III–IX вв., с 1932 г. в СФО, с 1934 по 1937 г. в ИИФО, в 1944 г. в ИИМК (Москва), с 1945 г. в СЕСЦА, с 1951 по 1970 г. в СЕСАК, с 1970 по 1973 г. научный консультант. С 1941 по 1943 г. в ИИ Узбекского филиала АН СССР, с 1943 по 1944 г. в Армянском филиале АН СССР, с 1943 г. чл.-корр. АН СССР. С 1919 г. сотрудник ГЭ. Доц. (1926), проф. (1939) ЛГУ. ЗДН Узбекской ССР (1943). Награждена орденами Знак Почета (1945), Ленина (1956) и иранским орденом «За научные заслуги» (1935).

Специализация: классическая филология, античное и раннесредневековое искусство Центральной Азии, Закавказья и Ближнего Востока.

ТРЕВЕР Нина Васильевна (1898–?) – искусствовед. В РАИМК с 1919 по 1924 г. в РСИС. Специализация: систематизация античных древностей, найденных в южнорусских курганах.

ТРЕТЬЯКОВ Виктор Петрович (1940–1985) – археолог, к. и. н. Ученик Т. Д. Белановской. В ЛОИА с 1963 г. в аспирантуре, с 1966 г. в СП. Специализация: неолит и бронзовый век Восточной Европы.

ТРЕТЬЯКОВ Пётр Николаевич (1909–1976) – археолог, д. и. н. Ученик В. И. Смирнова и П. П. Ефименко. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1927 г. в РЭ, в 1929 г. в Разряде до-русских культур, с 1930 г. в САРФ, с 1932 г. в СДО, с 1934 г. в ИИДО, с 1937 г. в СВЕДП, с 1939 по 1941 г. СДРВЕДФП, с 1940 по 1941 г. и с ноября 1945 по март 1946 г. зам. директора ИИМК по научной части, с марта по декабрь 1946 г. зав. ЛОИИМК, с 1959 г. в ГСЛРА/СЕСФА. С 1947 г. в Отделе науки ЦК КПСС, проф. Академии общественных наук при ЦК КПСС, главный редактор журнала «Вопросы истории» (1950–1953), директор ИС (1951–1959), зам. академика-секретаря Отделения истории и философии АН СССР (1954–1959), чл.-корр. АН СССР (1958). ЛСП (1952). Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Красной Звезды (1945), Ленина (1953) и двумя орденами Трудового Красного Знамени (1969, 1975).

Специализация: первобытные культуры Восточной Европы от мезолита до средневековья, славянский этногенез, племена финно-угров и балтов в I тыс. н. э. в Восточной Европе, курганные древности летописных племен.

ТРИФОНОВ Виктор Анатольевич (1955 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик В. С. Бочкарёва. В ЛОИА/ИИМК с 1980 г. в аспирантуре, с 1983 г. в СЕСАК/ОСАК/ОАЦАК. Чл.-корр. ГАИ (2007). В 2003 г. получил приз Европейской Археологической ассоциации «Европейское Археологическое наследие».

Специализация: бронзовый век Кавказа и степной зоны Восточной Европы.

ТРИФОНОВ Юрий Иванович (1940–1989) – археолог. Ученик А. Д. Грача. В ЛОИА в штате Саяно-Тувинской хоздоговорной экспедиции с 1965 г., с 1974 по 1975 г. в СЕСАК.

Специализация: раннесредневековая археология Центральной Азии.

ТРОШКИНА Тамара Евгеньевна (1926–?) – художник. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1957 по 1982 г. в ЛКО.

ТУРАЕВ Борис Александрович (1868–1920) – историк-востоковед, египтолог. Ученик О. Э. фон Лемма, А. Эрмана и Г. Масперо. В РАИМК с 1919 г. руководитель РАДВ. Академик РАН (1918). Доц. (1896) и проф. (1911) ИСПБУ/ИПУ/ПГУ. Член ВПС РПЦ (1917–1918). Член ИППО. Основоположник отечественной египтологии.

Специализация: история, археология и искусство Древнего Востока.

ТЮЛЕНЕВ Вячеслав Альбертович (1947–1996) – археолог, к. и. н. Ученик А. Н. Кирпичникова. В ЛОИА/ИИМК с 1980 по 1996 г. в СЕСФА/ОСФА.

Специализация: история и археология средневекового Выборга, подводная археология.

ТЮМЕНЕВ Александр Ильич (1880–1959) – историк, д. и. н. В ГАИМК/ИИМК с 1930 г. в САФ, с 1932 г. в САО, с 1934 г. в ИИРО, возглавляя кафедру Истории Древней Греции.

С 1938 г. в ЛОИИ. Академик АН СССР (1932). Проф. ПГУ/ЛГУ, ответственный редактор «Большой Советской Энциклопедии». Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Специализация: методология исторического познания, экономическая, социальная и политическая история Древней Греции, история Херсонеса Таврического, история Шумера.

ТЮРИНА Людмила Владимировна (1962 г. рожд.) – экономист. В ЛОИА/ИИМК с 1983 по 2005 г., с 1998 по 2005 г. главный бухгалтер.

УДАЛЕНКОВ Александр Петрович (1887–1975) – архитектор, реставратор, проф. В РАИМК/ГАИМК с 1919 по 1929 г., председатель КУОПП и зав. РМ, с 1932 г. архитектор при Академии, с 1936 по 1937 г. в ИИТ. Проф. Ленинградского Института инженеров железнодорожного транспорта (1935–1949). Сотрудник ИАК (1913–1917). С 1935 г. член Комиссии Ленсовета по реконструкции Ленинграда, руководитель работ по восстановлению церкви Новгорода (1945–1948), с 1949 г. сотрудник Государственной инспекции по охране памятников, руководитель архитектурной мастерской. Репрессирован в 1949 г., освобожден в 1956 г.

Специализация: архитектурные памятники городища Ани в Закавказье, памятники среднеазиатского зодчества XIV в., охрана памятников Северо-Западной Руси, реставрация архитектурных памятников средневековых русских городов и монастырей.

УСОВА (ВАРГУНОВА) Марианна Евгеньевна (1967 г. рожд.) – лаборант. В ЛОИА с 1984 г. в ФЛ, с 1985 по 1988 г. в ЛКО.

УСПЕНСКАЯ Надежда Эрастовна (1862–1942) – научно-технический сотрудник. В РАИМК/ГАИМК с 1919 г. в ФА, с 1920 по 1930 г. хранитель склада древностей. Погибла в блокадном Ленинграде.

УСТИНОВА Юлия Борисовна (1962 г. рожд.) – историк, к. и. н. Ученица Ю. В. Андреева. В ЛОИА с 1988 по 1990 г. в ГАА. В 1990 г. эмигрировала в Израиль.

Специализация: религия античных государств Северного Причерноморья, частные культовые сообщества в Греции и Причерноморье в VI–I вв. до н. э.

ФАН-ДЕР-ФЛИТ-БРИММЕР Наталия Константиновна (1901–1998) – архитектор, художник. Ученица С. Д. Руднева, И. И. Толстого, Н. А. Энман. В РАИМК с 1919 по 1921 г. в РАДВ. Член СХ СССР.

Специализация: античное искусство и культура, подготовка к изданию бронзовых изделий из Ольвии.

ФАРМАКОВСКИЙ Борис Владимирович (1870–1928) – археолог, историк искусства. В РАИМК/ГАИМК с 1919 г. зав. РГРИ, с 1923 г. зав. РСИС и сопредседатель ЭК, с 1920 г. товарищ председателя РАИМК, с 1921 г. ученый секретарь РАИМК. С 1898 по 1900 г. ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе. Чл.-корр. ИСПб АН (1914), РАН (1917), АН СССР (1925). С 1924 г. хранитель ГЭ. Проф. ПГУ/ЛГУ (1919), проф. ЛПедИ. Член ИАК (1901–1918), ИРАО, ИППО, ИМАО.

Специализация: античная археология и история Северного Причерноморья, античная художественная керамика, история древнего искусства, городище Ольвия, античные древности из скифских царских курганов.

ФАРМАКОВСКИЙ Мстислав Владимирович (1873–1946) – археолог, д. и. н., живописец-реставратор. Ученик Э. Ф. Штерна и академика Ф. И. Успенского. В РАИМК/ГАИМК/

ИИМК/ЛОИИМК с 1919 г. в ИАТ, зав. Разрядом керамики и стекла, с 1929 по 1931 г. зав. II (Техническим) отделением Академии, с июня 1934 г. в ИИТ, с декабря 1934 г. зав. кафедрой реставрации и консервации ИИТ, с февраля 1936 г. вр. и. о. зав. ИИТ, с 1937 по 1938 г. в САТ, с 1944 г. зав. Химической лаборатории. Сотрудник Сектора общей истории Ярославского краеведческого музея (1931–1934). Доц. ЛГУ (1924). Член ООИД (1896), ИАК (1913). С 1931 по 1934 г. находился в административной ссылке в г. Ярославль. Житель блокадного Ленинграда.

Специализация: изучение древних технологий, реставрация и консервация тканей, керамики, методика реставрации музейных экспонатов.

ФАСМЕР Ричард Ричардович (1888–1938) – арабист, нумизмат. Ученик Г. Б. фон Штумме (Германия) и В. В. Бартольда. В ГАИМК с 1919 по 1930 г. в ПКНГ. Сотрудник ГЭ (1910–1934). Член ИРАО, ОАИЭ при КГУ (1927), чл.-корр. Шведской Академии в Стокгольме (1929). Репрессирован в 1934 г., умер в лагере, реабилитирован в 1956 г.

Специализация: восточная нумизматика.

ФЁДОРОВ Иван Андреевич (1909–?) – зав. складом. В ГАИМК с 1935 по 1937 г. Пропал без вести в Великую Отечественную войну в мае 1943 г.

ФЕЛЬДМАН Ольга Николаевна (1913–?) – фотограф. В ГАИМК/ИИМК с 1936 по 1939 г. в ФЛ.

ФЕРСМАН Александр Евгеньевич (1883–1945) – геолог, геохимик, минералог, проф. Ученик В. И. Вернадского и В. М. Гольдшмита (Германия). В РАИМК с 1919 по 1929 г., директор ИАТ, зав. Разрядом камня. Академик РАН/АН СССР (1919), вице-президент АН СССР (1926–1929), директор Минералогического музея РАН/АН СССР (1917–1945). Член Императорского Минералогического общества/Российского минералогического общества, член ИППО. ЛСП (1942). Председатель Комиссии по изысканию новых месторождений урана в СССР (1941–1945). Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1943 г.)

Специализация: история использования драгоценных камней в Древней Руси.

ФИЛИПЕНКО Роман Викторович (1974 г. рожд.) – археолог. Ученик А. В. Кияшко. В ИИМК с 2010 г. в ГОА/ООА.

Специализация: ранний железный век Нижнего Поволжья.

ФИЛИПОВ Анатолий Кузьмич (1929–2009) – археолог, искусствовед, художник, картограф, д. и. н. Ученик С. А. Семёнова. В ЛОИА/ИИМК с 1962 г. в ЛКО, с 1972 по 1973 г. в СП, с 1973 по 1979 г. и с 1985 по 2003 г. в ЭТЛ, с 2003 по август 2007 г. ведущий научный сотрудник-консультант, с 1979 по 1985 г. ученый секретарь ЛОИА, с 1979 по 1987 г. ученый секретарь диссертационного совета ЛОИА. Житель блокадного Ленинграда.

Специализация: технология обработки камня, кости и рога в палеолите, палеолитическое искусство.

ФИЛОСОФОВ Марк Дмитриевич (1892–1938) – искусствовед. В ГАИМК с 1933 по 1935 г. Ученый секретарь Отдела Востока ГЭ. Арестовывался органами ВЧК в 1919 г. и органами ОГПУ в 1933 г. В 1935 г. выслан в Куйбышев, где работал в Краеведческом музее. Репрессирован в 1937 г.

Специализация: русское искусство.

ФЛЕЙШМАН Давид Григорьевич (1928 г. рожд.) – инженер-физик. В ЛОИИМК с 1955 по 1957 г. в ЛАТ. С 1957 г. в Институте эволюционной физиологии им. И. М. Сеченова АН СССР.

Специализация: разработка специальной аппаратуры для сцинтилляционного счета радиоуглерода, создание схемы для автоматической записи импульсов при счете малых активностей.

ФОНЯКОВ Дмитрий Ильич (1957 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик П. А. Раппопорта. В ЛОИА/ИИМК с 1980 по 2001 г. в СЕСФА/ОСФА.

Специализация: древнерусский город Торопец.

ФРИДЛЯНДЕР Пётр Наумович (1876–?) – агент по снабжению, курьер. В ГАИМК с 1934 по 1937 г.

ФУРАСЬЕВ Алексей Геннадьевич (1971 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик А. М. Микляева и М. Б. Щукина. В ИИМК с 2010 г. в ГОА/ООА.

Специализация: ранний железный век Восточной Европы.

ХВОЩИНСКАЯ Наталия Вадимовна (1951 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученица П. Н. Третьякова. В ЛОИА/ИИМК с 1971 г. в ЛКО, с 1974 г. в аспирантуре, с 1977 г. в СЕСФА/ОСФА, с 1992 г. ответственный секретарь/зам. ответственного/главного редактора ежегодника ИИМК «Археологические вести».

Специализация: археологические памятники финно-угорского и славянского населения Новгородской земли второй половины I–начала II тыс. н. э.

ХЛОБЫСТИН Леонид Павлович (1931–1988) – археолог, д. и. н. Ученик А. П. Окладникова. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1958 г. в аспирантуре, с 1961 г. в ОП, с 1982 г. зам. зав. ЛОИА по научной работе, руководил неолитической группой ОП.

Специализация: культуры Севера Евразии, древности Южного Урала и Сибири.

ХЛОБЫСТИН Павел Леонидович (1967 г. рожд.) – лаборант. В ЛОИА/ИИМК с 1985 по 1992 г. в ФА.

ХЛОБЫСТИНА Марьяна Дмитриевна (1931–после 2005 г.) – археолог, к. и. н. Аспирантка М. П. Грязнова. В ЛОИА/ИИМК с 1974 по 1996 г. в СЕСАК/ОСАК.

Специализация: энеолит и бронзовый век степной зоны Евразии, погребальные обряды населения Евразии в эпоху первобытности.

ХЛОПИН Игорь Николаевич (1930–1994) – археолог, д. и. н. Ученик Б. Б. Пиотровского. В ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК с 1955 г. в аспирантуре, с 1958 г. в СЕСАК/ОСАК. Чл.-корр. ГАИ (1984).

Специализация: археология энеолита и бронзового века Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, историческая география Центральной Азии античного и раннесредневекового времени, археология средневековой Руси.

ХЛОПИНА Людмила Ивановна (1931 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Научный руководитель В. М. Массон. В ЛОИА с 1966 г. в ЛКО, с 1982 по 1987 г. в СЕСАК/ОСАК.

Специализация: поздний бронзовый век Южного Туркменистана.

ХРАМОВА Валентина Васильевна (1900–после 1960) – этнограф. В ГАИМК с 1932 г. помощник секретаря в издательстве Академии, с сентября 1933 г. в КРН, с 1934 г. в СПИ, в 1935 г. в ИИДО. С 1935 г. в ИААЭ.

Специализация: этнография карелов.

ХУДЯК Марк Матвеевич (1899–1959) – историк-музеевед. В ГАИМК/ИИМК с 1930 г. в штате Березанской экспедиции, с 1933 г. в КРН, с 1934 г. в СПИ, с 1935 г. в ИИТ, с 1936 по 1937 г. в ИИРО. С 1938 г. в ГЭ.

Специализация: античная археология Северного Причерноморья.

ХУДЯКОВ Михаил Георгиевич (1894–1936) – историк, археолог, д. и. н. Ученик П. П. Ефименко. В ГАИМК с 1926 по 1929 г. аспирант, с 1931 г. в САРФ, с 1932 г. в СДО, с 1933 г. в СФО, с 1934 г. в ИИДО. С 1929 по 1933 г. ученый секретарь Комиссии по изучению состава населения СССР при АН СССР. В 1925 г. сотрудник ГПБ. С 1931 г. доц. ЛГИЛИ/ЛИФЛИ. Репрессирован в 1936 г., реабилитирован в 1957 г.

Специализация: железный век и эпоха средневековья Поволжья, история археологии.

ЦВИБАК Михаил Миронович (1899–1938) – историк, проф. Ученик С. В. Рождественского. В ГАИМК с 1930 г. зав. СФФ, с 1932 г. зав. СФО, с 1934 по январь 1935 г. зав. ИИФО. Зам. директора Самаркандского краеведческого музея (1935–1937). Доц. ЛГУ (1925), зав. кафедрами истории народов СССР и истории СССР эпохи капитализма и пролетарских революций в ЛГИЛИ (1932–1934). Репрессирован в 1937 г. Реабилитирован в 1957 г.

Специализация: история хозяйства России в средние века и в новое время, генезис феодализма на Руси, история Средней Азии в новое время.

ЦВИБАК Анастасия Львовна (1898–?) – бухгалтер-кассир. В ИИМК/ЛОИИМК с 1942 по 1945 г., с осени 1942 г. в ЕГИИМК.

ЧАЙКИНА Валентина Павловна (1928–2012) – бухгалтер. В ЛОИА/ИИМК с 1966 г. старший бухгалтер (на правах главного), с 1992 по 1998 г. главный бухгалтер, с 1998 по 2000 г. ведущий бухгалтер.

ЧАЙКИНА Людмила Геннадиевна (1963 г. рожд.) – археолог. В ЛОИА/ИИМК с 1979 по 2007 г. в ЭТЛ.

Специализация: неолит и энеолит лесной зоны европейской части России.

ЧАЙХОРСКАЯ (РОМАНОВА) Евгения Наумовна (1925–2012) – радиохимик. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1955 по 1983 г. в ЛАТ. Эмигрировала в США.

Специализация: датирование археологических объектов радиоуглеродным методом, изучение различных носителей радиоуглерода, освоение синтеза бензола.

ЧЕРНИК Ольга Юрьевна (1987 г. рожд.) – менеджер-экономист. В ИИМК РАН с 2010 г. в ГОА/ООА.

ЧЕРНИКОВ Сергей Сергеевич (1909–1976) – археолог, д. и. н. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИА с 1935 г. в ИИТ, с 1937 по 1939 г. в САТ, с 1939 по 1940 г. и с 1946 г. в СБРЖ, в 1941 г. в СЕЦА, с 1951 г. в СЕСАК. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Отечественной войны II степени (1945) и Красной Звезды (1944, дважды).

Специализация: бронзовый и железный века Казахстана, история горного дела и древней металлургии.

ЧЕРНОВ Николай Александрович (1906–?) – реставратор по металлу. В ГАИМК с 1932 по 1933 г. в ИИТ.

ЧЕРНЯГИН Николай Николаевич (1906–1942) – археолог. Ученик П. П. Ефименко. В ГАИМК/ИИМК с 1926 по 1941 г. в РЭ, с 1930 г. в САРФ, с 1932 г. в СДО, с октября этого же года в КРН, с февраля 1934 г. в СПИ, с ноября 1934 г. в аспирантуре при ИИТ, с марта 1935 г. в ИИТ, с 1937 г. в САТ, с 1939 по 1941 г. в СДРВЕДФП. Погиб в Великую Отечественную войну.

Специализация: средневековая археология Пскова и Псковской земли, систематизация погребальных памятников Северо-Запада России, реставрация и консервация оружия и живописи.

ЧИРВА Александра Юрьевна (1957 г. рожд.) – филолог-классик. В ЛОИА с 1985 по 1987 г. в ККИХТ при НСИМК АН СССР.

ЧИСТЯКОВ Дмитрий Аркадьевич (1957–1986) – археолог, к. и. н. Ученик В. П. Любина. В ЛОИА с 1978 г. в штате Сибирской хоздоговорной экспедиции, с 1982 г. аспирантуре, с 1986 г. в ОП. Трагически погиб.

Специализация: мустьерские пещерные стоянки Северо-Западного Кавказа.

ЧИСТЯКОВ Иван Фёдорович (1865–1935) – фотограф. В РАИМК/ГАИМК с 1919 г. в ФЛ при ИИТ, с 1934 г. работал по договорам. Фотограф ИАК (1896–1917), сторож РГАК (1917–1919).

ЧУКОВА Татьяна Александровна (1954–2005) – археолог, к. и. н. Ученица П. А. Раппопорта. В ЛОИА/ИИМК с 1988 по 2005 г. в ОСФА.

Специализация: архитектурные элементы интерьера в древнерусском храмовом зодчестве домонгольского периода, иконография христианских изображений на древнерусских металлических актовых печатях X–XV вв.

ЧУПЫРА Тамара Владимировна (1935 г. рожд.) – художник. В ЛОИА/ИИМК с 1978 по 1994 г. в ЛКО.

ШАБАЛИНА Татьяна Леонидовна (1987 г. рожд.) – ведущий бухгалтер. В ИИМК с 2011 г.

ШАМПАЛ Юлия Фёдоровна (1962 г. рожд.) – машинистка. В ЛОИА с 1980 по 1984 г.

ШАПИРО Фёдор Борисович (1892–?) – зав. научно-хозяйственным снабжением. В ГАИМК/ИИМК с 1936 по 1939 г.

ШАРАФУТДИНОВА Эльза Самуиловна (1931 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица С. И. Капошиной и М. П. Грязнова. В ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК с 1954 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 1958 по 2006 г. в СЕСАК/ОСАК/ОАЦАК.

Специализация: бронзовый и железный века степной зоны Восточной Европы.

ШАРОВ Олег Васильевич (1960 г. рожд.) – археолог, д. и. н. В ИИМК с 2003 г. в ОИАК. С 1992 по 1998 г. издатель журнала «Петербургский археологический вестник», с 2008 г.

ответственный редактор номеров журнала «STRATUMplus», посвященных римскому времени и эпохе великого переселения народов.

Специализация: хронология памятников римского времени в Северном Причерноморье, черняховская культура, этнополитические процессы на Боспоре в первые века новой эры.

ШАРОВСКАЯ Тамара Алексеевна (1947 г. рожд.) – археолог. Ученица Г. Ф. Коробковой. В ЛОИА/ИИМК с 1973 г. в штате Саяно-Тувинской хоздоговорной экспедиции, с 1974 г. в ЛКО, с 1981 по 2013 г. в ЭТЛ.

Специализация: трасологическое изучение каменных, глиняных и костяных изделий эпохи энеолита, бронзового и раннего железного веков Центральной Азии и Северо-Западной России, железный век Южной Сибири.

ШАУБ Игорь Юрьевич (1951 г. рожд.) – историк, д. и. н. Ученик Ю. В. Андреева. В ЛОИА/ИИМК с 1974 г. в ГАА/ОИАК.

Специализация: духовная культура населения Северного Причерноморья в античную эпоху, греко-варварские взаимоотношения в религиозной сфере.

ШАФРАНОВА Марина Викторовна (1960 г. рожд.) – художник. В ЛОИА с 1981 по 1983 г. в штате Среднеенисейской хоздоговорной экспедиции.

ШАЯХМЕТОВА Лилия Гафиевна (1956 г. рожд.) – археолог. Ученица Т. Д. Белановской и Н. Н. Гуриной. В ЛОИА/ИИМК с 1980 г. в ЛКО, с 1993 по 2003 г. в СП/ОП.

Специализация: древности Кольского п-ова.

ШЕНШИНА Лидия Владимировна (1906–?) – секретарь РИЧ. В ГАИМК с 1933 по 1935 г.

ШЕР Михаил Абрамович (1901–1942) – искусствовед. В ГАИМК с 1934 по 1936 г., зав. складом изданий Академии. Погиб в блокадном Ленинграде.

Специализация: египтология.

ШЕР Яков Абрамович (1931 г. рожд.) – археолог, д. и. н. Ученик М. П. Грязнова. В ЛОИА с 1958 г. в аспирантуре, с 1961 г. в СЕСАК, с 1965 г. в ЛАТ, с 1967 по 1972 г. зав. ЛАТ. С 1975 по 1985 г. зав. Отделом музейной информатики ГЭ, с 1985 по 2012 г. проф. кафедры археологии в КемГУ.

Специализация: раннесредневековая археология Центральной Азии, проблема происхождения искусства, изучение петроглифов, статистико-комбинаторные методы в археологии.

ШИЛЕЙКО Владимир Казимирович (1891–1930) – ассириолог, поэт. В РАИМК с 1919 по 1927 г. зав. РАДВ. Проф. ЛГУ (1922). Член ИМАО.

Специализация: история и археология Шумера и Аккада, стихотворные переводы вавилонской литературы.

ШИЛИК Константин Константинович (1930 г. рожд.) – инженер-геофизик, канд. геогр. наук. В ЛОИА/ИИМК с 1962 по 1992 г. в ЛАТ. Эмигрировал в Германию.

Специализация: палеогеография и историческая география Северного Причерноморья.

ШИЛОВ Валентин Павлович (1917–1995) – археолог, к. и. н. Ученик М. И. Артамонова и Т. Н. Книпович. В ЛОИИМК/ЛОИА с 1946 г. в аспирантуре, с 1951 по 1971 г. и с 1976 по

1978 г. в СЕСАК, с 1971 по 1976 г. зав. ЛОИА, с 1978 г. в ИА. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды.

Специализация: бронзовый и железный века степной зоны Восточной Европы.

ШМИДТ Алексей Викторович (1894–1935) – археолог, востоковед, к. и. н. Ученик Б. А. Тураева. В ГАИМК с 1930 г. в САРФ, с 1932 г. в СДО, с 1934 г. в ИИДО. Доц. ЛГУ (1929). Член ОАИЭ при КГУ и общества изучения Башкирии.

Специализация: проблемы развития родового строя древних народов на севере и северо-востоке Европы, этногенез финно-угорских народов, искусство и религии древних народов Урала.

ШМИДТ Раиса Викторовна (1897–1942) – историк, к. и. н. Ученица С. С. Жебелёва, Б. Л. Богаевского и Б. В. Фармаковского. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК в 1921 г. в КИКП, с 1931 г. в САФ, с 1932 г. в САО, с 1934 г. в ИИРО, с 1937 по 1941 г. в СДП. С 1937 г. доц. ЛГУ. Погибла в блокадном Ленинграде.

Специализация: религия, культы и мифы Древней Греции, ремесло, сельское хозяйство и горное дело в античности, греческая колонизация.

ШМИТ Фёдор Иванович (1877–1937) – историк, музеевед, археолог, реставратор, теоретик и историк искусства. Ученик А. В. Прахова. В РАИМК/ГАИМК с 1919 г. (заочно), с 1925 г. в РАИИРИВ, с 1929 по 1930 г. зав. РСКЕПА, с 1930 г. в СФО, с 1932 по 1933 г. в СФО. Академик Всеукраинской АН (Киев) (1921–1924). Ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе (1908–1912). С 1935 по 1937 г. Консультант Государственного Музея искусств Узбекской ССР (1935–1937). Проф. Императорского Харьковского университета/ХГУ (1912–1921), проф. ЛГУ (1925). Директор ГИИИ (1924–1930). Член Болгарского археологического института и ГАИ. В 1921 г. был условно осужден Харьковским Чрезвычайным революционным трибуналом за подписание коллективного письма харьковских профессоров против красного террора. Репрессирован в 1933 г. и выслан вначале в г. Акмолинск (Казахская ССР), а затем в Ташкент. Вторично репрессирован в 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

Специализация: история и искусство античности, Византии, Древней Руси, Центральной Азии и средневековой Западной Европы, организация музейного дела.

ШРЕЙБЕР Готгард Августович (1870–?) – фотограф. В ГАИМК с 1936 по 1937 г. в ФЛ.

ШУВАЛОВ Петр Валерьевич (1963 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик А. А. Андреева и М. Б. Щукина. В ЛОИА/ИИМК с 1989 по 1998 г. в ГАА/ОИАК. С 1998 г. в СПбГУ.

Специализация: история и археология поздней античности и раннего средневековья, этнокультурные процессы на территории Днестро-Дунайского междуречья в середине I тыс. н. э.

ШУЛЬЦ Павел Николаевич (1900–1983) – археолог, искусствовед, к. и. н. Ученик Б. В. Фармаковского и О. Ф. Вальдгауера. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИА с 1926 г. в аспирантуре, с 1930 г. в САФ, с 1932 г. в САО, с 1934 по 1935 г. в ИИРО, с 1943 по 1944 г. ученый секретарь ИИМК (Москва), с 1966 по 1970 г. и с 1972 по 1974 г. в ГАА, с 1970 по 1971 г. зав. ГАА. Зав. отделом античной и средневековой археологии Крымского филиала ИАУ (1948–1966). Зав. античным сектором государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (1944–1948). Доц. ЛГУ (1935), с 1936 по 1941 г. в ЛИЖСА. ЛСП. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Славы III степени и Знак Почета.

Специализация: греческая колонизация, история античной техники, монументальная скульптура скифо-сарматского мира, тавро-скифы в предгорном Крыму.

ШУЛЯК Любовь Митрофановна (1896–1996) – архитектор-реставратор, одна из основателей новгородской школы реставрации. В РАИМК/ГАИМК с 1920 по 1930 г. – в РДЗ. С 1945 г. в Специальной научной проектно-реставрационной мастерской (Новгород). Член Союза архитекторов (1945). Почетный гражданин Новгорода (1987). ЛГП в области литературы и искусства «За возрождение городского ансамбля Великого Новгорода как результат восстановления и реставрации памятников архитектуры XII–XVII веков города и его окрестностей» (1996 г., посмертно). Награждена орденом Знак Почета (1967).

Специализация: реставрация памятников древнерусского зодчества Новгорода и его окрестностей.

ШУМКИН Владимир Яковлевич (1947 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученик Т. Д. Белановской и Н. Н. Гуриной. В ЛОИА/ИИМК с 1970 г. в штате хоздоговорных экспедиций, с 1973 г. в ЛКО, с 1985 г. в СП/ОП, глава неолитической группы ОП.

Специализация: древние культуры Кольского п-ова, наскальное искусство Фенноскандии.

ШУРГАЯ Игорь Георгиевич (1934–1982) – археолог, к. и. н. Ученик В. Ф. Гайдукевича. В ИИМК/ЛОИА с 1958 по 1971 г. и с 1975 по 1979 г. в ГАА, с 1971 по 1975 г. и с 1979 по 1982 г. зав. ГАА.

Специализация: античная археология Северного Причерноморья, история и археология Боспорского царства.

ЩАВИНСКИЙ Василий Александрович (1868–1925) – химик-технолог, искусствовед, реставратор картин, коллекционер. Ученик Г. Лунге и Ф. Тредвеля. В РАИМК с 1919 по 1925 г. в ИАТ. Член Германского Химического общества (1899). Трагически погиб.

Специализация: спектральный и химический анализ красок, техника древнерусской живописи, реставрация картин.

ЩЕГЛОВ Александр Николаевич (1933–2009) – археолог, к. и. н. Ученик П. Н. Шульца. В ЛОИА/ИИМК с 1968 по 2005 г. в ГАА/ОИАК. С 1991 по 2001 г. председатель Ленинградской/СПб группы ОПИ. Доц. СПбГУ.

Специализация: греческая колонизация Черного моря, греко-варварские взаимоотношения в Северном Причерноморье, историческая география и палеогеография Черного моря, методика археологических исследований.

ЩЕГЛОВА Ольга Алексеевна (1958 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица Е. А. Горюнова. В ЛОИА/ИИМК с 1980 г. в СЕСФА/ОСФА. Доц. СПбГУ.

Специализация: памятники ранних славян, ювелирное дело восточных славян в раннем средневековье.

ЩЁГОЛЕВ Павел Павлович (1903–1936) – историк, проф. В ГАИМК с 1932 г. в СФО, с 1934 г. в ИИФО. Доц. (1924), проф. (1934) ЛГУ. С 1935 г. зав. кафедрой истории средних веков ЛИФЛИ.

Специализация: история Тридцатилетней войны, история Французской революции.

ЩЕЛИНСКИЙ Вячеслав Евгеньевич (1939 г. рожд.) – археолог, д. и. н. В ЛОИА/ИИМК с 1968 г. в ЭТЛ, с 2006 г. зав. ЭТЛ.

Специализация: методика трасологических и экспериментальных исследований палеолитических артефактов, палеолит Кавказа, Юго-Восточной Европы и Урала.

ЩЕПКИН Вячеслав Николаевич (1863–1920) – славист, палеограф, д-р философии, проф. Ученик Н. С. Тихонравова, Ф. Ф. Фортунатова и Ф. Е. Корша. В РАИМК в 1920 г. в КИМ. Чл.-корр. ИСПБ АН (1913). С 1887 г. в Императорском Российском Историческом музее (Москва). Доц. (1900), проф. (1907) Московского университета.

Специализация: исследование миниатюр.

ЩЕРБАКОВ Иван Васильевич (1908–?) – историк, музеевед. В ИИМК с 1934 г. в аспирантуре, с 1938 г. в САТ, с 1940 г. зав. МКО. Погиб в Великую Отечественную войну.

ЩЕТЕНКО Анатолий Яковлевич (1937–2010) – археолог, к. и. н. Ученик В. М. Массона. В ЛОИА/ИИМК с 1960 г. в ЛКО, с 1962 г. в аспирантуре, с 1965 по 1972 г. и с 1992 по 2006 г. в СЕСАК/ОСАК/ОАЦАК, с 1972 по 1992 г. зав. ЛКО.

Специализация: энеолит и бронзовый век Центральной и Южной Азии, а также Среднего Востока.

ЭМЛЕР Надежда Бернардовна (1884–1942) – лаборант. В ИИМК с 1940 г. в СПН. Погибла в блокадном Ленинграде.

ЭНМАН Наталия Александровна (1889–1961) – ассистент. Ученица Ф. Ф. Зелинского и Б. В. Фармаковского. В РАИМК с 1919 по 1922 г. Впоследствии сотрудник музея С. М. Кирова.

Специализация: ионийская расписная керамика в Северном Причерноморье, история Березани.

ЭРЛИХ Рогнеда Леопольдовна (1899–1930) – арабист, переводчица. В РАИМК в 1921 г. в РАСА.

Специализация: просмотр в ГПБ рукописей коллекции Кауфмана, относящихся к Средней Азии, переводы арабских рукописей.

ЮШКОВА Мария Андреевна (1981 г. рожд.) – археолог, к. и. н. Ученица Е. Н. Носова. В ИИМК с 1999 г. в штате Новгородской экспедиции, с 2001 г. в ГАМ, с 2010 г. в ОСФА.

Специализация: бронзовый и ранний железный века юго-восточной части бассейна Финского залива.

ЯДОВА Марина Юзефовна (1951 г. рожд.) – археолог. В ЛОИА/ИИМК с 1972 по 1985 г. в штате хоздоговорных экспедиций, во второй половине 1980-х–начале 1990-х гг. работала по договорам. В 1996 г. эмигрировала в Израиль.

Специализация: железный век Южной Сибири.

ЯКОБСОН Анатолий Леопольдович (Лейбович) (1906–1984) – археолог, историк искусства и архитектуры, д. и. н. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА с 1930 г. в ИАТ, с 1931 г. в СФФ, с 1932 г. в СФО, с 1934 г. в ИИФО, с 1937 г. в СВЕДП, с 1939 по 1941 г. в СДРВЕДФП, с 1942 по 1944 г. в ИИМК (Москва), с мая по декабрь 1945 г. вр. исполнял обязанности ученого секретаря ЛОИИМК, с 1946 г. в СДР, с июня 1951 г. в СДП, с августа 1951 г. в ГАА, с 1966 г. зав. ГАА, с 1970 г. научный консультант.

Специализация: средневековая история и археология Крыма и Кавказа.

ЯКОВЛЕВА Любовь Михайловна (1983 г. рожд.) – археолог. Ученица Н. Н. Скакун. В ИИМК с 2008 по 2009 г. в ЭТЛ.

Специализация: технология изготовления керамики культуры Триполья.

ЯКУБОВСКИЙ Александр Юрьевич (1886–1953) – археолог, историк-востоковед, д. и. н. Ученик В. В. Бартольда. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК с 1925 г. в аспирантуре, с 1926 г. в РАСА, с 1930 г. в СФФ, возглавляя группу городов и ремесел Средней Азии эпохи феодализма и разложения феодализма, а также группу сельского хозяйства эпохи феодализма и разложения феодализма в Средней Азии, с 1932 г. в СФО, с 1934 г. в ИИФО, с 1937 г. в СЕСА, с 1938 г. член КПИИОП, с 1938 г. в СЕСЦА, с 1940 по 1941 г. зав. СЕЦА, в 1941 г. откомандирован в Узбекский филиал АН СССР, с осени 1942 по 1944 г. возглавлял Сектор археологии Востока (ТГИИМК), с 1945 по 1951 г. руководитель СЕСЦА, с 1951 по 1953 г. зав. СЕСАК. Чл.-корр. АН СССР (1943), академик АН Таджикской ССР (1951). С 1928 г. зав. Среднеазиатским отделом ГЭ. Проф. ЛГУ (1935). ЗДН Таджикской ССР (1946) и Узбекской ССР (1943). Награжден орденами Ленина (1945), Трудового Красного Знамени (дважды) (1946) и Знак Почета (1944), а также иранским «Орденом науки» II степени.

Специализация: археология, история и культура народов Центральной Азии и Среднего Востока в эпоху средневековья.

ЯКУШКИН Олег Михайлович (1961 г. рожд.) – лаборант. В ЛОИА с 1983 по 1989 г. в ЛКО.

ЯНВАРЁВ Матвей Николаевич (1868–?) – фотограф. В РАИМК в 1919 г. зав. ФЛ.

НЕ НАУКОЙ ЕДИНОЙ

Н. В. Хвощинская

Здоровый смех и тонкая ирония – черты, присущие талантливому творческому коллективу. Не является исключением в данном случае и ИИМКовское сообщество. Пришедшие в начале 1970-х гг. в ЛОИА молодые сотрудники, которые сейчас составляют костяк Института, хорошо помнят Тamarу Борисовну Томес – заведующую Фотоархивом. Являясь по природе необычайно остроумным и язвительным человеком, легко находившим повод для иронии, она была инициатором многих юмористических забав, оживлявших научную жизнь коллектива. Задолго до Нового года в архиве начинался сбор репродукций картин из различных журналов, главным образом из «Огонька», а затем перед самым праздником обыгрывались события, произошедшие в Институте. На «злобу дня» подбирались репродукции с соответствующими сюжетами, и вместо лиц (или морд, если это были животные) героев известных сказок и хорошо знакомых картин вклеивались фотографии сотрудников. Все было ясно без комментариев. Т. Б. Томес помогала Эллина Семёновна Доманская, а фотографии печатали в фотолаборатории, которую возглавляла не менее колоритная фигура – Мариам Гедеоновна Агаронян (в институтском быту – Маро), на острый язык которой лучше было не попадаться.

Т. В. Томес и Э. С. Доманская привлекали молодежь и для выступлений. Помню, перед каким-то собранием мы изображали младшую группу детского сада. Эллина Семёновна в качестве воспитательницы, неся в руках ночной горшок, выводила нас в коротких штанишках и юбочках с бантиками в Дубовый зал. Мы же читали стих на тему «Кроха сын в профком пришел...». Сейчас это стихотворение уже потеряло свой былой смысл и остроту.

Каждый на себе ощущает, как быстро летят годы. Промелькнули 1980-е, наступили «лихие» 1990-е. С одной стороны, они принесли политическую оттепель и надежду на либеральные реформы, с другой – неразбериху в научном финансировании, а как следствие – разобщенность коллектива. В советское время мы все работали только в Институте (лишь редко преподавали по совместительству), коллектив объединяли нескончаемые собрания: партийные, комсомольские, профсоюзные, методические семинары, единые политдни, расширенные заседания Ученого совета и т. д. И наконец, выполняя разнарядки райкома партии, совершались регулярные, как правило, веселые и дружные поездки на овощебазу и в совхоз. Ударно работали до обеда, после чего все заканчивалось неформальным общением и отъездом домой с чувством выполненного долга. Любой новый молодой человек в Институте достаточно быстро вливался в коллектив и, главное, был всеми замечен.

В 1990-е гг. прервалась связь времен. При отсутствии стабильного финансирования и мизерной зарплате жизнь заставляла думать каждого о себе. Коридоры Института застывали. Многие сотрудники искали дополнительные заработки в разных местах, появляясь в стенах учреждения только на заседаниях. Если раньше в присутственные дни невозможно было найти место в библиотеке, то теперь она опустела.

В этих непростых условиях по инициативе Е. Н. Носова было решено возродить традиционные капустники и дружеские «чаепития» после общего собрания коллектива по подведению итогов работ перед Новым годом, а также в конце апреля – в учрежденный им День Института. Е. Н. Носов сам принимал активное участие в написании стихотворных текстов для этих вечеров. Талантливым автором многих произведений стала Е. В. Беляева, которую вдохновлял советами наш археологический патриарх В. П. Любин. Часть острых стихотворных юморесок была написана Н. В. Головачёвой. Постоянными ведущими институтских капустников являлись Л. М. Всевиов и Н. Д. Бурова. Многие сотрудники с удовольствием и активно принимали участие в представлениях. Эти неформальные встречи сыграли свою роль в общем настрое коллектива. Особенно приятно вспоминать, что они доставляли неподдельное удовольствие людям старшего поколения, пережившим вместе с Институтом непростые времена.

Сценарии капустников этих лет, которые в единое целое приходилось компоновать мне, со временем устарели, потеряли актуальность, так как создавались на «злобу дня» по случаю конкретных событий жизни Института. Написанные с конца 1990-х и в 2000-е гг. тексты различных сценариев, юморесок, загадок, песен и стихов по объему представляют хороший том «Трудов ИИМК». И это одна из страниц жизни и истории Института, о которой и хотелось упомянуть, заканчивая эту книгу.

Отдельные тексты капустников возрождают приятные воспоминания и представляют определенный исторический интерес и сейчас, по крайней мере для сотрудников ИИМК. В заключение нам хотелось бы воспроизвести подборку нескольких текстов из нашего архива.

Под елочкой лохматою

Под елочкой лохматою
Великий Пётр стоит,
Глядит на место ровное
И гордо говорит:

«Минует двести с лишним лет,
Хоромы встанут тут,
В них сядут археологи –
Веселый Институт».

Минуло двести с лишним лет,
И вот пришла пора –
Исполнились вещания
Великого Петра.

В хоромах Штакеншнейдера
Мы хорошо живем:
Зимой мы моем косточки
И весело поем.

Настанет лето жаркое,
И мы во всех краях
Воссоздаем историю
С лопатою в руках.

И пусть себе карбонщики
Кричат, что нет нас тут,
Но жил, живет и будет жить
Наш славный Институт!
(1960 г., автор неизвестен)

Из истории...

Послушайте, ребята,
Где правда здесь, где бред:
Стыжусь я плагиата,
Но ведь порядка нет!

Не знаю, может, враки,
Кто прав тут, кто не прав –
Порядок был в ИАКе!
И всеми правил граф.

Но вот ИАК не стало,
Порвалась связь времен.
В ГАИМКе все ж хватало
Блистательных имен.

Хотя уже зловерный
Меж них пошел угар,
Однако, худо бедно,
Справлялся с ними Марр.

Почивши вскоре с миром,
Оставил Марр дела,
И в учреждение сиром
Хованщина пошла.

Страна отвоевала,
Волненья улеглись,
Могли б начать сначала,
Да в кресло сел Борис.

Наукой увлеченный,
Иероглифов знаток.
Он был большой ученый,
Но либерал чуток.

Иным того и надо:
Развязка не нова –
И разбрелось все стадо
Кто в лес, кто по дрова.

Борису горя нету,
Он знал порядок наш –
Велел запрячь карету
И править в Эрмитаж.

Беспечного член-корра
Немедленно сменил,
За дело взялся скоро
Профессор Михаил.

Он был не хром на разум
(что скуп, так ничего),
Такой порядок разом
Навел, что ого-го.

Немного и немало
Он твердою рукой
Княжил, а сил не стало –
Сам вышел на покой.

Достичь бы всем тогда нам
Сияющих вершин,
Да сел к нам атаманом
Блаженный Валентин.

О шиловских повадках
Шушукались тайком,
А от его порядков
Остолбенел Обком.

Тогда за атамана
Вступился Рыбаков.
Тот быстро чемоданы
Собрал – и был таков.

Поеживаясь знобко,
Народ повеселел.
Но тут Василий робко
На трона край присел.

Побаловаться властью,
Как все, он был бы рад,
Но ждал нас, может к счастью,
Уже матриархат.

Что ж видим мы в натуре
Спустя немного лет?
Отчеты все в ажуре,
Порядка ж нет как нет!

Находки, став обузой,
Пылятся по шкафам,
Правы, видать, французы,
Насчет *cherchez la femme*.

Мельчают аспиранты,
Ученый спит Совет,
Стареют лаборанты...
А нам и горя нет!

Ходить и ныне склизко
По камешкам иным.
И мы о том, что близко,
Как прежде, помолчим.
(1988 г. Н. В. Головачёва)

Наш ИИМК – заповедный лесок

То *Берёзкин*, то *Рябинин*, Институт сплошной лесок,
То *Синицыных* гнездовье, то *Сорокин* голосок.

Ищет червяков *Щеглова*, ловит бабочек *Щеглов*,
Утро яркими лучами вылезает из углов.

Чайкины собрались парой, обсуждая новый день,
Лебедева, пролетая, от крыла бросает тень.

Рысин рывкнет, прыгнув с елки, и *Лисицына* спугнет,
А Медведева под веткой, может, *Зайцеву* найдет.

Егорьков с ружьишком бродит, охраняя всех покой,
С пастбища *Козлов* уходит напрямиком на водопой.

Скакуна выводят в поле начинать эксперимент,
Соколова наблюдает столь ответственный момент.

Тихо плавает *Ершова*, наглотавшись мотыля,
В ивняке, уставши за ночь, *Соловьёвой* спит семья.

Как прекрасна мать Россия, что ни край – одни леса,
В живности ее величье и нетленная краса.

(1999 г. Е. Н. Носов)

Загадки

Многих лавров удостоен, он науки мудрый воин,
Схемы сложные сплетет, что порой не всяк поймет.
Человек такой большой, пьет чай с Туркменбашой,
Никого не клонит в сон, коли речь ведет.....(**Массон**)

Представитель двух столиц,
Псковских мест приятель светский,
Ганнибаловых девиц
Обнимает князь.....(**Белецкий**)

Как бы денежки достать, не хотите ли узнать?
Приезжайте к нам в село, где дорожки замело,
Из-за ладожских наличников
Хитро подмигнет.....(Кирпичников)

Много шума, много дыма,
Стучит сердце горячо,
За идею вечно бьется
Энергичная.....(Кирчо)

Япончик чит,
Сам сибирских размахов,
Со свистом прокатит
Любезный.....(Астахов)

Вот бы жить нам по планкарте,
Получать без дураков,
Всем по выписке составит
Хитромудрый.....(Кулаков)

Первобытное искусство, звезды, бабы и вода,
Обнаженная натура, первозданная среда,
Вы не найдете липового
В творениях.....(Филиппова)
(2003 г. Е. В. Беляева и Е. Н. Носов)

Новогодняя

Эта лучшая елка из елок –
Под ИИМКовской крышей родной.
Так гляди ж веселей, археолог, –
Не забыто профкомом вино.

Пусть падут на сегодня вериги
Вечных дел и неделанных книг!
Про отчеты, статьи и интриги
Позабудем хотя бы на миг.

Верьте только хорошим приметам,
Все плохое сдавайте в музей.
Новый год – значит, новое лето,
С новой встречей старых друзей.

Пустим песни и тосты по кругу –
Покидать ты его не спеши...
Пожелаем все вместе друг другу
То, что хочется нам от души.

Не зарыть ненароком таланты
И открыть все, что надо найти,
И чтоб сыпались новые гранты,
Как сегодня летят конфетти!

Чтоб реформам назло и невзгодам
Нам вот так собираться не раз...
С Новым годом, друзья, с Новым годом!
Пусть он будет счастливым для нас.
(2005 г. Е. В. Беляева)

Традиция капустников жива и сегодня. Инициативу в свои руки взяло среднее поколение ИИМКовцев. Смех и добрая ирония – залог жизнеспособности и сплоченности коллектива. Мы верим, что вместе мы переживем все нынешние невзгоды. И как поется в одной из наших новогодних песен:

«Но жил, живет и будет жить наш славный Институт!».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА	– Академия архитектуры.
АВ	– Археологические вести. СПб.; М.
АИЧПЕ	– Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы. Л.; М.
АН	– Академия наук.
АРЭМ	– Архив Российского Этнографического музея. СПб.
АССР	– Автономная Советская Социалистическая Республика.
БАН	– Библиотека Академии наук. Л./СПб.
БИ	– Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БНЦ	– Башкирский научный центр АН СССР.
БОА	– Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). СПб.
БС	– Балтийская система.
ВГО	– Всесоюзное географическое общество.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВДНХ	– Выставка достижений народного хозяйства СССР. М.
ВКП(б)	– Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
ВО	– Восточное отделение.
ВОКН	– выявленный объект культурного наследия.
ВПС	– Всероссийский Поместный собор.
вр.	– временно.
ВСЕГЕИ	– Всероссийский геологический институт. Л./СПб.
ВХУТЕМАС	– Высшие государственные художественно-технические мастерские. Пг.; М.
ВЦИК	– Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.
ВЧК	– Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР.
ГАА	– Группа античной археологии ЛОИА АН СССР.
ГАИ	– Германский Археологический институт. Берлин.
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
ГАМ	– Группа археологического мониторинга ИИМК РАН.
ГЕОХИ	– Институт геохимии им. В. И. Вернадского. М.
ГИИИ	– Государственный институт истории искусств. Л.
ГИМ	– Государственный Исторический музей. М.
ГИН	– Геологический институт. М.
ГИОП	– Государственная инспекция по охране памятников. Л.
ГМЭ	– Государственный музей этнографии народов СССР. Л.
ГОА	– Группа охранной археологии ИИМК РАН.
ГПБ	– Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л.

ГРМ	– Государственный Русский музей. Л./СПб.
ГСЛРА	– Группа славяно-русской археологии ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР.
ГСТ	– Герой Социалистического Труда.
ГХЭ	– Группа хоздоговорных экспедиций ЛОИА АН СССР.
ГЦА	– Группа цифровой археологии ИИМК РАН.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж. Л./СПб.
ГЭС	– гидроэлектростанция.
д. и. н.	– доктор исторических наук.
доц.	– доцент.
д-р	– доктор.
ЕГИИМК	– Елабужская группа ИИМК.
ед. хр.	– единица хранения.
ЕРАНО	– Ежегодник Русского антропологического общества. СПб./Пг.
зав.	– заведующий (ая).
зам.	– заместитель.
ЗДИ	– Заслуженный деятель искусств.
ЗДН	– Заслуженный деятель науки.
ЗИИМК	– Записки ИИМК РАН. СПб.
ЗИН	– Зоологический институт. Л./СПб.
ЗОРСА	– Записки Отделения русской и славянской археологии РАО. СПб.
ИА	– Институт археологии АН СССР/РАН. М.
ИА АН УССР	– Институт археологии АН УССР. Киев.
ИАК	– Императорская Археологическая комиссия. СПб./Пг.
ИАТ	– Институт археологической технологии ГАИМК.
ИАУ	– Институт археологии АН Украинской ССР/НАН Украины. Киев.
ИАХ	– Императорская Академия художеств. СПб./Пг.
ИААЭ/ИАЭ	– Институт антропологии, археологии и этнографии/Институт антропологии и этнографии АН СССР. Л.; М.
ИАЭТ	– Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск.
ИВ	– Институт востоковедения АН СССР/РАН. М.
ИВР	– Институт Восточных рукописей РАН. СПб.
ИГАИМК	– Известия ГАИМК. Л.
ИГАН	– Институт географии. АН СССР/РАН. М.
ИГГД	Института геологии и геохронологии докембрия. Л./СПб.
ИГОС	Институт геохимии окружающей среды. Киев.
ИИ	– Институт истории АН СССР. М.
ИИДО	– Институт истории доклассового общества ГАИМК.
ИИМК	– Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН. Л./СПб.
ИИРО	– Институт истории рабовладельческого общества ГАИМК.
ИИТ	– Институт исторической технологии ГАИМК.
ИИФО	– Институт истории феодального общества ГАИМК.
ИИФФ	– Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. Новосибирск.
ИКС	– История кочевого скотоводства.
ИКУ	– Императорский Казанский университет.
ИЛИ РАН	– Институт лингвистических исследований РАН. СПб.

ИМАО	– Императорское Московское Археологическое общество.
и. о.	– исполняющий обязанности.
ИППО	– Императорское Православное Палестинское общество. СПб./Пг.
ИПУ	– Императорский Петроградский университет.
ИРАИМК	– Известия РАИМК. Пг./Л.
ИРАО	– Императорское Русское археологическое общество. СПб./Пг.
ИРВИО	– Императорское Русское военно-историческое общество. СПб./Пг.
ИРГО	– Императорское Русское географическое общество. СПб./Пг.
ИС	– Институт славяноведения АН СССР. М.
ИСПб АН	– Императорская Санкт-Петербургская Академия наук.
ИСПбУ	– Императорский Санкт-Петербургский университет.
ИТЛ	– Исправительно-трудовой лагерь.
ИЭ	– Институт этнографии АН СССР. М.
ИЭОПР	– Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. Новосибирск.
ИЯ РАН	– Институт языкознания РАН. М.
ИЯМ	– Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра. Л.
канд.	– кандидат.
КГИОП	– Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства Санкт-Петербурга.
КГУ	– Казанский государственный университет.
КД	– Каракумские древности. Ашхабад.
КемГУ	– Кемеровский государственный университет.
к. и. н.	– кандидат исторических наук.
КИДЖ	– Комитет по изучению древнерусской живописи.
КИКП	– Комиссия по изучению карт и путей РАИМК/ГАИМК.
КИМ	– Комиссия по изучению миниатюр РАИМК/ГАИМК.
ККИХТ	– Комиссия комплексного изучения художественного творчества при Научном совете по истории мировой культуры АН СССР. Л.
КПИИОП	– Комитет полевых исследований и охраны памятников ИИМК АН СССР. Л.
КРН	– Комитет по работам ГАИМК на новостройках.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.; Л.
КСИИМК	– Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М.; Л.
КУОПП	– Комиссия по учету и охране палеоэтнологических памятников РАИМК/ГАИМК.
ЛАТ	– Лаборатория археологической технологии.
ЛГИ	– Ленинградский горный институт.
ЛГПИ	– Лауреат Государственной премии.
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет.
ЛИЖСА	– Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры (с 1944 г. им. И. Е. Репина).
ЛИЛИ/ (ЛГИЛИ)/	– Ленинградский (государственный) историко-лингвистический институт/ Ленинградский историко-философско-лингвистический институт
ЛИФЛИ	(Ленинградский институт истории, философии и лингвистики).
ЛКО	– Лаборатория камеральной обработки ЛОИА АН СССР.

ЛНЦ	– Ленинградский научный центр АН СССР.
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
ЛОИВ	– Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.
ЛОИИ	– Ленинградское отделение Института истории АН СССР.
ЛОИИМК	– Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР.
ЛОИЭ	– Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР.
ЛОМО	– Ленинградское оптико-механическое объединение.
ЛПедИ	– Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена.
ЛПИ	– Ленинградский политехнический институт.
ЛПК	– Лауреат премии им. А. П. Карпинского.
ЛСП	– Лауреат Сталинской премии.
ЛХТИ	– Ленинградский химико-технологический институт.
ЛЭТИ	– Ленинградский электротехнический институт.
МАЭ (К)	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Л./СПб.
МГБ	– Министерство государственной безопасности СССР.
МГУ	– Московский государственный университет.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МКО	– Мастерская камеральной обработки ГАИМК/ИИМК АН СССР.
МОГАИМК	– Московское отделение ГАИМК.
МОИИМК	– Московское отделение ИИМК АН СССР.
МОРАИМК	– Московское отделение РАИМК.
НА	– Научный архив ИИМК РАН.
НАН	– Национальная Академия наук.
НИИКСИ	– Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований. СПб.
НИК	– Научно-исследовательский кабинет.
НКВД	– Народный Комиссариат внутренних дел СССР.
ННЗИА	– Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород.
НОЛД	– Новгородское общество любителей древности.
НП СЗНИИ	– Некоммерческое партнерство Северо-западного научно-исследовательского института культурного и природного наследия. СПб.
НСИМК	– Научный совет по изучению мировой культуры АН СССР.
НТО	– научно-техническая обработка.
ОАИЭ	– Общество археологии, истории и этнографии при КГУ.
ОАЦАК	– Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН.
ОГПУ	– Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР.
ОДИ	– Отдел древнерусского искусства ГРМ.
ОИАК	– Отдел истории античной культуры ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН.
ОИПК	– Отдел истории первобытной культуры ГЭ.
ОИФ	– Отделение истории и философии АН СССР.
ОИФН	– Отделение историко-филологических наук РАН.
ОКН	– объект культурного наследия.

ОЛЕАЭ	– Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.
ООА	– Отдел охранной археологии ИИМК РАН.
ООИД	– Одесское общество истории и древностей.
ОП	– Отдел палеолита ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН.
ОПИ	– Отдел полевых исследований.
ОСАК	– Отдел Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН.
ОСФА	– Отдел славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН.
ОЭС	– оптико-эмиссионная спектрография.
ПАИ	– Петербургский (Петроградский) археологический институт. Пг.
ПАН	– Польская Академия наук.
ПГУ	– Петроградский государственный университет.
ПИДО	– Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
ПИМК	– Проблемы истории материальной культуры. Л.
ПКИЮР	– Постоянная Комиссия по изучению юга России РАИМК/ГАИМК.
ПКНГ	– Постоянная Комиссия по нумизматике и глиптике РАИМК/ГАИМК.
РА	– Рукописный архив.
РАДВ	– Разряд археологии Древнего Востока РАИМК/ГАИМК.
РАЕ	– Российский археологический ежегодник. СПб.
РАИАГ	– Разряд археологии и искусства Армении и Грузии РАИМК/ГАИМК.
РАИИДВ	– Разряд археологии и искусства Индии и Дальнего Востока РАИМК.
РАИИРИВ	– Разряд археологии и искусства раннехристианского и византийского РАИМК/ГАИМК.
РАИМК	– Российская Академия истории материальной культуры. Пг./Л.
РАН	– Российская Академия наук.
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
РАО	– Русское археологическое общество. СПб.
РАР	– Разряд археологии русской РАИМК/ГАИМК.
РАСА	– Разряд археологии Средней Азии РАИМК/ГАИМК.
РАСЗЭВ	– Разряд археологии средневекового Запада и эпохи Возрождения РАИМК/ГАИМК.
РГАК	– Российская государственная археологическая комиссия. Пг.
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории. М.
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд. М.
РГРИ	– Разряд греко-римского искусства РАИМК/ГАИМК.
РДГКЮР	– Разряд древностей греческих колоний юга России РАИМК.
РДЗ	– Разряд древнерусского зодчества РАИМК/ГАИМК.
РДКК	– Разряд древнейших культур Кавказа ГАИМК.
РДККИАМ	– Разряд древних культур Кавказа и яфетического мира РАИМК/ГАИМК.
РДКС	– Разряд древних культур Средиземноморья ГАИМК.
РДРИИСН	– Разряд древнерусского искусства и искусства славянских народов РАИМК/ГАИМК.
РИАН	– Радиевый институт им. В. Г. Хлопина. Л./СПб.
РИЧ	– Редакционно-издательская часть ГАИМК/ИИМК АН СССР.
РКИСВА	– Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии. СПб.

РККА	– Рабоче-крестьянская Красная Армия.
РМ	– Реставрационная мастерская РАИМК/ГАИМК.
РО	– Рукописный отдел.
РП	– Разряд палеоэтнологии РАИМК/ГАИМК.
РПЦ	– Русская Православная Церковь.
РРЖ	– Разряд русской живописи РАИМК/ГАИМК.
РРК	– Разряд русской культуры ГАИМК.
РРМК	– Разряд раннеметаллических культур ГАИМК.
РСДРП(б)	– Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков).
РСИС	– Разряд Скифии и Сарматии РАИМК/ГАИМК.
РСКЕПА	– Разряд средневековых культур Европы и Передней Азии ГАИМК.
РСККИ	– Разряд средневековых культур Кавказа и Ирана ГАИМК.
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая республика.
РФ	– Российская Федерация.
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований. М.
РЭ	– Разряд этнографии ГАИМК.
РЭМ	– Российский этнографический музей. СПб.
РЯ	– Разряд языка.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.; Л.
САМ	– Сектор античного мира ИИМК АН СССР.
САО	– Сектор античного общества ГАИМК.
САРФ	– Сектор архаических формаций ГАИМК.
САТ	– Сектор археологической технологии ИИМК АН СССР.
САФ	– Сектор античных формаций ГАИМК.
СБРЖ	– Сектор бронзы и раннего железа ИИМК АН СССР.
СВЕДП	– Сектор Восточной Европы дофеодального периода ИИМК АН СССР.
СГАИМК	– Сообщения ГАИМК. Л.
СГК	– Секция генетики культуры ГАИМК.
СГМИИ	– Сообщения государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
СДЕ	– Сектор дофеодальной Европы ИИМК АН СССР.
СДКПСА	– Сектор Древнего Кавказа, Передней и Средней Азии ИИМК АН СССР.
СДО	– Сектор доклассового общества ГАИМК.
СДП	– Сектор Древнего Причерноморья ИИМК АН СССР.
СДР	– Сектор Древней Руси ИИМК АН СССР.
СДРВЕ	– Сектор Древней Руси и Восточной Европы ИИМК АН СССР.
СДРВЕДФП	– Сектор Древней Руси и Восточной Европы дофеодального и феодального периода ИИМК АН СССР.
СЕСА	– Сектор Средней Азии ИИМК АН СССР.
СЕСАК	– Сектор Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР.
СЕСФА	– Сектор славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР.
СЕСЦА	– Сектор Средней и Центральной Азии ИИМК АН СССР.
СЕЦА	– Сектор Центральной Азии ИИМК АН СССР.
СЗПИ	– Северо-западный политехнический институт. Л.

СК	– Сектор Кавказа ИИМК АН СССР.
СНК	– Совет народных комиссаров.
СО	– Сибирское отделение.
СОА	– Секция общей архитектуры ГАИМК.
СОЙКЭ	– Советско-Йеменская комплексная экспедиция.
СП	– Сектор палеолита ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР.
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет.
СПбНЦ	– Санкт-Петербургский научный центр РАН.
СПбФИВ	– Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН.
СПбХТУ	– Санкт-Петербургский химико-технологический университет.
СПИ	– Сектор полевых исследований ГАИМК.
СПН	– Сектор палеолита и неолита ИИМК АН СССР.
СПФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.
СССР	– Союз Советских Социалистических республик.
СФО	– Сектор феодального общества ГАИМК.
СФР	– Сектор феодальной Руси ИИМК АН СССР.
СФФ	– Сектор феодальных формаций ГАИМК.
СХ	– Союз художников СССР.
ТГИИМК	– Ташкентская группа ИИМК.
ТГУ	– Томский государственный университет.
ТИГИ	– Тувинский институт гуманитарных исследований при правительстве Республики Тыва. Кызыл.
ТУАК	– Таврическая ученая архивная комиссия. Симферополь.
УзФАН	– Узбекский филиал АН СССР.
Усольлаг	– Усольский исправительно-трудовой лагерь (бывш. Молотовская обл.).
УССР	– Украинская Советская Социалистическая Республика.
ФА	– Фотоархив.
ФЛ	– Фотолаборатория.
ФО	– Фотографический отдел.
ФОН	– Факультет общественных наук ПГУ/ЛГУ.
ФТИ	– Физико-технологический Институт им. А. Ф. Иоффе. Л./СПб.
ФТИИ	– Факультет теории и истории искусства Академии художеств.
ФЭУ	– фотоэлектронный умножитель.
ХГУ	– Харьковский государственный университет.
ЦК КПСС	– Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза.
чл.-корр.	– член-корреспондент.
ЭК	– Эгейская комиссия (Комиссия по изучению искусства и археологии эгейского периода в бассейне Средиземного моря и в прилегающих странах) при РГРИ.
ЭО	– Этнографический Отдел ГРМ.
ЭТЛ	– Экспериментально-трасологическая лаборатория ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН.
ЮИМК	– Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.
ЮНЕСКО (UNESCO)	– Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization).

ЯИ	– Яфетический институт. Пг./Л.
Ямфак	– Факультет языкознания и материальной культуры ЛГУ.
BAR	– British Archaeological Reports. Oxford.
ИИМЦ	– Institute for the History of Material Culture.
INTAS	– The International Association for the Promotion of Co-operation with Scientists from the New Independent States of the Former Soviet Union.
JAS	– Journal of Archaeological Science.
LBIA AS USSR	– Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR.
LBIИМЦ AS USSR	– Leningrad Branch of the Institute for the History of Material Culture of the Academy of Sciences of the USSR.
NATO	– North Atlantic Treaty Organization.
РАИМЦ	– Russian Academy for the History of Material Culture.
RAS	– Russian Academy of Sciences.
САИМЦ	– State Academy for the History of Material Culture.

Научное издание

**Академическая археология на берегах Невы
(от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.)**

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» книга
предназначена «для детей старше 16 лет»
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-000-5-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано в печать 14.10.13. Формат 60×84 ¹/₈.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 41. Усл.-печ. л. 105,84.
Тираж 700 экз. Заказ 3044

Печать с готового оригинал-макета
Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

Заказы присылать по адресу:
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
<http://www.dbulanin.ru>